

— ✂ — T I M — ✂ —
P O W E R S

THE STRESS OF HER REGARD

Еще одна книга как и Врата Аноубиса написанная в жанре альтернативной или крипто истории, истории, где события хорошо нам известные тесным образом переплетаются с вещами, ускользающими от нашего взгляда. Где величайшие поэты всех времен занимают свое вдохновение у вампиров и ламий, иссушающих их и взимающих за свою заботу кровавую плату. Где хирург Майкл Кроуфорд едет на свою свадьбу и еще не знает о той роли, которую ему суждено сыграть в жизни великих поэтов. Где над всем старым светом огромной мрачной тенью реет австрийская империя Габсбургов. А с высоты на всю эту мышиную возню молчаливо взирают вечные горы.

Тим Пауэрс ГНЕТ ЕЕ ЗАБОТЫ

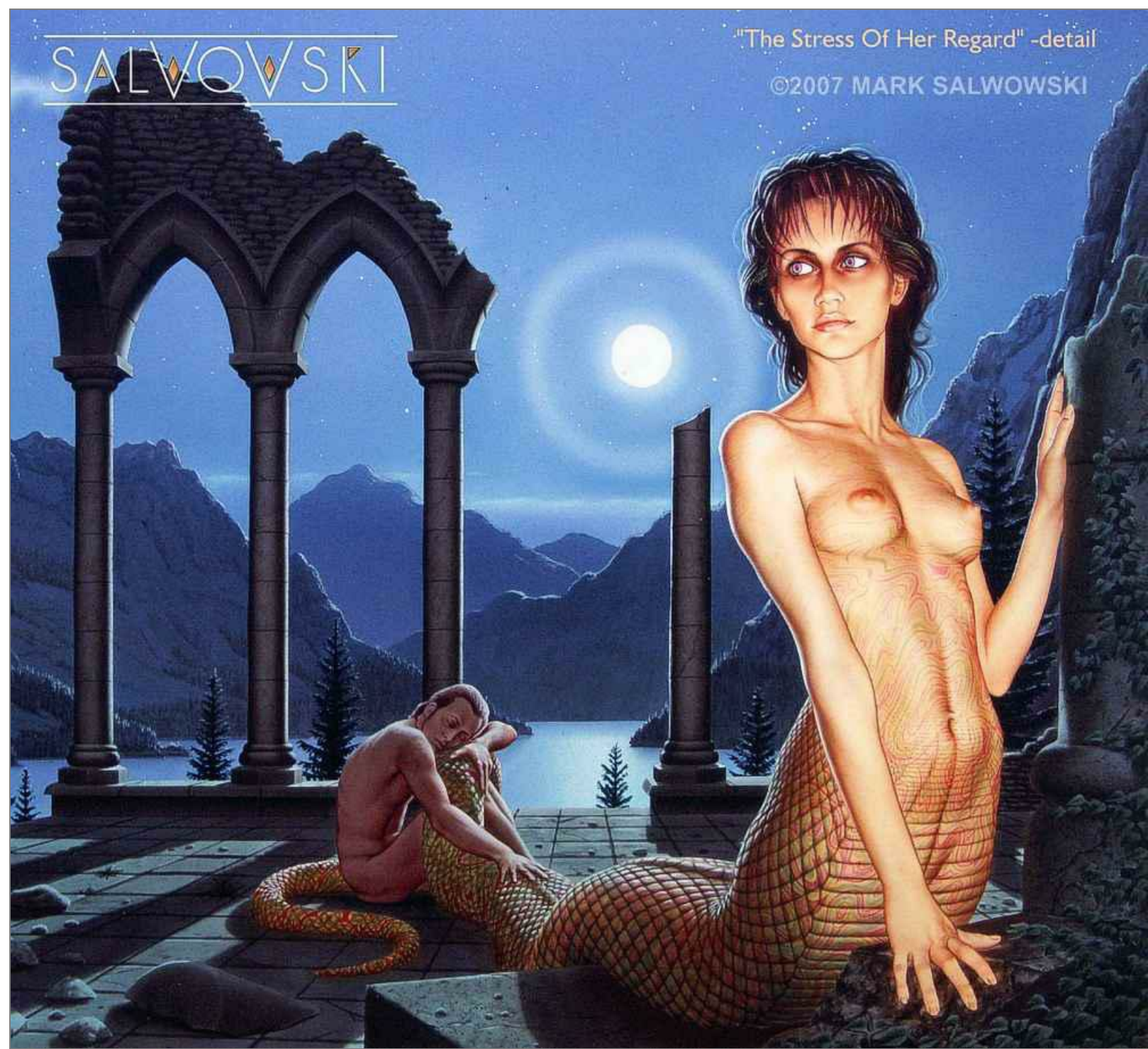
**Tim Powers
THE STRESS OF HER REGARD**

Перевод:Старина Ёж

SALWOWSKI

"The Stress Of Her Regard" -detail

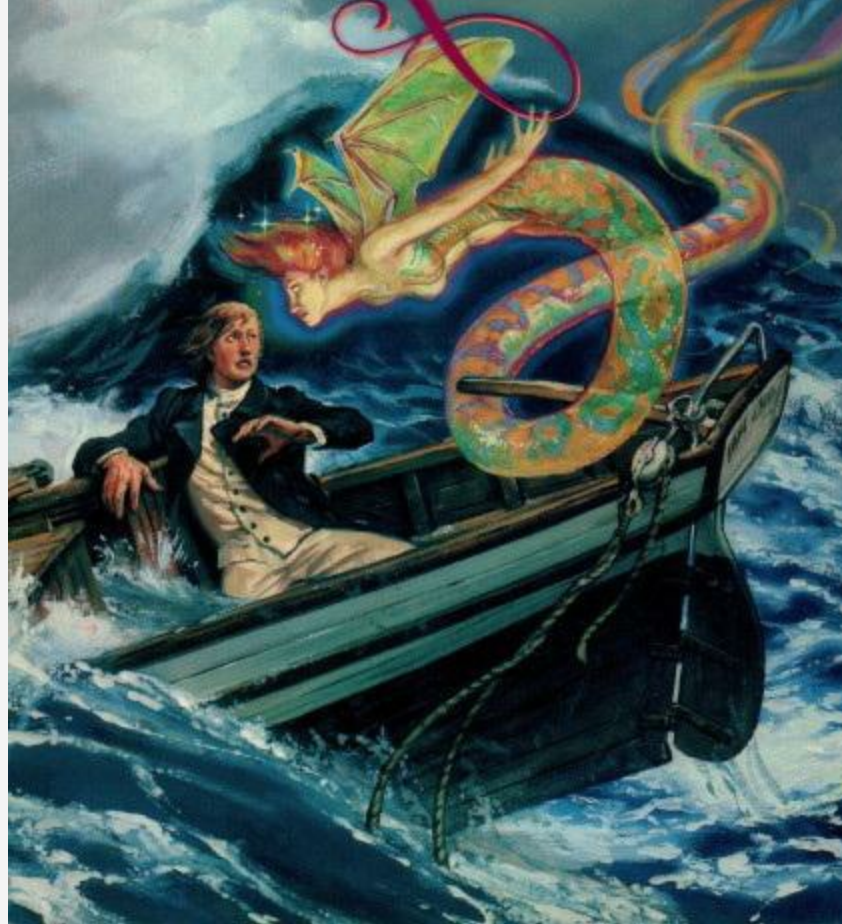
©2007 MARK SALWOWSKI

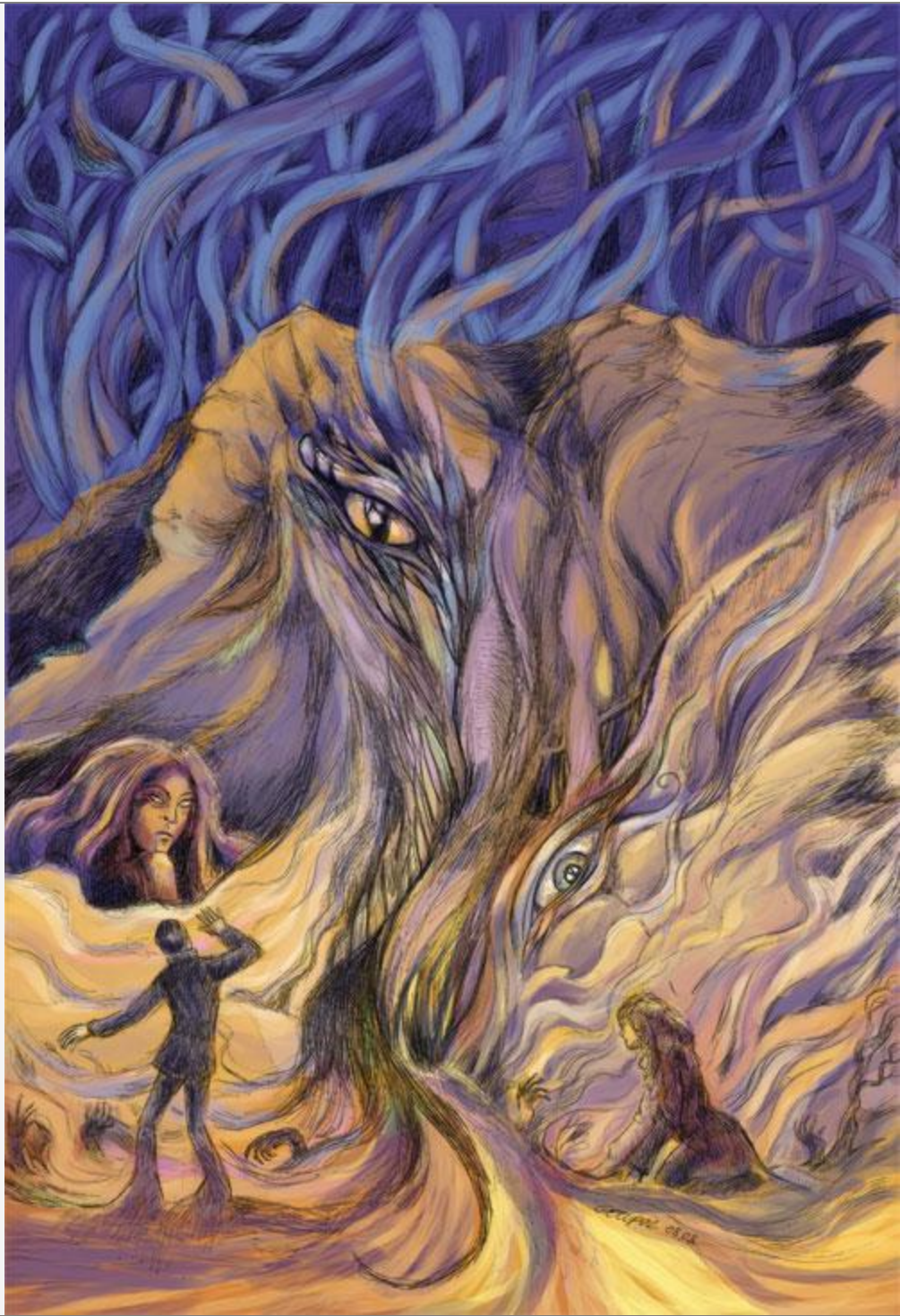

TIM POWERS

Winner of the Philip K. Dick Memorial Award

THE STRESS OF HER REGARD

ПУСТОСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

К черту все! Берись и делай!

— Ричард Брэнсон

Благодарю мою жену за чтение пилотной версии книги и ценные замечания по поводу различных «трапезоугольников». Ее стараниями некоторые слова в книге написаны не так, как они мне нравились, а так, как они должны писаться по правилам великого и могучего русского языка. Ныне, и присно, и во веки веков, Аминь! Так что ввести в обиход пару десятков новых слов мне, похоже, не суждено. И если где-нибудь дальше по тексту запятые стоят на положенных им местах, это также во многом ее заслуга.

Давным-давно, несколько лет назад, мое знакомство с английским языком сводилось к фразе: «How do you do? Yes, I do!»

Приступая к переводу этой книги, я преследовал две благородные цели:

- хоть немного разобраться в хитросплетениях английского языка;
- почитать Тима Пауэрса, так как новых переводов от мэтров своего дела, похоже, ожидать не приходится.

Данный перевод — мое личное достижение на этом поприще. Не больше, не меньше.

Так что «не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет!»

Старина Ёж

P.S.

В книге много сносок, в том числе переводные и оригинальные названия различных географических мест. Кому-то такое обилие сносок может показаться чрезмерным, и отчасти так оно и есть. Я, тем не менее, советую зайти в Интернет, воспользоваться поиском (например, Google или Wikipedia) и посмотреть потрясающие виды Альпийских гор и фотографии изящных Венецианских дворцов и церквей. Так что эта книга в какой-то мере еще и путеводитель по Англии, Франции, Швейцарии и Италии ;

P.P.S.

О вопиющих неточностях перевода найденных в книге можно писать на [oldfellowhedgehog @ gmail . com](mailto:oldfellowhedgehog@gmail.com).

Предварить книгу мне хочется отрывком из Гёте [Ш](#) :

Полночь бьет — и взор, доселе хладный,
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино...

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней о ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот...
[Вот] она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед холодна,
Не согреюсь я в твоих руках!»...
Но, кипящей жизненной силой,
Он ее в объятия заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б тебя согрел и оживил!»...
Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыхание
И уж уст не может разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть...
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подымается она...
«[К вам живущим из потьмы могильной
Некий рок послал меня назад],
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят...
Знай, что смерти роковая сила
Не смогла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И покончив с ним,
Я пойду к другим, —
Я должна идти за жизнью вновь!»...

A woman with dark hair tied back, wearing a white short-sleeved top and a light-colored skirt, stands in a dark, gothic-style interior. Her face and chest are covered in blood. She is looking towards the camera with a pale expression. In the background, a large arched doorway is illuminated from within, showing a staircase and a figure in white. To the right, a translucent, ghostly figure of a man in a white suit is visible, appearing to be part of the environment or a reflection. The overall atmosphere is dark and ominous.

I NEED MORE BLOOD TO WARM UP MY HEART

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Посвящается Дину и Герде Кунц,
за десять лет радушной, веселой и терпеливой дружбы
и с благодарностью Грегори Санто Арена, Глории Батсфорд,
Грегори Бенфорду, Виллу Гриффину,
Дане Холм Ховард и Мэри Ховард,
К. В. Джетеру, Джефу Левину, Монике Логан,
Кэйт Пауэрс и Серене Пауэрс, Джо Стефко,
Браену М. Томсону и Тому Вайтмору
— и Полу Мохни,
за разговоры много лет подряд
под пиво в Тайндэр Бокс [\[2\]](#) о Перси Шелли.

Тим Пауэрс — Автопортрет себя в образе Лорда Байрона

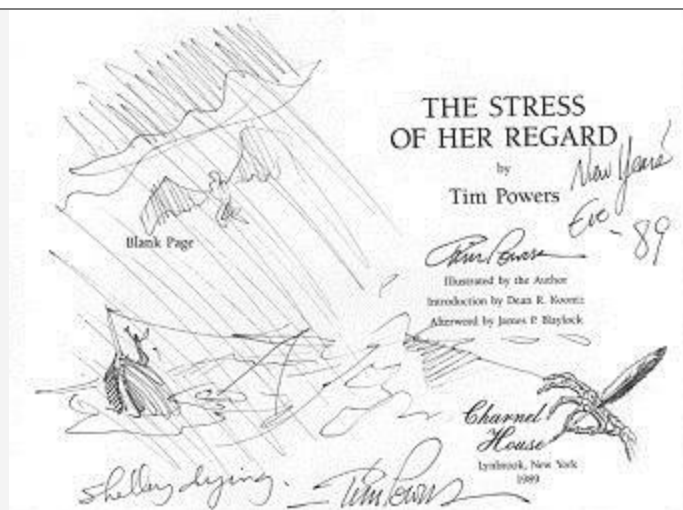
ГНЕТ ЕЕ ЗАБОТЫ

... yet thought must see
That eve of time when man no longer yearns,
Grown deaf before Life's Sphinx, whose lips are barred;
When from the spaces of Eternity,
Silence, a rigorous Medusa, turns
On the lost world the stress of her regard.

— **Clark Ashton Smith, Sphinx and Medusa**

...Пред взором мысленным скользит
Канун времен, когда впотьмах себя утратил человек,
Глухим рожденный пред безмолвным Сфинксом Жизни;
Когда из вечности глубин незримых
Неизреченная, непостижимая Медуза
На мир простерла гнет ее заботы.

— **Кларк Эштон Смит, Сфинкс и Медуза**

...Захвати также... новую *Трость со шпагой*...

(Та, что у меня была, лежит теперь где-то на дне этого озера...)

— **Лорд Байрон,**

к Джону Кэму Хобхаусу, 23 Июня 1816

Пока не ударил шквал, озеро Леман ^[3] было так спокойно, что двое мужчин, разговаривающих на носу открытой ^[4] парусной шлюпки, безбоязненно ставили фужеры с вином на скамью.

След от лодки, словно рябь в стакане, стоял по обеим сторонам; он тянулся к оставшейся далеко позади гавани, медленно набегал на берег по правому борту, и казалось, в ярком предзакатном свете простирался дальше через зеленые предгорья, подобно миражу скользя по скалистым испещренным снегом склонам Дент д'Ош ^[5].

Слуга, развалившись на одной из скамеек, читал книгу, а матросы, которым уже несколько минут не приходилось менять курс, судя по всему, задремали. Когда беседа двух путешественников на мгновение повисла, легкий ветерок с берега донес чуть слышный мелодичный перезвон далеких коровьих колокольчиков.

Мужчина, стоящий на носу лодки, пристально вглядывался в виднеющийся впереди восточный берег озера. Хотя ему было всего лишь двадцать восемь, в его курчавых каштановых с медным отливом волосах пробивалась уже ранняя седина, а на бледной коже вокруг глаз и рта залегли морщинки, выдававшие его пристрастие к иронии.

Лорд Байрон

— Этот замок вон там — Шильон, — пояснил он своему молодому собеседнику, — где Герцоги Савойские держали политических заключенных в подземельях ниже уровня воды. Только представь, каково это вскарабкаться наверх по покрытой влажным мхом стене и взглянуть из зарешеченного окна на все *это*. Он повел рукой в сторону далекой снежной безбрежности Альп.

Его друг запустил пальцы тощей руки в шевелюру густых белокурых волос и посмотрел в указанном направлении. — Это своего рода полуостров, верно? Только большей частью посреди озера? ^[6]Думаю, они были рады окружающей их воде.

Лорд Байрон изумленно взглянул на Перси Шелли, снова не уверенный в том, что хотел сказать юноша. Он повстречал его здесь, в Швейцарии, меньше месяца назад, и, хотя у них было много общего, он не чувствовал, что понимает его.

Оба они удалились из Англии в добровольное изгнание. Байрон недавно сбежал от долгов и неудачной женитьбы, и, хотя это было менее известно, от скандала связанного с тем, что он прижил ребенка от своей сводной сестры Августы. Четыре года назад, после публикации большой, в значительной степени автобиографической, поэмы *Паломничество Чайлда Гарольда*, он стал самым прославленным английским поэтом, но общество, что превозносило его тогда, теперь осыпало его бранью. И вот, английские туристы развлекались, показывая на него пальцем, когда он мелькал на улицах, а женщины, завидев его, падали в показательные обмороки.

Шелли был далеко не так известен, хотя его нападки на бытующие нормы морали иногда шокировали даже Байрона. Всего лишь двадцати четырех лет отроду он уже был

исключен из Оксфорда за то, что написал памфлет в защиту атеизма. После этого его состоятельный отец отрекся от него. В довершение, Шелли бросил жену и двух детей, убежав с дочерью радикального лондонского философа Вильяма Годвина. Старик Годвин был не слишком рад увидеть, как его дочь претворяет в столь реальные действия его отвлеченные доводы в защиту свободной любви.

Байрон сомневался, что Шелли был бы действительно «рад окружающей воде». Каменные стены должно быть постоянно текли, и одному Богу известно, какое сыростное гниение окружало человека в этом месте. Что толкнуло Шелли на эти слова, было ли это простодушие или, быть может, какое-то возвышенное духовное качество, подобное тому, что заставляет божьих людей посвятить жизнь сидению на камне в пустыне?

Было ли вообще искренним его осуждение религии и брака, или это были трусливые попытки оправдать в своих глазах собственную жизнь? Шелли, безусловно, не казался таким уж смельчаком.

* * *

Четыре дня назад Шелли и две девушки, с которыми он путешествовал, навестили Байрона, и дождливая погода заперла их всех внутри. Байрон арендовал Виллу Диодати, украшенный колоннами, увитый виноградными лозами дом, в котором двумя веками ранее останавливался Мильтон. И, хотя усадьба выглядела довольно просторной, когда теплая погода позволяла гостям исследовать расположенный террасами сад или, опираясь на перила широкой веранды, обозревать окрестности озера, в ту ночь Альпийская гроза и залитый дождем первый этаж создавали впечатление, что они укрылись в маленьком рыбацком домике.

Вилла Диодати

Но особенное неудобство Байрону доставляло то, что Шелли привел с собой не только Мэри Годвин, но и ее сводную сестру Клэр Клэрмонт, которая, о злая судьба, была последней любовницей Байрона, перед тем как он покинул Лондон, а теперь, судя по всему,

была от него беременна.

За оконным стеклом бушевала гроза, пламя свечи трепетало в непредсказуемых порывах сквозняка, и беседа сама собой повернула к призракам и сверхъестественному. К счастью, так как выяснилось, что Клэр до дрожи боялась подобных тем, и Байрон способен был держать ее глаза широко открытыми от испуга, а саму ее молчать, лишь иногда издавая испуганный вздох.

Шелли был, пожалуй, еще больше впечатлительным, чем Клэр, но он был очарован историями о вампирах и призраках. И после того как личный врач Байрона, тщеславный юноша по имени Полидори, рассказал историю о женщине, которая расхаживала по ночам с гладким черепом вместо головы, Шелли подался вперед и вполголоса поведал компании, почему он и его брошенная теперь жена бежали из Шотландии четыре года назад.

Рассказ был, по сути, лишен сюжета и состоял больше из намеков и волнующих подробностей, но очевидная убежденность Шелли — его длиннопалые руки дрожали в пламени свечи, расширившиеся глаза сияли сквозь беспорядочный ореол волнистых волос — заставила даже здравомыслящую Мэри Годвин бросать время от времени тревожные взгляды в испещренные дождевыми струями окна.

Случилось так, что когда семья Шелли прибыла в Шотландию, молодая крестьянка по имени Мэри Джонс была обнаружена убитой и страшно искромсанной — из чего местные власти заключили, что это было сделано ножницами для стрижки овец. — Ее убийца, — прошептал Шелли, — говорили, был великаном. Местные жители называли это существо «Королем Гор».

— Существо? — всхлипнула Клэр.

Байрон бросил на Шелли благодарный взгляд, подумав, что Шелли тоже пугал Клэр, чтобы отвлечь ее от темы ее беременности; но юноша был всецело поглощен рассказом, казалось, забыв о его присутствии. Байрон понял, что Шелли просто *получал удовольствие*, нагоняя на людей страх.

Но он все равно был ему благодарен.

— Затем изловили мужчину, — продолжил Шелли, — некоего Томаса Едвардса — и обвинили его в преступлении. В конце концов, его повесили... но мне известно, что он был лишь козлом отпущения. Мы...

Полидори откинулся в кресле и, по своему раздражающему придирчивому обыкновению, дрожащим голосом спросил, — Откуда вы это знаете?

Шелли нахмурился и заговорил быстро и сбивчиво, словно беседа внезапно коснулась чего-то очень личного: — Откуда я — я знаю это из моих исследований — за год до этого случая, в Лондоне, я сильно болел, меня мучили галлюцинации и ужасные боли в боку... ох, так что у меня была куча времени для учебы. Я изучал электричество, прецессию равноденствий... и Ветхий Завет, Книгу Бытия... Он беспокойно потрянул головой и Байрон почувствовал, что, несмотря на очевидную нелогичность ответа, вопрос застал его врасплох и побудил к откровенности. — Во всяком случае, — продолжил Шелли, — двадцать шестого февраля — это была пятница — я взял с собой в постель пару заряженных пистолетов. Полидори собрался было что-то опять сказать, но Байрон остановил его грубым: — Заткнись!

— Да, Полидори, — сказала Мэри, — подождите, пока история не закончится. Полидори, кривя губы, снова откинулся в кресле.

— И, — сказал Шелли, — не провели мы в постели и получаса, как я услышал что-то

внизу. Я спустился, чтобы проверить, и увидел неясную фигуру, покидающую дом через окно. Она бросилась на меня, но я сумел ранить ее... в плечо.

Байрон нахмурился, Шелли явно был никудышным стрелком.

— Существо пошатнулось и, возвышаясь надо мной, сказала: «Ты хотел застрелить *меня*? Богом клянусь, ты еще пожалеешь! Я убью твою жену. Я изнасилую твою сестру». А затем оно скрылось.

Возле него на столе лежали перо и чернильница, и Шелли схватил перо, обмакнул его и быстро набросал фигуру. — Вот так выглядел мой противник, — сказал он, поднося бумагу к свече.

Первой мыслью Байрона было, что юноша рисует не лучше ребенка. Фигура, которую он изобразил, была чудовищна, бочкообразное и толстоногое нечто, с руками, словно ветви деревьев и головой похожей на Африканскую маску.

Клэр в ужасе закрыла глаза, и даже Полидори был явно потрясен. — Это — это не может быть человеком! — прошептал он.

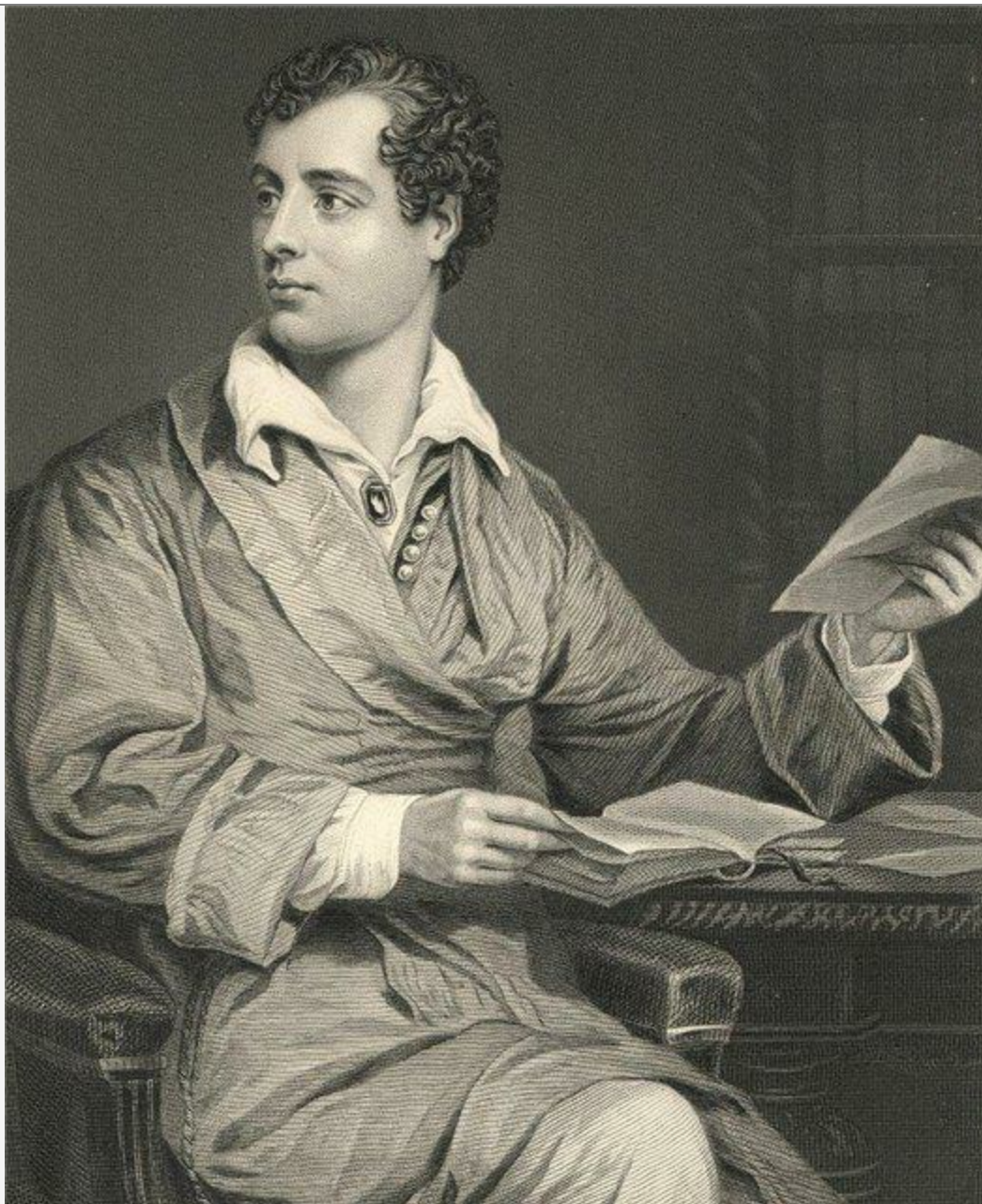
— Ох, даже и не знаю, Полидори, — сказал Байрон, задумчиво глядя на фигуру. — Думаю это прототип человека. Бог ведь сначала слепил Адама из глины, верно? Этот парень выглядит так, словно был слеплен на склонах Сассекских холмов.

— Из глины. Думаешь?! — с надрывом сказал Шелли. — Откуда ты так уверен, что она сделана не из ребра Адама?

Байрон ухмыльнулся. — Она? Это что, Ева? Если Мильтон когда-либо зрел *это*, своими ослепшими глазами, надеюсь, это произошло не во время его визита сюда — а если и так, надеюсь, что этой ночью она не бродит поблизости.

Впервые за весь вечер Шелли сам, казалось, почувствовал себя неуютно. — Нет, — сказал он поспешно, бросая быстрый взгляд в окно. — Нет, сомневаюсь... Он не договорил и опустил обратно в кресло.

Запоздало опасаясь, что за всеми этими разговорами об Адаме и Еве, беседа может повернуть к более приземленным материям, Байрон поспешно встал, подошел к книжной полке и вытащил маленькую книгу. — Кольридж, из позднего — сказал он, возвращаясь на свое место. — Здесь три поэмы, но я думаю «Кристабель» лучше всего подходит к сегодняшней ночи.

Байрон начал читать поэму вслух, и когда он добрался до места, где девушка Кристабель приводит домой из леса странную женщину Джеральдину, он всецело завладел общим вниманием. Затем девушки достигли двери, ведущей в замок овдовевшего отца Кристабель, и Джеральдина упала, «словно от боли», и Кристабель пришлось поднять ее и перенести через порог.

Шелли кивнул. — Всегда должно быть это символическое приглашение. Они не могут войти просто так, если их не пригласят.

— А, вы, тогда в Шотландии приглашали эту глиняную женщину в свой дом? — спросил Полидори.

— В этом не было нужды, — с неожиданной горечью ответил Шелли. Он отвернулся к окну. — Моя... кто-то другой пригласил ее в мое общество за два десятилетия до этого.

Продолжения не последовало. Байрон начал читать дальше и поведал притихшим слушателям, как Джеральдина обнажается, готовясь ко сну...

Узри! Ее грудь, белизна ее плеч —

Подобна мечте, неподвластна словам!
О боже, спаси, защити Кристабель!

... и Шелли вскрикнул, вскочил со стула и в три безумных шага выскочил из комнаты, опрокинув кресло, но умудрившись на бегу подхватить со стола зажженную свечу.

Клэр тоже вскрикнула, а Полидори взвизгнул, закрываясь руками, словно загнанный в угол боксер. Байрон отложил книгу и бросил напряженный взгляд в окно, в которое до этого смотрел Шелли. Все было скрыто за сплошными потоками дождя, заливавшими веранду.

— Сходи, посмотри как он, Полидори, — сказал Байрон.

Молодой доктор сходил в другую комнату за своим саквояжем, а затем последовал за Шелли. Байрон долил вина в бокал и сел на место, а затем вопросительно поглядел на Мэри.

Она нервно рассмеялась и процитировала Леди Макбет: «Супруг таков мой часто, таким он был от юности своей».

Байрон немного устало усмехнулся. — Не переживай, «недуг его недолог; лишь краткий миг, и он в себя придет».

Мэри закончила цитату. — «На хворосте всеобщего вниманья, лишь больше его ярость разгорится» [\[7\]](#).

Байрон обвел взглядом длинную комнату. — Так где же он увидел «Призрака Банко». Я несравненный вызыватель духов, но ничего не вижу.

— Он, — начала Мэри, затем осеклась. — А вот и он.

Вернувшийся в комнату Шелли, выглядел одновременно испуганным и смущенным. Его лицо и волосы были мокрыми — Полидори, судя по всему, окатил его водой — и от него пахло эфиром. — Это было... просто наваждение, что на миг завладело мной, — сказал он. — Словно кошмар наяву. Простите.

— Что-то о..., — начал Полидори; Шелли метнул на него предостерегающий взгляд, но возможно юный доктор его не заметил, так как продолжил, — ...о женщине, у которой — вы сказали — были глаза на груди.

Удивление лишь на миг мелькнуло во взгляде Шелли, но от Байрона это не укрылось, затем Шелли скрыл эмоции и кивнул. — Правильно, так и было, — согласился он. — Галлюцинации, я уже говорил.

Байрон был заинтригован, но из уважения к явно находящемуся не в своей тарелке другу, решил не выяснять, что же на самом деле сказал Шелли, а Полидори неправильно понял.

Он подмигнул Шелли, а затем переменял тему. — Я думаю, каждый из нас должен написать по страшной истории! — с воодушевлением сказал он. — Посмотрим, что получится вылепить из этой глиняной особы [\[8\]](#), которая повсюду преследует нашего бедного Шелли.

Всем, в конце концов, удалось рассмеяться.

* * *

Над затупленными башнями Шильона пролегла тень. Она протянулась сквозь мили

озера, разделяющие это зловещее строение и лодку. Байрон повернулся на своем месте, на носу лодки и посмотрел на север. С тех пор, как он последний раз глядел в эту сторону, половину неба заволокла туча.

Шильонский замок 1820-х годах. Рисунок Гардинга, гравюра Э. Финдена

— Похоже, нам лучше остановиться в Сен Жиню [\[9\]](#), — сказал он, указывая на тучу. Его слуга закрыл книгу и спрятал ее в карман.

Шелли поднялся и оперся о борт. — Это что, шторм?

— Боюсь что так. Я разбуду этих чертовых мореходов — *что случилось?* — спросил он Шелли, который внезапно отшатнулся от борта и принялся искать что-то в куче их багажа.

— Мне нужен *eisener breche!* — выкрикнул Шелли — и мгновение спустя он вскочил на ноги, сжимая в кулаке трость-шпагу Байрона. — Над твоей головой, берегись!

Почти уверенный, что Шелли, в конце концов, окончательно сошел с ума, Байрон запрыгнул на метровую секцию ограждения вблизи бушприта [\[10\]](#) и уже рассчитывал, как далеко прыгнуть, чтобы приземлится возле висящего на мачте рюкзака, в котором помимо двух бутылок вина, лежали также два заряженных пистолета. Но убежденность в голосе Шелли заставила его все же рискнуть и бросить наверх беглый взгляд.

Приближающееся облако было узловатым и бугристым, и в одном месте очень походило на обнаженную женщину, мчащуюся с неба прямо на лодку. Байрон был уже готов облегченно рассмеяться и сказать Шелли что-нибудь колкое, но затем увидел, что фигура женщины не была частью далекого облака или, по крайней мере, уже не была. Туманная фигура неслась прямо к ним, и была намного меньше и ближе, чем он решил сначала.

Затем он встретил ее яростный взгляд и бросился к пистолетам.

Лодка накренилась, когда облачная женщина столкнулась с ней, и Шелли и моряки пронзительно завопили; когда Байрон, пригибаясь, обернулся с пистолетом в руке, он

увидел, как Шелли ударил обнаженной шпагой призрачную женщину, висящую теперь у самого борта. И хотя клинок словно налетел на камень, так что его верхняя половина тут же со звоном отломилась, облако в ужасе отпрянуло и утратило свою форму. На щеке и волосах Шелли виднелась кровь, и Байрон нацелил пистолет в центр облака и спустил курок. Оглушительный выстрел наполнил его уши звоном, но он услышал, возглас Шелли — Хорошо — свинец неплой проводник — хотя золото или серебро было бы лучше!

Шелли навалился худым высоким телом на ограждение борта и, взмахнув сломанной шпагой, обрушил на существо сокрушительный рубящий удар. Теряющее очертания облако отпрянуло вновь, больше уже ничем не напоминая женщину. Шелли ударил снова, и клинок косым ударом зацепил деревянное ограждение. Байрон подумал, что его друг промахнулся, но когда, мгновение спустя, Шелли снова ударил по ограждению, в этот раз прямо вниз, он сообразил, что тот задумал отколоть деревянную щепу.

Шелли выронил сломанную шпагу — она упала за борт — и худыми руками поднял отколотую щепку. — Дай мне другой пистолет!

Байрон вытащил из упавшего мешка второй пистолет и бросил ему. Шелли щепку затолкнул в ствол, и хотя Байрон крикнул ему остановиться, направил этот странный, словно снабженный штыком, пистолет на облако и выстрелил.

Облако разлетелось в клочья, с едким запахом, словно взорвался камень. Шелли повалился обратно на сиденье. Переведя дух, он вытащил из кармана носовой платок и принялся стирать со лба кровь.

— Тебе чертовски повезло, — только и смог сказать Байрон. Сердце бешено колотилось в его груди. Он засунул руки в карманы, чтобы Шелли не увидел, как они дрожат. Заткни ствол так еще раз, и останешься без рук.

— Надо было рискнуть — дерево почти наихудший проводник. Шелли откинулся назад и с тревогой посмотрел на небо. — Скажи перевозчикам, пусть поторопятся.

— Что, думаешь, мы можем повстречать еще одну? Байрон обернулся к мертвенно-бледным морякам. — Доставьте нас на берег — *bougez nous dans le rivage plus pres! Vite, very goddamn vite!* ^[11]

Снова повернувшись к Шелли, он заставил себя говорить спокойно. — Что это было за существо? И что... ему... черт побери... было *нужно*?

Шелли закончил вытирать кровь, аккуратно сложил платок и убрал его обратно в карман. Его, очевидно, ничуть не беспокоило, что кто-нибудь увидит, как он дрожит, но его глаза, когда он встретил пристальный взгляд Байрона, были спокойными. — Оно хотело то того же, чего хотят туристы в Женеве всякий раз, когда указывают на меня друг другу. Увидеть что-то, не соответствующее общепринятым нормам, неправильное, порочное. Он поднял руку, призывая Байрона помолчать. — Что же до того, что это было — ты можешь называть это существо *ламия*. Где же ее встретить, как не на озере Леман?

Байрон отстранился, раздумывая над сказанным. — Я никогда не задумывался о названии этого озера. Леман, любовница. ^[12] Он неуверенно рассмеялся. — Ты, похоже, привел ее в ярость.

Шелли тоже расслабился и склонился над бортом. — Это было не озеро — озеро просто так называли за его ласковый характер. Черт возьми, я бы сказал, *озероскорее друг*.

Человек у румпеля ^[13] заложил галс ^[14], ловя в паруса прибрежный бриз, и замок Шильон развернулся, оставшись позади по левому борту. Винные фужеры разбились, когда безумное облако налетело на лодку, так что Байрон поднял бутылку, вытащил пробку зубами

и глотнул прямо из горла. Он передал бутылку Шелли, а затем спросил: — Если дерево самый худший проводник, почему это сработало? Ты сказал...

Шелли отхлебнул из бутылки и вытер рот рукавом. — Я думаю, это... своего рода электрическая крайность. Эти существа как прудовая рыба — боятся как быстрого течения, так и заболачивания. Он криво усмехнулся и сделал еще глоток. — Серебряные пули и деревянные колья, верно?

— Боже правый, о чем мы здесь говорим? Звучит словно вампиры и оборотни.

Шелли пожал плечами. — Это... не совсем так, хотя совпадение не случайно. Как бы там ни было, серебро лучший проводник, а дерево почти самый худший. Серебро, как правило, слишком дорого для людей, которые верят в старинные придания, так что они обычно пользуются железными кольями. Они называют эти колья *Eisener brechen* — это очень старое понятие, означающее что-то вроде «железный пролом», «железная брешь» или «железное разрушение», хотя *brechen* может так же относиться к преломлению света или даже к нарушению супружеской верности. Очевидно, в понимании древних эти вещи были в некотором смысле синонимами — странная мысль, а? В действительности, четыре дня назад в твоём доме, я требовал *eisener breche*. Полидори же — идиот, решил, я сказал «глаза на ее груди» [\[15\]](#). Шелли захохотал. — Когда я пришел в себя, мне ничего не оставалось, кроме как согласиться с его глупым толкованием. Мэри, наверное, решила, что я сошел с ума, но это было лучше, чем позволить ей узнать, что я сказал на самом деле.

— Зачем он тебе понадобился той ночью? Это существо что, было там, за моим окном?

— Это, или весьма на него похожее.

Байрон хотел было что-то сказать, но остановился, уставившись за спину. Бурлящая темная волна неслась с севера прямо на них. — Парус, *desserrez la voile!* [\[16\]](#) — крикнул он морякам; затем, — Держись за что-нибудь, — бросил он Шелли сквозь сжатые зубы.

Ветер словно лавина обрушился на лодку, раздирая парус и накренив лодку вправо так, что мачта почти легла. Вода сплошным потоком хлынула через планшир [\[17\]](#), яростно обрушиваясь на скамьи и румпель. В течение нескольких секунд казалось, что лодка неизбежно перевернется — пронзительно воющий ветер отрывал хватающиеся за обшивку руки и бросал в лицо острые соленые брызги — затем неохотно, сопротивляясь, словно корни вырываемого из земли дерева, мачта пошла обратно, и полузатопленная лодка тяжело повернулась на беспокойных волнах. Один из моряков подергал туда-сюда румпель, но тот лишь свободно болтался в своем гнезде; руль был сломан. Ветер все еще пронзительно завывал в изорванном парусе и такелаже, и поднимал буруны, с грохотом разбивающиеся о прибрежные скалы в сотне ярдов [\[18\]](#) от них.

Байрон сбросил пальто и начал стягивать ботинки. — Думаю, придется плыть, — прокричал он сквозь окружавший их шум.

Шелли, хватаясь за поручень, покачал головой. — Я никогда не учился плавать. Его лицо было бледным, но выглядел он решительным и странно счастливым.

— О Боже! И ты еще говоришь, озеро твой друг? Ладно, не беда, выбирайся из пальто — будем держаться вместе за одно весло и, если ты не будешь мешать, думаю, я смогу провести нас вокруг этих скал. Давай... Шелли пришлось говорить громко, чтобы быть услышанным, но голос его был спокойным: — Я не хочу, чтобы меня спасали. Тебе и так придется как следует постараться, чтобы спасти себя. Он поглядел поверх дальнего борта на горбатые скалы, противостоящие беспощадным ударам волн, затем снова повернулся к Байрону и

нервно улыбнулся из-под путаницы белых волос. Я не боюсь утонуть... и, если ты заставишь меня держаться за весло, обещаю, я его брошу.

Пару секунд Байрон удивленно смотрел на него, затем пожал плечами и, цепляясь за борт, побрел вброд на корму, где слуга и один из моряков остервенело наполняли ведра из водоема, плескающегося вокруг их бедер, и выплескивали воду за борт. Второй моряк дергал за канаты, пытаясь повернуть остатки паруса к ветру. Байрон схватил еще два ведра и бросил одно из них Шелли. — В таком случае вычерпывай изо всех сил, если только хочешь снова увидеть Мэри.

На миг Шелли замер, держась за поручень; затем его плечи поникли, и он кивнул. И, хотя он схватил плывущее ведро и направился им на помощь, Байрону показалось, что он выглядел унылым и, пожалуй, даже пристыженным, словно человек, обнаруживший, что его сила воли слабее, чем он полагал.

В течение нескольких минут четверо мужчин работали в бешеном темпе, обливаясь потом и тяжело дыша. Они поднимали ведро за ведром и опрокидывали их за борт. Тем временем, управляющийся с парусом моряк, отвернув гик [\[19\]](#) к правому борту, умудрился, по крайней мере хоть немного, поправить курс, несмотря на потерю руля. А ветер понемногу начал терять свое неистовство.

Байрон рискнул на мгновение прерваться. — Я... был неправ... когда судил о твоей храбрости, — задыхаясь, сказал он. — Приношу свои извинения.

— Ничего, — выдохнул Шелли, прервавшись, чтобы снова наполнить ведро. Он опрокинул его через планшир, а затем повалился на одну из скамеек. — Я переоценил свои научные познания. Он закашлялся столь мучительно, что Байрон подумал, уж не болен ли он чахоткой.

— Я недавно ускользнул от одного из этих созданий, оставил его позади в Англии. Для них практически невозможно пересечь воду, а Английский канал большоеместище воды. Но почему-то мне не пришло в голову, что я могу натолкнуться на них здесь... а тем более, что они... *узнают* меня.

Он поднял ведро. — Мне казалось, — продолжил он, — где как не в Швейцарии, так высоко над морем, я смогу укрыться от них, но теперь я думаю, что меня влекло сюда, в Альпы, тоже самое... узнавание... что это... нет, не знаю как сказать. Теперь я думаю, что не мог выбрать более опасного места. Он погрузил плывущее по воде ведро, затем поднялся и, поставил ведро на борт. Прежде, чем опрокинуть его, он кивнул на окружающие озеро Альпийские пики. — Ведь они зовут нас, верно?

Лодка с трудом обогнула опасное место, и они увидели впереди пляж Сен Жиню, и людей на берегу, машущих им руками.

Байрон вылил еще одно ведро, а затем отбросил его в сторону. Тучу унесло, и, вглядываясь на юг в сторону долины Рона, он видел сиящие в солнечном свете далекие пики Дан дю Миди [\[20\]](#). — Да, — тихо ответил он. — Они зовут..., неким беззвучным голосом, который некоторые люди могут слышать... на свою погибель. Он устало покачал головой. — Интересно, много ли таких, кто откликается на эту своеобразную песню сирены.

Шелли улыбнулся и, возможно, думая о только что случившемся, процитировал из той же самой пьесы, из которой четыремя днями ранее цитировали его жена и Байрон. — Я полагаю, есть еще много таких, кто, «словно два изнуренных пловца, что вместе сцепились и тащат друг друга на дно» [\[21\]](#).

Байрон удивленно взглянул на него, снова не уверенный как понимать то, что он сказал.

— Много *таких*? — раздраженно переспросил он. — Ты, наверное, хотел сказать много *других*?

— Я не уверен, сказал Шелли, продолжая слабо улыбаться, наблюдая, как неуклонно вырастает береговая линия. — Впрочем нет, я думаю, я имел в виду, *каждый* словно два изнуренных пловца.

По искрящейся на солнце воде им навстречу плыла спасательная лодка, и уже некоторые моряки на ней со свистом раскручивали над головой снабженные грузом концы веревок. Матросы на лодке Байрона взобрались на нос корабля и начали махать руками, показывая, что они готовы поймать и закрепить тросы.

КНИГА ПЕРВАЯ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

О прелестях богинь и фей лесных,
Прекрасных столь среди духов этих нет,
Гостей озер, пещер и горных рек,
Как истинная та, что рождена от Пирры камешков...

— **Джон Китс, Ламия**

И освятит Венера заключенный ей союз.

— **Овидий, *Метаморфозы* Книга X, строки 94 и 95**

... и полночное небо

Вспышки пронзили ужаснее тьмы.

— Перси Биши Шелли

— *Люси*, — подчеркнутым шепотом сказала барменша, пока она вела двух мужчин вокруг подножия дубовой лестницы, — могли бы уже и запомнить, и сдерживайте свой чертов голос, пока мы не выйдем наружу.

Мерцающий фонарь в ее руке множеством горизонтальных отсветов плясал на краях ступенек, поднимающихся справа от них, и Джек Бойд, который только что, четвертый раз за вечер, спросил у барменши ее имя, очевидно решил, что будет хорошей идеей затащить ее наверх, теперь, когда он, хотя бы на мгновение, точно знал как ее зовут.

— Боже, ну ты точно, настоящий моряк, — сердито зашипела она, увертываясь от пьяных объятий здоровяка, и пошла дальше по коридору к темному входу в запасную столовую.

Потерявший равновесие Бойд грузно повалился на нижнюю ступеньку. Майкл Кроуфорд, державшийся позади него, чтобы не обнаруживать своего недостойного мотания, нахмурился и грустно покачал головой. Девушка явно была фанатичкой, обвиняющей моряков во всех смертных грехах. Хотя надо отдать должное, иногда среди них встречаются весьма колоритные личности.

Аплтон и вторая барменша были впереди, уже в темной столовой. Кроуфорд услышал, как загремел засов, и в лицо дохнуло холодным ветром, принесшим запахи мокрой земли и листвы и шелест дождя.

Люси оглянулась через плечо на пьяную парочку и подняла бутылку, которую держала в левой руке. — Вы заплатили за час или два дополнительного *обслуживания в баре*, — прошептала она, — бокалы принесла Луиза, так что, если, конечно, вы еще не нагулялись, можете колобродить здесь — только не устраивайте пьяных *дебошей*, хозяин гостиницы спит всего в двух дверях отсюда. Она растворилась в темноте столовой.

Кроуфорд, пошатываясь, наклонился и потряс Бойда за плечо. — Поднимайся, — сказал он, — Ты позоришь нас обоих.

— Позорю? — пробормотал здоровяк, покачиваясь поднимаясь на ноги. — Напротив, я намерен жениться... Он остановился и в затруднении нахмурился. — Жениться на этой молодой леди. Как там ее звали?

Кроуфорд подтолкнул его в столовую, навстречу открытой двери в дальнем конце комнаты и ночи за ней. Люси нетерпеливо ждала их в далеком дверном проеме, и в дрожащем свете ее лампы Кроуфорд заметил оштукатуренную обрешетку стен и припомнил витиевато украшенный сдвоенный дымоход, который он мельком увидел на крыше, когда этим вечером дилижанс свернул с Хоршем Роуд [\[22\]](#). Очевидно, гостиничный фасад эпохи королей Георгов был пристоеен к позднее-Тюдоровскому строению. Он бы не удивился, если бы оказалось, что пол в кухне каменный.

— Устроим завтра *двойное* венчание, — продолжал через плечо говорить Бойд, натываясь в темноте на стулья. Ты же не против, чтобы мы вместе отпраздновали, а?

Конечно, я не смогу быть твоим шафером и все такое, но, дьявол меня разбери, я уверен, Аплтон побудет шафером для нас обоих.

Шелест барабнящего по крыше дождя сделался гораздо громче, когда они вышли на крытую веранду. Зябкий ночной воздух вымыл винные пары из головы Кроуфорда. Он увидел, что веранда начиналась у двери, из которой они вышли и, тянулась на юг, прочь от комнаты хозяина гостиницы, почти до самых конюшен. Аплтон и Луиза уже сидели в двух потрепанных креслах, беспорядочно стоящих вдоль веранды и Луиза наливала вино в их бокалы.

Кроуфорд шагнул к краю веранды, глядя на завесу дождя, что обрушивалась в каких-нибудь нескольких дюймах от кончика его носа. Снаружи, в темноте двора, он смутно различал пятна травы и косматую черноту волнующихся позади деревьев.

Он собирался уже вернуться на веранду, когда внезапно небо прорезала ослепительная белая вспышка, и мгновение спустя его качнуло назад на пятках ударом грома, который, как ему на миг показалось, должен был содрать половину черепицы с гостиничной крыши. Сквозь грохот до него донесся едва слышный женский вскрик.

— Черт возьми! — выдохнул он, невольно шагнув назад, когда громогласные отголоски покатались через Уилд [\[23\]](#) на восток, пугать детей в далеком Кенте [\[24\]](#). — Ты это видел? В ушах его стоял перезвон, и он говорил чересчур громко.

Несколько секунд спустя он резко выдохнул и усмехнулся. — Дурацкий вопрос, верно? Но, без шуток, Бойд, если эта штука ударила бы чуть ближе, тебе назавтра пришлось бы совершить надо мной несколько другой церковный обряд.

Он пытался говорить шутливо — хотя лицо его внезапно покрылось бисеринками пота, словно он выходил под дождь, а в воздухе, словно эссенция испуга, стоял резкий запах, и на краткий миг ему показалось, что его вместе с землей трясло от удара. Он повернулся и, сощурившись, посмотрел назад в темноту. Глаза уже привыкли к полумраку, и он увидел, что остальные не сдвинулись с места, хотя женщины выглядели испуганными.

— И не надейся, — отозвался Бойд, присаживаясь и наполняя свой бокал. — У меня досих пор перед глазами стоит видение Тетушки Ворона облепившейся вокруг твоей головы во время шторма у Виго [\[25\]](#). Эта штука явно тебя *любит*.

— А кто, — праздным тоном произнес Аплтон, — эта тетушка Ворон?

Кроуфорд тоже присел и взял бокал, усилием воли заставляя пальцы не трястись. — Не кто, — сказал он. — Что. На самом деле это итальянский, что то вроде *Corposanto*, *Copra Saltante*, или вроде того. Англичане называют это явление огни святого Эльма [\[26\]](#). Призрачные огоньки, которые облепляют мачты и реи на кораблях. Некоторые люди, — добавил он, подливая вино в свой бокал и поднимая его навстречу Бойду, прежде чем сделать глубокий глоток, — верят, что этот феномен имеет природу родственную с молнией.

Бойд снова поднялся на ноги, указывая в сторону южной оконечности двора. — А что это там за постройки?

Люси устало заверила его, что в конце двора нет никаких зданий, и в который раз попросила сдерживать голос.

— Я их видел, — настаивал Бойд. — В той вспышке молнии. Маленькие, низкие такие, с окнами.

— Это он про старые кареты, — сказала Луиза. Она кивнула головой на Бойда. Это просто пара старинных берлинов [\[27\]](#), которые принадлежали отцу Бландена. Пылятся тут

уже лет тридцать или сорок — обивка, наверное, давно сгнила, не говоря уж об осях.

— Оси — да кому они нужны? Майк, приманишь нам Тетушку Ворона снова? Она заставит эти развалюхи двигаться. Бойд уже покинул веранду и нетвердо зашагал к экипажам через темный, раскисший от дождя двор.

— О, дьявол, — выдохнул Аплтон, отодвигая кресло. — Думаю, нужно поймать его и уложить в постель. — Ты, конечно, не догадался захватить с собой лауданум [\[28\]](#)?

— Нет — я ведь собирался попасть на праздник, помнишь? Я даже ланцет [\[29\]](#) и щипцы с собой не захватил. Кроуфорд поднялся и с некоторым удивлением обнаружил, что перспектива прогулки под дождем его совсем не пугает. Даже идея отправиться в воображаемую прогулку на развалившейся дряхлой карете, казалось, имела свое очарование. Он оставил шляпу в баре, но дождь приятно освежал лицо и шею, и он бодро зашагал через темный двор, надеясь, что удача уберет его башмаки от попадания в глубокие лужи. Позади он слышал следовавших за ним Аплтону и женщин.

Он увидел, как Бойд споткнулся и, взмахнув руками, восстановил равновесие в нескольких ярдах от неясного прямоугольного сгустка мрака, который был экипажами, и, когда Кроуфорд достиг этого места, он увидел почему — экипажи были установлены на неровных клочках древней мостовой, которая на несколько дюймов выступала из земли.

Желтый свет за его спиной приблизился, золотыми искрами отразившись от мокрой листвы, и он различил, как Бойд взбирается на борт одного из экипажей. Аплтон и женщины следовали за ним, и Люси все еще держала фонарь. Кроуфорд остановился, позволяя им нагнать его.

«Галопом, мои облачные кони!» — орал Бойд изнутри одного из экипажей. — И почему бы тебе не сесть чуть поближе, Тетушка?»

— Если он собрался сойти с ума, здесь для этого самое подходящее место, — с беспокойством заметила Люси, поднимая вверх запотевший фонарь и вглядываясь вперед сквозь ливень. — Эти старые кареты — все равно хлам, а Бланден вряд ли услышит его бредни на таком удалении от зданий. Она поежилась, и свет вокруг затрепетал. — Тем не менее, я возвращаюсь назад.

Кроуфорд не хотел, чтобы вечеринка закончилась; в конце концов, это ведь была его последняя холостяцкая вечеринка. — Подожди минутку, — сказал он. — Я его уведу отсюда. Он направился вперед, затем остановился, покосившись на лежащую внизу мостовую. За дождем, взбивающим скопившуюся на ней грязную воду, было трудно что-либо разобрать, но ему показалось, что на плитах мостовой были вырезаны барельефы.

— Что это было изначально? — спросил он. — Здесь стояло какое-то здание?

Аплтон раздраженно чертыхнулся.

— Когда-то давным-давно стояло, — сказала Луиза, которая держалась за руку Аплтону и рассеянно проливали вино на перед его рубашки. — Римская или еще чья-то постройка. Мы постоянно находим осколки статуй и посуды, когда дожди наводняют ручьи по весне.

Кроуфорд вспомнил свои предположения о возрасте этого заведения и осознал, что промахнулся лет на тысячу.

Бойд выкрикивал что-то невнятное и шумно метался по старому экипажу.

Люси снова поежилась. — Здесь ужасно холодно.

— О-о, не уходи пока что, — запротестовал Кроуфорд. Он передал бокал с вином Аплтону, а затем неуклюже выбрался из пальто. — Вот, — сказал он, приблизившись к Люси и накидывая пальто ей на плечи. — Так ты не замерзнешь. Мы пробудем здесь лишь

минуту или две, а я *заплатил* тебе, чтобы ты обслуживала нас в течение пары часов после закрытия.

— Но не за то, чтобы я мокла под этим чертовым дождем. Но так и быть, пару минут.

Аплтон внезапно огляделся вокруг, словно услышал что-то сквозь резкий шелест дождя. — Я... я отправляюсь назад, — сказал он, и в первый раз за вечер его голос утратил привычный самоуверенно-насмешливый тон.

— *Кто ты?* — закричал Бойд неожиданно испуганным голосом. Из экипажа донеслись звуки бешеной свалки, и в свете лампы было видно, как карета судорожно заходила ходуном на своих древних рессорах; но ужасный шум, казалось, канул во тьме, угаснув без отголосков между темных рядов деревьев.

— Спокойной ночи, — сказал Аплтон. Он повернулся и поспешно повел Луизу обратно к зданиям гостиницы.

— *Отойди от меня!* — завопил Бойд.

— О Боже, подождите, — пробормотала Люси, бросаясь вслед Аплтону и Луизе. Дождь неожиданно хлынул еще сильнее, барабания по гостиничной крыше, подъездной дороге и пустынным ночным холмам, простирающимся на мили вокруг, и сквозь царящий вокруг шум Кроуфорду на мгновение почудился хор высоких, грубых голосов поющих в небе.

Он тотчас бросился вдогонку за скрывшейся троицей, и только когда поравнялся с Люси, сообразил, что собирается бросить Бойда. Как всегда случалось с ним в критические моменты, пара непрошенных картин ворвалась в его разум — опрокинутая лодка в беспокойном море и паб через улицу от пылающего дома — и ему совсем не хотелось добавить к этому мучительному списку еще и задний двор этой чертовой гостиницы; так что, когда Люси повернулась к нему, он спешно подыскивал какую-нибудь причину, кроме страха, по которой мог броситься ей вслед.

— Мое кольцо, — выдохнул он. Обручальное кольцо, которое я... должен отдать завтра моей невесте... оно в кармане пальто. Разрешите. Он засунул руку в карман, мгновение пошарил, а затем вытащил с кольцом, зажатым между большим и указательным пальцем. — Спасибо.

В свете лампы дрогнувшей в ее руке он заметил, что ее лицо обиженно напряглось, но он уже повернулся и решительно бросился сквозь дождь обратно, туда, где из темноты неслись крики Бойда.

— Уже иду, чертов идиот, — крикнул он, пытаясь усмирить ночь своим самоуверенным тоном.

Он заметил, что несет обручальное кольцо в руке, крепко его стискивая, как моряк во время хирургической операции сжимает зубами пулю [\[30\]](#). Это было неразумно — если он уронит его здесь, посреди всей этой грязи, его и за несколько лет потом не сыщешь.

Сквозь шум дождя он услышал рычание Бойда.

Обтягивающие бриджи Кроуфорда были без карманов, и он боялся, что маленькое кольцо спадет с его пальца, если ему придется бороться с Бойдом. В отчаянье он огляделся в поисках подходящей ветки или еще чего-нибудь, на что можно повесить кольцо, и тут заметил белую статую, стоящую возле задней стены конюшни.

Это была выполненная в натуральную величину скульптура обнаженной женщины с левой рукой, поднятой в манящем жесте, и когда Бойд заревел снова, Кроуфорд, разбрызгивая грязь, подбежал к статуе, нацепил кольцо на безымянный палец воздетой каменной руки, а затем бросился к заброшенным экипажам.

Было нетрудно заметить, в какой из них находился спятивший морской лейтенант. Карета ходила ходуном, словно имела магически связанную с ней копию, которая катилась где-то в горную пропасть. Поспешно обогнув ее с боку, Кроуфорд ухватился за дверную ручку и рывком распахнул дверь.

Две руки выметнулись из темноты и сграбастали его за воротник, и он испуганно вскрикнул, когда Бойд втолкнул его внутрь. Здоровяк толкнул его на воняющее плесенью кожаное сиденье и рванулся мимо него к двери, и хотя паутина гнилой обивки опуталась вокруг ног Бойда, так что он полетел на пол, он все же сумел, до середины высунуться наружу.

На мгновение Кроуфорду снова послышалось далекое пение, и, когда что-то нежно коснулось его щеки, он издал дикий хриплый рык, которому позавидовал бы даже Бойд и резко вскочил на ноги. Но прежде чем он успел перепрыгнуть через лежащего мужчину, он оперся рукой на стену — а затем немного расслабился. Изодранные нити обшивки торчали, оцетинившись, словно мех на спине рассерженной собаки, и он догадался, что тот же феномен заставил мгновение назад лохмотья измочаленной обшивки сиденья подняться и коснуться его лица.

«Спору нет, — твердо сказал он себе, — все это очень странно, но совершенно не из-за чего сходить с ума. Просто какой-то электрический эффект, вызванный грозой и необычные физические свойства гниющей кожи и конского волоса. Сейчас твоя задача вернуть беднягу Бойда обратно в гостиницу».

Бойд тем временем освободился и сполз на залитую грязью мостовую, и, когда Кроуфорд выбрался из экипажа, он, пошатываясь, поднимался на ноги. Он покосился вокруг, с подозрением оглядывая деревья и разваливающиеся кареты.

Кроуфорд взял его за руку, но здоровяк выдернул ее и тяжело побрел сквозь дождь обратно к гостинице.

Кроуфорд догнал его и подстроился под его бредущую походку. — Что там было? Тебе под рубашку забрались огромные жуки? — мимоходом спросил он через несколько шагов. — Или может, чертовы крысы карабкались по штанинам твоих брюк? Держу пари, ты штаны намочил, хотя ты настолько сильно вымок, что вряд ли это кто-то заметит. Мы, доктора, называем это *Белая горячка* [\[31\]](#). Такое, как ты знаешь, иногда случается, когда чересчур налегаешь на спиртное.

Обычно он не бывал столь резок как сейчас, даже с теми, кого знал также хорошо, как Джека Бойда, но сегодня это казалось просто верхом тактичности — в конце концов, никто не осудит человека страдающего из-за скачущих вокруг зеленых чертиков, если тот просто чересчур перебрал с выпивкой.

Чего он и вправду боялся, так это того, что Бойд не был до такой степени пьяным.

Вечеринка была, очевидно, закончена. Люси и Луиза жаловались на то, что придется идти спать с мокрыми волосами, а Аплтон был уклончивым и несдержанным, и, словно в довершение общего кислого расположения духа, хозяин гостиницы сердито бормотал в своей комнате, и половицы при этом — а может быть это были его колени — угрожающе скрипели. Женщины оставили фонарь и разошлись по своим комнатам. Аплтон с отвращением покачал головой и прошествовал наверх, собираясь лечь спать. Кроуфорд и Бойд захватили фонарь, на цыпочках приблизились к закрытой двери распивочной и проверили замок.

Тот не поддавался.

— Может это и к лучшему, — вздохнул Кроуфорд.

Бойд устало кивнул, затем повернулся и направился к лестнице; на полпути он остановился и, не оглядываясь назад, сказал, — Э-э... спасибо, что вытащил меня... оттуда, Майк.

Кроуфорд махнул рукой, а затем сообразил, что Бойд не видит жеста. — Не стоит, — тихо ответил он. — Мне рано или поздно тоже может понадобиться что-нибудь подобное.

Бойд потащился дальше, и Кроуфорд слышал, как его тяжелые шаги громяхают вверх по лестнице, а затем удаляются по коридору второго этажа. Кроуфорд снова подергал дверь в пивную, столь же безуспешно, как и до этого, минуту раздумывал, не узнать ли, где находится комната барменш, затем пожал плечами, поднял лампу и направился вверх по лестнице. Его комната была небольшой, но простыни были чистыми и сухими, а на кровати было достаточно шерстяных одеял.

Когда он разделся, он снова подумал о перевернутой лодке и доме через улицу от паба. Двадцать лет прошло с тех пор, как та шлюпка пошла ко дну в волнах Плимут Саунд [\[32\]](#), а дом сгорел дотла почти шесть лет назад, но ему казалось, что они до сих пор определяли всю его жизнь, словно были аксиомами, из которых он выводил свое будущее.

Уже давно он начал носить с собой фляжку, которая помогала ему отогнать эти воспоминания и, в конце концов, заснуть. Вот и сейчас он отвинтил крышку.

* * *

Через несколько часов его разбудил удар грома. Он поднял голову от подушки и сонно подумал, как приятно лежать вот так пьяным в теплой постели, в то время как тропинки, деревья и холмы снаружи такие холодные и сырые... и вдруг... дьявол, он же забыл кольцо во дворе.

Внутри у него похолодело, он вскинулся, но почти сразу же расслабился. «Заберешь его утром, — сказал он себе — проснешься пораньше и вернешь его, прежде чем кто-нибудь еще поднимется и окажется рядом. В любом случае, кто может рыскать за конюшней? Сон — вот что тебе сейчас нужно. Тебе же сегодня предстоит *жениться* — нужно поспать».

Он снова откинулся на подушку и натянул одеяла до подбородка. Но не успел он закрыть глаза, как в голове мелькнула мысль: «*Конюхи*. Конюхи запросто могут там работать, а они, держу пари, встают рано. Хотя, может они не заметят кольцо на пальце статуи... золотое кольцо, с довольно крупным брильянтом. Хм, да уж, но они же непременно сообщат о находке, зная, что получают вознаграждение... хоть какое-то, если же они попытаются его *продать*, они получают лишь жалкую крупицу его настоящей стоимости... которая составила два моих месячных заработка».

«О, Дьявол!»

Кроуфорд выполз из постели, нашел лампу и трутницу, и после нескольких минут ожесточенного высекания огня неровный свет, наконец, осветил комнату. Он несчастно посмотрел на промокшую одежду, до сих пор валяющуюся в углу, где он бросил ее несколько часов назад. Не считая одной смены одежды, он захватил с собой лишь официальный зеленый сюртук, вышитый камзол и белые бриджи, которые собирался одеть на свадьбу.

Он натянул мокрую рубашку и бриджи, содрогаясь и вздыхая от их холодной тяжеловесности. Он решил отказаться от ботинок, и как был босиком побрел к двери, стараясь идти как можно спокойнее, чтобы рубашка не касалась до тела, больше, чем уже это делала.

Он чуть не отказался от всей этой затеи, когда отворил входную дверь в запасную столовую, и мокрый порыв ветра приклеил рубашку к его груди, но он понимал, что не сможет заснуть, если сейчас вернется в постель, так и не забрав кольцо. Так что он прошептал проклятие и шагнул наружу.

Стало еще темнее и холоднее. Стулья были все еще на веранде, и ему пришлось двигаться наощупь, чтобы на них не наткнуться. Южный конец двора, где располагались конюшни и старые экипажи, был еще темнее, чем небо.

Он покинул портик и побрел через двор, ступая босыми ногами по липкой песчаной грязи, искренне надеясь, что никто не разбил здесь бокал. Сердце бешено стучало в груди, так как вдобавок к опасению порезать ноги, он вспомнил недавнее, вселяющее страх помешательство Бойда, и в этот миг он как никогда остро почувствовал, что единственный, кто не спит на милях окрест.

Найти статую оказалось непросто. Он дошел до конюшни и, касаясь рукой дощатой стены, прошел вдоль нее. Ничего! Он был уже на грани паники, думая, что статую похитили, когда завернул за угол и смутно увидел слева от себя далекие строения гостиницы, что означало, что он почему-то прошел вдоль южной стены, вместо западной. Он сменил направление и внимательно миновал две стены, добросовестно поворачивая каждый раз направо, но в этот раз обнаружил себя волочащим окоченевшие пальцы по стене! гостиницы, которая даже не была соединена с конюшней. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, изумленный, что может все еще быть до такой степени пьяным. В конце концов, он просто широко развел руки в стороны и начал зигзагообразно прочесывать темный двор.

И так, наконец, он нашел ее.

Его пальцы коснулись холодного, скользкого от дождя камня, когда он пробирался обратно к стене конюшни, и он едва не всхлипнул от облегчения. Он скользнул рукой по изящному каменному запястью к ладони — кольцо было все еще здесь. Он попытался стянуть его с пальца статуи, но оно каким-то образом застряло.

Миг спустя он увидел почему. Вспышка молнии внезапно осветила двор: и он увидел, что каменная рука была теперь сомкнута, и кольцо, словно последнее звено цепи, было заключено в кольцо ее пальцев. Не было ни трещин, ни других признаков разлома — рука статуи, казалось, никогда не была в другом положении. Дождь струился по белому каменному лицу статуи, и ее неживые белые глаза, казалось, пристально смотрели на Кроуфорда.

Почти в тот же миг оглушительно грянул гром, казалось, выбив землю из-под его ног, и когда ноги снова коснулись грязи, он побежал, подгоняемый катящимся эхом обратно к гостинице, и ему почудилось, что в тот миг, когда он забежал внутрь и в страхе захлопнул дверь перед ночью, гром обрушился на гостиницу, словно волна на прибрежные скалы.

Когда Кроуфорд проснулся несколько часов спустя, он был уверен, что случилось что-то ужасное, и что скоро ему потребуется как следует постараться, чтобы все не стало еще хуже. Голова пульсировала столь ужасно, что он никак не мог вспомнить, что же за беда приключилась, или даже *где* он был, «но, возможно, — неуверенно сказал он себе, — это даже и к лучшему». Больше всего на свете ему хотелось еще поспать, но, приоткрыв на мгновение глаза, он увидел пятно почти засохшей грязи на простыне... и, поспешно сбросив одеяла, увидел, что она облепила его ступни и лодыжки.

Вконец испуганный, он выпрыгнул из постели. Что же все-таки он делал этой ночью. Что это было? Лунатизм? И где Кэролайн? Она его выгнала? Может он в сумасшедшем доме.

Затем он увидел под окном чемодан и вспомнил, что был в поселке Варнхем ^[33], в Сассексе, направляясь в Бэксхил-он-си ^[34], курортное местечко на берегу Английского канала, где он собирался второй раз жениться. Кэролайн умерла в том пожаре шесть лет назад. Странно, впервые со дня ее смерти он на миг забыл, что ее уже нет.

Но как же его ноги стали такими грязными? Он что пришел в гостиницу пешком? Ну, уж не босиком, наверное. «Нет, — подумал он, — я точно помню, что взял экипаж, чтобы встретиться здесь с Апптоном и Бойдом. Бойд должен быть моим шафером, а Апптон разрешил мне притвориться перед отцом Джулии, что его элегантный экипаж ландо ^[35]мой».

Кроуфорд позволил себе немного расслабиться и попытался вызвать в себе веселье, взглянуть на недавний испуг и теперешнюю тошноту как на обычные последствия гулянки, закаченной им с друзьями.

«Если я был в компании этих двоих прошлой ночью, — подумал он со смущенной грустной улыбкой, — одному богу известно, где я мог так извозиться. Покалечили мы кого-нибудь точно... надеюсь, хоть никого не *убили* и не *изнасиловали*. В самом деле, теперь я, кажется, начинаю припоминать, там была нагая женщина... нет, это была просто статуя»...

А затем он вспомнил, все что случилось, и его мимолетное веселье растаяло.

Лицо сделалось каменным, и он обессилено опустился на кровать. Это должно быть просто сон, тот сжатый каменный кулак; или, может быть, рука статуи никогда и не была раскрыта, может, он просто вообразил *это*, а на самом деле просто спяну пихнул кольцо в руку и не заметил, как оно упало. А позже на пальце статуи увидел что-то другое, скажем кусок проволоки.

Теперь, при свете дня, пробивающегося сквозь оплывшие стекла окон, было не слишком сложно поверить, что все это было сном или пьяной ошибкой. В конце концов, чем еще это могло быть?

Как бы там ни было, он потерял кольцо.

Чувствуя себя старым и разбитым, он открыл чемодан и вытащил запасную смену дорожной одежды. Сейчас он хотел горячего кофе. Разбавленный брэнди ^[36]помог бы конечно лучше, но он собирался идти искать кольцо с настолько ясной головой, насколько это возможно.

Апптон и Бойд еще не встали, чему Кроуфорд был даже рад. С трудом проглотив чашку горячего чая — единственного напитка, нашедшегося на кухне — он провел час, расхаживая по грязному двору позади гостиницы. Он был напряжен, но полон радужных надежд, когда начал, но к тому времени, когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы очертить ветви

дубов, растущих через дорогу, он был в ярости и отчаяньи. Немного погодя вышел хозяин гостиницы, и, хотя он выразил сочувствие и даже предлагал продать Кроуфорду кольцо взамен того, что он потерял, он уверял, что никогда не видел в округе ни одной статуи обнаженной женщины.

В конце концов, около десяти спутники Кроуфорда нетвердой походкой спустились к завтраку. Кроуфорд сел вместе с ними, но никто не знал что сказать, и он заказал себе брэнди.

К себе на коня я ее посадил,
И вокруг ничего не видел весь день;
По сторонам ее взгляд бродил,
И пела она песню фей.

— Джон Китс, «La Belle Dame Sans Merci» [\[37\]](#)

Грозовые тучи отогнало к северу, и Аплтон откинул складывающуюся гармошкой крышу экипажа, так что пока они ехали, летнее солнце выжигало алкогольную отраву из их организмов. Между тем, большая часть дороги между Варнхемом и морем была невероятно узкой, огороженная с обеих сторон камнями, наваленными столетия назад фермерами, расчищавшими участки, и Кроуфорду по временам казалось, что они ехали сквозь какой-то осевший под землю допотопный коридор.

Древние дубы простирали ветви над головой, словно стремясь предоставить коридору отсутствующую крышу, и, хотя нанятый Аплтоном кучер бранился, когда экипаж был ненадолго задержан тесно сбившимся стадом из двух дюжин овец, неспешно подгоняемых вперед колли и белобородым стариком, Кроуфорд был рад их компании — окружающий пейзаж становился слишком давящим и безжизненным.

Около полудня они остановились в таверне в Уэртинге, и, расположившись на затененной каштанами террасе, смотрели на искрящуюся под солнцем ширь Английского Канала. Наконец принесли их заказ, несколько кувшинов горького эля, гору пикулей [\[38\]](#) и три огромных мясных выпечки с инициалами каждого из мужчин оттиснутыми на корке (так что когда позже в пути они развернули остатки трапезы, не составило никакого труда определить, где была чья). Некоторое время они молча воздавали должное пище.

В конце концов, Кроуфорд отодвинул тарелку, снова наполнил свой бокал, а затем воинственно покосился на своих спутников. — Я потерял кольцо, — сказал он. Морской бриз задул назад его темные волосы, позволяя солнцу играть с пробивающейся на висках сединой в те мгновения, когда он не был затенен покачивающимися над головой ветвями или чайками, шумно снующими взад и вперед над прибрежным склоном.

Аплтон удивленно моргнул. — Кольцо? — непонимающе отозвался он.

— Чертово обручальное кольцо, то самое, которое Джек должен вручить мне сегодня вечером. Я потерял его прошлой ночью, когда вы резвились на заднем дворе гостиницы.

Джек Бойд покачал головой. — Боже, мне очень жаль, Майк, это все из-за меня, из-за того чертового помешательства. Я не должен был так напиваться. Я достану тебе новое как-нибудь...

— Нет, это я виноват, — вмешался Аплтон с улыбкой, хотя и грустной, но впервые за этот день искренней. — Я был трезвее, чем вы двое, но я испугался темноты и бросил вас. Дьявол, Майкл, я даже видел, как ты доставал кольцо из кармана пальто, которое ты накинул на ту замерзшую барменшу. Я понимал, что это было опрометчиво, но так торопился попасть обратно внутрь, что предпочел не возвращаться за ним. Я настаиваю, чтобы ты позволил мне заплатить за него.

Кроуфорд поднялся и допил остававшийся в кружке эль. Его лицо все еще хранило остатки глубоко-въевшегося загара, приобретенного им за годы морской службы, и когда он улыбался, он выглядел похожим на иностранца, какого-нибудь американца или австралийца. — Нет, я не то хотел сказать, я сам его потерял. В любом случае я уже приобрел ему замену у хозяина гостиницы. Это обошлось мне в половину наличности, но думаю, оно того стоило. Он протянул кольцо на ладони, чтобы они могли на него посмотреть.

Аплтон снова обрел утраченный было тон. — Да, неплохо, — рассудительно сказал он, — эти южные простак, поди, *настоящего* золота в глаза не видели... а может, и металла вообще. Да, думаю, с этим проблем не возникнет. Как там это место называлось? Подточенное-морем [\[39\]](#)?

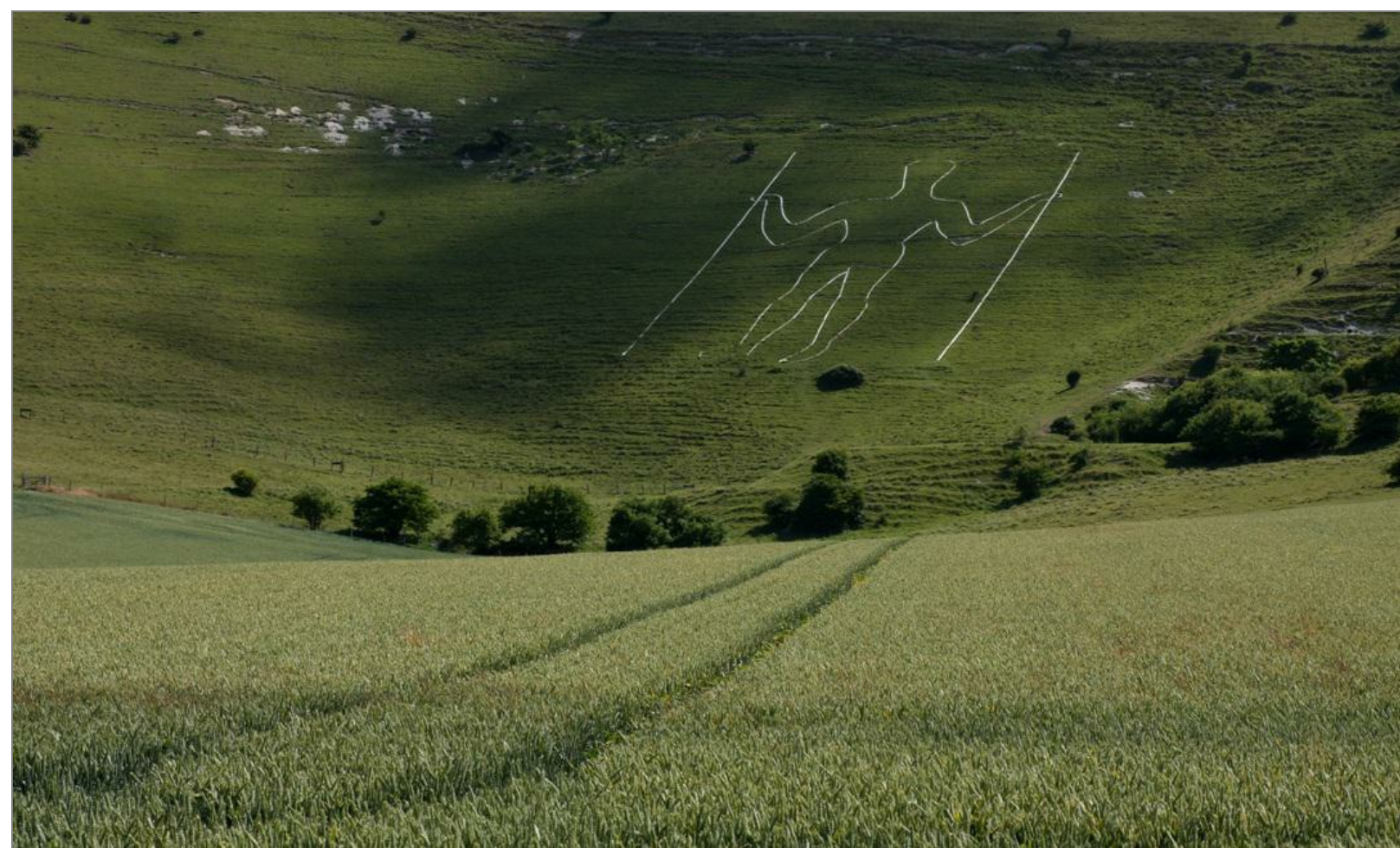
Кроуфорд открыл было рот, чтобы напомнить ему, что место называлось Бэксхил-он-си, но теперь, когда вернулась хоть незначительная толика веселья, он не хотел казаться занудой. — Что-то вроде того, — сухо ответил он, когда они завернули недоеденное и направились обратно, туда, где возле экипажа их ждал нанятый кучер.

Дорога наконец-то выбралась на открытую местность. Экипаж трясся, следуя вдоль каменных дамб Брайтона и Хоува, и слева от них раскинулось море. Бойд делал пренебрежительные замечания по поводу маленьких лодочек, чьи цвета слоновой кости паруса были словно выгравированы на лазоревых волнах. И, даже когда они свернули от моря, следуя по дороге на Льюис, пролегающей через Саут-Даунс [\[40\]](#), по обеим сторонам простирались бескрайние зеленые луга, а огораживающие поля стены были совсем невысокими.

В пути с ними случилось лишь одно неприятное происшествие. Они проезжали мимо северного склона Виндовер Хилл [\[41\]](#), когда Кроуфорд очнулся от беспокойной дремоты и увидел гигантскую фигуру мужчины, грубо вырезанную на меловом склоне далекого холма. Он тотчас подхватился, изготовившись на сиденье, и схватился за дверь, словно собирался выпрыгнуть из экипажа, а затем побежать обратно к морю, но Бойд поймал его и толкнул обратно на сиденье.

Кроуфорд испуганно уставился на фигуру, и его попутчики оглянулись, чтобы увидеть, что могло его так взволновать.

— Да ради бога, Майк, — нервно сказал Бойд, — это же просто древняя саксонская фигура на холме, здесь такие повсюду. Этого парня зовут Вильмингтонский верзила [\[42\]](#). Это просто...

Великан из Вильмингтона

Все еще до конца не проснувшийся Кроуфорд перебил его — *Почему он следит за нами?* — прошептал он, вглядываясь через разделявшие их мили фермерских земель на бледный контур на холме.

— Тебе просто приснился сон, — немного резко сказал Аплтон. — Зачем ты пил, если после этого тебе снятся такие сны? Он вытащил из кармана пальто фляжку, как следует к ней приложился, а затем наклонился вперед и приказал кучеру ехать быстрее.

Позже, после полудня, они миновали первый из стоящих на отшибе каменно-соломенных коттеджей Бэксхил-он-си. Еще несколько миль и они были посреди затененных улочек города, проезжая мимо ряда опрятных домиков 17-го века, построенных из местного медового оттенка известняка. Границы дворов и улочек были украшены цветами, а дом, у ворот которого они остановились, был едва виден с дороги, из-за тысяч красных и желтых роз, усыпавших длинные плети, обвивающиеся вокруг стоек изгороди.

Когда Кроуфорд выбрался из экипажа на траву, сидевший у ворот мальчишка вскочил на ноги и припустил через лужайку по направлению к дому. Спустя несколько мгновений неожиданный скорбный вой волюнки вспугнул птиц с деревьев над головой, и Аплтон, который вслед за Кроуфордом вылез из экипажа и пытался разгладить помятый пиджак, вздрогнул, когда его услышал.

— Что это, кровавое жертвоприношение? — любезно осведомился он. — Может какой-нибудь друидский обряд намечается?

— О, нет, — поспешно вскинул руки Кроуфорд, — э-э, это должна быть традиционная

Шотландская церемония, как я понимаю. Оконечность острова, конечно, не та, но...

— Иисусе, — обеспокоено вставил Бойд, — надеюсь, они не собираются заставить нас есть эти набитые бараньи желудки? Как там они их называют? Хавок ^[43]?

— Хаггис ^[44]. Нет, еда будет обычной, но... ох, они насурьмят брови Джулии ^[45], и я послал заранее полную банку хны ^[46], для того чтобы подружки невесты могли разукрасить ее ступни, после того как они их вымоют...

Он потянулся к багажному отделению экипажа за своим чемоданом, а затем застыл.

— Эй, Майк, — позвал Бойд, перегибаясь через борт экипажа и хватая Кроуфорда за плечо, — ты часом не заболел? Ты внезапно побледнел как рассветные небеса.

Кроуфорд вздрогнул, но затем продолжил прерванное движение. Трясущимися пальцами он начал ослаблять удерживающие багаж кожаные ремни. — Н-нет, я в порядке, — сказал он. — Я просто... вспомнил кое-что.

Упоминание о мытье ног воскресило спавшие доселе воспоминания о прошлой ночи — Он *отмыл* ноги, а также снял грязные брюки, после того, как сбежав от статуи, забился в свою комнату. И не прибирался он совсем не из-за какой-то там брезгливости, как подумал позже, а из-за необъяснимого ужаса перед Сассекской грязью. Так что не было никаких сомнений, он выходил наружу еще раз... по меньшей мере. Он порылся в памяти в поисках каких-нибудь воспоминаний об этом, но остался ни с чем.

«Мог ли он снова отправиться искать кольцо»? Этот вопрос испугал его, как только он себе его задал, так как подразумевал, что могла существовать какая-то *другая* причина. Он заставил себя сосредоточиться на отвязывании багажа.

Из дома начали выходить люди. Кроуфорд опознал священника, который угощал его и Джулию чаем в местном приходе две недели назад. Позади него стоял отец Джулии, а дама в голубой бархатной накидке — чья шаркающая походка подводного существа была, как он решил, результатом нежелания смотреть вниз, на каменные ступеньки, из страха растрепать высокую усыпанную розами прическу — должно быть была тетей Джулии, хотя раньше Кроуфорд видел ее только в домашнем платье, с волосами, стянутыми в тугий узел.

«А хмураяся девушка, держащая позади, — осторожно прикидывал он, — должно быть Джозефина — сестра-близняшка Джулии. Они, безусловно, похожи, но она такая худая, и почему она так сутулит плечи? Может, это та самая защитная „механическая“ поза, которую как говорила Джулия, она принимает в стрессовых ситуациях. В таком случае, это еще менее привлекательно, и гораздо менее забавно, чем она мне описывала».

Отойдя от экипажа пахнущего кожей и мясным пирогом, он впервые ощутил сельские запахи Восточного Сассекса — запах глины, благоухание цветов и легкий запах от далекой сыроварни. Все это было так далеко от мускусного запаха больных людей и резкого зловония вымытых уксусом больничных стен.

Он освободил свои чемоданы и поставил их на край посыпанной гравием дороги, где как раз примчавшийся обратно мальчик, подхватил их и раскачивающейся, семенящей походкой потащил багаж в сторону дома. Помня, что Джозефина не одобряет того, что ее сестра выходит замуж за врача — тем более за врача, который в настоящее время специализируется в области медицины, что традиционно была уделом не имеющих медицинского образования бабок — Кроуфорд сделал вид, что не заметил ее, и вместо этого демонстративно приветствовал ее отца и тетю.

— Джулия наверху, — сказал ее отец, сопровождая новоприбывших к дому, — беспокоится по поводу своих волос и одежды. Ну, *ты* знаешь этих невест. Кроуфорду

показалось, что Джозефина что-то проворчала за его спиной, и тогда старик, казалось, сообразил, что сказал что-то неловкое. — Ну как... ох... я просто хотел сказать...

Кроуфорд натянуто улыбнулся. — Я уверен, ей не нужно волноваться о таких вещах, сказал он. — Сколько я ее видел, она всегда выглядит, по меньшей мере, великолепно.

Видимо торопясь оставить в прошлом непреднамеренное упоминание о первой жене Кроуфорда, старый мистер Кармоди поспешно закивал, подмигивая и улыбаясь. — О, несомненно, несомненно. Просто вылитая покойная мать.

Кроуфорд оглянулся назад, на дорогу и экипаж, когда мистер Кармоди сказал это, и поэтому увидел, как выражение вытянутого лица Джозефины мгновенно сменилось с озлобленного на отсутствующее. Она продолжала идти, но ее руки и ноги словно одеревенели, а голова, когда она отвернулась, переместилась одним резким рывком, словно это был мгновенный бросок паука. Ее широко раскрытые ноздри побелели. Судя по всему, это и была ее механическая поза.

Он посмотрел на ее отца, ожидая новых извиняющихся бормотаний, чтобы замять то, что было очевидно другой щекотливой темой, но старик ковылял в неведение, ухмыляясь и качая головой на какое-то замечание отпущенное Аплтоном.

Кроуфорд удивленно вскинул брови. Пожилой отец совсем не казался невнимательным или беспечным, но, несомненно, если тема смерти его жены была столь очевидно травмирующей для одной из его дочерей, должен же он был когда-то это заметить? В конце концов, для этого у него было целых двадцать лет, прошедших с тех пор, как мать близняшек умерла от потери крови, спустя несколько минут после того, как родила Джозефину, вторую из них.

Очутившись внутри, путешественники получили по кружке сидра и тарелке с хлебом и сыром, и, пока они разбирались с этой нехитрой снедью, они с притворным наслаждением слушали юношу, исторгающего душераздирающие мелодии из волынки. В конце концов, мистер Кармоди прервал сольный концерт и предложил показать гостям их комнаты.

Кроуфорд покорно проследовал в свою комнату, где сполоснул лицо в стоящем на туалетном столике тазу, но затем выбрался обратно в коридор и прокрался к двери Джулии. Она ответила на его стук и, несмотря на свадебные приготовления, оказалась одна, и все еще, по воле случая, была одета в зеленое хлопковое платье. Со снятыми туфлями она казалась даже ниже чем обычно, что делало ее цветущие формы и стройную талию еще более потрясающими. Ее длинные каштановые волосы были все еще слегка влажными после недавнего купания.

— Ты почти на целый день опоздал, — сказала она, после того как его поцеловала. — Что случилось? Колесо сломалось?

— Задержался из-за сложных родов, — ответил Кроуфорд. — Пациентка благотворительного отделения — семья отвезла ее в больницу только после того, как повивальная бабка допустила почти роковую оплошность. Он уселся на широкий подоконник. — Я кстати только что повстречал снаружи твою сестру. Она действительно выглядит не слишком хорошо.

Джулия села рядом и взяла его за руку. — Ох. Бедная Джозефина просто расстроена, что ты увезешь меня отсюда. Я тоже лишусь ее, но у меня своя жизнь. А она должна... стать наконец Джозефиной. Джулия пожала плечами. — Кто бы это не оказался.

— Думаю, у нее снова неприятности. Сколько она уже использует этот механический трюк?

— Ох, пожалуй, с самого детства. Однажды, когда мы были детьми, она спросила меня, что я делаю, чтобы ночные страхи не могли до меня добраться, когда я лежу в постели. Я спросила ее, что делает *она*, и она ответила, что раскачивается туда-сюда, словно рычаг помпы или часовой механизм, или что-то в этом роде, так что страхи говорят себе, — Джулия перешла на низкий голос, — *ррр, этоне человек, этоне добыча* — это какое-то *устройство*. Джулия печально улыбнулась.

— Тем не менее, она только что делала это во дворе, когда отец упомянул вашу мать. Вряд ли она решила, что ночные буки подбираются к ней.

— Нет, она больше не боится призрачных существ, бедняжка. Теперь она просто выполняет свой механический трюк, когда случаются вещи, которые она не может вынести. Думаю, она решила, если Джозефина не может выдержать то, что сейчас происходит, лучше всего, если Джозефина прекратит существовать, на некоторое время, пока все не закончится.

— Боже. Кроуфорд посмотрел в окно на солнечную листву, одевающую ветви высоких деревьев. — Разве... я хочу сказать, ты и твой отец... вы *пытались* помочь ей преодолеть это, то, что случилось с ее, с вашей матерью? Потому что...

— Конечно, мы пытались. Джулия всплеснула руками. — Но это не помогло. Мы *всегда* говорили ей, что смерть моей матери — не ее вина. Но она не хочет даже слушать. С тех пор как она была маленькой девочкой, она одержима идеей, что именно она убила ее.

Кроуфорд посмотрел в окно на идущую от крыльца дорожку, где он впервые увидел Джозефину и покачал головой.

— Мы действительно пытались помочь ей, Майкл. Ты знаешь меня, ты знаешь, я хочу ей помочь. Но все бесполезно — только *попытайся* представить себе, через что мы прошли, живя с ней! Святой Боже, во время своих приступов она вдруг начинала считать себя мной. Лишь несколько лет как это закончилось. Это было так унижительно. Она носила мою одежду, навещала моих друзей. Я... не могу *описать* тебе, что я чувствовала. Ты, должно быть, общался в юности с молодыми девушками, и знаешь, как легко ранить их чувства! Честное слово, по временам я даже подумывала, что мне следует убежать, завести новых друзей где-нибудь еще. Ну и, конечно, мои друзья забавлялись потом, притворяясь, что принимают *меня* за *нее*.

Кроуфорд понимающе кивнул головой. — Как думаешь, она не собирается проделать это сегодня? Он вздрогнул от мысли, что Джозефина устроит какую-нибудь сцену, воображая, что *она* его жена.

Джулия засмеялась. — Вот бы драма разыгралась, верно? Нет, я, в конце концов, прекратила это. Однажды, когда она решила снова побеспокоить моих друзей, я последовала за ней и столкнулась с ней лицом к лицу. И даже тогда она с минуту или около пыталась продолжать свое... *притворство*. Мои друзья чуть не лопнули от смеха. Мне было сложно сделать это, унижить нас обеих таким образом, но это сработало.

Джулия поднялась и улыбнулась. — Тебе, кстати, не положено здесь сейчас находиться — брысь и начинай одеваться, чувствую, мы довольно скоро увидимся.

Свадьба состоялась в девять часов вечера в просторной гостиной Кармоди, где невеста и жених преклонили колени на положенные на пол подушки. В течение почти всей церемонии предзакатное августовское солнце скользило сквозь западные окна и высекало золотые и розовые искры в выстроившихся на полке хрустальных фужерах. После того как опустились сумерки и слуги принесли лампы, священник вверенной ему властью объявил Майкла и Джулию мужем и женой.

Джозефина была удивительно бесстрастной подружкой невесты. В этой части торжества они с Бойдом должны были сходить на кухню и вернуться обратно, Джозефина с овсяной лепешкой, а Бойд с деревянной чашей крепкого эля. Чаша должна была быть пущена по кругу, после того как Кроуфорд сделает первый глоток, а Джозефина должна была церемониально разломить лепешку над головой Джулии, символически обеспечивая Джулии плодovitость и даруя удачу гостям, которые подберут крошки с пола [\[47\]](#).

Но, когда Джозефина держала маленькую лепешку над головой Джулии, она уставилась на нее на мгновение, а затем опустила ее, и, присев, осторожно положила на пол. — Я не могу разломить ее пополам, — тихо, словно самой себе, сказала она, а затем медленно пошла обратно на кухню.

— Да, с детьми, похоже, не срослось, — сказал Кроуфорд в наступившем молчании. Он отхлебнул немного пива, и спрятал замешательство за гримасой блаженства. — Хорошие у них здесь пивовары, — по секрету сообщил он Бойду, передавая ему чашу. Хвала небесам, что ей доверили нести лепешку, а не чашу.

На самом деле, Кроуфорд хотел иметь детей. Его первый брак не принес потомства, и он надеялся, что проблема крылась в бедной Кэролайн, а не в нем... и не хотел верить слухам, что Кэролайн была беременна, когда дом, в котором она жила, сгорел дотла, так как к тому моменту он уже целый год даже не разговаривал с ней.

В конце концов, он ведь был акушером — *an accoucheur* — и, несмотря на те два года, что он провел, штопая раны и отпиливая раздробленные конечности моряков Его Величества во время войн с Испанией и Соединенными Штатами, его призванием было принимать роды. Хотел бы он, чтобы о матери Джулии тогда позаботился кто-нибудь с его уровнем квалификации.

Сложные роды в больнице Святого Георгия заставили его и Бойда упустить экипаж, который они заказали заранее на юг от Лондона, и пока они дожидались следующего в баре на постоялом дворе [\[48\]](#), Бойд раздраженно спросил его, почему, после всего замудренного хирургического обучения, его угораздило связать свою карьеру с областью медицины, которая не только заставила его опоздать на свою свадьбу, но с которой «старые бабки и так прекрасно справляются уже тысячи лет».

Кроуфорд попросил принести еще один кувшин, снова наполнил свой бокал, и попытался объяснить.

— Во-первых, Джек, они *не так уж* «прекрасно» с ней справляются. Для большинства будущих матерей было бы лучше родить вообще без чьей-либо помощи, чем рожать с повивальными бабками. Меня обычно вызывают только после того, как повивальная бабка допустит какую-нибудь ужасную ошибку, и некоторые картины, которые я там застаю, заставили бы побледнеть даже тебя. Да, даже тебя с твоими шрамами, оставшимися после Абукира и Трафальгара. К тому же, все по другому, когда речь заходит о жизни младенца. Это человек, о котором... о котором, знаешь ли, не выдумаешь никаких ну-по-крайней-мере. «Ну, по крайней мере, он знал, на что шел, когда подписывался на это» или «Ну, по крайней

мере, если кто-либо заслужил этого, то точно он» или «Ну, по крайней мере, с ним была его вера, поддерживающая его в эти трудные минуты». Это человек, который не может видеть, осознавать или соглашаться с чем-либо, но он сможет, дай только время — и вот почему нельзя удовлетвориться просто высоким уровнем выживаемости, как это устроило бы тебя э-э... ну, например, с рассадой помидоров или приплодом породистой собаки.

— Думаю, — сказал Бойд, — люди все же скоро поумнеют и все образуется. Этого действительно достаточно чтобы занять всю твою *жизнь*?

Кроуфорд прервал тираду, чтобы осушить бокал, и потребовал принести еще кувшин. — Э-э... да. Да. Обыкновенное застарелое ханжество — вот что сохраняет такое первобытное положение вещей. Это оно сделало запретной зоной *джунгли*, непроходимые дебри, которыми поросла эта область медицины. Даже теперь доктор — если он мужчина — может обычно принимать роды, только если роженица накрыта простыней. Он должен сделать все возможное на ощупь, вслепую, поэтому довольно часто он перерезает пуповину в неправильном месте, и мать или ребенок умирают, истекая кровью. И никто до сих пор даже не *попытался* выяснить, какие виды продуктов будущей матери следует есть или не есть, чтобы ребенок родился здоровым. А вся чертова «литература» на эту тему — просто сборище дурацких гипотез, суеверий и ошибочно занесенных в каталог ветеринарных записей.

Прибыл новый кувшин, и Бойд за него заплатил. Кроуфорд, все еще погруженный в свои мысли, рассмеялся, хотя его хмурый взгляд так и не разгладился.

— Черт, да ты только послушай, — продолжал он, машинально наполняя свой бокал, — каких-то несколько лет назад я отыскал в библиотеке Корпорации Хирургов швейцарскую рукопись, числящуюся в каталоге под темой кесарево сечение, в большой папке известной как *Сборник Менотти* ^[49]... и я обнаружил, что она была вообще не о рождении. Человек, который заносил рукопись в каталог, просто смотрел на рисунки в обратном порядке.

Бойд нахмурился при этих словах, затем вопросительно поднял брови. — Ты что хочешь сказать, это была рукопись о том, как *засунуть* ребенка обратно в женщину?

— Почти. Это была процедура помещения хирургическим путем маленькой статуи внутрь человеческого тела. При этих словах Кроуфорду пришлось вскинуть руку, призывая Бойда помолчать. — Позволь мне закончить. Рукопись была написана по-латински, с сильными сокращениями, словно хирург, который оставил эти записи, просто делал заметки для себя и никогда не предполагал, что их будет читать кто-нибудь другой. Рисунки тоже были лишь грубыми набросками, но я, тем не менее, вскоре осознал, что даже тело, в которое помещали статую, было не женское, а *мужское*. И, тем не менее, уже несколько сотен лет эта рукопись значится в каталоге как работа на тему кесарева рождения!

Сквозь гостиничное окно он увидел экипаж, въезжающий в эту минуту на двор, и в несколько больших глотков осушил свою кружку. — Вот и наш экипаж до Варнхема, где мы встретимся с Аплтоном. В любом случае, — сказал он, когда они поднялись и подхватили свой багаж, — теперь ты знаешь, почему я не верю, что принятие родов может стать организованным умением в сколь-нибудь обозримом будущем.

Кроуфорд и Бойд вытащили свой багаж на улицу и через мостовую направились к стоящему неподалеку экипажу. В экипаж запрягали свежих лошадей, а возница уже куда-то ушел, по всей видимости, в бар, который они только что покинули.

— Ну? — сказал в конце концов Бойд. Когда Кроуфорд обратил к нему непонимающий взгляд, он продолжил почти в гневе, — Так зачем этот Макарони ^[50] хотел засунуть статую

кому-то внутрь?

— А! Да, точно, — Кроуфорд на минуту задумался об этом, затем пожал плечами. — Я не знаю, Джек. Это было семь или восемь столетий назад. Вероятно, никто этого так и не узнает. Но моя *точка зрения*...

— Я уже слышал твою точку зрения, — потеряв интерес, заверил его Бойд. — Тебе нравится принимать роды.

А теперь вот его новая свояченица нарушила традиционные свадебные ритуалы плодородия. Кроуфорд улыбнулся, глядя как Джулия сбежала от отца и священника, которые разговаривали возле окна гостиной, и направилась туда, где стояли они с Бойдом.

— Ну, *почти* всепрошло по шотландским традициям, дорогой, — сказала она, наклоняясь чтобы поднять бисквит, оставленный Джозефиной на полу. — А это в любом случае была не овсяная лепешка — это был Биденденский [\[51\]](#)кекс из графства Кент по ту сторону Уилда. Она протянула его Кроуфорду.

— О, я их помню, мисс... э-э, миссис Кроуфорд, — сказал Бойд, который вырос в Сассексе. — Они обычно нарасхват на Пасху, верно?

— Именно так, — сказала Джулия. — Майкл, не пора ли уже взойти на борт экипажа мист... на борт твоего экипажа и отбыть в плавание. Уже темнеет, а до Гастингса [\[52\]](#)несколько миль.

— Ты права. Он опустил бисквит в карман пальто. — К тому же к полудню мы должны быть на лодке, идущей в Кале [\[53\]](#). Я пойду, попрощаюсь.

Аплтон и Бойд оставались здесь и собирались назавтра взять отдельные экипажи до Лондона. Он нашел их и пожал им руки, улыбаясь чтобы скрыть неожиданный, малодушный порыв вернуться вместе с ними, и оставить более отважным душам все это предприятие с супружеством.

Джулия приблизилась к нему сзади и тронула его за плечо. Он кивнул на прощанье своим друзьям, затем повернулся, взял ее за руку и повел к парадному входу.

* * *

Луна скрылась и вновь вынырнула из крепко сбитых облаков над головой, пока их ландо, стуча колесами, двигался по прибрежной дороге. Поднялся сильный ветер, который почти заглушал дыхание далеких волн. Кроуфорд поплотнее укутал себя и Джулию меховым пледом, благодаря небеса, что верх кареты был поднят; наблюдая, как пар от его дыхания клубами улетает в сторону, он милосердно понадеялся, что кучер, прежде чем они отбыли, изрядно хлебнул брэнди старого мистера Кармоди.

Необузданность этой ночи, казалось, передалась лошадям, так что они почти галопом мчались в упряжке. Их уши были прижаты, из-под копыт сыпали искры, даже несмотря на то, что дорога не была особенно кремнистой. Карета стрелой промчалась через, к счастью, пустые улицы сент-Леонардс [\[54\]](#)спустя лишь неполных десять минут, после того как они выехали из Бэксхил-он-си, и вскоре после этого Кроуфорд увидел впереди огни и строения Гастингса и услышал, как кучер клянет лошадей, заставляя их умерить свой пыл.

Коляска в конце концов сбавила ход, остановившись перед подъездом гостиницы Келлер, и Кроуфорд помог Джулии сойти на мостовую, которая, после этой бешеной скачки, казалось раскачивалась словно палуба корабля.

Они подождали, и несколько молодых лакеев в гостиничных ливреях выбежали из здания и начали выгружать их багаж из экипажа. Кроуфорд попытался заплатить за поездку, но получил ответ, что Аплтон уже за все заплатил, так что он удовольствовался тем, что дал кучеру щедрые чаевые, а затем тот снова забрался на сиденье, чтобы отогнать карету обратно к дому Аплтона в Лондоне.

Затем, неожиданно сгорая от нетерпения и в тоже время чувствуя себя неловко, Кроуфорд взял Джулию под руку и проследовал за нагруженными багажом слугами в гостиницу. Несколько минут спустя янтарный свет лампы осветил окна верхнего этажа, и немного погода погас.

* * *

Утром Кроуфорд был внезапно разбужен стуком горничной. Солнечный свет, проходящий сквозь кривое оконное стекло, наполнял комнату радужными брызгами и полосами, и словно замерзший фонтан расцвечивал противоположную стену. Кроуфорда лихорадило, тело его словно одеревенело, что было странно, накануне он выпил совсем немного. Первые несколько минут, пока он лежал лицом к солнечной стене, ему казалось, что он все еще в Варнхеме, и что ему еще только предстоит жениться этим вечером.

Коричневые пятна, маячащие перед его глазами на стеганом одеяле, казалось, подтверждали его догадку. «Все верно, — отстраненно подумал он, — ночью я вышел босиком на грязный двор... и там мне спяну привиделись какие-то галлюцинации, и я так и не сумел найти это чертово обручальное кольцо. Надо будет этим утром сходить и поискать его снова». Где-то на краю сознания шевельнулась мысль, из чего же состоит эта грязь. Запах в комнате стоял, безусловно, странный, тяжелый, словно запахи в операционной.

«И откуда здесь на простыне взялись эти голубоватые кристаллы кварца? Их тут, пожалуй, с полдюжины, каждый размером с воробьиное яйцо». Он поднял их, изучая — это были притягивающие взгляд маленькие камешки, зернистые, но при этом сияющие аметистовым блеском — но зачем ему понадобилось разбрасывать их по кровати?

Служанка постучалась снова. Со стоном он повернулся от стены...

...а затем, закричав, в ужасе скатился на пол, и пополз обратно по гладкому дереву, собирая ковры за своей спиной, пока не уперся о стену, по-прежнему крича и судорожно всхлипывая.

Коричневые пятна не были грязью.

Нечеловеческий крик рвал на части его легкие, но разум отключился, недвижимый, словно сломанные часы. И, хотя веки его были плотно сжаты, отгораживая его от внешнего мира, перед глазами продолжала стоять ужасная картина, белые зазубренные кости, торчащие из разодранного изуродованного тела и кровь, кровь повсюду. Он больше не был Майклом Кроуфордом, не был даже человеком. На несколько нескончаемых минут он был лишь кристаллизовавшимся клубком ужаса и полного отрицания.

В нем осталось лишь желание прекратить быть. Лишь досадное обстоятельство, что он все еще дышал, неразрывно связывало его с этим миром, и миру не было дела до его желаний. И словно насмехаясь над ним, к нему вернулась способность слышать.

Служанка убежала, но теперь из коридора доносились мужские голоса. Дверь затряслась от громкого стука, который были слышен даже сквозь несмолкающие крики Кроуфорда. В конце концов, дверь сотряс тяжелый удар, еще один, а затем третий расщепивший дерево пополам. В образовавшийся проем сверкнул чей-то глаз, затем грубая рука скользнула сквозь пролом и отворила засов. Дверь рывком распахнулась.

Ворвавшиеся в комнату мужчины бросились к кровати, но после мимолетного взгляда на зазубренные, влажно блестящие останки, что лишь несколько часов назад были Джулией Кроуфорд, они обратили застывшие бледные лица к Кроуфорду, который наконец-то сумел задушить крик, яростно закусив сжатую в кулак руку и уставившись в пол.

Он смутно осознавал, что мужчины, пошатываясь, покинули комнату, и сквозь вырывающееся из него мычание, до него донеслись звуки суеты и крики, какие случаются, если кому-нибудь вдруг становится ужасно плохо. Спустя какое-то время мужчины, возможно, те же самые, вернулись обратно.

Они поспешно собрали в кучу его одежду и обувь и помогли ему одеться и выйти в коридор, а затем подхватили его и практически снесли вниз по лестнице на кухню. И когда рвущийся из него вопль высосал из него последние силы и затих, они дали ему бокал брэнди.

— Мы послали за шерифом, — дрожащим голосом сказал один из мужчин. — Ради всего святого, что *случилось*?

Кроуфорд жадно глотнул спиртного и обнаружил, что способен думать и даже говорить. — *Я не знаю!* — прошептал он. — Как такое могло — *случиться!* — пока я *спал*?

Двое мужчин переглянулись, а затем вышли, оставив его одного.

Ему хватило лишь одного взгляда, чтобы понять, она была мертва. Слишком часто ему приходилось видеть такие ужасные смерти за время службы. Но только в случае с телом, доставленным после морской битвы, он легко мог предположить, что на матроса свалился обломок мачты, или что незакрепленная пушка откатилась и раздавила канонира, прижав его к переборке. «Но что, черт побери, произошло с ней»?

Кроуфорд вспомнил, как ворвавшийся первым мужчина бросил удивленный взгляд на потолок, словно ожидая увидеть там колоссальный проем, из которого вывалился огромный кусок кладки, но штукатурка была целой, лишь чуть-чуть забрызганной кровью. «И как, ради всего святого, он мог не просто миновать все без единой царапины, но и *продолжать спокойно спать в это время*? Может, ему подмешали наркотик или вырубili ударом по голове? Но нет, он все-таки был доктором и не наблюдал последствий ни того ни другого».

«Что за муж может спать во время такого зверского убийства — и, возможно, насилия, хотя нет никакого способа получить ответ на эту догадку у лежащего наверху изуродованного тела — его жены? Разве не говорилось что-то о „защите“, в клятвах, которые он принес прошлой ночью»?

«Но как же убийца проник в комнату? Дверь была заперта изнутри, а окно, по меньшей мере, в дюжине футов над мостовой, и в любом случае, слишком маленькое. Даже ребенок не смог бы в него пролезть ... да и какой ребенок мог совершить такое убийство». Кроуфорд подумал, что для того, чтобы превратить грудную клетку в такое месиво, даже сильному мужчине потребовалось бы кувалда.

«*И как, во имя всех святых, он мог спать в это время*» ?

Помимо его воли ужасная картина ее зверски разможенного тела неотступно стояла перед его мысленным взором. И где-то на задворках маячил объятый пламенем дом, в котором погибла Кэролайн и лодка, перевернувшаяся в прибрежных волнах, и пошедшая ко дну вместе с его младшим братом. Терзающие его образы стали наконец-то совершенным триумvirатом. Он знал, что эти картины навсегда останутся тем, что отгораживает его от нормальной жизни, словно грубые валуны, завалившие дверные проемы и коридоры когда-то довольно милого и уютного дома.

Почти отстраненно он размышлял, осталось ли что-то, ради чего стоит продолжать жить, что-то ради чего он не наложит на себя руки.

По меньшей мере еще раз он наполнял кружку брэнди, но теперь его замутило от резкого запаха, и, подумав о кухонном поле — *«Какая трогательная забота,— истерично вмешался его разум, — кухонный пол! А как насчет пола наверху и кровати, и матраса»!*— он решил выйти наружу в сад.

Свежий морской бриз развеял его тошноту, и он бесцельно побрел по узким, затененным тропинкам, пытаясь растворить терзающую его индивидуальность в пьянящих ароматах и живых красках цветов.

Он засунул руки в карманы пиджака и что-то там нащупал. После мгновенного замешательства, он опознал Биденденский кекс, который Джозефина не смогла разломить на их венчании минувшей ночью. Он вытащил его из кармана. На его крошащейся поверхности был вылеплен рисунок. Приглядевшись, он увидел, что это изображение двух женщин, физически соединенных в области бедра. Кроуфорд читал о близнецах, которые рождались таким образом, но не знал, почему город Биденден прославляет одну из таких пар на своих бисквитах [\[55\]](#). Он раскрошил кекс и разбросал его по дорожке для птиц.

Спустя какое-то время он направился обратно, туда, где посреди пышной зелени вырастала задняя стена гостиницы, но остановился, услышав голоса, доносящиеся из-за живой изгороди впереди. Меньше всего сейчас ему хотелось с кем-нибудь говорить.

— К чертям все твои «Следовало его задержать» — донесся сердитый мужской голос. Я что тебе стражник? В любом случае, никто и подумать не мог, что он может сбежать. Нам его нести пришлось.

— Убийцы, как правило, неплохие актеры, — ответил другой голос.

От ярости у Кроуфорда внезапно помутилось в глазах, и он качнулся назад. Он набрал в легкие воздух, но, прежде чем он успел закричать, он услышал, как второй голос спросил: — Ты знаешь, как умерла его первая жена? И он обмяк и позволил набранному воздуху выйти наружу.

I will drain him dry as hay:
Sleep shall neither night nor day
Hang upon his pent-house lid;
He shall live a man forbid:
Weary se'nights nine times nine
Shall he dwindle, peak and pine:
Though his bark cannot be lost,
Yet he shall be tempest-tost.
— **Shakespeare, Macbeth**

Как солому иссушу,
Сон на веки не пущу,
Не заснуть ему вовек,
Изведется человек.
Девять девятью седмиц
Будет чахнуть и томиться.
Хоть корабль не потоплю,
В бурных водах потреплю.
— **Шекспир, Макбет**

— ... *Первая*жена? Нет. Ты-то откуда знаешь?

— Отец и сестра мертвой леди прибыли несколько минут назад — сидят в столовой. Они сказали, его первая жена сбежала с моряком, который ее обрюхатил, а Кроуфорд прознал об этом и спалил дотла дом, в котором она жила. Моряк пытался проникнуть в горящий дом и спасти ее, но Кроуфорд завязал с ним драку на улице перед домом, а потом уже было поздно пытаться попасть внутрь.

Глаза, челюсти и кулаки Кроуфорда, все было крепко стиснуто, и он был вынужден опуститься, чтобы не упасть навзничь. Кровяное давление звоном стояло в ушах.

— Господи, — продолжил первый голос. — А ты видел, что он сделал с девочкой Кармоди, там наверху? Словно мельничное колесо по ней прокатилось. А затем, просто улегся спать! Доктор сказал, судя по температуре тела и тому, как засохла кровь, что она была убита в районе полуночи. Так что старина Кроуфорд проспал там, после того как это случилось, где-то около семи часов!

— Во что я тебе скажу, я без пистолета в этот чертов сад не выйду.

— Ага, и я тоже. Давай...

Затем голоса отдалились. Кроуфорд уселся на траву и обхватил голову руками. Эти люди настолько во всем заблуждались, что он отчаялся хоть когда-нибудь все исправить... но хуже всего было то, что мистер Кармоди, по-видимому, *верил* в эти старые рассказы по поводу смерти Кэролайн.

Это случилось почти шесть лет назад. Кэролайн бросила его, и, хотя он узнал в каком доме в Лондоне она жила, он никак не мог собраться с духом пойти и поговорить с ней. Это

было чересчур, словно рискованный прыжок с одной высокой крыши на другую, — ошибись раз, и твоя ошибка станет последней. Он мог просто упасть, просто разрушить хрупкую возможность, что она вернется обратно... и шанс у него был лишь один, так как она вряд ли чувствует, что должна ему что-то кроме этого разговора.

Так что он на десять дней забросил свою медицинскую практику, просиживая весь день в пабе напротив ее дома и пытаясь выбрать наилучший момент, чтобы увидиться с ней и попросить ее вернуться.

Но прежде чем он сделал это, ее дом вспыхнул. Теперь Кроуфорд думал, что моряк мог поджечь дом умышленно, когда узнал — когда у него сложилось впечатление — что она была беременна.

Когда из верхних окон наружу начал просачиваться дым, Кроуфорд выронил пиво, выбежал из паба и бросился через улицу. Он пытался плечом вышибить входную дверь, когда моряк открыл ее изнутри, шатаясь и кашляя в клубах едкого дыма. Кроуфорд протиснулся мимо него, выкрикивая «Кэролайн!», но моряк сграбастал его за воротник и развернул обратно.

— Поздно, — прохрипел он. — Только сам погибнешь.

Но Кроуфорд услышал внутри крик. — Это моя жена, — выдохнул он, вырываясь из хватки матроса.

Он успел сделать лишь один поспешный шаг обратно к дому, когда жесткий удар по почкам повалил его на колени; но когда моряк, подхватил его под мышки и потащил на улицу, Кроуфорд со всей силы двинул локтем, угодив тому по промежности.

Моряк повалился вперед, и Кроуфорд поймал его руку и закрутил его на улицу, где тот упал и со стонами покатился в пыль. Кроуфорд повернулся обратно к открытой двери, но в этот миг верхний этаж не выдержал и обрушился вниз, вырвавшись через дверной проем таким взрывом искр и жара, что Кроуфорда подняло и бросило прямо вверх скрючившегося на мостовой моряка.

Его брови и почти все волосы обгорели, а одежда начала заниматься, и, пожалуй вспыхнула бы, если бы какой-то доброхот не опрокинул на него ведро с водой, которое принесли, чтобы потушить стену одного из соседних домов.

Официально пожар был объявлен несчастным случаем, но слухи — и даже пара уличных баллад — намекали, что Кроуфорд сделал это в отместку, а затем помешал моряку проникнуть внутрь, чтобы спасти Кэролайн. Кроуфорд считал, что моряк мог сам распустить эти слухи, после того как несколько наблюдавших за пожаром зевак язвительно отозвались о его стремительном одиночном бегстве.

Теперь же все было гораздо, гораздо хуже. «*Конечно*, люди воспримут как нечто само собой разумеющееся, что я убил Джулию, — подумал он. — Они даже слушать меня не станут. Вот уже и в эту историю начали закрадываться ошибки — например, заявление доктора, что она умерла около полуночи. Я-то *знаю*, что на рассвете она все еще была жива. Я помню, как сонно занимался с ней любовью, в то время как за занавесками только начинало светать; она была сверху, ее бедра оплетали мое тело, и хотя я не уверен даже, что хоть раз окончательно проснулся, я точно знаю, что это мне не приснилось».

«Выбор у меня теперь небогатый: остаться, и тогда меня арестуют, и почти наверняка повесят... или бежать, покинуть страну. Конечно, если я сбегу, все решат, что я это я ее убил, но вряд ли, если я добровольно сдамся и предстану перед судом, они будут думать как-нибудь иначе».

«Все что мне осталось, — подумал он, — это бежать».

Приняв это решение, он почувствовал себя лучше; по крайней мере, теперь у него была четкая цель, и было о чем думать, кроме невыносимо изувеченного тела Джулии.

Он осторожно поднялся — и тотчас раздался вскрик и оглушающий *бамружейного* выстрела, и ветвь дерева рядом с его головой разорвалась жалящими осколками.

Кроуфорд бросился бежать, обратно по узким тропинкам, к дальней стене сада. За его спиной прогремел второй выстрел, и левая рука плетью хлестнула вверх, заливая глаза кровью, но он подпрыгнул, ухватился за верхушку стены правой рукой, забросил тело наверх и перевалился в пустоту за стеной. Миг спустя он крепко приложился о каменистую землю, но как только его скольжение остановилось, он вздернул себя на ноги и захромал вниз по склону к изрытой колеями, затененной домами улочке.

Лишь когда он заметил в конце улицы человека на лошади, он осознал, что сжимает в руке увесистый камень. Почти помимо его воли его рука отвелась назад, чтобы запустить его со всей оставшейся у него силой.

Но, мужчина тихо окликнул его знакомым голосом: — Майкл! — и Кроуфорд выронил камень.

— Боже мой, — запинаясь, выдохнул он, поспешно хромя навстречу и морщась от боли, — ты должен... увести меня отсюда! Они думают...

— Я знаю, что они думают, — сказал Аплтон, выпрыгивая из седла. — Не мог бы ты... — начал он, но затем присмотрелся к Кроуфорду. — Пресвятые небеса, ты ранен?

— Только рука. Лишь сейчас Кроуфорд впервые взглянул на нее, и его зрачки сжались от потрясения. Указательный палец и мизинец выглядели освежеванными, а безымянный палец пропал, вместе с обручальным кольцом, остался лишь рваный, блестящий обрубок, из которого быстро сочилась кровь, оставляя ярко-красные капли на земле и носках ботинок.

— Господи Иисусе, — прошептал он, чувствуя, как внезапно подкашиваются ноги. — Боже, ты только посмотри, что...

В глазах у него помутилось, но прежде, чем он успел упасть, Аплтон шагнул вперед и вlepил ему пару пощечин, прямо и наотмашь. — Обмороки потом, — резко сказал он. — Сейчас ты должен ехать или умереть. Перетянешь жгутом, как только избавишься от погони. В перемётной суме пятьдесят фунтов и записка, но думается, что тебе в скором времени действительно понадобится, так это бечевка, которой я их связал. Предусмотрительно с моей стороны было ее использовать, а?

Выкрики слышались теперь у дальней стороны стены, и где-то по булыжной мостовой уже всю стучали копыта. Аплтон помог мертвенно-бледному Кроуфорду взгромоздиться в седло, очевидно почти не сомневаясь, что он тут же свалится на землю с другой стороны.

Но Кроуфорд взял поводья в правую руку, вставил ботинки в стремяна, и вдавил каблуки книзу, чтобы удержаться на лошади, и, когда Аплтон дал лошади звучного шлепка по крупу, он подался вперед, так как животное вскачь понеслось на запад по широкой, залитой солнцем, улице Гастингса. Он стиснул зубами обрубок потерянного пальца, изо всех сил стараясь не потерять сознание.

Глиняные колпаки высоких дымоходов еще пылали в багровом предзакатном свете, когда дилижанс кренясь и медленно пробираясь вперед, миновал запруженный участок Главной Улицы лондонского квартала Боро [\[56\]](#), и, когда он остановился перед гостиницей рядом с тюрьмой Маршалси [\[57\]](#), Кроуфорд был первым пассажиром сошедшим с экипажа.

Чуть позже этим утром в дальнем углу таверны Брайтона [\[58\]](#) он перевязал обрубок пальца чистой тряпицей, а затем смочил повязку брэнди, прежде чем осторожно натянуть пару перчаток. Теперь, после дальнейшей бешеной скачки и, наконец, после того как он бросил загнанную лошадь и шесть часов кряду провел зажатым между двумя толстыми старухами в Лондонском экипаже, его заметно лихорадило. Рука пульсировала, словно кузнечные меха, а горячее, с металлическим привкусом дыхание, эхом отдавалось в больной голове.

Он истратил часть денег Аплтона, чтобы купить одежду и кожаную дорожную сумку, и, хотя багаж был совсем не тяжелый по сравнению с тем, что остался в гостиничном номере в Гастингсе, он едва сдержал стон, когда доставал его оттуда, куда кучер имел несчастье его поставить.

Он направился по Главной Улице, держась в тени нависающих над дорогой вторых этажей старых деревянно-кирпичных домов, так как его беспокоили окружавшие его со всех сторон тюрьмы. Впереди, слева от него, на берегу Темзы стояли обугленные развалины известной тюрьмы Клинк [\[59\]](#). А позади, чуть на юг от новой тюрьмы, возле которой остановился дилижанс, располагалась тюрьма Королевского Суда [\[60\]](#). «Какого черта, — раздраженно подумал он, — Аплтон не *подумало* мрачном окружении этого места, и не послал меня куда-нибудь еще»?

Многочисленные сточные канавы Боро никогда не славились своими ароматами, но после минувшего жаркого дня их зловонные испарения наводили на мысли о каком-то клоачном брожении, и он боялся, что от этого скверного воздуха его лихорадка может сделаться еще хуже. Хорошо хоть люди, у которых он собирался остановиться, были студентами-медиками.

Улица была битком забита повозками возвращающихся домой уличных торговцев, на крыше каждой из которых, казалось, восседала собака, но вскоре над ними он разглядел арочный свод Лондонского моста, и, вспоминая наставления в записке Аплтона, свернул направо, на последнюю улицу перед мостом. На следующем перекрестке он снова повернул направо и обнаружил себя, как и значилось в записке, на Дин Стрит [\[61\]](#). Он дошел по ней до узенького дома с номером восемь — прямо напротив Баптистской церкви, еще одно неясное предзнаменование — и покорно загрохотал в дверной молоток. Головная боль застилала глаза, и он сильно потел в своем пиджаке.

Пока он дожидался ответа, он мысленно прокручивал записку Аплтона. «Притворись что ты тоже студент-медик, — писал Аплтон. — Ты конечно немного староват, но бывают и старше. Можешь, например, упомянуть [\[62\]](#) о своем морском прошлом, так как Ассистентом Морского Хирурга ты мог быть и не имея медицинских сертификатов. Только не отвечай ничего конкретного на вопросы о том, какие Лекции ты посещаешь. И хотя, конечно, маловероятно, что тебя узнают, но все же не вздумай говорить на тему Акушерства. Генри Стивенс не будет вымогать из тебя Ответы, если узнает, что ты мой Друг, и НЕ позволит их требовать другим».

Дверь отворил крепко сбитый юноша, ростом пониже Кроуфорда. Кроуфорд подумал, что он больше походил на подсобного рабочего, чем на студента-медика. Его рыжевато-коричневые волосы, очевидно, лишь за мгновение до этого были откинuty со лба.

— Да? — сказал юноша.

— А..., — хрипло произнес Кроуфорд, — э-э, Генри Стивенс у себя?

— В данный момент нет. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Ну... его друг сказал мне, что я, возможно, смогу получить здесь комнату. Кроуфорд оперся о дверной косяк, стараясь дышать ровно. — Думаю, это означало, помочь с оплатой за общую гостиную. Его голос был глухой и скрипучий после утреннего вопля.

— Вот как? Юноша на миг взгляделся в его лицо, а затем распахнул дверь. — Э-э, входите, пожалуйста. Тиррел выселился неделю назад, полагаю, вы об этом слышали, так что помощь нам не помешает. — Вы тоже... студент-медик? — неуверенно спросил он.

— Он самый. Кроуфорд шагнул вперед, к теплу и свету и опустился в кресло. — Меня зовут... Запоздало он задумался, какое же имя выбрать. В голове было абсолютно пусто. Все что пришло ему на ум, совет из записки Аплтона: «Be Frankish». — ...Майкл Франкиш [\[63\]](#).

Юноша, похоже, счел имя вполне правдоподобным. Он протянул руку. — А я Джон Китс — в настоящее время студент больницы Гая [\[64\]](#), прямо за углом. Вы тоже из Гая?

— Э-э, нет, я из... святого Фомы [\[65\]](#). Он был доволен собой за то, что вспомнил название больницы напротив Гая.

Затем Китс заметил темную повязку на пальце Кроуфорда, и это, казалось, его расстроило. — Вот так палец у вас! Что с ним случилось?

— Немного обеспокоенно Кроуфорд ответил — А, это... пришлось ампутировать. Гангрена.

Китс бросил на него тревожный взгляд. — Что ж, похоже, у вас было тяжелое путешествие, — решил он, наконец, закрывая дверь. — Вероятно, стакан вина будет кстати?

— Кстати, как горошина у Соломона на кровати, — сказал Кроуфорд, слишком утомленный, чтобы беспокоиться о смысле сказанного. — Э-э, да, — добавил он, поймав взгляд сбитого с толку Китса. — Какую область медицины вы изучаете? — поспешно продолжил он, повысив голос, так как Китс ушел в соседнюю комнату.

— Хирургию и фармацевтику, — последовал ответ. Спустя мгновение Китс вернулся с полупустой бутылкой и двумя бокалами. В четверг я иду в Гильдию Аптекарей [\[66\]](#) сдавать экзамены, тем не менее, практиковать я смогу только после тридцать первого октября.

Кроуфорд взял наполненный бокал и как следует отхлебнул. — Что, прямо после Хэллоуина? Мне показалось, ты сказал, что изучаешь хирургию, а не колдовское ремесло.

Китс неуверенно рассмеялся, беспокойство возвращалось на его лицо. — К этому времени я достигну совершеннолетия; тридцать первого мой День Рождения. Мой..., — он запнулся, увидев, как Кроуфорд в изумлении уставился на несколько маленьких зернистых голубоватых кристаллов лежащих на книжной полке.

— Что, — осторожно спросил Кроуфорд, — это такое?

В этот миг в замке загремел ключ, и высокий мужчина, открыв дверь, вошел внутрь. Он не выглядел столь юным как Китс, а его лицо было комично худым.

— Генри! — с нескрываемым облегчением воскликнул юноша, — это Майкл... Мирра?

...

— Майкл, э-э, Франкиш, — поправил Кроуфорд, вставая, но при этом не сводя взгляда с маленьких кристаллов. Их грани посылали яркие иглы отраженного света и, казалось, усиливали жаркое давление в его голове. — Артур Аплтон... посоветовал мне поискать здесь место для ночлега. Я студент святого Эльма. Он, нахмурившись, помотал головой. — Фомы, то есть, — выдавил он.

Генри Стивенс одарил его добродушной скептической улыбкой, но лишь кивнул. — Если Артур ручается за тебя, то для меня этого вполне достаточно. Ты можешь... ты что уходишь Джон?

— Да, пожалуй, — сказал Китс, снимая пальто с вешалки возле двери. Нужно сходить проведать бедных подопечных доктора Лукаса. Приятно было с вами познакомиться, Майкл, — добавил он, направляясь к двери.

Когда дверь закрылась, Стивенс опустил в кресло и поднял бокал с вином оставленный Китсом. — Святого Эльма, да?

Несмотря на усталость, Кроуфорд улыбнулся и переменял тему. — Подопечные доктора Лукаса?

Стивенс чуть заметно кивнул, уступая. — Юный Джон — ассистент самого некомпетентного хирурга в Гае. Ассистентам Лукаса всегда хватает гноящихся бинтов нуждающихся в смене.

Кроуфорд махнул рукой на странные кристаллы. — А это что такое?

Стивенс, похоже, понял, что непринужденный тон Кроуфорда был напускным, судя по тому, как пристально он взглянул на него, прежде чем ответить. — Это камни из мочевого пузыря, — осторожно ответил он. Доктору Лукасу достается много таких случаев.

— Я видел мочевые камни, — сказал Кроуфорд. — Они совсем не похожи на эти. Они словно... усаженный шипами известняк. А эти больше похожи на кварц.

Стивенс пожал плечами. — Тем не менее, именно такие извлекает Лукас из своих пациентов. Вот до чего он их доводит. Я ожидаю, что не сегодня-завтра руководство вызовет Лукаса и сообщит ему: «Доктор, с вами у нас совсем не останется пациентов!» Стивенс откинулся в кресле, беззвучно посмеиваясь над своей шуткой. Затем он хлебнул вина и продолжил. — Видишь ли, Китс, конечно, отнюдь не самый блестящий студент. Таких к Лукасу никогда не назначают. Но все же, он... пожалуй, более *наблюдательный*, чем считает руководство.

Кроуфорд понимал, что что-то упускает. — Хорошо..., — сказал он, пытаясь сосредоточиться на сказанном, — но зачем он *оставил* эти шутки?

Стивенс покачал головой с комичной, но очевидно искренней досадой. — Проклятье, на мгновение мне показалось, *ты* можешь знать, ты так пристально на них смотрел! Я не знаю... но помню, как однажды он играл ими, любовался, поднимая их к свету, и все такое, и он тогда сказал, словно самому себе: «Я должен их выбросить. Я знаю, что могу преуспеть в моей настоящей карьере и без них».

Кроуфорд отхлебнул еще немного вина и зевнул. — А что у него за *настоящая* карьера? Ювелирное дело?

— Вот бы мерзкие были украшения, а? Стивен посмотрел на Кроуфорда, воздев брови. — О нет, он, видишь ли, хочет быть поэтом.

Кроуфорд уже почти спал и подумал, что если уж заснет, то проспит добрых двенадцать часов, поэтому он попросил Стивенса показать ему его комнату, и когда Стивенс отвел его туда, бросил чемодан на пол. Он захватил с собой бокал, и теперь на мгновение застыл в

коридоре, задумчиво покачивая дюйм вина, оставшийся на дне.

— Ну так, — спросил он Стивенса, который доставал ему одеяла из бельевого шкафа, — что общего у поэзии с камнями из мочевого пузыря?

— И не спрашивай меня, — ответил Стивенс. — Я не в ладах с изящными искусствами.

* * *

Сперва он подумал, что женщина в его сне была Джулией, так как, несмотря на скудное освещение — они что, были в пещере? — он видел серебро сурьмы вокруг ее глаз, а Джулия насурьмила брови, готовясь к свадьбе. Но, когда она поднялась, и обнаженная, пошла ему навстречу по мощеному плитами полу, он понял, что это кто-то другой.

Лунный свет скользнул по белому бедру, когда она, мягко ступая, прошла мимо окна или быть может трещины в стене пещеры, и он почувствовал благоухание цветущего жасмина и запахи моря. Затем она оказалась в его руках, и он страстно ее целовал, нимало не заботясь ни о том, что ее гладкая кожа холодна, словно каменные плиты под его босыми ступнями, ни о том чужеродном мускусном запахе, что внезапно коснулся его ноздрей.

Затем они катались по полу, и под его скользящими пальцами была не кожа, а чешуя, и это тоже его не волновало... но мгновение спустя сон переменился. Теперь они были на лесной поляне, по которой Луна разбросала бледные пятнышки света, что мерцали, словно вертящиеся серебряные монеты, когда ветви деревьев над головой раскачивались от дуновений Средиземноморского ветра... Она выскользнула из его объятий и исчезла в подлеске, и хотя он пополз за ней вслед, шелест ее отступления неуклонно отдалялся и вскоре совсем затих.

Но что-то, казалось, отвечало на его призыв — или это он отвечал на зов чего-то? Как часто бывало с ним во сне, одна личность незаметно перетекла в другую... и он обнаружил себя смотрящим на гору, и хотя он никогда не бывал в этом месте, он откуда-то знал, что это был один из Альпийских пиков. Гора казалась ужасно высокой, полностью закрывая собой угол неба, хотя редкие облака испещрили ее грудь полосами закатных теней, делая очевидным, что до нее были многие мили — и, несмотря на ее широкоплечий, твердоскулый вид, он знал, что это была женщина.

Боль в обрубке потерянного пальца подняла его до рассвета.

* * *

Двумя днями позже он, еле волоча ноги, поднимался по широким парадным ступеням

больницы Гая, шурясь на выстроенные в греческом стиле колонны, которые вытягивались вверх, от верхушки арки парадного входа до крыши двумя этажами выше. Солнечный свет, отражавшийся от всех этих гладких камней, казался ему слишком резким, поэтому он позволил воспаленному взгляду вернуться к изучению каблуков Китса, выстукивающих по ступеням прямо перед ним.

В минувшие два дня он посещал лекции как в Гае, так и в больнице Святого Фомы, уверенный, что Аплтон сможет при необходимости подтвердить достоверность подписи, которую он подделал в прошениях о зачислении — если, конечно, Кроуфорд решит ее оставить и на самом деле стать хирургом под именем Майкл Франкиш.

И он был в известной степени уверен, что его никто не узнает. Во-первых, доктор Кроуфорд всегда работал в больницах к северу от реки. А во-вторых, он теперь не слишком-то походил на доктора Кроуфорда — в последнее время он усердно старался сбросить вес, чтобы к свадьбе выглядеть как можно лучше, а теперь обнаружил, что непреднамеренно теряет еще больше — и, пожалуй, никто из тех, кто знал его неделю назад, не описал бы его как худощекого человека с глубоко запавшими глазами, каким он теперь был.

На верху лестницы Китс остановился и, нахмурившись, посмотрел на Кроуфорда. — Ты уверен, что чувствуешь себя нормально?

— Я в порядке. Кроуфорд выудил носовой платок из кармана и вытер лоб. Голова кружилась, и ему пришло на ум, что Ньютон, должно быть, был прав, когда говорил, что свет состоит из частиц. Сегодня он чувствовал, как все эти частицы ударяют в него. Он прикидывал, какие у него шансы не грохнуться в обморок. — Что у тебя сегодня — Теория и Практика Медицины?

— Нет, — ответил Китс, — этим утром я помогаю в хирургическом отделении — людям, выздоравливающим после камнесечения.

— Не возражаешь, если я... пойду с тобой? — спросил Кроуфорд, изображая беззаботную улыбку. — У меня сегодня Анатомия у старого Эшли, но боюсь, я там засну. В любом случае, думаю, будет намного полезнее посетить место, где анатомией на самом деле занимаются, чем высидеть эту чертову лекцию.

Китс, казалось, колебался, но затем усмехнулся. — Ты вроде бы говорил, что был ассистентом хирурга на корабле? В таком случае, думаю, тебе приходилось и не такое видывать. Хорошо, пойдем вместе. Он придержал открытую дверь для Кроуфорда. — Собственно говоря, завтра я сдаю экзамен, а затем уезжаю на два месяца в Маргит ^[67] — ты пожалуй отлично подходишь на роль моего преемника у доктора Лукаса, так что будет совсем не лишним все тебе показать.

Они предстали перед старшим хирургом, который даже не удосужился взглянуть на них, когда они сказали, что Майкл Франкиш собирается стать новым ассистентом доктора Лукаса; он просто вручил Кроуфорду пропуск и велел ему вытереть ноги, перед тем как подниматься в палаты.

Им потребовалось чуть более часа, чтобы обойти всех пациентов доктора Лукаса.

В бытность студентом Кроуфорд ничего не имел против того, чтобы присматривать за людьми, выздоравливающими после операций в хирургических палатах; сама операционная была гораздо, гораздо хуже. Ужасающая преисподняя, в которой дородные практиканты изо всех сил старались сдержать кричащего и бьющегося на столе пациента, пока как хирург, ругаясь и обливаясь потом, орудовал скальпелем, процарапывая туфлями борозды в кровавом песке на полу, каждый раз, когда заносил руку для очередного трудного разреза...

И поистине кошмарны, хотя и гораздо тише, были «слюнотекущие» палаты, где сифилитики беспомощно пускали слюни, вызванные ртутными мазями, втираемыми в их открытые раны... но хирургические палаты были тем местом, где студент мог воочию лицезреть излечение, которое как ни странно день ото дня незаметно наступало.

С хирургическими палатами доктора Лукаса все обстояло иначе. После смены первых невыразимо склизких, зловонных бинтов, Кроуфорду стало ясно, что Стивенс отнюдь не преуменьшил мастерство старого хирурга — Кроуфорд никогда не видел таких грубых разрезов. Было очевидно, что умерших от этой операции будет, по меньшей мере, столько же, сколько тех, кому она все-таки поможет.

Они приблизились к одной из последних кроватей, возле которой преклонил колени седовласый священник. И когда Китс склонился над пациентом, священник поднял на него взгляд. Пожилой клерик, казалось, был глубоко погружен в молитву, так как его глазам потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусироваться на новоприбывших, но и после этого, он лишь удостоил их кивка и отвернулся обратно.

— Извините, Преподобный, — сказал Китс, — нужно сменить бинты.

Священник кивнул, отступил от кровати и спрятал руки под сутаной — но Кроуфорд успел заметить кровь на его пальцах. Озадаченный, Кроуфорд взглянул ему в лицо и увидел, как мужчина поспешно облизал верхнюю губу — была ли и там тоже кровь?

Преподобный на мгновение встретил его пристальный взгляд, и его старое морщинистое лицо скривилось то ли от ненависти, то ли от зависти. Кровавые руки на мгновение возникли из-под облачения, с безымянным пальцем одной вложенным в кулак другой, а затем запятнанный палец указал Кроуфорду на его собственную левую руку. Старик мастерски отразил на лице все свое презрение, буквально оплевав его с ног до головы, затем повернулся и торопливо покинул комнату.

Китс тем временем склонился над человеком в кровати, затем потянулся и приподнял закрытое веко. — Этот мертв, — сказал он тихо, чтобы не потревожить пациентов в соседних кроватях. — Можешь найти медсестру? Скажи ей, пусть сходит за доктором и санитаром, нужно отнести его в склеп.

Сердце Кроуфорда бешено стучало. — Боже, Джон, у того священника на руках была кровь! И он так ужасно на меня посмотрел, прежде чем сбежал отсюда. Он махнул на труп в кровати. — Ты не думаешь... ?

Китс удивленно посмотрел на него, и обернулся в направлении, куда скрылся старик, а затем схватил одеяла и стащил их вниз, и уставился на напоминающую подгузник повязку. В этот миг он, казалось, выглядел старше, чем сбежавший священник. Несколько мгновений спустя Китс заговорил. — Нет, он его не убивал, — тихо сказал он. — Но он... грабил это тело. Кровь... некоторых пациентов обладает... определенными свойствами. Я почти уверен, что он не настоящий священник, и я прослежу, чтобы в будущем он держался отсюда подальше — пусть наведывается в больницу святого Георгия. Он махнул Кроуфорду. — А теперь сходи за медсестрой.

Несмотря отвращение и любопытство, внушенные ему словами Китса, настроение Кроуфорда, когда он шел по коридору, было чем-то сродни тому напряженному интересу, которой он испытал, когда в возрасте двадцати лет впервые попал на дежурство в больницу... но интерес этот мгновенно обратился в неопишуемый ужас, когда он начал спускаться по лестнице.

Навстречу ему поднималась чопорно держащаяся медсестра, и он вскинул руку, чтобы

привлечь ее внимание. Но в тот миг, когда она подняла взгляд, он в ужасе узнал ее. Это была Джозефина Кармоди, очевидно глубоко во власти своей механической личины.

Его рука замерла лишь на мгновение, а затем двинулась дальше и почесала голову, словно он и не собирался ее окликать. Он опустил глаза и двинулся мимо нее. Сердце тяжело бухало в груди, страх лишал остатков самообладания.

Она была слишком близко к нему, когда выхватила пистолет из-под блузки, и вместо того чтобы засунуть дуло ему в ухо, ей удалось лишь ткнуть его сзади в шею согретым телом стволом. Она отступила на шаг, чтобы сделать точный выстрел...

...И Кроуфорд завопил от испуга и резко выбросил правый кулак вверх, в направлении руки с пистолетом.

Дыхание со свистом вырвалось через ее стиснутые зубы, пистолет вылетел из руки, но со звоном ударился о стену и покатился в трех шагах, и Джозефина метнулась за ним.

Кроуфорд не думал, что успеет добраться до нее, прежде чем она поднимется с пистолетом, так что он, пригнувшись, с громким топотом, бросился обратно вверх по лестнице. Она не выстрелила, но позади он услышал размеренное клацанье ее шагов, и почему-то эта невозмутимая поступь заводного механизма напугала его намного больше чем пистолет. Поскуливая от ужаса, он бросился по коридору обратно, в палату, где его дожидался Китс.

Китс поднял удивленный взгляд, когда Кроуфорд на нетвердых ногах ввалился обратно в лишенную окон палату. — Ты нашел..., — начал было он.

— Быстрее, Джон, — прервал его Кроуфорд, — как я могу выбраться отсюда, кроме как по лестнице? ...но размеренное клацанье достигло уже этажа, на котором они находились. — Господи! — всхлипнул он, и бросился обратно в коридор.

Джозефина стояла в десяти ярдах ^[68], наводя пистолет прямо на него. Он скорчился и выбросил вперед руку, закрывая лицо, надеясь, что она не будет целиться слишком долго... а затем, словно взрыв, что-то вырвалось в коридор из покинутой им палаты.

Сверкнул и громыкнул выстрел, но он все еще был жив. Он отвел руки...

...и увидел сверкающее существо, словно радужный змей извивающее свое массивное чешуйчатое тело в воздухе между ним и Джозефиной. Он изумленно пытался понять, были ли у существа крылья, машущие столь быстро, что их невозможно было увидеть, словно это был гигантский колибри, или оно свисало на какой-то паутине, когда существо просто исчезло.

Застоялый воздух качнулся, и Кроуфорд поежился от внезапного, немыслимо ледяного сквозняка.

Джозефина широко раскрытыми глазами уставилась на то место, где только что висело существо. А затем она развернулась и бросилась бежать обратно к лестнице, и движения ее были исполнены такой животной грации, что совершенно не верилось, что мгновение назад она была бездушным часовым механизмом.

Китс очутился рядом с Кроуфордом. — Ступай за мной, — жестко проговорил он, — и сделай вид, что ничего не видел. Он втолкнул Кроуфорда обратно в палату, где пациенты капризно вопрошали, что происходит и кто перенесет их в безопасное место, если здание подверглось атаке французов. Китс сказал им, что медсестра сошла с ума и выстрелила из пистолета, и к удивлению Кроуфорда это объяснение, казалось, их успокоило.

— Притворись дураком, — прошептал Китс. — Тебя в любом случае им сочтут, раз ты хочешь стать ассистентом Лукаса. Скажи им, что этот парень, — он махнул на труп на

кровати, — был уже в таком виде, когда мы сюда пришли.

Кроуфорд собрался было возразить, что пациент действительно *был* мертв, когда они пришли, но прежде чем успел это сказать, взглянул на лежащего в кровати человека.

Его тело осело, словно рыболовный трал ^[69]с вынутыми из него придающими жесткость обручами, а рот широко зиял, обуглившийся и беззубый. Когда Кроуфорд поднял взгляд, Китс невозмутимо наблюдал за ним.

— Твой... *спаситель*... выбрался отсюда, — сказал Китс. Если бы старый падальщик в костюме священника не высосал перед этим часть его силы, это существо, вероятней всего, не просто остановило бы выстрел, но и убило ту женщину.

Камни...

.....

Стали терять свою твердость, медленно стали смягчаться,
Форму они обретали и вырастали в размерах немного,
Делаясь менее грубыми, образом на человека похожи,
Или быть может кого-то, кто был человеку подобен.
Статуи словно, которые скульптор лишь начал,
Грубый набросок наполовину закончив...

— **Овидий, Метаморфозы**

Последовав совету Китса, Кроуфорд напустил в голос ленивого безразличия и позволил рту время от времени приоткрываться, пока старший хирург задавал им вопросы. Вконец обескураженный, он и не думал притворяться, так же как не стремился угодить в неожиданно закрутившийся вокруг него водоворот событий. Старший хирург сказал им, что медсестра, стрелявшая из пистолета, сбежала из больницы, так что Кроуфорду не составило труда заявить, что он никогда не видел ее прежде и не имеет понятия, чего она надеялась достичь. Вина за прискорбное состояние тела была возложена на срикошетившую пулю, и Кроуфорду потребовалось некоторое актерское мастерство, которого он в себе даже и не подозревал, чтобы кивнуть и согласиться, что это звучит правдоподобно.

Китс через день заканчивал учебу, а Кроуфорд понимал, что его собственные дни как студента-медика тоже сочтены теперь, когда Джозефина как-то его нашла, так что они оба вместе отправились домой по Дин Стрит. На южном углу больницы святого Фомы несколько мужчин сгружали с повозок тюки старой одежды, и гневные выкрики, несущиеся из повозок торговцев и кэбов, застрявших на улице позади них, почти тонули в гомоне своры мальчишек и собак, носящихся вокруг замерших колес. Несколько минут, в течение которых Китс и Кроуфорд проталкивались через толпу, они молчали.

Наконец они миновали эпицентр шума, и Кроуфорд спросил — Джон, что это *было* за существо? Тот летающий змей?

Китса, казалось, позабавил его вопрос. — Ты что, действительно этого не знаешь? — с горькой усмешкой спросил он.

Кроуфорд обдумал вопрос. — Да, — ответил он.

Китс остановился и вперил в него очевидно разгневанный взгляд. — Как такое возможно? Как, дьявол тебя побери, ты собираешь заставить меня в это *поверить*? Я что же должен вот так запросто поверить, что твой палец действительно ампутирован из-за гангрены?

Несмотря на то, что Китс был ниже и на четырнадцать лет моложе, Кроуфорд отступил назад и примирительно вскинул руки. — Хорошо, признаю, это была ложь. Он не был уверен, что хочет делиться с Китсом событиями своего недавнего прошлого, так что он попытался сменить тему. — Знаешь, тот фальшивый священник так уставился на мой... на то место, где раньше был мой палец. Он озадаченно покачал головой. — Это, похоже, его... *разгневало*.

— Не сомневаюсь. Неужели ты и впрямь ничего об этом не знаешь? Он решил, что ты там по той же самой причине, что и *он*, и он был в ярости, потому что *тебе* это уже, вполне очевидно, не нужно.

— Он был... черт возьми, о чем ты говоришь, он что забрался туда, чтобы ампутировать *палец*? И завидовал тому, что *я* свой уже потерял? Ты, конечно, прости меня, Джон, но это ни в...

— Давай не будем говорить об этом на улице. Китс задумался на мгновение, затем оценивающе посмотрел на Кроуфорда. — Ты когда-нибудь бывал в Галатее ^[70], под мостом?

— В Галатее? Нет. Это что, таверна? Звучит, словно... Он оставил фразу недоконченной, так как чуть было не сказал, *словно барменшами там ожившие статуи*. Вместо этого он спросил, — Почему она под мостом?

Китс уже вышагивал вперед. — По той же самой причине, по которой тролли околачиваются под мостами, — бросил он через плечо.

Галатея и в самом деле оказалась таверной, расположенной под Лондонским мостом. После неспешного спуска по ряду каменных ступеней на узкий речной берег — в тень вытащенных на берег угольных барж, где они осторожно пробрались через валяющихся без сознания пьяниц и кучи гниющих речных водорослей — они ступили во влажную темноту под мостом и в одном месте были даже вынуждены перебраться друг за другом по узкой доске, перекинутой над водой, и Кроуфорд подивился, то ли здесь был другой вход для подвоза провианта, то ли еда и напитки доставлялись к парадному входу на лодке.

Они миновали покоробленные окна заведения, прежде чем достигли двери. Свет лампы выхватывал в грубом стекле оплывшие янтарные капли, и Кроуфорду пришлось на ум, что солнечный свет, должно быть, никогда не достигает этого места, расположенного под широким каменным брюхом моста. Над дверью были зажжены девять крошечных ламп, и Кроуфорд подумал, что недавно они могли составлять какой-то узор, в котором теперь большая часть ламп отсутствовала. На это намекало их расположение — группа из четырех ламп, затем две, затем три — казавшееся намеренным.

Китс добрался до входа, распахнул дверь и исчез внутри. Когда Кроуфорд вошел вслед за ним, он увидел, что пол, как таковой, в этом заведении отсутствовал — каждый стол покоился на собственном уступе, или плите, или выступе первоначальной кладки, соединенный ступенями и приставными лестницами со своими соседями. И каждая из полудюжины масляных ламп свисала с потолка на цепи своей собственной длины. Учитывая расположение этого места, Кроуфорда не сильно удивило, что пахло здесь мокрой глиной.

В таверне было всего пять посетителей, собравшихся здесь этим летним утром. Китс провел Кроуфорда мимо них по извилистому, забирающему вверх курсу, к столу, возвышающемуся на древнем пьедестале, который, как предположил Кроуфорд, находился, должно быть, у дальней стены этого места. Одинокая лампа висела в нескольких ярдах над сучковатой черной столешницей, покачиваясь от дуновений подземного сквозняка, но она была бессильна рассеять обступившую их непроглядную темень.

— Вина? — с неуместным весельем предложил Китс. — Здесь его могут подать в аметистовом кубке — древние Греки верили, что вино теряет свою дурманящую силу, если подавать его таким образом. Лорд Байрон имеет обыкновение пить вино из аметистового черепа.

— Я читал об этом — но думаю, это был обыкновенный череп, просто старая кость, — сказал Кроуфорд, отказываясь быть запуганным поведением Китса. — Должно быть,

череп какого-нибудь монаха. Он нашел его в своем саду. И, пожалуй, да, вино будет как нельзя кстати в такой день, как этот — херес покрепче, если у них тут такой найдется.

Крупный усатый мужчина в фартуке вскарабкался наверх рядом с Китсом и улыбнулся им обоим. Кроуфорд подумал, что он отрастил усы, чтобы частично скрыть без сомнений злокачественную опухоль, которая обезобразила его челюсть. — Вы только посмотрите, кого к нам занесло! — воскликнул мужчина. — Ищете компанию, доблестные сэры? Чудесный день для неффов, а? Не знаю точно, кто здесь сейчас вокруг, но здесь, без сомнений, найдутся те, кто заплатит за...

— Вы знакомы с моим другом? — прервал его Китс. — Майк Франкиш, Пит Баркер.

Баркер слегка поклонился. Любой, кто может уговорить мистера Китса украсить мое скром...

— Просто напитки, — прервал его Китс. — Один олоросо херес [\[71\]](#) для моего друга, а я выпью бокал домашнего кларета.

Улыбка мужчины осталась насмешливо понимающей, но он повторил их заказы и удалился.

— Он с тобой не знаком, — задумчиво сказал Китс. А Баркер знает всех хозяев неффов в Лондоне.

— Это еще кто такие, и с чего ты решил, что я один из них?

В это время прибыли напитки, и Китс подождал, пока Баркер снова удалится в темноту. — Ну, ты *точно* один из них, Майк, или прямо сейчас ты цеплялся бы за края операционного стола, пока какой-нибудь доктор исследовал бы твою брюшную полость в поисках пули. Я понял это, как только тебя увидел. Есть один безошибочный признак — своего рода нездоровый вид, читаемый в твоих глазах. На первых порах. Очевидно, ты просто стал одним из них недавно — с такой отметиной ты не мог прожить долго ни в одном городе, не заметив, что притягиваешь к себе определенное внимание — и в любом случае, твой палец все еще не зажил, а их укусы заживают быстро.

— Черт возьми, он не был откушен, — сказал Кроуфорд. — Его *отстрелили*.

Китс улыбнулся. — Уверен, что так тебе и показалось. Попробуй рассказать все это нефферам, тем людям, которых ты скоро повстречаешь, людям для которых это единственная в жизни страсть.

Озадаченный еще больше чем прежде, Кроуфорд отхлебнул немного густого хереса, а затем тяжело поставил бокал на стол. — Что, — сказал он ровно, не обращая внимания на стон, слабо доносящийся из темноты за его спиной, — это все значит?

Китс развел было руки и открыл рот, собираясь ответить, затем после недолгой заминки выдохнул и ухмыльнулся. — Ну, можно сказать, это половое извращение. По крайней мере, обычно. Согласно заявлениям полиции, это склонность к взаимодействию с определенными видами обезображенных людей, такими, например, как Баркер с его раздутой челюстью. По словам же их поклонников, однако, это поиски... суккубов, Ламий [\[72\]](#).

Его слова одновременно расстроили и развеселили Кроуфорда. — Значит, по-твоему, я из тех, кто способен принять Баркера за прекрасную вампиршу? Черт возьми, Джон...

— Нет, ты не из этих *искателей*. Он вздохнул. Проблема в том, что чистокровных ламий, как и чистокровных вампиров уже *не осталось*. Он покосился на Кроуфорда. — То есть, почти не осталось. Поэтому людям почти всегда приходится иметь дело с дальними потомками этой расы. А эти отпрыски обычно отмечены своего рода... опухолью. Опухоль — это признак — а фактически сама суть — их кровного родства.

— И что, одного лишь знания, что кто-нибудь, как, например, этот твой Баркер, произошел от Лилит ^[73]или еще кого-нибудь достаточно, чтобы сделать его неотразимым для этих извращенцев? Клянусь тебе, Джон...

Джон Кольер — Лилит

Китс прервал его тираду. Существо, которое спасло тебя этим утром, не было полукровкой. Это был самый... губительно *прекрасный* экземпляр из всех, что я когда-либо видел, и найдутся состоятельные нефферы, которые с радостью даруют тебе титул баронета, усадьбу и земли лишь за то, чтобы провести с ним каких-нибудь полчаса, даже если будут знать, что оно убьет их. Он почти завистливо покачал головой. — Как, черт возьми, тебе удалось его встретить?

— Дьявол, ты же там был. Сам же сказал, оно выскочило из глотки того мертвого парня.

— Нет, оно лишь использовало труп как... канал, видимо этот человек сохранил в себе остатки их каменистой крови — или, возможно, был жертвой одного из них — но *явилось* оно, потому что *тебя* знало. Он прервался, вглядываясь в царящую вокруг темноту, затем перешел на шепот. — Знало тебя и чувствовало по отношению к тебе *какое-то обязательство*, как если бы ты был... подлинным членом семьи, не просто добычей, какой жаждут стать клиенты Галатеи. Как это случилось? Когда она откусила... Он улыбнулся. — *Отстрелил* латвой палец?

— Я действительно никогда не видел это существо прежде. А палец мне отстрелил один человек в Сассексе. И он совсем не был *похож* на вампира.

Китс, похоже, ему не верил.

— Черт возьми, я говорю правду. И в любом случае, *ты* то как умудрился узнать про всю эту ерунду? Ты что *снарфи* [\[74\]](#)?

Улыбка юноши напомнила ему улыбки, которые когда-то он видел в пыли морской битвы, свозь ночь, озаряемую всполохами выстрелов, на лицах молодых моряков, которые уже многое пережили и надеялись продержаться до рассвета. — Возможно, так оно и есть. Мне говорят, что выгляжу я похоже, а местные *завсегда* та *ис*читают, что я столь педантично избегаю этого места, чтобы не дать им извлечь выгоду из моего положения. Но если я и один из них, то вследствие обстоятельств моего рождения, а не по собственному выбору. Я... хм, скорее *искомое*, чем искатель. И я почти уверен, что и ты тоже.

Китс поднялся. — Готов идти? Тогда двинули. От этого места лучше держаться подальше. Он бросил на стол несколько монет и направился к трапу, ведущему к далекому серому свету, сочащемуся через парадные окна.

С другой стороны, из темных глубин помещения, глухим эхом докатился стон. Глянув в том направлении, Кроуфорд подумал, что видит людей, сгрудившихся вокруг основания креста, и нерешительно сделал шаг в их сторону.

Китс поймал его за руку. — Нет, святой Михаил, — спокойно сказал он. — Все кто здесь находится, пришли сюда добровольно.

Обдумав сказанное, Кроуфорд пожал плечами и последовал за ним.

Свет лампы выхватил лицо Кроуфорда, когда он на ощупь пробирался мимо одного из столов, и сидящий за ним пожилой мужчина на мгновение уставился на Кроуфорда — а затем неожиданно укусил свой палец, выбрался из-за стола и следовал за Кроуфордом до самой двери, поскуливая словно заискивающая собака-попрошайка и призывно помахивая своей кровоточащей рукой.

Когда они снова оказались на улице, беспокойство Кроуфорда только усилилось. Нет, он, конечно, не думал, что Джозефина последовала за ними от больницы, но она могла запросто махнуть рукой на идею личного отщепенства и обратиться к властям, для которых не составит труда узнать из больничных записей где он живет. Прямо сейчас шерифы могут поджидать его возле дома на Дин Стрит.

Он как раз раздумывал, насколько он может довериться Китсу, когда Китс заговорил сам. — Поскольку ты даже словом об этом не обмолвился, полагаю, ты знаком с этой медсестрой.

Решение довериться юноше не принесло ему ожидаемого облегчения — Да. Она моя свояченица. Она думает, что в ночь на субботу я убил свою жену. Он с беспокойством посмотрел вперед. — Не могли бы мы пройтись вдоль реки на запад?

Китс стоял, засунув руки в карманы, изучая мостовую под ногами, и несколько секунд ничего не отвечал. Затем, с легким намеком на улыбку, покосился на Кроуфорда. — Ну хорошо, — тихо ответил он. — Как насчет того, чтобы выпить пива у КьюзАка [\[75\]](#) — теперь твоя очередь платить, и у меня такое чувство, что другой возможности воспользоваться этим мне не представится.

Они перебрались через Главную Улицу, огибая запрудившие улицу повозки, и, очутившись под свесами домов на западной стороне, снова перешли на спокойный шаг. — Она, похоже, ничуть в этом не сомневается, — заметил Китс, пока они шли по одной из ведущих вдоль реки узких улочек. — Эта твоя свояченица. Старинные фасады домов по правую сторону от них были ярко освещены солнцем, и Кроуфорд повел Китса левой стороной улицы.

— Все так считают. Из-за этого я и потерял палец — кто-то выстрелил в меня, когда я убежал. Кроуфорд покачал головой. — Мы, я и она, были одни в закрытой комнате с крошечным окошком, но когда утром я проснулся, Джулия — моя жена, или была ею — она уже...

Неожиданно, не сбавляя шага, он бесшумно заплакал, не зная даже почему, так как понимал теперь, что никогда по-настоящему не любил Джулию. Он поспешно отвернулся к кирпичным стенам и окнам, проплывающим слева от него, надеясь, что Китс, каким-нибудь чудом, не заметит его слабости. За одним из окон бочкообразный купец поймал его затуманенный слезами взгляд и встревожено обернулся к маячащему за его спиной входу, очевидно решив, что Кроуфорд увидел там что-то плачевное.

— Не от туберкулёза, полагаю, — обыденным тоном произнес Китс, внимательно вглядываясь вперед в поисках заведения Кьюзака. — Чаще всего это выглядит как туберкулёз, или что-то настолько к нему близкое, что доктора даже не удосуживаются продолжать осмотр. Так случилось и с моей матерью. Он пошел быстрее, и Кроуфорду пришлось утереть глаза и прибавить шаг, чтобы не отстать. — Оно подбиралось к ней долгие годы. Я... знал, что это я виноват, даже когда был ребенком — когда мне было пять, я стоял под дверью в ее спальню со старым мечом, надеясь защитить ее от существа которое мне приснилось. Я даже не уверен, что это был *меч*, помню только, что он был из *железа*. Однако, все было тщетно. Он остановился, и когда он обернулся, в его глазах тоже стояли слезы. Так что не думай, что я согласен с твоей свояченицей, — сердито сказал он.

Кроуфорд кивнул и шмыгнул носом. — Хорошо.

— Какие у тебя планы?

Кроуфорд пожал плечами. — Я подумывал снова стать хирургом под фамилией Франкиш — моя настоящая фамилия Кроуфорд, и я...

— Акушер Кроуфорд? Я слышал о тебе.

— Но этот план полетел к черту, когда Джозефина опознала меня. Свояченица. Полагаю, она устроилась медсестрой сразу в несколько Лондонских больниц, на случай если я попытаюсь вернуться в медицину. Так что, думаю, теперь мне придется покинуть Англию.

Если дойдет до слушанья дела об убийстве, вряд ли какой-нибудь суд признает меня невиновным. Китс согласно кивнул. — Пожалуй. В судебной власти чертовски мало нефферов... тем более тех, которые признались бы в своей осведомленности. А вот и Кьюзак.

Постоялый двор, на который они прибыли, был просторным двухэтажным домом с прилепившейся сбоку конюшней и причалом позади, так что посетители могли прибывать в него на лодке. Китс повел их в бар, который своими дубовыми панелями на стенах и обитыми кожей стульями, являл обнадеживающий контраст по сравнению с обстановкой Галатеи. Кроуфорд надеялся лишь, что не сильно пропах зловонием того места.

— Ты... сказал, ты думаешь, что виноват в смерти своей матери, — сказал он, когда они нашли столик у окна, выходящего на реку. — Почему ты так решил? В таком случае и я, получается, виноват в смерти Джулии?

— Боже, даже и не знаю что сказать. Если и так, с твоей стороны это явно было неумышленно. Есть, пожалуй, несколько способов, с помощью которых такое существо может связать себя с человеком, но *большинство* из них требует от этого человека добровольного согласия. В моем случае, полагаю, формальным согласием послужила ночь, в которую я родился. Похоже, что эти существа могут добраться до детей, рожденных в ночь тридцать первого октября. Какая-то обычная защита в эту ночь отсутствует, и если ты родился в это время, ты... почетный член их семейства. Тебя усыновляют. Они могут... *сфокусировать свое внимание* на таком новорожденном, и после того как единожды это сделали, они похоже следят за ним всю его жизнь. И это их внимание оказывается губительным для его семьи. — Бокал кларета, пожалуйста, — добавил он девушке в переднике, которая подошла к их столику.

— И пинту горького, пожалуйста — добавил Кроуфорд.

— У тебя есть семья? — спросил Китс, после того как девушка удалилась к барной стойке. Издалека над водой доносился звон колокола речного торговца пивом.

Кроуфорд подумал о пошедшей ко дну лодке, о горящем доме и раздавленном труп в кровати. — Нет.

— Счастливчик. Подумай как следует, если решишься изменить положение вещей. Он покачал головой. — У меня вот два брата и сестра. Джордж, Том и Фанни ^[76]. Мы сироты, и всегда были очень друг другу близки. Держались друг за друга, знаешь ли. Он поднял руку и уставился на нее. Одна лишь... мысль... о том, что что-нибудь подобное произойдет с ними, о том, что они станут частью этого... особенно Фанни, ей всего тринадцать, и я всегда был ее любимым...

Кроуфорду приходилось постоянно напоминать себе, что Джулия действительно необъяснимым образом умерла, и что он, на самом деле, видел этим утром парящего в воздухе змея. Может быть то, что рассказывал ему Китс, и не было похоже на правду, но какие *привычные* объяснения годились для всего с ним случившегося.

Принесли напитки, и Кроуфорд, вспомнив про свой черед, за них заплатил. Он отхлебнул пива, и открыл рот, собираясь что-то сказать.

Но Китс его опередил. — Ты, наверное, хочешь, чтобы я сходил за твоими вещами и принес их тебе куда-нибудь, соблюдая осторожность, чтобы не привести за собой хвост.

Кроуфорд смущенно закрыл рот, а затем открыл его снова. — Э-э, собственно говоря, да. Я был бы тебе чертовски признателен... и, хотя не могу отблагодарить тебя сейчас, как только я устроюсь за границей, я...

— Забудь. Когда-нибудь мне самому может понадобиться помощь от вынужденного хозяина неффа. Китс вопросительно вскинул брови. — В Швейцарию?

Кроуфорд почувствовал, как лицо его заливается краской, когда он в упор посмотрел на юношу, так как был уверен, что никому не говорил о планах своего путешествия, да он и сам не знал, почему решил отправиться в Швейцарские Альпы. Китс, казалось, знал о нем больше чем он сам.

— Слушай, — спокойно сказал он. — Я готов признать, что столкнулся здесь с чем-то... *сверхъестественным*, а ты, очевидно, знаешь гораздо больше чем я, обо всех этих грязных делах. Так что я был бы тебе признателен, если бы ты просто сразу выложил мне все, что знаешь о моей ситуации, и поберег драматические паузы для своей чертовой поэзии.

Самоуверенная улыбка исчезла с лица Китса, и он внезапно показался молодым и сконфуженным. — ...Стивенс? — спросил он. — Рассказал тебе?

— Он самый. И вообще, как ты можешь рассуждать о том, насколько презренны все эти люди, эти нефферы, если сам сохранил те отвратительные камни из мочевого пузыря, чтобы они помогали тебе писать твою чепуху? Они что работают как счастливая кроличья лапка? Полагаю, однажды ты укутаешься плащом, повесишь на шею обезображенную челюсть старого Баркера, и тогда Байрону, Вордсворту и Эшблесу останется только свернуть шатры путешественника и вернуться домой, верно?

Китс ухмыльнулся, но лицо его пошло пятнами. — Ты не виноват, — еле слышно, словно самому себе, сказал он. — Ты не знаешь, что все это для меня значит, и я не могу на тебя обижаться... по крайней мере, обижаться сильно. Он вздохнул и запустил пальцы в свою рыжеватую шевелюру. — Послушай. Я один из тех людей, которые привлекли внимание представителя этой другой расы. Как я уже говорил, это произошло в ту ночь, когда я родился. Если бы я захотел использовать эту связь, чтобы помочь моему писательскому ремеслу — а я думаю что мог бы, эти существа запросто могут оказаться созданиями, которые в мифах упоминаются как Музы — мне нужно было бы лишь позвать мою... скажем так фею-крестную, и попросить об этом. И уж, конечно, мне не пришлось бы отираться в палатах неффов, выискивая возможность стянуть камень из мочевого пузыря или чашку крови, в надежде вступить в ту эфемерную связь, что приоткрывает свою суть лишь в закоулках одержимых снов.

Кроуфорд попытался было заговорить, но Китс поднял руку, призывая его помолчать, и продолжил.

— Знаешь ли ты — хотя нет, вряд ли — что среди нефферов модно носить запятнанный кровью носовой платок, чтобы выглядеть больным чахоткой? Это намек на то, что ты действительно привлек внимание одного из вампиров, что один из них уделяет свое время, поглощая тебя. Весьма почетно... но яи так уже член этого проклятого *семейства*. И ты очевидно тоже. Они уделяют *нам* так много внимания, что не *позволят* нам умереть — хотя у них нет такой же щепетильности по поводу членов наших настоящих, земных семей. Китс покачал головой. — Но моя поэзия, черт тебя подери, касается только меня. Я... я мало что могу со всем этим поделать — от защиты, от продленной жизни не скрыться — но я *не позволю* им вмешиваться в мою поэзию.

Кроуфорд растопырил пальцы своей изувеченной руки. — Прости. Так зачем ты тогда оставил эти шуки?

Китс уставился на реку за окном. — Я не знаю Майк. Думаю по той же самой причине по которой я не ушел, когда администрация больницы сочла, что я достаточно несведущ и

невнимателен, чтобы определить меня к Лукасу. Чем больше я знаю об этих созданиях, этих вампирах, тем больше шансов, что мне удастся освободиться от одного из них, что наблюдало за моим рождением... и убило мою мать.

Кроуфорд кивнул, но подумал, что Китс лгал, главным образом самому себе. — Так что, получается, руководство больницы обо всем этом знает?

— Безусловно... хотя и трудно сказать, что именно. Конечно, многие наши пациенты расходятся с человеческой нормой, особенно если заглянуть им внутрь, но в отклонениях неффов есть некоторое постоянство. Эти отклонения, к тому же, обычно не особо существенны — камни в почках и мочевом пузыре немного похожи на кварц, кожа становится жесткой и ломкой, когда они подолгу остаются на солнце или, например, они прекрасно видят ночью, но солнечный свет их ослепляет. Думаю, в больнице решили не обращать на это внимания — не прогонять без всякой причины пациентов, что вызвало бы толки, а просто перепоручить случаи с нефами самым некомпетентным штатным сотрудникам. Думаю, если бы что-нибудь подобное сегодняшнему происшествию случилось раньше — старший хирург давно бы уже прикрыл эту лавочку.

— Так почему я хочу поехать в Швейцарию?

Китс улыбнулся — немного печально. — Альпы недостижимой мечтой висят над всеми снами нефферов. Он пристально вглядывался в реку, словно ища там подходящее объяснение. В Южной Америке, говорят, есть растение, которое вызывает галлюцинации у людей, пьющих чай заваренный из его листьев. Галлюцинации эти напоминают видения навеваемые опиумом, но только в этом случае все видят одно и то же. Насколько я знаю, огромный каменный город. Даже если человеку не говорили, чего ожидать, он все равно увидит этот город, точно такой же, как и все остальные принимавшие наркотик люди.

Он прервался, чтобы допить вино, и Кроуфорд махнул рукой, чтобы принесли еще. — Спасибо. Жизнь неффера в чем-то похожа. Твой сон насчет Альп. Пару месяцев назад из самых худших трущоб Суррейсайда ^[77] в больницу доставили мальчика, который умирал от чахотки. И он не задержался там надолго. Но *прежде* чем он умер, он нашел кусок древесного угля и нарисовал на стене возле своей кровати прекрасную картину горы. Один из докторов увидел ее и пожелал узнать, из какой книги мальчик срисовал это идеально детализированное изображение горы Монблан. Все просто отвечали, что не знают — было бы слишком хлопотно объяснять ему, что мальчик извлек все это из головы, что он книги-то и в глаза не видывал, и никогда не бывал на востоке дальше Тауэра, и, что его мать сказала, что он в жизни никогда ничего не рисовал, даже прутиком на земле.

— Ну, может быть, я туда и не поеду. Может быть, я... ну не знаю... Он поднял взгляд и увидел улыбку Китса. — Ну хорошо, черт побери, я должен туда поехать. Может быть, там я смогу найти выход из этого дьявольского положения.

— Ага, конечно. Как тот выход с самого дна Дантовского ада, что просто вел в Чистилище. Китс поднялся на ноги и на мгновение задержал руку на плече Кроуфорда. — Ты, пожалуй, можешь подождать меня здесь. Я удостоверюсь, что за мной не следят, и я сообщу тебе, если увижу каких-нибудь подозрительных типов околачивающихся по соседству. Если я не вернусь через час, тебе лучше предположить, что меня задержали, и просто уехать с тем, что на тебе и в твоих карманах.

Блуждал меж страсти я и отвращения
К столь ненавистным мне предметам вожделенья.
— Сэмюэль Тэйлор Кольридж [\[78\]](#)

После того как Китс ушел, Кроуфорд произвел оценку наличности во внутреннем кармане пальто. У него еще оставалась значительная часть от пятидесяти фунтов Аплтона, и он прикинул, что все еще имел в этой игре неплохой заклад, пожалуй, семьдесят, а то и все восемьдесят фунтов. Немного успокоившись, он подозвал официантку и указал на свой опустевший бокал.

Он отправится в путешествие и будет жить экономно, пока не кончатся деньги. В Лондоне человек мог безбедно — хотя и не обновляя каждый день гардероб и не налегая на мясо в диете — прожить на пятьдесят фунтов в год, а на континенте жизнь, несомненно, должна быть дешевле. А уж с годовой свободой действий, он, пожалуй, найдет себе убежище где-нибудь в этом мире.

Все, что ему нужно сделать, это переправиться через Английский канал [\[79\]](#), и он был бесшабашно уверен, что уж это-то ему удастся. «В конце концов, разве не служил он морским хирургом почти три года»? Он заверил себя, что все еще кое-что смыслит в морских делах, и что даже без паспорта сможет как-нибудь попасть на борт корабля.

Принесли новое пиво, и он задумчиво сделал маленький глоток. «Джулию, наверное, уже похоронили, — подумал он. — Думаю, теперь я знаю, почему я хотел на ней жениться — потому что доктор, особенно акушер, должен быть женат, а так же потому, что хотел доказать себе, что могу иметь детей. Ну и, пожалуй, потому, что все мои друзья твердили мне, что она сногсшибательная партия, ... и отчасти, признаю, потому что хотел вытеснить воспоминания о моей первой жене. Но почему она хотела выйти за *меня*, вот в чем вопрос? Потому что я преуспевающий лондонский доктор, ну или, во всяком случае, был им, который как ей представлялось, должен был, несомненно, в скором времени разбогатеть? Потому что она меня любила? Теперь, пожалуй, я этого никогда не узнаю».

«Кем ты была, Джулия»? — подумал он. Это напомнило ему, как она сказала о своей сестре: «Она должна стать Джозефиной — кто бы это не оказался».

Ему казалось, что все, что сохранит его память об Англии, это оставшиеся здесь могилы. Могила его младшего брата, который из яростных волн Морей-Ферт взывал юного Майкла о помощи, двадцать лет назад. Взывал тщетно, так как море в тот день было беспощадным, стихийным монстром, обрушивающимся на скалы, словно стая волков вгрызающихся в тело. Майкл сидел там, куда не достигали волны, и сквозь слезы смотрел, пока рука его брата не прекратила махать, и не скрылась из глаз в пучине бушующих волн. Каролине достался более скромный памятник, только инициалы и даты, которые одной пьяной ночью он украдкой вырезал на стене паба, построенного на месте сгоревшего вместе с ней дома. А теперь добавилась еще и могила Джулии, которую он никогда не увидит. И каждая из этих могил была памятником его неспособности быть таким, каким должен быть человек.

«Какая часть того, чем я *себя* считал, останется здесь, — размышлял он, погруженный в

пену, оставшуюся на дне бокала, — когда я покину этот постоянный двор и отправлюсь в Лондонский Док? Надеюсь что достаточная. Все чем я пытался быть как Майкл Кроуфорд: судовым хирургом, потому что Кэролайн хотела, чтобы я был моряком; повивальной бабкой, потому что мне всегда чудилось что-то важное в невинности младенцев». Он отставил бокал и подмигнул искаженному *in vitro* ^[80]отражению своего лица на его поверхности. «С этого момента и впредь только ты и я, — подумал он, глядя на отражение. Мы свободны».

Внезапно за окном возник напряженно выглядящий Китс. Кроуфорд встревоженно вскочил, отодвинул защелку и распахнул окно.

Китс тотчас забросил в окно его чемодан. — Она прямо за мной. Вывали его куда-нибудь и давай мне обратно — она заподозрит, если теперь увидит меня без него.

— О, боже! Кроуфорд подхватил чемодан и поспешно бросился к застеленному скатертью столу, ослабил ремни и опрокинул сумку вверх дном. На стол повалились брюки и рубашки. Несколько свернутых пар чулок свалились и, извиваясь змеей, раскатились по полу. Барменша резко его окликнула, но он оставил ее без внимания и бросился обратно к окну. — Вот, сказал он, выпихивая чемодан обратно в руки Китса. — Спасибо.

Китс нетерпеливо кивнул и жестом показал ему не высовываться.

Кроуфорд кивнул и отступил от окна, но одним глазом выглядывал из своего укрытия. Барменша что-то выговаривала за его спиной, и он порылся в кармане и бросил за плечо одно-фунтовую банкноту. — Я хочу купить эту скатерть, — не оглядываясь, проскрежетал он.

Китс тем временем направился к причалу, демонстративно покачивая кожаным чемоданом. «Только не переигрывай», — подумал Кроуфорд.

Мгновение спустя другой человек скользнул мимо окна, следуя за Китсом, и Кроуфорд инстинктивно отпрянул назад, так как это, вне всяких сомнений, была Джозефина, движущаяся с неукротимой целеустремленностью, словно одна из тех приводимых в движение шестернями статуэток, что появляются из немецких башенных часов, чтобы позвонить в колокола. Беспокоясь о Китсе, Кроуфорд понадеялся, что она не успела перезарядить пистолет.

Все еще выглядывая в окно, Кроуфорд попытался по крепкому деревянному полу к столу, на котором лежала вся его одежда. Он перекинул вверх концы скатерти и стянул их в узел здоровой рукой.

Добравшись до конца причала, Китс оглянулся и увидел движущуюся к нему Джозефину. Он закрутил чемодан, словно метатель диска, а затем отправил его в далекое плавание. Кроуфорд прошептал проклятье одновременно с отдаленным всплеском.

— *Фунта*, надеюсь, достаточно за чертову скатерть? — горько промолвил он, думая о том, сколько отдал за свой чемодан.

— Да, сэр, — сказала барменша, незаметно отодвигаясь, когда он шагнул мимо нее к входной двери, с какой-то отчаянной беззаботностью покачивая своим импровизированным багажом.

Он пересек Лондонский мост и, направившись на восток, миновал Биллингзгейтский рыбный рынок, и как можно беспечней прошествовал мимо Здания Таможни и Лондонского Тауэра, завидуя окружающим его торговцам рыбой, горничным и разнорабочим в их безразличии к этим величественным каменным сооружениям, которые, казалось, олицетворяли закон и наказание. Время от времени он оглядывался назад, но позади не было видно никого, кто был бы похож на заведенный ключом механизм.

Магазины, мимо которых он проходил, сообщили ему, что он приближается к докам. Бакалейщики наперебой зазывали публику вывесками, сообщавшими, что бочонки солонины и галеты, которые они продают, будут храниться вечно в любом климате. Окно каждого второго магазина ломилось от латунных секстантов [\[81\]](#), подозрных труб и компасов — и плотных бумажных компасных карт с отпечатанной на них кристалло-подобной розой [\[82\]](#), указывающей стороны света. С грохотом проезжавшие мимо экипажи заставляли карты дрожать, словно они трепетали от порывов какого-то никак иначе не обнаруживаемого магнитного ветра.

Его узел из скатерти привлекал бурное внимание толпы уличных мальчишек, поэтому он вошел в магазин, на витрине которого был выставлен чемодан — но хозяин вначале довольно учтиво его поприветствовавший, повторно взгляделся в лицо Кроуфорда, а затем спросил, как он посмел притащить «мерзкие кости, зубы и статуэтки» в магазин управляемый Кристианом. Когда Кроуфорд попытался объяснить, что в свертке у него просто одежда, и что он всего лишь хочет купить чемодан, продавец, ни долго не раздумывая, выхватил из-под прилавка пистолет. Кроуфорд поспешно выбежал на улицу, снова очутившись посреди гомонящей толпы ребятни.

Один из мальчишек подбежал к нему сзади, и ножом вспорол его узел снизу, а затем рванул за показавшуюся из разреза одежду. Рукав зеленого бархатного пиджака скользнул наружу, с парой подштанников из тех дней, когда он был покрупней, непонятно как зацепившихся за кружевную манжету.

Кроуфорд крутанулся, столь поспешно, что рукава-подштанники растянулись за ним подобно хвосту, но все же недостаточно быстро, чтобы увидеть, какой из мальчишек это сделал — тем не менее, он увидел владельца магазина багажа, стоящего в дверном проеме и наблюдающего за ним. Кроуфорду показалось, что тот подал рукой сигнал кому-то по ту сторону улицы.

«Прямо как я хотел, — истерично подумал Кроуфорд — незаметное исчезновение».

Внезапно вдаль по улице с грохотом растворилась дверь паба, и двое тощих нездорового вида мужчин вывалились наружу и, хромая, направились к нему, размахивая окровавленными платками. Они что-то одновременно бормотали, но из их бессвязной речи Кроуфорд разобрал лишь слово «камень» и еще что-то, прозвучавшее как «неффи-лимб» [\[83\]](#).

Он повернулся, чтобы броситься туда, откуда только что пришел, но тут ему почудилось, что в толпе мелькнули размахивающие негнущиеся конечности, и застывшее, лишенное выражения лицо... так что он закрутил свой сверток по широкой дуге, совсем, как недавно проделал с его чемоданом Китс, и разжал руки. Скатерть распахнулась, и одежда хлынула во всех направлениях, туфли полетели в толпу, а Кроуфорд нырнул в узенький переулок и понесся прочь.

Куча людей бросилась, ссорясь, к месту взрыва дорогой одежды, вызвав неуправляемый шумный затор, но несколько человек с негодованием кинулись по переулку вслед за ним. Кроуфорд забежал за угол, в узкий старый кирпичный тупик, а затем, прежде чем его преследователи возникли позади, обнаружил дверь, рванул ее на себя и скользнул внутрь, а затем притворил ее за собой. Изнутри на двери был засов, и он поспешно задвинул его в гнездо скобы.

Он оказался позади толпы людей, очевидно, каких-то подсобных рабочих, в помещении с низко нависающим потолком, пропахшим пивом, потом и свечным воском, и, хотя ему никак не удавалось отдышаться, люди поблизости лишь взглянули на него, учтиво кивнули и

снова обратили внимание к чему-то происходившему впереди.

— Здесь у двери куча старых парусов, — донесся властный голос из дальнего конца комнаты.

Кроуфорд слышал шаги на мостовой снаружи. Вслед за этим кто-то загрохотал в дверь за его спиной; но никто из его соседей не двинулся, чтобы впустить новоприбывшего, и чуть погодя шаги тяжело удалились прочь.

— Подберите их, когда будете уходить, — добавил голос с той стороны комнаты, и вся компания тудяг, шаркая ногами, поплелась вглубь помещения, в котором Кроуфорд теперь опознал паб. «Старых парусов? — подумал он. — Мы что собираемся мыть окна»?

Никто не удостоил его нового взгляда, когда он вслед за всеми выбрался через дверь паба на солнечный свет, и, следуя примеру своих спутников, подобрал несколько полотнищ грубой ткани из кучи, сваленной возле двери. Выйдя во двор, рабочие начали обвязывать ветошь вокруг обуви и лодыжек, и Кроуфорд старался делать все точно также.

— Сильнее вяжи, напарник, вот так, — произнес очевидно бывалый работяга, затягивая повязки Кроуфорда и делая при этом нахлест шире. — Завяжешь слабо и будь уверен, гравий туда пролезет. Потом его оттуда хрен выковыряешь, проще уж совсем ничего не вязать.

— Ага! — сказал Кроуфорд. — Большое спасибо. Его благодарность была искренней вдвойне, так как теперь он наконец-то понял, что за работа им предстояла. Эти люди были грузчиками балласта, чьей задачей было заполнять гравием трюмы кораблей, разгрузивших свои товары и теперь нуждающихся в дополнительном весе, чтобы удержать их от чрезмерного крена на ветру. «Ему достаточно часто приходилось видеть, как делали эту работу, — подумал он, — так что теперь он, пожалуй, сможет сделать это и сам. И это должно помочь ему попасть на борт корабля».

* * *

Доки, казалось, простирались в бесконечность. Ряды взаимосвязанных каналов, бухточек и запруд тянулись, насколько хватало взгляда; мачты, реи, косые и отвесные линии такелажа прочертили пасмурное небо во всех направлениях, оставляя просветы лишь прямо над головой. В хаотическом нагромождении снастей медленное передвижение корабля, который в отдалении буксировали наружу или внутрь, угадывалось лишь по тому, как его профиль вплетался в этот неподвижный узор. Кроуфорд сидел на корме лодки грузчиков балласта и разглядывал корпуса кораблей, между которых они проплывали. Корпуса эти возносились высоко вверх, если корабль был разгружен и высоко восседал в воде или, если он все еще был полон груза, были низкими настолько, что он мог бы подпрыгнув коснуться рукой ограждения борта. Разглядывая их, он гадал, на каком из этих кораблей ему суждено покинуть Англию.

Сваленная в лодке куча гравия воняла заросшим водорослями речным дном, с которого она, собственно, и была недавно поднята, но всякий раз, когда его достигал холодный порыв ветра, Кроуфорд различал запахи чужих берегов: ободряющую смесь табака и кофейных ароматов с одной стороны, жгучее карри явно несовместимых специй с другой и гнилостное зловоние кож с третьей. Песни моряков, несущиеся со всех этих кораблей, выводили

сливающуюся в какофонию [84]многоязычную оперу, заполняющую краткие мгновения, когда освобожденные цепи кранов не возносились с шумом наверх, а бондари не стучали молотками по бочкам. Но он был этому только рад, потому что разговаривать в лодке было практически невозможно.

Когда лодка, наконец, повернула к носу корабля, который они должны были загрузить, другая лодка уже работала по левому борту. Кроуфорд вскинулся на своей лавке и наблюдал за грузчиками, чтобы освежить память о том, как делается эта работа.

На шестах, прилаженных к планширам лодки, была установлена платформа, и рабочие загребали сваленный посреди лодки гравий и бросали наверх на платформу, где другие рабочие зачерпывали его и пихали лопату за лопатой в метровый иллюминатор в борту судна. Лодка вскоре скрылась из виду, когда они обогнули нос чтобы причалить с другой стороны, но он увидел достаточно, чтобы его надежда попасть на борт корабля таким способом значительно поугасла. Военные суда, на которых он плавал, использовали в качестве балласта каменные блоки, и грузчикам приходилось подниматься на борт корабля, чтобы их уложить, но эти люди корабля даже не *касались*, разве что лезвиями лопат.

«Проклятье, — подумал он, — очень похоже, что я подписался на день тяжелой работы и, судя по всему, без оплаты, так как меня нет в списке рабочих. Может мне просто прыгнуть за борт и уплыть отсюда? Ведь теперь у меня нет багажа, о котором нужно беспокоиться».

Рабочие на его лодке уже поднялись и возводили леса. — Давай, полезли наверх, — прорычал его давешний приятель, подталкивая его вперед, и мгновение спустя Кроуфорд уже пытался взобраться на платформу, сжимая лопату, которую кто-то сунул ему в руку. К тому времени как он вскарабкался на платформу и сумел подняться, его напарник уже стоял там и всюду орудовал лопатой, вонзая ее в гравий, который рабочие снизу забрасывали на прогнувшиеся доски.

Подражая ему, Кроуфорд зачерпнул несколько фунтов сыпучего меса и качнулся к кораблю, чтобы ссыпать груз, но в тот же миг утратил равновесие, поспешно отшатнулся, и гравий, наполнявший лопату, соскользнул с клинка и плюхнулся в темную воду между лодкой и корпусом корабля. Слава богу, хоть лопату он удержал.

— Напился ты, что ли? — спросил сосед за его спиной. — Работай внизу, если не привык к качке.

Уязвленный, что сухопутная крыса вынуждена ему это говорить, Кроуфорд покачал головой и снова вонзил лезвие. Он поднял кучу гравия, а затем обратил внимание на способ, которым мужчина забрасывал его внутрь через иллюминатор. Мгновение спустя снова был его черед, и он проделал это так же как его напарник, опираясь лезвием лопаты о край иллюминатора, чтобы удержаться от падения, прежде чем вывалить гравий внутрь, а затем опираясь на него снова, чтобы вернуться в исходное положение.

— Так-то лучше, — одобрил напарник, и Кроуфорд смутился, осознав, что зарделся от похвалы.

Час спустя его руки ныли от напряжения, но только когда оторванный палец начал кровоточить, он подумал, что пора бы остановиться. Он уже собирался симулировать какое-нибудь заболевание, когда внезапно поблизости раздался страшный грохот и рабочие внизу перестали кидать гравий на платформу.

Из-за носа корабля показалась вторая лодка, и он увидел, что шум на ней издавали двое мужчин, скрестивших лопаты над головой на манер актеров, изображающих битву с палашами; при этих звуках рабочие внизу побросали лопаты и начали вытаскивать из-под

планширов корзины, и он понял, что для грузчиков балласта это был обычный обеденный ритуал. Он опустил лопату и позволил рукам безвольно повиснуть по бокам, не обращая внимания на кровь, которая размеренно капала на мокрые доски платформы.

Его напарник уже спрыгнул вниз в лодку и протискивался, чтобы подобраться к корзинкам, но Кроуфорд мгновение просто смотрел на него, ловя дыхание и размышляя, захватил ли каждый рабочий еду самостоятельно, или это был своего рода шведский стол за счет подрядчика, и тогда есть надежда, что ему тоже перепадет кусок-другой.

Как раз когда он решил спуститься и тоже попытать счастья, с другого корабля донесся тревожный выкрик, и, бросив взгляд вверх, он увидел широкий грузовой поддон, падающий с крана. В воздухе поддон перевернулся, и среди составленных на нем ящиков Кроуфорд увидел мужчину, летящего вниз сквозь влажный речной воздух, беспомощно размахивая руками и ногами. С этой выигрышной точки обзора было, тем не менее, трудно разобрать, свалился ли мужчина на палубу корабля, который помогал разгружать, или благополучно плюхнулся в воду.

Недолго думая, Кроуфорд повернулся, прыгнул через пропасть отделявшую лодку от корабля и повис на кромке иллюминатора. Брыкнув ногой и судорожно сложившись пополам, он скользнул внутрь, и успел прикрыть лицо руками за мгновение до того, как головой вперед пропахал кучу мокрого гравия и, сделав вызвавший лавину кульбит, приземлился на засыпанный галькой пол.

Он сел, баюкая свою несчастную руку и приглушенно хныкая. В трюме было темно. Единственным освещением были тусклые лучи, пыльными дорожками скользящие внутрь сквозь иллюминаторы, но он разобрал, что пол перегорожен высотой-до-колена переборками, разделяющими его на низкие квадратные отсеки. Он поднялся и поплелся в самый дальний и темный угол трюма, заботясь лишь о том, чтобы перешагивать через перегородки и не запнуться. В последнем отсеке он лег на пол, уверенный, что здесь его никто не увидит.

Он надеялся, что рабочий дока все-таки угодил в воду.

Где-то около часа, по крайней мере, так ему показалось, он прождал, терзаясь, что если грузчики балласта догадаются, куда он исчез, но, в конце концов, полный совок гравия водопадом низвергнулся вниз, затем второй, и он понял, что опасность миновала.

Некоторое время спустя он услышал, как несколько мужчин спустились в трюм и начали перераспределять кучи, перебрасывая гравий из одного отсека в другой, и споря о том, какая сторона была нагружена больше нужного — носовая или кормовая, но они закончили и ушли, так и не дойдя до отсека, в котором он укрывался. После этого слушать было совершенно нечего, кроме изредка доносящегося с верхней палубы топота сапог и еле слышных криков со стороны доков, и не на что смотреть кроме невыразимо медленного угасания дня в иллюминаторах.

* * *

Он спал, а когда проснулся, корабль уже покачивался на океанских волнах, и лунный свет посеребрил обод иллюминатора и слабыми отсветами заиграл на сваленных в трюме

куцах гальки. В трюме было холодно, как бы он хотел сейчас, чтобы его вещи все еще были при нем. Несмотря на морской воздух, в голове царило зловоние илистого речного дна.

Вдруг, где-то в темноте трюма, он услышал шелест гравия и внезапно осознал, что проснулся именно от этого звука.

«Крыса, — нервно сказал он самому себе. — Разжиревшая на корабельных припасах или каком-нибудь грузе, который корабль вез в Лондон, а теперь ей нечего погрызть за исключением гравия и моего лица. Лучше больше не спать. В любом случае слишком холодно — и становится еще холоднее».

Шорох донесся снова, на этот раз затянувшийся, словно кто-то просеивал гравий через сомкнутые чашей руки. Затем послышался звук, будто там волокли что-то очень тяжелое. В темноте трюм казался ему бескрайним, и шум доносился издалека, но у него сложилось впечатление, что там передвигалось что-то ужасно тяжелое.

Внезапно ему стало еще холоднее. «Чтобы это ни было, — подумал он, — это — не крыса».

Смутно он различил, как что-то поднялось там, в одной из отдаленных областей трюма, что-то высокое и широкое. Что-то, что не было человеком.

Кроуфорд затаил дыхание, и даже закрыл глаза, на случай если существо могло почуять его взгляд, и, хотя он знал, что даже самое бешеное сердцебиение невозможно услышать, он боялся, что дрожь, которую сообщало ему собственное сердце, могла предательским звуком отозваться в переборке отсека.

Миг спустя он пришел в ужас, осознав, что его переполняет извращенный порыв *произвести*какой-нибудь шум, и лишь усилием воли он сумел его подавить.

Существо пришло в движение — прогуливалось, судя по размеренным, громоздким толчкам, которые Кроуфорд ощущал через пол. И он раскрыл глаза, в ужасе, к которому странным образом примешивалось желание, думая, что оно движется к нему, но существо направлялось к одному из иллюминаторов, и по мере того, как оно все ближе и ближе подходило к очерченному лунным светом кругу, он видел его все более отчетливо.

Торс существа походил то ли на огромную сумку, то ли на каменную глыбу. Его поверхность была бугристой, словно кольчужный доспех, и, когда оно на слоновоподобных ногах дотащилось до иллюминатора, он увидел, что голова его была просто угловатым комом, с тенями, намечавшими скулы, глазные впадины и плиту нижней челюсти.

Странно, почему-то ему казалось, что это существо — женщина.

У существа не было рук, чтобы положить их на обод иллюминатора, но Кроуфорд чувствовал в нем какую-то усталость и скуку. Ему подумалось, что оно поднялось без особой на то причины... что оно просто задумчиво смотрело на море, словно какой-нибудь мучимый бессонницей мореплаватель.

Несколько бесконечно долгих мгновений ни один из них не двигался. Кроуфорд застыл, стиснутый чем-то похожим на ужас, стараясь даже не дрожать от пробирающего до костей холода, а существо возле иллюминатора просто смотрело вдаль, хотя, казалось, не имело глаз. В конце концов, оно направилось обратно, перемалывая гравий в порошок своими немыслимыми ногами, а затем обернулось и посмотрело на Кроуфорда через разделявшие их футы трюма.

Его обступала непроницаемая тьма, но он непонятно откуда знал, что существо его видело, видело по теплу, излучаемому его телом, и не нуждалось ни в каком свете, и оно узнавало его, знало его. Кроуфорд отчаянно гадал, сколько еще сможет сдерживать рвущийся

изнутри крик — сдерживать *желание*закричать, желание чтобы оно добралось до него.

Но существо не делало попытки приблизиться. Оно развернулось и потащилось дальше, в темноту трюма, из которой оно появилось. Спустя несколько минут, Кроуфорд снова услышал долгий осыпающийся шорох просеиваемого гравия и понял, что существо размягчило свою грубую человекообразную форму, снова превратившись в крошечные камешки, содержащие в себе его суть.

После этого сон долго не принимал его в свои объятия.

О, вы, смотрящие во тьму,

Скажите что нашли?

— Кларк Эштон Смит, *Полночные слепцы*

Что-то ударило о корпус корабля, и Кроуфорд тут же проснулся, думая, что существо из гравия снова восстало и двинулось в обход трюма — но скрипел и раскачивался весь корабль, а с палубы над головой доносились оживленные голоса и топот ботинок. Похоже, они достигли пункта назначения. Спустя несколько минут его догадку подтвердил плеск брошенного якоря. Снаружи все еще была ночь, если конечно кто-нибудь не закрыл заслонками все иллюминаторы.

Он тихо поднялся и на ощупь двинулся к иллюминатору, через который попал внутрь, соблюдая осторожность, чтобы не растянуться посреди трюма, и, когда он все еще был в нескольких ярдах ^[85]от иллюминатора, свежий бриз, пахнул ему в лицо ароматами суши, дав понять, что заслонок на местах не было, и что рассвет еще не наступил.

Он высунул голову наружу и в свете звезд разглядел длинный участок земли, вырастающий посреди безбрежного простора спокойной воды. Очевидно, корабль стал на якорь в какой-то гавани. Воздух заметно потеплел, похоже, что корабль плыл на юг — так что это должно быть Франция, или если предположить, что им чертовски повезло с попутным ветром, и чрезмерная усталость заставила его проспать гораздо дольше, чем он думал, Испания.

Он стянул ботинки и связал их вместе с помощью ремня, чтобы буксировать их, когда поплывет, затем поставил ботинки на пол и выглянул снова, оглядываясь по сторонам и прикидывая, где лучше всего незаметно нырнуть в воду... но когда в темноте где-то за его спиной задвигался гравий, он просто очертя голову нырнул в иллюминатор, лишь кончиками пальцев задев за его обод.

Совершив головокружительное сальто, он вперед ногами вошел в воду и глубоко погрузился в леденящую, сковывающую движения пучину.

В этот миг он проснулся окончательно. Морская вода вымыла из головы то лихорадочное смятение, что терзало его всю предыдущую неделю, и, когда он по-лягушачьи поплыл вверх, навстречу невидимой морской поверхности, он уже всю строил планы.

Он как-нибудь вернется в Англию и докажет свою невиновность — в конце концов, он уважаемый доктор, и вряд ли найдутся присяжные способные его осудить, даже если бы он был физически способен сделать то, что сделали с Джулией — и он стряхнет эту мистическую одержимость Швейцарией. Байки Китса, несомненно, были лишь фантазиями наделенного богатым воображением кандидата в поэты. Кроуфорд не понимал, как он вообще мог слушать весь этот вздор.

Затем он вспорол водную гладь, глотнул воздуха, и сомнения снова навалились на него. Он поплыл в сторону кормы, так как голоса, казалось, раздавались громче на носу, и уже позабыл свою мимолетную надежду на возвращение в Англию и свое оправдание. «Ты уже пересек канал, — сказал он себе, — Альпы — величественные, парящие над облаками, те, что ты видел лишь во снах — прямо перед тобой. Ты не можешь отступить теперь».

«Дьявол, — подумал он, — даже если бы я *мог*вернуться, ничего не опасаясь»...

Когда он обогнул высокую массивную корму, он увидел, что корабль встал на якорь на приличном удалении от берега. Небо только начинало окрашиваться глубоким предрассветным пурпуром над холмами, виднеющимися далеко за темной водой, справа от него, но он смог разглядеть лежащую перед ним береговую линию и купы деревьев, которые, казалось, слабо светились в темноте на вырастающей позади суше.

Он оглянулся на корабль и был ослеплен тем относительно ярким светом, который лился из окон каюты. Он поспешно отвернулся и несколько мгновений тихо покачивался на воде, а затем снова взглянул на корабль, избегая смотреть прямо на свет. За окнами стоял мужчина, его лицо и руки странно светились на фоне темного неба, но он смотрел на материк, а не вниз на Кроуфорда, который повернул назад и тихо поплыл к далекому берегу.

После десятиминутного заплыва он остановился, ругая себя за то, что прыгнул, не захватив ботинки. Он понял уже, что не смог бы тащить их с собой всю дорогу... но ему было жаль ремня, которым он их связал.

К тому же его тревожило, что если он вдруг вздумает устать, опереться здесь совершенно не на что, разве что о морское дно где-то там, в глубине. Он вспомнил свои сны, в которых он мог летать, но был всегда в сотнях футов над землей, когда руки внезапно начинали сводить судороги, вызванные яростными взмахами, призванными удержать его наверху. Мог ли он все еще вернуться на корабль? Он повернулся и посмотрел назад, но корабль был теперь, по меньшей мере, так же далеко, как и маячащий впереди берег. Подавляя панику, он поплыл дальше. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким и незащищенным... и когда колени и ступни в конце концов уткнулись в песок, и он осознал, что достиг мелководья, он готов был прижаться к песчаной поверхности словно отбившаяся от стада овца, найденная в конце концов лишившимся сна пастухом.

Небо на востоке уже стало серым, и деревья на далеких холмах утратили свое странное свечение. Когда он поднялся и вброд направился к берегу, он увидел низкие строения — дома и башню церкви — виднеющиеся в нескольких сотнях ярдов впереди, и остановился, размышляя, что делать дальше. Волны с плеском кружились вокруг его босых лодыжек, ощутимо более теплые, чем прохладный утренний воздух.

Его французский был далек от совершенства — если, конечно, это была Франция, как он на то надеялся, так как испанского он *не знал*овсе — а это место мало походило на прибежище космополитов ^[86]. Франция и Англия слишком уж недавно находились в состоянии войны, чтобы простой люд жаждал помочь заблудившемуся британцу. Единственный востребованный навык, которым он обладал — это врачевание, но ему казалось маловероятным, что крестьяне дружною толпой придут к нему на поклон... горя желанием, чтобы он вправил их сломанные кости... а уж тем более позаботился об их беременных женах.

«Примут ли здесь в магазинах английские деньги? Мокрые английские деньги, к тому же? И если нет, как ему тогда достать хотя бы пиво, хлеб и сухую одежду?»

На церковной башне зазвонил колокол, разнося резкие ноты над лишенными эха серыми соляными равнинами, и он пожалел, что он не католик, который мог бы попросить прибежища. Или, скажем, масон или розенкрейцер ^[87], Боже, да кто угодно, лишь бы он мог обратиться к своим тайным собратьям за помощью!

Пока он поднимался на песчаный склон, ему пришло в голову, что он все-таки был членом тайного братства... хотя и не знал, были ли его члены хоть сколько-нибудь

заинтересованы в том, чтобы помогать друг другу.

«Ну что ж, посмотрим, — подумал он, — какие пароли я знаю? Неффи? Одному богу известно, что это может означать на французском. Может мне стоит размахивать окровавленным платком? Или засунуть камень за щеку, словно белка, и подмигивать прохожим?»

Затем он вспомнил слова Китса о том, что неффера можно безошибочно узнать по его «взгляду» — он сказал, что Кроуфорд, должно быть, лишь недавно стал одним из них, иначе он давно бы уже привлек внимание незнакомцев, которые могут опознать этот взгляд.

Так что он просто пошел вдоль по маленькому городку, дрожа от прибрежного бриза и улыбаясь рыбакам, которые по широким переулкам тяжело тащились мимо него вниз, к вытасненным на берег плоскодонкам, а затем — торговцам, которые летящим шагом поднимались вверх, чтобы открыть магазины. Многие из них задерживали взгляд на его изможденной, промокшей фигуре, но не один из этих взглядов не обнаруживал того интереса, на который он рассчитывал.

В конце концов, он нашел теплую трубу дымохода и прислонился к ней, и именно в этом месте его и обнаружил невероятно древний старик в мышинного цвета сутане. Кроуфорд заметил его, когда тот был еще в дюжине ярдов вверх по улице. Ссутулившись, он ковылял в его сторону, столь медленно, с каждым шагом помещая весь вес своего хилого тела на узловатую папку, что у Кроуфорда было достаточно времени, чтобы как следует его изучить.

Заглубевшие щеки разошлись в усмешке, обнажив желтые, но, похоже, все еще крепкие, зубы, и из глубоких, очерченных морщинками впадин сверкнул настороженный, но вместе с тем веселый взгляд. Кроуфорду, тем не менее, захотелось отвернуться, так как ему вдруг почему-то сделалось понятно, что долголетие обошлось этому человеку гораздо дороже, нежели то, что обычно выпадает людям. Старик остановился прямо перед ним.

Затем старик заговорил, и Кроуфорд про себя чертыхнулся, так как язык нес в себе ритмичную четкость языков южной Европы и Средиземноморья, а не одну из тех глубоких носовых элизий [88], что свойственны жителям Пикардии или Нормандии [89].

Несколько секунд он пытался припомнить какие-нибудь Испанские фразы... но так и не вспомнил. Но, может быть, старик говорит *также* по-французски.

— Э-э, — начал Кроуфорд, сясь подобрать слова, — *Parlez-vous francais? Je parle francais — un peu.* [90]

Старик рассмеялся и заговорил снова, и на этот раз Кроуфорд разобрал несколько слов; похоже старик настаивал на том, что говорит именно по-французски.

— О, неужели? Ну что ж, *bonjour, Monsieur*, послушайте, *non j'ai une passepon, mais...* [91]

Старик прервал его вопросом, который прозвучал как *Essay kuh votray fahmay ay la?* Кроуфорд моргнул, затем мотнул головой и пожал плечами. — *Répétez, s'il vous plait — et parlez lentement.* [92] Это было французское выражение, которым ему доводилось пользоваться чаще всего — просьба повторить и говорить помедленнее.

Старик подчинился, и Кроуфорд понял, что он и в самом деле говорил по-французски, но при этом произносил все, обычно безударные, окончания «е». Он спросил его: «Здесь ли твоя жена?»

— *Non, non...* «Вот те раз, — подумал он, — может он меня с кем-нибудь спутал? Или просто увидел мое обручальное кольцо? Хотя нет, оно ведь исчезло вместе с пальцем». — *Non, je suis seul*, один, понимаете. А теперь *envers mon passepon...* [93]

Старик приложил палец к губам, затем подмигнул и захромал обратно, после каждого шага выбрасывая палку вперед, словно пытаясь таким образом удержать внимание Кроуфорда.

Его вниманием, впрочем, завладело уже кое-что еще — старик тоже потерял свой безымянный палец.

Старик повел его на восток от деревни, вдоль побережья, окруженного холмами, густо поросшими пурпурным вереском. Такого буйства красок Кроуфорду не доводилось видеть с тех пор, как он когда-то покинул Шотландию. Наконец они достигли крошечного домишки, сооруженного из носовой части перевернутой рыбацкой лодки. Отпиленные борта были забраны досками и снабжены низкой дверью и окошком, в которое едва ли пролезла бы его голова. В нескольких ярдах в стороне грубые деревянные ступени вели вниз, петляя между нагромождений скал к приливной заводи, над которой нависали подмости, оплетенные выставленными для просушки клубками сетей.

Проводник Кроуфорда отворил для него маленькую дверь, и Кроуфорд, поднырнув словно фехтовальщик, протиснулся внутрь. Тускло освещенную треугольную комнату заполняли древние фолианты и бутылки спиртного, правда на земляном полу обнаружилась квадратная выемка, в которую и уселся Кроуфорд.

Носовой угол комнаты был оборудован маленьким очагом, и Кроуфорд переставил в сторону несколько сковородок, чтобы было куда вытянуть ноги... Он замешкался, прежде чем опустить сковороды на пол, так как хотя они и были привычного серебристого цвета, они были намного легче, чем любые металлические, которые ему доводилось держать.

Старик забрался внутрь вслед за Кроуфордом и устроился на стопке книг, затем снова ухмыльнулся, и на своем диковинном французском заметил, что Кроуфорд сидит на том месте, где всегда сидела его жена. Но прежде чем Кроуфорд успел извиниться или спросить скоро ли вернется его жена и заявит права на свое место, старик заговорил снова.

Он представился как Франсуа де Лож, поэт, и уверил Кроуфорда, что это и в самом деле была Франция — деревня Карнак [\[94\]](#), расположенная на южном побережье Бретани вблизи Ванны. В Оре [\[95\]](#), в восьми милях отсюда, было правительственное учреждение, и проблема с паспортом Кроуфорда, в чем бы она ни заключалась, могла быть там поправлена.

Кроуфорд начинал уже привыкать к странному акценту старика, и понимал теперь, почему сперва принял его язык за испанский. Не только из-за того, что мужчина произносил все окончания «е». Некоторые слова, такие как «mille [\[96\]](#)» он выговаривал с почти испанской или итальянской певучестью, при этом вдобавок весьма ощутимо напирая на «г». Язык, несомненно, был французским, но, казалось, французским, на котором говорили, когда романские языки еще не успели значительно разойтись в стороны.

Не прекращая говорить, Де Лож выдернул соломенную пробку из бутылки, и разлил брэнди в две голубые хрустальные чаши. Кроуфорд с благодарностью отхлебнул напиток, а затем, отбросив в сторону все свои сомнения по поводу способности старика дать нужные, и к тому же противозаконные предписания к таможенным инспекторам, спросил, что он хочет получить взамен.

Брэнди в бокале де Ложа вспыхнуло в лучах утреннего солнца, скользящего внутрь через маленькое оплывшее оконце, и отбросило пурпурно-золотую радугу на изъеденные временем доски, служившие стеной этому месту. — *Qui meurt, a ses loix de tout dire*, — начал он.

Кроуфорд мысленно перевел это как «Умиравший человек может говорить все». Де

Лож продолжал, и Кроуфорд был вынужден время от времени его прерывать, чтобы снова попросить говорить помедленнее, но даже после этого, он не был уверен, что понимает речь старика.

Де Лож вроде бы рассказывал, что заключил свою жену в тюрьму — хотя когда он об этом сказал, он махнул рукой в сторону моря — и теперь мог, с помощью подходящего человека, освободиться от нее навсегда. Ее родня может быть от этого не в восторге — тут он, по какой-то причине, кивнул на сковороды, которые передвинул Кроуфорд — но они не смогут ему помешать. Он поднял одну из легковесных сковородок, скривился и швырнул ее за дверь, на улицу. — Я знаю, это неучтиво, — добавил он на своем чудном французском, — но они даже для готовки не годятся — становятся ноздреватыми, и к тому же ужасно обесцвечивают соусы и яичницу.

В его жизни было много женщин, — сказал он Кроуфорду, но он никогда и никому не говорил где эти «*quelles*» ^[97]проживают теперь. Ни одна из них не могла теперь до него добраться, и это было важное обстоятельство. Он указал на изувеченный палец Кроуфорда, и с ухмылкой сказал, что уверен, Кроуфорд его понимает.

Кроуфорд был куда как уверен, что не понимает, особенно когда старик закончил свою речь тирадой «*Les miches de Saint Estienne amons, et elles nous assuit*», которая, казалось, означала «Мы любим хлеба святого Стефана, и они преследуют нас».

Тем не менее, когда де Лож поднялся и спросил Кроуфорда, пришли ли они к соглашению, Кроуфорд кивнул и уверил его, что пришли. «Если он сможет заверить мой паспорт печатями, — подумал он, — я *помогу*ему провести этот ритуал, от чего бы он там ни защищал: от родственников жены, от буханок хлеба или еще от какой-нибудь чертовщины. А даже если и не сможет, даже если он просто сумасшедший старик, все равно у меня теперь есть здесь знакомый — к тому же я уже получил крышу над головой и стакан брэнди».

Старик бросил Кроуфорду пару поношенных древних туфель. Затем приподнял лежащий за дверью матерчатый мешок, показывая, что Кроуфорду стоит его захватить. Когда они покинули маленький домик, он невзначай заметил, что купил дополнительную еду и выпивку, как только услышал о прибытии Кроуфорда.

Пораженный, Кроуфорд спросил его, как он об этом узнал — но де Лож лишь подмигнул, снова кивнув на руку Кроуфорда, а затем указал на широкую заводь под ними. Кроуфорд приблизился к обрыву и посмотрел вниз, но увидел лишь полуметровый пирамидальный камень с квадратным основанием, одиноко возвышающийся посреди заводи.

Вернувшись обратно, Кроуфорд огляделся вокруг в поисках каких-нибудь признаков загона, где могли бы содержаться лошади или ослы, но маленький рыбацкий домик был единственной постройкой на поросшем вереском склоне холма. «Планировал ли де Лож *пройти*восемь миль своей походкой хромого насекомого?»

Чему он действительно был рад, так это тому, что туфли пришлись ему впору — и мгновение спустя его пронзила догадка, что если де Лож купил их, когда покупал еду, также загодя узнав и размер его ноги.

Затем он увидел, что старик вытащил из-за дома детскую коляску, с привязанной к ней веревкой, и что к дальнему концу веревки было прилажено некое подобие плечевой упряжи.

Пока Кроуфорд недоверчиво разглядывал эту конструкцию, де Лож забрался в тележку, подобрав колени к подбородку, а затем бросил веревку с упряжью в пыль к ногам Кроуфорда.

Старик услужливо изобразил жестами надевание упряжи.

— На случай если я сам не догадаюсь, да? — сказал Кроуфорд по-английски и поднял упряжь. Он медленно натянул ее, чувствуя скованность в суставах — следствие того, что он провел ночь, скрючившись в деревянном коробе. «Вот что я тебе скажу, старина — лучше бы ты был способен достать мне паспорт».

Довольно отчетливо де Лож спросил, не хотел бы он для ходьбы надеть туфли с каменными подошвами.

Кроуфорд вежливо отказался.

— *Ah, le fits prodigue!* [\[98\]](#) — заметил де Лож на своем тарабарском французском, покачивая головой.

Кроуфорд навалился на веревку, и тележка закрипела вперед, но затем он сообразил, что все еще несет сумку. Он остановился, вернулся назад, и, несмотря на протесты, вручил ее де Ложу. Одержав эту маленькую победу, он пошел назад, пока веревка снова не натянулась, а затем потащил тележку. Спустя несколько минут он немного приноровился к упряжи и подобрал размеренный темп ходьбы.

Он тяжело плелся прочь от моря, оставив деревню позади, по медленно забирающей вверх дороге. Вокруг царили запахи нагретого на солнце камня и благоухание вереска, и единственными звуками, нарушавшими небесное спокойствие, были тяжелое дыхание Кроуфорда, скрип колес тележки и монотонное жужжание пчел.

Где-то через час он достиг вершины холма и скользнул взглядом по широкой, неглубокой долине, раскинувшейся перед ним... вдруг он резко остановился, так что покотившаяся вперед повозка больно ударила его по ногам. Прямо перед ним, посреди далеких серо-зеленых склонов, рядами застыла армия гигантов.

Тут он услышал, как старик потешается над его замешательством, и разглядел, что фигуры в долине были не людьми, а вертикально стоящими камнями — ландшафт отчасти напомнил ему Стоунхендж [\[99\]](#).

Чувствуя смущение из-за того, что был напуган этим зрелищем, он начал спускаться по северному склону холма; но после того, как тележка еще дважды налетела на него сзади, он решил, что будет легче позволить ей катиться впереди, и, тяжело ступая, пошел за ней следом, налегая на веревку и действуя как тормоз.

Именно в этой смехотворной позе они миновали группу из шести постных монахов, восседающих на ослах, и де Лож еще больше усугубил унижение Кроуфорда, выбрав именно этот момент, чтобы громким саркастическим тоном поведать местную легенду о том, что камни были языческой армией, которая гнала святого Камелия [\[100\]](#) навстречу морю, пока святой не обернулся и силой своей добродетели не обратил их всех в камень.

Узкий морской залив далеко вдавался в обступившую его сушу, в конечном счете превращаясь в реку, и здания маленького городка Оре теснились вокруг устья реки и взбирались вдоль крутых улочек, протянувшихся по холмам с обеих сторон.

От старика Кроуфорд узнал, что история этих мест пестрела чудесами и божественными явлениями. Всего лишь в миле на восток располагалась Базилика святой Анны, где пресвятая Дева явилась крестьянину по имени Ив Николасик и повелела ему построить на этом месте церковь [\[101\]](#). А чуть дальше по дороге, в четырнадцатом веке состоялась отмеченная знаком креста битва, неприкаемые жертвы которой, согласно поверью, были осуждены скитаться по этим холмам до самого Судного Дня. Тем не менее, все эти знаменательные события не

смогли подготовить горожан к процессии, которая со скрипом и кашлем церемониальным шагом вползла в город на закате в ту пятницу.

Весь день Кроуфорд тащил тележку по разъезженной дороге, то обливаясь потом на солнцепеке, то дрожа от пробирающего морского бриза. На обед он и его пассажир выпили по полной бутылке кларета и закусили хлебом, сыром и кочанной капустой, которые захватил де Лож. Но прежде, чем они возобновили свое путешествие, старик прорезал глазные отверстия в тряпичном мешке и натянул его поверх головы, словно капюшон пасторального палача, а Кроуфорд, последовав его примеру, напялил вместо шляпы пустотелую капустную кожуру.

Когда несколько часов спустя они, наконец, достигли Оре, капуста завяла, но все еще держалась на голове, и Кроуфорд сомнамбулистически произносил нараспев припев песни, которую де Лож начал петь несколько часов назад. Мелодия или, быть может, взмахи руками, словно крыльями, которыми старик аккомпанировал песне, привлекли следующую за ними по пятам процессию заливающихся лаем собак. Дети попрятались по домам, а пожилые женщины в ужасе осеняли себя крестными знамениями.

Де Лож прервал свое пение лишь чтобы указать Кроуфорду, где повернуть и перед фасадом какого из зданий пятнадцатого столетия остановиться; и когда тележка дотащилась до места, и Кроуфорд наконец смог снять упряжь, он, прищурившись, осмотрелся вокруг, разглядывая крутые улочки и старинные дома, и подивился, что он здесь делает, изнуренный, лихорадочный и наряженный в капустный лист.

Они остановились возле двухэтажного каменного строения с полудюжиной окон наверху, но лишь одним узким оконцем на уровне улицы. Карнизы на добрый ярд выступали из стены, а само здание было снизу ощутимо шире, чем вверху, и Кроуфорд подумал, что это место отдавало какой-то восточной неприступностью. Из одного из верхних окон на них с испугом взирал худой, средних лет человек в старомодном напудренном парике.

— Я предпочел бы увидеть ее, Франсуа, — окликнул их мужчина.

— Я позабочусь, чтобы вдова была доставлена к тебе в кружевном платье и фате, — откликнулся де Лож на своем архаичном французском, — и чтобы Мон-Сен-Мишель [102] был ей вместо отца. Но Бризе! — пока вот этот мой родственник не возобновит свои странствия, я не могу обойтись без гостеприимства.

Мужчина в окне устало кивнул. — Всем нужна помощь на их пути. Минуту. Он исчез, и чуть погодя входная дверь отворилась. — Входите, входите, — позвал Бризе, — клянусь Богом, вы и так уже привлекли достаточно внимания.

Закатное свечение ворвалось внутрь, затмевая свет зажженных в помещении ламп, и лишь когда дверь была снова закрыта, ряды стеллажей с гроссбухами и учетными книгами снова обрели атмосферу значительности.

Бризе привел их в личный кабинет и махнул рукой в сторону пары обитых бархатом кресел. На выцветших тканевых спинках едва различимо виднелись очертания когда-то вышитого на них Наполеоновского *B*, которое, судя по всему, лишь недавно было отпорото, и еще более слабо нарек на fleur-de-lis [103], которая ему предшествовала. Бризе был, похоже, столь же переменчив в своих убеждениях, как и кресло, обращаясь к своим гостям то как «citoyens», то как «monsieurs» [104]. Слава богу, хоть французский его был чистым Парижским.

Кроуфорд с любопытством разглядывал этого человечка. Весь он был словно карикатура на судебного клерка: суетливый, потрепанный, заляпанный чернилами, насквозь пропахший

книжными переплетами и сургучом, но он, как оказалось, представлял местную власть — и, к удивлению Кроуфорда, был готов предоставить ему паспорт.

Он открыл выдвижной ящик стола и откопал две пригоршни паспортов, а затем перетасовал их, время от времени поглядывая на Кроуфорда, словно пытаясь оценить их пригодность. Наконец: — Кем бы вы предпочли себя увидеть, ветеринаром или драпировщиком, — спросил он.

Кроуфорд улыбнулся. — Ветеринаром.

Очень хорошо. С этого времени вы Майкл Айкмэн [\[105\]](#), двадцати-двух лет отроду, уроженец Ипсвича [\[106\]](#), который прибыл во Францию двенадцатого мая. Ваша семья, несомненно, о вас беспокоится. Он протянул Кроуфорду паспорт.

— А что случилось с настоящим Майклом Айкмэном? — спросил он.

Бризе пожал плечами. — Полагаю, его подстерегли грабители. Может быть, у него с собой было много денег... или может его просто убили за паспорт, который затем можно выгодно продать, — он позволил себе кислую улыбку, — некоторым беспринципным государственным чиновникам.

— А сколько государственный чиновник хотел бы за один из них получить?

— Изрядно, — довольно отозвался Бризе, — но в вашем случае де Лож вызвался... заплатить по вашему счету.

Кроуфорд бросил взгляд на де Ложа и задумался, что же на самом деле ожидал получить взамен этот старец; но Бризе тем временем уже проставил на визе инициалы, а затем пролистал страницы, чтобы показать ему, как выглядит его новая подпись, и Кроуфорд отбросил сомнения прочь.

— Вам необходимо попрактиковать ее, пока не сможете ставить ее инстинктивно, — сказал Бризе, с ухмылкой взглянув на него, когда протягивал документ.

Кроуфорду пришло на ум, что Бризе чем-то напоминает юного Китса — не слишком сильно, так как Китс был молодым и крепким, а Бризе бесцветным и хрупким, но было что-то такое в его глазах. А затем он понял — глаза обоих имели одну и ту же болезненную яркость, словно оба они были заражены каким-то редкостным видом лихорадки.

Когда они снова оказались снаружи, де Лож хромая направился обратно к тележке.

— Нет! Обратно мы возьмем человеческий экипаж, — сказал Кроуфорд, тщательно выговаривая французские слова. — Я заплачу. Его ноги все еще болезненно пульсировали после их сумасшедшей прогулки, и он чувствовал, как они набухают в одолженных ему туфлях.

— Не сомневаюсь, что ты можешь удовлетворить запросы кучера, но мне от тебя нужно совсем не это, — рассмеялся де Лож, не оглядываясь и даже не останавливаясь.

— Подожди, я серьезно. Мне казалось, тебе так тоже будет удобнее, вряд ли приятно трястись в этой тележке целый день — или всю ночь, в данном случае. Почему мы не можем просто... ?

Старик остановился, и, обернувшись, посмотрел на него. — Ты смотрел на колеса? — спросил он на своем чудном французском. — Почему ты думаешь, я спросил тебя, не нужны ли тебе каменные туфли?

Кроуфорд в замешательстве приблизился к тележке, склонился возле нее, плюнул на одно из колес и стер с него затвердевшую грязь. Обод колеса был усеян плоскими каменными овалами — не удивительно, что этот гротескный транспорт начал казаться таким тяжелым под конец дня. Он беспомощно оглянулся на старика.

— Твоя жена что, никогда тебе не говорила? — еще тише спросил де Лож. Путешествие по камням нас не старит, тебя и меня. Семейная привилегия, так сказать. Я носил подбитые камнем туфли столько лет, что и сам не могу сосчитать, но возраст подкрадывался все равно, когда я одевал другие или гулял босиком для удовольствия, и теперь у меня уже не осталось для этого сил. Тем не менее, я приделал каменный наконечник к моей прогулочной трости и не забываю при каждом шаге на нее опираться. Каждый маленький шажок, ты заметил?

— Э-э... Да.

— Я дам тебе пару каменных подошв, прежде чем ты уйдешь. Носи их, слышишь? Ты легко проживешь на несколько столетий больше, лишь потому, что не отгораживаешь *себя* от своей жены.

— Но я *не* женат, по крайней мере, не женат на одном из этих... существ. Его жар внезапно сделался гораздо хуже, а дыхание стало горячим, словно пустынный ветер. — Мог ли я? Могла ли моя жена быть одной из них?

— Несомненно — женатый собрат может сказать это, просто взглянув на тебя, даже без столь очевидного подтверждения в виде твоего пальца.

Кроуфорд непонимающе мотнул головой. — Но она мертва... так что я едва ли могу не *отгоразживаться* от нее.

— Я сильно сомневаюсь, что она мертва.

Кроуфорд нервно хихикнул. — Тебе надо было там побывать. Она была раздавлена словно виноградные лозы, превращенные в сусло, и это-то в нашу первую брачную ночь.

Сморщенное словно грецкий орех лицо Де Ложа смягчилось от чего-то похожего на жалость. — Мальчик мой, *это* не была твоя жена. Он покачал головой, а затем забрался в тележку. — Ты получил свой паспорт — теперь тащи меня домой, чтобы ты мог выполнить свою часть сделки.

Кроуфорд подумал, что может просто сбежать, наймет экипаж, который домчит его к Швейцарской границе, а этот сумасшедший старик пусть возвращается домой пешком или можно нанять несколько мальчишек тянуть его тележку. Затем, почти против своей воли, он вспомнил Аплтона с лошадью и деньгами и Китса, принесшего его багаж.

И он обреченно наклонился и поднял упряжь.

Солнце закатилось, когда они не были еще и в пяти милях к югу от Оре, но Де Лож наотрез отказался провести ночь в гостинице, даже когда Кроуфорд указал на то, что ночь будет безлунной, и в темноте они не увидят дорогу; и теперь Кроуфорд тяжело тащился вперед, лихорадочно размышляя, наступит ли когда-нибудь снова тот миг, когда ему не надо будет тянуть опостылевшую тележку через нескончаемые холмы Бретани.

Луна и впрямь была в своей самой темной фазе, но когда его зрачки расширились, приспособившись к темноте, он обнаружил, что может все-таки видеть в небе ее бледный силуэт. Земля, казалось, тоже чуть заметно светилась, и несколько раз, когда до него доносились голоса с ближайших полей, Кроуфорд неясно различал фосфоресцирующие пятна, движущиеся среди дикорастущего кустарника; а когда мимо них бесшумно проплыл филин, он еще несколько долгих секунд следил за его молчаливым полетом, пока тот не устремился вниз, наперерез какому-то мелкому зверьку.

Оставив позади еще несколько миль, Кроуфорд снова поймал удобный, размеренный темп, так что, когда через щель отошедшей подошвы в ботинок забрался камешек, ему совсем не хотелось прерывать свой шаг и снимать ботинок — но спустя несколько секунд, он осознал, что камешек не так уж ему и мешал. Может это была порожденная лихорадкой

иллюзия, но та ступня, а, пожалуй, и вся нога, стала пружинистой и намного меньше чувствовала усталость. Чуть погодя он все же остановился, но только для того, чтобы найти другой камешек и положить его во второй ботинок. Позади него Де Лож тихо рассмеялся.

В этот раз долина стоячих камней его не испугала, даже несмотря на то, что ночью фигуры гораздо больше походили на неподвижно застывших мужчин, с какой-то невообразимой целью выстроившихся в линию, протянувшуюся на мили через ночную равнину. В звездном свете темные камни окутывала светящаяся дымка, и Кроуфорд, чувствуя головокружение и тошноту, подумал, что туманные очертания приветствуют его; он кивнул им в ответ и махнул изувеченной рукой.

Было уже за полночь, когда Кроуфорд остановил тележку возле перевернутой лодки, что служила Де Ложу домом. Когда они вошли внутрь, старик дал ему бокал брэнди и указал угол, где он мог заснуть.

* * *

На следующий день, в полдень, Кроуфорда разбудил голос старика, зовущего его снаружи. Он, спотыкаясь, выбрался из крошечного домика, шурясь на ослепительно яркий солнечный свет. Но лишь когда он подошел к нагромождению скал, и, взглянув вниз на приливную заводь, увидел старого Де Ложа, сидящего в воде возле заостренного камня, он вспомнил, как выбрался с корабля и обзавелся паспортом. «А теперь ты должен оказать ему ответную услугу, — подумал он, косясь на палящее солнце и почесывая грудь под несвежей рубахой. — Надеюсь только, это не займет слишком много времени, и я смогу снова пуститься в путь, прежде чем солнце слишком сильно отклонится к западу. Надеюсь, он не собирается предложить мне пожить у него!» Кроуфорд вытряхнул камни из разбитых ботинок и снова их натянул, а затем пробрался вниз через глыбы песчаника туда, где сидел Де Лож.

Старик был одет в ту же самую серую рясу, что и накануне, и чистая морская вода колыхалась и бурлила, доходя ему до самой груди. Грубо высеченный пирамидальный камень ушел под воду, но Кроуфорд различил, что вокруг его основания было обвито какое-то странное сегментированное ожерелье, в котором серебряные и деревянные бусины, перемежались с чем-то похожим на маленькие луковичи — эти плавучие деревянные и овощные участки дугой изогнулись кверху и покачивались в струях воды, но серебряные бусины удерживали непонятное украшение внизу, на песке.

Кроуфорд снова с беспокойством огляделся вокруг, так как внезапно понял, что здесь должно случиться что-то плохое, и он не знал, с какой стороны это надвигалось.

Старик, скаля зубы, взглянул на него. — Обрученный в горах, разведенный морем! — с надрывом произнес он. — Сейчас прилив, но все же, после того как ты меня освободишь, будь добр разбей чесночное ожерелье. Я не эгоист, и хотел бы вернуть долги.

Все еще ничего не понимая, Кроуфорд согласно кивнул. — Понял. Разбить ожерелье. Он попробовал ногой воду и вздрогнул от холода. — Ты... собираешься развестись?

— Как раз в этом мне и нужна твоя помощь, — ответил Де Лож. — Это будет не слишком хлопотно. Я слабый старик, и в любом случае, я обещаю не сопротивляться.

— Мне нужно залезть в воду?

Де Лож закатил глаза. — Конечно, тебе нужно залезть в воду! Как же иначе ты сможешь меня утопить?

Теперь ухмыльнулся Кроуфорд. — Утопить тебя? Ну да, конечно. Слушай, я... Взглянув на обрамленный ожерельем камень, он вдруг осознал, что основание его было квадратным — и вспомнил квадратную вмятину в полу, на месте, где Де Лож сказал, всегда сидела его жена. — И как этот развод выполняется? — нетвердо спросил он.

Де Лож с тревогой наблюдал за приливом. — Ты меня просто утопишь. В действительности это убийство всего лишь формальность — самоубийство, видишь ли, не сработает. Только несчастный случай или убийство, и только если жена, — тут он махнул рукой на камень, — недееспособна. И это непременно должен быть ты — я понял, что это должен быть ты, как только узнал, что ты сюда направляешься — потому что ты *принят в семью*. Они не будут тебе препятствовать; любого другого они могут остановить, или обрушить на него свою месть.

Кроуфорда пошатывало, и он был вынужден опуститься на колени. — Этот камень, здесь, в воде, рядом с тобой. Ты хочешь сказать — это твоя...

— У Бризе нет ни семьи, ни детей! — выкрикнул Де Лож. — Никто от этого не пострадает, только он и я, а мы знаем, на что идем. Ради всего святого, прилив отступает — скорее! Ты же обещал!

Словно стараясь облегчить Кроуфорду задачу, старик наклонился и погрузил лицо в воду, и яростно поманил его своей четырехпалой рукой.

Кроуфорд снова взглянул на затопленную пирамиду... и голос в его голове произнес: “Нет! Беги отсюда!”.

И тогда Кроуфорд повернулся и побежал, со всей скоростью, на которую были способны его одеревенелые ноги, на восток — навстречу Анжу [\[107\]](#), Бурбонне [\[108\]](#) и где-то там, за ними, далекой Швейцарии.

I said «she must be swift and white
And subtly warm and half perverse
And sweet like sharp soft fruit to bite,
And like a snake's love lithe and fierce.»
Men have guessed worse.

—A. C. Swinburne, *Felise*

Как вижу я ее? Стремительно легка,
Сладка как ежевика и зубьями опасна,
Нежна как первый снег, порочна иногда,
И как любовь змеи податлива и страстна.
В устах людских хулой окружена.

— А. Ч. Суинберн, *Фелис*

И всегда, ночью и днем, в горах и во гробах,
кричал он и бился о камни.

— Евангелие о *т Марка 5:5*

Словно пальцы огромного невидимого арфиста, высокогорные ветра сдували плюмажи снега с далекой вершины горы Монблан и волокли их через юго-западную четверть неба. И, несмотря на солнечные лучи, поднимавшие пар от крытых шифером крыш *riegelhausen* ^[109], заставившие Кроуфорда снять пиджак и нести его в руках, что-то похожее на чувство общности дрожью отозвалось в нем, когда он посмотрел на эту далекую гору. На мгновение перед глазами отчетливо встала картина обступивших его Женевских улочек, увиденных откуда-то высоты, словно он приник к окуляру подзорной трубы, стоя на самой вершине.

Голубое небо сверкало в дождевых лужах, стоящих меж камнями мостовой, а на западе, над всей долиной между Женовой и горами Юра, широким мостом раскинулась радуга. Отведя взгляд от чересчур яркого неба, Кроуфорд увидел молодую женщину, нерешительно приближающуюся к нему через улицу.

Хотя ее светлые волосы и отороченная тесьмой красная шляпка подразумевали, что она была местной, ее мертвенно-бледная красота скорее подошла бы каким-нибудь менее солнечным землям, а болезненная улыбка резким диссонансом выделялась на фоне ярко раскрашенных фасадов домов — она показалась Кроуфорду какой-то неземной, полной напряженного ожидания, словно улыбка неискушенной особы, шатающейся по чужеземному портовому кварталу в надежде продать украденные вещи или нанять убийцу.

— *L'Arc-en-ciel* ^[110], — хрипло произнесла она, кивнув головой на радугу над ее плечом, но не глядя на нее. — Символ божественного уговора с Ноем, а? Ты выглядишь, пардон, как мужчина, который знает путь вокруг.

Кроуфорд предположил, что она была проституткой — в конце концов, неподалеку был отель Англетер, и, без сомнения, многие английские туристы, что могли себе позволить здесь остановиться, ценили девушку, которой не требовались услуги переводчика. Он был

раздосадован, но не особо удивлен, осознав, что перспектива уединиться с ней где-нибудь наверху совершенно его не прельщает. Целый месяц он двигался через Францию и ни разу за это время, даже когда он работал на винограднике бок о бок с цветущими молодыми девушками, он совершенно не чувствовал в себе никакого эротического интереса. Возможно, смерть жены была еще слишком свежа в его памяти... а может быть насыщенные сексуальные сны или скорее кошмары, которые изводили его и оставляли иссушенным и лихорадочным поутру, не оставляли ему сил чтобы интересоваться обычными женщинами.

Но прежде чем он успел ответить на это ее двусмысленное замечание, на той стороне улицы, откуда она приблизилась, образовалось какое-то столпотворение.

— Это тот чертов атеист, дайте ему подохнуть, — прорычал грубый мужской голос, а затем девушка выкрикнула, — Доктор, кто-нибудь приведите доктора!

Кроуфорд машинально оттолкнул молодую женщину в сторону и бросился через улицу.

— Я доктор, позвольте пройти, — громко сказал он, проталкивая свой выдавший виды, хотя и недавно купленный чемодан между людьми, которые тесным полукругом столпились возле входа в таверну. Они расступились, пропустив его внутрь, и в центре толпы он увидел хрупкого юношу, лежащего без сознания на мостовой. Его легкие белокурые волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу.

— Он начал нести какой-то дикий бред, — сказала склонившаяся возле него девушка, — а затем просто упал. Кроуфорд понял, что именно она призывала доктора. Девушка была англичанкой, и он мимоходом отметил, что раньше нашел бы ее довольно привлекательной, хотя в противоположность швейцарским девушкам она была темноволоса и полновата.

Он опустился на колени и проверил пульс юноши. Он был быстрый и слабый. — Похоже на солнечный удар, — выпалил он. — Нужно сбить температуру. Принесите мне мокрую тряпку — все что угодно, парус... занавеску, плащ — и что-нибудь, чтобы его обмахивать.

Несколько людей бросились куда-то, по-видимому, чтобы принести мокрую ткань, а Кроуфорд стянул с валяющегося в беспамятстве юноши жилет и начал расстегивать рубашку. Мгновение спустя он сорвал и ее и бросил вместе с жилетом через плечо. — Смочите их дождевой водой, — выкрикнул он, — и несите обратно.

Кроуфорд поднялся и, стащив свой пиджак, начал махать над худощавым телом. Ему пришло на ум, что этот юноша напоминает кого-то, кого он недавно встречал.

— Зря тратите время, мой дорогой, — весело произнес щегольски одетый англичанин. — Это атеист Шелли. Дайте ему умереть, и мир станет чище.

Кроуфорд уже готовился произнести тираду на счет клятвы Гиппократ, но в этот миг к толпе со стороны отеля хромая приблизился еще один мужчина, и этот новоприбывший обернулся назад и одарил туриста презрительной улыбкой. — Шелли — мой друг, — глухо произнес он. — И если *увасесть* друзья, не сочтите за труд попросить одного из них назначить время, когда мы с вами сможем встретиться, разумеется, на ваших условиях, и... *обсудить* наши разногласия.

— Святой боже, — пробормотал кто-то в толпе, — это же Байрон.

Все еще размахивая своим пиджаком, Кроуфорд бросил взгляд на подошедшего мужчину. Тот и в самом деле походил на автора «паломничества Чайлда Гарольда», как его изображали рисунки в Лондонских газетах — нахмуренное, но, несомненно, привлекательное лицо под летящей по ветру гривой темных вьющихся волос. Краем уха Кроуфорд слышал, что Байрон покинул Англию, но не знал, что поэт уехал в Швейцарию. И

кто был этот «атеист» Шелли?

Лорд Байрон

Лицо английского туриста побледнело, и он бросил взгляд на видневшийся позади отель. — Я... простите, — пробормотал он, а затем повернулся и бросился прочь.

Белокурая молодая женщина, которая заговорила с Кроуфордом о радуге, прихрамывая, протиснулась внутрь с одеялом и ведром воды, и, прежде чем позволила Кроуфорду намочить одеяло, высыпала в воду пригоршню чего-то похожего на белый песок. — Соль, — раздраженно сказала она, словно Кроуфорд должен был сам об этом догадаться. — Так вода будет лучше проводить электричество.

Байрон, казалось, был поражен этим замечанием и бросил на нее испытующий взгляд.

— Прекрасно, спасибо, — ответил Кроуфорд, слишком занятый, чтобы обращать внимание на это странное замечание. Он скомкал одеяло и погрузил в воду, а затем обернул промокшую ткань вокруг худого как скелет тела Шелли — отмечая, когда он подтыкал его с боков, широкий волнистый шрам, протянувшийся с одной стороны под выступающими наружу ребрами. Одного из ребер, судя по всему, не доставало.

Англичанка, которая звала доктора, улыбнулась Кроуфорду. — Вы, должно быть, были морским хирургом, — сказала она, — так как безотчетно попросили парус.

Оба, Байрон и Кроуфорд, взглянули на нее с беспокойством.

— О, привет, Клэр, — сказал Байрон. — Я тебя не заметил.

— Да, — коротко добавил Кроуфорд. — В молодости я служил в военно-морском флоте.

Тут другой мужчина, суетясь, протиснулся внутрь. — Что здесь происходит? — спросил он. — Я врач, позвольте пройти.

— Все под контролем, Полидолли [\[111\]](#), — сказал Байрон. — Шелли, похоже, получил солнечный удар.

— Чей это диагноз? Мужчина с неблагозвучным именем сердито оглядел толпу, а затем уперся взглядом в Кроуфорда. Кроуфорд отметил, что он был молод, вероятно, лет двадцати, не старше, и пытался скрыть этот факт за показными усиками и задиристыми манерами. — Ваш, сэр?

Джон Уильям Полидори

— Верно, — сказал Кроуфорд. Я хирург...

— Брадобрей, по-видимому. Новоприбывший самодовольно ухмыльнулся. — Что ж! Пока я не вижу, что Шелли идут на пользу меры, которые... э-э, которые вы приняли, и, следовательно, не могу одобрить ваши... ваши методы ле...

— Ох, прекрати это Полли, — оборвал его Байрон. — Этот человек, кажется, все сделал правильно — смотри, Шелли приходит в себя.

Юноша на мостовой приподнялся, поддерживаемый Клэр; глаза его все еще были закрыты. — Ее игривый хвост забаву ей являл, — произнес он слабым высоким голосом, очевидно, что-то цитируя; — В снегу ее манишка и мордочки овал, и мягкий бархат лап, и шерстка пестрая ее как черепашее пальто...

Очевидно смущенный поведением своего друга, Байрон со смехом произнес: — Это из поэмы Томаса Грэя о любимой кошке, которая утонула в вазе с золотыми рыбками. Ну что ж, давайте посмотрим, сможем ли мы его поднять...

— *Мамочка!* — внезапно выкрикнул Шелли. — Это *был* непапа, это был человек-черепаха! Ты *должна* была это знать, даже если он принимал его облик! Он живет в пруду, в пруду Варнхем... Затем его глаза распахнулись, и он, прищурившись, огляделся вокруг, очевидно не узнавая окружающие его лица. Кроуфорд и худощавая болезненного вида девушка стояли рядом, и пристальный взгляд Шелли на мгновение остановился на них, а затем метнулся дальше.

«Варнхэм, — подумал Кроуфорд. — То самое место, где я потерял свое обручальное кольцо».

Байрон взял Шелли под руку и помог ему подняться. — Ты можешь идти, Шелли? Вот твой пиджак, хотя какая-то услужливая персона вытерла с его помощью мостовую. Сэр, добавил он, поворачиваясь к Кроуфорду, — мы перед вами в долгу. Я проживаю на вилле Диодати, чуть севернее по этому берегу озера, а семья Шелли — мои соседи — посетите нас, особенно если ...,... если мы можем чем-то помочь идущему по пути.

Байрон и Клэр подхватили Шелли под руки и повели его прочь. Доктор со смешным именем отправился следом, напоследок украдкой бросив на Кроуфорда недобрый взгляд. Кроуфорд снова заметил, что Байрон прихрамывал, и вспомнил, как читал, что юный лорд был хромым — косолапый [\[112\]](#).

Толпа разбрелась, и Кроуфорд обнаружил себя идущим рядом с худой девушкой, которая спросила его, не знает ли он путь вокруг радуги. — Иногда они *предстают* в виде рептилий, — заметила она мимоходом, словно их беседа и не прерывалась.

Кроуфорд был обеспокоен своим признанием, что он был хирургом и в прошлом служил во флоте. — Полагаю что так, — рассеянно ответил он.

— Я хочу сказать, я просто уверена, что это *и в самом деле* была не черепаха.

— Да, полагаю это маловероятно, — согласился он.

— Меня зовут Лиза, — сказала девушка.

— Майкл.

Она как во сне кивнула головой, и Кроуфорд заметил ее высокие скулы и большие, темные глаза, и снова кисло осознал, что в былые времена мог бы найти ее очень привлекательной.

— Вам доводилось когда-нибудь встречать этих царственных существ? — тихо спросила она. — Его матери чертовски повезло. А я так и *не извела* настоящей любви. Однажды, впрочем, мне посчастливилось найти руку статуи... Я прожила с ней несколько лет, но затем у меня развилось малокровие. Люди стали замечать, что я перестала бывать на солнце, так что однажды прибыли священники с соленой святой водой и убили ее. Полагаю, я должна быть им благодарна. Меня, пожалуй, уже не было бы в живых, не сделай они этого. Но я по-прежнему хожу в горы и ищу камни.

— С рукой статуи, — эхом отозвался Кроуфорд, снова думая о Варнхэме.

— О да, не многим так повезло, — словно соглашаясь с ним, кивнула она. Она застенчиво взглянула на него и провела языком по губам. — У тебя с собой есть что-нибудь? ... Она зарделась и перешла на шепот... какие-нибудь хлеба святого Стефана? Мы могли бы, ты и я, воспользоваться ими вместе, — она взяла его руку и провела ею по своей щеке, затем поцеловала ладонь; ее жест казался натужным, но на миг он почувствовал жаркий, влажный кончик ее языка. — Мы могли бы разделить их интерес к нам, Майкл, и, по меньшей мере, таким образом быть привлекательными друг для друга...

Кроуфорд осознал, что случилось именно то, о чем предупреждал его Китс, как в тот раз, когда де Лож ожидал от него ответной услуги. Он признался себе, что глаза Лизы блестели тем же самым нездоровым блеском, который он видел в глазах Китса и того правительственного чиновника Бризе — надо как-нибудь изучить в зеркале свое собственное лицо.

— Извини, — осторожно ответил он. — У меня ничего нет.

— Ох. Она отпустила его руку, но, тем не менее, все еще шла рядом с ним. — Однако еще недавно у тебя это было — и ты светишься от этого словно *ignis fatui* [\[113\]](#), блуждающий огонек над неподвижным озером.

Он бросил на нее настороженный взгляд, но она равнодушно смотрела вперед и похоже не держала никакой обиды.

— Ну, тогда, может, как-нибудь сходим вместе в горы и поищем камни, — сказала она, начиная удаляться от него. — Я знаю пару подходящих мест, где оползни обнажили металл, тот серебристый металл, легкий словно дерево. Мы могли бы проверить близлежащие склоны, может быть, найдем живые осколки.

Он кивнул и махнул рукой на прощанье исчезающей в толпе девушке. — Звучит заманчиво, — беспомощно сказал он.

* * *

Посещение нескольких близлежащих отелей и гостиниц убедило его в том, что остановиться внутри Женевских стен ему не по карману, так что он нанял экипаж и направился обследовать поселки, теснящиеся к северу вдоль восточного побережья озера Леман; и в одном из них нашел сдающуюся в аренду комнату в бревенчатом доме семнадцатого века, окна которого смотрели сверху на узкие улочки, тянущиеся к пляжу, прочерченному киями рыбацких лодок, которые этим утром протащили отсюда вниз к виднеющемуся позади озеру.

Он проспал до заката, а затем провел большую часть ночи, смотря по ту сторону озера, на далекую изгоняющую небо темноту, там, где возвышалась Юра; иногда он обращал лицо к северо-восточному углу своей комнаты и по ту сторону деревянных панелей, далеко за пределами дома, за укрытыми ночью холмами Шабле и долиной реки Рона, ощущал стоящие гордыми исполинами вершины Бернских Альп — Мёнх, Эйгер и Юнгфрау [\[114\]](#).

Перевалило за полночь, и он заметил, что небо начало медленно колыхаться и мерцать, словно задернутое безбрежной тюлью северного сияния, скрывшей под собой звезды.

Обступившие озеро деревья начали слабо светиться, и на краткое мгновение, словно донесенная ветром далекая музыка, проникшая в самое сердце, его ступней коснулась дрожь от творимой вдали литании [\[115\]](#), исходящей, казалось, из самого сердца каменной земли. Он заснул и снова видел сон о холодной женщине.

В этом сне она была здесь, вместе с ним в его комнате. Раньше такого не бывало. В Англии и Франции, в его снах он всегда встречал ее на острове, где меж древними оливковыми деревьями теснились еще более древние руины. Там, посреди этого цветущего разрушения, они любили друг друга на холодном мраморном полу, испещренном прожилками лунного света и теней, идущих от разрушенных колонн. Ее кожа была холодна словно мрамор, и после того, как она иссушала его соки, она поспешно ускользала в заросли дикого винограда. Очевидно, она не могла долго оставаться в человеческом теле... и каждый раз невозможность последовать за ней вслед сводила его с ума, потому что во сне он был почему-то убежден, что ее змеиное тело окажется столь же чувственным и прекрасным, как и человеческое.

Этой ночью она скользнула внутрь, словно легкая туманная дымка, но когда он обернулся, она уже приняла человеческий облик. Она была обнажена, как и всегда прежде, и он был настолько ослеплен ее красотой, что едва заметил, как ее рука скользнула и отвернула к стене его бритвенное зеркало. Затем ее белые пальцы потянулись и расстегнули его рубашку, и легкие его, казалось, полностью забили льдом, когда холодные соски ее

обнаженных грудей прижались к нему.

Он повалился спиной на кровать, увлекая ее за собой, и, когда она оседлала его, он осознал, не чувствуя ничего кроме благодарности, что это с *ней*он занимался любовью в те предрассветные часы, перед тем как нашел тело Джулии. Она подалась вперед, одаривая его страстным поцелуем — и ее волосы струящимися волнами окутали его, застилая весь остальной мир.

Несколько безумных часов высекли свой след на полотне времени, и обвитое вокруг него тело начало бледнеть. Когда, в конце концов, она поднялась с кровати, тело ее еле светилось, как светится кирпичная облицовка кузнечной печи. Она нагнулась и взяла его вялую руку, словно собираясь ее поцеловать, а затем поднесла ее к губам и впилась зубами в искалеченный обрубок пальца. Кровь мучительной струей брызнула в ее рот, и кровать под ним жалобно застонала, когда он, судорожно дернувшись, провалился в беспамятство.

* * *

Он съежился, когда утренние лучи солнца коснулись его лица, и, хотя усилие вызвало дрожь в ногах и заставило его хватать ртом воздух и, обливаясь потом, вернуться в постель, он умудрился задернуть шторами мучительно яркую брешь окна. Простыня была покрыта коричневыми пятнами крови из недавно разорванного обрубка пальца.

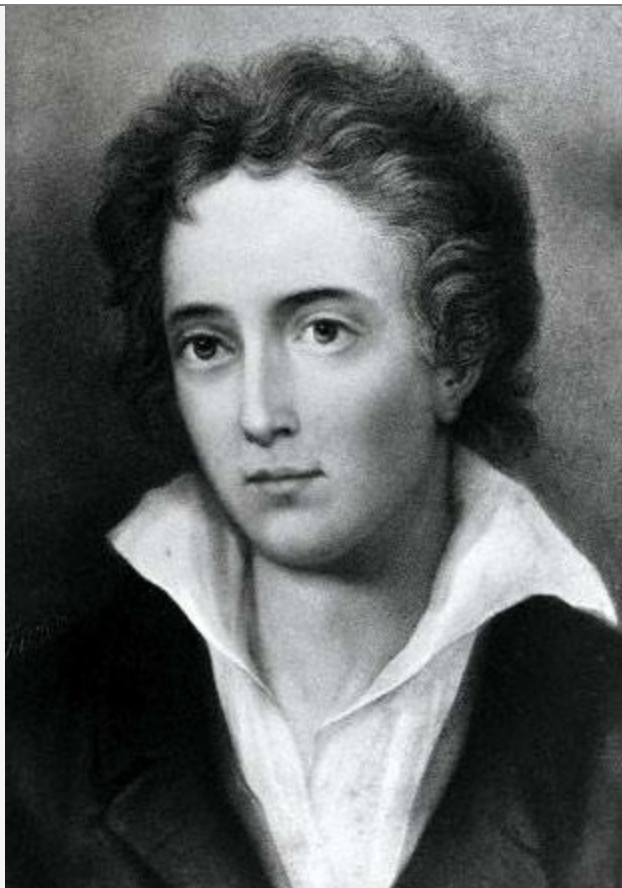
Только на закате он отважился выбраться наружу и в полумраке обнаружил себя стоящим на напоминающем карниз переходе, прорезающем обращенную к озеру сторону древнего каменного дома. Спустя полчаса, которые он провел, облокотившись на железные перила и наблюдая тихую игру молний над горами, возвышающимися над далеким берегом, он заметил скользящую по водной глади лодку.

Это была маленькая парусная шлюпка, с грот-парусом [\[116\]](#), голубым пятном реющим на фоне оранжево-розового неба. Шлюпка скользила ему навстречу, подгоняемая ветерком, что трепал ворот его пиджака и заставлял отражающую небеса воду с тихим шелестом трепетать подобно тонкому золотому листу. На борту виднелась одинокая мужская фигура.

Слева от него к воде сбегал ряд каменных ступеней и, когда стало ясно, что лодка направляется прямо ему навстречу, Кроуфорд обнаружил себя медленно бредущим к ступеням, а затем спускающимся по ним к воде. Лодка тем временем приблизилась к берегу, и, послушная своему рулевому, легла бортом по ветру и спустила единственный парус. Кроуфорд дожидался на каменном причале, стоя возле кромки воды, и поймал швартовочный трос, брошенный ему моряком.

Кроуфорд подтянул лодку к причалу, и, когда он наклонился, чтобы обвязать веревку вокруг источенного водой и непогодой деревянного столба, Перси Шелли ловко спрыгнул с раскачивающейся лодки на неподвижный камень.

Кроуфорд привязал трос и выпрямился. В первый раз он видел лицо Шелли при нормальных обстоятельствах и невольно вздрогнул.

Перси Биши Шелли

— Сходство отнюдь не случайно, — с каким-то зловещим весельем сказал Шелли. Она моя сводная сестра.

Кроуфорду не было нужды спрашивать, кого он имеет в виду... и он вспомнил кое-что из сказанного Шелли в бреду теплового удара. — Сводная сестра? Кто — кто ее отец?

Осунувшееся лицо Шелли, было, тем не менее, веселым. — Я могу тебе доверять?

— Я... не знаю. Думаю, да.

Шелли прислонился к деревянному столбу. — Думаю, я вполне могу тебе доверять, точно так же, как доверил бы цветку тянуться навстречу солнцу. Он отвесил легкий поклон. — Большого и не надо.

Кроуфорд нахмурился, пытаясь понять смысл сказанного, спрашивая себя, с чего бы ему верить всему, что может сказать ему Шелли. «Ну, — подумал он, — потому что он *ее* брат — несомненно, он ее брат».

— Ты спросил об ее отце, — продолжал Шелли. — Ну, для начала, *отец* — это, пожалуй, не совсем подходящее слово. Эти существа... могут принимать любой пол. Это был... Боже, я просто не знаю, как его описать. Чаще всего он выглядел как огромная черепаха, и будь я проклят, если в его действиях угадывалось больше смысла, чем в мельтешении бактерий, которых можно увидеть через микроскоп в капле укуса. Я несколько лет изучал... его... вид, но по-прежнему не понимаю, *что движет этими консистенциями*. [\[117\]](#)

Кроуфорд подумал о холодной женщине, об ее неувядающей красоте. — Кто из вас старше?

Шелли оскалился еще шире, но веселья в нем поубавилось. — Трудно сказать. Мать, родила нас обоих в один день, так что можно сказать, что мы двойня. Но *ее* семя было

помещено в лоно моей матери задолго до моего — эти существа нуждаются в более длинном периоде созревания — так что, вполне справедливо сказать, что она старше. С другой стороны, опять же, она девятнадцать лет прожила как камень, заключенный в моем животе, прежде чем в 1811 году я сумел извлечь ее из себя — думаю, ты заметил недавно рубец от моего «кесарева сечения» — так что можно снова сказать, что она младше. Единственное, о чем я могу сказать со всей уверенностью, так это, что у нас была одна мать. Он ухмыльнулся и задумчиво покачал головой. — По крайней мере, для *тебя* это не был *инцест*.

У Кроуфорда внезапно помутилось в голове от ревности. — Ты..., — задохнулся он, — когда ты...

— У камней есть уши. Давай поговорим обо всем на озере. Шелли махнул в сторону лодки.

Кроуфорд повернулся к шишковатому столбу, вокруг которого был обвязан фалинь [\[118\]](#), и в первый раз заметил, что его верхушке была грубо придана форма искаженной гримасой человеческой головы, а в лицо были загнаны несколько длинных железных гвоздей... довольно давно, судя по темным, ржавым потекам, которые словно слезы сбегали по расщепленному лицу.

— Это *mazze* [\[119\]](#), — пояснил за его спиной Шелли. — Так итальянцы называют дубину. В Вале [\[120\]](#), к юго-востоку отсюда, они повсюду.

Кроуфорд осторожно отвязывал веревку от ошестинившегося столба. — Зачем она?

— Когда-то, в пятнадцатом веке, когда швейцарцы боролись с гнетом Габсбургов [\[121\]](#), эти шпуки служили для повстанцев своего рода списком; если ты хотел идти в бой против угнетателей, ты показывал это, забивая гвоздь — они называли его *eisener breche* — в одну из таких голов.

Кроуфорд потрогал один из гвоздей. Тот пошатнулся, и он, повинувшись внезапному импульсу, вытащил его и засунул в карман.

Шелли втащил освободившуюся веревку, и Кроуфорд шагнул на борт, прежде чем лодку отнесло от берега. С громким клацаньем колец вокруг мачты, был поднят парус, и, пока Кроуфорд удобно устраивался на корме, Шелли умело управляясь со шкотом [\[122\]](#), развернул лодку по ветру и направил ее от берега. Небо к тому времени уже потемнело, став цвета мокрой золы.

— Когда ты, — снова начал Кроуфорд, но его голос сорвался на визг; он сглотнул, а за тем уже более человеческим голосом спросил, — когда ты... переспал с ней?

— Задолго до твоей женитьбы на ней, — заверил его Шелли. — Собственно, это случилось вскоре после того, как она родилась — то есть родилась из меня. Я повстречал ее на улице, и заставил себя поверить, что это... что то, что я вырезал из себя, было просто камнем — что у меня камни в мочевом пузыре.

Шелли потянул за шкот главного паруса, и лодка послушно наклонилась, словно конькобежец скользя по поверхности озера. — Я заставил себя поверить, — продолжал он, — что эта разыскавшая меня женщина, не имеет ничего общего с тем кровавым комом, тем пораженным ребром, который я выбросил на улицу за несколько месяцев до этого. Но, конечно же, они были одним и тем же... хотя тогда для нее было чрезвычайно трудно поддерживать человеческую форму. Даже сейчас, спустя некоторое время она вынуждена снова превращаться во что-нибудь еще... камень или рептилию... Ветер изменился, и он послушно позволил ему увлечь их на новый галс [\[123\]](#). — Это был мой первый сексуальный

опыт.

— А ты... обладал ею, с тех пор? Вопрос заставил зубы Кроуфорда заныть.

— Нет. Но не из-за морали, просто это было слишком ужасно, чтобы хотелось повторить. Она была так *мнеблизка*, после всех лет, что она жила во мне, и это было словно мастурбация — словно секс со своей темной половиной.

— Слишком *ужасно*? — Руки Кроуфорда дрожали от ярости. — Ты можешь плавать?

— Нет, не могу — и ты причинишь ей вред и, скорее всего, убьешь, если меня утопишь. Мы же двойняшки, помнишь, и очень тесно связаны. Я, впрочем, искал тебя совсем не за этим. Что ты...

— Ты уже второй — нет третий! — кто думает, что я на ней женат, — оборвал его Кроуфорд. — С чего ты это взял?

Шелли насмешливо взглянул на него. — Ну, во-первых, потому что она сама сообщила мне это. А еще потому, что ты потерял безымянный палец, что обычно является признаком женитьбы на одном из этих существ — собственно говоря, обручальные кольца служили изначально символической защитой от *суккубов*, идея заключалась в том, что палец был, таким образом, связан посредством металла с телом. К тому же ты выглядишь не так, как выглядят их обычные *жертвы* — опытный человек всегда может опознать *члена семьи* по его внешнему виду.

Берег за их спиной удалился настолько, что Кроуфорд, оглядываясь назад, больше не видел причал, и Шелли обезветрил парус. Спустя несколько мгновений лодка, покачиваясь, остановилась и легла в дрейф. Вдруг Кроуфорду что-то почудилось в небе, какой-то проблеск света и намек на движение, но когда он взглянул вверх, там не было ничего, кроме темных облаков.

Шелли тоже немного встревоженно глянул вверх. — Дикае ламии? Мы должны быть от *них* защищены, по крайней мере, теперь, когда *она* здесь — хотя пару месяцев назад одна из них чуть не утопила меня в этом озере. Минута прошла в тишине, и он вздохнул свободно.

— Так что, — продолжил Шелли, — *тына* ней *женился*. Сами они женить тебя не могут, им обязательно нужно твое символическое приглашение. Непонятно только почему ты об этом не помнишь. Ты делал что-нибудь... Ну даже и не знаю, может, клялся в вечной любви камню или надевал обручальное кольцо на палец крылатой рептилии... Он ухмыльнулся. — ... или занимался грешными делами со статуей в церкви?

Внутри у Кроуфорда внезапно похолодело. — Господи, — выдохнул он. Так оно и было!

Брови Шелли полезли на лоб. — В самом деле?! Со статуей, в церкви?! Я не хотел бы проявлять вульгарное любопытство, но...

— Да нет же, я надел обручальное кольцо на палец статуи. В Варнхэме, месяц назад. А когда позже ночью я вернулся, чтобы его забрать — позже я решил, что это был сон — рука статуи была сомкнута, так что я не смог снять кольцо.

— Да, как раз об этом я и говорил, — безжизненным голосом произнес Шелли. — Это была она. И, держу пари, это не было таким уж... *случайным* поступком, как ты вообразил; также впрочем, как и потеря твоего пальца, м-да. Она была там и направляла все случившееся. Ей нужен был носитель, который последует за мной в Европу, так что она подвела тебя к тому, чтобы ты добровольно им стал.

— Это она убила мою жену? Женщину, на которой я женился на следующий день, которая... которая была убита в нашу первую брачную ночь, пока я спал?

Шелли обнажил зубы в сочувственном возгласе. — Боже, с тобой это тоже случилось?

Даже не сомневаюсь, это была она. Она... ревнивое божество. Он запустил руку в волосы. — В Шотландии в 1811 году мне приглянулась одна девушка, Мэри Джонс; это случилось вскоре после того, как я вырезал из себя свою сестру. Моя сестра убила ее — разорвала ее на куски. Местные власти заключили, что это было сделано с помощью ножниц для стрижки овец, а затем выбрали в качестве козла отпущения высоченного местного дурака, но всем было понятно, что ни один человек, если только он не обзавелся *пушкой*, не мог так изуродовать тело девушки.

— Именно так, — срывающимся голосом прошептал Кроуфорд, — тоже случилось и с Джулией. Но знаешь что? Я... ни о чем не жалею. Я ненавижу себя за то, что говорю это, но *я не жалею*. Я хотел бы, конечно, чтобы Джулия была все еще жива, пусть бы я ее вообще не встречал — или заранее узнал, что женился на *ней*... на холодной женщине, твоей сестре, тогда бы я просто *бросил* Джулию. Как думаешь, это сильно отвратительно с моей стороны?

— Весьма отвратительно. Шелли развернулся, положив руку на планку румпеля [\[124\]](#). — Тем не менее, я рад это слышать — это означает, что тебе должен понравиться план, который я держу в голове. Видишь ли, у меня есть жена и дети — к тому же я собираюсь развестись и жениться повторно; и моя сводная сестра, *твоя* жена, убьет всех этих людей, если сможет, точно так же, как она убила твою Джулию. Но она не может самостоятельно пересечь воду, особенно соленую воду — она может переправиться лишь с помощью человека, с которым тесно связана; кровным родством как в моем случае или супружеством как в твоём. Для этого она и вышла за тебя, чтобы последовать за мной через канал...

— Неправда, — сказал Кроуфорд.

Шелли с жалостью взглянул на него. — Ну хорошо, это неправда. В любом случае, не хотел бы ты быть уверенным, что когда я вернусь в Англию, она останется здесь с тобой, а не переправится обратно со мной?

— Она не сделает этого, — выплюнул Кроуфорд, его голос зазвенел от злобы. — Ты себе льстишь. Убирайся в свою Англию — она за тобой не последует.

— Может ты и прав, — примирительно сказал Шелли. — Да, думаю, ты прав. Но почему бы тебе не помочь мне сделать это *надежным*, просто объединиться со мной на время, для пары... операций. Ничего сложного, я уговорил свою жену сделать их, как раз перед тем, как покинул Англию в мае. Я просто хочу, чтобы ты...

— Мне нет нужды физически ее ко мне привязывать — и я не буду оскорблять ее, и позорить себя попыткой это сделать.

Шелли пристально посмотрел на него, и, хотя было слишком темно, чтобы сказать с уверенностью, на его лице, казалось, было написано недоумение. — Ну, хорошо. Ладно. Пусть будет так — тогда как на счет того, чтобы узнать, заметишь ли ты от ее *брата*, каких поступков тебе следует избегать, если ты хочешь ее удержать? Что она любит, что ненавидит?

— Мне это не нужно. Кроуфорд поднялся, раскачивая лодку. — А еще я умею плавать. Он нырнул за борт.

Вода в озере была холодной, и казалось, очистила его голову от лихорадочного самодовольства, что витало вокруг него словно удушливо горячий туман; сейчас это была почти паника. «Я должен вскарабкаться обратно на борт, — подумал он, — и выяснить, как не дать ей последовать за ним... *а затем сделать все наоборот*. Как я могу хотеть удержать ее? Боже мой, *она же убила Джулию!* А теперь ты почему-то»...

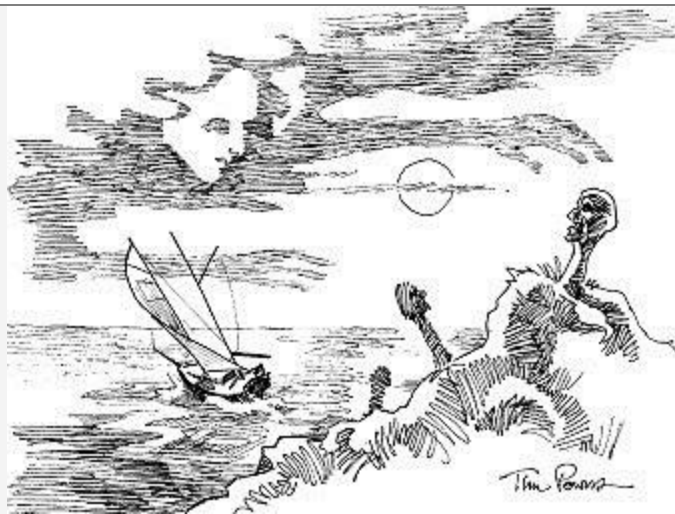
Он разбил поверхность воды, легкие вдохнули вечерний воздух, и все мысли о лодке

вылетели из его головы. Перспектива проплыть несколько сотен ярдов ^[125], несмотря на надетые ботинки и пиджак, совсем его не пугала. Кроуфорд повернулся от лодки и уверенными тяжеловесным гребками поплыл к недавно покинутому берегу. За его спиной Шелли что-то кричал ему вслед, но Кроуфорда это совершенно не волновало.

Он продвигался вперед, и вода вокруг, казалось, обретала все большую плотность, становясь словно ртуть — так что он плыл все выше и мог толкать себя вперед с меньшими усилиями, словно сама вода отторгала его. За его спиной поднялся теплый ветер, забираясь под одежду, проникая в волосы, и придавая ему дополнительный импульс. «Спасибо вам, — подумал он, обращаясь к горам и небу. — Спасибо вам моя новая семья».

Шелли пытался последовать за ним, но ветер над озером словно сошел с ума, и, в конце концов, он сдался и позволил парусу полоскаться свободно. Его ночное зрение ухудшилось с тех пор, как он использовал нож на своих нижних ребрах в 1811, но он все еще видел достаточно, чтобы различить широкий вихрь, который закручивал водяную пыль в смутно различимую воронку и сходиллся над удаляющимся, взбивающим воду бугром, где плыл его зять.

Две ослепительные молнии одновременно раскололи темное небо, одна вспыхнула на горизонте над Юрой, другая с противоположной стороны над Мон Блан. Несколько мгновений спустя над озером со всех сторон прокатились оглушительные раскаты, прозвучавшие для Шелли словно громогласный хохот гор.

* * *

Всю следующую неделю Кроуфорд ни разу не выходил наружу днем. Часто, когда солнце скрывалось за темными склонами Юры, он взбирался на скалистые предгорья, освещенные звездным светом, или спускался по крутым, усыпанным галькой тропинкам к берегу озера, а затем просто бесцельно бродил по пляжу. Он теперь остро чувствовал окружающие его запахи и наслаждался пьянящими ароматами диких горных цветов,

испытывая в тоже время непреодолимое отвращение к дыму, который в сумерках расплзался по берегу, когда вернувшиеся рыбаки начинали жарить чесночные сосиски. Здесь не было других туристов, а местные жители его, похоже, сторонились, так что дни его проходили в полном молчании.

Воспоминания о прошлой жизни утратили свою неистовую силу — единственное, что теперь его занимало, это вернуться в свою комнату до полуночи, до того как *она* придет к нему.

Лишь одна вещь его беспокоила, но она занимала все его мысли — его жена становилась все менее материальной. Сны начинали терять свою яркость, и теперь, поутру, когда он искал ее укусы, он находил только бледные красные пятнышки. Он как сокровище хранил воспоминание об ее первом укусе и сентиментально продолжал расковыривать его, чтобы он не зажил.

Он никогда не пытался заглянуть в отвернутое к стене зеркало, но знал, что он там увидит — болезненно-яркие глаза и щеки, горящие лихорадочным румянцем, что отмечал лица столь многих людей, встреченных им в последнее время.

Когда на девятую ночь он снова поднялся на холм, возвращаясь к себе, он обнаружил толпу людей, дожидаящуюся его перед домом. Среди них была и его пожилая хозяйка. Его чемодан, упакованный, стоял позади них на траве.

— Ты не можешь больше здесь оставаться, — отчетливо сказала домовладелица по-французски. — Ты не сказал, что болеешь чахоткой. Карантинные правила на этот счет строгие — ты должен отправиться в больницу.

Кроуфорд покачал головой, стора от нетерпения подняться наверх. — Это не настоящая чахотка, — умудрился ответить он на том же языке. — Правда. Я доктор, и могу заверить вас, что страдаю от совсем другого недуга, который...

— Который возможно может обрушить на нас еще худшие беды, — сказал кряжистый мужчина, стоящий возле сумки Кроуфорда. — Средние зубы.

На какое-то мгновение Кроуфорду показалось, что мужчина намекает на его укушенный обрубок пальца, но затем он вспомнил, что так называлась группа близлежащих гор: *Dents du Midi* [\[126\]](#).

Шильонский замок и Дан дю Миди

Кроуфорд боялся, что полночь уже наступила, и она ждет его... или уже не ждет. — Слушайте, неуверенно сказал он по-английски, — я заплатил за эту чертову комнату, и я собираюсь...

Он попытался протиснуться через толпу, но выброшенная вперед ладонь толкнула его назад с такой силой, что он, не удержавшись на ногах, опрокинулся на траву, ловя ртом сбившееся дыхание. Его чемодан грохнулся на землю рядом.

— Во времена моих дедов, таких людей сжигали живьем, — отозвалась домовладелица. Будь благодарен, что тебя просто попросили уйти.

— Но не в полночь же! — выдохнул Кроуфорд, все еще не восстановив дыхание после толчка. — Э-э, *mais, c'est en pleine nuit* ^[127] !Ворота Женевы закрываются в десять! Что вы прикажете мне де...

Давешний мужчина потащил из-под пальто что-то серебристое, но Кроуфорд решил не дожидаться, чтобы увидеть, что это — распятие или нож; скрипя зубами, он перекатился на ноги, подхватил свою сумку и, изрыгая проклятья, хромя бросился вниз по холму.

Он надеялся добраться до Женевы, а там, если понадобится, подкупить стражу, чтобы

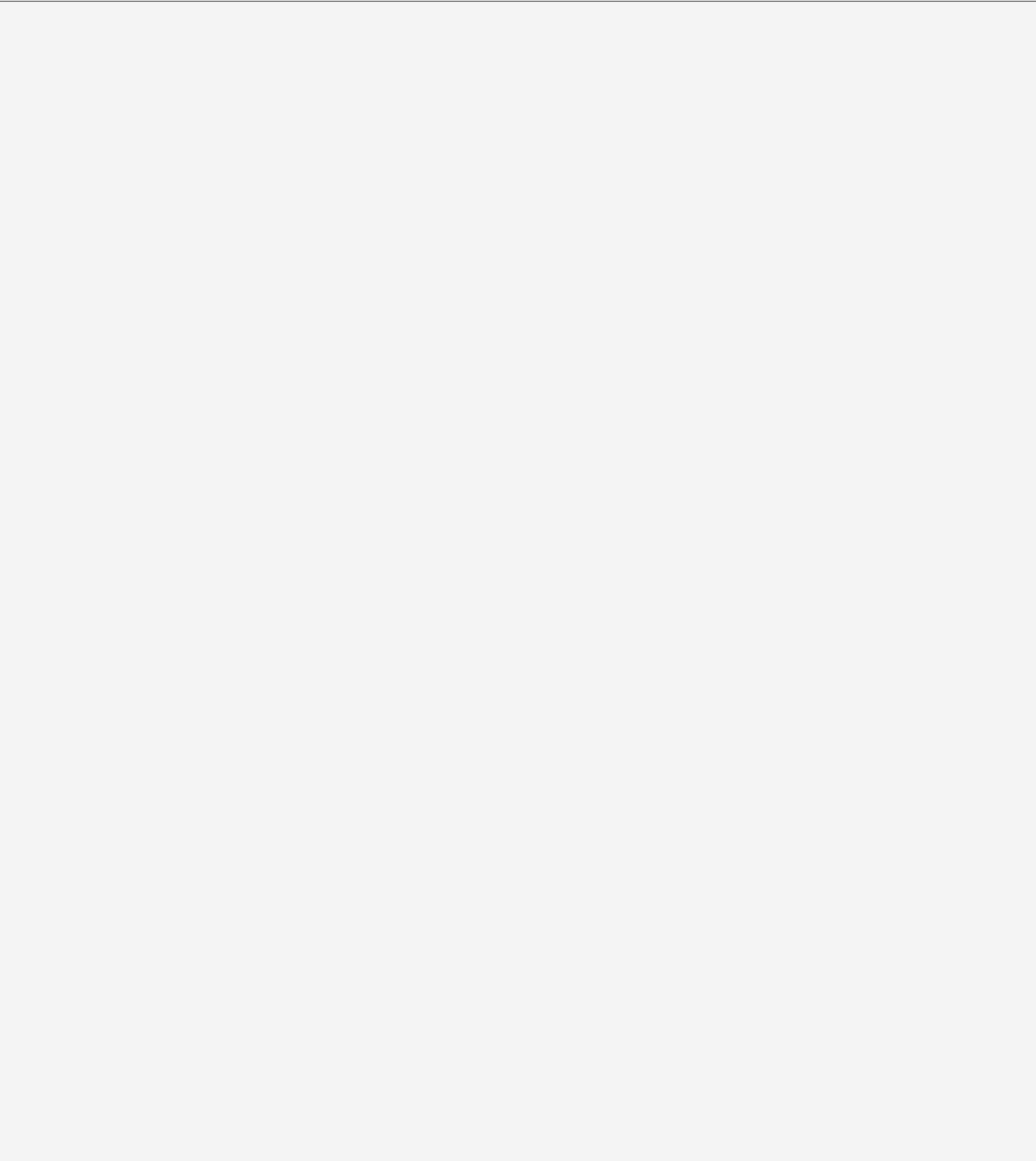
попасть в город, а затем снять где-нибудь комнату, но она пришла к нему, когда он все еще был в пути.

Он шагнул, закинув чемодан за спину, как вдруг, неожиданно, тот начал давить на него неприподъемной тяжестью. Он упал под его внезапным весом и скатился на несколько ярдов вниз, по обращенному к озеру склону... а затем, в поглотившей его вспышке радости, он осознал, что существо с пылающими глазами, что припало к земле позади и приближало широко раскрытый рот к его шее — это *она*. И он не спал — это был не сон.

Когда ее зубы прокололи кожу его горла, он неожиданно оказался где-то еще... даже кем-то еще. Он лежал в кровати, и тот, кем он был, знал, что находится сейчас на западном побережье Франции и собирается завтра отплыть на корабле до Портсмута [\[128\]](#). Мэри Годвин, его будущая жена, спала рядом, но мысли его в этот поздний час вились вокруг его теперешней жены, Гарриет и их двух детей, которых он оставил там, в Англии. Затем у него

возникло странное чувство, будто кто-то подслушивает его мысли, и он поспешно захлопнул свой разум... и Кроуфорд снова оказался самим собой, простертым на покрытом росой травянистом склоне, под сверкающим куполом звезд, пока холодная женщина пила горячую кровь из его горла.

В голове мелькнула догадка, что вливающийся в нее поток крови ненадолго связал его разум с разумом Шелли.

Но теперь в его мыслях безраздельно царила она, и Кроуфорд забыл обо всем остальном. Она не пользовалась словами, но он понял, что она должна куда-то уйти. Уйти, чтобы выполнить данное пять лет назад обещание, и что лишь два находящихся здесь человека могли помочь ей совершить этот вояж — и один из них как раз отбывал. Она сообщит о нем... его имя и отличительные черты... определенным типам... людей, которые постараются защитить его, если он попадет в беду.

И пока ее не будет... лучше бы ему хранить ей *верность*.

Кроуфорд пытался было возразить, сказать, как сильно он в ней нуждается, но хотя он кричал на нее, вглядываясь в ее колдовские глаза, пока ее словно выточенное из слоновой кости лицо нависало над ним, он не был уверен, что она его слышит.

В конце концов, она покинула его, на холодном склоне холма, слишком холодном, чтобы пытаться заснуть. Он поднялся на ноги, застегнул одежду и совершенно опустошенный, возобновил свой прерванный путь до Женевы.

Чуть позже в Гавре [\[129\]](#), на севере Франции, Перси Шелли шагнул на борт корабля,

который должен был доставить его в Англию...

...И Кроуфорд остался совершенно один. Она ушла, не просто ушла куда-нибудь еще, как бывало прежде. Теперь она растворилась полностью и больше не присматривала за ним, не заботилась о нем. Ночь тотчас стала темнее — это внезапно ослабло его ночное зрение. Волей-неволей ему пришлось перейти на шаркающий шаг, нащупывая неровности дороги и определяя момент, когда он отклонялся к обочине.

Шелли, в конце концов, оказался прав — ему так и не удалось оставить ее на этой стороне канала.

I saw pale kings, and princes too,
 Pale warriors, death-pale were they all;
 Who cry'd—'La belle Dame sans merci
 Hath thee in thrall!
 I saw their starved lips in the gloam
 With horrid warning gaped wide,
 And I awoke, and found me here
 On the cold hill side.
 — John Keats, «La Belle Dame Sans Merci»

Я видел бледных королей,
 И принцев, и войнов утративших пыл,
 Кричавших «La Belle Dame sans Merci»,
 В рабы ты ее угодил.
 Их губы бескровно зияли во тьме,
 Горели страданием глаза...
 В тот миг я очнулся .. и долго лежал
 На холодном склоне холма.
 — Джон Китс, «La Belle Dame Sans Merci» [\[130\]](#)

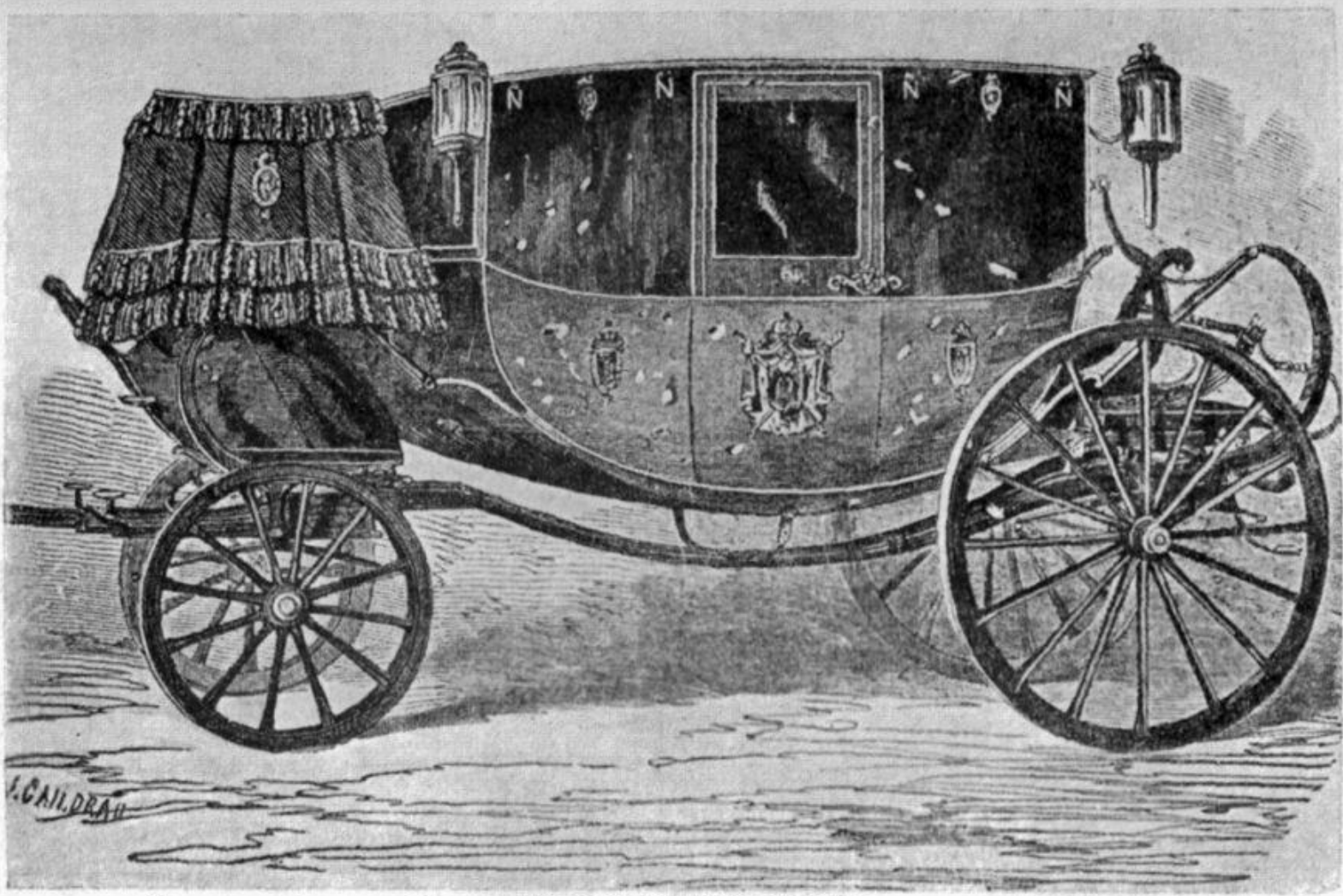
... кольца с печатями — ожерелья — шары и т.п. — и даже
 не уверен что — изготовленные из горного хрусталя — агатов —
 и других камней —

*все эти куплены мною во время путешествия к Мон Блан
 в небольшом местечке Шамони — специально для тебя и детей...*

— Лорд Байрон,
 к Августе Ли,
 8 Сентября 1816

Лорд Байрон не особо любил подниматься рано, еще больше не нравилось ему находиться в одной карете вместе с доктором Полидори; одну такую ношу он, пожалуй, еще мог бы вынести — по крайней мере, часто с достоинством *выносил* — но все сразу, в один день, — это уже было слишком. От этого кто угодно мог потерять самообладание.

Громадный дорожный экипаж Байрона медленно пробирался через столпотворение близ северных ворот Женевы; экипаж был сделан в Англии, скопирован с одного из знаменитых экипажей Наполеона, захваченных возле Женап [\[131\]](#), и умещал в себе кровать, стол и столовое серебро... но все это ничуть не помогало ему маневрировать в дорожной пробке.

В книге *Феличе Орсини. ВОСПОМИНАНИЯ*

Золоченая карета Наполеона III со следами повреждений

Несмотря на это, молодой доктор, казалось, ничуть не был обеспокоен задержкой. Перед тем как они отправились, Полидори проделал уйму энергичных упражнений, продемонстрировав всему миру свою дисциплинированную отдышку, а теперь, прищурившись, оглядывал далекие горные пики, реющие посреди голубого неба на фоне фронтонов и шпилей города, и что-то бормотал себе под нос.

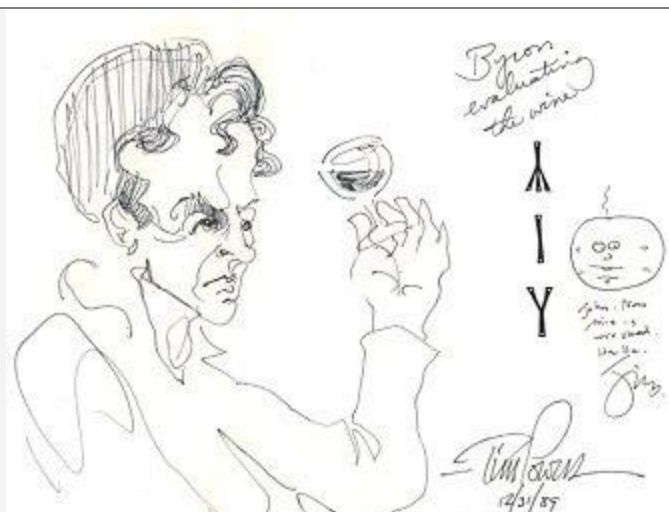
Байрон этого не выносил. Вне всяких сомнений, доктор декламировал какой-нибудь никудышный стих собственного сочинения. И как его только угораздило возомнить себя поэтом?

Байрон налил себе еще один бокал Фенданта [\[132\]](#), главным образом, чтобы позлить не одобряющего этого врача.

Так оно и вышло, Полидори взглянул на него и насупился. — Это уже ваш пятый бокал вина за сегодня, милорд, а вы встали лишь пару часов назад! Он прочистил горло. — С медицинской точки зрения... а также посредством математики, было доказано, что употребление вина, в неумеренных количествах, имеет... катастрофические последствия... для пищеварительной сферы...

— Как только я встречу человека с *пищеварительной сферой*, Полидолли, я сразу же направлю его к тебе. Все же, что есть у меня, это мой старый добрый желудок, и он

расположен выпить. Байрон подставил вино солнечным лучам, любясь тем, как солнце наполняет его мягким янтарным свечением. — Выпивка — это мой старый добрый друг, и она никогда не обманывала моего доверия.

Тим Пауэрс — Байрон оценивает вино

Картофелеголовая фигура и подпись под ней — Джим Блейлок

Полидори утрюмо пожал плечами и снова уставился в окно; его нижняя губа выпятилась больше чем обычно, но, по крайней мере, он прекратил свои *sotto voce* [\[133\]](#) декламации.

Байрон кисло усмехнулся, припоминая перебранку, произошедшую с завистливым молодым врачом четыре месяца назад, когда оба они путешествовали вверх по реке Рейн. — Все же, — сказал тогда Полидори, — что вы такого можете сделать, чего я не сумел бы? Байрон устало потянулся. — Ну, поскольку ты сам спросил, — с усмешкой ответил он, — что ж, думаю, есть три такие вещи. И, конечно же, Полидори тут же вспыхнул жаром узнать, что за вещи это были. — Ну, — ответил Байрон, — я могу переплыть эту реку... я могу погасить свечу из пистолета с расстояния двадцати шагов... и, наконец, я могу написать поэму, которая за один день раскупается тиражом в четырнадцать тысяч экземпляров.

Это было забавно; особенно после того, как Полидори не нашел что возразить. Байрон наглядно *проделал* все это — разве что не переплыл Рейн, но он слыл отменным пловцом, который однажды проплыл милю в коварном море между Сестосом и Абидосом в Турции — а Полидори не мог притязать, что способен хотя бы на что-нибудь из этого списка. Тот диалог, как и произошедший этим утром, привел молодого врача в дурное расположение духа.

Толпа перед ними наконец расступилась, и кучер Байрона, погоняя лошадей, вывел экипаж за городские ворота.

— Наконец-то, — пробурчал Полидори, неуклюже ерзая на своем сиденье, словно намекая, что в конструкции кареты недостает еще одной важной комнаты.

Просто для того, чтобы еще позлить юношу, Байрон наклонился вперед и открыл переговорную заслонку. — Ты не мог бы ненадолго остановиться, Морис, — окликнул он кучера. Он уже собирался сказать, что хочет дать лошадям немного отдохнуть; но затем,

взглянув в окно, увидел руку и затылок, словно полузатопленные рифы вздымающиеся посреди маргариткового моря на обочине дороги.

— Что на *этом* раз, милорд? — вздохнул Полидори.

— Ты у нас вроде бы врач, — сурово сказал Байрон. Там на обочине люди умирают, а все что тебя занимает, это декламировать поэзию и рассказывать мне о пищеварительных трапезоугольниках.

Полидори понял, что что-то пропустил. Он, щурясь, выглянул в одно из окон, пытаясь понять, что это было, и, если не ошибся с направлением, вокруг все было вполне благопристойно... — Люди умирают? — пробормотал он.

Байрон тем временем уже покинул карету и, прихрамывая, спешил через поросшую травой обочину. — Сюда, болван. Поупражняйся в изящных искусствах на этом бедо... Он замолчал, так как перевернул безвольное тело и узнал лицо.

Узнал его и доктор Полидори, тяжело ступая подошедший сзади. — Ба! Да это же тот самый якобы доктор, который недавно наградил Шелли пневмонией! Я говорил вам, что навел кое-какие справки, и оказалось, что на самом деле он *ветеринар*? Думаю, он просто пьян. Нам тут...

Байрон, не слушал его, вглядываясь в изможденное лицо и вспоминая, как близко он сам подошел к подобному несчастью в дни своей юности. Вспомнил он и про оберег — сердоликовое сердце, которое позже подарил ему друг, а также про странный кристаллический череп, который он самолично откопал в своем фамильном поместье. Череп сгодился на кубок.

— Занесем его внутрь, — тихо сказал Байрон.

— Что, пьяницу? — запротестовал Полидори. — На вашу замечательную обивку? Давайте, просто оставим записку...

— *Тащим его внутрь, я сказал!* — прорычал Байрон. И налей немного вина в ту аметистовую чашу, что упакована в чемодане с моими пистолетами. А потом, — спокойно продолжил он, кладя руку на плечо испуганного молодого врача, — подсчитай, сколько я тебе должен. Твои услуги больше не понадобятся.

На мгновение Полидори лишился дара речи. — А? Что? — пролепетал он. — Вы что сошли с ума, милорд? Он же *ветеринар*? Даже не хирург, как он тогда заявил, ему только *животных лечить*. И это *имвы* хотите *заменить* меня, выпускника Эдинбургского университета? Пять бокалов вина за одно утро, не *удивительно*, что вы такое говорите! Как ваш врач, боюсь, я должен...

Байрон, конечно, не собирался нанимать этого лежащего без сознания человека на замену Полидори, но возражения юноши заставили его тут же с садистским удовлетворением ухватиться за эту идею. — Я больше не твой работодатель, — самым своим ледяным тоном произнес он, с легкостью заглушая назойливые протесты Полидори, — и не могу тебе приказывать, но как *человека*, прошу тебя, помоги донести моего нового личного врача до экипажа.

Задыхаясь от ярости или, быть может, от стоящих комом слез, Полидори, тем не менее, подчинился, и каких-то несколько мгновений спустя Майкл Кроуфорд сидел на кожаной обивке экипажа Байрона, вливая вино в горло и расплескивая его на заляпанную грязью манишку. Вскоре экипаж снова был в пути, а Полидори пошатываясь, направился обратно к воротам Женевы.

Кроуфорд ожидал, что вино ударит ему в голову, с его-то пустым желудком и сдавшим

телосложением — но вместо этого оно, казалось, наоборот прочистило его разум и придало ему сил. Он опустошил чашу, и Байрон наполнил ее снова.

— Я же говорил тебе обратиться ко мне за помощью, если будет нужно, — сказал Байрон.

— Спасибо — но до сегодняшней ночи все было хорошо.

Байрон пристально смотрел на него, и Кроуфорд знал, что он рассматривает его осунувшееся лицо и лихорадочно блестящие глаза. — Правда. Байрон вздохнул и откинулся назад, возвращая бутылку в плещущееся ведро со льдом на полу. — И что же случилось прошлой ночью?

Кроуфорд изучающее посмотрел на Байрона, у того на первый взгляд не было никаких симптомов в виде бледной кожи и лихорадочно блестящих глаз. — Я потерял мою... Кого же он все-таки потерял: жену? Покровителя? Любовницу?

Но Байрон уже понимающе закивал. — Судя по всему совсем недавно, — сказал он, — раз ты все еще не вскарабкался на одну из этих гор. Сколько прошло с тех пор... как «меланхолия отметила тебя» [\[134\]](#)?

— С тех пор...? Э-э. Месяц или около того.

— Ха. Байрон снова наполнил свой более мирской бокал не-вполне-твердой рукой. — Здорово должно быть тебя покусали, раз ты добрался сюда так быстро. Я был их жертвой с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать.

Брови Кроуфорда поползли вверх. Да, определенно, эти поэты чрезвычайно рано заводят смертельно опасные знакомства с вампирами. Китс достался им в силу обстоятельств своего рождения, Шелли же и вовсе был завещан им, прежде чем успел появиться на свет из лона своей матери!

Байрон пристально смотрел на Кроуфорда. — Да, я был молод. Мне потребовалось много времени, чтобы добраться сюда. Он отпил вина и взглянул на раскинувшееся за окном озеро.

— Я в долгу за твою помощь, — тихо, словно самому себе, сказал он; затем он вздохнул и повернулся к Кроуфорду. — Мое фамильное поместье своего рода магнит для этих существ — в Англии есть несколько таких мест, можешь при случае спросить об этом у Шелли — и одно из этих существ узаконило свое владение, кто бы мог подумать, арендовав его. Ха! Он называл себя Лорд Грэй де Рутин. Он хорошо ко мне относился и пригласил меня пожить вместе с ним. Моя мать решила, что это весьма *престижно*, и настояла, чтобы я поехал. В первую же ночь он постучался в дверь моей комнаты. Словно в тумане я пригласил его войти... но в этом была и вина моей матери.

Он нахмурился и снова вытащил бутылку из ведра, а затем уставился на мокрую этикетку. — Позже она конечно за это заплатила, — заметил он, — как обычно расплачивается с ними людской род. Ты знал об этом? Что же до лорда Грэя... он с тех пор не перестает приглядывать за мной, меняются лишь личины и иногда пол.

Он содрогнулся и долил еще вина. — И вот теперь в это замешана моя сестра, моя сводная сестра. Похоже, он и до нее добрался, и я этого не вынесу. Осталось лишь одно, я должен избавиться от его гнета, тогда он больше никому не причинит вреда. Даже моим незаконнорожденным детям, как тот ребенок, которого носит Клэр.

— Разве можно от него избавиться? — спросил Кроуфорд. — Кроме как покончить с собой?

— Думаю да. Швейцария опасное место — судя по всему, они обосновались здесь

прочнее, чем где бы то ни было — но в тоже время я верю, что *именно здесь* можно ускользнуть от их внимания и сбросить их ярмо. Он указал на чашу Кроуфорда. — Для начала, очень неплохо выпить вина из аметистовой чаши.

Кроуфорд вспомнил их разговор в Галатее с Китсом. — Я думал, нефферам нравится это иго. Они, похоже, и не думают... о том, чтобы сбросить ярмо. Напротив, они его *ищут*.

— Нефферы? Байрона, казалось, позабавило это слово. — Я понял, о каких людях ты говоришь — видит бог, они мне проходу не давали. Одна из них, леди Каролина Лэм, выследила меня четыре года назад на балу, а затем порезала свою руку и размахивала передо мной окровавленными пальцами, пытаясь меня таким образом соблазнить. Боже! В любом случае они неправильно понимают истинную природу кварцев. Их использование может, конечно, возбуждать мучительно прекрасные грезы, но эти сны лишь... отголоски, все еще звучащие в отдаленных коридорах замка, после того как его обитатели давно ушли. Некоторые кристаллы могут вызывать более яркие наваждения, чем другие, но ни один из них не может призвать вернуться умерших обитателей; напротив, такие кристаллы, как правило, *отпугивают* ныне живущих представителей нефелимов. Не то чтобы, конечно, их много осталось.

Кроуфорд сделал большой глоток вина и почувствовал, как жизненные силы снова возвращаются к нему. — Нефелимов?

— Ты, похоже, не знаток библии, — заметил Байрон. — «Были же во дни оны на земле исполины». Нефелимы [\[135\]](#) и были теми «исполинами на земле», где они жили в стародавние времена, потомками Лилит, которые временами входили к сынам и дочерям человеческим — это один из способов, которым они могут размножаться, через лоно человеческой женщины. Как-нибудь спроси об этом у Шелли, только выбери момент поспокойней. Это те самые существа, от которых Бог пообещал защищать нас, когда простер в небе радугу, как символ своего завета.

— Я думал, это было обещание, что больше не будет Потопов.

— Нет — ты когда-нибудь читал греческую версию потопов? Девкалион и Пирра [\[136\]](#)? Карета подпрыгнула в выбоине на дороге, и часть вина выплеснулась из бокала Байрона на его рубашку, но он, казалось, этого не заметил.

— Конечно. Они единственные уцелели после потопа, и оракул повелел им вновь населить Землю, бросая кости их матери за спину; они догадались, что их матерью была Земля, и они бросали камни за спину, шагая по укрытой илом земле, — голос Кроуфорда становился все более задумчивым, — и камни, которые они бросали, начали превращаться в людей.

Мысль о бросаемых камнях напомнила ему о святом Стефане, которого забили камнями до смерти, и внезапно он осознал, что фраза «*хлеба святого Стефана*» отсылала к камням — опасным камням.

— Почти так, — сказал Байрон. — На самом деле это гораздо более древняя история, которую первобытные историки перемешали затем с собственными преданиями о сравнительно недавно произошедшем потопе. Существа, в которых обратились камни, *выглядели* как люди — но это была лишь мимикрия — на самом деле они были представителями совсем другого рода — нефелимов. Радуга, о которой я упомянул, указывает на то, что природа солнечного света однажды изменилась, Бог знает, когда это было, и теперь он для них губителен — в больших дозах он может даже вызвать их кристаллизацию, заморозить их на месте. Они превращаются в своеобразный грязный кварц.

Жена Лота была одним из этих существ, и именно это с ней и случилось — так что столб, в который она превратилась, не был на самом деле соляным.

— Так кристаллы кварца отпугивают их, потому что это... осколки их мертвых друзей?

— Не только поэтому. Изрядно уже захмелевший, Байрон взмахнул рукой в воздухе, подыскивая аналогию. — Вот скажем, если бы ты был стаканом воды, в котором растворены три дюжины ложек сахара, ты бы — ну я не знаю — собирал леденцы?

— Э-э... о! Я понял! Это может вызвать кристаллизацию всего стакана.

— Именно! Не думаю что это биск... э-э, большой риск [\[137\]](#) для них, я слышал, что если только они не истощены, они могут превращаться в кристалл или камень, а потом обратно без какого-либо... с родственной безнаказанностью, но все равно это их отталкивает. Он устало кивнул и указал на чашу Кроуфорда. — И вино, выпитое из аметистовой чаши — а аметист тоже кварц — хоть и крошечный, но все же бесспорно первый шаг к твоему освобождению. Это поможет тебе очиститься от недомоганий, вызываемых этими существами — так что допивай. Байрон осоловело ему подмигнул. — Если, конечно, ты на самом деле хочешь освободиться от существа, которое это с тобой сделало.

Кроуфорд поднял было чашу, но затем она нерешительно замерла в воздухе. Он нервно облизнул губы, а его лоб внезапно покрылся холодной испариной — но мгновением позже он запрокинул чашу, осушил ее в три мощных глотка и протянул за добавкой.

— Ну что ж, начало положено. У тебя есть семья? Братья, сестры?

Кроуфорд помотал головой.

— Нет? Нет близнеца-половинки, твоего зеркального отражения, которого ты пытаешься спасти? Тогда ты, должно быть, разделил самого себя — и теперь один из тех, кто «подобен двум изнуренных пловцам, что вместе сцепились и тащат друг друга на дно».

Станным образом Кроуфорд обнаружил себя вспоминающим фигуры, вылепленные на овсяной лепешке, которую отказалась разломить Джозефина. — А вы с сестрой близнецы?

Байрону, казалось, внезапно стало не по себе. Он ответил с видимым принуждением, словно задолжал Кроуфорду некоторую степень искренности. — Ну, может даже и ближе — это все моя собственная вина, но именно поэтому Лорд Грэй так ревнует. Эти существа, знаешь ли, весьма *ревнивы* — они не хотят, чтобы ты любил кого-нибудь кроме них, даже самого себя. Должно быть, именно поэтому они разрушают семьи: наши семьи — это продолжения нас самих. Он уныло покачал головой. — Бедная Августа. Я должен освободиться от этого существа.

* * *

Хотя это было не единственной целью, с которой они прибыли на материк, несколько английских туристов, теснящихся на кушетках отеля д'Англетер [\[138\]](#), все же преуспели в том, чтобы хоть одним глазком взглянуть на печально известного Лорда Байрона и его друга Шелли, который обыкновенно в книге записи постояльцев записывал свой род занятий как «атеист». Шла молва, что поэты предавались плотским утехам с двумя сестрам в доме на той стороне озера. Но к величайшему сожалению публики, лодочные экскурсии и взятые напрокат подзорные трубы не помогли проникнуть в частную жизнь знаменитой парочки.

Так что Полидори обрел благодарных слушателей когда, укрепив себя бутылкой минеральной воды, начал живописать, как отвратительно его бывший работодатель с ним обошелся. Большинство слушателей горели желанием привезти домой истории о дочерях Вильяма Годвина, но одна молодая девушка протиснулась через толпу, сгрудившуюся вокруг молодого врача, и попросила рассказать побольше о пьяном, из-за которого Полидори потерял этим утром свою работу.

— Это было самое безумное из всего, что на моих глазах проделывал Лорд Байрон, вскинулась его голова. — Когда мы впервые увидели его три недели назад, этот человек утверждал, что он доктор, морской доктор, но язаглянул в его *паспорт*. Его настоящее имя Майкл Айкмэн, и он... — для пущего эффекта Полидори сделал паузу, — *ветеринар*.

Дикий хохот и ошеломленные раскачивания голов встретили эти слова, а затем один старик вызвал повторный взрыв смеха, заметив, что животный доктор, несомненно, *как раз тот* спутник, что нужен Байрону и Шелли. Но девушка, что задала вопрос, развернулась назад, резко, словно флюгер во внезапно налетевшем шторме, и на негнущихся ногах направилась к противоположной стене вестибюля. Там она рухнула на скамейку и в несколько крошечных поворотов шестерни спрятала лицо между ладоней.

После нескольких минут глубокого дыхания Джозефина Кармоди смогла, наконец, поднять голову.

Было потрясением узнать, что Майкл Кроуфорд был так близко — это должен быть он, она наконец-то настигла его в этом далеком городе — и шок от случившегося впервые за последние два месяца вытолкнул на поверхность личность Джозефины.

Большую часть из тех пятидесяти семи дней, что прошли после убийства Джулии, она пробыла фигуристой машиной, безрассудчно, автоматически следующей по пятам за Кроуфордом на восток, через Францию в Швейцарию. Машине случалось спать в канавах, есть отвратительную пищу и зарабатывать деньги, распахивая гидравлически приводимые в движение ноги перед состоятельными мужчинам, если те находили их привлекательными. При этом она не испытывала никаких угрызений совести по поводу того, что или зачем было сделано.

Несколько раз она становилась Джулией, и это было не так уж плохо. Когда она была Джулией, ей приходилось использовать деньги, любые какие имелись в наличии, чтобы покупать новую одежду и регистрироваться в отелях, где она приводила себя в порядок. Каждый раз она справлялась у стойки, не было ли каких-нибудь сообщений от ее мужа, Майкла Кроуфорда — и каждый раз ей отвечали, что ничего не было, и она решала поспешить и встретить его «в следующей точке нашего маршрута».

Временами, когда она была Джулией, она писала жизнерадостные записки домой, своей матери, которая постоянно впадала в меланхолию, и была чрезвычайно опечалена тем, что ее единственная дочь вышла замуж и покинула родительский дом. Отец Джулии сказал ей, что мать до сих пор винит себя в смерти сестры-двойняшки Джулии, которая умерла при родах. Джулия считала, что это было так по-матерински, вся эта ужасная чувствительность ее пожилой матушки, но в тоже время так оторвано от жизни. Пожалуй, все могло обернуться гораздо хуже! Вторая двойняшка могла бы родиться *живой и здоровой*, но ценой смерти самой матери Джулии!

Именно с этой личностью Джулии она надеялась когда-нибудь прожить остаток своей жизни. Но ее время придет, только когда Джозефина или часовой механизм покончит, наконец, с Майклом Кроуфордом.

Лишь только, когда смерть примет его в свои объятия. Так как она едва ли могла жить в одном мире с человеком который... который сделал что-то, о чем для нее было невозможно даже подумать, что-то, что отрицало само существование *Джулии*. *Кровать, насквозь пропитанная кровью, с лежащими на ней ужасными руинами плоти...*

Она отдернула свой разум прочь от этого недопустимого воспоминания.

Когда Кроуфорд будет убит и стерт с лица земли, она сможет, наконец, расслабиться и быть Джулией. Она знала, что сможет это сделать — ведь она так долго в этом упражнялась.

Она коснулась выпуклости под платьем, там, где был пистолет, и судорожно улыбнулась. Одновременно она поднялась и с четкостью, которой позавидовал бы даже солдат, промаршировала из вестибюля... тем не менее, несколько мужчин с беспокойством посмотрели ей вслед, а один маленький мальчик расплакался, когда она, словно большие ножницы, прошагала мимо.

* * *

Лишь когда опустилась ночь, Кроуфорд начал ощущать утрату холодной женщины.

Вначале он не мог понять, что его беспокоит — он думал, что это ритмичные удары наконечника рапиры Байрона по деревянному силуэту на стене столовой, но когда он вышел с вином на балкон и взглянул вниз на темнеющее озеро, казалось, что даже щебет птиц и дуновения ветра, доносящиеся из фруктового сада, приводили его в нервное напряжение. Он осушил бокал и вернулся обратно за бутылкой. Еще дважды он наполнял и опустошал бокал и к концу уже знал, что ему нужно не опьянение. Не был он так же и голоден, и не больше обычного был обеспокоен сложившейся ситуацией.

Он стоял, прислонившись к ограждению, чувствуя как что-то все больше и больше на него давит, и гадал, не было ли его напряжение вызвано обычным сексуальным воздержанием... а затем осознал, что его на самом деле гложет. Он потерял *ее*, *ее* и ту оргазменную амнезию, что в течение трех недель освобождала его от невыносимых воспоминаний о лодке в бешеных волнах прибоя, о горящем доме и о немыслимо изуродованном теле на кровати.

Но она ушла и запретила преследовать *ее*... и в любом случае, он сам не хочет гнаться за нею. Он поклялся себе, что не хочет.

Впервые за долгое время он подумал о Джулии, о том сколь сокрушительное поражение он потерпел в деле *ее* отмщения — он, святой Боже, он спал с *ее* убийцей, а затем сказал Шелли, что не особенно опечален тем, как все обернулось.

По перилам начал накрапывать дождик, холодными каплями покалывая тыльные стороны ладоней. Он засунул их в карманы пальто, и пальцы правой руки сомкнулись вокруг какого-то небольшого, шершавого объекта. Внезапно налетевший ветер отбросил со лба мокрые волосы. Он вытащил предмет наружу и повертел, пытаясь понять, что это было. Но лишь когда вдали, по ту сторону озера, ослепительно сверкнула молния, он узнал древний проржавевший гвоздь, который он вытащил из деревянного лица девять дней назад. Шляпка гвоздя была достаточно широкой и плоской, чтобы его можно было поставить на перила с острием, устремленным к небу.

Он простер правую руку, словно собирался положить ее на библию для принятия присяги, а затем опустил, пока холодное острие не вдавилось в ладонь.

Очень медленно он надавил вниз и почувствовал, как болезненно натянулась кожа, а затем внезапно уступила. К тому времени как чья-то рука хлопнула снизу по его предплечью, подбросив его руку вверх и послав крутящийся гвоздь в темноту, он уже чувствовал, как железо исследовало область между пястными костями.

Он повернулся и увидел стоящего позади Байрона, темным силуэтом вырисовывающегося на фоне желтого свечения окон. Байрон сунул рапиру под мышку, и колокол-гарда и эфес покачивались перед ним, создавая впечатление, что его пронзили насквозь.

— Нет, мой друг, поверьте мне, вам просто нужно набраться терпения, — тихо сказал Байрон, беря Кроуфорда под левый локоть и направляя его к дверям. — Уверяю вас, подождите лишь немного, и этот мир освежает вас так, как вам и не снилось.

Очутившись внутри, Байрон бросил рапиру на кушетку и разлил вино в два свежих бокала. Несколько собак забрели в комнату с высокими потолками, преследуемые по пятам одной из прирученных обезьянок Байрона. Внимания на них никто не обращал, так что животные начали разбрасывать диванные подушки.

— За что ты себя наказывал? — непринужденным тоном спросил Байрон, протягивая Кроуфорду бокал.

Кроуфорд принял его правой рукой, и кровь незамедлительно покрыла его основание и незамеченной скользнула по его рукаву. Он обдумывал ответ, пока пил. — За те смерти, которым я ничем не сумел помешать, — ответил он, в конце концов.

Байрон усмехнулся, но в этом чувствовалось столько личной горечи, что Кроуфорд не посмел обижаться. — Близких тебе людей?

— Брата... жены и... жены. — Кроуфорд глубоко прерывисто вздохнул. — Да уж. Видеть как это существо, этот вампир отступает... все равно, что видеть, как отступает прилив от ошестинившейся рифами, коварной береговой линии. Жуткие древние скелеты и остовы кораблей, обезображенные неумолимой смертью, обнажаются перед солнцем и воздухом, и в этот миг ты, кажется, предпочел бы скорее утонуть в волнах прилива, чем жить, чтобы продолжать видеть эти ужасные вещи.

— Ты беглец?

Кроуфорд собирался солгать, но затем решил, что временами один беглец должен доверять другому. Он кивнул.

— И на самом деле доктор?

Кроуфорд кивнул снова. — Эта ветеринарная история, да и личность Майкла Айкмэна всего лишь... маскировка. Мое настоящее имя...

Байрон покачал головой. — Мне это не нужно.

Обезьяна схватила обе подушки и взобралась на спинку кушетки, к шумному возмущению собак. В комнату вошел высокий, крепкий мужчина, оглядел царивший вокруг беспорядок и направился к кушетке.

— Черт возьми, Байрон, ну и адский же зверинец ты здесь устроил! — прокричал он, вынужденный повысить голос, так как обезьяна шумно протестовала против его попыток забрать подушку.

— Ну, это не новость, Хобби, — ответил Байрон. — Спроси любого туриста в д'Англестер. Он хромая приблизился к столу, налил третий бокал и протянул его

новоприбывшему. — Это мой новый врач, к слову сказать. Майкл, это Джон Кэм Хобхауз. Джон, Майкл Айкмэн.

— Неужели, наконец-то, избавился от этого идиота Полидори? Что ж, поздравляю! Хобхауз вырвал подушки из обезьяньей хватки и бросил их в открытый дверной проем. Животные, образовав сумасшедшую свалку, устремились за ними, и в комнате сразу же стало намного спокойнее. Он принял бокал, сел на кушетку и пристально посмотрел на Кроуфорда. — Пишите стихи? Может быть Драмы?

Этот внезапный вопрос удивил Кроуфорда, так как за минувшие два месяца он *не* разобнаруживал себя слагающим в уме стихи — это всегда случалось ночью, в полусонном забытии, предваряющем сон, и происходило самопроизвольно, словно подергивание конечностей, когда снится падение. Тем не менее, он не записал ни одной строчки, так что сейчас с чистой совестью покачал головой. — Только не я.

— Хвала небесам!

— Хобхаус всегда на меня положительно влиял, — заметил Байрон. — Он помогал мне избегать скандалов, когда мы учились в Кембридже, а две недели назад приехал сюда прямиком из Англии, просто чтобы прогнать отсюда Клэр Клэрмонт.

Хобхаус рассмеялся. — Я польщен, что мое появление произвело такой эффект.

Хобби даже был шафером на моей свадьбе, и, конечно, не *его* вина, что мне выпало жениться на современной Клитемнестре [\[139\]](#).

Кроуфорд припомнил, что в Орестее Эсхила [\[140\]](#), Клитемнестра была женой и убийцей Агамемнона. — Некоторым из нас не стоит даже думать о женитьбе, — с улыбкой сказал он.

Байрон резко взглянул на него. Помолчав мгновение, он сказал, — Я почти готов покинуть Швейцарию... и отправиться на юг, в Италию. Что ты об этом думаешь?

Мысль об этом вызвала у Кроуфорда неясное тревожное чувство, как, казалось, и предполагал Байрон. — Я... не знаю, — ответил Кроуфорд. Он бросил взгляд в раскинувшуюся за окном ночь. Первой его мыслью было: *«я не могу, она будет искать меня здесь, когда вернется назад»*.

Его лицо покраснело, когда он осознал это, и он снова напомнил себе, что хочет от нее *освободиться* — действительно хочет остаться здесь на некоторое время, чтобы проверить идею Байрона, что оковы нефелимов могут быть сброшены в наивысшей точке Альп.

— Но прежде, чем мы уедем, — продолжил Байрон, — я хочу устроить тур по Бернским Альпам. Недавно мы с Хобхаусом и еще одним моим другом провели день на Мон Блан, но я так и не почувствовал, что свел... целительное знакомство с этими горами. Он подмигнул Кроуфорду, словно бы намекая, что в его словах таился смысл, предназначенный только для него. — Хобхаус сказал мне, что готов отправиться хоть сейчас — а ты что скажешь?

Кроуфорд облегченно выдохнул. — Согласен, — ответил он, стараясь говорить непринужденно.

Байрон кивнул. — Ты мудрее, чем Шелли. Я думаю единственный способ избавиться от сирен — это ответить на зов, отправиться прямо в их до-Адамовы замки, а за тем милостью Божьей вернуться обратно живым и здоровым. Вернуться назад, не сделав этого, все равно что... примириться с болезнью, вместо того чтобы получить исцеление.

Хобхаус приглушенно фыркнул, так как очевидно решил, что это отрывок из какой-то очередной поэтической бессмыслицы, но Кроуфорд, который кое-что знал о болезни и исцелении, поежил и отхлебнул вина.

На грудь легли им каменные плиты;
Одною тенью лица их укрыты,
Одною слепотою взор незряч.
— А. Ч. Суинбёрн [\[141\]](#)

Дождь не прекращался весь следующий день, и Кроуфорду казалось, что Байрон провел большую часть дня хромя вверх и вниз по сырым каменным ступеням и крича на прислугу; раздражительный лорд придирался к тому, как слуги упаковывали его одежду и постоянно менял решение о том, какие деликатесы повару следует упаковать в походную корзину. Пробравшись, разбрызгивая грязь, через внутренний двор к конюшне, он во весь голос бранился на конюхов, упорно не желающих понимать его распоряжения о том, как надлежит запрячь лошадей.

Кроуфорд, которому во флоте не раз приходилось сталкиваться с такими штурманами, ожидал увидеть на лицах прислуги выражение обиженного упрямства, обещающего, что работа будет сделана ох как нескоро, но слуги Байрона лишь закатывали глаза, ухмылялись и старались следовать наисвежайшим распоряжениям своего работодателя. Очевидно, что преданности Байрон все же посеял среди них больше, чем недовольства.

Следующее утро выдалось солнечным, и путешественники умудрились подняться в семь часов. Кроуфорд сидел вместе с Байроном, Хобхаусом и слугой Байрона в большом открытом шарабане [\[142\]](#), сонно покачиваясь на холодной кожаной обивке и, щурясь от пестрого солнечного света, поглядывал назад на конюхов и прислугу сопровождающих их верхом. К его несказанному облегчению обезьяны остались позади.

Весь день они путешествовали на восток по дороге, что протянулась вдоль северного берега озера, и, когда сумерки легли на весь окружающий ландшафт, за исключением далеких, отсвечивающих розовым пиков Мон Блан и остроконечной вершины д'Аргентьер [\[143\]](#), они остановились на ночь на постоялом дворе в портовом поселке Оучи [\[144\]](#), над которым в подернутом вечерней дымкой небе угадывались очертания светящихся окон и шпилей Лозанны [\[145\]](#), теснящихся на склоне горы Мон Джура [\[146\]](#). Байрон удалился рано, но простыни на его кровати оказались влажными, и он провел минут десять, ругаясь, сдирая их с кровати и разбрасывая вокруг, прежде чем, наконец, закутался в одеяло и снова вернулся в кровать.

Следующим утром, хотя и с ворчанием, компания поднялась в пять. Немного погода все были одеты, накормлены, расселись по лошадям и сопровождаемые цоканьем копыт направились в восточном направлении, в то время как рабочие на набережной, в полумраке рассвета все еще убирали затвердевший конский навоз. Вдали высокогорные пастбища только начинали светиться изумрудным, в пробивающихся из-за горных пиков солнечных лучах, когда путешественники, наблюдающие, как темная поверхность озера взбирается все выше и выше по тянущейся справа дамбе, обнаружили, что дорога перед ними искрится водой, так что деревья, окаймлявшие ее с правой стороны, казалось, вереницей вырастали из озера. Этот рассветный феномен был столь же поразительным, как грибные круги, которые Кроуфорд мальчишкой находил на искрящихся росой лужайках, когда жил в Шотландии.

Для того чтобы облегчить экипаж, на случай если колесо попадет в затопленную выбоину, Кроуфорд, Байрон и Хобхаус пересели на лошадей, и лошадиные копыта, погружаясь по щетку ^[147] шлепали по воде, оживляя этот отрезок пути, протянувшийся через ярко блестящее озеро.

Они провели ночь в Кларанс ^[148], на восточном берегу озера, а на следующий день наняли вьючных мулов и отправились в горы.

Для завтрака остановились под соснами на склонах Мон Давант ^[149]. Один из слуг разжег костер и сварил в котелке кофе. Слуга Байрона разнес всем завернутые в бумагу, уцелевшие с ужина, остатки курицы, а Байрон самолично расхаживал среди рассеявшейся компании с полуторалитровой бутылкой холодного белого вина и наполнял чаши, освободившиеся от кофе.

В конце концов, Байрон уселся на позолоченной солнцем куче бурых сосновых иголок, недалеко от того места, где Кроуфорд, в первый раз за по меньшей мере неделю, пытался побриться.

Хотя у него была лишь холодная вода, Кроуфорду все же удалось взбить некоторое количество пены из куска мыла, которое он одолжил у Хобхауса, и теперь он осторожно вел прямой бритвой по исхудавшей щеке. Он водрузил маленькое зеркальце на темную упавшую ветку, которая лежала впритык к стволу, и после каждого медленного движения бритвы с любопытством вглядывался в свое отражение. То ли из-за высоты над уровнем моря, то ли из-за выпитого с утра вина, он с трудом узнавал свое лицо. Каждый раз, когда он бросал на него взгляд, ему казалось, что лицо не его, а какого-то слабоумного.

Когда он закончил, он вытер лицо полами пиджака и бросил прощальный взгляд в зеркало. Теперь он не узнавал себя совсем. Отражение в зеркале казалось каким-то бугристым комком плоти с глазами и отверстиями, и случайным образом расположенными на нем пятнышками крови. Несколько минут он уныло обдумывал увиденное.

— Ты когда-нибудь замечал, — спросил он, в конце концов, Байрона, — как глупо выглядит твое лицо?

Байрон вскинулся на него, оторвавшись от вина, очевидно пораженный и разгневанный. — Нет, мистер Айкмэн, — сказал он, — и как же глупо мое лицо *выглядит*?

— О боже, я ни то имел в виду! Я хотел сказать, если довольно долго вглядываться в свое лицо, оно начинает казаться незнакомым — может и вообще на лицо не похожим. Тот же самый эффект случается если повторять свое имя снова и снова; довольно скоро имя превращается просто в какое-то лягушачье кваканье. Немного пьяно Кроуфорд махнул на зеркало. — Я только что побрился и теперь совсем не узнаю себя в отражении.

Он был рад, что выпил несколько бокалов вина, так как нашел звериное лицо в зеркале необъяснимо пугающим.

Все еще хмурясь, Байрон взял зеркало и почти целую минуту пристально в него вглядывался. Наконец, он покачал головой и вернул зеркало обратно. — Нет, на мне это не работает — хотя временами я бы рад себя *не узнать*. Он пригубил вино. — О, каким бы облегчением это было, иметь возможность слышать слоги «Бай-рон» без... Он сжал кулак.

— Без того чтобы быть им самому, — подсказал Кроуфорд. — Без того чтобы это звучало... призывом к оружию. ^[150]

Байрон ухмыльнулся, и Кроуфорду впервые пришло на ум, что поэт был моложе, чем он сам. Кроуфорд опустил зеркало в карман пиджака и поднялся, чтобы вернуть Хобхаусу мыло

Нападение произошло час спустя, когда дорога стала настолько крутой, что всем пришлось выбраться из экипажа и ехать верхом или идти пешком. Даже багаж был выгружен из багажного отделения и привязан к спинам мулов. Кроуфорд восседал на одной из лошадей, то оттаивая, то коченея, пока лошадь взбиралась по наклонным участкам, залитым солнцем или укрытым густыми тенями нависающих над ними деревьев. Впереди покачивалась спина одного из вьючных мулов, а перед ним ехал Байрон, возглавляя их монотонную процессию.

Лошади ступали медленно, время от времени звучно втягивая ноздрями холодный воздух, хотя Кроуфорд различал только запахи напитанной влагой просыпающейся земли и сосновой хвои.

Все еще немного пьяный, Кроуфорд распевал песню, которую безостановочно пел старый Де Лож, в тот нескончаемый день, почти два месяца назад, когда Кроуфорд тащил его в тележке из Карнака в Оре и обратно. Песня, которую Кроуфорд, естественно, знал только на испорченном диалекте Де Лож, повествовала о том, как жестоко обошлась с певцом женщина, которую он любил.

После того как первый стих унесся звонко гулять между сосен, что возносились вверх на склонах над и под ними, Байрон натянул поводья, придерживая лошадь чтобы послушать; а когда Кроуфорд добрался до строфы, в которой певец сравнивал себя с бельем, измочаленным о камни в бурном потоке, Байрон позволил мулу обогнать себя, а затем втиснул свою лошадь между лошадью Кроуфорда и краем дороги, чтобы было удобнее разговаривать.

— Кто переложил Вийона на музыку? — спросил Байрон.

Кроуфорд слышал о поэте пятнадцатого столетия Франсуа Вийоне [\[151\]](#), но никогда его не читал. — Я даже и не знал, что это он написал, — ответил он. — Я выучил эту песню у одного сумасшедшего старика во Франции.

— Это Двойная Баллада из *Завещания*, — задумчиво сказал Байрон. — Не уверен, что когда-нибудь обращал на нее внимание. Ты помнишь продолжение?

— Думаю да.

Кроуфорд начал следующий стих, который оплакивал злую судьбу, что даже наказания за использование колдовства не способны удержать юношей от преследования женщин, подобных той, что опустошила певца. Но внезапно и без всяких видимых причин его сердце начало бешено колотиться, а виски покрылись каплями пота.

«Вино, — подумал он, — или тревожные слова песни».

В этот миг тропу сотряс сильный грохот, словно что-то тяжелое откололось от склона, возносящегося вверх по правую руку, и Кроуфорд услышал, как трещат ветви и, шипя словно огонь, осыпается сосновая хвоя, будто что-то большое спускалось, скользя, к ним навстречу.

Байрон схватил лошадь Кроуфорда под уздцы и потащил их с пути, все равно чего, что несло на них сверху, но в этот миг существо издало сотрясающий землю рык и бросилось

на них.

Ослепленный голубым небом, Кроуфорд не мог разглядеть существо, пока оно не выметнулось из мрака, взлетев в воздух. Лишь тогда бегло брошенный взгляд на краткий миг выхватил безглазого гиганта со свирепым лицом, а затем существо обрушилось на него и выбило его из седла.

Склон по левую сторону круто обрывался вниз, и Кроуфорд пролетел четыре ярда [\[152\]](#), рассекая морозный воздух, прежде чем врезался в грязный откос. Он упал вперед ногами и заскользил. При этом больше всего доставалось его ногам и крестцу, когда он ударялся ими о низко растущие ветви и выступающие из земли камни. И когда, наконец, его падение задержал ствол дерева, с которым он столкнулся в дюжине ярдов вниз по холму, ободранный, задыхающийся от боли и кашля в попытках вдохнуть воздух в свои поруганные легкие, он, по крайней мере, все еще был в сознании и, кажется, ничего не сломал.

Они были в тени горы, и даже после того, как Кроуфорд смахнул с лица листья и оттер грязь и кровь, глазам потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться к царившему вокруг соборному полумраку. Он скорее слышал, чем видел, как связанные между собой тюки багажа с шумом катились вниз по склону, и, в конце концов, с дорогостоящим треском, ударились о ствол дерева. После этого он слышал лишь, как с затихающим шумом уносятся прочь комки земли далеко внизу.

Его дыхание беспорядочно перемежалось икотой и испуганными всхлипами. Он пытался убедить себя, что на них обрушился просто громадный валун, страстно сожалея, что вообще потащился в эти чертовы горы.

От был скован от напряжения. Нервы бесполезно напряглись в ожидании сокрушительного, завершающего удара, но этого не произошло, и спустя несколько секунд он осторожно позволил себе немного расслабиться.

Он подтянул себя вверх в менее болезненное положение и огляделся в поисках Байрона. Несколько мгновений спустя он увидел его, восседающего на камне сверху и немного левее. Байрон грыз костяшку пальца, не сводя с него пристального взгляда.

— Айкмэн, — сказал Байрон, достаточно громко, чтобы его голос долетел через освежаванный склон холма, — важно чтобы ты делал в точности, как я скажу — ты это понимаешь?

В животе у Кроуфорда внезапно похолодело, а мускулы снова напряглись. Он умудрился выдать слово «Да» из своих зажатых легких.

— Не двигайся — если ты двинешься, оно тебя схватит. Ты не сможешь уползти быстрее, чем оно на тебя прыгнет. Байрон потянулся и засунул руку под пиджак.

— Где..., — пересохшими губами выдохнул Кроуфорд, — ... оно?

Байрон вытащил пистолет и внимательно разглядывал листья и грязь по соседству, словно что-то обронил. — Оно — только сохраняй спокойствие — оно прямо над твоей головой. Полагаю, ты можешь посмотреть, только не совершай резких движений.

Медленно напрягая мускулы шеи, Кроуфорд запрокинул голову вверх, чувствуя, как под рубашкой по ребрам сбегает холодные капли пота. Он увидел уходящий вверх склон, оцетинившийся деревьями, что заслоняли от взглядов дорогу. Затем его взгляд уперся в нижние ветви дерева, о которое он затормозил и, наконец, он собрал все свое изрядно потрепанное мужество и посмотрел прямо вверх.

От него потребовалось все самообладание, чтобы не отпрянуть и не закричать. На мгновение он даже почувствовал что-то похожее на обиду, что увиденное не убило его в тот

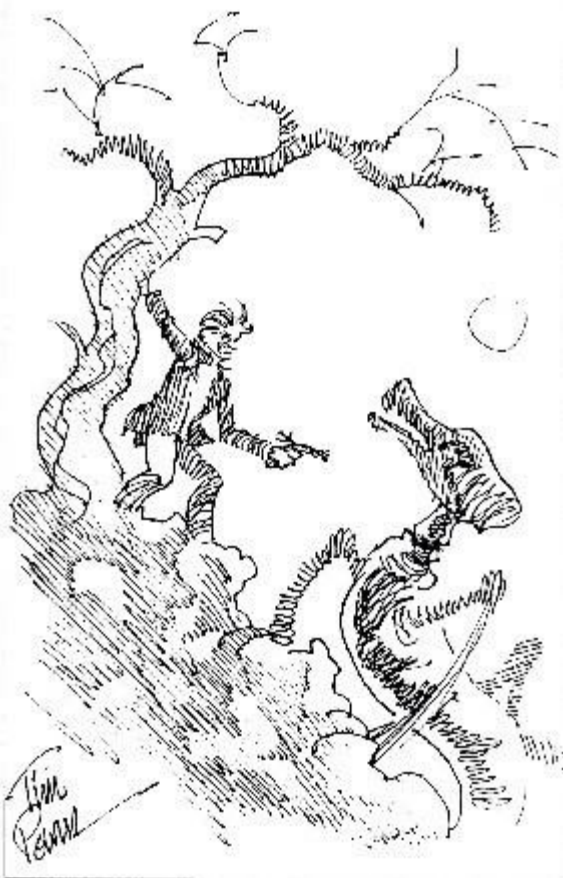
же миг.

Существо вниз головой цеплялось за ствол дерева. Его выступающая морда была в каких-нибудь нескольких футах от его лица. У него не было глаз, не было даже глазных впадин, а его бугорчатая серая шкура и похожее на наковальню рыло были какими угодно, только не подвижным, тем не менее, он почувствовал, что всецело завладел его вниманием. Понизу морды распахнулась пасть, обнажая зубы похожие на окаменелые чаши трutowиков [153], а затем чудовище начало вытягивать шею вниз.

— Пригни голову, — напряженно крикнул Байрон.

Кроуфорд подчинился, стараясь делать это не слишком поспешно, и позволил взгляду бегло скользнуть по позиции Байрона. Байрон поднялся с колен и целился из пистолета в его направлении. Кроуфорд увидел, что из дула пистолета торчала толстая ветка дерева.

— Боже помоги нам обоим, — прошептал Байрон, затем прищурил глаза, сосредоточенно целясь, и нажал на курок.

Тим Пауэрс — Байрон стреляет в голема

Оглушительный выстрел и брызги щепок одновременно налетели на Кроуфорда. Он дернулся, потерял равновесие и соскользнул с дерева. И хотя он успел вонзить пальцы и носки в грязь и остановить падение в пяти ярдах вниз по склону, он не мог заставить себя поднять голову до тех пор, пока не услышал, как существо тяжело свалилось с дерева, а затем поползло вверх по склону, в противоположном направлении.

Тогда он увидел, что существо медленно на четвереньках двигается в сторону Байрона. С каждым шагом оно высоко выбрасывало вверх длинные ноги, словно оскальзываясь в

глубокой грязи, и звучно втягивало воздух вздетой кверху, вытянутой мордой. Молодой лорд стоял на своем камне и дожидался его. Разряженный пистолет, словно дубинка, был зажат в белом кулаке. Его лицо было еще бледнее, чем обычно, но светилось решимостью. Кроуфорд не мог понять, почему он не карабкается обратно на холм, а затем вспомнил про его хромоту.

Сверху, с дороги, доносились зовущие их голоса, но Кроуфорд был слишком занят, выковыривая из земли увесистый камень, и ему не хватало дыхания, чтобы кричать им в ответ. Усилие, потребовавшееся чтобы швырнуть камень вверх, заставило его соскользнуть еще на ярд вниз по холму, но бросок пришелся точно в цель — камень с глухим звуком ударился о чудовищно широкую спину твари.

Он выдавил из себя хриплый вопль победы — который превратился в скрежещащее проклятье, когда он увидел, что монстр как ни в чем не бывало продолжает движение.

— Спасайся сам, Айкмэн, — сказал Байрон неживым от напряжения голосом.

Кроуфорд с отчаяньем осознал, что не собирается подчиняться. Сердце все еще бешено грохотало в груди, и он понимал, что ничем не может помочь, но обреченно начал карабкаться вверх по склону, вслед за медленно ползущим, сопящим уродливым существом.

Краем глаза он заметил бесшумную вспышку зелени справа и чуть выше, и остановился, чтобы взглянуть в том направлении.

Это было утреннее солнце, коснувшееся верхушки сосны. Запоздало, на западном склоне горы занимался рассвет. Над деревом виднелся пологий горный хребет, вырастающий из остального холма, и на его горбатом гребне, на коричневом ковре сосновых иголок, ослепительно сверкала роса.

Он повернулся, чтобы снова взглянуть на Байрона и монстра, и что-то болезненно вонзилось ему в бок. Он забрался в карман пиджака и вытащил неровный осколок разбитого бритвенного зеркала.

В голове его возникла идея. *Однажды природа солнечного света изменилась*, сказал ему Байрон четыре дня назад, когда они обсуждали нефелимов, *и теперь он губителен для них*. В памяти всплыли истории, которые он слышал в детстве, о троллях, что превращались в камень при первых лучах рассвета, и вампирах, которые прячутся под землю, чтобы солнце не могло добраться до них... а еще он вспомнил, как зеркало помогло Персею одержать победу над Медузой.

Он спрятал осколок зеркала обратно в карман и продолжил карабкаться вверх — но теперь он двигался к залитому солнцем гребню, в сторону от Байрона и монстра.

Он слышал, как позади Байрон осыпает насмешками неудержимое существо, но не оглядывался назад до тех пор, пока не достиг гребня, и не вскарабкался на выступающие корни деревьев на его округлом пригорке.

Теперь он был на солнце. Он выудил из кармана осколки разбитого зеркала и выбрал самый большой. Он больше не видел ни Байрона, ни монстра, оставшихся в темноте внизу. С панической поспешностью он поймал в зеркало солнце и начал шарить ярким пятном отраженного света по утопающему в тени склону горы.

Он услышал громоподобный рев, донесшийся из темноты, и с отчаянной надеждой дернул пятнышко света назад, туда, откуда он пришел. И хотя он надеялся именно на это, он содрогнулся, увидев, как ужасная голова медленно повернулась к нему, и чуть не выронил осколок зеркала. Освещенное существо встряхнуло головой и продолжило карабкаться вверх, изгибая и выбрасывая в воздух свои длинные конечности. Теперь Кроуфорд увидел

Байрона — тот был всего лишь в пяти ярдах от приближающегося существа — и лишь усилием воли Кроуфорд заставил руку не дрожать и держать пятно света точно по центру широкой спины.

Существо снова остановилось, и снова деревья содрогнулись от громогласного рыка, прозвучавшего, словно гора смещалась на своем покоящемся в аду основании. Наконец, существо развернулось и начало тяжеловесно подтягивать свое массивное тело в направлении Кроуфорда.

Он был уже готов бросить зеркало и убежать. Будто покрытые копотью пластины зубов были обнажены в оскале, в котором безошибочно читались ярость и негодование. Клешни существа вырывали из земли комья грязи размером с голову и размалывали камни, пока оно яростно стремилось ему навстречу. К тому же он знал, физический урон — далеко не самое страшное, когда сталкиваешься с таким существом как это. Собрав волю в кулак, сжав мочевого пузырь, он стоял на месте и удерживал луч света по центру на шее существа... там, где он видел царапину, очевидно оставленную веткой-снарядом Байрона.

Существо подбиралось ближе, и перемещающийся рык его дыхания звучал теперь словно далекий, наполняющий низину оркестр; оно что, *пело*? Кроуфорд обнаружил себя следующим за темой [\[154\]](#), и от ее трагичности и грандиозности у него перехватило дыхание. Звуки вливались в его разум, сплетаясь в причудливые узоры, сияющие, словно глубины опала, и ему казалось, что это какой-то немыслимо древний свадебный марш, сочиненный разумными планетами, чтобы прославлять венчание звезд.

Внезапно музыка угасла, словно ветер пронесся между ним и непостижимо огромным, но столь же далеким оркестром. Длинноногая тварь была теперь в каких-нибудь пяти ярдах, но двигалась гораздо медленнее, и Кроуфорду показалось, что переливающаяся золотом и пурпуром аура реет вокруг ее головы. В конце концов, со звучным треском существо застыло.

Несколько бесконечных долгих секунд тварь продолжала безглазо смотреть на него, пока он удерживал свет на ее шее.

В конце концов, она начала заваливаться. Поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее. Ее плечи пропахали землю на несколько ярдов вниз по холму, а затем она стала просто кувyrкающейся, разваливающейся на куски статуей, различимой лишь по удаляющемуся в темноте грохоту.

Когда грохочущий рокот затих вдаль, Кроуфорд услышал, как кто-то спускается вниз по склону, где-то над ним, и вскоре до него донеслись сердитые оклики Хобхауса.

— Мы здесь, Хобби, — отозвался Байрон, его голос едва заметно дрожал. — А багаж застрял возле дерева, чуть ниже. Лошади тоже свалились?

— Чтоб тебя, почему ты не отвечал прежде, — сердито выкрикнул Хобхаус, с явным облегчением. — Да, одна лошадь упала, — но не далеко, с ней все в порядке. Что это был за рев? И во что ты стрелял?

Кроуфорд спускался теперь гораздо медленнее и осторожнее, на полпути к выступу, где расположился Байрон, и когда поднял взгляд, увидел, как юный лорд ему подмигнул. — Полагаю какая-то разновидность горного льва! По его изможденному лицу скользнула хмурая тень, и он крикнул, — Будь другом! Когда вернешься Англию, не рассказывай там ничего об этом. Хорошо? Нет смысла беспокоить бедную Августу.

Вскоре Кроуфорд присоединился к Байрону на его камне и отсюда увидел людей, прыжками спускающихся вниз на веревках.

Байрон протянул руку, которая, как теперь заметил Кроуфорд, была разорвана и залита кровью. — Отрабатывайте ваше содержание, доктор.

Кроуфорд взял его руку и взглянул на рваную рану. — Как ты ее получил? — спросил он, гордый тем, что может говорить ровно.

— Наш... противник наградил, — сказал Байрон. — Прежде чем ты сумел привести в действие свой отражатель, это существо добралось сюда. Я столкнул его обратно, и оно немного соскользнуло вниз, но прежде... оно успело вонзить в меня зубы. Его улыбка светилась горечью. — В моем случае это, конечно, излишне... но это лишь укрепляет мое решение всецело избавиться от этой порочной связи..., — он обвел окровавленной рукой раскинувшиеся во все стороны Альпы, — в этих высших сферах [\[155\]](#).

Кроуфорд опустил взгляд на обрубок своего безымянного пальца, на котором все еще были видны шрамы от укусов, и попытался, по крайней мере, с каким-то успехом, порадоваться, что идет в том же направлении.

* * *

Они продолжили подниматься в гору, наблюдая, как колесница Ра неторопливо путешествует через бескрайний голубой небосвод. Байрона лихорадило, и когда они добрались до снега, он развлекался, показывая Кроуфорду, как пот с его лба падает в сугробы, оставляя «такие же следы как решето». Несколько раз он поскальзывался и падал на лед, и заметно встревоженный Хобхаус с подозрением косился на Кроуфорда — который, очевидно из-за разреженного воздуха, начинал испытывать легкое головокружение и дезориентацию.

Байрон же напротив лучился лихорадочным весельем. В одном месте он привлек внимание Хобхауса к пастуху, играющему на свирели, на окаймленном небесным сводом лугу, раскинувшемся поперек долины: — совсем как те, которых мы видели в Аркадии [\[156\]](#) пятнадцать лет назад... хотя теперь я, кажется, припоминаю, что вместо посохов они носили мушкеты, а ремни у них распирало от пистолетов. А позднее, когда проводник попросил их как можно быстрее миновать горный уступ из-за опасности камнепада, Байрон лишь рассмеялся и спросил Хобхауса, помнит ли он толпу греческих рабочих, которых они видели в 1810. Как они не хотели тащить античную статую на корабль Лорда Элгина, потому что божились, они слышали, как статуя рыдала, предчувствуя, что ее повезут по воде.

Он, казалось, немного пришел в себя, когда они были на пике Мон Давант, с выгодного положения которого открывался вид на большую часть озера Леман, раскинувшегося под ними на западе, озеро Нёвшатель [\[157\]](#) на севере, и впереди, на востоке, далекие, устремляющиеся ввысь, патриаршие пики кантона [\[158\]](#) Берн [\[159\]](#).

Кроуфорд с Байроном удалились от остальной группы и стояли на вымытом ветром скалистом обнажении пород, над порывом снежной пылью плато. Оба обливались потом и дрожали.

— Думаю, ты солгал, — заметил Байрон в окружившем их беззвучном молчании небес, — когда сказал Хобхаусу, что не пишешь стихи — а?

Кроуфорд, нервничающий из-за раскинувшейся над головой бездны, сел и вцепился в скалу влажными руками. — Не совсем, — сумел выдавить он. — Я ничего *не записывал* — но я заметил, что мысленно слагаю... стихи, образы, метафоры, перед тем как заснуть.

Байрон кивнул. — Эти существа не очень-то приятны на вид, но они что спички в пороховой бочке, когда дело доходит до языка. Интересно сколько величайших мировых поэтов обязаны своим даром... в конечном счете губительной заботе нефелимов. Он легко и язвительно рассмеялся. — И еще, хотел бы я знать, сколько из них *решили бы* освободиться, если бы могли.

Кроуфорду чувствовал тошноту и не позволял себе даже думать обо всех узких уступах и крутых подъемах, что лежали между ним и нормальной землей. Его все еще трясло от их утреннего столкновения с одним из драгоценных нефелимов Байрона, так что ему не доставляло никакого удовольствия, слышать что-нибудь, пусть даже отдаленно хорошее, об этих существах. — А мне интересно, была ли это омега, — проскрежетал он.

Байрон удивленно моргнул. — Что было?

— Ветка, которую ты выстрелил в эту тварь сегодня утром. Не такой ли был убит Бальдер Великолепный ^[160] в скандинавских мифах? Стрела из омелы? Ты, таким образом, полагаю, становишься Локки, злым братом Одина.

Байрон нахмурился, и Кроуфорд спросил себя, уж не раскаивается ли он, что стрелял в это чудовище.

— Бальдер, — задумчиво повторил Байрон. — Ты прав, его убили деревянной стрелой. Боже! Неужели все волнующие сердца легенды, да и вся наша литература, достались нам от этих дьяволов? Он покачал головой и посмотрел вниз, на оставшийся позади западный склон горы. И Кроуфорд знал, что он думает об отвратительной статуе, что, разбитая вдребезги, осталась лежать далеко внизу, на дне ущелья.

В конце концов, Байрон отвел глаза и встретил пристальный взгляд Кроуфорда. — Локки не очень-то хорошо закончил, верно? — сказал Байрон. — Но боюсь, что его выбор — единственный пример того, как мы можем сохранить чувство собственного достоинства. Он поежился и направился обратно к остальным.

* * *

Когда хозяин постоянного двора вернул ей паспорт, Джулия Кармоди надеялась, что может теперь позволить фантомной сестре успокоится в глубинах ее разума, до тех пор пока... пока не пробьет ее час всплыть на поверхность, сделать свое дело, а затем кануть навечно.

Два дня назад Джулии пришлось стать Джозефиной, чтобы забрать банковский чек от ее отца в Женевском отделении почты до востребования. И вот теперь, этим вечером, здесь в Кларанс ^[161], пришлось снова — чтобы снять комнату ей потребовалось показать паспорт; но она не хотела притрагиваться к паспорту снова до тех пор, пока не будет пересекать международные границы, возвращаясь домой в Бэксхилл-он-Си. И ей не хотелось *даже* думать о пропитанной болью записке, что сопровождала банковский чек.

Если повезет, еще до Рождества она окажется под сенью родного дома, и ее отцу ни

останется ничего другого, кроме как смириться с положением вещей. И тогда всю оставшуюся жизнь она будет Джулией и сможет, наконец, вычеркнуть имя и личность Джозефины из своей памяти.

Слуга поднял вещи наверх, и когда он открыл дверь в ее комнату, она лишь мельком скользнула взглядом внутрь, так как наперед могла сказать, что она там увидит — тоже самое постыдное безобразие, что она встречала в каждой снятой комнате, в каждой комнате, где ей довелось побывать начиная с двадцать первого июля, дня ее свадьбы — и поэтому она заранее заготовила свои французские сентенции ^[162].

— О! — воскликнула она, бросив всего лишь один беглый взгляд на кровать. — *Mon Dieu! Voulez-vous changer les draps!* ^[163] Как она и предполагала, простыни были вульгарно запятнаны засохшей кровью.

Слуга, естественно пытался убедить ее, что с простынями все порядке, но она дала ему пригоршню франков, чтобы их поменяли не смотря ни на что. После этого в комнату явилась измученная горничная, и, когда она сменила отвратительное постельное белье и удалилась, Джулия открыла обращенное к озеру окно и легла на кровать.

* * *

На закате дующий с гор ветер принес дождь, и его шумный поток, бегущий по водосточной трубе, вырвал ее из сна. В комнате было темно и тихо, лишь занавески шелестели на фоне темного неба...

... И она никак не могла вспомнить, кто она.

Она была пустым, широко раскрывшим глаз вакуумом, и это было ужасно. Смутно ее тело осознавало, что где-то здесь теснилось несколько личностей, которые время от времени населяли его голову, и теперь оно хотело, чтобы одна из них, все равно какая появилась, вернув его к жизни. Гортань прожужжала какое-то молящее хныканье... и внезапно, словно это был дар, пришедший откуда-то извне, благодатный поток слов снова наполнил ее.

— *Входи,* — прохрипело тело. — *Входи. Я открыто для тебя. Я нуждаюсь в тебе.*

В этот миг личность снова оживила ее тело — она снова была Джулией, но Джулией обеспокоенной этим новым оборотом вещей. Может ли эта опустошенность снова завладеть ею? И можно ли рассчитывать, что в следующий раз именно Джулия придет, на освободившееся место? Может ли...

— Добрый вечер, Джулия, — донесся тихий голос, пришедший со стороны окна.

Задохнувшись от неожиданности, она резко обернулась и увидела широкий силуэт, заслонивший загорающиеся звезды. В тот же миг она поняла, что личность Джулии не единственная сущность, которая отозвалась на отчаянное приглашение ее тела.

Странно, но она не была напугана. — Добрый вечер, — нерешительно ответила она. — Могу я... зажечь лампу?

Фигура тихо рассмеялась — и по ее голосу она поняла, что та принадлежала мужчине. — Как пожелаете.

Она открыла трутницу и чиркнула кремнем о сталь над фитилем лампы, и желтый огонек разгорелся и наполнил комнату. Она повернулась, чтобы взглянуть на своего гостя.

Это был высокий, крепкий мужчина с рельефно выступающим вперед носом. На нем красовался поразительный наряд, словно он оделся на выезд ко двору — пурпурный сюртук с золотой тесьмой, жабо [\[164\]](#), галстук, белые шелковые чулки и черные остроносые бальные туфли. Благоговая, она сделала реверанс.

Он поклонился и направился к ней. И хотя он прихрамывал, и поморщился, словно от боли, когда потянулся за ее рукой, в его глазах, когда он поднес ее руку к своим полным губам, светилась доброта.

— Я могу помочь тебе, — сказал он, все еще удерживая ее руку, — с тем... для чего ты здесь. Я могу привести тебя к человеку, которого ты хочешь найти. Раньше он был защищен от тебя, но теперь его покровитель в другой стране. Он покачал головой; движение это, казалось, причинило ему боль, и Джозефина увидела красные линии, словно вены или трещины тянущиеся по его шее. — Я не собирался послушаться ее и вредить ему — я просто хотел *взглянуть* на него — но он и его друг причинили мне жуткую боль. Так что я тебе помогу.

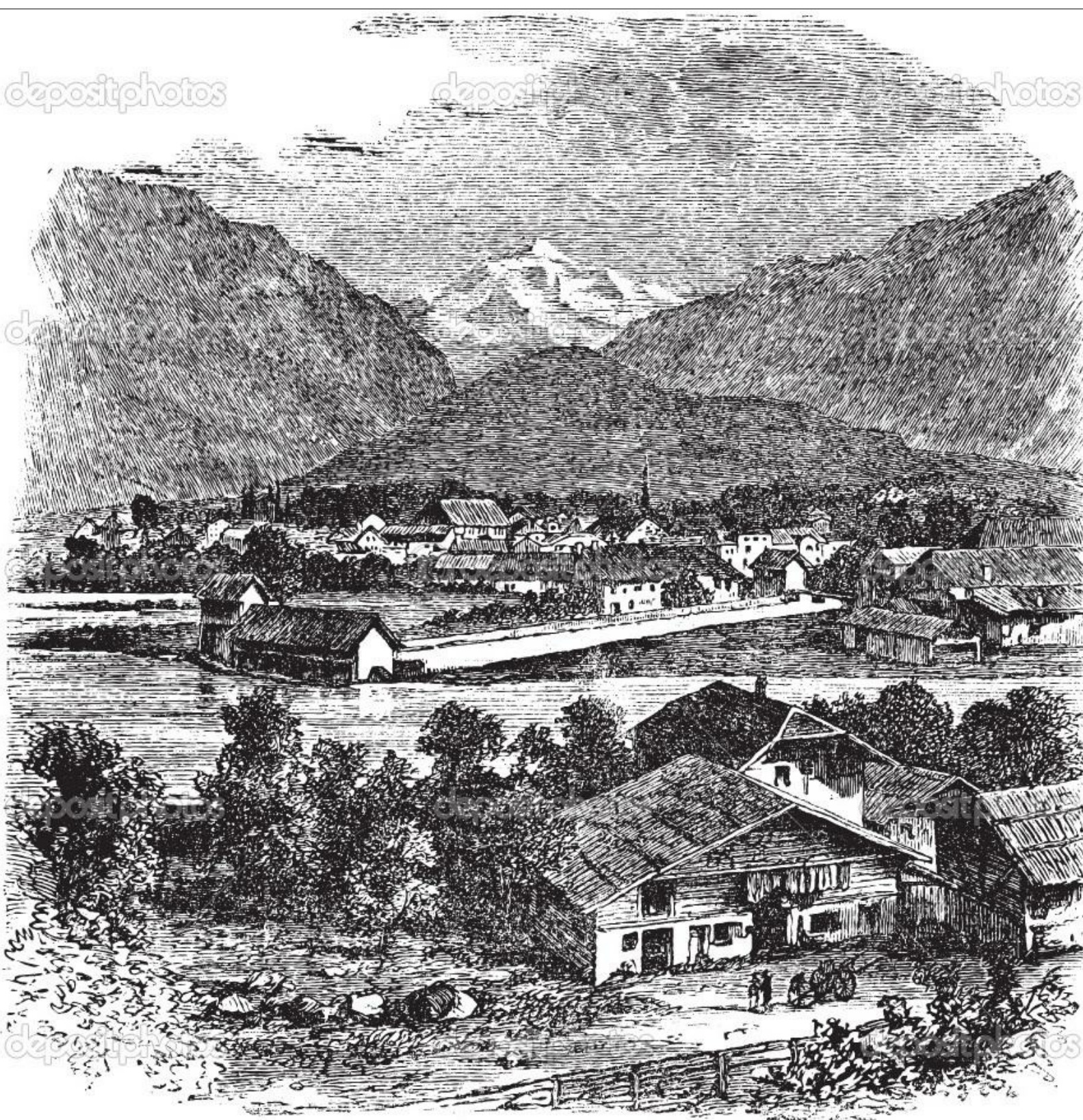
Он отпустил ее руку и, прихрамывая, направился к кровати и расположился на ней. Джулия взглянула на руку, которую он поцеловал, и поняла, что новым простыням было суждено повторить судьбу их предшественниц, так как из ранок укуса на костяшках пальцев на пол энергично сочилась кровь.

Сердце словно молот стучало в ее груди, и прежде чем присоединиться к нему она отвернулась перевести дух. Свет лампы разгорелся ярче и достиг темного зеркала оконных стекол, но она избегала смотреть на свое отражение, с тех пор как два месяца назад ее личность начала становиться хрупкой, так что она задернула занавески. Она не заметила, что в отражении была в комнате одна, не считая обломка разбитой статуи лежащего на кровати.

Временами мы беседуем о Призраках; ни Лорд Байрон не М. Г. Л[ьюис] в них не верят; и оба единодушны во мнении, отдавая дань здравому смыслу, что вера в призраков с неизбежностью подразумевает веру в бога. Я, впрочем, не думаю что все люди, которые делают вид, что не верят в эти посещения, действительно в них не верят, или, если они и впрямь не верят при свете дня, что с приближением полночи, оставшись в одиночестве, они не начинают с большим почтением относиться к миру теней.

— Перси Биши Шелли, 17 Июля 1816

В течение двух последующих дней туристическая компания Байрона без особых происшествий двигалась на восток через долины Эно [\[165\]](#) и Симменталь [\[166\]](#). В субботу двадцать первого сентября они переправились через Тунское озеро [\[167\]](#) в Нойхаус [\[168\]](#), где вновь пересели в карету для сорокамильного путешествия на восток через Интерлакен [\[169\]](#) и далее к югу в селение Венген [\[170\]](#), которое лежало у подножия горной цепи, включавшей Клайне-Шайдег [\[171\]](#), Венгерн [\[172\]](#), и между ними, вздымающийся над облаками, Юнгфрау.

Интерлакен и Юнгфрау. Гравюра 19-го века

Небо уже подернулось облаками и начинало темнеть, когда они остановились на ночлег в доме местного викария, но Байрон настаивал на том, что оседлает лошадь и отправится поближе посмотреть на горы, пока еще было достаточно светло, так что Хобхаус, Кроуфорд и проводник взгромоздились на лошадей чтобы его сопровождать.

С мощной булыжниками дороги, ведущей от дома священника, они видели водопад, разрезающий пополам темную горную гряду. С этого расстояния он напоминал скорее

парящее между горами облако. Медленно раскачивающаяся колонна протянулась почти на тысячу футов от ее скрытого в тумане основания до небесного истока, и Байрон, вздрогнув, сказал, что она выглядит словно хвост бледного коня, на котором разъезжает смерть во дни Апокалипсиса. Сделав это замечание, он унесся галопом вверх по дороге, оставив остальных далеко позади.

Они проехали всего несколько миль, когда хлынул дождь. Но, лишь когда гром начал пугать лошадей, Байрон прислушался к просьбам Хобхауса повернуть обратно.

Байрон был в своем буйном расположении духа, и, так как он был его пациентом, Кроуфорд ехал рядом с ним. Байрон размахивал над головой тростью — что довольно сильно беспокоило Кроуфорда, так как это была его новая трость с вкладной шпагой, и Байрон не позволил проводнику понести ее из опасений, что та может притянуть молнию — и выкрикивал стихи в дождь.

Дважды Кроуфорд различал фразы, которые слышал во снах.

Плащ Хобхауса был каким угодно, только не водостойким, так что они оставили его в небольшом сельском домике и поскакали к дому священника, чтобы найти кого-нибудь, кто вернется за ним с зонтиком и непромокаемым плащом.

Вспышка молнии осветила долину одновременно с громом, налетевшим на горы, и Байрон привстал в стремени, нацелив свою трость в небо. Он оглянулся на Кроуфорда и захохотал, увидев, как тот съезжился в седле.

— Завтра мы отправимся наверх, и погода не сможет нам помешать, — прокричал Байрон сквозь дождь. Спустя мгновение он добавил, — Вы верите в Бога, Айкмэн?

Кроуфорд несчастно пожал плечами. Его плащ был не многим лучше, чем у Хобхауса. — Я не знаю, — отозвался он. — А вы?

Байрон опустил в седло. — Я агностик ^[173]до востребования, — ответил он. — Но я не могу представить, как... я хочу сказать, как могут существовать все эти сверхъестественные феномены, и при этом не быть Бога? При *отсутствии*хоть какого-нибудь Бога?

Кроуфорд безрадостно окинул взглядом течение своей собственной жизни, особенно двух ее последних месяцев. — Боюсь, — отозвался он, не особо довольный заключением, к которому пришел, — что чем меньше бог уделяет нам внимания, тем больше вещей возможно. Так что если имеется отсутствие самого Бога, то, пожалуй, нет *ничего* *особо*удивительного в том, что мы можем рассчитывать никогда его не встретить.

Его утверждение, казалось, отрезвило Байрона. — Весьма удачно, что вы решили замаскироваться как ветеринар, Айкмэн, — отозвался он сквозь дождь. — В качестве философа вы внушали бы подозрения. Он прищипорил коня и поскакал вперед, возглавляя путь обратно к дому викария.

На фоне желтого света, льющегося из открытой двери, вырисовывалась темная фигура, и когда они приблизились, они узнали священника. Когда путешественники спешили, он довольно невежливо попросил Байрона и Кроуфорда проследовать за ним в его комнату.

— Что-нибудь по поводу платы, наверное, — проворчал Байрон, когда оба они повесили мокрые плащи и направились за стариком вверх по лестнице. Но Кроуфорд разглядел выражение отвращения и сожаления на худом морщинистом лице и раздумывал, не собираются ли их просто вышвырнуть на улицу, как выгнали его из доходного дома возле Женевы восемь дней назад.

Комната старого священника располагалась прямо под круто забирающей вверх крышей, и с одной стороны стена была высокой, а с другой — едва поднималась от пола. С

низкой стороны, окна, идущие почти вровень с полом, были настолько маленькими, что, очевидно, даже в самый солнечный день здесь нужна была лампа. Стеллажи, расположенные у высокой стены, были сплошь заставлены старыми книгами, чьи кожаные переплеты казались темными пятнами, поглощающими свет лампы, водруженной на низенький ночной столик. Старик опустился на узкую кровать и махнул рукой в направлении двух стульев в противоположном конце комнаты.

— Я... не знал, кто вы такие, — сказал старый священник, говоря по-английски с ярко выраженным немецким акцентом, — когда вы сюда прибыли. Я бы не разрешил вам остаться. Байрон только что сел, но при этих словах откинул кресло, собираясь вскочить, но старик успокаивающе воздел руку. — Теперь впрочем, вы можете остаться, я не буду вас выгонять. Но мне доводилось о вас слышать — вас, *besonders*, — прибавил он, глядя на Кроуфорда.

— Это означает «особенно», — любезно вставил Байрон. — Что вам о нас нарасказывали? Опять эти старые байки про инцест? Эти девушки, вообще-то, *не сестры* — у Мэри Годвин и Клэр Клэрмонт совершенно разные родители, хотя приемный отец у них один. В любом случае, это и впрямь заслуживает вашего порицания? Такие вещи сейчас на каждом шагу.

— С этим ничего не поделаешь... просто плотское общение, — ответил старый священник. — Истории, которые я слышал, гораздо хуже. Мне рассказывали, что вы якшаетесь с... неприкаянными духами, существами, что ступают тропью, окутанной сумраком смерти [\[174\]](#).

— Забавная фраза, — сказал Байрон, усмехаясь. — Мне нравится. Значит, мы согрешили против ваших... *заповедей*? Ну так докажите это и покажите нас, если сможете.

Старик устало покачал головой. — Горы, их высочайшие пики, больше не являются путем к освобождению, уже нет. Все это было давно — и опасно даже в те времена. Спасение и искупление могут теперь быть достигнуты через таинства Веры. Он повернулся к Кроуфорду, и его старое морщинистое лицо застыло, словно он пытался скрыть свое отвращение. — Даже такие как *вы*, могут с их помощью избежать проклятья.

Байрон неловко рассмеялся. — Не будьте столь строги с парнем, Отче, он и близко не такой демон, как вам кажется. Боже мой, вы глазеете на него так, словно думаете, что он собирается стянуть золотые чаши с вашего алтаря.

— Или превратить налитое в них вино в уксус, — сказал Кроуфорд, бесцветным от гнева голосом, — просто взглянув на них. Такое, значит, у вас в Берне христианское милосердие?! Он поднялся, ударившись головой о низкий потолок. — Очевидно, со времен своего основания церковь стала более... *элитарным клубом*. Дьявол в аду и тот гостеприимнее.

— Подождите, — сказал священник, — сядьте. Я хотел бы увидеть вас в Раю, но я также хотел бы увидеть там и всех моих прихожан. Если вы отправитесь в горы сейчас, в том состоянии, в котором находитесь, вы пробудите демонов, что не принесет пользы никому из моих людей. Он кивнул Кроуфорду. — Недавно в Альпы вступил еще один такой же, как вы, но я ничего не могу с этим поделать. По крайней мере, он держится низких мест и передвигается только ночью...

Он медленно вытащил пробку из графина брэнди, стоящего на полке возле кровати, и потянулся за бокалами, стоящими неподалеку. — Прошу вас, не ходите в горы, оставайтесь здесь. Я могу обещать вам спасение, если вы и впрямь его ищите — или я обещаю вам

смерть, если вы продолжите ваш путь. Никто не даст вам лучший совет, чем тот, что я только что дал.

Кроуфорд сел обратно, немного успокоившись, но покачал головой. — Нет, я не собираюсь отступать.

Байрон согласно кивнул. — Ваше наставление, не поколебало моих намерений, Падре.

Священник на мгновение прикрыл глаза, затем пожал плечами и разлил брэнди по бокалам. Он поднялся, протягивая бокалы каждому из гостей, а затем хромя вернулся к кровати и сел.

Позади него на обшитой деревом стене возникла человеческая тень, хотя не было никого, кто мог бы ее отбрасывать. Призрачный силуэт медленно покачал головой, а затем растворился.

Сердце Кроуфорда пустилось галопом, и он поднял взгляд на Байрона; глаза Байрона были широко распахнуты — очевидно, он тоже увидел это. Они, не сговариваясь, поставили бокалы на пол.

— Спасибо, я, пожалуй, воздержусь, — сказал Кроуфорд поднимаясь.

— И я тоже, — добавил Байрон, который уже стоял возле двери.

Когда они притворяли дверь, старик сдавленно всхлипывал на своей кровати. Кроуфорд, впрочем, не был уверен, раскаивался ли он в том, что пытался отравить гостей или сожалел, что его попытка провалилась.

Возвращаясь к тому месту, где их дожидался Хобхаус, они миновали большой шестиколесный фургон, который глубоко увяз посреди размытой дождем дороги. Байрон все еще был на взводе, поэтому, не слушая никаких возражений, настоял, чтобы они спешили и помогли, несмотря на то, что фургон и так уже толкала, по меньшей мере, дюжина несущих фонари сопровождающих. Так что Кроуфорд, слуга и сам лорд послезали с лошадей, закопались пятками в грязь и помогали стронуть повозку.

Люди, столпившиеся вокруг повозки, казалось, были не особо благодарны за помощь, особенно когда Байрон взобрался на станину фургона чтобы руководить работой, но они мирились с этим до тех пор, пока фургон не покатился снова. Сразу после этого они заставили Байрона спуститься и, вскочив на лошадей, возобновили свое продвижение на юг.

— С углем в Ньюкасл [\[175\]](#), — со смехом произнес Байрон, когда взобрался обратно в седло.

— Почему это? — устало спросил Кроуфорд, мечтая о том, чтобы в ботинках не хлюпала холодная грязь.

— Там у них в задней части фургона большой короб наполненный льдом — он протек мне на руки, когда я к нему прислонился — между тем, они направляются в Альпы.

* * *

На следующее утро в семь часов они снова устремились в горы, защитившись с помощью кофе и брэнди — своего собственного — от векового холода, который обращал человеческую речь в мимолетные пушистые облачка, а затем уносил их прочь в зеленовато-синее небо. Кроуфорд и проводник восседали на мулах, в то время как Байрон и Хобхаус

ехали на лошадях.

Водопад ярко переливался в лучах восходящего солнца, и Байрон привлек общее внимание к радуге, которая, словно нимб, реяла вокруг, но Хобхаус лишь фыркнул и сказал, что его не впечатляет радуга, в которой различимы только два цвета.

— По крайней мере, это королевские цвета, Хобби, — сказал Байрон, и только Кроуфорд уловил дрожь в его голосе. — Пурпур и золото, все же.

Горы. Горы были слишком необъятны — слишком высоки, далеки и изборозжены древними морщинами — чтобы Кроуфорд мог охватить их своим разумом. Смотреть на них было все равно, что смотреть через телескоп на чуждые ландшафты Луны. Неестественно чистый высокогорный воздух делал видимой каждую трещинку в этой пугающей безбрежности. Позади, внизу, там, где пышно цвел человеческий род, изморозь и дымка тумана милосердно скрывали от глаз бездну. Пока копыта выстукивали по уходящему вверх каменному пути, направляясь к подножию заслоняющих небо горных пиков, Кроуфорд непрестанно ловил себя на том, что думает о горах как о древних живых существах. С содроганием он вспомнил историю о Семеле [\[176\]](#), смертной матери Диониса, которая была сражена насмерть, узрев Зевса в его истинном, нечеловеческом величии.

Солнце ярко искрилось на покрытых снегом ледяных просторах, и к середине утра они все надели окрашенные в голубой цвет очки, чтобы уберечь глаза от снежной слепоты.

По мере того, как путешественники продвигались все выше, маслянистый аромат сосновой смолы начинал растворяться, словно вкус можжевельника в бокале джина, когда его смешивают с ледяной водкой, и Кроуфорд подумал, что все запахи, и даже сама способность воздуха распространять их, окажутся скоро среди тех вещей, которые он и остальные оставили позади. Сосны, мимо которых они теперь проходили, были иссохшими и лишенными коры, и Байрон угрюмо взглянул на них и сказал, что они напоминают его и его семью.

Кроуфорд подумал, что замечание было слишком уж показным и натянутым, слишком уж *Байроническим*, чтобы быть искренним, и спросил себя, всегда ли Байрон способен сам отличить свои подлинные чувства от играемой роли.

Дорога круто поднималась вверх, и в одном месте им пришлось перебраться через заснеженную промоину недавно сошедшей лавины. На ее широком, словно сметенном гигантской метлой пути, не было видно ни одного уцелевшего дерева, и, взглянув сощурившись вверх, на недостижимую крутизну, Кроуфорд с удивлением увидел широкую серебристую жилу, сверкающую на недавно обнаженной поверхности камня. Он спросил об этом проводника, и тот нехотя ответил, что это было *argent de l'argile*, или глиняное серебро, и что через день или два оно будет втянуто обратно в тело горы.

После задумчивого молчания, Кроуфорд спросил, не был ли это серебро чрезвычайно легким металлом, но проводник просто отвернулся и начал указывать на раскинувшиеся перед ними пики.

Вскоре они растянулись по одному, следуя вдоль узких уступов, петляющих по крутому склону горы Венгерн [\[177\]](#), и Кроуфорд обнаружил, что его мул вел себя так, словно тащил свои обычные, утраивающие его ширину тюки груза. Глупое животное брело вдоль самой кромки обрыва, чтобы отсутствующий багаж не цеплялся за стену, и никакие понукания и сквернословия не могли заставить животное двигаться ближе к стене. Где-то спустя час такой езды почти по лезвию бритвы, Кроуфорд обреченно махнул на все рукой и только каждый раз бледнел, когда животное оступалось, теряя опору под ногами, и взбрыкивало,

чтобы восстановить равновесие.

* * *

Джозефина шла пешком, но ее новый друг дал ей осколок камня, который нужно было глубоко вдавить в мякоть ладони. Благодаря ему несколько часов она без усталости двигалась трусцой за отрядом Байрона; а на обрывистых тропах, ведущих в гору, без всяких усилий шагала за своей жертвой. Проколота ладонь прекратила кровоточить час назад, и только болела, когда она нечаянно задевала ей за скалистую стену.

— Я не могу отправиться с тобой, — сказал на рассвете ее друг, перед тем как ее покинуть. — Но возьми эту часть меня, — с этими словами он вручил ей маленький каменный коготь, — и держи ее заключенной в твою плоть, и тогда мой дух будет с тобой и проведет тебя к цели.

И он не обманул. Несколько раз она сталкивалась с выбором пути, и каждый раз каменный шип решительно, пусть и болезненно, тянул ее в одном или в другом направлении. Он всегда вел ее по пятам Кроуфорда, даже когда ее глаза, несмотря на защитные очки, настолько ужасно слезились от слепящего блеска снега, что она не видела куда ступает. Единственной ее заботой было держаться от них подальше, чтобы кто-нибудь из отряда, оглянувшись на каком-нибудь прямом участке пути, не увидел следующую за ними одинокую женскую фигуру.

Она встретила лишь одну группу туристов — дюжина мужчин стояла вокруг навеса, под которым, казалось, скрывался большой фургон — но они, похоже, разбили лагерь на весь день. Так что они никак не смогут помешать ее планам.

Пистолет был заряжен и заткнут за пояс юбки; ее друг рассказал о другом способе разобраться с Кроуфордом, но ее затошнило лишь от одного описания этой процедуры — в жалкой испуганной попытке пошутить, она ответила ему, что у нее недостаточно для этого глаз — так что она решила прибегнуть к услугам пистолета.

Длинные отметки в снегу говорили ей, что ее добыча все еще впереди, но воткнувший в руку камень неожиданно потянул ее вверх. Она испуганно подняла взгляд.

Склон горы прямо над ней *былотчасти* покатым и неровным. Но конечно не настолько, подумала она, чтобы она могла по нему взобраться — особенно с проткнутой рукой! Рука между тем была вытянута над ее головой, и она попыталась опустить ее вниз. Камень лишь сильнее заскрежетал между костей ладони, заставив ее почти потерять сознание от боли, а затем еще настойчивей потянул вверх.

Единственным способом, с помощью которого она могла уменьшить страдание, было поместить свободную руку и носки ботинок в неровности скалы и подтянуть себя вверх. Она сделала это, и на краткий миг это принесло облегчение, но вскоре камень снова потянул ее вверх, и ей снова пришлось проделать то же самое.

Камень, казалось, хотел, чтобы она забралась наверх быстрее Кроуфорда. И хотя она переживала такую боль, что мир вокруг подернулся дымкой, и испытывала ужас при мысли, что может соскользнуть, и тогда весь ее вес придется на искалеченную руку, ей ни разу не пришло в голову вытащить из ладони ведущий и терзающий ее камень.

* * *

К полудню группа Байрона достигла долины, расположенной всего лишь несколькими тысячами футов ниже вершины Венгерн. Там они спешили и, связав между собой лошадей и мулов, пешком продолжили восхождение.

После часов проведенных в седле ноги Кроуфорда неприятно затекли, и он тряс ими и притоптывал, чтобы вернуть им чувствительность... когда вдруг заметил, что странное покалывание начинало затихать, когда он шел обратно. Просто чтобы уменьшить его, он сделал несколько длинных шагов вниз по холму, а затем ему пришло в голову, что совсем недавно то же самое проделал Байрон.

Он взглянул на Байрона и поймал на себе его пристальный взгляд. Байрон направился к нему по пологой, припорошенной снегом скалистой поверхности. Когда он остановился рядом, он простер руку в жесте, который заключал Хобхауса, проводника и слуг, ни один из которых не испытывал похоже ни малейшего побуждения идти обратно.

— Они не обливаются потом как ты или я, — тихо сказал он Кроуфорду, и его дыхание словно дым клубами уносилось прочь.

— Это не последствия верховой езды или действие разряженного воздуха. Я полагаю, это как бешенство, последствие того, что мы были укушены. Он натянуто улыбнулся и махнул в сторону заснеженной вершины. — До исцеления рукой подать, но яд внутри нас не хочет, чтобы мы туда добрались.

Они слышали грохот сошедшей лавины, но когда они посмотрели наверх, над горой не было заметно ни облачка снежной пыли — должно быть, лавина сошла с южной стороны.

Больше всего Кроуфорд хотел сейчас быть как можно дальше от этой горы — где-нибудь на уровне моря, а лучше ниже, жить где-нибудь в Голландских Нидерландах ^[178], нет, где-нибудь в глубокой, лишенной солнца пещере... это было бы лучше всего. Даже с синими защитными очками сияние солнца на крутых заснеженных склонах слепило глаза, и он все время сдвигал очки на лоб, чтобы утереть лезущий в глаза жгучий пот. — Яд, — хрипло сказал он Байрону, — весьма настойчив.

Байрон направился обратно к Хобхаусу, на ходу снимая пальто. Добравшись до места, он созвал прислугу. — Осталось пройти каких-то несколько сотен футов, — сказал он. — Мы вернемся сюда самое большее через час и до наступления темноты спустимся назад к дому священника.

* * *

Джозефина тоже слышала лавину и ее бесчувственный проводник, казалось, счел это достаточным поводом, чтобы дать ей немного передохнуть на узком наклонном уступе, по которому она хромая поднималась последнюю четверть часа. Она была в тысяче ярдов к западу от отряда Байрона и немного выше. Залитая солнцем долина осталась позади, и теперь она дрожала от пронизывающего ветра. Ветер кружился и с жалостливыми всхлипами бросался на скалы, словно морская волна, разрезаемая носом корабля. И все же угасшая ненадолго боль в терзаемой руке, заставила это скрюченное положение посреди отвесной скалы казаться почти роскошным.

Несколько минут она наслаждалась отдыхом, а затем, проскрежетав по костям, камень снова рванул ее вперед и, бесшумно всхлипнув, она поднялась с колен и посмотрела вверх, на почти отвесный склон, что все еще громоздился над ней — а затем вдруг осознала, что камень тянул ее вниз.

«Что это, — с дрожью подумала она, внезапно испуганная перспективой спускаться обратно, — неужели Кроуфорд уже возвращается?»

«Нет, — раздался голос в ее голове, но мы не сможем подняться выше.— Дождемся его внизу — и нападём, когда он спустится».

В нахлынувшем отчаянии, еще более холодном чем ветер, Джозефина осознала, что могла не пережить спуск, даже с воодушевлением, которое получила бы от убийства Кроуфорда... без него же она определенно не выживет.

«Я не могу, — подумала она; — Я не могу спуститься вниз, не пролив его кровь на скалы и снег».

Каменный шип в руке настойчиво тянул ее вниз.

«Это ты, ты не можешь двигаться выше — подумала она. — Но я то могу».

Усилие согнало краску с ее лица и застывшей гримасой очертило ее зубы на фоне бескровных губ, но она сумела собраться с духом, изогнуть руку, так что казалось, порвется рукав, а затем, фактически сдернула руку с каменного когтя.

Во все стороны ярко брызнула кровь, словно в руку угодила пуля. На мгновение красно блестящий камень застыл в воздухе, а затем с воплем, несущимся лишь в ее голове, растворился внизу в тени горы.

Кровь горячими струями текла на уступ, образуя дымящиеся лужицы, и вместе с кровью уходили ее силы. Джозефина прижала к себе поврежденную руку и вдавила лицо в каменную стену, и всхлипывания ее были столь резкими и мучительными, что казались в этот миг естественными звуками гор.

Она вытащила из волос ленты и туго перевязала запястье — и уже намного медленнее, теперь, когда ей никто не помогал, продолжила ползти вверх по склону горы.

* * *

Байрон настороженно взглянул на Кроуфорда через залитый солнцем скалистый склон, и тот кивнул, давая ему понять, что он тоже слышал мысленный крик — хотя Хобхаус и проводник на уступе внизу похоже ничего не почувствовали.

— Похоже, не нам одним эти высокогорные края пришлись не по нраву, — натянуто заметил Байрон, отбрасывая с лица вспотевшие волосы.

Каким-то шестым чувством, что не было в полной мере ни слухом, ни прикосновением, Кроуфорд ощущал разумы Хобхауса и остальных внизу. И он бы сдался наваливающейся на него апатии и растущему сопротивлению, если бы постоянно не напоминал себе о своей мертвой жене Джулии. Временами ему казалось, что ее разум тоже был здесь, на горе.

Наконец он втащил себя наверх, через последний каменный уступ, на округлую вершину, несмотря на то, что каждая частичка его тела, казалось, вопила, призывая его повернуть назад. Затем он поднялся, стоя на источенном ветром неровном плато, и напряжение внезапно исчезло, а под расстегнутую, промокшую от пота рубашку, проник бодряще холодный ветерок. Его охватило искушение, процарапать в скале линию, отмечающую высоту, на которой яд терял свою силу.

Воздух, казалось, вибрировал, на частотах столь высоких, что это было едва заметно. Но он решил, что сейчас на это можно не обращать внимания.

Вершина была размером с четверть поля для крикета и выглядела ничтожной и незащищенной под раскинувшейся над ней бездонным небом. Кроуфорд сделал несколько робких шагов вперед, чтобы взглянуть на долины и пики, простирающиеся немыслимо далеко внизу — и на Юнгфрау, в милях отсюда, все еще возвышающуюся над ними. Он словно стал легче, сбросив с плеч всю ту необъятную массу воздуха, что осталась внизу, и он подумал, что, пожалуй, сможет прыгнуть здесь намного выше, чем там на земле.

— Здесь наверху вполне ничего, — ответил он Байрону.

Тогда Байрон, который с каждым пройденным вверх ярдом выглядел все хуже и хуже, втянул себя наверх через последний выступ скалы, на грубо обточенное ветром плато, и внезапно в его затуманенных глазах вновь заблестела жизнь.

— Ты прав, — с вернувшейся бодростью ответил он. Он поднялся, пошатываясь, словно только что родившийся жеребенок, и сделал несколько шагов навстречу Кроуфорду. — Если бы только мы могли *жить* здесь, наверху, и всегда знать, что встреченные нами люди — на самом деле люди!

Кроуфорд неуверенно втянул носом холодный воздух. Он больше не чувствовал вибрацию воздуха, но был уверен, что она все еще здесь, просто частота ее столь чудовищно

выросла, что стала неразличима. — Я не уверен..., — начал он.

Вдруг, все его первоначальное оживление испарилось. Что-то зловещее разлилось в воздухе, что-то огромное и равнодушное, заставляющее его чувствовать себя жалким и бранным, угасающим с каждым мигом. Взглянув на Байрона, он увидел, что юный лорд чувствует тоже самое. Веселье Байрона растаяло как дым — его губы были плотно сжаты, а глаза вновь поблекли.

Небо темнело и приобретало оранжевый цвет, и, хотя от этого у него помутилось в голове, Кроуфорд бросил взгляд на Солнце, так как до заката по его подсчетам было еще далеко. Солнце и впрямь было еще высоко на небосклоне, указывая, что лишь недавно минул полдень — но теперь вниманием Кроуфорда завладело другое.

В небесах угадывались линии, слабо светящиеся полосы, протянувшиеся через небосвод от северного горизонта до Итальянских пиков на юге. И, хотя от этого сверхъестественного зрелища на макушке зашевелились волосы, оно было странно знакомо. Он чувствовал, что уже где-то все это видел, когда-то немыслимо давно... и что тогда этот эффект был гораздо отчетливей, линии были ярче... и несмотря на депрессию, что нарастала с каждой секундой и теперь давила на плечи словно физический гнет, он был безотчетно рад, хотя бы ради остального человечества, — ради младенцев, что рождались в этот миг — увидеть что линии с тех пор потускнели.

Непонятно почему, он вдруг вспомнил про компасные карты, подрагивающие в витринах магазинов в лондонских доках, и свою причудливую догадку, что они трепетали от невидимого магнитного ветра.

Он попытался воскресить в памяти образ этих небесных полос — что-то связанное с солнечными частицами — частицы могли достигать земной поверхности, когда полосы были слабыми, и были губительными для... другой разумной расы на земле, расы...

Он позволил мысли уйти. Попытка мыслить внезапно показалась вопиюще дерзкой для столь малого и презренного существа, каким он являлся.

Байрон что-то говорил странным приглушенным голосом. Когда Кроуфорд взглянул в его направлении, в лицо ему хлестнул резкий порыв ветра. Но он заметил, что голос Байрона немного не попадал в движения губ.

И даже несмотря на приглушающее влияние воздуха, Кроуфорд услышал свинцовый ужас сковавший голос Байрона. — Позади тебя, сказал Байрон. — Ты видишь ее?

Кроуфорд обернулся, не обращая внимания на снова ударивший ветер, и его плечи в отчаянии опустились, когда он узнал женщину, стоящую в нескольких ярдах вверх по склону.

Это была Джулия, его жена — но она была полупрозрачна, словно слабо окрашенное стекло. Он не мог сказать, от чего перехватило дыхание в груди, было ли это следствием изменившейся природы воздуха или испытанного им потрясения.

— Это призрак, — прохрипел Байрон. — Призрак моей сестры Августы. Боже, когда же она могла умереть? Я ведь меньше месяца назад получил от нее письма!

* * *

Джозефина глянула поверх уступа на Майкла Кроуфорда и потащила пистолет из-за

пояса. Она сдвинула очки на лоб, когда свет стал слабеть и окрашиваться красным, и видела теперь прекрасно — хотя дышать становилось трудно.

Всю свою жизнь она жила в тени ненависти к себе, поэтому психическое поле вершины никак на нее не повлияло.

После того, как она избавилась от своего неумолимого проводника, подъем как ни странно, вскоре сделался легче — ближе к концу она, казалось, почти *плыла* по крутому склону горы — так что теперь ей достало сил, даже с поврежденной левой рукой, взвести курок. Она подняла пистолет и нацелила его в центр тела Кроуфорда.

Он и Байрон стояли чуть ниже, в каких-нибудь восьми ярдах, так что промахнуться было сложно, но она все же, на всякий случай, оперла ствол пистолета о камень. В конце концов, она вздохнула и спустила курок.

Несмотря на слепляющую вспышку выстрела, она увидела, что ее цель словно испарилась — затем она увидела человека стоящего дальше вверх по склону и узнала в *нем* Кроуфорда. Она что стреляла в кого-то другого?

Хотя теперь она видела, человек наверху не был плотным — свет, сияя, струился прямо через его тело. «Господи, — подумала она с облегчением, — это не Кроуфорд; это всего лишь его призрак».

* * *

Кроуфорд услышал выстрел и обернулся — и тотчас же прыгнул в сторону, так как увидел блестящий шарик, словно рассерженная пчела быстро несущийся в его сторону.

В тот же миг он почувствовал, будто прыгнул в невидимый стог сена. Он слышал, как пистолетная пуля, жужжа, пролетела мимо, и почувствовал ударную волну, ласково, словно глядя, набежавшую на его тело. Но на миг все это вылетело из головы. Совершенно ошеломленный, он в изумлении устоял на своих ступнях, которые парили в ярде над поверхностью скалы. Он плавал, поддерживаемый лишь желеобразным воздухом.

Ему потребовалось несколько долгих секунд, чтобы вернуться на землю; и только когда он приземлился, ему пришлось в голову взглянуть в направлении, из которого прилетела пуля.

Сквозь пламенеющий свет он различил человека, стоящего за выступом скалы в восьми ярдах от него. Кроуфорд не мог разобрать, кто это был, но предположил, что у незнакомца будут такие же трудности с передвижением, как и у него, так что можно какое-то время не обращать на него или нее внимания.

Если же у него есть еще один пистолет, и в следующий раз он прицелится чуть удачнее, что ж, будет ли это на самом деле таким уж плохим концом?

Он снова повернулся к Джулии. Она шла вниз по склону, направляясь к нему и Байрону, и каким-то образом *была* способна идти свободно в сгустившемся воздухе... хотя Кроуфорду казалось, что она становилась все более прозрачной. Он спросил себя, не были ли подкатывающая к горлу тошнота и странная легкость в голове признаками надвигающейся паники.

Байрон, похоже, вовсе не слышал выстрела. — Мне не нужно знать, как она умерла, — сказал он задыхающимся голосом. — Это я убил ее. Я совратил ее, будь я проклят! Вот что

я пытался сказать тебе в тот день, когда посадил тебя в мою карету. Инцест... в этом не было еевины, она никогда не отличалась твердостью, но вначале пыталась мне отказать. А затем я бросил ее одну в Англии с нашим ребенком... и моей ужасной бывшей женой.

Байрон нахмурился и стиснул зубы, и Кроуфорд понял, что он борется с отчаяньем, которое наводило психическое поле горы. — Я уверен, это моя бывшая жена довела Августу до этого, — в этом *нет ни капли* моей вины, будь оно проклято! Августа так меня любила, а этой ведьме, на которой меня угораздило жениться, больше некого теперь изводить.

Фантом был теперь в каких-нибудь нескольких ярдах, и это определенно была Джулия. Она смотрела прямо на Кроуфорда, и ее лицо внезапно застыло в выражении какой-то почти безумной ненависти. Он отступил назад и вскинул руку, его рукав заколыхался столь быстро, что на мгновение превратился лишенное очертаний расплывчатое пятно; и он бросился бы назад, туда, откуда они пришли и спустился или сверзся вниз в долину, где их дожидались Хобхаус и слуги, но Байрон поймал его за руку.

Фантом исчезал, становясь совершенно прозрачным, пока он смотрел на него широко раскрытыми глазами... пока свет вокруг наливался красным, а воздух густел. Теперь уже требовалось как следует поднапрячь мускулы, чтобы вдохнуть. А затем Джулия исчезла.

Но она лишь уступила дорогу чему-то другому — плотный воздух звенел, предчувствуя его *неотвратимое* приближение. Кроуфорд попытался пробиться к месту, где они поднялись на вершину, но воздух теперь был слишком густым, чтобы в нем можно было двигаться — он давил на ребра, словно проседая под громадным весом приближающегося существа.

Что-то обретало форму, но не на их вершине — что-то непостижимо огромное и гораздо более далекое, простершееся на целые мили — на пике Юнгфрау.

Словно сотворенные из мрака арочные своды сгущались в тускнеющем небе. И хотя призрачная *фигура* так и не обрела законченных очертаний, что-то в его крови, а быть может в каких-то немыслимо древних закоулках памяти, распознало в ней что-то женское и львиное. Существо склонилось над стоящей на вершине Венгерн троицей, заслонив собою все небо, и его враждебность была столь же ощутима, как разившийся вокруг холод.

Из глаз Кроуфорда брызнули слезы и словно желатиновые мошки повисли в воздухе.

Существо в воздухе заговорило, и голос его сотрясал затвердевший воздух, словно пришли в движение скальные массивы. — *Ответ на мою загадку или умри*, — сказала оно. После долгого молчания оно заговорило вновь. — *Кто ходил на четырех конечностях, когда солнечный свет еще не изменился, а теперь имеет две, но когда солнечный свет изменится вновь и свет уйдет, будет снабжен тремя?*

Кроуфорд выдохнул и истощенный воздух облаком сгрудился перед ним, толкая его голову в обратном направлении.

— Четыре, две и три, — сумел выговорить Байрон: — Это... загадка... сфинкса. Даже в этом неверном красном свете, Кроуфорд ясно видел, каким бледным и осунувшимся было лицо Байрона. — Мы стоим перед... сфинксом.

Кроуфорд заставил себя взглянуть вверх, на существо. Сфинкс казалась линзой, искривляющей своим присутствием линии магнитного поля. Она была теперь менее вещественной, чем в те дни, когда семь главных ворот Фив закрылись в ужасе перед ее гневом, те дни, когда она была увековечена в камне, возвышающемся на плато Гизы. Но она, очевидно, ни капли не утратила свою мощь, по крайней мере, в этих высокогорных районах.

Кроуфорд поборол захлестнувшую его волну самоуничтожения и заставил себя вспомнить легенду. Эдип столкнулся со Сфинкс, и она спросила его, кто ходит на четырех

ногах утром, на двух в полдень, и на трех ногах вечером. Если верить истории, правильный ответ «человек», который ползает во младенчестве, ходит на двух ногах в зрелом возрасте, и опирается на палку в старости. Он уже открыл рот, чтобы вытолкнуть из себя слово, но затем вдруг засомневался.

Почему Сфинкс об этом спрашивает? И верно ли греческая мифология донесла до нас ее ответ? С чего бы Сфинкс желать, чтобы он сказал *человек*? К тому же, откровенно говоря, *человек* не казался таким уж *правильным* ответом на загаданную ей загадку — не было ничего в младенчестве, о чем он мог бы сказать «когда солнечный свет еще не изменился». Когда бы это не произошло, людей тогда, скорее всего, вообще еще не было.

Кто же тогда это был? Нефелим? Может быть, Сфинкс одна из них? Может, она ждет, что я отвечу «Вы» вместо того чтобы, по сути, сказать «я».

Он вспомнил отголосок древней памяти, мелькнувший в голове, когда он впервые увидел полосы в небе — что-то по поводу *другой* разумной расы на земле. Может быть эта загадка — своеобразное вежливое требование признания. В этом случае правильный отчет мог бы звучать «мы оба»?

Байрон открыл было рот, чтобы ответить сам, но Кроуфорд поспешно вскинул руку, преодолевая вязкое сопротивление воздуха. Байрон послушно умолк.

— Вспомни... последствия... неправильных ответов, — сказал ему Кроуфорд. — К тому же... не думаю... что мифология донесла... правильный ответ.

Сфинкс наклонилась ближе, и Кроуфорд смотрел теперь в темноту ее гигантских глаз. Они были неживые, словно застывшие кристаллы, и от этого становилось почти невозможно разглядеть разум — пусть и невыразимо чуждый разум — таящийся в их глубине.

Он увидел, как раскрывается громадный рот, а затем, казалось, вся вершина стала клониться к ее огромной бездонной утробе.

Он прибегнул к своей последней догадке. — Разумная жизнь на земле, — выкрикнул он, заставляя слова вырываться наружу.

С этими словами что-то переменялось.

Грозная фигура все еще реяла над ними, но спустя мгновение Кроуфорд осознал, что Сфинкс ушла — на месте ее арочных крыльев, остались лишь узор облаков с одной стороны, да тень на громаде Юнгфрау с другой, а лицо, в котором таилось столько невыразимой женственности, было теперь лишь узором звезд на темном небе. Сфинкс вернулась обратно, в свой далекий плен на пике Юнгфрау.

Воздух между тем начинал таять — похоже, он все же ответил правильно.

* * *

Джозефина увидела, что выстрел каким-то образом не настиг Кроуфорда — он что, в самом деле, успел отпрыгнуть в сторону? — и безвольно осела на землю, выпуская из рук пистолет. Несколько секунд спустя ее колени и пистолет врезались в припорошенный снегом камень.

Она вспомнила процедуру, о которой говорил ее ночной гость, альтернативу заготовленному пистолету. Тогда она была совершенно уверена, что пистолет решит ее

проблему. Теперь же она раздумывала, сработает ли второй способ в этом странном, залитом красным, замедлившем скорость мире — очевидно, ее проводник не предполагал, что она окажется здесь — но больше ей ничего не оставалось.

По крайней мере, любовь к себе ей не мешала.

С прерывающими голос всхлипами, она начать произносить слова, которым он ее научил. Воздух перед ней закипел, уносясь прочь, словно эти слова оскверняли царящую здесь пустоту. Снова ей пришло на ум, что она делает все не так, как задумывал ее друг.

Не прекращая произносить заклинание, она сдернула очки и со всей силы ударила ими по скале. Одна линза разбилась, и она поймала один из медленно разлетающихся осколков затемненного стекла, заставив его остановиться, а затем, нерешительно разрезая вязкий воздух, потащила его вверх, к лицу.

Ей потребовалась вся смелость и решимость, чтобы сделать это, но литания, вырывающаяся из ее уст, не прервалась ни на мгновение, когда она вонзила осколок стекла в свой собственный глаз.

* * *

Кроуфорд повернулся к стрелявшему в него человеку — и сердце упало у него в груди, так как он узнал Джозефину, и спросил себя, не придется ли ему однажды убить ее. Затем он увидел темную полосу, спускающуюся по ее лицу, и понял, что она истекает кровью.

«Боже, — обессилено подумал он. — Надеюсь, пистолет взорвался у нее в руке, и теперь она умирает».

Она, казалось, вытаскивала, что-то из своего глаза. Что бы это ни было, она вдавила его в камень, и он услышал ее всхлип: « *Приди, будь ты проклят — прозри, как некогда он был зрячим* ».

На камне начали образовываться большие наплывы. Они вспучивались вверх, словно его вершина была мокрым пологом, рассматриваемым вверх ногами. Внутри выпуклостей начали проступать углы, а затем Кроуфорд различил шары с углублениями похожими на глазные впадины.

Байрон попытался идти сквозь загустевший воздух, затем изрыгнул проклятье и просто поплыл. Двигаться так было неудобно, и вначале он беспомощно трепыхался на месте, но, немного приноровившись, все же доплыл по-лягушачьи до того места, где стоял Кроуфорд.

— Кто это? — спросил Байрон, взбивая воздух сбоку от Кроуфорда. — И что, черт возьми, за дьявольские штуки вырастают вокруг нее?

Выпуклости лопались, высвобождая извивающиеся отростки рук и гримасничающие головы, которые мерзко блестели в пламенеющем свете... но они все срастались вместе, образуя отвратительное многоножчатое чудовище вместо отдельных фигур, и добрая их половина, похоже, была частично замурована в камне.

— Какая разница? — ответил Кроуфорд, отталкиваясь от земли, и расставил руки, собираясь поплыть тоже. — Давай выбираться отсюда. Он начал пробиваться через воздух, направляясь к месту, где они взобрались наверх.

Отвоевав несколько ярдов, он оглянулся на Байрона. — Этот эффект замедления

времени скорее всего кончается на краю — не вздумай заплывать дальше.

— *Его*, — завопила Джозефина позади Байрона. — Вы должны схватить *его*!

Кроуфорд обернулся назад. Джозефина пыталась броситься вслед за ним, но далеко не убежала и теперь молотила руками в нескольких дюймах над землей. В этот миг сплавленные вместе существа схватили ее и начали неуклюже тащить вниз, словно хотели вдавить ее в камень и превратить в одного из них. Быть может, они были немощными призраками людей, что погибли на этой вершине?

«А может им просто по душе ее общество», — безжалостно подумал он, поворачиваясь назад.

Затем, к его ужасу, существа заговорили, — и он, против своей воли, обернулся снова. — *Думала, что можешь бросить свою мать, ты, шлюха?* — прокаркала одна из оскальпированных голов, и ее голос сбивающим с толку образом не совпадал с движениями рта, в то время как несколько птичьих рук ощупывали лицо Джозефины. — *После того как убила меня! Какая мать не возненавидит дочь, что убила ее, пока она пыталась подарить ей жизнь?*

— *Мне пришлось выйти замуж за это ужасное жалкое ничтожество,* — завизжала другая голова, — *так как это был единственный способ сбежать от тебя! А затем он убил меня в брачную ночь! Все из-за тебя — это ты убила меня!*

Несколько суставчатых конечностей влажно обвилились вокруг ее лодыжек, и ближайшая голова добавила свой лающий голос к общему бормотанию: — *Я была заперта в твоей голове, пока ты претворялась то Джулией, то механизмом, и гнила там заживо! Ты уничтожила меня, собственную личность, и я ненавижу тебя за это!*

Джозефина рухнула на колени, сломленная этими нескладными нападками. Она запрокинула лицо к зарешеченному красному небу и безнадежно завывала ... и на краткий миг она напомнила Кроуфорду о ком-то, о ком-то кого он любил — нет, не о Джулии — о его брате, которого поглотили яростные волны поблизости от Рэйм Хэд [\[179\]](#).

Сложившись перочинным ножом, он судорожно рванулся назад, чувствуя, как от напряжения рвется рубаха. Неподатливый воздух с шумом выбил дыхание из груди. Переведя дух, он замолотил руками в обратном направлении.

In the wind there is a voice
Shall forbid thee to rejoice;
And to thee shall Night deny
All the quiet of her sky;
And the day shall have a sun,
Which shall make thee wish it done.
— Lord Byron, Manfred

Голос по ветру летел
Скорбь отныне твой удел;
Ночь лишит тебя прохлады,
И спокойствия отрады;
Но едва из темноты
Встанет солнце над землей,
Будешь ночи жаждать ты.
— Лорд Байрон, Манфред

В лицо ему ударили оглушающие порывы ветра. Они отбрасывали его назад, отвертывая губы, в обнажающем зубы зверином оскале — и он возблагодарил бога, что очки все еще были на нем — но между порывами воздух был тих, словно стоячая вода, и сквозь собственное натужное дыхание он услышал, что пара голов принялась теперь за него. — Пьянствовал в баре, пока я трахалась с другим мужиком. Не прервался, даже когда я сгорала живьем! — окликнула его одна из голов.

Затем заговорила другая, но в этот миг снова налетел ветер, толкая его назад, и он так и не узнал, кто это был. Может быть его брат? Или снова Джулия, но в этот раз сшитая на заказ под завладевшее им отчаяние?

Когда дующий в лицо ветер внезапно утих, он вытянул вперед руку и сумел схватить запястье Джозефины. Затем он широко расставил ноги, словно якорь цепляясь за густой воздух, и изо всех сил потащил, пока не почувствовал, что легкие горят, словно в них впиваются мотки колючей проволоки, но ничего не произошло. Несколько призрачных конечностей срослись вместе в своего рода эктоплазменный трос. За тем из стебля проросла голова, яростно кривляясь и подмигивая — *Ты все еще должен мне мою смерть*, — прошипела она. — *Я достал тебе паспорт, и ты обещал!*

Кроуфорд дернул снова, и, хотя усилие всхлипом вырвалось из его груди, он услышал треск разрываемых конечностей. — Бей их, — выдохнул он Джозефине.

Джозефина взглянула на него, и в ее уцелевшем глазу мелькнуло на миг понимание; а затем она начала иступленно пинать бормочущие головы, посылая челюстные кости и пальцы медленно разлетаться через багряный свет. Она никак не могла остановиться, и пинала их, даже когда освободилась, так что Кроуфорду пришлось несколько раз дернуть ее за руку, чтобы привлечь ее внимание.

— Прекрати, черт тебя подери, — крикнул он, — Поплыли отсюда!

Но ее очки разбились, и она ничего не видела вокруг, за исключением кратких мгновений, когда воцарялась тишина, так что ему пришлось тащить ее за собой. Несколько раз они опускались вниз, и Кроуфорду приходилось отталкиваться от земли, а затем он снова тащил их туда, где остался стоять Байрон. Из ее пустой глазницы сочилась кровь, оставляя в кильватере ^[180]шлейф крошечных кровавых сфер, которые устремлялись к земле, словно оседающие в масле капли уксуса.

Воздух начал редеть, а небо светлело, снова становясь из оранжевого привычно голубым. Перед ними снова начала вырастать полупрозрачная фигура Джулии, и Кроуфорду пришло в голову, что так и должно было быть. Очевидно, и Фантом и сфинкс существовали лишь при определенной скорости течения времени, при которой они становились видимыми. Они проявлялись или исчезали, когда наблюдатель приближался или удалялся от определенной точки временного спектра.

Это как смотреть в телескоп, подумал он — расположенные вблизи предметы расплываются неясными очертаниями, становясь невидимыми, когда ты отводишь фокус все дальше, а затем возникают вновь, по мере того как масштаб возвращается к привычному. И *этот* призрак живет лишь чуть-чуть в стороне от привычного хода вещей... в отличие от сфинкса, который был едва различим, несмотря на то, что время замедлилось настолько, что свет стал темно-красным, и мне едва хватало сил вдохнуть воздух в легкие.

Глаза призрака пылали ненавистью. Он стоял между ними и спуском с вершины — им пришлось бы пройти сквозь него, чтобы спуститься.

Сдерживаемое из последних сил отвращение к самому себе выросло стократ, но теперь он знал, что это было не его отвращение, и пытался его побороть.

— Снова призрак Августы, — сказал Байрон, прекращая грести и опускаясь на каменную поверхность.

— Нет, это не она, — устало выдохнул Кроуфорд. Его легкие были совершенно измучены и готовы застыть навечно. — Я вижу в нем... мою мертвую жену, и одному богу известно, кого видит наша... безумная спутница. *Все* эти призраки не настоящие. Тот, что прикидывался моей женой, сказал, что это я любил ее, а настоящий призрак моей жены, — с этими словами он повернулся и посмотрел в изборожденное кровавыми подтеками лицо Джозефины, — знает, что *это не правда*.

Байрон взглянул на него, с отчаянной надеждой. — Правда? Тогда может быть Августа все еще жива? Если это не...

Кроуфорд кивнул и против желания вдохнул. — Этот призрак, и те червеобразные существа, что почти добрались до этой проклятой девчонки, просто отражают нас, наше... чувство вины и страхи. И при этом невыносимо их выпячивают. Замок сфинкса... — он остановился, подыскивая слова... — охраняют кривые зеркала. Байрон, казалось, почти ему поверил — а затем призрачная женщина заговорила снова.

— Я рада, что умерла и теперь, наконец, свободна от тебя, — сказала существо, что казалось Кроуфорду Джулией. Ты меня растоптал, искромсал меня словно шелковый гобелен, из которого ты вознамерился сшить себе приятное облачение, а затем передумал и выбросил на помойку. Ты никогда *не понимал* меня. Ты никогда никого не понимал. И поэтому всегда будешь один. Затем ее лицо переменилось, и Кроуфорд увидел собственные черты, холодно улыбающиеся с призрачного лица. — Это единственное, что тебя заботит.

Затем внезапно это снова была Джулия, но Джулия, какой он видел ее в последний раз — окровавленной и бесформенной грудой, с торчащими наружу зазубренными костями

— все еще каким-то образом стоящая прямо и взирающая на него пустыми вывалившимися глазами.

— Ну что, тебе достаточно? — прокаркал бездонно зияющий рот. — Или тебе еще что-то нужно от людей, которых ты якобы любишь? Позади фигуры Кроуфорд видел волны, разбивающиеся о скалы и языки пламени, с ревом вырывающиеся из-под крыши.

Байрон, по-видимому, тоже увидел что-то такое, так как его лицо внезапно стало мертвенно бледным. — Если возможно даже *такое*, — прошептал он, по-видимому обращаясь Кроуфорду, — Бога и впрямь может не быть — и тогда мы сами вольны выбирать свое наказание. Он побрел через редющий воздух, в сторону от призрака и безопасного пути вниз, к скалистому уступу, нависающему над отвесным обрывом.

Он обернулся и с непонятым выражением посмотрел на Кроуфорда. — Не так уж это и сложно, умереть, — сказал он и нырнул в пустоту.

Следующим, что осознал Кроуфорд, было то, что он плывет вслед за Байроном, и он затуманено понимал, что поддается психически ломающему его полю горы, но также спасается бегством от невыносимой усталости, ужаса и боли, тяжким грузом навалившихся на его плечи. Он достиг не таких уж и широких границ себялюбия и теперь беспрекословно принимал на веру все, что сказал призрак.

Если я единственный, кого я люблю, отстраненно подумал он, тогда я потребую этого и от себя — и, когда мое тело превратится в разбитый, выбеленный солнцем скелет, застрявший на дне какого-нибудь Альпийского ущелья, я наконец-то освобожусь ото всех, освобожусь от Майкла Кроуфорда... и может быть, хотя бы так смогу оплатить неоплаченную груду долгов перед братом и женами.

Издав бессловесный вскрик, он очертя голову прыгнул вниз, вслед за Байроном.

Самоубийственный порыв исчез в тот же миг, как он оказался в воздухе.

Сквозь зажмуренные от страха глаза он увидел долину Лючина ^[181]раскинувшуюся под ним в оранжевом свете, неровный пик Клайне-Шайдег справа и Шильтхорн ^[182]далеко впереди по ту сторону долины, и спину Байрона, милосердно заслоняющую облака, клубящиеся внизу. Он, без сомнения, падал... но затем кто-то сграбастал его сзади и потащил назад, через все еще густой воздух.

Безотчетно он потянулся вниз и ухватил Байрона за воротник, а второй рукой начал молотить по воздуху. Затем Байрон поплыл самостоятельно, и теперь уже скорее он тащил за собой Кроуфорда.

Взглянув наверх, он увидел фигуру в платье, очерченную на фоне неба, и понял, что это Джозефина схватила его и тащит обратно. Она решительно и энергично плыла вверх, толкаясь ногами и свободной рукой, но воздух быстро редел и все их усилия лишь помогали им оставаться на месте, в то время как свет уже становился желтым.

— Нам не дотянуть наверх, — выдохнул Кроуфорд плывущим сверху товарищам по несчастью. — Двигайтесь к склону — хотя бы будем возле скалы, когда сила тяжести вернется.

Байрон и Джозефина согласно кивнули. Они расцепились и остервенело заработали руками, направляясь к покрытому снегом каменному уступу слева и немного ниже от них.

— Цельтесь выше! — крикнул Байрон.

Они были все еще в добрых четырех ярдах от края уступа, когда небо стало вновь голубым, и они внезапно полетели сквозь не оказывающий сопротивления воздух... но при этом они все еще продолжали по инерции двигаться вперед, и, вместо того, чтобы полететь

прямо вниз, с искрами из глаз обрушились по параболе на вожделенный уступ.

Голова Кроуфорда с тошнотворным треском врезалась в каменную стену. Но сквозь застилающее глаза полуобморочное состояние он увидел, как Джозефина скользит к краю уступа, и в последнюю секунду успел ухватить ее мокрые волосы. Он, конечно, не смог бы ее удержать, но задержал на миг ее скольжение, и этого оказалось достаточно, чтобы она подобрала ноги и сумела отползти от края обрыва.

Байрон сидел слева от Кроуфорда, массируя колено и морщась от боли. — Как видите, я уже был готов предстать пред творцом, — сказал он. — Приземлился прямо на колени. Но, несмотря на шутливый тон, его лицо было бледным как грязный снег, и он избегал их взглядов.

Кроуфорд с опаской заглянул через край и вздрогнул, увидев окутанную облаками бездонную пропасть, в которую они чуть не упали, а затем посмотрел на Джозефину.

В вернувшем былую яркость свете она выглядела ужасно — на месте левого глаза зияла окровавленная дыра, из которой по лицу тянулись засохшие полосы крови. Волосы слиплись комками, а рука, была словно прострелена насквозь. Не понятно было, сможет ли она вообще выжить.

— Спасибо, — хрипло выдохнул он. — Ты спасла... его и меня, обоих.

Она взирала на него широко раскрытым уцелевшим глазом. В этот миг она напоминала дикое животное, угодившее в капкан, тяжело раненое, но все еще опасное — он подался назад и крепче вцепился в скалу, прикидывая, успеет ли столкнуть ее в пропасть, если она бросится на него — но затем, казалось что-то щелкнуло в ее голове, и она обнажила запятнанные кровью зубы, что в этих далеко не заурядных обстоятельствах вполне могло сойти за теплую улыбку.

— Майкл! — сказала она. — Ты просто негодяй. Я тебя ищу по всей Европе. И где же, скажите на милость, я тебя нахожу, на самой что ни на есть вершине Альп! Глаз крутанулся к Байрону. — *Здравствуйте*, я жена мистера Кроуфорда, Джулия.

Байрон устало кивнул. — Приятно познакомиться, — произнес он едва слышным шепотом. — Кто это, мистер Кроуфорд?

— Это я, мое настоящее имя, — сказал Кроуфорд. Он подобрал под себя ноги, хотя от этого похолодело внутри, и, припадая к земле и цепляясь за стену, огляделся по сторонам. Нам нужно скорее спускаться — ее глазу срочно нужна медицинская помощь... да и мы тоже не в лучшей форме.

С правой стороны уступа скала была не особо крутой и имела достаточно выступов и трещин, чтобы обеспечить опору рукам и ногам, но он не знал, куда их может привести это восхождение. Да к тому же, вряд ли хоть у кого-нибудь из них достанет сейчас для этого сил. Слева уступ сужался и больше наклонялся к обрыву, хотя было похоже, что он тянулся вокруг горы на некоторое расстояние. Ни один из путей не внушал оптимизма.

— Думаю, стоит крикнуть, — сказал он. Может быть, Хобхаус сумеет спустить нам веревку.

Кроуфорд и Байрон, сменяя друг друга, начали взывать о помощи, и через каких-нибудь несколько минут помощь пришла. Вскоре по склону, извиваясь словно змея, рывками спустилась веревка, и, хотя она повисла в нескольких ярдах вправо от того места, где они находились, подъем до нее обещал быть слишком сложным. «А уж когда мы до нее доберемся, — подумал Кроуфорд, — проблем и вовсе не будет — никакой силе не удастся *оторвать* от нее мои пальцы».

Он обернулся к смотрящему через плечо Байрону. — Думаю, девушка пойдет первой. Мы можем обвязать веревку вокруг нее. Не знаю, как ей удалось продержаться в сознании так долго, и, безусловно... Он запнулся, так как взглянул мимо Байрона и увидел, что Джозефина исчезла. — Боже мой, она что упала?

Байрон дернул головой влево. — Нет, — сказал он, спустя мгновение. — Смотри, здесь кровь и следы, с этой стороны. Она ушла этим путем.

— *Джозефина*, — крикнул Кроуфорд. Затем, бросив испуганный взгляд на вершину, — *Джулия!* Ответа не было.

Байрон присоединился, и они еще несколько раз позвали ее, так, впрочем, ничего и не добившись, только заставив нервничать Хобхауса, который окликал их сверху, призывая дышать глубоко и избегать смотреть вниз.

В конце концов, они бросили безнадежные попытки докричаться и позволили втянуть себя наверх, где дожидались остальные. Хобхаус изводился от беспокойства, и, нахмурившись, потребовал, чтобы ему немедленно объяснили, какого черта там произошло. В качестве первого объяснения Байрон скатал и запустил в него снежком.

Байрон рассказал им только, что они вместе с женою Айкмэна свалились с вершины, и что теперь она раненая была где-то на уступе внизу, но проводник не поверил даже этому. Он настаивал, что высоко в горах с туристами такое случается что ни день. Да что там с туристами, иногда и с бывальными альпинистами приключается. Вдруг, ни с того ни с сего, они начинают видеть воображаемых людей, часто людей из их прошлого. И тогда эти бедняги садятся и просто ждут до скончания времен, пока их нагонят эти воображаемые остальные.

В защиту своих слов он указал на то, в каком очевидном смятении находились Байрон и Кроуфорд, и обратил внимание на сильный удар, который пришелся Кроуфорду по голове. И уже в качестве самого убедительного доказательства заметил, что прошло лишь несколько минут, после того как Байрон и Кроуфорд исчезли на вершине. А потом они слышали снизу крики о помощи. Этой одноглазой жене пришлось бы появиться в тот самый миг, когда Байрон и Кроуфорд исчезли из поля зрения остальных — чтобы успеть скатиться вместе с ними на уступ, с которого их подняли — а затем бесследно исчезнуть.

А после того, как группа туристов спустилась с горы, так и не встретив по пути никаких следов Джозефины или того, что она здесь проходила, даже Кроуфорд был готов признать, что проводник может быть прав. «В конце концов, — сказал он себе, оглядываясь на оставшийся позади горный пик, — у тебя недавно *был* жар. На вершине Венгерн побывало уже много людей, и ни один из них не встретил там ни плотного воздуха и замедления времени, ни толкающих на самоубийство призраков, ни сфинкса».

Байрон отрекся от всего, что сказал и попросил Хобхауса и слуг позабыть об этом. Когда чуть позже его конь и мул Кроуфорда глубоко увязли в холодной вязкой болотной жиже, которую все остальные миновали без труда, он только рассмеялся. — *Только не пытайся*, — окликнул он Кроуфорда, когда они брели через чавкающую грязь, а слуги тянули в поводу их животных, — уверить меня, что это горы не хотят отпускать нас обратно.

Кроуфорд, с трудом выдергивающий ноги из холодной трясины, зябко повел плечами. — Когда я буду в чем-либо уверен, — ответил он, — я дам тебе знать.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Джозефина достигла тропы и направилась по ней вниз, к деревне Венгерн.

Сейчас она едва ли была кем-то.

Когда она снова добралась до того места, где дорога расширялась и обступившие ее со всех сторон деревья источали в темноте свои пьянящие ароматы, она услышала едва различимое пение, пробивающееся сквозь мерный шелест ветвей, и поняла, что ночные создания пробуждаются вместе с угасанием дня.

Какая-то ее часть знала, что ночной гость больше не властен над ней и ему снова понадобится ее приглашение, чтобы прийти к ней.

Она спрашивала себя, придет ли он снова, и если придет, сможет ли она устоять.

Она повязала пустую глазницу тканью, а рука теперь лишь немного сочилась кровью — раны, конечно, могли загноиться, но вряд ли были способны убить ее этой ночью.

В этот миг, свободная от ненависти, страхов и ограничений из которых состояли ее личности, она с незнакомым ей наслаждением вдыхала воздух, напоенный сосновым ароматом и снежной влагой, и ее окровавленные щеки судорожно сжались в некое изношенное подобие блаженной улыбки, проступающей на устах мирно спящего ребенка.

На следующий день отряд Байрона продолжил двигаться на восток, пересек гору Клайне-Шайдег и направился дальше через покрытую зеленью долину между Шварцхорн и Веттерхорн [\[183\]](#) к Рейхенбахскому водопаду [\[184\]](#), где они сделали привал, чтобы дать отдохнуть лошадям и мулам, а затем, сделав петлю, повернули обратно к западу к городу Бриенц [\[185\]](#), расположившемуся на северном побережье одноименного озера.

Они остановились в гостинице, и, хотя внизу играли на скрипке, пели и танцевали вальсы, Байрон и Кроуфорд рано удалились в свои комнаты. Владевшее ими в последнее время возбуждение начало отступать, и организм брал свое. Этой ночью Кроуфорд спал без снов.

В этот раз все спали дольше обычного, но уже в девять следующего утра Хобхаус, Байрон, Кроуфорд и пара слуг восседали на борту лодки, плывущей через озеро Бриенц, в то время как лошадей доставляли в обход вдоль северного побережья. В лодке, которую нанял Байрон, гребцами были исключительно женщины, что настолько поразило Байрона, что он

настоял, чтобы ему тоже выделили весло возле самой миловидной девушки, сидящей спереди.

Кроуфорд расположился на носу длинного узкого суденышка, наблюдая отражения позолоченной осенней листвы, проплывающие по обеим сторонам лодки. Время от времени он поднимал взгляд, но всегда смотрел вправо, где проплывали крытые шифером крыши селения Обберид [\[186\]](#), теснящегося у северного побережья, а за ними, далеко позади, протянулись через голубое небо заснеженные пики Хогант и Гемен-Альп [\[187\]](#). Он избегал смотреть влево, так как над пейзажем в той стороне господствовала возносящаяся к облакам широкоплечая громада Юнгфрау, и солнечный свет, отражающийся от ее заснеженной вершины, вселял в сердце неясную тревогу, словно гора следила за ним нестерпимо ярко блистающими глазами.

Лето ушло, прихватив с собой череду событий и мест — но с тех пор как они взобрались на Венгерн, ему казалось, что все это приключилось кем-то другим, с кем-то, кого он знал и жалел ужасно давно. Он помнил рассказ Шелли о том, как он вырезал заключенную в нем сестру, и чувствовал, словно только что сделал нечто подобное.

«Может быть, — с улыбкой подумал он, — Джозефина вытянула лишь часть меня из той пропасти, в которую я прыгнул — может быть, какая-нибудь часть Майкла Кроуфорда полетела вниз, в скрытое за облаками ущелье».

Озерное течение прибило лодку к северному берегу, почти под тень нависающих над ним сосновых ветвей, и, когда маленький кораблик обогнул невысокий лесистый мыс, Кроуфорд увидел нескольких мужчин, бегущих по берегу прочь от большого валуна, расположившегося на мелководе. Позади валуна, похоже, курился какой-то дымок. Один из мужчин глянул на лодку, а затем нерешительно остановился. — *Frauen!* — прокричал он своим товарищам, — *im boot!*

— Он сказал в лодке женщины, — перевел Хобхаус, который сидел, развалившись на скамье возле кормы.

Байрон поднял весло из воды и, прищурившись, посмотрел на бегущих. — Конечно здесь женщины, — сказал он. — Он что, думал, мы будем грести сами?

Кроуфорд указал на весло Байрона. — Ну, ты ведь гребешь. Он снова посмотрел вперед. Лодка неслась прямо к валуну, позади которого определенно что-то дымилось.

Мужчины на берегу махали руками и что-то настойчиво кричали людям в лодке.

Кроуфорд не понял, что они кричат, но Байрон и женщины похоже поняли — они начали яростно налегать на весла, стараясь отвести лодку как можно дальше от берега. Им удалось резко взять в сторону, когда валун вдруг превратился в облако летящих каменных осколков, и огласивший окрестности взрыв налетел на них и окутал лодку облаком мелких колючих брызг. Осколки камня шрапнелью врезались в борта лодки, вырывая из них щепки. Когда Кроуфорд оттер рукавом брызги с лица, он увидел дым, курящийся над покрытой зыбью и пеной отмелью, где раньше стоял валун. Он взглянул налево и увидел круги, разбегающиеся по озеру, там, где осколки камня все еще прыгали по поверхности воды. С расстояния на них невозмутимо взирала Юнгфрау.

Байрон и Хобхаус вскочили и выкрикивали яростные проклятия, пока бегущие по берегу мужчины не скрылись в лесу.

— Дьявол их разбери! — сказал Байрон, садясь обратно и вытаскивая носовой платок из кармана. — Никто не пострадал? Чистое везение — эти идиоты запросто могли нас утробить.

Женщины возбужденно переговаривались между собой, но они, казалось, уже оправились от испуга, и вскоре весла закрипели снова.

— А я думаю, это было невезение, из-за того, что они увидели тебя на веслах, — сказал Кроуфорд. — Из этого они заключили, что мы плывем одни, без сопровождения невиновных местных.

Хобхаус застонал. — Тебе все же следовало бы писать романы, Айкмэн! Почему всем врачам Байрона просто так необходимо испытывать пристрастие к таким... *нездоровым выдумкам*? Да это же просто беспечная деревенщина, пытающаяся таким образом расчистить отмель и не желающая при этом палец о палец ударить! Если они действительно хотели нас *убить*, почему бы им просто нас не *застрелить*? Или, если уж им непременно хотелось нас взорвать, почему бы просто не бросить в нас бомбу? К чему все эти сложности с огромным чертовым валуном, который нужно сначала стащить к воде, а затем еще взорвать именно в тот момент, когда мы будем поблизости?

— Может быть потому, что это *былкамень*, — сказал Кроуфорд. — То есть, я хочу сказать, именно потому, что это *былкамень*. У существ, которые охраняют своих подопечных, которые могут... э-э, скажем, отбросить тень, чтобы помешать им выпить отравленное брэнди, — с этими словами он взглянул на Байрона, — может не доставать сил, чтобы остановить или отвести в сторону осколки одного из разумных камней, одного из до сих пор *живущих*. Может быть, они не могут мешать другим членам *семьи*. Ну что, это здоровая выдумка?

— О, да, просто превосходная, — спокойно поерзав, сказал Хобхаус. — Снимаю перед вами шляпу, старина. Мне кажется, будет нелишним немного вздремнуть — что ни говори, вчерашний вечер выдался напряженным...

— Помолчи минуту, Хобби, — подался вперед Байрон. — Продолжайте Айкмэн. Предположим это единственный способ, с помощью которого они могут убить кого-то с такими защитниками. Но *зачем* все это? Если бы кто-то хотел помешать нам подняться в горы, это одно дело; но зачем пытаться убить нас *теперь*, когда мы вернулись? Мы больше не представляем для них угрозы. Теперь, когда мы никак не связаны с этими существами.

Против его желания взгляд Кроуфорда вернулся к Юнгфрау. — Может быть, это не совсем так, — тихо ответил он.

Байрон тряхнул головой и снова поднял весло. — Вздор, я не верю в это — и не собираюсь верить, так и знай. Не хотел бы я вещать как приходской *священник* [\[188\]](#), но думаю, я все же понимаю в этих материях побольше, чем ты....

Кроуфорд был напуган, и это сделало его несдержанным. — Скорее уж как бывший катетер [\[189\]](#).

Байрон выдавил из себя скупой смешок, но глаза его заблестели от ярости. — Хобхаус прав, — сказал он. — Мне совершенно не везет с докторами. Он вернулся на свое место возле хорошенькой девушки и начал оживленно беседовать с ней по-немецки.

Хобхаус бросил на Кроуфорда веселый и одновременно сочувствующий взгляд. — Думаю, ты только что потерял работу, — сказал он.

Кроуфорд сел и перегнулся через планшир, волоча пальцы четырехпалой руки по холодной воде. — Надеюсь, я потерял нечто большее, — ответил он.

Солнечный свет начал пробиваться внутрь через западное окно, и Мэри Годвин отложила перо, потянулась в кресле и выглянула в окно на фасады домов, сады и котлов разгуливающих по изгородям вдоль Абби Черчъярд Лэйн [\[190\]](#).

Их, не вписывающаяся в традиционные рамки условностей семья — она сама, Шелли, их почти одиннадцатимесячный сын Вильям и все более заметно беременная Клэр — вернулась обратно в Англию немногим более трех месяцев назад; и часто, особенно в подобные часы, когда она сидела и переписывала свой роман, она поднимала взгляд и с испугом встречала на горизонте вырастающие позади Бристольского залива приземистые Уэльские горы, вместо заснеженных величественных пиков Альп.

Шелли заметно беспокоился во время переправы из Гавра [\[191\]](#) в Лондон, хотя это было ничем не примечательное путешествие — единственное неудобство возникло, когда Лондонский таможенник взялся просматривать каждую страницу рукописи Байрона с третьей песнью *паломничества Чайльда Гарольда*, очевидно полагая, что Шелли пытается контрабандой ввезти в страну кружева, спрятанные между листами бумаги. Шелли взялся доставить рукопись Лондонскому издателю Байрона и не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Мэри помахала страницей своей рукописи в воздухе, чтобы высушить чернила. Похоже, она единственная, кого захватила задача, предложенная Байроном в тот дождливый вечер, почти шесть месяцев назад, когда она, Клэр, Полидори, Шелли и Байрон сидели в большой комнате наверху на вилле Диодати на берегу озера Леман, в тот самый вечер, когда с Шелли случился тот нервный припадок и он выбежал из комнаты.

— Я думаю, каждый из нас должен написать по страшной истории, — сказал Байрон, когда Шелли вернулся и неловкий момент миновал. — Посмотрим, что получится вылепить из этой «глиняной особы», которая повсюду преследует нашего бедного Шелли.

Вскоре после этого ей приснился кошмар — над ее кроватью кто-то стоял, и сначала она подумала, что это был Шелли, так как этот кто-то был весьма на него похож; но это был кто-то другой, и, когда она в ужасе вскочила с кровати, существо исчезло.

Это видение легло в основу романа. Главным героем стал студент факультета естественных наук, который собрал человека из безжизненных частей, а затем с помощью научных средств сумел наделить его противоестественной жизнью.

Шелли увлекся этим рассказом и уговорил ее превратить его в роман. С его подачи, она включила в роман многие случаи из его жизни. Так история превратилась почти в биографию Шелли и летописала его страхи перед неким его двойником, ужасным близнецом, который повсюду его преследовал и намеревался убить всех, кого он любил.

Шелли даже подсказал ей имя главного героя, немецкое слово, означающее что-то вроде «камень, чья дорожная пошлина оплачена заранее». Она хотела дать ему какое-нибудь более близкое английскому уху имя, но для Шелли это казалось важным, так что она покорно назвала главного героя Франкенштейн [\[192\]](#).

Действие романа разворачивалось в Швейцарии, в тех местах, где они жили вместе с Перси, а убитого монстром маленького брата главного героя, звали Вильям, как и сына Мэри и Шелли. Сферами науки, привлеченными для оживления монстра, были те, в которых

неплохо разбирался Шелли. Даже книгами, которые читал монстр, были те, которые он сам читал в то время.

Под впечатлением от рассказа Шелли о том, как он ранил чудовище, вторгшееся в его дом в Шотландии в 1831, она написала эпизод, где монстр злобно смотрит сквозь окно гостиницы на своего создателя, который позднее безуспешно пытается его застрелить. Хотя тут Шелли внезапно проявил нерешительность и заставил ее опустить некоторые детали. Она не должна описывать существо, в которое стрелял Шелли — Мэри помнила набросок, который он сделал по памяти той ночью в Швейцарии, рисунок, что так напугал Клэр и Полидори — также ей почему-то не следовало упоминать о том, что Шелли потянул в боку мышцу во время той схватки, от чего под ребрами у него остался шрам.

Она надеялась, что роман опубликуют. Как бы то ни было, книга, казалось, уже исполнила свое главное предназначение, помогла вытащить на свет и развеять нелепые страхи Шелли. Он теперь был гораздо спокойнее, чем когда они вернулись в Англию, а ее роман был закончен. Временами казалось, что ей каким-то образом один за другим удалось извлечь страхи из головы Шелли и запретить их в романе.

И Шелли, очевидно, было без них много лучше. — Может быть она *осталась*там, с Айкмэном, — пробормотал он недавно, перед тем как заснуть, и у Мэри сложилось стойкое ощущение, что это «она» относилось существу, которого он боялся.

Мэри надеялась, что худшее уже позади, и что вскоре они купят дом, в котором вырастут их дети.

Она услышала, как в соседней комнате Шелли отложил книгу и зевнул. — Мэри, — позвал он, — где то письмо от Хукема?

Мэри положила лист бумаги и поднялась. Вопрос заставил ее слегка нахмуриться, так как хотя Хукем был издателем Шелли, письмо от него было, скорее всего, ответом на сделанный Шелли месяц назад запрос, в котором он спрашивался о своей жене Харриет. Мэри была непреклонна в том, чтобы Шелли расторг брак с Харриет и женился на *ней*, и надеялась, что женщина не довела себя и двоих детей до такого состояния, когда Шелли придется прийти им на помощь.

— Оно на каминной полке, Перси, — осторожно сказала она. Вскоре она услышала треск вскрываемого конверта и подумала, не следует ли ей войти в гостиную и выжидательно постоять рядом, пока он читает, но затем решила, что, пожалуй, не следует выказывать беспокойство.

Она надеялась, что новости, какими бы они не были, не затащат Шелли обратно в Лондон — этот город всегда оказывал на него дурное влияние. Только вчера он вернулся из поездки в загородный дом некоего Ли Ханта, умеренно революционного поэта и редактора, и этот визит воскресил почти забытые страхи Шелли перед его сверхъестественными врагами — так как он встретил там молодого поэта, который, по его словам, был «несомненно, отмечен вниманием тех же самых допотопных демонов» от которых, по всей видимости, пытался убежать Шелли.

— Это читается в его взгляде, — сказал ей Шелли, — и еще отчетливей скользит в его стихах. И это ужасно скверно, так как он самый скромный и приветливый человек из всех, с кем мне доводилось встречаться, и лишь полтора месяца назад отпраздновал свой двадцать первый день рождения. В нем нет ни притворства, ни развращенности, что обычно свойственны неффам. Я посоветовал ему не торопиться с публикацией его стихов; думаю, этот совет его обидел, но каждый год, что он сможет избегать внимания... определенных

кругов общества... будет для него благословением.

Мэри попыталась вспомнить, как звали того молодого поэта. Она вспомнила, что Хант дал ему прозвище, к огромному недовольству Шелли, «Джанкитс» [\[193\]](#).

Джон Китс, вот как его звали.

Она слышала, как Шелли сдавленно вскрикнул в соседней комнате, и, вбежав, увидела его растянувшимся на кушетке, с письмом, зажатым в руке.

— Что случилось Перси, — поспешно спросила она.

— Харриет мертва, — прошептал он.

— Мертва? Ненавидя его в этот миг, Мэри предприняла решительную попытку разделить его боль. — Она была больна? А что с детьми?

— Она не была *больна*, — сказал Шелли, и губы его разошлись, обнажая зубы. Он поднялся, подошел к каминной полке и поднял закопченный осколок стекла, который лежал здесь с тех пор, как они ходили смотреть на случившееся недавно солнечное затмение. — Она была *убита* — как и обещала мне ее убийца... почти четыре года назад, в Шотландии. Будь все проклято, я ничего не смог сделать — совсем ничего — чтобы ее защитить.

— Ее убийца *женщина*? — спросила Мэри. Она раздумывала как бы потактичнее забрать у него осколок стекла, но это последнее утверждение ее потрясло.

— Или мужчина, если тебе угодно, — раздраженно ответил Шелли. — Я, — он не сумел закончить, и на мгновение Мэри показалась, что скорее бешеная ярость, а не скорбь, сдавила его горло. — *И она была беременна, когда обнаружили ее тело!*

Мэри не доставило особого удовольствия услышать это, так как Шелли расстался с Харриет больше года назад. — Ну, — отважилась она, — ты *всегда* говорил, что она была слабохарактерной...

Шелли в изумлении посмотрел на нее. — Что? О-о, ты, наверное, хочешь сказать, что она мне изменила. Ты так ничего и не поняла, верно? Мэри, *она вне всяких сомнений думала, что это был я. Ты* должна понять, ведь ты тогда тоже думала, что это я стоял над кроватью... Он покачал головой и сдвинул зажатый в кулаке осколок стекла.

Внезапно Мэри стало страшно, что она понимает. Она вспомнила его непонятные страхи, и они вдруг перестали казаться таким уж нелепыми. — Перси, ты хочешь сказать, что — это существо, которого ты боишься...

Шелли ее не слушал. — Ее тело было найдено плавающим в Серпантин Лэйк [\[194\]](#) в Гайд-Парке. *Серпантин!* Ей обязательно нужна была... *эта* чертова... *насмешка*? Неужели она — он, оно — в самом деле думает, что я не пойму, кто это сделал, без этого... *намека*.

Из его кулака заструилась кровь, но Мэри и думать забыла о том, чтобы забрать у него осколок стекла. — Возможно, — неуверенно выдавила она, оседая в кресло, — будет лучше, если ты расскажешь мне больше об этом твоём... доппельгангере [\[195\]](#).

* * *

Этим же днем Шелли снова уехал в Лондон, а спустя два дня пришло письмо, в котором Шелли предложил ей руку и сердце; через два дня, тринадцатого декабря, они обвенчались,

но радость Мэри была несколько омрачена подозрением, что он женился на ней главным образом, чтобы получить законное опекунство над двумя детьми от его брака с Харриет.

Мэри Шелли

Две недели спустя Клэр родила ребенка Байрона. Это была девочка, которую Клэр окрестила Аллегрой. После этого, в конце февраля, они всем семейством переехали в дом в маленьком городке Марлоу, в тридцати милях к западу от Лондона.

Здесь страхи Мэри начали понемногу угасать. Шелли не удалось получить опекунство над детьми Харриет, но сын Мэри и дочка Клэр, слава богу, были здоровы, и вскоре Мэри обнаружила, что беременна снова. В сентябре у нее родилась девочка, и они назвали ее Клара.

Даже Шелли, похоже, начал приходить в норму. Он держал ялик на берегу Темзы, всего лишь в трех минутах ходьбы от дома, и часто совершал прогулки на лодке вверх и вниз по реке, хотя все так же упорно отказывался учиться плавать.

Лишь в его произведениях временами прорывались былые страхи. Он написал ряд поэм, но большую часть года посвятил написанию длинной политической поэмы, которую он вначале назвал *Лаон и Цитна*, но затем переименовал в *Возмущение Ислама*. Мэри внимательно читала все его стихи — она была немного встревожена поэмой названной «Сон Марианны», в которой город, стоящий меж горных пирамид, уничтожен огнем, и мраморные статуи ненадолго оживают — но в *Возмущении Ислама* была только одна строфа, которая вызвала у нее неподдельное беспокойство:

... Являлся многим
Повсюду их подобный тени призрак;

Живым кошмаром он меж ними шел,
Пока они священным ужасом объаты,
В пучину смерти не бросались сами ... [\[196\]](#)

Я желаю тебе доброй ночи с венецианским благословением,
«Benedetto te, e la terra che ti farà!» — будь благословен,
и *земля*, из которой ты вышел, будет! — разве не прелестно?
Ты бы нашел это еще более прелестным, если бы услышал
это, как услышал я двумя часами ранее, из уст венецианской девушки,
с огромными черными глазами, лицом подобной Фаустине, и фигурой
Юноны — величественной словно Пифия [\[198\]](#), с таинственно
мерцающими глазами и темным водопадом волос, сияющих в лунном свете —
одной из тех женщин, которые могут быть кем угодно.

—Лорд Байрон, 19 Сентября 1818

Когда он больше не мог выносить церемонию, Перси Шелли покинул круг людей и отошел в сторону; в несколько длинных шагов он проследовал за своей тенью на вершину низкого холма, где согнутая ветром старая олива, казалось, указывала обратно на юг через недвижимую воду лагуны, в сторону Венеции. Шелли повернулся, пристально вглядываясь в том направлении, и в неравномерно сияющей полосе раскинувшегося там города ему чудилось, повсюду преобладали церкви, от Романской колокольни Сан Пьетро ди Кастелло [\[199\]](#) на востоке, до низких стен Мадонна дель Орто [\[200\]](#) на западной оконечности.

«Сад Девы Марии», — мысленно перевел он последнюю фразу. Месяц назад Байрон сказал ему, что эта церковь была посвящена Святому Кристофору, до тех пор, пока в 1377 году в прилегающем саду не нашли грубую статую, которая по общему признанию была Пресвятой Девой. Ни Байрон, ни Шелли не испытывали никакого желания посетить это место.

В течение нескольких минут Шелли ковырял занозы и волдыри, которыми его левая ладонь обзавелась перед рассветом этим утром; затем он устремил взгляд обратно к подножию холма, навстречу кучке людей.

Мэри и Клэр стояли поодаль, возле цветов, которые доставил английский консул, и даже отсюда Шелли видел, что Клэр с беспокойством смотрит на Мэри, которая невидящим взглядом уставилась в землю.

Он понимал, что вскоре им придется покинуть Венецию. Байрону было бы благоразумнее уехать тоже... но он этого конечно же не сделает — только не теперь, когда вместе с ним эта Маргарита Когни, и он только начал писать лучшую поэму в своей жизни.

Сегодня была пятница, и Шелли пришло на ум, что следующей ночью исполнится пять недель с тех пор, как они с Клэр прибыли в Венецию, чтобы встретиться с ребенком Клэр — Аллегре было теперь девятнадцать месяцев, из которых последние четыре она провела в Венеции с Байроном, своим отцом. Клэр отчаянно хотела увидеть дочку, и Шелли согласился ей помочь. Он как раз подыскивал предлог, чтобы посетить Байрона, повод, который будет выглядеть благовидно для любого из прислужников Австрийского правительства Италии, которые, вполне может статься, следят за сумасбродным английским лордом.

Их гондола прибыла в город с материка. Они, должно быть, двигались близко к этому острову, хотя из-за темноты и грозы они так этого и не увидели. И хотя цепочки огней там, где раскинулась Венеция, были почти невидимы сквозь ливень, хлеставший за испещренным дождевыми полосами окном гондолы, вода была также спокойна, как и сегодня, так как протяженные острова Лидо ^[201]на западе защищали лагуну от бушующей Адриатики.

Потасив из ладони длинную занозу, он кисло ухмыльнулся. «Лагуна всегда невозмутима, — подумал он. — Даже несмотря на то, что город больше ритуально не обречен с морем, море, очевидно, все еще питает... нежные чувства к этому месту».

Они прибыли в гостиницу в полночь, и еще до того, как они успели удалиться в свои комнаты, толстая хозяйка гостиницы, прознавшая, что они англичане, сочла своим долгом поведать им о их диком соотечественнике, к тому же лорде, который проживает во дворце на Канал Гранде ^[202]посреди зверинца из собак, обезьян и лошадей, и всех шлюх, которых гондольеры успели к нему переправить.

Клэр побледнела, вообразив свою малолетнюю дочку посреди этого вертепа, и Шелли некоторое время казалось, что придется послать за лауданумом, чтобы уложить ее в постель. Наконец она отправилась спать — но, прежде чем лечь самому, Шелли долго стоял у окна, наблюдая за темными клубящимися облаками.

Он знал Клэр столько же, сколько и Мэри, познакомились они, к слову говоря, за два года до того, как Клэр прибыла в Лондон в возрасте восемнадцати, чтобы соблазнить печально известного Лорда Байрона; он тогда помог ей в ее начинании, так как безотчетно не считал женщин своей собственностью... хотя Клэр вряд ли могла называться *его* женщиной. Шелли всегда находил ее привлекательной, и часто во время их путешествий делил кровать вместе с нею и Мэри, но он до сих пор даже не пытался за ней ухаживать.

Этому вроде бы не было *никаких* препятствий — он, Мэри и Клэр имели соглашение по поводу неестественных законов, навязанных людям близнецами-угнетателями Церковью и Государством, касательно супружества и моногамии. К тому же теперь, в возрасте двадцати, Клэр казалась ему еще прекраснее — одна лишь мысль о том, как она заснула возле него в гондоле, черные локоны ее волос рассыпались по его плечу, а мягкая теплая грудь прижалась к его руке, заставила сердце снова учащенно забиться и почти уговорила его на цыпочках прокрасться в ее комнату.

Хотя он и был идеалистом, он достаточно хорошо разбирался в женщинах и знал, что ее не придется ни к чему принуждать.

Но это определенно сделало бы его положение еще более тяжелым. Жизненный опыт сделал ее трезвомыслящей, но она не смогла бы удержаться от того, чтобы принять такую — любовную связь? — как обещание сделать все возможное, чтобы вернуть обратно ее дочь Аллегру, а он совсем не был уверен, что сможет повернуть разговор с Байроном в это русло.

Становилось поздно. Запах стоялой воды начал просачиваться в коридор сквозь неясный силуэт окна, и он подумал, что каналы — когда все гондолы и лодки бакалейщиков удалились на ночь и больше не возбуждали на воде яркую зыбь, столь любимую художниками и туристами — испускали это полуночное свидетельство их почтенного возраста.

Это его отрезвило, и он тихо проследовал в свою комнату.

* * *

На следующий день после полудня Шелли плыл один в низкой открытой гондоле, направляясь к дворцу, который занимал Байрон. Он чувствовал неловкость, так как не известил Байрона о своем приезде, к тому же ему было хорошо известно, что Байрон не выносит Клэр и однажды даже сказал, что если она когда-нибудь прибудет в Венецию, он соберет вещи и уедет.

Шторм, бушевавший прошлым вечером, унесло прочь, оставив пронзительно синее небо позади украшенных колоннами и балконами, выложенных из зеленого и розового камня дворцов, что высокой стеной возвышались над широким водным путем, и Шелли щурился от солнечного света, тонкими иглами отражавшегося от позолоченной отделки и блестящих черных корпусов гондол, что словно тонкие кабриолеты выстроились в ряд перед фасадами византийских зданий.

Множество узких суденышек было пришвартовано к полосатым столбам, которые возвышались из воды в нескольких ярдах от стен дворца, и Шелли несколько раз заметил деревянные головы — *mazzes* [\[203\]](#) — что венчали столбы; один раз он даже был достаточно близко, чтобы заметить, как блеснула шляпка гвоздя в одном из грубо вырезанных лиц. Шелли доводилось слышать, что *mazzes* олицетворяли теперь сопротивление Австрийским правителям Италии. «Габсбургам все еще оказывается сопротивление», — подумал он.

Гондола проплыла под богато украшенным крытым мостом, именуемым Риальто [\[204\]](#), и вскоре после этого гондольер начал править к арендуемому Байроном дворцу, приближающемуся по левую сторону.

Палаццо Мочениго [\[205\]](#) был в действительности несколькими большими постройками, которые когда-то были объединены одним длинным, неоклассическим фасадом серого камня. Никого не было видно на балконах или в громадных тройных окнах дворца, пока гондола скользила по воде к нему навстречу, и, когда гондольер, налегая на весло [\[206\]](#), доставил их под тень огромного здания и умело остановил покачивающееся судно возле покрытых мутными лужами каменных ступеней, Шелли так никого и не увидел в полумраке, скрывающем арочные своды первого этажа.

Он сошел на берег, расплатился с гондольером и постоял, устремляя свой взгляд над широким руслом канала, откуда он только что приплыл. Затем, одновременно, только что отчалившая гондола блеснула вдали отраженной золотой вспышкой, а в двери на причале позади него громко лязгнул отворяемый засов.

Дверь отворил английский слуга Байрона, Флетчер, который знал Шелли как частого гостя на вилле Диодати в Швейцарии; его хозяин, сказал он Шелли, только что проснулся и сейчас принимал ванну, но, безусловно, будет рад его увидеть, когда закончит. Он пошире отворил дверь, приглашая Шелли войти.

Первый этаж дворца был сырым и необжитым. Здесь пахло морем и «ароматами» несущимися из множества внушительного размера клеток, составленных у дальней стены.

Обойдя вокруг пары бесполезных в данном месте карет, вынырнувших из полумрака, Флетчер повел его к уходящей вверх мраморной лестнице, и в солнечных лучах, косо пробивающихся сверху, Шелли разглядел сидящих в клетках животных... обезьян, птиц и лис. Он подумал, что если бы захватил с собой Клэр, она бы тут же устроила спектакль с поиском Аллегры в этих клетках.

Наверху, на втором этаже, Флетчер оставил его в просторной бильярдной и пошел доложить о нем Байрону. Не успел Шелли прислониться к бильярдному столу, как в комнату забрела маленькая девочка, появившись с той стороны, куда удалился Флетчер.

Шелли сразу же узнал Аллегру, хотя она заметно подросла за прошедшие четыре месяца, и у нее начинали проявляться темные волосы Байрона и его пристальный взгляд — и когда он взял несколько бильярдных шаров со стола и, улыбаясь, присел на корточки и катнул ей их один за другим по изношенному ковру, она улыбнулась в ответ, очевидно узнав своего старого товарища по играм. Несколько минут они увлеченно катали друг другу шары.

Клэр родила ее, когда они снова жили в Англии, как раз когда отечество начало давить на Шелли: всего лишь за месяц до ее рождения он узнал о самоубийстве Харриет, его первой жены; а за два года до этого его первый ребенок от Мэри умер сотрясаемый непонятными судорогами близ Лондона. Новорожденная Аллегра на какое-то время стала для него более близкой, чем Мэри или Клэр, а потом он утратил ее на последние четыре месяца.

— Шелли! — донесся обрадованный голос из соседней комнаты, и когда он поднял взгляд, он увидел Байрона, спешащего ему навстречу из сводчатого прохода ведущего вглубь дома. Байрон был одет в яркий шелковый халат, а брошь прикрывавшая горло и кольца на пальцах искрились драгоценными камнями.

Шелли поднялся, не позволяя удивлению проступить в ответной улыбке — так как Байрон прибавил в весе за два года прошедшие с тех пор, как Шелли видел его в Швейцарии, а его волосы стали длиннее и в них поблескивала седина. Он выглядел, подумал Шелли, словно стареющий денди [\[207\]](#), навёрстывающий в пышных нарядах все то, что оставил в юности.

Байрон, казалось, видел его насквозь. — Ты бы видел меня в прошлом году, — радостно сказал он, — до того как я встретил эту девушку Когни, теперь она моя — эмм... экономка, и скажу тебе быстро сгоняет с меня лишний вес. Он заглянул за спину Шелли. — Клэр надеюсь не с тобой?

— Нет, нет! — заверил его Шелли. — Я просто...

В это миг в проходе появилась высокая женщина, и Шелли запнулся. Женщина с подозрением уставилась на него, и он моргнул и отступил назад, но спустя мгновение она, по-видимому, составила о нем благоприятное впечатление и улыбнулась.

— А вот и Маргарита, — немного неуверенно сказал Байрон. Он повернулся к ней и на беглом венецианском итальянском объяснил, что Шелли его друг и что на него не надо спускать собак или выбрасывать его в канал.

Она кивнула и сказала Шелли, — *Benedetto te, e la terra che ti fara.*

— Э-э..., — сказал Шелли, *grazie* [\[208\]](#). Он украдкой взглянул на нее и пожалел, что занавески на высоких окнах у дальней стены комнаты были задернуты.

Маленькая Аллегра стояла теперь возле его ноги, вцепившись так сильно, что причиняла ему боль, и спустя мгновение он посмотрел вниз и заметил, как широко распахнуты ее глаза, и как она бледна.

Ее хватка ослабла, когда Маргарита повернулась и снова исчезла в глубинах дома.

— А где Мэри? — спросил Байрон. — Вас всех прибило к этому берегу? Последнее, что я слышал, вы гостили на курорте, недалеко от Ливорно.

— Мэри все еще там. Нет, я прибыл сюда поговорить с тобой о... — он погладил темные локоны Аллегры... — о наших детях. Ты написал мне, что...

Байрон вскинул пухлую руку. — Э-э, — сказал он, — подожди. Он повернулся и подошел к занавешенному окну, и когда он повернулся обратно, Шелли увидел, что он хмурится и грызет костяшки пальцев. — Я помню что написал. Не думаю, что все еще верю — вернее все еще нахожу несколько занятым, так как вообще-то я никогда *не верил* — все то, о чем я писал. Ты уничтожил письмо, как я просил?

— Да, конечно. Собственно, я здесь только потому, что ты запретил тебе об этом писать. Впрочем, не важно, веришь ты в это или нет, моя дочь Клара больна, и если эти армянские...

— Тс! — прервал его Байрон, настороженно глянув в сторону прохода. Шелли показалось, что в его взгляде мелькнуло не только раздражение, но и легкий испуг. Улыбка, которой он одарил Шелли мгновение спустя, казалась натянутой. — У меня на Лидо конюшня с лошадьми, и я часто выбираюсь на верховую прогулку после обеда. Не желаешь составить компанию?

— Конечно, — помедлив мгновение, ответил Шелли. — Захватим Аллегру?

— Нет, — раздраженно ответил Байрон. — Она... ей здесь нечего бояться.

Шелли снова взглянул на Аллегру; она выглядела несчастной, но не чересчур. — Как скажешь, — ответил он.

* * *

Теплый утренний ветерок дул с материка, и на залитой солнцем вершине холма латинское песнопение священника казалось Шелли низким прерывистым рокотом, словно гудение пчел на далеком лугу.

Мэри смотрела на него вверх по склону, и даже с этого расстояния он видел гнев, проступающий в ее взгляде.

«Только не вини меня, — несчастно подумал он. — Я сделал все что мог, чтобы этого избежать, все, разве что не пожертвовал жизнью».

«Хотя, думаю, надо было. Думаю, надо. Но все же, я сделал очень много — столько, что даже ты, женщина, написавшая *Франкенштейна*, вряд ли можешь себе все это представить и во все поверить».

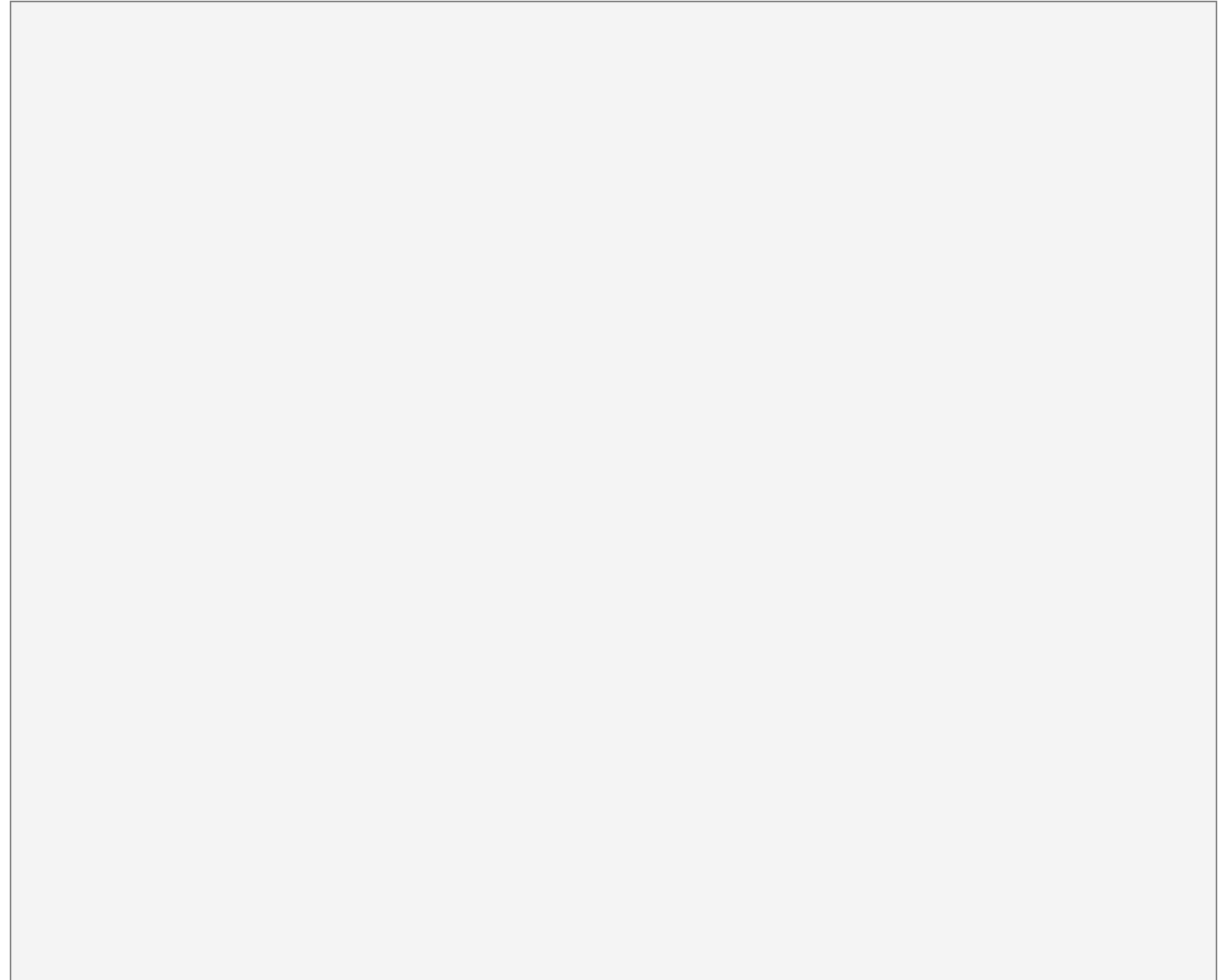
* * *

Большой канал раздался в стороны, после того как слился с более широким каналом

делла Джудекка [\[209\]](#), и, когда по правому борту поплыли величественные купола церкви Санта Мария делла Салюте [\[210\]](#), заслоняя от глаз океанские просторы, Байрон приказал гондольеру причалить к левому берегу, посреди шеренги гондол, пришвартованных перед Пьяцетта [\[211\]](#). Похожий на клинок нос гондолы глухо ударился в каменную ступень причала, вспугнув стаю голубей, которые с шумом вспорхнули в залитое солнечным светом небо.

Дворец Дожей [\[212\]](#) угрожающе высился справа от Шелли. Два его нижних этажа с готическими колоннами создавали впечатление, что венецианский квартал поднялся из морской пучины, и теперь скрытые некогда под водой могучие каменные сваи беззащитно белели на воздухе.

Байрон велел гондольеру подождать, и, когда они выбрались на причал и поднялись по полудюжине каменных ступеней, он повел Шелли дальше, через выщербленную мощеную мозаикой площадь. Шелли придержал шаг, изумленно рассматривая белые изваяния на верхушках двух стофутовых колонн, обращенных к воде, но Байрон лишь сердито заворчал и захромал дальше.

— Я... думал, мы собирались в Лидо, — осмелился вставить Шелли, когда они были на полпути к квадратной башне, что стояла по ту сторону пьяццы ^[213]напротив Базилики ^[214]святого Марка. — Что мы здесь...

— Вся эта затея — *чистейшее* безумие, — оборвал его Байрон, — но мне нужно убедиться, что безумие это *возможно*. Я жил здесь неподалеку, когда впервые прибыл в Венецию — здесь есть человек, которого мы должны повидать.

Несмотря на хромоту Байрона, Шелли пришлось ускорить шаг, чтобы от него не отстать. — С чего ей быть невозможной? Я хочу сказать, что изменилось? Уверен, австрийцы не будут...

— *Молчи!* — Байрон напряженно оглянулся назад; затем продолжил сердитым шепотом, — Они будут и притом скоро, судя по тому, что я слышал.

Шелли хорошо изучил вспыльчивый характер своего друга и покорно ждал, когда тот заговорит снова. Почти минуту они шли в молчании мимо колонн украшающих западную стену дворца.

— Пару лет назад, — уже более спокойно продолжил Байрон, — из Швейцарии на юг... перевозили... одного старика... это было трудное и дорогостоящее предприятие... Этот старик — австриец, своего рода древний патриарх, который запросто может приказать все что хочет. Он уже немислимо стар и исполнен решимости прожить еще дольше. Он покосился на Шелли. — Как это ни странно, думаю, я видел фургон, в котором его перевозили. Мы встретили его, когда путешествовали по Альпам два года назад. В нем был кораб похожий на гроб, из которого текла ледяная вода.

— Ледяная вода, — осторожно повторил Шелли. — Зачем им пона...

Байрон сделал быстрое движение украшенной перстнями рукой. — Это не важно. Ему нужно было попасть сюда. Возможно, это было главной причиной, по которой австрийцы захватили Италию, а потом положили конец ежегодному ритуальному венчанию Венеции с морем... в любом случае, сейчас не время это обсуждать. Подожди, пока мы окажемся на Лидо, и между нами и этим местом будет лагуна.

На крыше Либрерия Веккья ^[215]слева от них было установлено несколько одинаковых стоячих стягов, которые полоскали и хлопали на ветру и отбрасывали беспорядочные тени на залитую солнечным светом мостовую. Шелли не имел никакого понятия, что означала тройка символов, изображенная на каждом из них — верхний символ походил на указывающую вниз воронью лапу, затем шла вертикальная линия, а за ней — воронья лапа, указывающая вверх, причем у этой недоставало среднего пальца, что делало ее похожей на заглавную буква Y. На концах линий в толстой бумаге были проколоты отверстия, словно знаки были отметинами чьих-то когтистых лап.

— Что означают эти символы, — спросил он Байрона, указывая на стяги.

Байрон взглянул на знамена. — Не знаю. Мне говорили, последние четыре года они постоянно появляются то здесь то там.

— С тех пор как здесь объявились австрийцы, — кивнул Шелли.

— Четыре точки, затем две, затем три... и они выглядят словно следы. Кто ходит сначала на четырех точках, затем на двух, затем на трех?

Байрон остановился и посмотрел на стяги, и в глазах его сверкнула безумная догадка. Он начал было говорить, затем безнадежно мотнул головой и ускорил шаг.

Шелли последовал за ним, сожалея, что не может остановиться и не спеша рассмотреть здания окружающие широкую площадь. Он с изумлением задирает взгляд кверху, туда, где за высоченными колоннами простирались далекие резные своды базилики, украшенные громадными золочеными картинами. Байрон, между тем, даже не пытался сбавить шаг. Шелли бросил прощальный взгляд на яркую блестящую лазурь и золотом башню с часами и отблески, играющие на бронзовых статуях, установленных на ее верхней площадке. А затем Байрон завел его за угол базилики.

Позади церкви обнаружилась маленькая площадь, и Байрон провел их на ту сторону, а затем свернул в одну из узеньких улочек между зданиями, примыкающими к площади с северной стороны.

Внезапно все великолепие осталось позади. В ширину улочка едва достигала шести футов, и беспорядочно расположенные над головой трубы дымоходов, балконы и открытые ставни погружали ее в глубокий полумрак, за исключением тех мест, где светились тусклые огоньки ламп, зажженных в витринах лавочек, что ютились в готических арочных проходах первого этажа. Шелли казалось, что здесь можно найти все, что угодно, просто следуя за своим носом, так отчетливо витали здесь ароматы фруктовых лавок, запахи нагретых металлов и винных магазинчиков. Но торговцы, не взирая ни на что, наперебой выкрикивали достоинства своих товаров, наводняя улицу неумолчным гамом, и Шелли почувствовал подступающую головную боль.

Чуть погода, среди этой какофонии он начал различать повторяющийся металлический звон и, взглянув в сторону, увидел, что Байрон методично бросает монету о проплывающие мимо колонны. Шелли уже собирался попросить его прекратить, когда откуда-то, словно чертик из табакерки, возник оборванный мальчишка и что-то безнадежно отрывисто сказал по-итальянски.

Байрон дал ему монету и что-то пророкотал в ответ, затем он повернулся, сделал несколько шагов назад и, прихрамывая, скользнул через арку в крошечный внутренний дворик. Вверх поднималась закрученная железная лестница. Растения в горшках, растущие

на ее ступенях, воздвигали непроходимые лиственные джунгли, поглощающие пробивающиеся сюда редкие солнечные лучи. Тем не менее, Шелли удалось разглядеть толпу оборванных мужчин, стоящих возле дальней стены.

Здесь тоже слышался металлический перезвон — мужчины бросали монеты о стену, стараясь, чтобы их монета легла как можно ближе к стене, победитель забирал себе все, что лежало на полу. [\[216\]](#)

Чуть погодя один из них, толстый старик, вне сомнений в подпитии, протиснулся через толпу и начал собирать скопившиеся у стены деньги, в то время как остальные, изрыгая проклятья, принялись рыться в карманах в поисках завалящей монетки.

Тут они заметили Шелли и Байрона, и уже собирались ускользнуть, но толстяк поднял взгляд, а затем резко напомнил своим приятелям, что азартная игра была легальна «in questo fuoco» — Шелли был озадачен этой фразой, которая, казалось, означала «в этом фокусе».

Байрон спросил старика о чем-то, что-то вроде «*глаз еще не восстановлен*»?

Толстяк взмахнул рукой и покачал головой — *Нет, еще нет.*

Байрон настаивал, что хочет знать точно, так что старику придется проверить это прямо сейчас.

Пьяный старик вскинул руки и начал было взывать ко всем святым угодникам, но Байрон пересек крошечный дворик и дал ему денег. После этого, хотя и с почти театральной неохотой, толстяк уступил.

Он махнул остальным игрокам, и они, вернув по карманам монеты, поспешно покинули двор. Когда они все ушли, старик укусил себя за палец — сильно, судя по выражению его лица — стряхнул каплю крови на камни мостовой, а затем направился к дальней стене, подбрасывая и ловя монету.

— Не мешай ему, — прошептал Байрон.

Мужчина стоял теперь лицом к стене. При этом он косился поверх плеча на пятно крови и что-то атонально напевал себе под нос, снова подбрасывая и ловя монету. Затем уставившись в стену, он начал подбрасывать несколько монет — так что, казалось, он жонглирует ими — а его бормотание потусторонним эхом гуляло между близких стен. Шелли почувствовал, как на руках дыбом встают волосы, а шрам в боку начинает яростно пульсировать.

Внезапно одна из монет улетела высоко вверх — Шелли проследил за ней взглядом и увидел, как она на мгновение сверкнула в солнечных лучах высоко вверху, а затем упала обратно в темноту, и услышал, как она со звоном скатывается по железной лестнице. Наконец она обогнула цветочный горшок, звякнув, упала на землю и прокатилась по мостовой, а затем закачалась и легла на одну из сторон. Теперь она лежала в нескольких ярдах от пятнышка крови.

Шелли едва удержался от того чтоб пожать плечами. Жонглирование было конечно впечатляющим, но если вся соль заключалась в том, чтобы монета приземлилась на пятнышко крови, трюк очевидно с треском провалился. Конечно после всех тех прыжков и отскоков, которые она совершила, *было бы* совсем невероятно, если бы она туда приземлилась.

Он повернулся к Байрону, вопросительно вздев брови.

Байрон кисло уставился на монету. — Ну, — сказал он, — это все еще *остаётся* возможным — хотя я по-прежнему считаю, что это чертовски глупая затея. Он кивнул толстяку, а затем повернулся и направился к выходу со двора. Шелли кивнул тоже,

хотя и совершенно сбитый с толку, и последовал за ним.

Они выбрались с улочки и были на полпути через Пьяцетта, когда Шелли заметил, что Байрон по-птичьи повел головой, словно бы прислушиваясь. Шелли прислушался тоже и услышал надтреснутый старческий голос, что-то выводящий, вроде бы на испанском — а может это был старо-французский?

Он огляделся и увидел, что певец, невероятно древний старик в дюжине ярдов от них, прихрамывая, двигался на север через площадь, удаляясь от Дворца Дожей и двух высоких колонн возле канала. Старик тяжело опирался на трость, которая цокала каждый раз, когда соприкасалась с неровной мостовой.

Шелли вспомнил рассказ Байрона о немыслимо старом австрийце, которого перевезли в Венецию, чтобы его жизнь тянулась и дальше, и спросил себя, уж не за этим ли явился сюда и этот древний приятель. Почему-то он был уверен, что нет.

В этот миг старик поднял глаза и встретил его пристальный взгляд, и махнул ему рукой — Шелли заметил, что на левой руке у него отсутствует палец — и прокричал что-то прозвучавшее как *Перси*.

Шелли пораженно махнул в ответ. — Мы что, его знаем? — спросил он Байрона.

— Нет, — ответил Байрон, хватая его за руку и таща его прочь, туда, где их дожидалась гондола. — Но я уже слышал эту песню.

* * *

Клэр взглянула вверх по холму туда, где он стоял, и хотя она не повела головой, она так округлила глаза, что становилось ясно, ему придется вернуться. Он вздохнул и, шагнув из-под переплетенных ветвей оливы, побрел обратно.

С лодки на берег снесли маленький ящик, и Хопнер, английский консул, снял свою шляпу. Горячее утреннее солнце отражалось от его лысой головы и плясало на лакированной крышке ящика.

Горькие чувства теснились в груди Шелли, когда он стоял, невидящим взглядом уставившись на гроб; но когда он увидел, что крышка была надежно прибита гвоздями, единственным, что он почувствовал, было облегчение.

* * *

Лидо был длинной, узкой песчаной отмелью, с заросшими сорняками холмиками, прорезанными тенями в этот поздний послеполуденный час. Деревянная постройка, которая оказалась конюшней Байрона, была единственным строением, видневшимся посреди этого заброшенного острова, не считая нескольких завешанных сетями рыбацких лачуг теснившихся чуть поодаль.

Конюхи Байрона отправились на Лидо в тоже самое время, когда Байрон и Шелли

покинули Палаццо Мочениго, и уже ждали их на берегу, когда они выбрались из гондолы на низкий причал.

Начинало холодать, и Байрон поспешно велел конюхам седлать двух лошадей. Несколько минут спустя они верхом перебрались через хребет Лидо и галопом понеслись по восточному побережью, Адриатика по одну сторону и низкие заросшие чертополохом холмы по другую.

Некоторое время они ехали молча. Ветер срывал макушки волн и бросал им в лицо облака мелких соленых брызг. Шелли облизал с губ дыхание океана.

— Ты писал, — нарушил он, наконец, молчание, — что в Венеции может существовать возможность освободить нас и наших детей от внимания нефелимов.

— Да, писал, — устало ответил Байрон. Он натянул вожжи, и Шелли последовал его примеру, и они направили своих лошадей вниз по холму к воде.

— Это... всего лишь *возможность*, — сказал Байрон, — что здесь, как и в Альпах, можно сбросить их смертельные объятия, их внимание — потерять их, так же как можно сбить со следа собак поднявшись по течению ручья. Прежде всего, нужно их ослепить, и сделать это можно только ночью. Он сплюнул в воду. — Очевидно, можно даже вдохнуть жизнь в труп недавно погибшего человека, если солнце еще не коснулось его своими лучами; жертвы вампиров, конечно, никогда по настоящему не *умирают*, но если все сделать правильно, человек не станет вампиром — он будет все тем же простым смертным, пробужденным от вечного сна или того, что гораздо хуже.

Байрон ухмыльнулся. — И конечно после этого лучше сразу же сесть на корабль и отправиться куда-нибудь на край света, чтобы твоему демону не посчастливилось случайно наткнуться на тебя снова — пусть соленый океан разделяет вас во веки веков. Я в свое время серьезно подумывал о Южной Америке. Он вызывающе взглянул на Шелли. — Думаю теперь мне это больше нужно.

Байрон, очевидно, чувствовал себя неуютно, обсуждая этот вопрос, поэтому Шелли попробовал подойти к нему со стороны. — Мне показалось, что ты спросил того фокусника о каком-то глазе, — сказал он. — Что-то вроде того, был ли он восстановлен.

— Глаз Грай, — сказал Байрон. Его лошадь остановилась и начала пощипывать заросли грубой травы. — Помнишь про Грай?

— Э-э... это те самые три сестры, с которыми советовался Персей, перед тем как отправился убивать Медузу Горгону [\[217\]](#)? Неожиданно, словно из ниоткуда, к нему пришла уверенность, что именно «Персей», а не «Перси» прокричал ему тот древний старик, встреченный ими на Пьяцетта.

— Они самые, — сказал Байрон. — У них был только один глаз на троих, и они вынуждены были передавать его друг другу, чтобы обрести зрение, а Персей выхватил у них глаз, и не отдавал его обратно до тех пор, пока они не ответили на его вопросы. Когда я первый раз прибыл сюда, после того как покинул Швейцарию, я провел много времени в монастыре армянских священников и монахов на одном из местных островов. Я... переживал из-за одной метафизической бессмыслицы, что сказал мне тот доктор...

— Кто, Полидори? А! Нет, ты, должно быть, имеешь в виду того неффи — Айкмэна.

Байрон, казалось, был раздосадован, что Шелли вспомнил имя. — Да, его самого. Мы с ним поднялись на гору Венгерн, после того, как ты возвратился в Англию, и это действительно изгнало из нас бесов, как я тебе и говорил — я физически чувствовал, как инфекция выходила из меня с потом, и я до сих пор не уверен, что мы на самом деле видели,

и что нам привиделось на той вершине.

Он, прищурившись, посмотрел в сторону Адриатики. — Странно, но раз уж мы заговорили о восстановлении глаза — *думаю*, я видел там женщину, которая вырезала собственный глаз. Как бы там ни было, этот парень, Айкмэн, пытался меня потом убедить, что эти... может быть нам стоит называть их *лами*?... будут и после нашего освобождения по-прежнему за нами следить, так как видят в нас подходящие кандидатуры, людей, не имеющих... *иммунитет* так их редкой *болезни*.

Шелли подумал о женщине, которую видел во дворце Байрона. — Что сейчас пишешь? — спросил он.

Байрон засмеялся снова и покачал головой, но Шелли показалось, что смех был натянутым. — Нет, нет, у меня нет рецидива. Я пишу лучшее из всего, что у меня есть, э-э... своего рода эпическую поэму, называющуюся *Дон Жуан*, но это целиком и полностью моя заслуга, а ни каких-то там... *вампи*ров. Он смотрел Шелли в глаза, когда говорил, словно бы убеждая его в своей искренности.

— О, я не сомневаюсь в тебе, — начал Шелли, — просто...

В любом случае, — прервал его Байрон, — не *тебечит*ать *мненотации*. Он все еще улыбался, но глаза были холодными.

— Ты прав, ты прав, — поспешно сказал Шелли. — Э-э, возвращаясь к тому, что я сказал. Случайно не слухи об этом... возможном экзорцизме [\[218\]](#)... привели тебя тогда в Венецию?

— Я... не могу вспомнить.

Шелли кивнул. — Ну хорошо. А что по поводу Грай и их глаза?

Байрон слегка пришпорил коня, пустив того медленным ходом. Он вздохнул, очевидно, утомленный этой темой. — Армянские священники утверждают, что три сестры были представителями действительно живших ветхозаветных гигантов — нефелимов, и были захвачены в Египте бог, весть знает сколько веков назад. Их привязали к столбу и оставили на солнце, где они превратились в камень. Затем их разделили, чтобы использовать в строительстве, а на их телах вырезали защитные узоры, призванные удерживать их в скованном состоянии. Их энергия истощилась, и они утратили сознание, заснули. Но у них все еще остается их глаз — хотя это и не совсем глаз, и используют они его не для того, чтобы *видеть*.

Шелли сделал рукой жест, приглашая его продолжать.

— Эх, был бы здесь Отец Паскуале, он бы враз тебе все объяснил. С этим глазом они могут не столько видеть, сколько *знать*. Они знали, с точностью до запятой, точнее даже чем Бог это изобразил, все, что их окружало; и, следовательно, они могли совершенно точно предсказать любое будущее событие — также просто, как ты мог сказать, в каком углу комнаты окажется один из тех бильярдных шаров, что вы сегодня катали с Аллегрой.

Он помолчал, задумчиво изучая морской горизонт. — Сейчас мир уже не столь *прозрачен*, как был прежде. Его природа теперь гораздо подвижнее в своих мельчайших проявлениях, вот почему мы можем позволить себе делить людей на презренных и заслуживающих восхищения. Чтобы стало бы с этой привилегией, если бы траектории нашего движения были известны заранее как, скажем, парабола брошенного камня? Едва ли мы тогда могли бы... высказывать моральные *суждения*... по поводу тел, которые следуют предначертанным им курсам. Смысла в этом было бы не больше, чем винить камень упавший нам на голову. Гадалки — и Кальвинисты [\[219\]](#) — были бы рады жить поблизости от

этих существ, когда они не спят и владеют глазом, потому что зрение Грай исключает любую хаотичность, любую свободу воли. Когда Грайи *смотрят*, они не только устанавливают положение вещей, но и *устанавливают* его [\[220\]](#).

— Но по словам того толстяка, у них его нет, глаз не был восстановлен, — сказал Шелли. На берег плеснула волна, с пенным шелестом кружась вокруг копыт его лошади. — И вообще, как подбрасывание монет может помочь это выяснить?

— Ну, Карло — эксперт в бросании монет. Он настолько хорош в этом, что его мастерство граничит с невозможным. И если принять это как данность, то по точности его броска можно судить о границах возможного. Если бы глаз был восстановлен, его монета приземлилась бы значительно ближе к пятну крови; а если бы Грайи не спали и имели при себе глаз, она приземлилась бы точно на него.

— А что если бы они не спали, когда он бросал монеты? Не спали, но все еще не имели глаза?

— Как раз для этого ты и прибыл в Венецию — разбудить их, пока у них нет глаза — именно на это я и намекал в письме. Что же до монеты Карло, даже и не знаю, что бы с ней случилось, если бы он бросал ее при таких обстоятельствах. Я как-то спросил его, и он пытался мне объяснить, но все, что я понял, что монета не будет даже существовать между моментом броска и ее остановкой; и место где она остановится совершенно не будет зависеть от того, как он ее бросил; даже пенни, который приземлится, не будет во всех смыслах тем же самым, который он подбросил.

Шелли задумчиво нахмурился, но через несколько мгновений неуверенно кивнул. — Пожалуй, в этом есть какая-то нездоровая логика, — сказал он. — Мы пытаемся вернуть определенность, предопределение; эти существа, эти три древние сестры отбрасывают... скажем, поле. Если они владеют глазом, это поле незыблемой определенности, но если они слепы, это поле расширенных возможностей, свобода от бесстрастных механистических ограничений. Он, ухмыльнувшись, взглянул на Байрона своими яркими глазами. — Ты должен помнить, что Персей позаботился о том, чтобы задавать им свои вопросы, пока они отбрасывали слепое поле, так что то, о чем он спрашивал, переставало быть невозможным.

— Я, признаться, не думал об этом, — ответил Байрон. — Но, пожалуй, ты прав, если они не спят, но все еще слепы, тогда многое, из обычно невозможного, становится возможным в их окрестности.

— И где они сейчас, эти Грайи? Здесь в Венеции? Армянские священники рассказывали, как их пробудить?

— Я не особо уверен, как нам их разбудить, для этого нужны некие очень редкие виды топлива. Что же до Грай — ты видел двух из них час назад, на южной стороне пьядцы. Третья упала в канал, когда их пытались водрузить на место, давным-давно, в двенадцатом веке.

Шелли удивленно моргнул. — Ты хочешь сказать эти колонны...?

— Они самые. Дождь [\[221\]](#), правивший в то время, Себастьяно Зиани [\[222\]](#), пообещал любую поддержку и любую *onesta grazia* [\[223\]](#) тому, кто сумеет установить колонны в безопасном пленении в этом месте, на мостовой перед Дворцом Дожей [\[224\]](#). Тут же сыскался парень, некий Николо иль Бараттьере [\[225\]](#), который это сделал — хотя и уронил одну из колонн в канал — но затем он потребовал глаз в качестве платы. Другими словами он потребовал, чтобы неопределённость — азартная игра — была узаконена в районе площади, в фокусе

внимания сестер. Дожу пришлось сдержать свое обещание, но чтобы воспрепятствовать этому, он построил неподалеку тюрьму, и между колонн начали свершаться казни. Кровь, свежeproлитая кровь, очевидно, весьма хорошая замена утраченному глазу [\[226\]](#). Конечно, теперь здесь уже довольно давно никого не казнят.

Шелли упорно не желал считать все сказанное бессмыслицей. — Но каким образом кровь помогает Грайям видеть?

Байрон развернул своего коня обратно и тронул его с места. — Сейчас я всего лишь цитирую священников — я знаю, что ты думаешь о священниках — но они сказали, что кровь содержит... э-э, полный, всеобъемлющий *план*, проект человека, которому она принадлежит. Так что нет ничего...

— Так вот зачем им нужно пить *человеческую* кровь, — возбужденно прервал его Шелли. — Для того чтобы принять человеческий *вид*. Они не могут сделать этого без плана, проекта, содержащегося в крови. Если бы они пили лишь животную кровь, то могли бы превращаться только в животных.

Байрон несколько раздраженно пожал плечами. — Может быть. В любом случае, в крови нет места изменениям — другими словами, нет никакой неопределенности. Она весьма наглядно олицетворяет собой предопределение. Семя же наоборот — олицетворение неопределенных потенциальных возможностей. Словом, если бы ты занялся с женщиной сексом прямо между колонн, они бы стыдливо потупили взор. Он расхохотался и прищипорил лошадь. — Интересная мысль, может, стоит попробовать?

Шелли покачал головой. — Как австрийцы могут *желать* восстановить глаз и снова свергнуть всех в подобное животному рабство в тисках механической обусловленности.

— Ну, пожалуй, это можно понять, если вспомнить, что они предположительно доставили сюда древнего представителя правящей династии Габсбургов — этого старикана по имени Вернер, который, очевидно, провел восемь столетий в зимней спячке в Габсбургском замке в северной Швейцарии. Они хотят сохранить его живым еще несколько веков, а медицина и продлевающая жизнь магия гораздо лучше работают вблизи Грай — при условии, что они не спят и уделяют окружающему свое острое как лезвие бритвы внимание. Австрийцы, должно быть, изрядно тогда повозились, переправляя его на юг через Альпы, после того как приобрели Венецию. — Я, — Байрон неестественно рассмеялся. — Думаю они везли его запакованным в лед.

Шелли пожал плечами. — Ну хорошо. Но, возвращаясь к тому времени, когда Венеция была *республикой* — почему *Дожи* хотели чтобы колонны имели глаз? Дожи всегда были врагами Габсбургов.

— Грайи, владеющие глазом, способствуют *застою*, Шелли, — раздраженно ответил Байрон. — *Каждый* правитель желает сохранить status quo [\[227\]](#). И я не считаю, что это так уж плохо. Эти твои *поля расширенных возможностей* звучат для меня словно... та безвидная тьма, что царила над бездною, прежде чем Бог изрек «Да будет свет».

— Может быть, так оно и есть — может быть, бог намерено ограничил нас, чтобы мы не могли стать чем угодно, всем тем, о чем не смеем даже мечтать. Религия определенно идет по его стопам. Без ее оков, человеческий род был бы свободен....

Байрон со смехом произнес — Ты ничуть не изменился Шелли. Я признаю, что со стороны природы было жестоко, позволить человеку осознавать себя. Смерти приходится разлучать каждого из нас с его воспоминаниями и всем, к чему он — хоть и без всякой для себя пользы — стремился всю жизнь. И мы постоянно живем в тени этого нестерпимого

знания. Но так уж устроен этот мир — и не нужно винить в этом священников и религию. Дьявол, религия может, по крайней мере, хоть иногда, ненадолго заставить нас поверить, что наши души возвышенны, нетленны и способны к совершенствованию.

— То, что ты говоришь — наихудший пример фатализма [\[228\]](#), — печально сказал Шелли.

— А то, что *ты* говоришь — утопия, — ответил Байрон.

* * *

Шелли все же сумел договориться с Байроном о плане действий и вместе с Клэр Клэрмонт тремя днями позже покинул Венецию. Он должен был вернуться как можно скорее со всей своей семьей: Мэри, их двух с половиной летним сыном Вильямом и двенадцатимесячной дочкой Кларой.

Шелли написал Мэри еще до того, как покинул Венецию и попросил ее как можно скорее приехать вместе с детьми на виллу Байрона, выстроенную на вершине холма, неподалеку от расположенного внутри страны городка Эсте [\[229\]](#), где он будет их ожидать. В письме ему пришлось избегать прямых объяснений, так как он не мог сообщить ей, особенно через подконтрольную австрийцам почту, что собирается как-нибудь темной ночью перевезти всю семью на северо-запад в Венецию, разбудить ослепших Грай и выскользнуть на свободу из сетей внимания вампиров-нефелимов, а затем навсегда спастись бегством в западное полушарие.

Мэри с детьми прибыли на виллу Байрона двенадцатью днями позже, пятого сентября, и Мэри настояла на том, чтобы просто отдохнуть здесь неделю-другую, расслабляясь в садах виллы, которая была выстроена на месте уничтоженного французами монастыря Капуцинов. Байрон как-то сказал Шелли, что освященная земля может обладать определенными защитными свойствами.

Дети, казалось, были счастливы отдохнуть после путешествия, и Шелли решил, что несколько дней отдыха им не повредят.

Он обнаружил, что здесь ему необычайно легко писалось; он начал переводить греческую классику, и к этому времени заканчивал перевод *Прометей Прикованного* — трагедии Эсхила — и подумывал уже было о том, чтобы написать последнюю часть этой незавершенной античной трилогии.

Он писал во время долгих жарких дней, в продуваемом легким ветерком летнем домике, до которого можно было добраться, выйдя через заднюю дверь главного здания и пройдя через тенистый переход, образованный шпалерами, густо опутанными виноградными лозами. По ночам он часто приходил сюда, чтобы посмотреть на летучих мышей, беспорядочно снующих перед зубчатыми стенами стоявшей когда-то в Эсте, а ныне разрушенной средневековой крепости. Временами он обращал лицо к югу, где, отделенный от него ста двадцатью милями, протянулся горбатый хребет Апеннин.

Апеннины господствовали в юго-восточном углу неба, когда они с Мэри и детьми жили недавно поблизости от Ливорно, находящегося на противоположном берегу острова, и их серые пики завораживали его тогда также, как и сейчас. Он написал отрывок поэмы, пока

жил там, и теперь по ночам часто вспоминал его, вглядываясь в южном направлении на горы, высящиеся над обвалившимися монастырскими стенами:

The Apennine in the light of day
Is a mighty mountain dim and gray,
Which between the earth and sky doth lay;
But when night comes, a chaos dread
On the dim starlight then is spread,
And the Apennine walks abroad with the storm,
Shrouding...

При свете солнца Апеннины
Простерты над подземным миром,
К небесным кручам возносясь
В своем величии унылом.
Но ночь ступает, ожил мрак,
В их твердых каменных чертах,
И в тусклом свете звезд ночных
Они вселяют страх.
В грозы объятьях громовых
Скрывают горы...

Он так и не продолжил поэму дальше, так как не был уверен, что могли скрывать горы.

* * *

Когда это случилось, заканчивался уже восемнадцатый день, проведенный ими на вилле. Тогда, после полудня, в последний понедельник месяца, случилось сразу два происшествия, убедивших Шелли, что ему следует как можно скорее доставить семью в Венецию.

Облака хмурой пеленой затянули долину По [\[230\]](#), и свет к четырем часам сделался тяжелым и тусклым. Грозовые облака на юге клубились и сбивались в громадные тучи, словно боги, чудесным образом высеченные в живом, мучимом агонией мраморе, и Шелли, сидя над своей рукописью в летнем домике, время от времени с тревогой поглядывал на небо. Он надеялся, что дождь еще немного повременит, так как то, что рождалось сейчас из-под его пера, было самым ярким, самым значительным из всего, что он когда-либо писал, и мысль о том, чтобы прервать этот благословенный поток слов, казалась ему почти что кощунственной. Он не мог сейчас прерваться ни ради дождя, ни даже ради того, чтобы перечитать строки и увидеть, имеют ли они хоть какой-нибудь связанный смысл.

«Еще в пыли не скрылся Вавилон, — обнаружил он выводящим себя, —
Мой мертвый сын, мой Магус Зороастр [\[231\]](#),
В саду гуляя, встретил образ свой»...

Подняв на мгновение взгляд, Шелли увидел фигуру, гуляющую по саду позади душистой виноградными лозами решетки, силуэт на фоне далекой серой груды облаков и возвышающихся вдали Апеннин.

На миг ему показалось, что это был он сам, но затем, когда фигура вышла из-за зелени, он увидел, что она была гораздо ниже — была, на самом деле, его маленькой дочерью Кларой.

Эта почти несомненная связь между тем, что происходило в его голове и тем, что происходило снаружи, на мгновение испугала его, поэтому, с нескрываемым облегчением, он окликнул Клару и, оттолкнув кресло, вскочил на ноги, протягивая руки, чтобы ее подхватить.

Но она не двинулась с места. В холодном металлическом свете она одарила его улыбкой, от которой мгновенно улетучилось все его облегчение, а затем снова скрылась за зеленой стеной.

Сердце встревожено колотилось в его груди, но он уже протянул руку к ведущей в сад двери, когда услышал позади знакомые шаги, отдающиеся эхом в забранном решеткой переходе, идущем от дома.

Радуюсь внезапному поводу, чтобы отложить поход в сад, он обернулся и отворил ведущую к дому дверь, и увидел Мэри, направляющуюся к нему с Кларой на руках.

— Обед готов, Перси, — сказала Мэри, — и тебе пришло письмо от Байрона.

Медленно повернувшись, он снова посмотрел в сад. Ему показалось, что позади решетки он уловил какое-то промелькнувшее движение, но он повернулся к нему спиной, обнял Мэри и с испугавшей ее поспешностью повел ее обратно в дом.

* * *

«Куда ты пропал? — спрашивал в письме Байрон. — Мне сообщили, что наш человек уже почти здесь, а — *Аппарат* — в Местре, по ту сторону лагуны. И если сделать это суждено, тогда пускай все совершится быстро [\[232\]](#). Отправляйся немедленно в Падую, если все еще не остыл к нашей затее, — и придумай какие-нибудь извинения — а я напишу тебе туда и скажу, не опоздали ли мы. А теперь *уничтожь* письмо».

Шелли отложил письмо и посмотрел на Мэри, сидящую за столом напротив. Она единственная из всех смотрела на него, так как Клэр кормила детей. В пристальном взгляде Мэри читался испуг, так что он постарался придать голосу беспечный тон. — Мне нужно завтра съездить в Падую, — сказал он. — У Байрона есть новости по поводу доктора для Клэр. Это казалось прекрасным предлогом — Клэр *была* больна, и лишь неделю назад он возил ее в Падую к доктору. — И, похоже, этот *врач* может вылечить и недомогание малышки Клары — будь готова приехать вместе с ней, когда я за вами пошлю. Он глянул в сторону задней части дома, а затем добавил: — и, конечно, захвати с собой юного Вильяма.

Мэри принесла ему тарелку горячих макарон с овощами, но он, казалось, их даже не заметил, пристально глядя как маленькая Клара слизывает свою растертую в пюре порцию с ложки, которую Клэр подносила к ее рту, и думая о ее копии, которую он видел гуляющей по саду. «Что же это означало? Не прождал ли он слишком долго?»

Доверчивая невинность ребенка ужасным укором терзала его сердце, словно в боку его засел зазубренный ржавый меч; она заслуживала нормальной жизни, нормальных родителей. «Разве может быть бог, — думал он, — если такой светлый ребенок, может родиться у такого человека как я».

Письмо Байрона было единственным, что он съел в этот вечер.

* * *

Последующее письмо Байрона дожидалось Шелли в Падуе, и после того как он его прочел, он тотчас же запихал Клэр в экипаж обратно до Эсте, так как Байрон писал, что гамбит ^[233] все еще *был* возможен. Клэр, придя в замешательство, спросила его о докторе, которого они вроде бы прибыли увидеть, и Шелли не нашел ничего лучше, чем сказать, что они его упустили, но несомненно застанут, когда она вернется с Мэри и детьми.

Когда Клэр уехала, Шелли отправился в Палаццо делла Раджione ^[234] и в одиночестве обошел его большой зал, отмечая, как его громадные размеры заставляют его самого чувствовать себя маленьким и незначительным; так как теперь он не мог найти никаких оправданий тем восемнадцати дням, которые бесцельно растратил на вилле в Эсте, и был бы действительно рад, если бы Перси Шелли и вправду оказался незначительной фигурой заднего плана, просто человеком из толпы, чьи ошибки не имели далеко идущих последствий.

Через два дня, в восемь тридцать утра, Мэри, Клэр и дети прибыли в Падую.

Маленькой Кларе становилось все хуже, ее рот и глаза подергивались знакомым Шелли образом — его первый ребенок от Мэри, девочка которой они даже не успели дать имя, обнаруживала сходные симптомы прямо перед тем как умерла, четыре года назад.

Несмотря на возражения измученной Мэри, он настоял на том, что доктор в Падуе, как оказалось, был не слишком хорошим, и что им следует без промедлений отправиться в Венецию. Погода так и не прояснилась — они стояли на площади перед церковью Святого Антония, и дождь то скрывал за серой стеной, то выхватывал во вспышках молний выполненную Донателло конную статую Гаттамелата ^[235] — а дети плакали.

В течение часа они прождали под узким навесом экипаж, который должен был доставить их в прибрежный город Фузина ^[236], откуда можно было взять лодку до Венеции; наконец, экипаж показался и, покачиваясь, направился к ним по мостовой, и, когда он со скрипом остановился, Мэри забралась внутрь, и Шелли взял Клару на руки, чтобы передать ее матери.

Когда он поднял дочку перед собой, он пригляделся и заметил две воспаленные отметины укуса на ее горле.

«Вот и разбилась вдребезги, — с горечью подумал он, — хрупкая фантазия Байрона, что эта освященная земля может послужить защитой от нефелимов — или, быть может, французы ее осквернили, когда разрушили стены монастыря Капуцинов». «Французы тоже, — вспомнил он, — были одержимы стремлением захватить Венецию».

В зловонных доках Фузины он обнаружил, что их дорожные пропуска отсутствовали среди багажа, хотя Мэри клялась, что она их упаковала. Таможенники сообщили Шелли, что не пропустят ни его, ни его семейство без документов, но Шелли выбрал одного из стражников и отвел его в сторону через покрытую грязными лужами мостовую. Там он поговорил с ним несколько минут в тени старого каменного пакгауза [\[237\]](#)и, когда они вернулись, неожиданно бледный страж угрюмо сказал, что они все же могут переправиться.

Шейная косынка, которой офицер утер лоб, когда они шагали мимо, была художественно запятнана старой, высохшей кровью.

Во время долгой поездки на гондоле судороги Клары становились все хуже и хуже, и худое лицо Шелли словно окаменело, пока он поочередно смотрел то вниз на ребенка, то вверх на садящееся солнце, видневшееся в просвете меж грозových облаков, так как Байрон сказал ему, что ритуал должен проводиться ночью.

Когда гондольер, орудуя веслом, остановил лодку у омываемых волнами ступеней Венецианской гостиницы, Шелли сразу же забрался в другую гондолу и отправился, чтобы найти Байрона. Когда он сошел на берег, солнце уже было низко и красными отблесками пламенело на шляпках гвоздей, забитых в лица деревянных *mazzes*, венчающих расцвеченные голубыми и белыми полосами причальные столбы перед Палаццо Мочениго. Флэтчер поспешно провел его наверх в бильярдную, где его уже дожидался Байрон. Аллегра была вместе с ним, но Маргариты Когни видно не было.

— Возможно, я прождал слишком долго, — сказал Шелли, и голос его дрожал от сдерживаемых эмоций. — Клара умирает...

— Еще не слишком поздно, — ответил Байрон. — Они еще не успели... *пожаловать глаз* Грайям. Он возбужденно махнул рукой в сторону окна. — Встречаемся на закате на пьяцца — я захвачу с собой Аллегру, а ты привези хотя бы Клару; ее будет достаточно, если она единственная удостоилась особого внимания. А затем будь готов укрыться в какой-нибудь церкви, пока мы не найдем корабль, который возьмет нас всех в Америку.

— В церкви? — с сомнением покачал головой Шелли. — Нет, не думаю — *ты*, может быть, и не видишь ничего дурного в выражении... *безоговорочной преданности* церкви, но я не собираюсь позволить Кларе и Вильяму вырасти зашоренными. Даже в качестве жеста...

— Послушай меня, — сказал Байрон, достаточно громко, чтобы перекрыть поток его возражений. — Это не *жест*, ты запросто можешь вообще не вырастить своих детей, если не сделаешь этого. Что-то должно скрываться за верой, что церковь является прибежищем, — за всей этой солью в святой воде, витражными стеклами и золотыми *дисками*, которые держат под подбородками людей, что выстраиваются в очередь, чтобы получить причастие.

Шелли его слова, похоже, не убедили. — *Диско* [\[238\]](#)? Те маленькие диски с ручками?

Ну и какая же от них польза?

Байрон пожал плечами. — Ну, — сказал он, — *сегодня* считается, что эти металлические диски нужны, чтобы улавливать падающие крошки хлеба, но они отполированы до блеска, и Отец Паскуале как-то намекнул мне, что раньше их обычно использовали, чтобы убедиться, что каждый причащающийся отражается в зеркале.

* * *

Когда Шелли вернулся в гостиницу, Мэри сидела на цветастой софе в приемной, а Клара билась у нее на руках. Он не успел еще приблизиться к ним, как увидел, что девочка затихла и безвольно обмякла. Он пробежал последние несколько шагов и выхватил тело из рук Мэри.

Поблизости стояли Клэр и какой-то незнакомый мужчина, который теперь шагнул вперед и объяснил по-итальянски, что он доктор. Шелли позволил ему осмотреть покоящуюся на его руках Клару, и спустя мгновение доктор тихо сказал, что ребенок умер.

Наступившее молчание, казалось, всколыхнуло окружающий воздух до самого украшенного росписью арочного потолка. Шелли попросил мужчину повторить, что он только что сказал, более медленно. Мужчина сделал это, и Шелли покачал головой и потребовал сказать это снова. Диалог повторился несколько раз — несмотря на то, что доктор, очевидно, начинал терять терпение — пока, наконец, Шелли уже больше не мог тешить себя надеждой, что доктор сказал что-то другое. Все еще держа мертвого ребенка, он тяжело рухнул на софу рядом с Мэри.

«Мой мертвый сын, мой Магус Зороастр, — думал он словно в бреду, — в саду гуляя, встретил образ свой».

Несколько минут спустя отворилась выходящая на канал дверь, впуслав внутрь холодный порыв ветра, но Шелли так и не поднял взгляд. Ричард Хоппнер, Английский Консул, пересек комнату, взглянул на доктора и получил от него подтверждающий кивок, а затем склонился к Шелли и несколько раз назвал его имя, прежде чем Шелли, казалось, осознал, что он был здесь.

— Я могу взять все на себя, мистер Шелли, — мягко сказал Хоппнер. — Почему бы вам не оставить вашу дочь с нами, а самим не отправиться с миссис Шелли в вашу комнату. Думаю, у доктора должно найтись что-нибудь, что поможет вам успокоиться.

В душе у Шелли царила ноющая пустота, вакуум, пока он не вспомнил, что сказал ему Байрон во время их верховой прогулки по Лидо: «Очевидно, можно даже вдохнуть жизнь в труп недавно погибшего человека, если солнце еще не коснулось его своими лучами»... : а затем его тонкие губы растянулись в отчаянную улыбку.

Шелли поднялся, все еще прижимая к себе маленькое тело, и медленно подошел к окну. Лишь самые высокие шпили церквей все еще отливали золотом.

Он повернулся к Мэри, и даже несмотря на застилавшие ее глаза слезы, она увидела достаточно на его лице, чтобы испуганно вздрогнуть.

— Еще не слишком поздно, — сказал он, словно эхом вторя тому, что менее получаса назад сказал ему Байрон. — Но я должен взять ее... наружу, ненадолго.

Хоппнер начал было возражать, указывая на доктора, чтобы заручиться его поддержкой, и, казалось, испытал облегчение, когда Мэри поднялась, собираясь что-то сказать.

Но она сказала совсем не то, что он, по всей видимости, от нее ожидал. — Может быть, — сказала она Хоппнеру голосом резким от горя и страха, — вам лучше разрешить ему взять ее.

Хоппнер, повышая голос, начал было спорить, теперь уже с ней, но она не сводила глаз с лица Шелли. — Нет, — сказала она, обрывая Хоппнера, — он просто... хочет взять ее в церковь, чтобы отслужить над ней молитву. Он вернет ее обратно до...

— До рассвета, — сказал Шелли, большими шагами направляясь к двери.

* * *

Когда гондола выплыла в Большой Канал из узенького Рио ди Ка' Фоскари [\[239\]](#), он опознал усатого гиганта, орудующего веслом на соседней лодке, как Тито, гондольера Байрона, и махнул ему рукой; через минуту гондола Байрона подплыла борт о борт с его лодкой, и Байрон крепко сцепил оба планшера чтобы удержать лодки вместе.

Он увидел труп Клары и выругался. — Давай ее сюда, — сказал он, — и забирайся сам; я только что услышал, что на пьядца полно австрийских солдат — похоже они готовятся восстановить глаз — и они *тотчас* догадуются, что мы задумали, если увидят, как мы доставляем труп к подножию колонн.

Шелли протянул мертвую Клару, затем в нерешительности остановился. — Но нам ведь нужно ее туда доставить, весь смысл этого...

Байрон бережно принял у него тело и положил его вниз, на одно из кожаных сидений гондолы. Шелли заметил Аллегру, дочь Байрона и Клэр, с широко раскрытыми глазами сжавшуюся на сиденье ближе к носу.

— И мы это сделаем, — заверил его Байрон. — Просто мы не можем позволить им увидеть, что она мертва.

Шелли перебрался в гондолу Байрона, а затем попытался заплатить гондольеру, который подобрал его у входа в гостиницу, но мужчина, похоже, только сейчас понял, что перевозит труп, и, толкнувшись веслом, направил свое судно прочь, не взяв никакой платы.

— Хороший знак, — с надрывом сказал Шелли, садясь подле своей мертвой дочери. — Она не может отправиться в царство мертвых, если перевозчик [\[240\]](#) не возьмет две монеты.

Байрон мрачно ухмыльнулся, а затем приказал невозмутимому Тито двигаться тем же курсом — и поглядывать по сторонам в поисках любых *spectaculos di marionettes* [\[241\]](#). Он осторожно вытащил из кармана тряпичный сверток и развернул его; внутри оказался крошечный железный зажигательный снаряд [\[242\]](#), и он подул в прорези для воздуха. Шелли увидел разгорающийся внутри крохотный красный огонек.

Сейчас Шелли был готов полностью довериться Байрону, так что даже не спросил с причине, когда Тито причалил гондолу возле мостовой у Академии Изыщных Искусств [\[243\]](#), где в свете рано зажженных ламп шло кукольное представление.

Байрон снова завернул зажигательный снаряд и вернул его в карман, затем выбрался на берег, прихрамывая добрался до подмостков, и ухитрился прервать представление на время, достаточное, чтобы поговорить с одним из кукловодов позади сцены. Публика, казалось, была совсем не против нового представления, толпа зашевелилась, послышались оживленные возгласы «*Il motto signore inglese!*» — это сумасшедший английский лорд! Шелли увидел деньги сменившие владельца, а затем Байрон хромая направился назад с одной из больших сицилийских марионеток в руках. Это был рыцарь в золотых доспехах, с которого на тонких нитях свисала железная крестовина.

Когда Байрон вернулся в гондолу и приказал Тито двигаться дальше, он начал снимать с марионетки секции доспехов и бросать их Шелли. — Одевай Клару в это, — отрывисто бросил он. Шелли сделал, как он велел, и, когда Байрон передал ему золотой шлем с забралом, попытался натянуть его на голову Клары.

— Не подходит, — выдавил он, спустя несколько мучительных минут.

Канал погрузился в сумерки, и с каждой минутой становилось все темней — вода уже пестрела полосами и мазками цветных отражений от бесчисленных огней, льющихся из многооких дворцов проплывающих мимо.

— Должен подойти, — жестко ответил Байрон. Он вглядывался в выступающие из темноты очертания куполов Санта Мария делла Салюте. — И как можно быстрее — у нас осталась лишь минута-другая.

Шелли с силой натянул шлем, надеясь, что Аллегра не смотрит.

Гондола причалила к *фундамента* ^[244], перед освещенной уличными фонарями пьяцца ^[245], и, когда Шелли поднялся и шагнул из раскачивающейся лодки на ступени, он увидел, что на площади на самом деле были австрийские солдаты — выстроившееся в шеренгу — а еще увидел древесный уголь, солому, вязанки дров и кучи парусиновой ветоши, наваленные вокруг оснований колонн. Дыхание ветра донесло явственный запах брэнди.

Он повернулся к Байрону, который уже стоял позади вместе с Аллегррой. — Их что, можно пробудить, если сильно нагреть?

— Верно, — ответил Байрон, вглядываясь в том же направлении, — если использовать подходящее горючее, и к тому же не должно светить солнце. Похоже, австрийцы готовы; глаз должно быть уже в Венеции. Жаль, что я не подумал захватить Карло.

Тито остался в гондоле, и необычная четверка — Байрон, Аллегра и Шелли несущий жуткую марионетку — большими шагами направилась через площадь.

Несколько австрийских солдат выступили вперед, похоже, намереваясь их остановить, но начали хохотать, когда увидели, что нес Шелли, и окликнули его по-немецки.

— Они хотят увидеть пляску марионетки, — напряженно прошептал Байрон. — Думаю, лучше им уступить. Это отвлечет их внимание. А я тем временем попытаюсь поджечь заготовленное ими топливо — сейчас, пока глаз все еще не здесь — пока они смотрят на тебя.

Шелли в ужасе воззрился на него — и тут он заметил ветхого, опирающегося на трость старика, стоящего позади Байрона. На секунду под коричневой мантией промелькнула вспышка света, и Шелли понял, что там у него спрятана лампа. Не собирается ли он тоже преждевременно поджечь заготовленное горючее, пока Грайи лишены своего глаза?

Старик встретился с ним взглядом и кивнул, словно бы отвечая на его мысль — и внезапно Шелли вспомнил, что видел его здесь месяц назад; он тогда крикнул что-то, что прозвучало как *Перси*, но теперь Шелли как никогда был уверен, что на самом деле он

крикнул *Персей*.

— Ну же, — прорычал Байрон. — Вспомни, если это сработает, это не будет неуважением к трупу. Он толкнул к нему Аллегру, что лишь усилило терзания Шелли — что она обо всем этом подумает?

Со слезами на глазах, Шелли схватил одной рукой железную крестовину, а другой стиснул нити, а затем позволил маленькому телу выскользнуть из рук, так что оно безвольно повисло, болтая ногами над щербатой мостовой — и, когда Байрон украдкой скользнул в сторону, скрывшись в тени, Шелли начал дергать за веревки и крестовину, заставляя тело исполнять гротескный танец. Свет фонарей красными отблесками вспыхивал на шлеме, который безвольно болтался на уровне его пояса.

Он крепко стискивал зубы, не позволяя себе думать ни о чем, лишь надеялся, что бешено громяхющее в груди сердце убьет его сей же миг; и хотя сквозь биение крови в ушах он смутно осознавал, что солдаты начинают ворчать, лишь, когда он украдкой бросил на них взгляд, он понял, что представление им не по нраву — что они видали и лучшее и в этих вещах имели более притязательные вкусы.

Каким-то образом от этого все сделалось еще немного хуже. Ему пришло в голову, что он теперь знает что-то, чего возможно не знает больше никто в целом мире — что нет проклятия более ужасного, чем *Позволить своей дочери умереть и быть превращенной в куклу, которая встречает неодобрение среди публики, состоящей из австрийских солдат*.

Затем под колоннами Дворца Дожей ^[246]раздался испуганный вскрик, и Шелли и думать забыл о своих зрителях. Он прекратил раскачивать тело и метнул взгляд вверх.

Двое солдат схватили Байрона, но лорд сумел освободить одну руку и бросил свой зажигательный снаряд в сваленную кучей солому у основания западной колонны — колонны, которая как помнил Шелли, была увенчана статуей Святого Теодора стоящего на крокодиле.

Один из схвативших Байрона солдат отпустил его и бросился туда, где упал пылающий зажигательный снаряд.

«Теперь мы вне закона, — подумал Шелли, — по крайней мере, Байрон».

В этот миг давешний старик в коричневой мантии, неуклюже ковыляющий к другой колонне, распахнул свое одеяние и по широкой дуге отправил лампу на мостовую возле ее подножия. На солому хлынуло пылающее масло.

Солдат, устремившийся к первой колонне, очевидно, счел это большей угрозой и, сменив направление, бросился ко второй колонне. Добежав до нее, он попытался ногой отбросить горящую солому в сторону; его брюки тут же занялись, но он не обращал на это внимания.

«*Feuer* ^[247]»! — завопили солдаты, и бросились прочь от Шелли и его марионетки. Старик со всей силы обрушил грубую прогулочную трость на австрийца, пытающегося отбросить огонь от второй колонны, и ее очевидно утяжеленный конец врезался тому в живот. Австриец согнулся пополам, а затем повалился на мостовую, корчась от боли и все еще объятый пламенем.

Мужчина, который был, очевидно, командиром австрийцев, сорвался с места и замахал руками, призывая поторопиться кого-то за темной громадой базилики ^[248]. Его фигура в свете пожара отбрасывала пляшущие тени на поддерживаемую колоннами стену Дворца Дожей. «*Das Auge!* — вопил командир. — *Komm hier! Schnell!*» ^[249]

Один из солдат навел винтовку на древнего старика и прищурился, собираясь выстрелить. Шелли схватил Аллегру за руку. Обстановка начала накаляться — этой ночью здесь запросто мог кто-нибудь погибнуть.

Байрон вырвался из хватки удерживающего его солдата и повалил его на землю. Двое солдат потащили своего горящего товарища в сторону канала, очевидно собираясь бросить его в воду, но его винтовка все еще лежала на мостовой. Байрон дохромал до нее, подхватил и поспешил обратно туда, где стоял Шелли с детьми.

За миг до того, как солдат выстрелил в старика, Шелли увидел существо отчетливо и безмолвно, словно из ниоткуда, возникшее в воздухе между солдатом и его мишенью. Это был крылатый змей, размером с большую собаку, и отсветы пламени играли на его чешуе и в размытых очертаниях крыльев, пока змееподобное существо извивалось в воздухе.

Грянул выстрел, и Шелли услышал, как пуля срикошетила от существа и унеслась в сторону колонн, пока отзвуки выстрела металась между дворцом и библиотекой.

Байрон схватил Шелли за руку. — Возвращаемся — все, что мы теперь можем, это надеяться, что огонь наберет силу, прежде чем они восстановят глаз.

Крылатый змей исчез, и внезапно разлившийся в воздухе холод заставил Шелли по привычке подумать, что следовало захватить для Клары пальто.

Сквозь красные отсветы пожара он увидел нескольких австрийских солдат несущих деревянный ящик со стороны базилики.

— А вот и глаз, — сказал Байрон. — Подержи Аллегру.

Командир австрийцев размахивал руками, подгоняя несущих ящик людей, и что-то кричал, кажется, что пламя уже почти набрало нужную силу.

Байрон выругался, осенил себя крестом, а затем вскинул захваченную винтовку к плечу. Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы прицелиться в приближающихся мужчин, а затем он выстрелил.

Передний носильщик споткнулся, и ящик полетел на мостовую. Байрон выдавил короткий, жесткий смешок, и еще один словно эхо сорвался с губ старика. Шелли так сильно стиснул руку Аллегры, что она начала плакать.

Командир бросил затравленный взгляд на Байрона и Шелли, а затем полез под ремень — Шелли, припав к земле, загородил собою Аллегру, но когда он испуганно глянул поверх плеча, он увидел, что австриец тянулся не за пистолетом.

Командир выхватил нож и, в тот самый миг, когда Шелли обернулся, полоснул ножом по горлу одного из солдат, с которыми боролся Байрон. Кровь брызнула на мостовую, когда солдат, откинувшись назад, рухнул на землю, беспомощно хватаясь руками за рассеченную шею.

— *Кровь*, — выкрикнул Байрон, отбрасывая винтовку, — он пролил кровь! Она позволит

им видеть!

Шелли бесцеремонно уронил Клару и бросился вперед, собираясь оттащить истекающее кровью тело прочь из области внимания Грай, но командир повернулся и перерезал горло другому солдату — и, пока Шелли бежал к нему, крича от ужаса, все еще в далеких двенадцати футах, командир посмотрел ему прямо в глаза, подвел лезвие под собственный подбородок и глубоко распахнул свое горло. Почти спокойно он осел на колени и повалился вперед.

Кровь теперь грязными лужами пятнала неровную мостовую. В голове у Шелли внезапно помутилось, и он остановился, спрашивая себя, что за наваждение заставляло камни мостовой под ногами казаться покрытыми рябью, словно они томились жаждой по той пище, что не получали с тех пор, как здесь прекратили проводить казни.

Но воздух пульсировал тоже, бился словно птица в силке, и Шелли подумал, что сама ткань мироздания дрожала здесь в знак протеста. Затем внезапно все прекратилось, и, хотя пламя охватившие колонны все еще бушевало и выбрасывало пучки горячей соломы вверх, колдовскими отблесками играя на венчающих колонны статуях, а солдаты все так же кричали и в панике метались по площади, Шелли почувствовал тяжелую неподвижность, воцарившуюся вокруг, и понял, что уже слишком поздно.

Грайи пробудились и впервые за долгое время оглядывались по сторонам.

На подкашивающихся ногах по вновь обретшей твердость мостовой, он вернулся туда, где стоял Байрон. Байрон бросил ему нелепо наряженное тело Клары и потащил Аллегру обратно к гондоле.

Шелли оцепенело последовал за ним, и их тени заплясали вокруг стоящего в гондоле Тито, когда сами они были еще далеко от причала. Когда Байрон поднимал Аллегру в гондолу, Шелли заметил, какой он неестественно бледный, и вспомнил солдата, которого он застрелил.

Он оглянулся назад — и от увиденного его волосы встали дыбом. Это было невозможно, но он увидел, как пролитая кровь быстро скользит через площадь от одной колонны к другой, по горизонтали, словно бы целая площадь наклонилась в ту сторону; а затем, когда он шагнул в сторону чтобы рассмотреть это получше, кровь устремилась в обратном направлении, к колонне, возле которой она была пролита.

Звезды в небе, казалось, тоже медленно куда-то сползали, и, когда Шелли повернулся чтобы забраться в гондолу, он заметил, что отбрасываемые пожаром тени имели необычайно резко очерченные края, без размытости.

Шелли чувствовал, что на него смотрит что-то огромное и безликое; ему пришлось взглянуть вверх, чтобы убедиться, что никто не склонился над ним, уставившись на него своими огромными глазами. В небе не было ничего, кроме холодно мерцающих звезд.

— Это колонны, — хрипло сказал Байрон, толкая его в гондолу. — Они — очевидно, зачарованы тобой.

Когда Шелли забрался внутрь и сел, Аллегра незаметно отодвинулась от него к носу гондолы, и на мучительный миг ему показалось, что она ненавидит его за то, как он обошелся с телом Клары; но затем она спрятала лицо за диванной подушкой и приглушенным голосом пискнула, «Почему этот глаз так строго глядит на тебя, дядя Перси?» — и он с облегчением понял, что она всего лишь хотела оказаться подальше от объекта, на который было устремлено подавляющее внимание Грай.

И они, в самом деле, пристально на него *взирали*, он чувствовал на себе их жгучий

интерес. Сердце учащенно билось в груди, словно ему приходилось выполнять дополнительную работу, толкая кровь против направленного на него внимания.

Байрон отвязал причальные тросы и запрыгнул в лодку.

Тито, орудуя веслом, поспешно отчалил от *фондамента*. Вода была покрыта необъяснимой рябью, хотя небо очистилось от туч уже несколько часов назад и сияло словно наколотыми на нем звездами. Шелли снова почудилось, что звезды двинулись в небе, ощутимо покачиваясь, словно игрушечные кораблики на поверхности покрытого рябью пруда. Он наклонился над бортом и отбросил вспотевшие волосы со лба, чтобы увидеть, что происходит в канале.

Что-то тяжело плескало в воде в пятидесяти ярдах от них, перед церковью Санта Мария делла Салюте, и мелкие брызги тускло мерцали в звездном свете — Тито громко и несвойственно ему молился, изо всех сил налегая на весло — а затем на мгновение что-то громадное показалось из воды, что-то сделанное из камня, но живое, и его грубая голова с бородой из морских водорослей, покрытая коркой наростов, казалось, с пристальным вниманием была обращена к ослепительно освещенной пьядца, а затем, спустя миг, оно с плеском обрушилось обратно в воду и пропало из виду.

Давящее чувство, что на него взирает что-то вселенского масштаба, улетучилось из груди Шелли.

— Это третья колонна, — хрипло сказал Байрон. — Та самая, которую уронили в канал в двенадцатом веке. Мы пробудили и ее тоже. Он с каким-то священным ужасом посмотрел на Шелли. — Думаю, даже *она* горит желанием посмотреть на тебя.

Шелли был рад, что заслонил от Аллегры этот зрелище — она и так уже увидела слишком многое в эту ночь — и попытался, как мог, расправить узкие плечи, чтобы не позволить ей увидеть больше; но вода, казалось, успокаивалась, и существо больше не появлялось.

Вскоре церковь Сан-Витале ^[250]заслонила от глаз опасное место, и он позволил себе немного расслабиться. Он с тревогой посмотрел на Аллегру. Она выглядела спокойной, но это его не убедило.

Он недолго оставался в Палаццо Мочениго.

Там он снял доспехи с поруганного тела Клары — а затем одолжил инструменты у сотрясаемого дрожью Байрона, который даже не спросил, зачем и даже не взглянул на него, когда их протягивал — прежде чем подать знак гондоле, в которой вернулся в гостиницу, где его ждали Мэри и Клэр.

* * *

Шелли направился вниз по холму, освещенному утренним солнцем, туда, где стояли Мэри и Клэр. Крошечный гроб уже опустили в могилу, и священник окроплял святой водой разверстый земляной зев. Слишком мало и слишком поздно, подумал Шелли.

«Прощай, Клара. Надеюсь, ты не в обиде за то последнее, что я для тебя сделал — тот чудовищный прощальный подарок, который я вручил тебе незадолго до рассвета, после того как мы вернулись в гостиницу, и все, кроме нас с тобой, отправились спать».

«Неужели я и вправду настолько задержался в Эсте, и позволил этому случиться с моим ребенком, просто потому что *поэзия* полилась из меня вдохновенным ключом? Неужели я так же повинен в возведенной на себя слепоте, как и Байрон, который самодовольно не желает замечать явную связь между своей любовницей Маргаритой Когни и тем, что он сейчас пишет»?

«Может быть, — подумал он. — Может быть, если бы я выбросился из гондолы по пути из Фузины в Венецию, когда Клара была все еще жива — а затем утопился, хоть и с таким опозданием — моя чудовищная сестра погибла бы тоже, и Кларе не пришлось умирать. Хотя вряд ли, к тому времени она уже была укушена».

Он снова взглянул на ободранную левую руку.

Когда прошлой ночью он крадучись спустился в гостиную, где хозяин сказал им поставить гроб, тот был закрыт. Но Шелли приподнял крышку и взял маленькое холодное запястье Клары в свою руку. Пульс отсутствовал, но он ощущал дремлющую в ней жизненную силу и знал какое «восстание из мертвых» ей уготовано, если он не примет известной с давних пор меры предосторожности.

И это не заняло у него много времени, несмотря на охватившую его дрожь и слезы, застилающие глаза.

Когда он закончил, он закрыл гроб снова, и, несмотря на все свое неверие, помолился, любой благой силе, которая могла его слышать, чтобы никто его не открывал — или, по крайней мере, никто, кто не знает об истинах, лежащих за суевериями.

Он выбросил одолженный у Байрона молоток в канал; деревянный кол, который разодрал его руки, а затем еще более ужасно разворотил маленькое тело Клары, остался торчать забитым ей в грудь.

... Чахотка эта — болезнь чрезвычайно равнодушная к людям пишущим такие прекрасные стихи, какие выходят у вас... Не думаю, что молодые и симпатичные поэты достаточно преданны, чтобы удовлетворить ее вкусам; их узы с Музами недостаточно крепки для подобного результата...

—Перси Биши Шелли,
к Джону Китсу, 27 Июля 1820

Я опасаюсь все больше, что есть что-то,
что влияет на его разум — по крайней мере,
так это мне представляется — он также чувствует,
что живет сейчас за счет кого-то другого
или что-то в этом роде.

—Доктор Джеймс Кларк, лечащий врач Китса в Риме

Напиши Джорджу, как только получишь это письмо,
и расскажи ему, как обстоят мои дела, думаю тебе все понятно;
и еще напиши пару строк моей сестре — которая разгуливает
по моему воображению словно призрак — совсем как когда-то Том.
Не знаю, что еще сказать на прощанье.
Я так и не научился откланиваться.

— Джон Китс,
к Чарльзу Брауну, 30 Ноября 1820 [\[251\]](#)

Здесь лежит тот, чье имя — надпись на воде.

— Джон Китс,
эпитафия самому себе

Даже в этот зябкий день на площади Испании [\[252\]](#) было множество художников, главным образом Английских туристов. Они установили мольберты у подножия широких мраморных ступеней, террасой сбегаящих по холму Пинчо [\[253\]](#) от близнецов-колоколен церкви Тринита дей Монти [\[254\]](#). Майкл Кроуфорд шагал через пятаццо, направляясь к крытому черепицей дому номер 26, где он снимал жилье. Его ботинки разбрасывали кучи маленьких желтых скорлупок, что покрывали мостовую везде, где собирались низшие слои Римского общества, и он с кислой улыбкой поглядывал на бездельников уплетающих тарелки тушеных бобов, которые и были избавлены от этой шелухи.

Собственно говоря, попрошайками они не были — они стояли здесь в надежде, что их попросят позировать для картин. Для того, чтобы выпросить такую работу, они любили принимать, словно бы случайно, позы, которые по их разумению были для этого наиболее

подходящими: вот, опирающийся о лестничный карниз бородатый юноша сввалившимися щеками, возведший очи к небу и что-то бормочущий про себя, очевидно, он надеется, что его попросят изображать какого-нибудь страдающего святого или, быть может, даже самого Иисуса Христа; а выше, возле фонтана Бернини [\[255\]](#), женщина в голубом платке прижимает к груди младенца и выводит свободной рукой блаженно благородные жесты. Погода, очевидно, была слишком холодной, чтобы сюда заявился погреться на солнышке кто-нибудь из представителей *dolce far niente*, этой «сладостное ничегонеделание» жизни, но святые и мадонны, и даже целые Святые Семейства, все равно стояли дрожащими группками вдоль отлогих серых пролетов лестницы.

На мгновение Кроуфорда охватило необъяснимое искушение бросить сумку и затесаться в ряды «святых», просто чтобы узнать, когда художник, наконец, попросит его позировать, какого героя он, по его мнению, представляет. Гиппократ? Отравителя Медичи?

Поборов минутный порыв, он ускорил шаг, так как даже в Риме зима может быть беспощадной к жертвам чахотки, а мужчина, которого ему предстояло осмотреть, был предположительно на последней стадии этой болезни; а его сиделка, для которой Кроуфорду дали какое-то лекарство, лежавшее теперь в пузырьке в кармане пальто, по всей видимости, страдала от нервного расстройства, которое делало ее опасной как для самой себя, так и для ее пациента.

Хотя поступь Кроуфорда была все еще легка, и ему едва стукнуло сорок лет, волосы его были почти полностью седыми. К этому времени он уже два года снова работал как доктор, главным образом по найму на человека по имени Вернер фон Аргау, и гонорары свои он отрабатывал сполна. В течение последних двадцати шести месяцев ему пришлось объехать всю Европу. И сейчас он был рад снова вернуться в Рим.

Он встретил фон Аргау в Венеции зимой 1818-го. Кроуфорд, почти нищий в те дни, допоздна засиделся, напиваясь при свете лампы в маленьком кафе, прилепившемся к каналу, когда раздавшийся поблизости пронзительный вскрик и лязганье скрепленных шпиг заставили его вскочить на ноги. И, когда он отбросил выпивку и стремительно преодолел дюжину ярдов по берегу канала, он наткнулся на юношу, растянувшегося на древней мостовой возле выроненного меча, в промокшей от крови рубашке.

Сквозь затихающую барабанную дробь улепетывающих шагов Кроуфорд услышал скрежещущее дыхание юноши, так что он опустил на колени, и, используя меч, соорудил повязку из шелкового жакета жертвы и плотно завязал ее вокруг раны на животе. Затем Кроуфорд бросился обратно в кафе и нашел помощников, чтобы дотащить туда полубессознательное тело, и, когда они аккуратно положили юношу на полу возле одного из столов, он сшил края раны с помощью шпильки и кухонной бечевы.

Юноша пришел в сознание, когда Кроуфорд и несколько добровольцев доставляли его на лодке в ближайшую больницу, и, когда узнал, кто наложил ему шов, слабой рукой извлек из кармана кошельки и настоял на том, чтобы Кроуфорд его взял; и, когда Кроуфорд заглянул в него позже этим вечером, в кошельке оказалась дюжина золотых луидоров.

Собираясь бережливо использовать эти деньги, Кроуфорд потратил немного на дешевую комнату и тарелку горячих, отдающих несвежим маслом, макарон, но на следующее утро в его дверь постучал посыльный и позвал его в больницу. Кроуфорд так никогда и не узнал, каким образом посыльному удалось его разыскать.

К изумлению Кроуфорда юноша, которого он зашил минувшей ночью, бодрый и полный сил, лучась улыбкой, восседал на больничной кровати; и когда Кроуфорд неловко стал

благодарить его за деньги, юноша прервал его излияния и сказал, что никакие деньги не смогут оплатить его долг перед Кроуфордом за то, что он спас его жизнь — и что он готов предложить ему работу, если, конечно, Кроуфорду она нужна.

Кроуфорд опустил взгляд на свою поношенную одежду, затем взглянул на юношу и с кривой улыбкой и спросил, что за работу он может ему предложить.

Юноша оказался Вернером фон Аргау, состоятельным филантропом, покровителем изящных искусств. Он объяснил Кроуфорду, что не только *спонсирует* художников, музыкантов, политиков и религиозных лидеров, но и предоставляет им также наилучший медицинский уход, когда они в нем нуждаются, и спросил Кроуфорда, не хотел бы он поработать на него в качестве хирурга, так как его навыки в этой сфере, очевидно, весьма высоки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кроуфорд ответил, что может законно заниматься только ветеринарной практикой и не достиг в этом успеха — собственно, и в Венецию он прибыл лишь для того, чтобы попробовать занять денег у знакомого, которого не видел уже пару лет, и спускал минувшим вечером в кафе последние сбережения лишь потому, что расстался с тем знакомым в напряженных отношениях и хотел заглушить гордость спиртным, прежде чем обратиться к нему с просьбой.

Фон Аргау заверил Кроуфорда, что навыки его были превосходными, к тому же он снабдит его безупречными фальшивыми разрешениями, и — поскольку фон Аргау будет обращаться к нему довольно нечасто — он вполне сможет, если захочет, устроиться где-нибудь на постоянную работу, в любой области, в которой ему хотелось бы преуспеть.

Это окончательно убедило Кроуфорда.

Он не чувствовал, что вправе спрашивать о природе разногласий, приведшей к их встрече; но прежде, чем принять предложение фон Аргау, *собрался* духом и спросил, каждую ли полночь на него нападают с мечом.

Фон Аргау рассмеялся и заверил его, что это бывает нечасто — но когда Кроуфорд зашивал его на залитом кровью полу кафе, он заметил широкий рубец под ребрами юноши, так что он знал, лезвие ночного убийцы отнюдь не первое нарушило целостность кожного покрова фон Аргау.

Позже он узнал, что фон Аргау был неясно, но весьма тесно связан с новым австрийским правительством Венеции, и, что его чрезвычайно ненавидели и боялись среди Карбонариев, древнего тайного общества, которое в настоящее время прилагало усилия, чтобы выдворить чужеземных захватчиков из Италии. Фон Аргау предупредил Кроуфорда, что его тоже сочтут австрийским агентом, даже если он всего лишь будет лечить людей; было бы достаточно мудрым, сказал фон Аргау, не забредать в места, где обнаруживаются водруженные на шест деревянные головы, называемые «*mazzes*», так как этот *маис* ^[256] — по сути, флаг Карбонариев.

Это не отпугнуло Кроуфорда, и не прошло и месяца, как он получил место в Больнице Святого Духа ^[257] в Риме, на берегу Тибра ^[258], между величественным зданием Святого Петра ^[259] с одной стороны и укреплениями Крепости Сан'Анжело ^[260] с другой.

Он снял квартиру на дальней стороне реки, пару комнат, выходящих на фонтан Нептуна на Площади Навона ^[261]. Каждое утро, когда не было поручений от фон Аргау, он направлялся по узким улочкам к Мосту Сан'Анжело ^[262] и пересекал по нему реку, каждый

раз испытывая облегчение, если на мосту кроме него оказывался кто-нибудь еще, так как не чувствовал себя тогда столь одиноким и беззащитным посреди высоких каменных ангелов, взирающих на него со своих постаментов, установленных через каждые несколько ярдов вдоль каменных парапетов моста.

Больница, на самом деле, представляла из себя несколько больниц, каждая из которых занималась страдальцами определенного типа. Кроуфорд работал в приюте для подкидышей, заботясь о младенцах, которых анонимно доставляли через маленькую решетку в стене, что открывалась, когда снаружи на улице звонили в колокольчик. Младенцы обычно прибывали ночью, и Кроуфорд никогда не видел ни одного сломленного нуждой родителя звонящего в колокол. А иногда, когда от усталости у него уже темнело в глазах, ему казалось, что там вообще никогда никого не бывало, просто звонил колокол и появлялись малютки в корзинке, что сам город подкидывал в корзину этих младенцев, возможно являясь в виде одного из тех каменных ангелов с моста.

Кроуфорд не видел фон Аргау с тех пор, как покинул Венецию, но каждый месяц или два кто-нибудь представляющий богатого юношу приходил в его скромное жилище. Кроуфорд часто задерживался на работе, но посыльные никогда не навещали его в больнице, предпочитая дожидаться на улице возле его квартиры, даже если было холодно или дождливо. Однажды он спросил об этом одного из них, и посыльный объяснил, что им доставляет неудобство расположившийся по ту стороны реки Ватикан.

Поручения, которые они ему доставляли, были всегда связаны с одним и тем же недомоганием — псевдо-чахоткой, которую фон Аргау настойчиво требовал лечить с помощью чеснока, святой воды и закрытых окон... а часто и настойкой опия, чтобы убедиться, что пациент будет спать всю ночь.

Кроуфорд, конечно же, знал о последствиях такого лечения — ему не раз приходилось замечать темные парные проколы на телах многих из этих особых пациентов. Но он давным-давно смирился с тем, что жизни его никогда не стать такой как прежде, какой она была до той ночи, четыре с половиной года назад, когда он надел обручальное кольцо на палец статуи на заднем дворе гостиницы в Кенте. По крайней мере, его новая работа давала ему возможность заниматься тем единственным делом, которое, казалось, все еще имело для него какое-то значение: ухаживать за новорожденными, этими крохотными беззащитными людьми, у которых еще не было возможности сделать что-то, что лишило бы их Божьей милости.

* * *

Дом 26 располагался в южном конце площади Испании, и Кроуфорд прошел через арочный вход старого здания и взобрался по ступеням на лестничную площадку второго этажа, откуда шагнул в длинный коридор и начал отсчитывать двери квартир, ступая по потертому деревянному полу. Ему сообщили, что его новый пациент занимает две угловые комнаты, выходящие на пьядца. Фортепьянная музыка — что-то из Гайдна [\[263\]](#) — мягкими волнами струилась в неподвижном воздухе.

Он добрался до нужной двери и постучал, и, пока ждал ответа, вспоминал, что ему

сообщили о данном случае.

Пациентом был молодой англичанин, поэт, тяжело болевший чахоткой — но в данном случае его чахотка требовала курса лечения прямо противоположного тому, который обычно рекомендован фон Аргау. *Никакого*чеснока! Даже запаха его не должно появляться в пределах комнаты. Также необходимо *избавиться*от любой религиозной атрибутики, а окна должны быть *отворены*на всю ночь.

Кроуфорд очень хорошо знал, что во всех цивилизованных медицинских университетах методы фон Аргау просто бы осмеяли, а самого его отчислили — а может быть и упрятали за решетку — но он уже не раз видел, как умирающие пациенты поправлялись от подобных мер.

Фортепьянная музыка замерла, как только он постучал, а затем в течение нескольких секунд из-за двери слышался скрип передвигаемой мебели. В конце концов, загремел засов и на пороге возник молодой, обеспокоено выглядящий мужчина. По случайному расположению стульев в комнате становилось понятно, что именно ими минуту назад была забаррикадирована дверь.

Кроуфорд был озадачен, пока не заметил фортепьяно — несомненно, взятое в аренду — которое стояло в дальнем углу комнаты. По итальянским законам каждый предмет мебели в квартире, где жил чахоточный, после его смерти надлежало сжечь, так что эти люди не могли позволить домовладелице ворваться без стука и обнаружить больного чахоткой в их старомодно обставленной квартире.

— *Si?* — дрожащим голосом произнес юноша, говоря с сильным английским акцентом.
— *Cosa vuole?* [\[264\]](#)

— Мой английский всегда со мной, — сказал Кроуфорд, протискиваясь мимо него в комнату. — Я Майкл Кроуфорд, врач. Меня послали осмотреть юношу по имени Джон Китс — судя по всему, он находится здесь, — сказал он, направляясь к двери в соседнюю комнату.

Юноша, казалось, испытал облегчение, что больше не нужно говорить по-итальянски, однако при этих словах снова насторожился. — А что, доктор Кларк не смог прийти? Это он прислал вас? Сиделка только что ушла за почтой, и она должна уйти домой, вскоре после того, как вернется, но...

— Нет, я не от доктора Кларка. Я работаю в больнице Святого Духа, за рекой, но сейчас я здесь по независимому поручению. Прошу прощения, но мне сказали, что мистер Китс очень плох, и мне бы хотелось начать незамедлительно — не могли бы вы сказать ему о том, что я здесь?

— Но мы... мы не можем себе *позволить*другого доктора! Мы и так уже задолжали доктору Кларку, а сиделка и вовсе работает бесплатно. Вы...

— Мой счет уже оплачен — одним анонимным добрым Самаритянином, который приглядывает за людьми, вроде нуждающихся поэтов, которых угораздило заболеть. Ну, так что, доложите обо мне?

— Нуу... Юноша остановился возле Айкмэна и постучал в дверь. — Джон? Здесь доктор, он говорит, кто-то заплатил ему, чтобы он позаботился о тебе... может, это был Шелли, или Браун вернулся в Англию.

Айкмэн слегка нахмурился при упоминании первого имени и внезапно ощутил, что ему нужно выпить. — Я подожду в коридоре, пока вы говорите, — поспешно сказал он, разворачиваясь и ощупывая внутренности пиджака.

Выйдя из комнаты, он свинтил крышку с фляжки и запрокинул ее ко рту. Сделав несколько больших глотков брэнди, он вернул крышку на место и спрятал фляжку обратно в карман. Обычно чтобы перебить запах он разжевывал зубчик чеснока, но ему было сказано, что этот Китс не должен подвергаться его воздействию, так что чеснок пришлось оставить. «Да уж, лучше некуда, — подумал Кроуфорд, — может быть, поэт не будет принимать, чем пахнет изо рта у дареного ему доктора».

Эта мысль показалась ему довольно забавной, и он все еще тихо посмеивался про себя, когда снова зашел в квартиру.

Юноша у двери принялся пристально на него поглядывать. Он поспешно повернулся к закрытой двери, и Айкмэн услышал его шепот: — Господи Боже, Джон, чутье тебя не подвело — он и вправду пьян!

Кроуфорд уже был готов поставить на место этого неблагодарного бедняка, когда из-за закрытой двери раздался смех, а затем ослабленный болезнью голос отозвался, — Пьян? О, ну тогда все в порядке, Северн [\[265\]](#), пусть заходит.

Северн закатил глаза, но все же толкнул дверь, и Кроуфорд шагнул мимо него в соседнюю комнату, так надменно, как только мог. Северн последовал за ним.

Это была тесная комнатуха, с кроватью у одной стены и окном в другой. Лежащий в постели юноша был худой и чахлый, с глубоко запавшими глазами, но выглядел, словно некогда был сложен довольно крепко — и когда он поднял взгляд, Кроуфорд узнал его.

Это был тот самый студент-медик, который помог ему ускользнуть от Джозефины в Лондоне четыре года назад, и который был первым, кто рассказал ему о нефелимах. Как там было название того чертового паба под Лондонским мостом, в который Китс его тогда затащил? Галатея, вот как он назывался.

Китс, похоже, тоже его узнал. Мгновение он испуганно смотрел на него, и улыбка, которую он потом выдавил, казалась натянутой. — Доктор...?

— Айкмэн, — сказал Кроуфорд.

— Нет... дайте-ка вспомнить... Франкиш?

Ну и память у этого юнца! — Нет.

В комнате стоял густой дрожжевой, словно в пекарне, запах заморенного голодом тела — традиционная врачебная мудрость предписывала больным чахоткой практически ничего не есть. Кроуфорд пересек комнату, отпер окно и толкнул створки наружу.

— Свежий воздух очень важен при лечении заболеваний подобных Фтизису [\[266\]](#), — сказал он. — Очень удачно, что ваша кровать близко к окну.

Внизу он видел путешественников-живописцев и широкие ступени, полого взбегающие вверх по холму, а также группки дрожащих святых, столпившихся возле парапетов. Шпиль выходящей на площадь церкви Тринита дей Монти отбрасывал длинную зимнюю тень, словно это был гномон [\[267\]](#) солнечных часов, предназначенный скорее указывать не время, а времена года. Позади церкви виднелись лишь заросшие лесом зеленые холмы, так как это была северная оконечность города.

— Второй важной вещью, — начал он, а затем осекся. Он оперся рукой на подоконник, и когда он ее отнял, на ней остался жир. Даже не поднося руку к носу, он чувствовал запах чеснока. — Что это? — тихо спросил он.

Китс сразу как-то насторожился, Северн же лишь рассмеялся. — Нам сюда доставляют обед из трагтории [\[268\]](#) на первом этаже, — объяснил он, — мы платим за это целый фунт в

день, но поначалу еда была просто *ужасна*! Так что однажды Джон просто взял тарелки у разносчика, и, не переставая улыбаться, вывалил их все за окно и протянул пустые тарелки обратно! С тех пор еда просто превосходна — а наша домовладелица даже не выставила нам счет за тот обед, что отправился напрямик на площадь. Он присмотрелся к руке Кроуфорда. — Э-э, похоже, он нечаянно уронил немного на подоконник, когда это проделал.

— Нечаянно, — задумчиво повторил Кроуфорд, улыбаясь Китсу. — Что ж, вряд ли можно ожидать, что вы пойдете на поправку, пока тут повсюду раскидана гниющая пища. Как только эта ваша сиделка вернется, я попрошу ее все здесь вымыть. Теперь также важно чтобы вы...

— Мне не нужны ваши услуги, — с нажимом произнес Китс. — Мне вполне хватает Кларка, я не нуждаюсь...

Кроуфорд пообещал себе, что вскоре обязательно выпьет еще. — Я имел дело с дюжиной случаев подобных вашему, мистер Китс, и все мои пациенты поправились. Может ли Кларк похвастаться таким же достижением? Может ли он хотя бы с уверенностью сказать, что *это* чахотка? Не было ли случайно симптомов, которые... его озадачили?

— А ведь, правда, Джон, — вставил Северн, Кларк допускал, что что-то не в порядке с твоим желудком или сердцем...

— Мой брат мертв, Франкиш, — громко сказал Китс — его изможденное лицо, казалось, в этот миг еще больше осунулось от тревоги и беспомощности. — Том умер в Англии два года назад, от *чахотки*, — Китс прервался, резко закашлявшись, но спустя несколько мгновений заставил себя остановиться. — А ему, — продолжил он хриплым голосом, — ему не исполнилось еще и восемнадцати... а за два года до этого — собственно как раз после того, как я вас встретил — он начал получать *письма в стихах* от кого-то, подписывающегося как «Amena Bellafina», и я уверен, что ваш итальянский достаточно хорош, чтобы перевести это, скажем, как «дарящая удовольствие возлюбленная» — хотя *bellam* может также означать «решающий поединок»...

Голос Китса становился все более и более напряженным и теперь сменился надсадным кашлем, что скопился у него внутри. Он упал обратно в кровать и затрясся, пока ужасный кашель рвался из его груди и окрашивал губы алой кровью.

Кроуфорд присел возле него на колени и взял его худое запястье. Любой обыкновенный доктор затачивал бы уже ланцет и посылал за тряпкой, лоханью, подушками для опоры и губкой смоченной в уксусе, но где-то по дороге из Англии в сегодня Кроуфорд растерял свою веру в флеботомию — кровопускание теперь казалось ему почему-то немыслимым насилием над пациентом, и он сомневался, что когда-нибудь еще его сделает.

Пульс Китса был четким, что было нехарактерным при чахотке — но Кроуфорд и без этого знал, что это была не чахотка. Камфора, селитра, белая белена — сейчас он не прописал бы ничего из этого.

Китс начал затихать, дыхание стало более глубоким, но он, казалось, был без сознания.

— У него бред, доктор? — спросил Северн, и, когда Кроуфорд взглянул на него, он впервые заметил, каким измученным был друг Китса.

— Как раз так любой доктор вам и скажет. Кроуфорд выпрямился. — Сколько вы уже приглядываете за ним?

— С сентября — пять месяцев. Мы вместе приплыли из Англии.

Кроуфорд направился в первую комнату. — Как долго вы двое пробыли здесь в Риме?

— С ноября, мы причалили в Неаполе в день рождения Китса, Хэллоуин.

— Путешествие из Англии заняло больше месяца?

— Да. Северн рухнул в кресло и потер глаза. — Погода была плохой, когда мы отчалили, и целых две недели нас мотало туда-сюда, мы просто плавали туда и обратно вдоль южного побережья Англии, ожидая, когда погода наладится; в конце концов, мы отправились через Ла-Манш, но путешествие было просто ужасным, а когда мы, наконец, достигли Неаполя, нас продержали десять дней в карантине на борту корабля.

— Почему?

— Нам сказали, что в Лондоне была эпидемия тифа.

— Ха. Кроуфорд, которые работал в одной из крупнейших Римских больниц и которого часто звали, когда требовался говорящий по-английски человек, не слышал ни о какой эпидемии. — Хэллоуин — его день рождения, — задумчиво сказал он, припоминая, что говорил ему четыре года назад Китс.

Должно быть, вот почему лечение, на котором настаивал фон Аргау, было противоположным тому, что он обычно поручал Кроуфорду проводить в этих случаях псевдо-чахотки. Обычно пациентов следовало защитить с помощью чеснока, святой воды и закрытых окон, чтобы источник их истощения не мог до них добраться. Но Китс в силу своего рождения был приемным сыном семейства нефелимов. *Он* был другим — и лишь повторное принятие яда могло сейчас сохранить *ему* жизнь.

«И, — подумал он, — Китс без сомнений это знает — почему же он намеренно держит... ее... снаружи?»

Стоило только возникнуть этому слову *ее*, как он заметил заглавие книги, лежащей на столе — *Ламия, Изабелла, Канун святой Агнессы и другие поэмы...* Джона Китса. Он поднял книгу.

— Вторая книга поэм Китса, — сказал Северн.

Вес флакона в кармане напомнил Кроуфорду, что он должен дождаться сиделку, и в любом случае, до наступления темноты к Китсу не могли быть применены никакие серьезные лечебные меры, так что он внимательно посмотрел на Северна. — Я бы хотел остаться и поговорить с сиделкой, о которой вы упомянули. Не возражаете, если я скоротаю время за книгой?

Северн махнул рукой. — Конечно. Хотите, я заварю вам чай?

Кроуфорд вытащил фляжку и отвинтил крышку, не обращая внимания на возмущенный взгляд Северна. — Спасибо. Пожалуй, можно одну чашку.

Ламия была эпической поэмой, повествующей о Коринфском юноше, который обвенчался с существом, что иногда было женщиной, а иногда становилось крылатым, словно украшенным драгоценными камнями змеем, и как юноша умер после того, как его друг ее прогнал. Изабелла рассказывала историю знатной девушки, чьи братья убили ее низкородного любовника, голову которого она позже выкопала и посадила в горшок с базиликом, и впоследствии поливала своими слезами. Кроуфорд спросил себя, не были ли эти две поэмы на самом деле одной и той же историей — историей женщины сочетающейся браком, не подобающим ее положению, и этим непреднамеренно вызывающей гибель мужчины, которого она искренне любит.

Наконец в коридоре раздались приближающие шаги, и Северн, отложив журнал, который он читал, поднялся на ноги. — Это должно быть Джулия, наша сиделка, — сказал он.

Кроуфорд тоже поднялся, все еще держа книгу Китса — но выронил ее, когда Северн

открыл дверь, и сиделка вошла в комнату.

На какой-то миг он был уверен, что это и впрямь Джулия, *его* Джулия, его вторая жена, что столь ужасно погибла в гостинице в Гастингсе. Затем он заметил, что форма ее челюсти была слегка неправильной, а лоб был слишком высоким, и кашлянул, пытаясь скрыть замешательство.

Но, когда она взглянула на него, он увидел, что один ее глаз смотрит неправильно и немного отличается по цвету от второго, и волосы зашевелились на его голове, когда он понял, кто это был.

— Джулия, — представил его Северн, — это доктор Айкмэн. Больница через реку прислала его — бесплатно! — осмотреть Джона.

Джозефина кивнула Кроуфорду, очевидно его не узнавая, и это напомнило ему о том, как сильно он постарел с тех пор, как она видела его в последний раз. — Доктор Кларк согласился привлечь вас как консультанта?

Кроуфорд гадал, могло ли в том, что привело ее сюда, быть что-то кроме немыслимого, ужасающего стечения обстоятельств, и поэтому пропустил ее вопрос и был вынужден попросить ее повторить. Она сделала это, и он устало покачал головой и потянулся к лежащей на столе фляжке.

— Нет, — ответил он, поднося фляжку ко рту. — Прошу прощения, — сказал он мгновение спустя, опуская фляжку и вытирая рот свободной рукой. — Нет, но я могу показать вам мои медицинские разрешения и рекомендации, которые, я гарантирую, превосходят все, чем может похвастаться Кларк — *ия* могу гарантировать выздоровление мистера Китса.

Джозефину его слова, казалось, не убедили. — А что обо всем этом думает мистер Китс?

— Джон отказывается от его помощи, — вставил Северн, очевидно снова задетый неподобающим поведением Кроуфорда. — Айкмэн хочет, чтобы Джон спал с открытым окном и... ох, еще он хочет, чтобы вы отмыли там *подоконник*.

По тону, которым он это сказал, было ясно, он ожидает, что сиделку оскорбит, что ее держат за прислугу, но вместо гнева в ее глазах мелькнула тревога.

— *Кто* вас послал? — тихо спросила она. — Кто угодно только не Больница Святого Духа, *он*итам не возражают против чеснока, святой воды и закрытых окон!

Северн непонимающе уставился на нее, но Кроуфорд приблизился к ней и сказал прямо в ее лицо. — Я никогда не говорил, что меня послала Больница Святого Духа. Я лишь сказал, что мои методы помогут ему исцелиться. Он вспомнил, что она и сама страдала от своего рода нервного расстройства, и подумал, как было бы прекрасно разомкнуть сейчас ее челюсти и опрокинуть содержимое пузырька прямо ей в горло.

Одновременно он смутно осознавал, что и сам сегодня не был верхом тактичности; упоминание о Шелли, а затем внезапное появление Джозефины, и тысячи воспоминаний из его, казалось, безвозвратно ушедшего прошлого, вновь нахлынули на него. Только из-за этого он и носил собой эту фляжку. Она помогала ему привести себя в бессознательное состояние каждый раз, как такое случалось — как правило, поздно ночью — и его одолевало искушение пригласить свою нечеловеческую супругу вернуться — и вот сейчас он беззастенчиво присосался к фляжке в самой что ни на есть середине дня.

Фон Аргау заставил его выучить последовательность действий, к которым следовало прибегнуть, если события начнут выходить из-под контроля, и он опасался, что скоро, ему,

хочешь не хочешь, придется впервые ей воспользоваться. Несмотря на то, что Фон Аргау нахмурился, когда описывал процедуру, и вне всяких сомнений надеялся, что Кроуфорду не придется к ней прибегнуть.

— Послушайте, — отчаянно сказал Кроуфорд, — дайте мне всего лишь одну ночь. Если к завтрашнему утру он стремительно не пойдет на поправку, я полностью оплачу счет доктора Кларка — а также ваше жалованье, — добавил он, поворачиваясь к Джозефине, — за все то время, что вы здесь работаете.

Выражение лица Джозефины не изменилось, но Северн недоверчиво улыбнулся — Правда? Не могли бы вы написать расписку? Хвала Небесам, это позволит...

— Нет, — резко оборвала его Джозефина, — он должен уйти. Джону не нужны его услуги. А я не нуждаюсь в плате за эту работу — я сберегла кое-что на черный день, к тому же по выходным у меня достаточно пациентов, которые платят, да и арендная плата в приюте Святого Павла не слишком обременительна...

— Простите, Джулия, — немного суховато ответил Северн, — но боюсь, не вам принимать решение подобного рода. Если этот человек желает оплатить счет Кларка...

В этот миг позади них отворилась дверь, и, повернувшись, Кроуфорд с изумлением увидел, что Китс поднялся с постели и, покачиваясь, возвышается в дверном проеме.

— Мой брат, — прошептал Китс, а затем повалился вперед.

Кроуфорд и Северн ринулись к нему и подхватили в самый последний момент, а затем оттащили обратно в кровать.

— Вы, сказали нам, — мягко сказал Кроуфорд, — что Том умер от чахотки.

Китс нетерпеливо покачал головой. Другой брат, Джордж — надеюсь *у него* все хорошо — я уговорил его отправиться в Америку — мне даже пришлось одолжить ему на это денег — но теперь он вдали отсюда, и целая Атлантика лежит между ним и моей... крестной матерью, моей демонической матерью... а мой брат Эдвард умер, когда мне было всего лишь шесть... но *моя сестра*, Фани, ей лишь семнадцать! И она сейчас в Англии! Боже, неужели вы не понимаете? Я... Он сорвался на глухой кашель, и, казалось, вновь потерял сознание; но спустя мгновение он открыл глаза, пристально посмотрел на Северна и выдавил через окровавленные губы, — Мне очень жаль, Джозеф. Я знаю, что было бы прекрасно избавиться от долга перед Кларком. Но этот... малый, Айкмэн, должен уйти. И не позволяй ему возвращаться.

Кроуфорд склонился над кроватью. — Ты хочешь умереть, ты это пытаешься сказать?

Китс отвернул голову к стене. — Нет, чертов идиот, я не *хочу* умирать. Боже...

Северн схватил Кроуфорда за руку и насильно вывел его из комнаты, а затем выпихнул через входную дверь в коридор. Кроуфорд был слишком удивлен, чтобы сопротивляться, так как Северн совсем не выглядел сильным.

— Он помолвлен с девушкой в Англии [\[269\]](#), — сквозь зубы процедил Северн, — и знает, что больше никогда ее не увидит. Она пишет ему письма, но он больше не разрешает их читать. Даже вскрывать их не разрешает. При этих словах, на его глаза навернулись слезы, и он сердито смахнул их прочь.

— А его новая книга, наконец-то она привлекла внимание, на которое он надеялся всю свою жизнь. И он не какой-нибудь... *аскетичный затворник*, он — был когда-то — подвижным, здоровым юношей, а теперь он в *Риме*, но не может даже выбраться наружу и *посмотреть* на него. А выговорите, он *хочет* умереть.

Кроуфорд начал было говорить, но Северн грубо его толкнул, и он сделал несколько

пьяных шагов обратно по коридору.

— Если я увижу вас здесь снова, я... — начал Северн, затем просто безнадежно тряхнул головой и вернулся в комнату, захлопнув за собой дверь.

Кроуфорд чертыхнулся, не в последнюю очередь потому, что оставил внутри свою фляжку, затем развернулся и направился обратно к лестнице.

* * *

Некоторые слова пишутся только кровью; палец Кроуфорда превратился в израненный обрубок к тому времени, как он, то и дело втыкая в него кончик пера, нацарапал письмо своему Австрийскому хозяину. В конце концов, он отложил перо и, посасывая палец, перечитал записку.

Он не будет сотрудничать; сиделка тоже. Сожалею.

К тому времени, как он отыскал и запрятал в карман специальный свисток, которым его снабдил фон Аргау, кровь на бумаге уже успела высохнуть. Он собирался оставить записку в руке какой-нибудь статуи — что в Италии, а тем более в Риме, сделать совсем несложно. Он покинул свою квартиру над площадью Навона — в дюжине кварталов от дома Китса — спустился по лестнице и, все еще посасывая палец, остановился, разглядывая три широких фонтана, расположившиеся на длинной площади.

Ближе всех был фонтан Нептуна, так что он направился к нему и изучающее осмотрел каменные фигуры, установленные в его широком бассейне. Сам Нептун был слишком занят, нацелив гарпун вниз на какого-то осьминога — его руки были просто кулаками сжатыми вокруг древка гарпуна — но здесь была пара мраморных херувимов, которые, похоже, причиняли адские муки мраморной лошади с грустными испуганными глазами, и под рукой одного из них как раз было место для записки, если как следует ее свернуть.

Он сложил письмо несколько раз, а затем шагнул через бортик, и, разбрызгивая во все стороны воду, направился к лошади. Добравшись до места, он засунул клочок бумаги под каменные пальцы.

Его пробрала легкая дрожь от того, что он что-то кладет в руку статуи, и он отогнал всплывшие некстати воспоминания о другой статуе на заднем дворе гостиницы в Сассексе.

Пробираясь обратно к ограждению фонтана, он то и дело поглядывал вверх, пытаясь понять, мог ли кто-нибудь увидеть, что он сделал, и попытаться вытащить записку, но его действия, казалось, заметила лишь одна пожилая женщина, которая перекрестилась и заспешила прочь.

«Ну и хорошо, — сказал он себе, выкарабкиваясь наружу, и штанины мокро заполоскали вокруг его лодыжек. — Записка на месте, все, что тебе осталось сделать, это дать людям фон Аргау знать, что нужно ее забрать. Бог знает, как они получают мой сигнал и как догадаются в какой-из бесчисленных каменных рук нужна им записка, но это уже не моя забота».

Он достал из кармана маленький свисток и потянул его было к губам, но затем ему пришло в голову, что он и так уже привлекал внимание в своих мокрых штанах. И если он начнет сейчас посреди площади дуть в свисток, прохожие чего доброго решат, что он уличный музыкант.

Он поспешно укрылся в полумраке узкого переулочка, а затем особым образом подул в свисток, четыре-два-три, как его научил фон Аргау. Фон Аргау предупредил, что он ничего не услышит. Так оно и вышло. Он снова выдул из свистка неслышимые аккорды.

Откуда-то сверху в переулок посыпался мелкий гравий, и, посмотрев наверх и одновременно извлекая из свистка еще одну трель, он увидел, что стая голубей, которые гнездились под древними свесами черепичной крыши, снялась с места и с шумом унеслась в небо. Внезапно, во всем городе зазвонили колокола церквей, сливаясь в какую-то немыслимую какофонию — но мгновение спустя все звуки были стерты шипением ливня, что обрушился на землю, накрыв мостовые и фасады каменных зданий темным мокрым плащом. Кроуфорд спрятал свисток и поспешил из-под выступающих скатов крыши на внезапно размытую дождем площадь.

Не успел он пройти и двадцати шагов к своему дому, как до него донесся цокот подков по мостовой, и, покосившись влево, в северном направлении, он увидел дюжину всадников въезжающих на площадь и резко осаживающих лошадей.

Хотя их разделяла почти сотня ярдов, Кроуфорд увидел, что они пристально оглядывают людей на площади и о чем-то их кратко спрашивают — но старуха, которая видела, как Кроуфорд забрался в фонтан, уже ушла, а под дождем его мокрые брюки уже не вызвали подозрений, так что он без препятствий добрался до входной двери.

Когда он проходил мимо фонтана, он глянул на херувима, и ему почудилось, что по шее каменной лошади сбегает тонкая струйка крови. Теперь, как никогда, казалось, что херувимы причиняют ей муки.

Вернувшись в свою комнату, он сбросил мокрый пиджак — и заметил глухой звук, с которым тот ударился о спинку кресла. Он поднял его снова, ощупал карманы и выудил из складок носового платка пузырек с лекарством, которое он должен был дать Джозефине.

Он сел в кресло, сжимая пузырек в руке, и посмотрел в испещренное дождевыми струями окно на свинцово-серое послеполуденное небо.

Как, черт возьми, *Джозефинатам* очутилась — к тому же выдавая себя за *Джулию*? Не похоже, чтобы она следила за ним, ведь она уже ухаживала за Китсом по меньшей мере несколько дней, когда Кроуфорд получил приказ к нему навеститься. И совсем уж очевидно было то, что она и Кроуфорд пришли туда по разным причинам.

«Почему же, — спросил он себя, — она хочет, чтобы Китс умер?»

«Более того, почему сам *Китс* этого хочет? Он беспокоится о своей младшей сестре — уж не думает ли он, что его жизнь обернется для нее смертью?»

«Может так оно и *будет*»? Он вспомнил, что и Байрон и Шелли — да и Китс тоже были единомышленны во мнении о незавидной участи семейства жертвы нефелимов.

Кроуфорд неуютно поерзал в кресле, жалея, что оставил фляжку в квартире Китса — ясность мысли и яркие воспоминания были нужны ему сейчас меньше всего. Как бы то ни было, его это не касается — он всего лишь пытается спасти тех, кто иначе умрет. Где в этом этическая дилемма? «Может, стоит спуститься вниз и купить бутылку чего-нибудь покрепче?»

Эта мысль напомнила ему о пузырьке, который он все еще сжимал в руке. Он поднял его к свету лампы, который осветил красным налитую внутрь молочно-белую жидкость. Посыльный фон Аргау сказал ему подмешать жидкость во что-нибудь имеющее сильно выраженный вкус, например, тушеное мясо или горячий пунш со специями, и, поскольку нервное расстройство сделало сиделку Китса излишне подозрительной, не дать ей

заподозрить, что он дает ей это.

Он вытащил пробку и понюхал жидкость. В нос ударил резкий, едкий запах, чем-то отдаленно знакомый. Он напомнил ему о первой больнице, в которой он когда-то работал — что-то связанное с отделением сифилитиков. «У Джозефины что, был сифилис? Этот недуг, безусловно, мог неблагоприятно сказаться на ее разуме. Может быть, именно этим объяснялось ее странное поведение».

Он снова понюхал жидкость. Воспоминание о ней кружило в голове словно муха, которая никак не может зайти на посадку. Что-то вызывающее смутное беспокойство, смешивающееся во что-то неправильное...

А затем он вспомнил, и в животе у него похолодело. На краткий миг в голове мелькнула малодушная мысль: «как жаль, что он не сходил виски. Напился бы до потери сознания и никогда не открывал этот чертов флакон».

Пузырек содержал живое серебро, растворенное в едких минеральных спиртах [\[270\]](#), смертельный яд, который иногда случайно получался у небрежных студентов-медиков, когда они готовили в больницах ртуть для лечения больных сифилисом.

Фон Аргау послал его туда, чтобы убить Джозефину.

«Но он же мой работодатель, — тотчас возразила какая-то часть его рассудка, — лишь благодаря ему я способен заботиться о подкидышах — и если я порву с ним, я потеряю свое место, и мне придется снова стать посредственным ветеринаром, снова пытаться умирить свою гордость и занять денег у Байрона; и если трезво взглянуть на вещи, многие из этих младенцев умрут без моей заботы, а *Джозефина* — едва ли у нее есть какое-то будущее, она лишь *tabula rosa* [\[271\]](#), чистая доска — просто доска, на которой накарябали математику, а затем навощили ее, так что ничто уже не может быть написано на ней снова. Дьявол, мне доводилось лечить *овец*, у которых было больше права на жизнь».

Он начал было закупоривать пузырек, собираясь положить его обратно в карман, чтобы избежать принятия решения, но обнаружил, что не может этого сделать. Он что, в самом деле, готов *рассматривать* возможность дать ей яд?

Совершить первое убийство своим *действием*, а не бездействием?

«Но, — печально подумал он, — стоит ли спасение Джозефины потери места в больнице Святого Духа? Кого-нибудь другого, Китса, его чертовой сестры, первого встречного на площади, безусловно... но *Джозефины*? Пожертвовать жизнью младенцев, которым нужна моя помощь, которые умрут без нее, просто для того чтобы эта... жалкая, названная Джозефиной конструкция могла протащиться еще несколько несчастных миль и лет прежде, чем устало покинуть этот мир?»

«Конечно, к тому времени как я сам склонюсь перед лицом смерти, в возрасте семидесяти или вроде того, все эти подкидыши, о которых я позабочусь, вырастут и превратятся в грубых невежественных взрослых; и, дьявол меня разбери, Джозефина ведь тоже когда-то была ребенком — и ее мать умерла для того, чтобы она могла жить».

«Это... желание защитить, которое ты испытываешь к новорожденным, смысл который ты в них видишь — в какой момент, в точности, все это сходит на нет?»

«Когда по твоему мнению, человек перестает обладать правом на жизнь?»

«Джозефина определенно не думала об этом, когда спасла твою жизнь на горе Венгерн-Альп».

Сердце колотилось, разрываемое всеми этими вопросами, от которых он больше не мог ускользнуть. Кроуфорд медленно подошел к окну, открыл его и на мгновение застыл,

оглядывая серую улицу, а затем осторожно вылил жидкость длинной тягучей струей в мутную лужу под водостоком. Он раздумывал бросить пузырек через площадь в фонтан Нептуна, но решил, что он может не долететь, а если долетит, может угодить в бедную каменную лошадь.

Мысль о лошади напомнила ему о записке, которую он оставил под рукой херувима. Успели ли люди фон Аргау ее найти? Если да, они наверняка уже отправились сделать то, что не смог сделать Кроуфорд.

Он набросил мокрый пиджак и выбежал из комнаты, оставив окна и двери открытыми. Стрелой он промчался по лестнице и бросился через скользкие от дождя камни, а затем одним прыжком перемахнул через трехфутовый бортик фонтана. Ноги постоянно оскальзывались и переплетались, так что он скорее вплавь, чем вброд, спотыкаясь, добрался до лошади.

Записка пропала.

Люди фон Аргау не смогут заняться Китсом до наступления темноты, но убийство Джозефины можно осуществить в любое время.

Краткий миг он тешил себя притворной надеждой, что дождь мог смыть начертанные кровью письма... но затем вспомнил, насколько эффективна была организация фон Аргау во всем, что было связано с кровью.

Где же, Джозефина сказала, она живет? В приюте Святого Павла [\[272\]](#) — это было на Виа Палестро [\[273\]](#). Кроуфорд знал это место, так как именно там больница нанимала большинство медсестер. Оно располагалось на восточной окраине города, в два раза дальше отсюда, чем дом Китса.

Ливень обрушивался на струи фонтана, разрывая их на мелкие брызги, когда он снова выбрался на мостовую, и, шурясь от дождя, несчастно побежал на восток.

Пробиваясь сквозь стену дождя, он размышлял об этом последнем деле, что поручил ему фон Аргау. До этого все псевдо-чахоточные больные были влиятельными про-Австрийскими политиками или писателями; с чего бы фон Аргау желать спасти Китса, малоизвестного поэта, чьи политические симпатии, если они у него вообще есть, были, по-видимому, более созвучны движению Карбонариев? Как вообще фон Аргау удалось *услышать* Китсе? В Рим приезжает много больных туберкулезом, надеясь избежать смерти.

Все это не имело никакого смысла... если только фон Аргау — через работающего на него Кроуфорда — не представлял единственную фигуру в этой шахматной партии, кому это мешало: а именно ламию. «И, конечно же, у ламии есть причины желать Джозефине смерти, ведь она помогала Китсу противиться ее воле».

Эта мысль заставила Кроуфорда, задыхаясь, остановиться посреди узкой улочки, и он оперся о фонарный столб, чтобы отдышаться и привести мысли в порядок.

«Неужели он и правда два года работал на нефелимов»? Это казалось немыслимым, так как во всех поручениях фон Аргау, исключая разве что случай с Китсом, он *защищал* пациента от вампира; хотя, конечно, фон Аргау никогда не предписывал мер, которые могли бы *освободить* жертву от вампира — просто... удерживал того некоторое время на расстоянии вытянутой руки.

«А Китс, — напомнил себе Кроуфорд, — член семьи нефелимов. Собственно, и я им когда-то был. Учитывая специфику работы, которую мне поручил фон Аргау, это обстоятельство, думается, могло быть решающим в том, что он меня нанял. Может я все еще, в каком-то смысле, член их семьи»?

«Это, определенно, объясняет, почему фон Аргау был нужен именно я; нефелимы, не колеблясь, остановят любого, *неявляющегося* членом семьи, кто отважится им помешать».

Внезапно в голове кольнула мысль, не была речная дуэль фон Аргау специально им инсценирована, чтобы под маской благодарности скрыть истинную причину, по которой он столь настойчиво предлагал ему работу.

«Хотя, тот порез на его животе был настоящим, — подумал Кроуфорд. — Какой же человек способен нанести себе умышленно такое ранение... а затем столь неестественно быстро исцелиться»?

«Ну, не так уж и важно, на чьей стороне фон Аргау, нефелимов или кого-то другого, — решительно сказал он себе, — одно лишь то, что он послал меня отравить Джозефину, делает невозможным для меня продолжать на него работать».

Он снова перешел на монотонный, разбрызгивающий грязь бег, решительно не позволяя себе думать ни о том, как он замерз и промок, ни о том каким промокшим и замерзшим ему, вероятно, предстоит быть в будущем, теперь, когда ему придется бросить своего работодателя и вернуться к жизни беглеца без гроша кармане... хотя это не мешало ему клясть Джозефину, судорожным шепотом, прорывавшимся сквозь оцепенелые от дождя губы, за то, что она не могла умереть где-нибудь в Альпах.

На первом этаже дома по соседству с Приютом Святого Павла располагалась траттория, и желтый, струящийся изнутри свет поблескивал на покинутых чашках и тарелках, которые стояли наполовину наполненные дождевой водой на столах, вынесенных под открытый воздух; лишь один человек в надвинутом капюшоне все еще сидел на стуле за одним из столов, и он поднялся, когда Кроуфорд, прихрамывая, появился из-за угла с Виа Монтебелло [\[274\]](#). Хмурое серое небо начало уже мрачнеть, клонясь в черноту, и янтарный свет из ярко освещенных окон позолотил темные грязные лужи.

— Все в порядке, доктор, — тихо сказал мужчина. — Ступайте домой. Другие уже занимаются этим.

Кроуфорд остановился, слишком запыхавшийся, чтобы ответить, затем кивнул и оперся об один из столов, словно для того, чтобы позволить уняться сердцебиению; одна рука схватилась за край стола, а другая сомкнулась на горловине полупустой бутылки вина.

Его глаза расширились, он глубоко сипло вдохнул, расставил для устойчивости ноги, а затем, резко выбросив руку, ударил бутылкой по скрытому в тени лицу; стекло вдребезги разбилось о скулу, и мужчина кувырком покатился назад, врезавшись в стену здания.

Тело еще не осело на мостовую, как Кроуфорд уже был рядом, и сквозь звон разлетевшихся вокруг осколков рванул кремневый пистолет из-под пальто потерявшего создания противника, а затем повернулся к двери в приют.

Входом в здание служила арка, которая вела в маленький внутренний дворик, и он вбежал внутрь и, шурясь от обступившей его темноты, почти на ощупь пробрался мимо дюжины деревянных статуй святых к ряду выкованных из железа ступеней. В этот миг где-то сверху блеснул оранжевый свет, и он услышал отдающееся эхом шарканье ботинок.

Сверху по лестнице спускалось несколько мужчин, переругиваясь и хрипя — очевидно они тащили что-то тяжелое. Остановившись лишь для того, чтобы перекреститься, Кроуфорд засунул пистолет за пояс и бросился вверх по железным ступеням.

Дрожащий фонарь где-то далеко вверху выхватил спускающегося первым мужчину, который поглядывал через плечо, чтобы увидеть куда ступает. Он и был первым, кто заметил Кроуфорда.

— Уйдите с дороги, Айкмэн, — выдохнул он, — мы ее поймали.

Кроуфорд видел теперь, что ношей, которую тащили мужчины, был скрученный в рулон ковер, провисающий посередине, ковер в котором, судя по всему, была Джозефина; заговоривший мужчина держал один его конец, и Кроуфорд помолился, чтобы с этой стороны были ноги.

Кроуфорд улыбнулся и согласно кивнул — а затем, перемахнув четыре ступеньки, сграбастал мужчину сзади за воротник и дернул, приседая и вкладывая в этот рывок весь свой вес.

Мужчина с паническим вскриком повалился назад, и, хотя Кроуфорд пытался закрутить его в воздухе, Кроуфорд все еще был между ступенями и тяжелым телом над ним, когда они обрушились на железную лестницу несколькими ярдами ниже; все дыхание было выбито из него в одном жестком, мучительном всхлипе, так что когда мгновением позже выроненный ковер врезался в них, прежде чем полететь дальше вниз по лестнице, он мог лишь заходиться от беззвучного крика, чувствуя, как края сломанных ребер трутся друг о друга в его груди.

Упавший на него мужчина, повис ногами в воздухе, крича и беспомощно молотя руками о кирпичную стену, затем медленно потерял равновесие, и, совершив акробатическое обратное сальто, полетел вниз по ступеням. Лестница жалобно загудела.

Кто-то перепрыгнул через Кроуфорда и побежал вниз по ступеням, а затем кто-то еще грубо поставил его на ноги, и он смутно различил в свете фонаря сердитые лица и услышал посыпавшиеся на него вопросы.

Он мог лишь трясти головой. Поврежденные легкие напрягались в груди, пытаясь втянуть воздух, и он словно откуда-то издалека ощущал, как по подбородку из разбитого носа течет горячая кровь.

В конце концов, один из допрашивающих изрыгнул раздраженное проклятье и посмотрел мимо Кроуфорда вниз по лестнице. — Не могу добиться от него ничего путного, Эмиль, но на шумели мы здесь порядком, — крикнул он достаточно громко, чтобы Кроуфорд слышал его сквозь стоящий в ушах звон. — Незачем тащить ее к реке — убей ее здесь, и оставь Марко, где лежит, пора убираться отсюда.

Кроуфорд повернулся и начал остервенело спускаться вниз, его ноги подкашивались и оскальзывались, руки беспомощно хватались за перила, а по мертвенно-бледному лицу ручьями стекал холодный пот. Теперь ему удавалось дышать, но лишь судорожными скрежещущими вздохами.

Когда он добрался до узкого внутреннего дворика, он был уверен, что сейчас согнется в рвотном позыве; но в свете от быстро спускающегося фонаря позади он увидел, как мужчина, который перепрыгнул его на лестнице — очевидно Эмиль — склонился над ковром и дважды до отказа вонзил нож в обращенный к улице конец рулона.

Света теперь было достаточно, чтобы Кроуфорд заметил кровь на клинке, когда Эмиль занес руку для третьего удара. Ковер начал дергаться, и Эмиль, похоже, пытался решить, где была шея Джозефины.

Кроуфорд рванул пистолет из-за пояса — разодрав при этом кожу, так как зазубренный механизм затвора был, очевидно, вдавлен в живот — и, хныкая от ужаса, прицелился в мужчину и выстрелил.

Отдача выбила пистолет из его руки, но Эмиля, закрутив, отбросило от ковра, и он, приложившись о стену, тяжело осел на пол. Кроуфорд дотащил до него свое тело и поспешно обыскал промокшие от крови карманы Эмиля.

Он нашел еще один пистолет и, крутанувшись так быстро, что чуть не упал в обморок, нацелил его на спускавшихся мужчин, которые уже почти достигли подножия лестницы. За несколькими выходящими во внутренний двор окнами зажегся свет. Откуда-то доносились крики женщин, зовущих *гвардию*.

— Проваливайте, — выдохнул Кроуфорд, — или я... вас тоже убью.

Убийцы осторожно попятились, а затем, когда они скрылись из виду, он услышал, как они со всех ног бросились прочь — то ли обратно вверх по лестнице, то ли по какому-то коридору.

Кроуфорд осторожно засунул пистолет за пояс и опустился возле все еще извивающегося ковра.

Он заметил, что из дверного проема на него глазают две монахини. — *C'e una donna ferita qui dentro — forse marta— aiutatemi srotolare!* [\[275\]](#)

Монахини испуганно вскрикнули, но все же поспешили к нему, и меньше чем за минуту они освободили Джозефину.

Она села, и Кроуфорд с облегчением увидел кровь на одной из ее лодыжек. Очевидно, Эмиль вонзал кинжал не в тот конец ковра. Он огляделся вокруг, пока не увидел выроненный Эмилем нож, а затем машинально наклонился и поднял его.

Сбежавшие убийцы унесли с собой фонарь, но света за соседними окнами было достаточно, чтобы Кроуфорд понял, что Джозефина впала в свой защитный механический транс — ее глаза были широко распахнуты, а голова, словно метроном, раскачивалась взад вперед. Она вскинулась на ноги, словно ржавая железная марионетка, очевидно не осознавая, что по правой ее ноге сбегает кровь.

Кроуфорд с тревогой оглянулся на лестницу, затем, прихрамывая, подошел к ней. — Мы должны выбираться отсюда, Джозефина, — сказал он. — Эти люди не уйдут, пока не убьют тебя.

Она подняла на него пустой взгляд и отпрянула от обнявшей ее руки; и он готов уже был утащить ее силой, но затем внезапно вспомнил то вздор, что она несла на горе Венгерн, и вспомнил имя, под которым она работала у Китса.

— Джулия, — сказал он, — это Майкл, твой муж. Мы должны уходить отсюда.

Пустота покинула ее взгляд, и она одарила его причудливой обрадованной улыбкой. Она, казалось, собиралась что-то сказать, но он лишь растянул губы в притворной улыбке и повел ее на выход к арке, успокаивающе помахивая все еще сжимающей нож Эмиля рукой совершенно сбитым с толку монахинями.

В темноте он налетел на одну из деревянных статуй, и, прежде чем сообразил это, он испуганно ткнул в нее ножом, угодив ей прямо в лицо.

Рукоять ножа внезапно раскалилась докрасна, и он отдернул прочь обожженную руку. Ладонь покраснела, а посередине осталось черное пятно.

Ему показалось, что где-то вдали прогремел выстрел, и, повинувшись внезапному порыву, который он не взялся бы объяснить, Кроуфорд оставил нож торчать в деревянной щеке святого.

Он вытащил Джозефину на улицу.

Дождь, казалось, только усилился. Он обрушивался на землю, вздымая волны и брызги, словно паутина опутавшие мостовую. На улице не было ни одного экипажа, а у него в любом случае не было с собой денег. Одной рукой он обнимал Джозефину; другой он вытащил скользкий от крови пистолет Эмиля, и, то и дело оглядываясь на приют медсестер,

спотыкаясь, потащил Джозефину на другую сторону улицы.

Они почти достигли переулка на той стороне, когда в бедро его словно врезалась кувалда, и он сложился пополам, чувствуя, как Джозефину вырвало из его рук и бросило вперед; и когда его ладони и колени врезались в булыжные камни мостовой, он сообразил, что два оглушительных «бам», канонадой отразившиеся от фасадов зданий, были выстрелами.

Он знал, что сейчас умрет, но был слишком измучен и изранен, чтобы испытывать по этому поводу хоть малейшее беспокойство, лишь тоску и мучительное раздражение, что это длится так долго и причиняет столько страданий.

Он не знал, была ли Джозефина мертва, и если нет, мог ли он как-то освободить ее от всего этого, прежде чем мужчины за их спиной приблизятся, чтобы довершить начатое. Он повел кружащейся головой, шурясь от холодного дождя, и, наконец, увидел ее, распростертую в каких-нибудь нескольких ярдах от него. Ее насквозь промокшая юбка задралась кверху, и он разглядел быстро размываемую кровь, бегущую из двух глубоких порезов на ее правой икре.

Он подполз к ней, волоча простреленную ногу, и приподнял ее лицо. Ее волосы были залиты свежей горячей кровью, очевидно, ей попали в голову — но Кроуфорд поднес ухо к ее рту.

Она все еще дышала, быстрыми судорожными вздохами.

Сквозь звон стоящий в ушах он слышал за своей спиной гулкие, разбрызгивающие грязь и воду шаги, неотвратимо приближающиеся к ним. Он выронил пистолет, когда падал, но тот лежал возле головы Джозефины, и Кроуфорд его поднял; он перевернулся на спину, стараясь не задевать милосердно окоченевшее левое легкое, и сел, обратясь в направлении, из которого они пришли. Дождь застилал глаза, и он свободной рукой отбросил в сторону мокрые волосы.

Дрожащими руками он поднял пистолет. Смутно, сквозь завесу дождя, он видел две фигуры, приближающиеся к ним, и ждал, когда они подойдут ближе.

Они приблизились, на бегу перепрыгивая через лужи, и лишь в последний миг он вспомнил взвести курок, не зная сможет ли снова выстрелить в человека.

Затем со стороны Виа Монтебелло донесся стук лошадиных копыт, и двое убийц нерешительно остановились посреди улицы и повернулись в направлении звука, поднимая свои пистолеты.

Совершенно не заботясь, кто эти вновь прибывшие, но благодарный им за их своевременное появление, Кроуфорд прицелился в одного из убийц, и, бессознательно шепча проклятья и обрывки полузабытых молитв, осторожно нажал на курок.

Выстрел грянул в его и без того уже контуженные барабанные перепонки, и ствол пистолета ударил его в лицо, когда отдача швырнула его вверх и назад — и мужчина, в которого он целился, кувыркнувшись назад, скрылся в водяной пыли, которой дождь окутал мостовую. Кроуфорд перехватил разряженный пистолет и держал его за горячее дуло, дожидаясь, пока последний убийца подойдет к нему — но всадники неслись галопом прямо сюда, а затем его на мгновение ослепила вспышка, когда последний из нападавших разрядил оружие во всадников, за мгновение да того, как лошади сбили его с ног.

Кроуфорд не видел, достиг ли кого-нибудь этот выстрел. Один из всадников придержал коня, на время достаточное, чтобы выпалить в распластавшееся на мостовой тело, а затем крикнул кому-то, быть может Кроуфорду, *«Questo e' fattodai Carbonari, chiamato dalla*

tazze» — а затем вся кавалькада унеслась к югу. Кроуфорд попытался разглядеть их, но дождь и красные точки маячили перед глазами, делая их неразличимыми даже в нескольких ярдах.

«*Это было сделано Карбонариями, призванными tazze*», — мысленно перевел Кроуфорд и возблагодарил судьбу за мимолетный порыв, что заставил его воткнуть железное лезвие в деревянную голову, а также за то, что всадники не опознали в нем одного из тех, кого мельком видели этим вечером на площади Навона.

Хотя, конечно, его преданность нанимателю с тех пор значительно поугасла.

Все еще сидя посреди улицы, он отбросил пистолет и прижал руку к бедру, задевая костяшками пальцев мокрые камни мостовой.

Он нащупал прореху на брючине и, хотя чуть не потерял сознание от первозданного ужаса, осторожно исследовал пальцем дыру в ноге. Она кровоточила, но не столь обильно, как бывает когда задета артерия. Выходное отверстие отсутствовало, так что пуля, должно быть, все еще внутри — с одной стороны это было хорошо, но с другой не очень. Рана на время онемела, но жгучая боль уже маячила где-то поблизости, и он знал, что скоро ему потребуется медицинская помощь.

Все еще сидя, он подвинулся назад, чтобы оценить ущерб, причиненный голове Джозефины. В дождливой мгле он ощупал ее череп, но тот, кажется, был цел; а ее лицо было в порядке, за исключением нескольких грубых царапин от столкновения с камнями мостовой, обнаружившихся на щеке и челюсти. Затем он нащупал твердую шишку возле ее правого виска и осторожно исследовал пальцами ее границы.

Это была попавшая в нее пуля. Очевидно, она ударила в заднюю часть головы под углом, и вместо того чтобы пробить череп и угодить в мозг, скользнула по кости, словно кончик ножа для нарезки филе.

Ей несказанно повезло — но она все еще могла легко от этого умереть. И даже если она выживет, ее мозг мог пострадать от такого удара. «Конечно в случае с *ней*, — подумал он, — повреждение должно быть *поистине*ужасающим, чтобы кто-нибудь смог это заметить».

Джозефина пошевелилась и застонала, затем как-то неожиданно села. Одна рука взметнулась кверху, словно закрепленные на шарнирах грабли и резким движением отбросила со лба намокшие волосы. — Скажи, — проскрежетала она, словно зачерпнула лопатой гравий, — солнце... уже село?

Оправившись от удивления, вызванного ее внезапным приходом в сознание, Кроуфорд устало поднял глаза к темному небу. — Э-э, — сказал он, — думаю да.

— Мы должны пойти... к Китсу. В его квартиру.

Ее голос был столь неживым, что было трудно поверить, что он кому-то принадлежал. В голове мелькнула испуганная догадка: «вдруг ее личность — или личности — были все еще без сознания, оставив эту... машину управлять покинутым телом».

— К Китсу, — недоуменно отозвался он. — Зачем?

— Потому что... нет, не могу объяснить. Но мы должны... пойти туда.

Кроуфорд подумал о сказанном. Там они почти наверняка встретят других людей фон Аргау... хотя ни один из них не знает пока о его измене. Все свидетели этого были мертвы — или, по крайней мере, как в случае с тем мужчиной, которого он спустил с лестницы, ранены и без сознания. Он может заявить... ну, например, что хотел *помочь*убийцам и был ранен Карбонариями.

Люди фон Аргау, несомненно, ему помогут — как товарищу по оружию. Окажут ему

медицинскую помощь, может быть, даже одолжат денег.

И конечно, *убьют* Джозефину... черт бы ее побрал.

— Это одно из тех мест, куда нам сейчас *нельзя*, — ответил он, стараясь говорить внятно, несмотря на чудовищное головокружение, что заставляло улицу кружиться перед глазами. — Эти люди, которые только что в нас стреляли — там их будет еще больше. Они убьют... нас.

Джозефина поднялась. — Можешь идти или остаться, — сказала она. — Я отправляюсь туда.

Руки Кроуфорда дрожали, словно он весь день наливался кофе. Он дышал редко, судорожно втягивая воздух, и холодная липкая тошнота медленной волной поднималась к горлу. Он встречал эти симптомы в бою у раненых моряков, и знал, что рискует «окоченеть» — впасть в состояние, в котором все функции тела постепенно замедляются, а затем останавливаются вовсе.

Он старался мыслить ясно. Он может постучать в первую попавшуюся дверь и испытать удачу, потому как неясно, какого доктора ему вызовут, или же он может пройти почти милю до дома Китса с некоторой уверенностью, что там ему окажут наилучшую помощь.

Дождь прекратился, и ночь, похоже, обещала быть не такой уж холодной.

— Дай только мне сначала наложить жгут, — сказал он.

Хотя Кроуфорд обливался потом, сквернословил и всхлипывал, и все тяжелее наваливался на, к счастью механическую, Джозефину, и вынужден был много раз садиться, чтобы ослабить и перевязать жгут, а ближе к концу начал вымаливать прощение у призраков, которые чудились ему вокруг, их истощенная пара, в конце концов, шатаясь, добрела до площади Испании.

Где-то поблизости играла дикая фортепьянная музыка, и Кроуфорд, прищурившись, огляделся, пытаясь понять, откуда она доносилась, и почему она казалась столь мучительно знакомой. Спустя мгновение он внезапно осознал, что слышал ее лишь в давно позабытых беспокойных юношеских снах.

На площади, казалось, больше никого не было — святые, конечно, уже давно разбрелись, когда село солнце, и, если здесь и были люди фон Аргау, они очевидно скрывались внутри здания за номером 26 — но над площадью разлилось бледное мерцающее свечение, и, когда Кроуфорд заставил свой взгляд обрести четкость, он увидел, что вторые этажи зданий были словно шерстью окутаны щетиной огней Святого Эльма.

«Вот и до Китса добралась Тетушка Ворон», — отстраненно подумал он — а затем он заметил две фигуры, стоящие возле двери. Почему-то в этом призрачном свет, он никак не мог разобрать, были ли они одеты или обнажены.

Одна из фигур принадлежала мужчине, а другая, которую тотчас же узнал, несмотря на минувшие четыре года, была женской. Он обреченно вздохнул, понимая, что даже если бы у него была с собой его фляжка, он все равно не смог бы противиться ей, только не сейчас, когда он совершенно разбит и обессилен.

Он оторвался от плеча Джозефины и, хромая, устремился вперед. Музыка зазвучала громче, словно перепрыгнула в следующую октаву.

Джозефина тоже пошла вперед, и хотя она пьяно пошатывалась, у него вдруг мелькнуло впечатление, что теперь она была кем-то снова. Музыка достигла апогея и иступленно мчалась вперед, словно лошадь, несущаяся галопом в ночи по круто уходящей вниз улице.

— Беги, — яростно прошептал он, несмотря на то, что в легких почти не осталось

воздуха. — Ты умрешь здесь. Это... не имеет к тебе... никакого отношения.

Он взглянул на нее и увидел на ее лице тоже самое голодное отчаянное выражение, которое он знал, было на его собственном. — *Он* имеет ко мне отношение, — сказала она. Ее голос был серым и безжизненным, но он почему-то был уверен, что она больше не была бездушным механизмом.

Он шел вперед, и женщина возле входа не сводила с него своих светящихся рептилоидных глаз, а затем, когда он, наконец, остановился в нескольких ярдах перед ней, она улыбнулась, обнажая нечеловеческие зубы.

— Ты потерял меня в Альпах,— прошипела она. — Пригласи же меня обратно, и я полностью тебя исцелю, и ты сможешь обо всем позабыть.

Она протянула ему руку — рука это больше походила на украшенную самоцветами птичью лапу, чем на руку женщины, но он помнил, как нежно она скользила по его обнаженному телу четыре года назад — и сердце в груди заколотилось от страстного желания ее взять. Музыка рисовала арабески ^[276] внутри стремительного биения его сердца, и ему чудилось, он почти может вспомнить движения танца, столь древнего и естественного, что даже деревья и реки и бури включались в его стремительный бег.

Мгновение спустя Джозефина, покачиваясь, остановилась возле него, и мужчина обратился с ней, — Ты потеряла меня в Альпах. Пригласи же меня обратно, и я дополню тебя, и ты сможешь обо всем позабыть.

В музыке теперь зазвучали два мотива, словно золотые нити сплетаясь в яркий живой ковер. Казалось, что из звуков рождается невыразимо прекрасная песня, зовущая за собой, обещающая много большее.

По лицу Кроуфорда текли слезы — он не видел больше никакой надежды устоять перед ней. Четыре года он противился влечению, охватывающему его по ночам, и напивался до бесчувственного состояния, когда силы его иссякали. Все это время его терзали воспоминания, от которых она могла его избавить, и не раз он впадал в искушение позвать ее — и вот, наконец, она здесь, и он может отказаться от своей презренной личности и снова стать ее блаженным продолжением.

Вдалеке, сквозь музыку, ему почудилось, донеслось эхо резкого кашля; а затем, — Еще рано, — проскрежетала Джозефина подле него. — Наверх — надо дать ему умереть.

Кроуфорд отстраненно подумал, что она говорит сама с собой, но когда он поднял руки навстречу слабо светящейся женщине, Джозефина отбила их вниз.

Музыка, что неслась вперед, немного ослабла.

Он с удивлением взглянул на нее. — Умереть? Зачем?

Она беспомощно всплеснула руками. — Из-за... из-за сестры, — сказала она. Казалось, упоминание о сестре далось ей с трудом, но затем слова полились из нее. — Мы не можем позволить сестре умереть, только не еще раз. Мы должны освободиться, уплатить наши долги. И тогда довольны отправится в ад.

«У меня никогда не было сестры», — подумал он — а затем, впервые за долгое время, вспомнил лодку, погружающуюся в Морей-Ферт ^[277], и руку брата, мечущуюся, вызывающую о помощи, вызывающую безответно, в беспощадных свирепых волнах.

Он подался назад и, хотя говорил с Джозефиной, его взгляд не отрывался от губ и таинственно мерцающих глаз стоящей перед ним женщины. — Но они же мертвы! — выкрикнул он. — Что мы теперь можем с этим поделать? Только забыть.

— Ничего, — ответила стоящая перед ним женщина. — Иди ко мне. Ее обнаженные груди отливали перламутром, словно покрытые тончайшей змеиной чешуей, и его тело пронзило дрожью от воспоминаний, как он сжимал ее податливое тело, и как она, словно холодные водяные струи, страстно обвивалась вокруг него. Музыка хлынула на них волной, с грохотом затапливая площадь, поднимаясь по ступеням к темному лесу, встающему стеной позади церкви.

— Спасем хотя бы эту, — прошептала Джозефина, и он снова не мог понять, к кому она обращалась, столь тихим был ее шепот. — Сделаем то, что можем.

— Я... не могу. Кроуфорд шагнул вперед, протягивая руки к демонической женщине, собираясь снова пригласить ее, вернуть столь нужное ему блаженное забытие — музыка устремилась ввысь, приближаясь к развязке.

— *Постой!*— крикнула Джозефина, столь отчаянно, что он на мгновение застыл и оглянулся назад.

Ее рука метнулась к лицу и что-то нашаривала, тащила, и спустя миг он пораженно увидел, что она извлекла наружу фальшивый глаз. Она сунула его в рот и резко надкусила, и даже сквозь щеки заглушившие звук он слышал хруст стекла.

Затем Джозефина потащила его назад, обвила руками и принялась неистово целовать. Ее сухие губы раскрылись, пропуская его язык в рот, полный крови и осколков стекла и — немыслимо — толченого чеснока.

Фортепьяно заголосило.

Кроуфорд словно обезумел. Сдерживаемая долгие годы страсть, прорвала плотину и огненным потоком хлынула в кровь — он пылко отвечал на ее поцелуи, стискивая одной рукой слипшиеся от крови волосы на ее затылке, буквально вдавливая ее лицо в свое, а другой рукой крепко прижимая к себе ее бедра. Пистолетная пуля возле ее виска нагрелась под его пальцами, и он чувствовал, что пуля в его бедре тоже излучает тепло.

Десяток невыносимо долгих секунд они кружились на мостовой, терзая друг друга, пока отголоски последнего визгливого аккорда эхом метались меж зданий и улиц, затихая где-то в сумрачной глубине неба...

А затем вновь хлынул холодный ливень, и ночь утонула в нем, и когда Кроуфорд оторвал израненный рот от губ Джозефины, он увидел двух крупных змеев, грациозно, словно колибри, парящих в воздухе, с шелестом извивая свои длинные чешуйчатые хвосты. Музыка или замолкла или сделалась слишком тихой, и хитиновое жужжание размытых в воздухе крыльев вторило шелесту проливного дождя. Кроуфорд почувствовал исходящий змеями мускусный запах, смешивающийся с ароматом сухого вина, которым дышала промокшая улица.

Запах вызывал у него отвращение, и он понял, что, по крайней мере ненадолго, защищен от влечения к ламиям.

В наступившей тишине жужжание радужных крыльев запело музыкальные гаммы, а затем облеклось в слова.

— *Чеснок в твоей крови, и серебро.*

Нельзя было с уверенностью сказать, какое из парящих существ произнесло эти слова — может быть сразу оба — в унисон — все еще выводя свою ночную песню, хотя музыкальное сопровождение прекратилось.

И хотя Кроуфорд совершенно выбился из сил, ум его был как прозрачное спокойное озеро, и он догадался, что убийцы фон Аргау должно быть использовали серебряные пули. — Вот именно, — ответил он, и от него пахло таким чесночным смрадом, что змеи невольно подались назад, попирая крылами холодный ночной воздух. — Прочь с нашего пути.

Змеи отшатнулись еще, зависнув по обе стороны двери. Глаза их горели обещанием ужасной расплаты.

Шатаясь от слабости, Кроуфорд провел Джозефину между злобно гудящими змеями в открытую дверь. Спотыкаясь, они поднялись по темной лестнице, сплевывая кровь и стекло, и держась друг за друга, чтобы не упасть.

Музыка заиграла снова, закружилась вокруг них словно пузырьки газа в бокале шампанского. Кроуфорд знал теперь, что они не встретят здесь никого из людей фон Аргау — очевидно работу поручили более надежным агентам.

Когда они достигли площадки второго этажа, они увидели, что дверь в квартиру Китса раскрыта, и изнутри в коридор льется яркий свет, словно уже наступил день.

Кроуфорд заставил себя идти вперед, сквозь льющуюся кристаллическим ливнем музыку, пытаясь вспомнить, что такое Джозефина сказала ему возле входа, и почему это показалось столь важным — и несчастно утешал себя, напоминая, что сможет вернуть свою фляжку.

Маленькие длинноногие большеглазые существа брызнули врассыпную, когда он, еле волоча ноги, двинулся по коридору, и до него донеслось перешептыванье и чириканье дюжины черных кулей, раскачивающихся на какой-то липкой дряни под потолком, и похожие на морских звезд существа цеплялись за стены и тянули к нему свои длинные щупальца. Но ни одно существо из чудовищной свиты ламии не препятствовал двум людям, которые рука об руку проследовали к открытой двери.

Кроуфорд первый заглянул в открытую дверь, и, к своему удивлению, увидел, что демоническую музыку из фортепьяно исторгал никто иной, как кроткий Северн — весьма разительная перемена, если вспомнить изящную музыку Гайдна, которую он играл раньше — но затем заметил, что глаза юноши были закрыты, и похожее на кошку с женским лицом существо примостилось у него на плече, что-то нашептывая ему в ухо.

Джозефина натолкнулась на Кроуфорда сзади, и он, оступившись, шагнул в комнату.

Стена, выходящая на улицу, исчезла, и там, где она должна была находиться, тянулся вверх поросший травой холм, и рассветное солнце ярко искрилось на покрытых росой цветах. На один ошеломленный миг Кроуфорду почудилось, что он каким-то образом потерял час или два, пока взбирался по лестнице — но затем он взглянул в другие окна и увидел за ними темноту, и даже, несмотря на сияющее солнце, — оранжевые пятна нескольких уличных фонарей. Он снова взглянул на пропавшую стену и увидел, что подножие холма начинается у самого пола, вровень с ним, хотя комната была наверху, и еще заметил, что солнце вставало на юге.

Музыка заиграла веселей и легкомысленней, хотя все еще несла на себе печать обаяния тьмы. Кроуфорд увидел двух молодых людей, юношу и девушку, бегущих рука об руку по солнечному склону... а затем узнал в юноше Китса, здорового и загорелого.

— Я думаю, мы опоздали, — сказал он Джозефине, которую все еще держал за руку.

— Нет, — сказала она. Он взглянул на нее, а затем проследил за ее взглядом, обращенным к двери в другую комнату.

Там стоял Китс, настоящий, с изможденным лицом и блестящим лихорадочным взглядом. Оперевшись о дверной проем, он жадным взором следил за миражом на стене, и Кроуфорд внезапно понял, что девушка на холме возле здорового веселого Китса была его невестой, которую он оставил в Англии.

Затем видение потускнело, и копия поэм Китса воспарила со стола в воздух. Книга набухла и росла в размерах, двигаясь к стене, на которую была спроецирована картина, и когда она стала в высоту почти с Кроуфорда, обложка раскрылась, словно двойная дверь, представив содержание двух страниц. Корешок гигантской книги ударился о стену и прилип.

Напечатанные на страницах стихи казались сгустками тьмы, зловеще светящимися на белой бумаге... вдруг перед ними оказалась другая книга, очевидно книга с еще не

написанными поэмами Китса, и стихи эти сверкающими нитями заструились с мелькающих страниц в разум Кроуфорда — и, как он мог видеть, в разумы Джозефины и Китса тоже.

Музыка стала нестерпимо печальной, рисуя в воображении закаты, которые им не суждено увидеть, ласковые касания ночного ветра, которые им не суждено почувствовать. В ней зазвучали латинские нотки, напоминая слушателям, что они находятся в Италии, в *Риме*, городе, где величайшие достижения в истории человечества были столь же обычны, как и уличные торговцы луком... и что больной Китс, который мог бы столь тонко постичь всю эту красоту, умрет, так ничего и не увидев.

«Искушение Святого Китса», — подумал Кроуфорд. Он огляделся в поисках фляжки и увидел ее на столе, где раньше лежала книга. Хватит ли у меня смелости приблизиться к ней, отчаянно подумал он.

Женщина с призрачного холма стояла теперь в комнате, наблюдая как проносятся, сменяя друг друга, чудесные поэмы. Немного погодя она повернулась и протянула руку умирающему юноше, стоящему возле входа в спальню. Ее глаза в свете лампы сверкали, словно покрытое трещинами стекло, и Кроуфорд больше не был уверен, было ли в ней что-то от невесты Китса... и было ли в ней хоть что-то человеческое.

Кроуфорд заметил, что когда она обернулась, огромные листы книги пожухли — и, когда он снова взглянул на свою фляжку, она поднялась в воздух и пролетела к нему через комнату. Совершенно не беспокоясь о том, как это случилось, он подхватил ее из воздуха, свинтил крышку и как следует приложился.

Ламия держала в одной руке настоящую книгу Китса, и костлявая рука Китса протянулась к другой. И Кроуфорд снова запрокинул фляжку, надеясь вытравить из себя всю тревогу за обреченную сестру молодого поэта и за всех тех сестер и братьев, что они подвели...

Он посмотрел в сторону, на стену, где висела книга — книга исчезла, и он потрясенно увидел вместо нее образ Джулии, своей мертвой жены. Улыбаясь, она спускалась по тенистой сельской тропинке, между высокими стволами каштанов. На ходу от нее отваливались части и падали в грязь — сначала кисть, затем вся рука, затем ступня — но она все также легко продолжала скользить вперед, словно и не замечая, что происходит, и все также улыбалась. За ней шло приземистое темное существо, в котором что-то жужжало и щелкало, и оно поднимало упавшие части и прилаживало их поверх своих ржавых конечностей.

Рука Джозефины судорожно напряглась, и он взглянул на нее — ее единственный глаз напряженно взирает на ужасный морок.

Он поднял взгляд... и застыл в ужасе, так как теперь за стеной бушевали волны, с ревом обрушиваясь на прибрежные скалы, и под пепельным небом меж пенных гребней волн одиноко скользил киль перевернутой лодки. Сейчас он увидит брата, тянущего к нему обессиленную руку, если только он не отведет взгляд...

И он увидел! Но нет, сцена переменилась — волнующаяся голубая поверхность превратилась в море цветов, по которому словно плыла молодая девушка; миг спустя она прокричала: «Джонни»...

Кроуфорд взглянул на Китса и увидел, что он опустил руку и во все глаза смотрит на развернувшуюся картину. Женщина проследила за его взглядом, а затем, с раздраженным шипеньем, клацнула когтями, и обращенная к улице стена возвратилась на место, а все видения растворились. Комната внезапно показалась очень темной.

Кроуфорд догадался, что Джозефина, а затем он сам, а потом и Китс, сами невольно проецировали эти сцены, несколько мгновений безнаказанно пользуясь магическими чарами ламии, пока ее внимание было приковано близкой капитуляцией Китса. Именно так, должно быть, он и подозвал свою фляжку, с помощью взятой у нее в займы магии.

А последнее видение, бегущая по полю сестра Китса, разом перечеркнуло все, чего она достигла. Китс встряхнул головой и побрел в свою спальню. Женщина устремилась за ним, и Джозефина потащила Кроуфорда следом. В углу Северн исторгал из фортепьяно стремительные высокие аккорды, но никто, казалось, этого не замечал.

Окно было распахнуто навстречу дождю, в соответствии с предписаниями, которые Кроуфорд пытался дать этим утром, и Кроуфорд задался вопросом, не бедняга ли Северн помыл подоконник, а затем пригласил вампира внутрь.

Китс повалился на разворошенную постель, и было сильно похоже, что усилия, потребовавшиеся ему чтобы встать, выжали последние силы из его многострадальных легких — в его безнадежном хрипе появился теперь булькающий призыв.

Женщина поспешила к нему, протягивая книгу стихов. — *Скорее*, — сказала она, — *подпиши книгу, спаси себя*. Она взяла лежащее на комодѣ перо, и когда он поднял слабую руку, чтобы отогнать ее, воткнула кончик пера в его ладонь. — *Пиши*, — повторила она, протягивая ему перо.

Китс взял у нее книгу, но на лице его застыло горькое разочарование, и он снова покачал головой. Он взглянул мимо нее на Джозефину, что была его сиделкой. — Воды, — прошептал он.

Демоническая женщина двинулась к Джозефине, но Кроуфорд шагнул вперед и выдохнул чесночные пары в ее узкое лицо; ламия отшатнулась, ее волосы задрожали и подались назад.

Джозефина повернулась к открытому окну, провела ладонью по мокрому от дождя подоконнику, а затем шагнула к кровати, удерживая перед собой сложенную чашей ладонь.

Китс потянулся к ней.

Внезапно комната начала крениться — или так только казалось: когда Кроуфорд ухватился за подоконник, чтобы удержаться на ногах, он увидел, что земля снаружи все еще параллельна подоконнику и полу, и на краткое безумное мгновение ему показалось, что это весь мир опрокидывается в какую-то бездну.

Джозефина сделала еще один почти отвесный шаг, а затем начала валиться назад к двери в гостиную, которая казалась теперь частью пола. Китс, которого эти гравитационные трюки, по-видимому, не коснулись, отчаянно рванул за ней, но был слишком далеко и слишком слаб, чтобы встать и шагнуть ей навстречу.

Кроуфорд закинул в оконный проем здоровую ступню, а затем, распрямившись словно пружина, прыгнул через комнату, туда, где теперь, казалось, был верх. Его раскрытые руки врезались в хрупкую спину Джозефины, восстановив утраченное ей равновесие, а сам он полетел назад, столь сильно приложившись о стену, что боль в сломанных ребрах на мгновение ослепила его пронзительной вспышкой.

Джозефина уцепилась за одну из стоек кровати и, держась за нее, протянула руку, в которой все еще оставалось немного воды с подоконника.

— Да поможет мне бог, — прошептал Китс, обмакнул палец в мутную воду на ладони Джозефины и поспешно надписал раскрытую страницу. Кроуфорд увидел, что книга раскрыта на поэме «Ламия».

Женщина отпрянула еще дальше, когда палец коснулся бумаги, и комната внезапно стала прежней. А затем Джозефина повалилась вперед и, пытаясь остановиться, мазнула мокрыми пальцами по восковому лбу Китса. В тот же миг ламия исчезла, с пронзительным криком, который заставил занять зубы Кроуфорда.

Музыка прекратилась, хотя воздух, казалось, все еще вторил ей эхом, и они слышали как Северн в замешательстве пробирается впотьмах по соседней комнате. — Джон, — позвал Северн. — С тобой все в порядке? Я, похоже, заснул... Похоже, женщина-кошка больше не пела ему свои колыбельные.

Китс смежил глаза, но сухие губы силились что-то сказать; Кроуфорд наклонился ближе. — Спасибо вам, вам обоим, — прошептал Китс. Его глаза на мгновение раскрылись, и он взглянул на Кроуфорда. Вода скатилась с его лба, и наполнила залегшие вокруг глаз глубокие морщинки, а затем словно слезы скользнула по изможденным щекам. — Помнишь, я сказал тебе когда-то, что мне может... однажды понадобится помощь от вынужденного хозяина неффа? Он вздохнул и отвернулся к стене. — А теперь, пожалуйста, уходи. И пришли сюда Северна — я должен продиктовать мою... эпитафию.

Джозеф Северн. Портрет Китса в Риме на смертном одре. 1821 г.

Северн кивнул, когда Кроуфорд передал ему послание Китса, и хотя в глазах его стояли слезы, и он сразу же бросился к Китсу, он все же махнул рукой на кушетку. — Садитесь, — тихо бросил он удаляясь. — Скоро здесь будет Доктор Кларк, он вам поможет.

Но когда Северн зашел в комнату Китса и затворил дверь, Кроуфорд взял Джозефину под локоть и повел ее к двери. — Нам нельзя здесь оставаться, — отчетливо прошептал он, надеясь, что она способна его понять. — Здесь сейчас опаснее всего — сюда могут нагрянуть люди, которые убьют нас обоих.

К его облегчению она кивнула.

Он повел ее вдоль по коридору к лестнице — несколько соседей испуганно выглядывали из-за приоткрытых тонкой щелью дверей и перекрестились, когда две мокрые,

изодранные фигуры похромали мимо — а затем вниз по лестничной шахте на улицу, где все еще безлюдные ступени, словно резной орнамент взбегали по холму Пинчо.

На улице он не остановился ни на мгновение, лишь быстрее потащил Джозефину через площадь, мимо фонтана-лодочки Бернини, к переулку на другой стороне. Там он немного расслабился, но все еще подгонял Джозефину по переулку на юг; так как когда Австрийские войска не обнаружат их в здании, они, несомненно, первым делом бросятся прочесывать близлежащие территории.

Тем временем на востоке небо уже начинало подергиваться серой дымкой. Наконец, первые лучи рассвета робко коснулись высоких шпилей и башен, и длинные облака над горизонтом заалели, словно мокрые бинты медленно напитываясь кровью зари. Кроуфорд обнаружил переваливающуюся полу-на-цыпочках походку, при которой бедро болело не так сильно, хотя временами, забываясь, он все еще переносил большую часть веса на безропотную Джозефину. Время от времени их обоих охватывала сильная дрожь, иногда настолько, что им приходилось останавливаться.

Возле Церкви Святого Сильвестро^[278] Кроуфорд остановился передохнуть, и когда он прислонился к стене и позволил своим раскаленным легким немного расслабиться, он прочитал памятную табличку на стене, которая гласила, что где-то здесь хранится голова Иоанна Крестителя^[279]. Это напомнило ему о поэме Китса «Изабелла», и он лихорадочно размышлял, чем же священники поливают эту голову, и что они надеются из нее вырастить.

— Этот женский монастырь, — внезапно начала Джозефина, заставив его вздрогнуть, — теперь еще и почтовое отделение. Я ходила сюда вчера по поручению Северна, узнать, не прислал ли им денег кто-нибудь из друзей Китса в Англии. Никто не прислал.

— Это все равно бы уже не помогло, — заметил Кроуфорд. Он пристально на нее посмотрел. Казалось, она была в здравом уме, кем интересно она себя сейчас считает. — Как ты здесь очутилась? Ты ведь здесь не из-за меня, верно?

— Нет, — ответила она. — Сначала дело было в гаруспикации^[280]. Она прислонилась к стене возле него и уставилась в рассветающее небо. Белок ее глаза был весь в ярко красных прожилках. Один доктор сообщил мне это слово, когда понял, почему я работаю медсестрой. Он заставил меня уйти. Это было в... нет, не помню, Фабриано^[281], Фирензе^[282]... я теперь медсестра везде, где ни окажусь. Уже без этого не могу.

Даже несмотря на боль и усталость Кроуфорд хорошо помнил их встречу четыре года назад в больнице св. Фомы. «Не тогда ли она обнаружила в себе эту потребность»? — Так что это такое... гаруспикация?

— Предсказание посредством осмотра внутренностей, — ответила она, по-видимому, цитируя то, что когда-то слышала. — У меня всегда достаточно работы, потому что большинству медсестер не нравится работать с хирургами; а мне это напротив нужно — нужно обязательно видеть это.

Кроуфорд понимал, что опасно развивать эту тему дальше, даже если бы он был здоровым и проворным. — Для чего... чтобы увидеть будущее?

Ее израненные губы растянулись в улыбке. — Может быть, в некотором смысле, это и есть мое будущее. Надеюсь что так. Нет, чтобы увидеть, что... у людей внутри. Внутри у *настоящих* людей. Это позволяет нам... позволяет мне... мечтать. В моих мечтах я избавляюсь... Она остановилась, затем затрясла головой, придя в отчаяние от этой мысли.

— Так что это за мечты?

— О том, как я оперирую себя — в этих мечтах я лежу столе, чуть приподнявшись, рассекаю скальпелем свой торс, капаюсь в собственных внутренностях, вытаскиваю все эти вещи, что терзают меня, и отбрасываю в сторону. Если бы я могла просто избавиться от них всех....

Кроуфорд воззрился на нее, со смесью озабоченности и ужаса на осунувшемся лице. — Вещи? Какие вещи?

Она пожала плечами и качнулась к нему, словно собираясь упасть в обморок. — Шестерни, — ответила она, — пружины, болты, цепи, проволоку... Она позволила фразе остаться незавершенной.

Кроуфорд молча обнял ее, не зная, что еще он может сказать.

Он повел ее на юго-запад к площади Навона, а затем, выглянув из-за угла магазина, несколько долгих минут изучал площадь и окно своей квартиры. Когда, наконец, он окончательно уверился, что Австрийцы еще не выследили его здесь, он велел Джозефине подождать и, прихрамывая, отправился через площадь к своему дому, и вновь появился спустя несколько минут с саквояжем и прогулочной тростью. Поступок, конечно, был рискованный, но он был убежден, что без денег и его медицинского набора у них с Джозефиной вообще не было никаких шансов, к тому же, если они хотели хоть куда-нибудь пойти, ему нужно было на что-то перенести часть веса с простреленной ноги.

Неподалеку от переулочка, где дожидалась Джозефина, остановил свою повозку продавец овощей, и теперь он выставлял на мостовую корзины с картофелем и луком, а из раскрытой двери булочной через дорогу до Кроуфорда доносились запахи горячих булочек и кофе; он подумывал пойти туда и потратить часть денег, но затем зеленщик окликнул пекаря, спрашивая, не знает ли тот, почему чертова прорва солдат курсирует взад-вперед по всем улицам и закоулкам в нескольких кварталах к северу.

Кроуфорд отдал Джозефине саквояж, снова взял ее под локоть и начал, хромая, двигаться в южном направлении. Трость, против ожиданий, помогала слабо, но, несмотря на пульсирующую занемевшую ногу, он не хотел брать экипаж, так как кучеров уже могли предупредить, и тогда они тоже их ищут. К тому же денег у него осталось немного, и он не хотел тратить их ни на что, кроме жилья и еды.

В конце концов, он сообразил, что трость следует держать *подальше* от больной ноги, и после этого открытия дорога стала гораздо менее болезненной. Пот на его лице начал остывать, и он немного расслабился.

Ему вдруг пришло в голову, что Джозефина так и не ответила на его вопрос? — Так каким ветром тебя занесло к Китсу? — спросил он.

Она пожала плечами. — Доктор Кларк многих своих сиделок нанимает в приюте Святого Павла. И когда сиделка требуется английскому путешественнику, он предпочитает англоговорящую.

— Почему же тогда ты у него задержалась? *Он* же не нуждался в хирургической операции?

— Да, не нуждался, — ответила она, с каждым шагом, казалось, вновь обретая силы, — и когда меня к нему направили, я чуть было так и не сделала, чуть не ушла. Но он... он был так на меня похож... тоже пытался убежать от всего этого... и тоже пытался спасти свою сестру... не знаю, может я решила, что смогу больше узнать о том, что у людей внутри, работая у него.

Она взглянула ему прямо в глаза, впервые за все это время. Ее единственный глаз, в

красных прожилках, сверкал из-под косо повязанного шарфа. И, когда он увидел порезы на ее губах, он вспомнил полный стеклянных осколков поцелуй, который они разделили на улице, и коснулся рукой собственного изрезанного рта.

— Непросто должно быть, — сказал он, понизив голос, — было убедить стеклодува сделать стеклянный глаз, наполненный толченым чесноком.

— На самом деле, он сделал это бесплатно. Он сказал, что знает для чего мне это, знает, зачем мне нужно, чтобы под рукой всегда был чеснок; и еще он сказал, что восхищается мною.

Кроуфорд подумал о своей фляжке, которая служила примерно такой же цели. Интересно, восхищался ли им человек, у которого он ее купил; хотя уж что-что, а восхищенным он, определенно, не выглядел.

Мысль о фляжке, тем не менее, заставила его достать ее и отвинтить крышку, и он опрокинул ее в свой истерзанный рот. Алкоголь обжег порезы на губах и языке, но эта пряная жгучесть настолько его освежила, что он заставил Джозефину тоже сделать глоток.

Три раза они видели конные отряды солдат на улицах к северу от них, и дважды слышали, как дети просились посмотреть на флотилии лодок, которые причаливали и извергали солдат по обоим берегам Тибра, поэтому Кроуфорд и Джозефина пошли на юго-восток, держась узких извилистых улочек и тропинок и избегая более широких улиц. Спустя некоторое время они миновали узкую Виа ди Марфорио [\[283\]](#), а затем спустились по ведущим вниз ступеням и обнаружили, что оказались на восточном краю неглубокой долины, в которой располагался Римский Форум [\[284\]](#). Здесь царил вековая тишина. Шум и сутолока нового Рима остались позади.

Это было длинное неровное поле, испещренное античными тротуарами, что все еще сдерживали натиск буйной растительности. То там, то здесь, в едва различимом порядке высились изъеденные непогодой колонны, намекая на величественные храмы и базилики, что давно уже канули в небытие. Впереди и немного правее маячили массивные очертания квадратного каменного сооружения, окруженного тремя арками, и Кроуфорд, взяв Джозефину за руку, повел ее к высокой, широкой центральной арке.

Встающее позади нее солнце делало еще более темным силуэт громадного строения, и Кроуфорд никак не мог разглядеть барельефы или латинские надписи, вырезанные на камне.

— Арка Септимия Севера [\[285\]](#), — внезапно отозвалась Джозефина. — Он был одним из самых жестоких римских императоров, но, по крайней мере, за время его правления почти не произвели литературы.

Кроуфорд удивленно взглянул на нее. — Правда? Что же в этом...

— Думаю, стоит где-нибудь здесь остановиться и разобраться с нашими ранами.

— Я не уверен, что понимаю..., — начал было он, но затем подумал о всех тех производителях литературы, которых он повстречал, с тех пор, как четыре года назад покинул Англию, и задумчиво кивнул. — Думаешь, этот старикан все еще может... обладать здесь каким-то влиянием, а? Да уж, какого черта — определенно, не в нашем положении пренебрегать подобными амулетами.

Впереди и слева три низкие стены из розового кирпича образовывали маленький тенистый закуток, и Кроуфорд повел ее к нему. Когда они опустились на землю, укрывшись от случайного взгляда любого, кто мог бродить здесь этим ранним утром, он открыл медицинский набор, развернул чистую белую тряпицу и расстелил ее на древней мостовой, а затем, надеясь, что Джозефина не преувеличила свой медицинский опыт, начал выкладывать

инструменты.

Вырезать пистолетную пулю из-под кожи у Джозефины оказалось несложно. Лишь немного крови на поверхности, и в течение нескольких минут Кроуфорд наложил шов на неглубокий надрез, а затем повязал на него и входное отверстие смоченные брэнди бинты. А для нее не составило труда ушить его рубашку, чтобы она плотно охватывала сломанные ребра.

Извлечь пистолетную пулю из его бедра представлялось более трудным, когда он стянул брюки, а затем улегся на живот и дал Джозефине наставления о том, как обращаться с хирургическими щипцами.

Рана начала закрываться, а сам он чуть не потерял сознание, когда она начала исследовать отверстие холодным инструментом.

— Прости, — сказала она, после того, как он задушил в себе вскрик, сжав кулаки от боли.

— ...ничего, — прошептал он, сожалея о том, что последнюю каплю брэнди необходимо было сберечь, чтобы перевязать рану. Внезапно его прошиб холодный пот, а к горлу откуда-то из глубины комом подкатила тошнота. — Говори со мной о чем-нибудь, когда будешь это делать, хорошо? О чем угодно.

Она протолкнула сомкнутые зажимы щипцов немного глубже, и он сам не понимал, как удержался от того, чтобы вскочить и выдернуть их наружу. Холодная сталь в ноге резко контрастировала со свежей, горячей кровью, ручейками сбегаящей по его бедру, собираясь в маленькие лужицы на усыпанной песком мостовой.

— Ну, я рассказала тебе, почему ятам была, у Китса, — невозмутимо ответила она. — А почему *ты*там был, к тому же работая на вампира?

— Я, — выдохнул он, — не работал на этого проклятого вампира. Ну ладно, работал, но я — *Боже, не спеши так, помедленнее!* — я не знал этого. Я работал на Австрийцев. Дьявол, по большей части работа, которую я выполнял для него, этого типа фон Аргау и Австрийцев — *а.. черт!* — состояла в том, чтобы *защищать*людей от вампиров.

Он почувствовал, как кончик щипцов коснулся серебряной пули. — Стой, — поспешно сказал он, — ты на месте. Теперь — Боже помоги мне — подай немного назад, раскрой щипцы *ооччень медленно*, а затем попытайся ухватить пулю. Ухватить как следует. Зажми ее плотно, понимаешь, но — *нет* — все что угодно, только не *раскачивай*.

Она мрачно кивнула. — Похоже, у австрийцев... союз с этими каменными людьми, — задумчиво сказала она, работая металлом в его ноге, и кровавая лужа поползла до его колена, — но они разные жизненные формы, и не могут... — я держу пулю. Что дальше?

Кроуфорд стиснул края разрушенных мраморных плит под ним. — Медленно, — прошептал он. — Тащи.

Она начала тянуть, так осторожно, что сначала он даже этого не заметил. — Вполне возможно, что они не могут понять истинные цели друг друга, — продолжила она. — В лучшем случае, это лишь брак по расчету. Держу пари, что единственными, кого ты защищал от вампиров, были люди важные для австрийцев.

— Так и было, — глухо ответил он. Теперь он, наконец, почувствовал тянущее усилие. — Все, кроме Китса — да и это была, очевидно, лишь попытка осчастливить его вампира. Напряжение в ране усилилось.

— Попытка не удалась, — невозмутимо ответила Джозефина, медленно увеличивая тягу и свободной рукой надавливая на его обнаженное липкое от крови бедро. — Теперь она без

хозяина. Он знал, что должен умереть, и сделал это. Как-то раз он даже заговаривал о самоубийстве.

— Без хозяина, — эхом отозвался Кроуфорд. Спустя двадцать пять лет. Внезапно он вспомнил рассказ Северна о том, как Китса продержали в карантине в порту Неаполя до его Дня Рожденья 31 октября — без сомнений, карантин тоже был любезностью, которую австрийцы оказали вампиру Китса: задержали прибытие Китса, крушение надежд, а вслед за этим возможное желание умереть, до той роковой ночи, чтобы ламия успела найти себе нового младенца и усыновила его, как когда-то, четверть столетия назад, усыновила самого Китса. Австрийцы, по сути, принесли в жертву итальянского ребенка, чтобы вампирша, не важно, что выберет Китс, не осталась без хозяина.

«И выбор у нее был богатый», — горько подумал он. И спросил себя, что если младенец, которого она выбрала, был одним из тех, что анонимно доставили ему через решетку в стене сиротского приюта Святого Духа.

— Она выходит, — сказала Джозефина, — не напрягайся.

Сжимающие пистолетную пулю щипцы были гораздо шире, чем когда они входили внутрь, и Кроуфорд чувствовал, как рвутся мускулы, когда Джозефина непреклонно тащила их наружу. Он зажмурил глаза и стиснул зубы. Дыхание вырывалось из него судорожными полузадушенными всхлипами. Пот градом катился на мостовую, размывая натекащую на нее кровь.

Наконец он почувствовал, как щипцы выскочили, и, несмотря на то, что кровь с новой силой хлынула из открывшейся раны, слабо вздохнул от облегчения. Он не дернулся от боли, даже когда Джозефина полила рану остатками брэнди, и после того, как она наложила повязку на его бедро, даже сумел самостоятельно натянуть брюки.

Он осторожно перевернулся, затем сел, чувствуя слабость и озноб. — Спасибо, — хрипло сказал он. — Ты лучшая медсестра из всех, что у меня были.

Джозефина повернулась к солнцу, а затем неуклюже наклонилась, чтобы поднять пулю, которую извлек из нее Кроуфорд. Она покатала серебряные комочки на ладони, а затем занесла руку, по-видимому, собираясь забросить их в древние руины.

— Стой! — сказал он.

Она опустила руку и вопросительно на него посмотрела. — Они из серебра, — сказал он, а у нас туго с наличностью на путешествие. Он начал с усилием вставать, орудуя своей прогулочной тростью словно шестом.

— Мы путешествуем вместе? — спросила она, безо всякого выражения на лице.

Он замешкался, понимая, что именно это и подразумевали его слова... и что это, и в самом деле, было тем, чего он сейчас хотел. Он распрямился, а затем осторожно кивнул. — Если ты ничего не имеешь против. Мы можем путешествовать как брат и сестра и устроиться на работу в какой-нибудь больнице. Э-э... но только я должен кое о чем спросить; если этот вопрос не имеет для тебя смысла... просто так и скажи. Он набрал в легкие воздуха. — Ты все еще думаешь, что это я убил Джулию?

Она пошла дальше, перешагивая через обломки упавших колонн, остановилась возле куста эвкалипта, сорвала один из его ядовитых листьев и рассеянно разорвала его на кусочки, а затем направилась дальше через развалины к увитым плющом аркам, которые украшали крутой склон Палатинского холма.

Кроуфорд, намного медленнее, последовал за ней, устанавливая трость в трещины старой мостовой.

Приблизившись к ней, он собрался заговорить, но она остановила его движением руки. — Ты думаешь, я не знаю, что я Джозефина, — поспешно сказала она, словно это было что-то, что нужно было сказать, но что никто не хотел услышать — и что это Джулия... Джулия у-у-мерла. Она мотнула головой, горькая усмешка скривила ее лицо и из глаза потекли слезы, оставляя светлые дорожки на ее худой щеке. — Так вот, я *знаю*, знаю это; я просто... не могу это *вынести*, Джулия была такой, такой... мне не стать такой никогда. Она всегда была так ко мне добра, несмотря на все беды, что я ей причиняла. Это я *должна* была умереть, а она остаться жить.

Она отвернулась от него, но задержала свою покалеченную левую руку, и он взял ее. — Я знаю, что ты не убивал ее. И я знаю, кто это сделал.

Рука об руку, не вкладывая, впрочем, в этот жест никакого влечения, они захромали дальше по разбитому покрытию Форума на юго-восток, туда, где над горизонтом, увенчанным куполами новых церквей, разрушенным уступом высилась красная громада Колизея.

— Ты когда-нибудь это делал, — спросила она немного погодя, — то, что я в конце сделала для Китса? Если нет, могу это сделать для тебя, только скажи. Это может каждый. Как там, у католиков это называется?

Кроуфорд попытался припомнить события минувшей ночи.

Утреннее солнце высушивало его одежду, и он чувствовал себя гораздо лучше, чем пару часов назад, но дьявольская усталость все еще тяжелым мешком давила ему на плечи. — Что, — отозвался он наконец, — то, что ты помогла ему подписать книгу водой с подоконника? Не думаю, что католики занимаются подо...

— Нет, — оборвала она, — то, что я мазнула его мокрой рукой по лбу, чтобы...

— Я думал — это была случайность, — сказал Кроуфорд, — что ты просто пыталась удержаться на ногах.

Она в раздражении взглянула на него. — Нет же. Именно это и заставило уйти его вампира. Черт, как же они это называют, не Конфирмация [\[286\]](#)...

— А-а. Кроуфорд задумчиво остановился. — Точно, точно. Когда-нибудь мне это тоже может понадобиться — надо подумать. Он снова возобновил прерванный шаг и добавил, словно только что вспомнил, — Баптизм [\[287\]](#), вот как они это называют.

Из рук ее виденье заструилось,
В нем жизни воплощенье превзошло
В своем сиянии тот образ в камне оживленный,
Что страсть разжег в душе Пигмалиона.
Бесполое создание то было,
Лишенное изъянов двух полов,
Оно все лучшее от них соединило...
И пред его объятим негой взором
Вились мечты как сонмы летних насекомых...
Перси Биши Шелли, Атласская колдунья

... с камнями полевыми союз у тебя...
строка из книги Иова, 5:23,
приведенная без комментариев
в записной книжке Шелли, в 1822 году

Fruits fail and love dies and time ranges;
 Thou art fed with perpetual breath,
 And alive after infinite changes,
 And fresh from the kisses or death;
 Of languors rekindled and rallied,
 Of barren delights and unclean,
 Things monstrous and fruitless, a pallid
 And poisonous queen.

— A. C. Swinburne, *Dolores*

Плоды опадают, любовь угасает и время проходит;
 Искусство твое — краткий миг на глазах бытия,
 И так на мгновенье оно раз за разом приходит,
 Рождение свое в поцелуях со смертью найдя;
 И вновь сушит сердце и душу надежды лишает,
 В вертепе пороков и грешных стремлений вертя,
 Чудовищным миром бесплодных усилий играет,
 Кольцом ядовитым пригревшись на шее змея.

— А. Ч. Суинберн, *Долорес*

Пиза ^[288]на северо-западном побережье Италии вблизи Ливорно, была, несомненно, лишь реликтовыми остатками своего бывшего великолепия. Дома были классическими Римскими, но со ставней на окнах облезала краска, а чистые некогда архитектурные линии были смазаны теперь водяными потеками и трещинами. Некоторые улицы были просто заброшены, и виноградные лозы и сорняки заявляли свои права на упавшие здания.

Желтая Арно ^[289]все еще полноводно текла под античными мостами, но устье реки, превратившееся в широкую дельту, утроило удаленность города от моря за столетия, прошедшие с тех пор, как Страбон ^[290]назвал Пизу одним из наиболее доблестных Этрусских городов. Угольщики и заготовители коры пробкового дерева трудились в *Маремма* ^[291], соленых болотах ^[292], что теперь окружали город, но местная торговля жила в основном за счет европейских туристов.

Большинство туристов прибывали посмотреть на кафедральный собор и знаменитую Падающую Башню, но некоторые приезжали с трудными заболеваниями в Университет — где англоговорящий доктор был, несомненно, даром богов — или, чтобы попытаться хоть мельком увидеть двух печально известных поэтов, изгнанных из Англии, которые недавно поселились в городе и, по всей видимости, собирались начать издавать какой-то журнал; такие литературно-озабоченные туристы были, тем не менее, извещены, что нужно торопиться, так как поэты, очевидно, чем-то насолили местными властями, и, как ожидалось, вскоре должны были уехать.

Пока Майкл Кроуфорд шагал на восток по Лунг'Арно ^[293], людной улице, что нависала над северным берегом Арно, он не особо приглядывался к людям вокруг. Сверху на мосту

двое мужчин выбивали матрасы, а из окна третьего этажа свесилась женщина, что-то напевая и развешивая постиранное белье на протянутой через переулок бельевой веревке, но Кроуфорд, поглядывающий время от времени под ноги, чтобы решить, куда опереть наконецник своей прогулочной трости, совершенно не замечал старика, что ковылял ему навстречу.

Река была глубокой и бурной в этот пасмурный апрельский день, и все лодки были пришвартованы вдоль речной стены ниже выбеленных солнцем каменных домов — даже скиф [\[294\]](#)любящего рискованные предприятия Шелли был на привязи, хотя он и был на этой стороне реки, и стремительно несущаяся вода отгораживала его от Тре Палаццо [\[295\]](#), где он жил. Очевидно, он навестил Байрона в Палаццо Ланфранки [\[296\]](#), вероятно в последний раз, перед тем как отправиться на север к заливу Специя [\[297\]](#).

А Байрон решил провести лето в Монтенеро [\[298\]](#), в десяти милях к югу. «Похоже, английское сообщество в Пизе распадается», — подумал Кроуфорд; Байрон и Шелли образовывали ступицу колеса, вокруг которой все остальные вращались словно спицы.

Они с Джозефиной, конечно, останутся здесь. Они трудились одной командой как брат-и-сестра, доктор-и-медсестра на медицинском факультете университета, где приносили огромную пользу. Так что официальные антианглийские настроения их коснуться не должны.

В любом случае причиной всего этого был Байрон, и он уезжал. Его теперешней дамой сердца была молодая леди Тереза Гвиччиоли. Ее брат, а также отвергнутый ею муж, были известны как активные члены анти-Австрийского движения Карбонариев [\[299\]](#). Байрон, очевидно, тоже был посвящен в члены секретного общества и часто бахвалился, что хранил оружие и амуницию для народной армии, когда гостил в Палаццо Гвиччиоли в Равенне.

Тереза Гвиччиоли

Пизанские власти не особо обрадовались, когда Тереза с братом, а затем и собственной персоной Байрон, прибыли в их город. Напряженное перемирие почти переросло в войну месяц назад, когда Байрон, Шелли и четверо представителей местного английского круга ввязались в потасовку с грубым итальянским драгуном возле южных ворот. Драгун ударил Шелли по лицу гардой сабли, и в последовавшей за этим свалке один из слуг Байрона наколол драгуна на вилы. Вояка в конце концов оправился от раны, и слугу не посадили, но тайные агенты правительства теперь повсюду следовали за Байроном, Терезой и ее братом.

Кроуфорд, конечно же, *надеялся*, что они с Джозефиной вне подозрений.

Он продолжал работать врачом как Майкл Айкмэн, после того, как они с Джозефиной сбежали из Рима. Он боялся, что фон Аргау мог изъять его поддельные медицинские аттестаты из официальных записей в Риме, но в университете были настолько впечатлены его очевидным опытом и компетентностью, что обошлись без доскональной проверки бумаг, и они с Джозефиной перебрались сюда, в надежде, что наконец смогут где-то осесть. Кроуфорд думал, что они могут жить вместе как брат и сестра до конца жизни — не похоже, чтобы один из них надумал жениться.

Сейчас ему было сорок два, и он почти всегда ходил с тростью из-за жеманной уверенности, что уже никогда не сможет разработать свою левую ногу, и проводил большую часть времени, читая или работая в саду; а Джозефина пребывала в здравом уме весь беззаботно пролетевший последний год. Вина и кухня Тосканы [\[300\]](#) поправили также и ее фигуру, так что теперь она выглядела почти как ее покойная сестра, а щедрое итальянское солнце покрыло загаром ее кожу и расцветило длинные волосы всеми оттенками серебра, золота и бронзы. Они сдружились с Пизанскими англичанами и часто гостили по средам на званых обедах Байрона. Хотя теперь они, по правде сказать, были скорее итальянцами, чем англичанами.

Кроуфорд смотрел вправо, на плещущую под ногами воду канала, и, когда поднял взгляд, чтобы не пропустить беломраморный фасад дома Байрона, увидел старика, который, как и он, прогуливался с тростью — но Кроуфорд был слишком занят своими мыслями, так что удостоил его лишь мимолетного взгляда.

В этот миг на балконе второго этажа показался Байрон, его седеющие волосы трепетали на ветру, и Кроуфорд уже хотел махнуть ему, но задержал руку, когда увидел мрачное выражение на осунувшемся лице лорда. Спустя мгновение парадная дверь распахнулась, и из палаццо выскочил Перси Шелли. Он тоже выглядел расстроенным.

— Перси! — окликнул его Кроуфорд, ускоряя шаг. — Что случилось?

Шелли сощурился, словно не узнавая его, затем тряхнул головой. — Вы с сестрой сможете отправиться с нами в Специю? — прямо спросил он. — У меня есть основания думать, что нам понадобятся... медицинские навыки по *твоей части*.

Кроуфорд, честно говоря, так и не сумел проникнуться симпатией к Шелли. — Даже и не знаю, Перси, по крайней мере, не сразу. А что, Мэри или Клэр беременны?

— По правде сказать, мы думаем, что Мэри может быть снова — но мы еще не совсем уверены... Он раздраженно махнул рукой. — Я могу заплатить вам больше, чем вы получаете в вашей больнице.

Кроуфорд знал, что это не так — Шелли задолжал многим людям, даже своему английскому издателю. — Сожалею. Мы действительно не можем покинуть Пизу. Ты же знаешь, Джозефина нездорова. Ее нервное расстройство...

На миг показалось, что Шелли готов возразить — но он просто молча кивнул и гордо прошествовал мимо; мгновение спустя он слетел по ступенькам частного причала Байрона к пришвартованному скифу, гневно стуча каблуками по мокрому камню.

Кроуфорд снова взглянул на балкон, но Байрон уже скрылся внутри. Он вернул взгляд на улицу, и, наконец, заметил давешнего старика — и тотчас нырнул под покрытие утопленного входа в дом Байрона и загромыхал дверным молотком, так как ему показалось, что он узнал этого старика.

Он думал, что это был... как же его звали?... де Лож, тот самый выживший из ума странно-говорящий старикан, который тогда во Франции помог ему раздобыть паспорт Айкмэна — а затем попросил утопить его в качестве ответного одолжения — шесть долгих лет назад и более чем в пятистах милях отсюда.

— Ну, давай же Флетчер, — прошептал он в закрытую дверь. Он пытался убедить себя, что де Лож не может *его* узнать — он уже не тот молодой, темноволосый Майкл Кроуфорд, что из последних сил выбрался на берег возле поселка Карнак, тем июлем 1816-го.

«Может, это вообще не де Лож. Что ему *здесь* сделать?»

«Мог ли он искать здесь Кроуфорда?»

Эта мысль испугала его, и он еще сильнее замолотил в дверь.

Наконец слуга Байрона отворил дверь, с огорченным удивлением на морщинистом лице.

— Извини за такую настойчивость, Флетчер, — хватая ртом воздух, выдохнул Кроуфорд, и миг спустя брови слуги задрались еще выше, так как Кроуфорд поспешно скользнул внутрь, а затем рывком захлопнул за собой дверь. — Там... один мой давнишний кредитор, и я не хочу, чтобы он меня увидел.

Флэтчер пожал плечами и кивнул, и Кроуфорду пришлось на ум, что за эти годы Байрон, вероятно, несметное число раз врывается в дома, где он жил, точно также объясняя свою поспешность.

— Прикажете о вас доложить, — осведомился Флэтчер, — или вы просто... ?

— Нет, он на самом деле меня ожидает. Мы собирались прокатиться верхом и пострелять в Маремма.

— Я доложу милорду о том, что вы здесь, — сказал Флэтчер, поднимаясь по лестнице, — хотя он, возможно, не в настроении.

Кроуфорд опустился на один из диванов, а затем невидяще уставился на расписанный цветами высокий потолок, размышляя, что могло так расстроить Шелли и Байрона. Они что, поссорились?

Совершенно невозможно. Шелли часто бывал заметно раздосадован непристойными шутками Байрона и его, хотя и легким, но вездесущим высокомерием, которым его наделяло английской пэрство, а больше всего, его отказом общаться с Клэр или хотя бы позволить ей навещать их дочь Аллегру, которую позже он поместил в женский монастырь в Баньякавалло [\[301\]](#) на противоположном берегу Италии.

Тем не менее, Шелли вряд ли порвал бы с Байроном, так как лорд был главным сотрудником и что самое важное спонсором *Либерала*, журнала который они собирались издавать. Журнал должен был публиковать новые поэтические работы Байрона и Шелли и спасти друзей Шелли, семейство Хантов, от банкротства — Ли Хант вместе с женой и детьми уже, должно быть, на пути из Англии в Пизу — но нужная провокация в подходящий момент могла подточить самообладание Шелли.

Еще до того, как они с Джозефиной прибыли в Пизу, уже больше года назад, Кроуфорд знал, что Шелли живет здесь, и что Байрон должен вскоре к нему присоединиться. Но он сразу же отмел мелькнувшее подозрение, что влечет его сюда не столько расположенный здесь университет, сколько возможная встреча с каменным близнецом Шелли.

Собственно, сначала он не собирался иметь никаких дел с английскими поэтами . . . но затем, как-то вечером, пару месяцев назад, на Лунг'Арно он повстречал Байрона.

Кроуфорд тут же его узнал и после минутных колебаний подошел и представился. Байрон сначала держался прохладно, но после того, как они пожали друг другу руки, он внезапно повеселел и принялся рассказывать ностальгически преувеличенные истории о Полидори и Хобхаусе, и тех гостиницах, где они останавливались во время их памятного тура по Альпам шесть лет назад. Тем вечером, прежде, чем они расстались, Кроуфорд обнаружил, что принимает приглашение на ужин в Палаццо Ланфранки вечером в среду.

В тот раз он пришел один, без Джозефины, и Шелли был больше удивлен, чем обрадован, увидеть его снова, но мало-помалу Кроуфорд и Джозефина стали своими в кругу англичан, которые собирались в доме Шелли на южной стороне реки и в доме Байрона на северной.

Джозефина говорила редко и иногда расстраивала семейство Шелли, сосредоточенно вглядываясь в пустой угол комнаты, словно что-то увидевшая кошка, но Байрон заявлял, что ему нравятся ее редкие случайные реплики, а Джейн Вильямс, которая вместе со своим мужем остановилась у Шелли, пыталась научить ее играть на гитаре.

Байрон никогда не упоминал о том, что встречал Джозефину на горе Венгерн, и Кроуфорд полагал, что он ухитрился заставить себя забыть большую часть из случившегося в тот день.

Кроуфорд не мог понять, что такого было в том рукопожатии, которое так внезапно расположило к нему Байрона, пока как-то раз, пару недель назад, когда они вместе выпивали, лорд не показал свою правую руку, на ладони которой Кроуфорд увидел черную отметину. Похожая осталась на его руке, когда он вонзил нож в лицо деревянной статуи в Риме, нечаянно призвав Карбонариев.

— Твоя темнее, — заключил Байрон. — Они, должно быть, использовали более свежий нож во время твоего посвящения, когда заставили тебя пронзить *mazze*. Тебе известно, что любого ножа хватает лишь на несколько таких уколов? После нескольких посвящений весь углерод впитывается плотью, и нож перестает быть сталью и становится просто железом.

Кроуфорд лишь понимающе кивнул, и с тех пор старался никогда не разуверять Байрона в том, что он был посвящен в Карбонарии... отчасти из-за того, что подозревал, той ночью это и впрямь *случилось*.

* * *

Байрон между тем уже, хромая, спускался по лестнице, и Кроуфорд оторвал взгляд от созерцания потолка.

— Добрый день, Айкмэн, — сказал Байрон. Он был стройным и загорелым, после того как сбросил вес, который, очевидно, набрал в Венеции, но сегодня он выглядел

обеспокоенным и неуверенным в себе. — Что тебе сказал Шелли, там, снаружи?

Кроуфорд поднялся. — Только то, что он хочет, чтобы мы с Джозефиной отправились с ним в Специю.

Байрон уныло кивнул, словно это что-то подтверждало. — Он сегодня не с нами — и будь я проклят, если я хочу заезжать за Эддом Вильямсом — так что полагаю только ты и я. Он одарил Кроуфорда взглядом, о который при желании можно было порезаться, затем усмехнулся. — Ты же ведь не будешь всаживать в меня серебряные пули, а?

— Э..э, — ответил сбитый с толку Кроуфорд, — нет.

Они отправились верхом через Порта-делла-Пьяцца, те самые южные ворота, где Шелли получил свой удар, а итальянский драгун был ранен месяц назад, но хотя из тесненных кожаных кобур, притороченных к гусарскому седлу Байрона, ощетинились пистолеты, солдаты Пизанской стражи смотрели вниз со стен, почти не выказывая той встревоженной подозрительности, что была у них в предыдущие недели. Все знали, что Байрон вскоре покинет город. К тому же, сегодня здесь было только два вооруженных всадника. Предыдущие компании стрелков насчитывали, по меньшей мере, полдюжины.

— Ох уж эти Шелли со своими проклятыми детьми, — процедил Байрон, когда стены остались позади, и дикие оливы и заросли меч-травы ^[302] окружили дорогу. — Они хоть одного из них *вырастили*? Перси Флоренс все еще жив, и ему идет второй год, но как думаешь, сколько он еще проживет? Три года назад умер их сын Вильям — год спустя в Венеции умерла маленькая Клара — а до всего этого, где-то в 1814, у них был ребенок, который не прожил и двух недель. Они даже имя ему дать не успели! И я, кажется, припоминаю, что у него был, по крайней мере, еще один ребенок от первой жены — впрочем, сколько бы их ни было, без сомнений, все уже давно мертвы. Не похоже, чтобы его *беспокоило* благополучие детей — *особенно*, если они его собственные.

— Это просто нелепо, — сказал Кроуфорд, который хорошо знал Шелли и поэтому рискнул перечить Байрону. — Ты же знаешь, как он переживает за своих детей... когда они у него есть.

Его реплика против ожиданий заставила Байрона смутиться. — Ох, полагаю, ты прав. Но они же всегда умирают. А теперь они думают, что Мэри снова беременна! Думается, им просто нужно отказаться от секса — просто оставить все это как безнадежную затею.

«Как когда-то сделал я», — подумал Кроуфорд.

Они поехали дальше в молчании, и только звуки дующего с моря ветра, шелеста деревьев и топота копыт по песку витали вокруг них. Кроуфорд обдумывал слова Байрона о серебряной пуле. Не вообразил ли Шелли, что Байрон был жертвой вампира? Он, конечно, был, до того как достиг вершины Венгерн.

Кроуфорд глянул на своего спутника, замечая впалые щеки под седеющими волосами и неестественную яркость глаз Байрона. Стихи, выходившие из-под его пера в эти дни, были лучшим из всего, что он написал — Шелли недавно сказал, что не может больше соперничать с Байроном, и что Байрон был единственным, с кем *стоило* состязаться, теперь, когда умер Китс.

Внезапно Кроуфорд уверился, что Байрон снова *угодил* в сети ламии — наверное, во время своего пребывания в Венеции, судя по тому, как Шелли описывал женщину, с которой Байрон там жил. Был ли это тот же самый вампир, который паразитировал на нем прежде? Возможно. Как он и предполагал шесть лет назад в Швейцарии — к неудовольствию Байрона — они, по-видимому, сохраняли клеймо предыдущих любовников, даже когда

отгораживались от них.

Но Тереза Гвиччиоли была, очевидно, не из вампиров — она часто сопровождала Байрона и его друзей в их дневных верховых прогулках. И даже ходила на мессу в соборе. Как же Байрону удавалось уберечь ее от ревнивых ухаживаний его сверхъестественной любовницы?

Вдруг он поймал себя на мыслях о холодных прикосновениях своей вампириши и поспешно ощупал внутренности пиджака в поисках фляжки. У него ни с кем не было секса — ни с кем из *смертных* — с той роковой брачной ночи шесть лет назад, и он пришел к безрадостному заключению, что любовь нечеловеческой близняшки Шелли — ее холод и его жар — навсегда отвела его от влечения к обычным земными женщинами.

Он все еще иногда думал о том болезненном, но освобождающем поцелуе, которым Джозефина одарила его перед входом в дом Китса год назад в Риме, но эти воспоминания ни разу не заставили сердце учащенно забиться, и они с Джозефиной никогда об этом не упоминали.

Между тем они достигли поля на окраине фермы Кастинелли, где они обычно стреляли, и Байрон соскочил с лошади и, ухмыльнувшись, взглянул на Кроуфорда. — Поделишься?

— Конечно. Кроуфорд протянул фляжку, затем спешил и отправился с Байроном к поваленному дереву, возле которого они обычно устанавливали мишени. Байрон хлебнул еще брэнди, затем протянул фляжку обратно, и, пока Кроуфорд привязывал лошадей, склонился над столбами, которые они вбили в землю в прошлый раз. Он установил монеты в полкроны [\[303\]](#) в расщепленные макушки пары столбов.

— Аллегра мертва, — бросил он через плечо.

— О-о.

Кроуфорд никогда не встречал пятилетнюю дочь Байрона и Клэр Клэрмонт, и хотя знал, что Клэр неистово заботилась о дочке, ничего не мог сказать о том, что чувствовал сейчас Байрон — очевидно, винил и себя тоже, по крайней мере, в какой-то степени, судя по его сомнениям в способности Шелли заботиться о детях.

— Соболезную, — промолвил Кроуфорд, стыдясь того, как глупо это звучит.

— Ты знал, что я отдал ее в женский монастырь? — продолжил Байрон, все еще не глядя на него и приводя в порядок столбы. Его тон был легким и непринужденным. Я обзавелся определенными средствами защиты для себя и Терезы, но они не надежны, и я подумал... что в освященном месте, вдали от меня и любого, кто знаком с этими созданиями... но этого оказалось... Его плечи были неподвижны, и Кроуфорд не мог понять плачет он или нет, но голос его, когда он заговорил снова, был все также спокоен. — Бедные наши дети.

Кроуфорд подумал о том, как сам он мучительно противился искушению пригласить ламию вернуться — что в его случае, кроме всего прочего, означало отказ от немислимого долголетия — и подумал также о той цене, которую пришлось заплатить Китсу, чтобы спасти свою младшую сестру.

— Твоя, — начал Кроуфорд, спрашивая себя, не вызовет ли Байрон его на дуэль за то, что он собирался сказать, — твоя поэзия столько для тебя значит?

Байрон гибко выпрямился и захромал обратно к лошадям, по-прежнему не глядя на Кроуфорда. Одним мгновенным рывком он вытащил два пистолета и крутанулся к Кроуфорду и деревьям; и в растянувшемся мгновении паники, Кроуфорд успел подумать, что умрет прямо здесь, и заметить, что руки Байрона сильно тряслись, а глаза блестели от слез.

Два выстрела слились в один оглушительный гром, но Кроуфорд уловил короткий, звонкий *памм*, с которым, по крайней мере, одна из монет улетела в поле.

Мало-помалу, Кроуфорд расслабился, смутно осознавая сквозь стоящий в ушах звон, что Байрон вернул пистолеты в кобуру и направился обратно к дереву; и сквозь яркие искры, плавающие перед глазами, увидел, как Байрон прохромал мимо дерева и углубился в заросли травы. Байрон смотрел вниз; по-видимому, искал монеты, которые пропали, обе.

— Она на самом деле, — ответил Байрон, когда Кроуфорд приблизился к дереву и оперся о него спиной. — Столько для меня значит, — добавил он. Он ворошил ногой траву в нескольких ярдах от Кроуфорда, пристально вглядываясь в землю. — Я... полагаю, я самого начала *знал*, кто такой лорд Грэй, по крайней мере, *что* он за существо, когда открыл перед ним дверь в мою спальню в 1803. Конечно, к тому времени, когда я осознал, что обречен на смерть мать и подверг опасности сестру, было уже слишком поздно. И все равно, я не хотел верить, что это он несет ответственность за... дело всей моей жизни, мою способность писать, то, что я... то, что сделало меня *мною*, — ты же понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — только и сумел ответить Кроуфорд.

— Я *подозревал* это — именно этим объясняется моя неумная тяга к физическим достижениям — плаванье, стрельба, фехтование, похоть. Но ничто из этого не могло оправдать все те смерти, всю ненависть и... измены, которые сопутствовали моей жизни. Он остановился и поднял комок серебра, затем показал его со слабой улыбкой. — Не плохо, а? Завернул пулю в монету. Он хромая направился назад к дереву.

Все еще помня, на что пошел Китс, Кроуфорд сказал: — Но зачем же ты *пригласил его обратно*? После того, как тебе удалось избавиться от него в Альпах?

— Я не мог больше *писать*! — Байрон тряхнул головой и выбросил монету. — Оказалось... я не могу без этого. Да, конечно, я написал *Манфреда*, но почти все по памяти. Мысленно я слагал эти строки еще до того, как мы взобрались на Венгерн; а затем в Венеции я начал четвертую Песнь *Чайлда Гарольда*, но все это было рутиной... пока я не встретил Маргариту Когни — и тогда я заставил себя поверить, что она не Лорд Грэй, в этот раз в облике соблазнительной девушки, что внезапное возвращение жизни в мои стихи случилось само собой. Он повернул к лошадям. — Что-то я сегодня не особо расположен стрелять — а ты как?

— К дьяволу стрельбу, — согласился смущенный Кроуфорд.

— И вот Аллегра мертва, — сказал Байрон, отвязывая лошадь и запрыгивая в седло. Глаза его были затуманены. — Но прежде, чем эта... тварь доберется до моей сестры и второй дочери, я собираюсь снова ее бросить, а затем отправлюсь куда-нибудь, где я смогу *совершить* хоть что-то — что-то, что будут помнить — что-то более значимое, чем маранье бумаги.

Кроуфорд забрался в седло. — Например?

— Например... например, буду биться за свободу — за людей, которые ее лишены. Байрон смущенно нахмурился. — Это кажется наилучшим способом искупить мои грехи.

Кроуфорд подумал о фамильном гербе, красующемся на двери Байроновской кареты, и о многокомнатном дворце, который он делил с обезьянами, собаками и птицами. — Звучит весьма демократично, — снисходительно заметил он.

Байрон одарил его колким взглядом. — Насмехаешься, да? Ты, похоже, не в курсе, что моя первая речь в Палате Лордов была в защиту луддитов, английских рабочих, которых заключали в тюрьму и даже убивали за то, что они ломали машины, которые лишали их

работы. И ты знаешь, как тесно я был связан с Карбонариями, пытаюсь помочь им сбросить Австрийское ярмо. Это было... Он пожал плечами и покачал головой. — Этого было недостаточно. В последнее время я подумываю о Греции.

«Греция. Греция сейчас боролась за освобождение от Турции», — подумал Кроуфорд; но все это было так далеко, столь мелочно в сравнении с дошедшими до нас античными сказаниями и поэмами Гомера, что он отверг саму эту идею, как следствие чрезмерного романтизма Байрона.

— Ты хочешь снова вернуться в Альпы? — спросил Кроуфорд.

— Может быть. Или в Венецию. Спешить *особенно* некуда... пока же я могу противиться ухаживаниям этих существ, как делал это до сих пор. Карбонарии противостоят им уже столетия, а семейство Терезы весьма сведуще в тайных знаниях Карбонариев. Думаю, ты уже заметил, что Тереза... что на нее не распространяется известное тебе *недомогание*.

Байрон казался сердитым, так что Кроуфорд больше не задавал вопросов — хотя теперь ему очень хотелось узнать, возникло ли увлечение Байрона Терезой до или после того, как он открыл ограждающие от вампиров познания ее семейства.

Они поехали обратно и несколько минут двигались к заброшенным столетия назад стенам города, когда Байрон заметил впереди фигуру, вырисовывающуюся на фоне серого неба, где идущая через болото дорога взбиралась на холм. Кроуфорд сощурившись, посмотрел в указанном направлении и увидел, что фигура сломя голову несется — им навстречу — а затем похолодел, узнав ее.

— Это Джозефина, — сдавленно сказал он, пришпоривая своего коня.

Она начала махать им, когда увидела лошадей. Ее руки, словно метроном, двигались туда и обратно и остановились, только когда Кроуфорд доскакал до нее, натянул поводья и спрыгнул на землю, а затем схватил ее за руки, и силой заставил их опуститься. Она так отчаянно задыхалась, что он заставил ее сесть. Глаза ее были широко раскрыты, и стеклянный глаз сумасшедшее уставился вверх в серое небо.

Байрон тоже спешил и держал поводья лошадей, с живым интересом поглядывая на Джозефину. Кроуфорд надеялся, что у нее имелась веская причина вот так примчаться сюда; он никогда и никому не позволял потешаться над ее странным поведением, но право же, было просто поразительно, как часто она давала людям такой повод.

Минуту спустя Джозефина наконец отдышалась. — Солдаты из гарнизона, — выдохнула она, — у нас в доме. Я спряталась, когда они ворвались, а затем выбралась через кухонное окно, пока они были в гостинной.

Байрон процедил проклятье. — Вас двоих даже поблизости не было от этих чертовых ворот, когда Тито проткнул того драгуна! И они вот так просто вломились? Я этого так не оставлю, они не могут безнаказанно докучать моим знакомым...

— Я... я не думаю, что это было из-за того драгуна, — сказала она, испытующе глядя на Кроуфорда своим единственным глазом.

— Ну и? — нетерпеливо потребовал Кроуфорд после затянувшегося молчания. — Зачем они приходили? Можешь говорить при Байроне, — добавил он, видя ее колебания.

— Они говорили о трех мужчинах, которые были убиты в прошлом году в Риме.

Внутри у Кроуфорда внезапно все оборвалось, и он пустым взглядом посмотрел мимо нее на городские стены. — Ох.

Брови Байрона поползли вверх. — Ты убил трех мужчин в Риме?

Кроуфорд выдохнул. — Очевидно. Он оглянулся назад, на дорогу, которая вела к

фермерскому дому семьи Кастинелли, прикидывая, сколько может запросить старый фермер за то, что позволит ему и Джозефине переночевать на полу его кухни.

— Байрон, ты не мог бы доставить Шелли сообщение, когда вернешься? Скажи ему, что Айкмэны все-таки берутся за предложенную им работу — но ему придется захватить для нас одежду и припасы и подобрать нас на дороге за городом.

Тот мир, что видел лишь на миг,
Достанется другому;
Ему достигнуть тех небес,
Что мне не стали домом.

—А. Э. Хаусман

Все семейство Шелли — которое, после краткой остановки в доме Кастинелли, включало также Кроуфорда и Джозефину — отбыло из Пизы на следующий день; а четыремя днями позже Кроуфорд, Шелли и Эдвард Вильямс провели час, переноса коробки через неглубокие волны у восточного берега залива Специя и складывая их на земляной пол портика [\[304\]](#)старинного каменного лодочного дома снятого Шелли, а затем переходя вброд к стоящей на якоре лодке за следующими.

По обе стороны от дома протянулся волнолом, который отделял узкую полосу пляжа от деревьев, скрывающих крутой склон позади дома, а ближайшими соседями были несколько рыбаков со своими семействами в маленьком скоплении лачуг, именуемом Сан Теренцо [\[305\]](#)в двух сотнях ярдов к северу. Где-то наверху холма протянулась дорога, но практически единственным способом попасть в жилища на берегу оставалось море, и Шелли беспокоился за доставку двадцатичетырех-футовой лодки, которую он построил в Ливорно, и на борту которой надеялся провести большую часть жарких летних дней.

Дом назывался Каза Магни [\[306\]](#), что, подумал Кроуфорд, было чересчур помпезным именем для такого безлюдного и неустроенного места. Пять высоких арок венчали первый этаж, но, если не брать в расчет узкую мощеную площадку, дом выходил прямо к воде, а позади арок плиты просторного, занимающего весь первый этаж помещения, были всегда покрыты волнистыми наносами песка от высоких приливов.

Каза Магни, дом

Шелли в Сан Теренцо, рисунок капитана Дэниела Робертса

Комната первого этажа предназначалась только для хранения лодок и лодочной оснастки, а спать и обедать приходилось в комнатах наверху — Кроуфорд припомнил рассказы о дворце Байрона в Венеции и подивился, почему оба поэта так любили жилища, которые почти без преувеличений стояли на воде.

Вечером в день их прибытия Клэр неожиданно рано вернулась с прогулки вдоль узкого пляжа и, поднимаясь по лестнице в длинную, расположенную в центре дома гостиную, где все остальные уже сидели за столом, услышала, как Шелли сказал что-то о Байроне и женском монастыре в Баньякавалло; поднявшись наверх, она пересекла комнату и спросила Шелли, мертва ли ее дочь, и Шелли поднялся и тихо ответил: — Да.

Она побелела от ярости и так на него уставилась, что он отшатнулся назад, но затем она развернулась и бросилась в комнату, которую делила с Мэри, и захлопнула за собой дверь; в ту ночь Мэри, против обыкновения, спала в комнате Шелли.

Даже на своей койке в комнате для мужской прислуги в задней части дома Кроуфорд слышал, как Клэр безудержно рыдала до восхода.

* * *

В течение следующих нескольких дней Шелли неизменно отправлялся в одинокие пешие прогулки туда и обратно по пляжу, где взбирался на причудливо раздутые, волнистые вулканические скалы, часто о них обрезааясь, но на закате его, как правило, можно было увидеть на террасе, окружающей второй этаж Каза Магни, где он стоял, облокотившись о

перила, и вглядывался сквозь темнеющие воды залива на высокий, скалистый силуэт полуострова Портовенере [307].

Как-то вечером, после обеда, Кроуфорд вышел вслед за ним и Эддом Вильямсом на террасу. Шелли и Вильямс разговаривали между собой, и Кроуфорд, укрывшись от лунного света в тени изорванного парусинового навеса, прислонился к стене дома, потягивая бокал Щакетра [308], приготовляемого здесь сладкого янтарного вина, и изучающе разглядывал своего нового работодателя.

Кроуфорда удивляло, почему Шелли загорелся идеей привезти все свое окружение именно в этот открытый всем ветрам, пустынный уголок побережья. В такие моменты как этот, когда Шелли несвязно поддерживал беседу, а сам при этом изучал водные просторы и лишенные четких форм берега, казалось, что он чего-то ждет — при этом он часто перекачивал в руке кварцевую гальку с пляжа, словно игрок, собирающийся с духом, перед тем, как бросить кости в игре, где ставка невыносимо высока.

Было пустынно и тихо. Единственными звуками, которые доносил теплый ночной бриз, были мерное плескание прибоя о скалы внизу, хриплый шепот ветра в кронах деревьев позади над домом и перестук камешков в руке Шелли — и Кроуфорд пролил большую часть вина на рукав, когда Шелли внезапно издал задущенный вскрик и ухватил Вильямса за руку.

— *Там!*— беззвучно прокричал он, указывая поверх перил на белые гребни пены венчающие темные воды. — *Ты видишь ее?*

Вильямс дрожащим голосом ответил, что ничего не видит; но, когда Кроуфорд поспешил к перилам и глянул вниз, ему показалось, что он видит маленькую человеческую фигурку, парящую над волнами и манящую их белой рукой.

Шелли оторвал от нее взгляд и посмотрел на Кроуфорда; даже в вечернем полумраке Кроуфорд отчетливо видел блестящие белки его глаз.

— Не вмешивайся, Айкмэн, — сказал Шелли. — Она не по твою душу... Он запнулся так как снова взглянул на море, и тревожное предвкушение покинуло его лицо, оставив лишь выражение болезненного, усталого ужаса. — О, господи, — тихо простонал он. — Это не она.

Кроуфорд снова вгляделся в темный, волнующийся океан. Бледная фигура была теперь дальше, но теперь ему казалось, что он видит несколько — нет множество — человеческих фигур, необъяснимо парящих вдали над поверхностью ночного моря, и он вздрогнул и отступил назад, бесстрастно осознавая, как одиноки он и его спутники на этом безлюдном северном побережье, и как много миль безликой воды отделяют их от людей.

За мгновение до того, как все исчезло, словно унеслось в пепельное небо и растворилось на фоне скалистого утеса Портовенере, Кроуфорд мельком увидел лицо детской фигурки, на которую указывал Шелли; лицо было фарфорово-белым и, казалось, обнажило все свои зубы в зловещем широком оскале.

Шелли повалился на поручень, и если бы Вильямс не ухватил его за плечо, мог бы упасть через перила на узкую мостовую внизу; но мгновение спустя он распрямился и откинул с лица беспорядочно спутанные светлые волосы.

— Это была Аллегра, — тихо сказал он. — Только ради бога, Клэр не говорите.

Кроуфорд шагнул обратно в покинутый полумрак и дрожащими руками влил в себя остатки сладкого вина.

Во время этих длинных летних дней жара, казалось, словно яд разливалась по венам. Даже дети были оглушены ею — двухлетний сын Шелли, Перси Флоренс, проводил большую часть времени, рисуя закорючки на песке, везде, где находилась тень, а оба ребенка Вильямсов, одному из которых едва исполнился год, почти весь день заходились плачем — Кроуфорду казалось, что плакали они как-то неспешно, но неотвратно, словно должны были выплакать отведенное им количество слез и не хотели истощить себя раньше времени.

Клэр в прострации бродила вокруг, но Кроуфорд не думал, что виной тому затяжное пьянство, в которое она ударилась. Все о чем она могла говорить, это как Байрон использовал Аллегру, чтобы сделать ее несчастной. Она столько раз уже повторяла «Он никогда *ничего* не делал для Аллегры!», что Кроуфорд и Джозефина часто шептались друг другу эту обвинительную тираду, когда Клэр открывала рот, чтобы что-то сказать, и редко когда предчувствие их подводило.

Мэри тоже нездоровилось, и большую часть времени она проводила в своей комнате, покидая ее лишь для того, чтобы поговорить с Эдвардом Вильямсом и его женой Джейн, которые держались лучше всех остальных.

Эд Вильямс был на год младше, чем Перси Шелли, и хотя тоже не был лишен литературного тщеславия, и даже написал трагедию, был простодушным и любил свежий воздух. Был он всегда загорелый и жизнерадостный, всегда готовый помочь с работой по дому или ремонтом лодок. Его жена Джейн тоже, казалось, была неподвластна деспотичному правлению солнца и всегда была готова скрасить досуг компании игрой на гитаре, когда по вечерам от воды, наконец, долетали прохладные дуновения бриза, чтобы разорвать палящую удушающую хватку дня.

Эдвард

Вильямс — Автопортрет

Джордж

Клинт — портрет Джейн Вильямс

Кроуфорду нравились Вильямсы, и он был чрезвычайно рад, что они были здесь, разделяя с ними это импровизированное изгнание.

* * *

В полдень, на четвертый день после того, как призрак Аллегры поманил Шелли из сумеречного прибоя, они увидели парус, vyplывающий из-за мыса Портовенере.

День, в кои-то веки, был пасмурным и предвещал грозу, и, когда собравшиеся на террасе сообразили, что парус принадлежал новой лодке Шелли, *Дон Жуан*, которая, наконец-то, до них добралась, Шелли нервно улыбнулся и заметил Кроуфорду как символично, что они впервые увидели его судно выходящим из порта Венеры.

«А ведь верно, — подумал Кроуфорд с внезапным ознобом, в котором не был повинен холодный ветер, — Портовенере — именно это и означает».

Когда лодка подошла ближе, она оказалась впечатляюще большим судном — две ее мачты возвышались над отполированной до блеска палубой, каждая снаряженная оснащенным гафелем [\[309\]](#) грот-парусом и топселями [\[310\]](#) и тремя кливерами [\[311\]](#), торчащими словно зачесанная кверху грива на заостренной шее длинного бушприта [\[312\]](#) — и, после того как лодка встала на якорь, и экипаж судна спустился на берег, Шелли нанял одного из моряков, восемнадцатилетнего юнгу по имени Чарльз Вивьен, остаться в качестве одного из членов его постоянной судовой команды.

Тремя днями позже, солнечным днем, они вывели *Дон Жуан* на его первое плавание, с Шелли за капитана, и без особых усилий проложили курс по искрящейся голубой воде залива, пройдя в сотне ярдов от прибрежных скал Портовенере. Джейн Вильямс и Мэри отправились вместе с ними и сидели на носу корабля, недалеко от того места, где Шелли управлялся с румпелем [\[313\]](#), и Шелли настоял, чтобы Кроуфорд отправился тоже на случай, если прогулка заставит беременную Мэри почувствовать себя плохо.

Некоторое время спустя Шелли уступил румпель Эдварду Вильямсу и подошел к Кроуфорду, который сидел, привалившись к передней мачте. — Не меньше шести месяцев, верно? — спросил Шелли.

Кроуфорд сообразил, что он говорит о беременности Мэри. — Где-то так, — ответил он, прикрывая глаза рукой, когда покосился вверх. — Родится в конце осени или в начале зимы.

Шелли легко удерживался на палубе, сложив на груди руки и чуть отклоняясь, чтобы компенсировать качку. — Мэри здесь не нравится, — вдруг сказал он. — Она ненавидит одиночество и жару. Ему приходилось говорить громко, чтобы Кроуфорд мог его услышать, но ветер, что ударял в корму по правому борту, бросал их голоса в сторону носа. — Тем не менее, думаю, она понимает, что я должен быть здесь. Чтобы... Он вздрогнул и, покачав головой, посмотрел мимо Кроуфорда на нависшие над морем отвесные скалы.

«Как жаль, — подумал Кроуфорд, — что Байрон не поехал вместе с ними, и вместо этого предпочел провести лето на юге; несмотря на разногласия между двумя поэтами, он был куда лучшей кандидатурой, чтобы выслушать все, что наболело у Шелли».

— Чтобы...? — вежливо отозвался Кроуфорд.

Шелли снова обратил к нему свой взор. — Я могу... может быть, я смогу... вытерпеть, здесь, это лето.

Шелли часто жаловался Кроуфорду на камни в мочевом пузыре и отвердение кожи и ногтей; симптомы, судя по всему, усиливались при пребывании на солнце, и Кроуфорд в сотый раз посоветовал ему не забывать всегда носить шляпу, но Шелли вскинул руку, призывая его помолчать.

— Нет, я не об этом. Шелли потерял глаза.

— Под влиянием этого я могу измениться, стать уже не тем человеком, что был прежде — сказал Шелли. — Ты доктор, и, если случится что-нибудь похожее на то, что я описываю, я был бы очень признателен, если бы ты авторитетно заверил Мэри, что это... ох, ну не знаю, воспаление мозга, вызванное загноившимся порезом или еще что-нибудь, сделало меня не столь... *сообразительным*, не таким *проницательным*, каким был человек, за которого она вышла замуж. Его загорелое лицо было худым и измученным, от чего казалось, что он гораздо старше своих тридцати лет. — Только ради бога, даже не вздумай... дать ей заподозрить, что я сделал это умышленно... для нее и оставшегося у нас сына, и ребенка которого она ждет.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и направился на корму. Спустя несколько мгновений Кроуфорд поднялся на ноги и склонился над ограждением правого борта, вглядываясь в открытое море, окружающее Портовенере. Зарницы, словно мерцающие раскаленные добела провода, извивались в пронзительно синем небе у самого горизонта, и недавний шторм гнал их к побережью, словно сотни громадных португальских мановаров [\[314\]](#), что огромными злокачественными жемчужинами зависли под поверхностью воды.

Линейный корабль

HMS Victory, флагман Нельсона в Портсмуте

* * *

Шелли продолжал совершать свои долгие прогулки, теперь, главным образом, после наступления темноты; а после того как Вильямс построил из дерева и просмоленной парусины маленькую гребную шлюпку, Шелли начал плавать на лодке туда, где на некотором удалении от берега на якорь стоял *Дон Жуан*, и проводил дни на борту большого

судна, лихорадочно исписывая стихами страницу за страницей. *Триумф жизни* — вот как он называл свою новую, пространную работу.

Кроуфорду казалось, что лето проносится мимо. Джозефина спала вместе с остальной женской прислугой, а днем помогала Антонии, итальянской няне, которая заботилась о малышах Вильямсов и юном Перси Флоренсе Шелли, так что он ее едва видел, если не считать совместных ужинов; да и тогда она сидела тише воды, ниже травы, всеми силами стараясь не выпалить одно из тех чудных, обрывающих беседу замечаний, что так расстраивали Мэри и Клэр, когда все они имели обыкновение собираться за столом у Байрона в Пизе.

Мэри, как правило, скрывалась в своей комнате, а Вильямсы держались вместе, часто отправляясь на корабль вместе с Шелли, так что Кроуфорд испытал что-то похожее на облегчение, когда месяц спустя после памятной первой прогулки на борту *Дона Жуана* узнал человека, стоящего на берегу в сгущающихся вечерних сумерках.

Кроуфорд и Джозефина были заняты весь день, приглядывая за Мэри, у которой началось маточное кровотечение, и которая пару сумасшедших знойных часов, казалось, была на грани выкидыша. Приступ, в конце концов, миновал, к огромному облегчению Шелли, и Мэри провалилась в беспокойное потное забытие. Джозефина вернулась к детям, а Шелли прошествовал назад в свою комнату, чтобы снова засесть за поглотивший его труд, а Кроуфорд отправился в длинную прогулку на юг вдоль берега, повернув назад, только когда солнце скрылось за увенчанным мысом полуостровом Портовенере.

Обратив стопы на север, он заметил человека, стоящего на песке в сотне ярдов впереди, а спустя два десятка шагов узнал его.

Это был Полидори, тот самый заносчивый юноша, что пописывал стихи и служил личным врачом Байрона, до того, как Байрон его уволил и дал работу Кроуфорду, в далеком 1816-м. Аккуратно подстриженные щегольские усики, курчавые волосы и смущенно-горделивая осанка угадывались безошибочно.

Кроуфорд махнул рукой и окликнул его, и Полидори повернулся и пристально на него посмотрел.

Кроуфорд направился к нему, ступая по песку — но в какой-то момент береговая линия увела от моря в обход огромного валуна, а когда он снова вернулся туда, где перед ним расстился пляж, Полидори куда-то исчез, очевидно, взобрался вверх по лесистому склону.

«Все еще дуется за тот случай, — подумал Кроуфорд. — Непонятно только, что он вообще здесь делает».

Когда он устало дотащился до Каза Магни, он увидел Шелли на привычном для этого позднего часа месте, склонившегося над ограждением второго этажа и вглядывающегося в морскую даль. Шелли подпрыгнул, когда Кроуфорд окликнул его, но расслабился, когда увидел, кто это был. — Добрый вечер, Айкмэн, — тихо отозвался он.

— Добрый, Перси, — ответил Кроуфорд, останавливаясь под террасой. — Не хотел тебя испугать. Чего хотел Полидори?

Спокойствие, на миг обретенное Шелли, также мгновенно исчезло. Его узкие пальцы вцепились в поручень, словно птичьи лапы, а шепот птичьим клекотом сдавил горло, когда он ответил Кроуфорду: — Поднимайся сюда — и никому ни слова.

Кроуфорд устало закатил глаза, но послушно пробрался через нежилой первый этаж к лестнице, поднялся в гостиную и в молчании прошествовал мимо Джейн Вильямс, Мэри и Джозефины, тем не менее, прихватив по пути бокал и наполнив его из стоящего на столе

графина, а затем вышел на террасу к Шелли. Ветер дул с моря, и он обеспокоенно вгляделся в волнующуюся поверхность моря, прежде чем обратил взгляд к Шелли.

— Почему ты так боишься Полидори? — тихо спросил он, делая глоток вина.

Шелли в изумлении посмотрел на него. — Потому что он мертв. Он покончил с собой год назад, в Англии.

— Что ж, наверное, вышла какая-то ошибка. Не далее как полчаса назад он спокойно разгуливал по пляжу.

— В этом-то я не сомневаюсь, — несчастно ответил Шелли. — Им легко прийти в это место, Порт Венеры. Он махнул рукой в сторону океана. — Помнишь Аллегру?

Внезапно на Кроуфорда навалилась усталость. — Что, — бесцветным голосом спросил он, — ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду, черт тебя дери! Если кто-нибудь умирает, после того как его укусил вампир, и никто... не умертвит тело надлежащим образом, он возвращается обратно, откапывается из могилы и *возвращается*. Хотя едва ли это теперь *он*. Я остановил Клару... но монахини в Баньякавалло не остановили Аллегру, и никто, очевидно, не позаботился о Полидори, не загнал кол ему в грудь.

Он покачал головой, выглядя даже хуже, чем чувствовал себя Кроуфорд. Все эти люди — лишь скорлупа для этих существ — укус доставляет их... не знаю что, может яйца или споры... а в земле споры замещают органическое вещество мертвого хозяина своей каменистой материей, совсем как у доисторических рыб и растений, которых окаменевшими находят в горной породе. Кроуфорд хотел что-то возразить, но Шелли его не слушал. — О, как бы я хотел быть уверенным, что ни *единая* крохотная частичка живой души не остается в этом обновленном теле — но эти возрожденные существа каждый раз упорно разыскивают людей, которых знали в своей прошлой жизни.

Он повернулся к Кроуфорду, и в глазах его блеснули слезы. — Что если Аллегра, настоящий ребенок, все еще... где-то внутри этого существа, словно ребенок, блуждающий в подземных переходах разрушенного замка? Боже, я помню, мы играли с ней, катали бильярдные шары по полу во дворце Байрона... как же давно это было.

— Так зачем же ты сюда забрался? — спросил Кроуфорд, думая о том, как неустойчива была Джозефина.

— Потому что я хочу заключить с ней сделку. Шелли слабо ему улыбнулся. — С *Ней* — не с Аллегррой. Ты знаешь, кого я имею в виду. И, как и всякий из ее рода, в этом месте она будет более сговорчивой. Я хочу... откупиться от нее.

— Чем?

Шелли забрал у Кроуфорда бокал и осушил его. — Собой — или, во всяком случае, тем, что делает меня *мною*; большей частью... моей человечности.

Кроуфорд в изумлении уставился на него. — И она возьмет это?

— О, она *возьмет*, вне всяких сомнений; я лишь надеюсь, что потом она не забудет о нашем соглашении.

Кроуфорд поежился, но не пытался его отговорить.

Той ночью Кроуфорда растормошил сосед и сказал ему, что он кричал во сне. Кроуфорд затуманено его поблагодарил, но почти сожалел, что его разбудили — так как, хотя он и не мог вспомнить, что ему снилось, вне сомнений это было что-то чрезвычайно эротичное, и это был первый раз за последние два года, когда его посетили такие чувства. Вместе с тем он знал, что даже в этом сне, все это было лишь манящим проблеском чего-то проносящегося

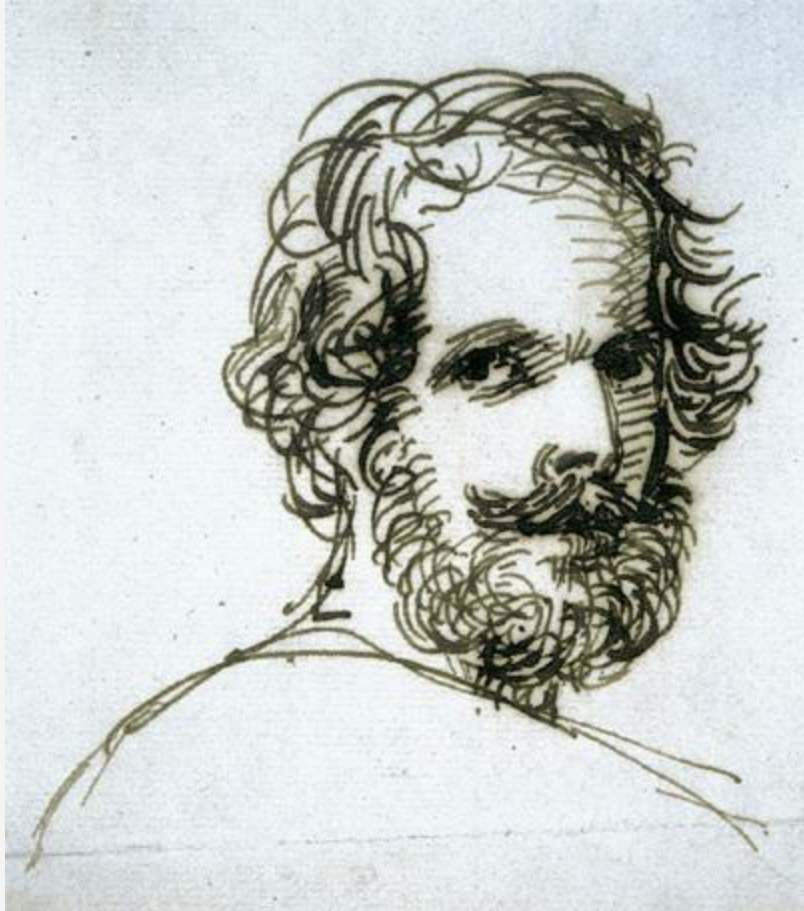
мимо, чего-то, что предназначалось не ему.

Всю оставшуюся ночь он не мог заснуть, и когда на рассвете он вышел на террасу с чашкой кофе, он увидел Шелли, бледного и осунувшегося, гребущего на шлюпке по направлению к *Дон Жуану*; Шелли сидел к нему лицом и, заметив Кроуфорда, мрачно ему кивнул.

На следующий день в залив вошел трехмачтовый фрегат и салютом четырех палубных орудий приветствовал стоящего на якоре *Дон Жуана* — это оказался новый корабль Байрона, *Боливар*, направляющийся из Генуи в Ливорно, где его дожидался его будущий владелец; на борту корабля были капитан Дэниел Робертс и друг Шелли и Байрона по дням, проведенным в Пизе, Эдвард Джон Трелони.

Шелли был счастлив снова увидеть Трелони, и даже Мэри отчасти оправилась от своего недомогания, и на два дня Каза Магни превратился в оживленное место, с морскими прогулками в Лериче [\[315\]](#) за розами и гвоздиками, острой лигурийской пищей и крепким кофе, и с долгими оживленными беседами за обеденным столом и звуками гитары Джейн Вильямс, эхом несущимися над водой.

Трелони был высоким бородатым солдатом удачи, который познакомился с Эдвардом Вильямсом в Женеве; он напросился, чтобы его представили Пизанскому кругу, главным образом, чтобы встретиться с Байроном, чьей приключенческой поэзией он восхищался, но, когда это случилось, он, против ожиданий, больше сдружился с четой Шелли. Он и Шелли были одного возраста, и, хотя один был дородным и темным, а другой хрупким и белокурым, они в равной степени были искусны в стрельбе и морском деле, и теперь проводили много часов вместе, упражняясь в стрельбе из пистолета и обсуждая усовершенствования, которые Шелли хотел внести в конструкцию *Дон Жуана*.

Эдвард Джон Трелони

Праздничная атмосфера выманила наружу даже детей, и Кроуфорд часто видел Джозефину во время этих двух радостных дней; а субботним вечером, когда вся компания отправилась на *Дон Жуанена* ужин в Лериче в миле к северу вдоль побережья, и там оказалось, что их слишком много даже для самого длинного стола, который был в ресторане, Кроуфорд обнаружил себя сидящим вместе с ней за отдельным маленьким столиком.

Официант принес исходящее паром блюдо лапши тренетте [\[316\]](#), политой зеленым соусом песто, благоухающим базиликом, лигурийским оливковым маслом и чесноком, и Джозефина сказала: — я ненавижу это.

Она нагребла довольно много пасты в свою тарелку, так что Кроуфорд знал, она имеет в виду не здешнюю пищу. — Мы можем уехать, — тихо сказал он.

Она в упор посмотрела на него. — Ты знаешь, почему мы не можем.

Он одарил ее нежной, но вместе с тем кислой улыбкой, понимая, что она имела в виду не опасность ареста. Он кивнул. — Из-за детей.

— Он ведь держал что-то в уме, когда сюда прибыл, — сказала она. — Так ведь? Что-то, что он думает, может их спасти.

Кроуфорд наложил себе пасты, и пока он неспешно ее поглощал, тихо рассказал ей о той непонятной сделке, которую Шелли надеялся заключить со своей нечеловеческой сестрой, и что, похоже, он уже это сделал.

— С той, на которой ты женат, — сказала Джозефина. — Ты... спокоен, зная, что она может быть где-то рядом?

— *Был* женат, — поправил он. — Я получил развод в Альпах. Он торопливо продолжил, — И нет, я не чувствую себя спокойно. В конце концов, она... убила Джулию. Собственно

говоря, я уверен, что позапрошлой ночью она *была* здесь — я... думаю, я чувствовал ее присутствие в моем сне.

Джозефина зарделась и отвернулась в сторону. — Я знаю, что ты имеешь в виду. Ты думаешь Перси... ?

Для Кроуфорда эта мысль оказалась неожиданной, и он поборол внезапно захлестнувшую его ревность. — Не знаю. Полагаю, это могло быть частью их соглашения — он один раз уже... был с ней в 1811. Он презирал себя за то, что вспомнил год. — Да, по-видимому, так оно и было.

Она отпила вина и несчастно ему улыбнулась, и он понял, что она знала о его мимолетной зависти. — Как же, черт побери, все это сложно, правда?

Кроуфорд вернул ей улыбку.

* * *

На обратном пути у руля стоял Эдвард Вильямс, и Дон Жуан, повинаясь его командам, бесшумно скользил по уснувшему морю под таинственно мерцающей полной луной. Наконец они добрались до Каза Магни, но Кроуфорду не спалось, и, промучившись некоторое время, он поднялся с постели и отправился в гостиную, чтобы почитать.

Ветер усиливался, и окна дребезжали с каждым порывом, отзываясь зловещим контрапунктом [\[317\]](#)каждый раз, когда прибой с шумом обрушивался на скалы, и Кроуфорд пребывал в смятении, растерянно вспоминая замечание Вильямса, что волны вдоль этого берега бывали капризны. Вильямс, казалось, находил тогда это забавным, но теперь, когда Луна нависла над массивным уступом Портовенере, эта мысль доставляла Кроуфорду беспокойство.

Спустя некоторое время из комнаты Мэри тихо появилась Клэр и осторожно притворила за собой дверь. Она улыбнулась и кивнула ему, но лицо ее было напряжено, и Кроуфорд подумал, что за сон поднял ее с кровати. Выглядела она трезвой.

— Я должна уехать отсюда, Майкл, — прошептала она, садясь в кресло у стола напротив него. — Обратно во Флоренцию. Это плохое место.

Он взглянул на висящую за окном Луну и кивнул. — Шелли должен сделать это один, — прошептал он в ответ.

Она устала на него. — Сделать что?

Он осознал, что она ничего не знает о туманной цели, с которой прибыл сюда Шелли, и начал подыскивать какой-нибудь ответ, что-нибудь связанное с его поэзией, но она внезапно устала мимо, в окно за его спиной, и губы ее сжались в узкую полоску, а глаза распахнулись до предела. Затем она вскочила с кресла и бросилась к закрытой двери на террасу.

Напуганный ее стремительностью, Кроуфорд привстал и оглянулся на остекленную дверь, а затем окончательно выпрыгнул из кресла и успел добраться до двери на мгновение раньше Клэр и оттащил ее назад.

Снаружи на террасе стояла маленькая девочка, протягивающая белые руки к струящемуся изнутри свету, и, хотя она была лишь туманным силуэтом в неверном свете

луны, Кроуфорд увидел ее зловеще сияющие глаза и ослепительно белые зубы, когда она произносила неслышанные сквозь стекло слова.

— Что ты делаешь, — выдохнула Клэр, стараясь вырваться из его хватки, — это же моя дочь! Это Аллегра!

— Нет, это не *она*, Клэр, клянусь тебе, — прорычал, Кроуфорд, развернув ее на месте, так что ее бедро врезалось в стол. — Это вампир. Твоя дочь умерла, помнишь?

Один из подсвечников закачался, а затем со звоном упал. Вслед за этим приоткрылась дверь в комнату Шелли, и до Кроуфорда донеслись звуки переполоха в дальней части дома.

Клэр дернулась было к стеклянной двери, но Кроуфорд поймал ее и стиснул, пожалуй, чересчур сильно от страха.

В комнату ворвалась завернутая в плед Джозефина, взглядела на миг безо всякого выражения на существо, покачивающееся на террасе, а затем шагнула между ним и Клэр.

Глаза Клэр сверкнули на Шелли, который, сонно озираясь, появился из своей комнаты. — Аллегра на террасе, — проговорила она. — Скажи этим двоим, чтобы дали мне пройти к ней.

Шелли внезапно окончательно проснулся. — Это была не она, Клэр, — тихо сказал он, стараясь не смотреть в окна. — Эд, — добавил он Вильямсу, который появился из своей комнаты, — будь добр, задерни шторы. И Джозефина, дай Клэр бокал чего-нибудь, что поможет ей уснуть.

Вильямс не спеша миновал комнату и подошел к окну, и Кроуфорд, все еще удерживающий рвущуюся из рук Клэр, нетерпеливо на него глянул.

Вильямс задерживал занавески на окнах, во все глаза глядя на маленькую девочку, и хотя выражение его лица не изменилось, Кроуфорду почудилось, что между ними установилась какая-то мысленная связь, за мгновение до того, как занавески отсекали последние всплохи лунного света. Он попытался поймать взгляд Вильямса, когда тот направился обратно, но Вильямс смотрел себе под ноги.

Клэр обмякла в руках Кроуфорда, и он довел ее до кресла и усадил, в то время как Джозефина умчалась обратно в комнату для женской прислуги.

Живость покинула Шелли, и он снова, щурясь, оглядывался вокруг, словно не мог вспомнить, что только что произошло — в этот миг, как никогда, Кроуфорд был уверен, что поэт уже заключил свою роковую сделку с Ламией. Побелевшими от напряжения руками он стиснул спинку кресла. Он клялся себе, что не хочет этого, что сам никогда не вернется к ней, но он помнил с мучительной ясностью, с какой ненасытной страстью она бросалась в его объятия, помнил, как его руки скользили по ее гибкому телу, и ее холодные, жаждущие его тепла прикосновения.

Джозефина вернулась с бутылкой лауданума, и Клэр ошеломленно выпила отмеренную ей дозу, а затем позволила уложить себя обратно в постель.

Не сказав ни слова, Вильямс вернулся в свою комнату и закрыл дверь.

— Ты не ожидал этого, верно? — спросил Кроуфорд.

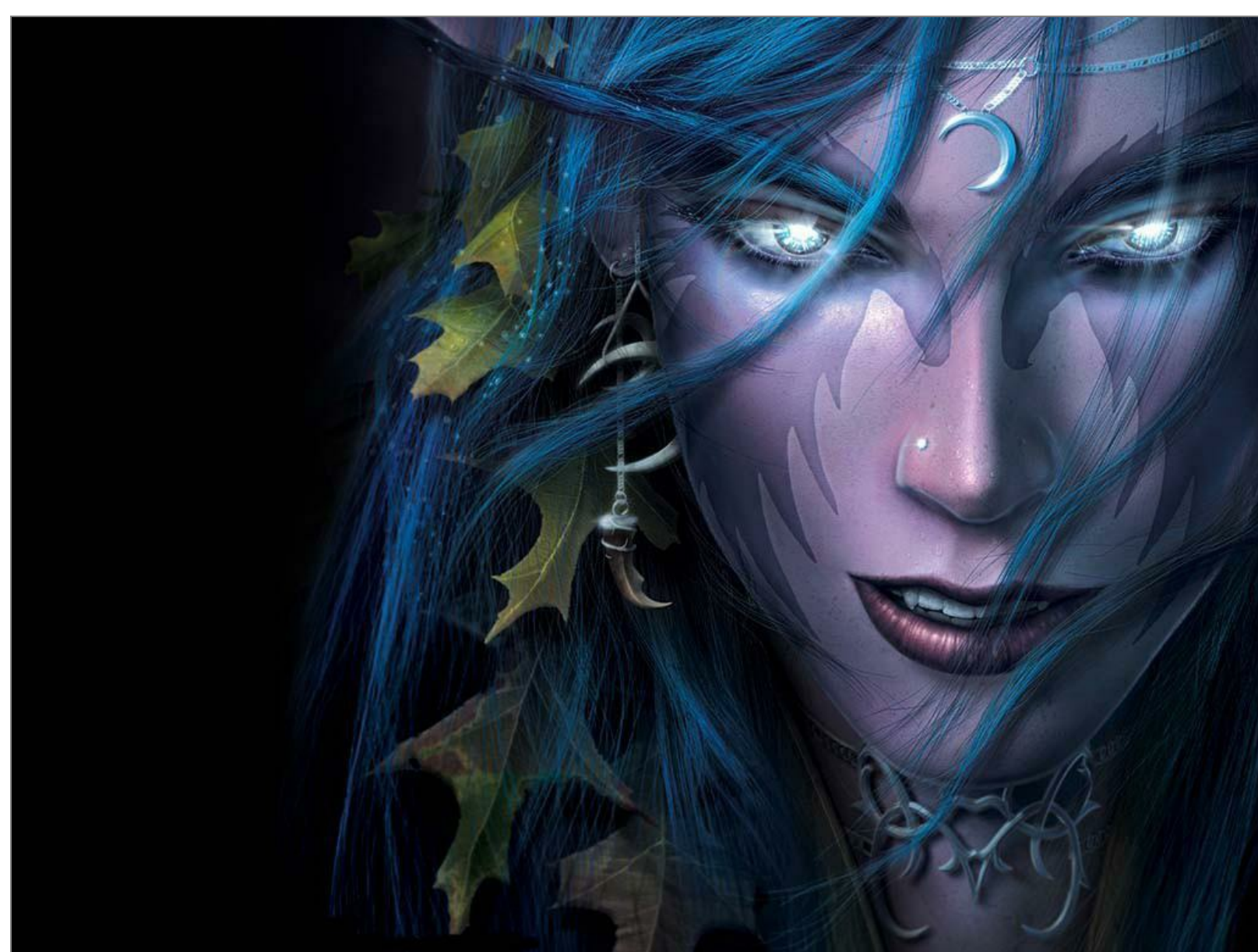
— Нет, только не Аллегру, — тихо ответил Шелли, покачивая головой. — Я не мог этому поверить, когда мы увидели ее той ночью — мне сказали, что ее тело отправили кораблем обратно в Англию. Одному богу известно, чье тело они туда отправили. Я...

— И что нам теперь с этим делать?

... вернуться в постель? — рискнул Шелли.

Не зная, что еще сказать, Кроуфорд сухо кивнул и вернулся в свою комнату.

Ему все еще не спалось. Он лежал, уставившись в потолок, подумывая, не выпить ли ему тоже лауданума, чтобы отогнать прочь воспоминания о ее холодных грудях, жарком языке и ослепительно живых, но неорганических глазах, и о полном растворении своего «я», которому он с такой благодарностью отдался во время той мирной недели в Швейцарии шесть лет назад.

Шелли обладал ею — может быть прямо сейчас, в этот миг — и все ее мысли были о нем, а не о Кроуфорде.

Взамен он глотнул брэнди из своей вездесущей фляжки и на рассвете умудрился провалиться в беспокойное забытие.

В восемь его снова разбудили, на сей раз его тряс Шелли, побелевший под своим загаром и похоже готовый разрыдаться. — У Мэри случился выкидыш, — глухо выдавил он, — а теперь у нее сильное кровотечение. Быстрее — я боюсь, она может истечь кровью.

Кроуфорд скатился с кровати и взъерошил волосы. — Так, — сказал он, пытаюсь собраться с мыслями. — Достань мне брэнди и чистый лен, и пошли кого-нибудь в Лериче

за льдом. — И позови Джозефину — она мне нужна.

...Мой мертвый сын, мой Магус Зороастр,
В саду гуляя, встретил образ свой.

— **Перси Биши Шелли**

... Выйдя на террасу, он встретил самого себя,
и двойник спросил его: — И долго ты еще
собираешься довольствоваться?

— **Мэри Шелли**

Простыни были содраны с кровати Мэри, и кровь, казалось, была повсюду; она не только наплатала постельное белье и матрас, но была разбрызгана по стенам и размазана по ее лицу — очевидно, она отреагировала очень бурно, когда ей стало понятно, что с ней случилось. В сером туманном свете, сочащемся из окон, ее кровь, казалось, была единственным цветом в комнате, и, только когда первое потрясение миновало, он, наконец, увидел посреди обнаженную Мэри.

Низкий потолок гостиничного номера Гастингса давил на него, словно вся комната сжалась в мгновение ока, и несколько секунд он, оцепенев от ужаса, взирал на то, что казалось ему изуродованным трупом Джулии.

— Айкмэн! — громко позвал Шелли.

Кроуфорд выдернул себя из завладевших им воспоминаний. — Да, — глухо отозвался он.

Он подошел к кровати и встал на колени, поспешно прижав ладонь к низу живота Мэри.

— Кто-нибудь отправился за льдом? — резко спросил он.

— Эд Вильямс и Трелони на *Дон Жуане*, — ответил Шелли.

— Хорошо. Принеси мне чашку с брэнди.

Спустя мгновение поспешно вошла Джозефина, и когда Кроуфорд бросил на нее взгляд, он увидел, что картина оказала травмирующее действие и на нее — но она несколько раз глубоко вздохнула, а затем безжизненным голосом спросила его, что нужно делать.

— Подойди сюда. Когда она подошла к кровати и наклонилась к нему, он тихо сказал. — Ребенку уже не помочь. Сейчас мы должны остановить кровотечение. Принеси мне кружку дьявольски крепкого чая, а затем скатай цилиндрическую повязку, чтобы сделать ей тампон, и смочи ее в чае — танин [\[318\]](#) должен помочь. И будь готова наложить ей тугую повязку вокруг бедер, с тампоном здесь, над маткой, где мои руки.

Он почувствовал, что кто-то еще вошел в комнату и встал позади него, но он невозмутимо разговаривал с Мэри, напоминая ей, что он доктор, и призывая ее расслабиться.

Он почувствовал, как напряжение, сковавшее сухожилия ее шеи и ног, несколько ослабло, и, когда Шелли вернулся с тарелкой брэнди, Кроуфорд ополоснул в ней свободную руку, а затем осторожно ввел палец во влагалище Мэри, пытаясь определить источник кровотечения. Как он и боялся, он был недосыгаемо далеко.

Он чувствовал сильное неодобрение, исходящее от стоящего позади человека, но не

обращал на это внимания.

Он услышал, как вернулась Джозефина, и почувствовал запах чая, который она принесла.

Вдруг, перед ним снова лежало изувеченное тело Джулии, которое он исследовал с такой гротескной интимностью, а комната снова обернулась гостиничным номером, в котором он провел брачную ночь в Гастингсе. Он подался назад, с задушенным вскриком, и дико огляделся вокруг; Джозефина и Шелли были единственными людьми в комнате — одному Богу известно, кто ему померещился стоящим сзади — и Джозефина со страхом взирала на ужасающую кровать, и ее была такая крупная дрожь, что чай выплескивался из кружки, которую она держала в руках.

«Это галлюцинация, — отчаянно сказал себе Кроуфорд. - Как та, что случилась в Риме в квартире Китса».

Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, а когда открыл их, в кровати снова была Мэри, а рядом с тревогой взирал на него Шелли. Кроуфорд повернулся к Джозефине — ее лицо снова расслабилось, но она просто безучастно смотрела в туман, что повис за окном. Очевидно, галлюцинация коснулась и ее тоже.

— Джозефина, — позвал он, и не получив ответа: — Черт возьми, *Джозефина!*

Она пошевелилась и, моргая, взглянула на него.

— Какой сейчас год, и где мы? — спросила она.

Она закрыла глаза, затем спустя мгновение прошептала, — Двадцать второй, Залив Специя.

— Хорошо. Помни это. Теперь достань повязку из заварника, отожми ее и дай мне — ничего страшного, если она будет немного горячей, я все равно хочу попробовать потогонные средства, до того как сюда доставят лед. «Легко сказать, — подумал он, — только как же нам вызвать потоотделение без каленого боярышника, цвета черной бузины, окарины сурьмы [\[319\]](#)или камфоры»? Больше, чем когда-либо, он сейчас сожалел о том, что его медицинский набор остался в Пизе.

Он увидел вопросительный взгляд Джозефины, когда повернулся к ней чтобы взять повязку. — Ну, хотя бы завернем ее в одеяла, когда я закончу, — сказал он, а затем дадим ей выпить столько чая, сколько она сможет. Он снова повернулся к кровати.

Вся передняя часть головы Джулии была раздавлена, и там, где могли бы быть глазные впадины, угадывалось движение окровавленной плоти, и он подумал, что она хотела открыть глаза. Внезапно под ними образовалось отверстие и умудрилось произнести слова — *Почему, Майкл... ?*

Он снова закрыл глаза. — Перси, — нетвердо сказал он, сходи на кухню и принеси мне чеснок, все что угодно, главное чтобы в нем был чеснок. У нас здесь известное тебе сопротивление.

— Почему, Майкл... ? — зловеще правильным эхом отозвалась позади него Джозефина.

Затем он открыл глаза и снова увидел Мэри — он одарил ее, как он надеялся, обнадеживающей улыбкой, а затем глянул мимо нее в окно. Небо все еще было скрыто за серой пеленой тумана, и он взмолился, чтобы солнце как можно скорее рассеяло эту муть.

Зрительные галлюцинации прекратились, когда Шелли, следуя его указаниям, натер оконную раму чесночным хлебом, хотя Кроуфорд — и, по-видимому, Джозефина тоже, продолжали слышать доносящийся с улицы голос Джулии, раз за разом спрашивающий его: — *Почему?*

Меры принятые Кроуфордом замедлили кровотечение, и когда в девять тридцать навверх доставили лед, он послал Трелони наполнить металлическую сидячую ванну соленой водой и глыбами льда, а затем Шелли помог ему поднять Мэри с кровати и опустить ее в ванну.

Мэри сильно дрожала от холода, но это очень быстро остановило кровотечение.

Туман рассеялся, и вдали за водной гладью залива горный скалистый выступ Портовенере сверкал зеленью и золотом в лучах восходящего солнца. Кроуфорд содрал с кровати белье и завернул крошечный плод мертвого ребенка Шелли в загубленные простыни, а затем вышел в гостиную. Шелли последовал за ним.

— Там внизу есть лопата, — бесцветным голосом сказал Шелли, в углу, возле запасных весел.

Шелли копал могилу, в склоне позади дома; ей не нужно было быть особо глубокой, но по его щекам бежали слезы, и это заняло у него почти полчаса. Когда дело было закончено, Кроуфорд опустил окровавленный сверток в образовавшееся отверстие.

Он распрямился, и Шелли начал насыпать землю в зияющую разверстую пасть, и Кроуфорд мысленно сказал прощай ребенку, который находился на его попечении. Ему случалось терять детей и прежде, но — хотя это, казалось, было лишено всякого смысла — именно эта потеря наполнила его большим чувством вины, чем любая другая.

— Она не последовала вашему уговору, не так ли? — спросил он Шелли ломающимся голосом.

Шелли бросил последнюю лопату земли на невысокий холмик, — Нет, — могильным тоном ответил он. — Она получила то, что я предложил — больше я никогда и ничего не смогу написать, она сглотала часть моей души — но похоже она... недолго помнила, в чем заключалась ее часть соглашения.

— Какой уже это — третий ребенок, которого ты ей уступил? А вернее четвертый. И в этот раз Мэри чуть не последовала за ним. У тебя теперь остался лишь один ребенок, Перси Флоренц. Как думаешь, долго он протянет, прежде чем она и до *негодоберется*? Кроуфорд как-то брал с собой двухлетнего мальчугана на лодочную прогулку, пока его отец был на *Дон Жуане*, и ему не хотелось даже думать о том, что когда-нибудь придется прийти сюда снова, чтобы похоронить Перси Флоренца.

Шелли, щурясь, посмотрел на ореховые деревья, растущие на склоне холма, затем перевел взгляд на море. — Не знаю. Думаю, не долго. Я хотел бы, чтобы ее можно было остановить, но это было все, что я...

— Нет, не было, — грубо оборвал его Кроуфорд. — Тогда в Швейцарии, когда мы были на лодке посреди озера, ты сказал, что столкнуть тебя в воду не очень удачная идея. Помнишь? Ты сказал, что если ты утонешь, то она, скорее всего, умрет тоже, из-за тесной связи, существующей между вами, из-за того, что вы с ней близнецы и все такое. Так что, если ты хочешь спасти Мэри и единственного оставшегося у тебя сына, почему бы тебе так и не сделать? Утопись и дело с концом. Почему ты не сделал это годы назад, прежде чем она убила твоих детей?

Он ждал, что Шелли разозлится, но он вместо этого, казалось, серьезно взвешивал то, что он сказал. — Я не знаю, — снова пробормотал он, а затем медленно поплелся обратно к дому, оставив Кроуфорда нести лопату.

Вернув лопату на место, Кроуфорд стянул запачканную кровью рубашку — надеть туфли этим утром у него еще не было времени — и, миновав мощеную площадь перед домом, вышел на блестящий под солнцем песок и вошел в прозрачную голубую воду. Когда

волны заплескались вокруг его талии, он оттолкнулся и поплыл, и барахтался в волнах и тер себя до тех пор, пока не уверился, что смыл с себя всю кровь. Хотя от этого он не почувствовал себя много чище.

Он лег на воду и расслабился, вслушиваясь в пульсацию крови. Его кровоток был теперь замкнутой цепью, больше не открытой ни для кого, и некоторое время он думал о покорности Шелли его ламии, а затем заставил себя прекратить об этом думать.

К этому времени он уже уплыл довольно далеко — ярдов на пятьдесят, пожалуй. Неуклюже взбивая воду в своих длинных брюках, он повернулся и посмотрел назад, на старый каменный особняк, в котором они жили. Навес над террасой был потрепанным и выцветшим, а стены и арки — испещрены ржавыми подтеками, и в этот миг он никак не мог понять, зачем кому-то забираться сюда с иной целью, кроме как умереть и оставить свои кости белеть на прибрежном песке.

Из темноты между арками шагнула одетая в халат женская фигура и направилась к воде, огибая блестящие на солнце камни. Он узнал Джозефину. Похоже, она тоже собиралась основательно искупаться.

Возле кромки прибоя она сбросила халат, и он с удивлением и тревогой увидел, даже с такого расстояния, что она была голой. Шелли и Клэр, и даже временами Вильямсы, любили поплавать голышом, но Джозефина совершенно точно никогда не делала этого раньше. Кроуфорд даже не знал, что она умеет плавать.

Она поплыла в юго-восточном направлении, и Кроуфорд решил, что она не заметила его, барахтающегося далеко на сверкающей поверхности воды; он погреб вслед за ней, несколько медленнее из-за стесняющих движения штанов.

Они были в доброй сотне ярдов к югу от Каза Магни, когда ее голова вдруг скрылась из виду, и Кроуфорд внезапно понял, какую цель она преследовала. В один миг он скинул брюки и со всей мочи погреб туда, где она исчезла.

Скопление лопающихся пузырьков подсказало ему, что он нашел ее — очевидно, она опустошила легкие, когда погружалась — и он ножом скользнул вниз, преодолевая выталкивающую силу соленой воды. Он различил внизу белеющее тело и устремился на глубину. Внезапный натиск воды причинил боль глазам, и это странным образом напомнило ему о том, как он плыл сквозь сгустившийся воздух на вершине Венгерн.

Он ухватил Джозефину за волосы и потащил обратно, наверх, к серебристой волнующейся поверхности над головой. Она тянула его руку вниз, и он чувствовал, как легкие разрываются от желания вдохнуть воду, но знал, что если позволит ей утонуть, почти наверняка решит последовать за ней, так что продолжал упрямо барахтаться и тащить.

Наконец его голова разбила водную гладь, и Кроуфорд судорожно вдохнул, а затем, движением, которое отправило его обратно под воду, вскинул ее вверх, чтобы ее голова оказалась над поверхностью воды. Ее обнаженная спина была прижата к его груди, и он почувствовал, как заработали ее легкие.

«Успел», — отчаянно подумал он.

Кроуфорд вынырнул снова, ухватил ее под мышки и свободной рукой и ногами начал загребать обратно к берегу. Джозефина слабо двигалась, но он никак не мог понять, старается ли она ему помочь или хочет освободиться. Он хитрил большую часть времени держать ее лицо над водой.

В глазах у него темнело, а левую поврежденную ногу начали сводить судороги, когда, наконец, его босая ступня ткнулась в песок; еще одно чудо, последний яростный рывок, и

они остались лежать обнаженными на горячем белом песке.

Смутно убежденный, что еще одно усилие и его сердце просто взорвется, Кроуфорд, тем не менее, перевернул ее на живот, просунул руки под ребра, прямо под лопаточными выступами, и надавил книзу, чувствуя, как песок под ладонями обдирает ее кожу. Из ее рта и носа хлынула вода.

Он проделал это снова, исторгнув наружу еще больше воды, затем еще раз; наконец, теряя сознание, с цветными всплохами перед глазами, он перекатил ее на спину, прижал свои губы к ее и вдохнул свое дыхание в ее легкие — дождался момента, когда воздух вырвался наружу — а затем снова прижал свои губы к ее.

Дыхание, которое он ей подарил, унесло с собой его сознание.

Он, должно быть, пробыл без сознания не больше нескольких секунд, так как вода, которую она из себя исторгла, все еще пузырилась на песке, когда он поднял голову от ее груди и с тревогой взгляделся в ее лицо.

Ее глаза были раскрыты и на долгий миг встретились с его взглядом. Затем она вывернулась из-под него и целую минуту откашливала оставшуюся в легких воду. Она не смотрела на него и казалась почти одетой в налипший песок.

В конце концов, она, пошатываясь, поднялась на ноги. Кроуфорд следил за ней взглядом, и поспешно поднялся тоже, когда увидел, что она направляется обратно к воде.

— Я только смою песок, — проскрежетала Джозефина, когда услышала его шаги, шлепающие за ней по мелководью.

Он остановился рядом; и когда понял, что она и в самом деле не собирается снова плыть, решил, что избавиться от налипшего песка — не такая уж плохая идея и забрался поглубже, позволяя волнам омыть его усталое тело.

Затем они пошли обратно, вверх по песчаному склону, и она взяла его руку. Они ступали по сухому, мелкому словно мука, песку и неожиданно оказались под сенью деревьев, укрывающих землю прохладным тенистым ковром, и он отпустил ее руку, но лишь для того, чтобы заключить ее в объятия. Она прижалась к нему горячим телом, потянулась губами.

Он целовал ее, жадно, со всей страстью, которую уже не надеялся обрести; и она лихорадочно отвечала. В какой-то миг они оказались лежащими на ковре из листьев, и с каждым толчком в нее Кроуфорду казалось, что он отталкивает прочь всю ту мерзость, что скопилась в его душе, память о смертях и несчастьях, в которых он считал себя повинным.

Позже он прогулялся гольшом по пляжу к Каза Магни, почти что благодарный этому месту за его безлюдность, и ухитрился пробраться наверх, не встретив по пути никого, кроме Клэр Клэрмонт, но та похоже напивалась с самого утра и просто сощурилась, когда он прошагал мимо. Одевшись, он зашел в комнату для женской прислуги и захватил одежду для Джозефины.

Когда он вернулся под сень деревьев, где они любили друг друга, она сидела на том же месте, пристально вглядываясь в сторону моря. Она с благодарной улыбкой приняла протянутую одежду, и после того как оделась, молча, на несколько блаженных мгновений прижалась к нему.

Он испытал облегчение. Пока он шел обратно от Каза Магни, он пытался представить, что найдет, когда доберется туда, где ее оставил — он представлял, как обнаружит, что она пропала, а спустя несколько дней ее тело прибьет волнами к берегу; или найдет ее с сумасшедшим взглядом и изгрызенными до крови пальцами, а затем она словно вспугнутый

зверь унесется от него сквозь лесную чащу; или она будет сидеть, сгорбившись, как виденные им когда-то впавшие в прострацию моряки, подтянув колени к лицу и обхватив ноги руками, а дом за ее глазами будет совершенно пустым. Он не смел даже надеяться, что она будет не только жива и в здравом уме, но к тому же и *жизнерадостна*.

Затем она откинулась назад и счастливо на него посмотрела. — Наконец то, я нашла тебя, дорогой! — сказала она. — Что, скажи на милость, ты делаешь в этом заброшенном месте, со всеми этими ужасными людьми?

— Ну, — неожиданно насторожившись, сказал он, — мы работаем на Шелли, ты и я.

— Что за вздор! У тебя же собственная практика в Лондоне, а я вообще не работаю! Заканчивай здесь свои нудные делишки, да побыстрее — моя мать должно быть уже с ума сходит, несмотря на то, что я посылаю ей письма.

Он был сейчас слишком усталым, чтобы с ней спорить. — Полагаю, ты права, — вздохнул он и снова привлек ее к себе, чтобы она не могла увидеть усталости и разочарования, отразившихся на его лице, — Джулия.

* * *

Трелони отбыл на борту Боливара два дня спустя, хотя капитан Робертс остался в Каза Магни, чтобы помочь Шелли привести *Дон Жуана* в Ливорно — так как Ли Хант и его семейство должны были, наконец, прибыть туда через две недели; наконец-то Хант, Шелли и Байрон смогут начать издавать свой журнал, хотя Шелли, похоже, изрядно подрастерял свое воодушевление по этому поводу.

В настоящее время его больше занимало переоборудование *Дон Жуана*. Судя по всему, он задался целью сделать его более внушительным судном, чтобы выдержать состязание с кичливым *Боливаром* Байрона. Робертс, Вильямс и Шелли нарастили фальшивую корму и нос, чтобы судно казалось длиннее, и значительно увеличили число парусов, которое оно могло нести.

Они также поработали над балластом; Кроуфорд отметил, что судно теперь сидело в воде немного выше, чем до переоборудования, но Шелли заверил его, что они знают, что делают.

В вечер отплытия Трелони Кроуфорд стоял с Шелли и Клэр на террасе и наблюдал, как паруса *Боливаратают* к югу посреди бронзового закатного неба, когда Джозефина шагнула на террасу из столовой и одарила его неприязненным взглядом.

— Могу я поговорить с тобой, в нашей комнате, Майкл?

Кроуфорд отвернулся к морю, оскалив зубы и плотно зажмурив глаза, затем позволил лицу расслабиться и повернулся к ней. — Конечно, Джулия, — сказал он, следуя за ней обратно в дом.

Шелли уступил им свою комнату, когда Джозефина сказала ему, что они с Кроуфордом женаты, и Кроуфорд лишился своего места в помещении для прислуги.

Он вошел за ней в комнату, и она затворила дверь. — Я уже говорила тебе утром, — сказала она, — я хочу, чтобы ты прямо ответил, почему мы живем в этом отвратительном месте.

— Верно. Он вздохнул и уселся в кресло возле окна. — Шелли скоро отправится на юг в Ливорно, через неделю, если считать от вчерашнего дня. Он собирается там встретиться с Байроном и своим другом Ли Хантом. Шелли сказал, мы можем поехать вместе с ним.

— Надо же, как ужасно великодушно с его стороны! — особенно, принимая во внимание, что ты работаешь здесь уже почти два месяца и не получил ни гроша. Ты так и не объяснил, почему ты не мог просто потребовать отвезти нас в эту *Тьмутаракань* [\[320\]](#), или как там называется это чертово место.

— Да нет же, объяснил. Мэри Шелли — а с недавних пор и Клэр — мои пациентки, и я не хочу их покидать, пока их состояние неясно. Он пытался выглядеть искренним, когда это говорил — хотя на самом деле, не торопился покинуть Каза Магни, так как ему казалось, что у нее больше шансов вернуться к своей настоящей личности Джозефины здесь, где она ее потеряла, чем в многолюдной атмосфере Ливорно или в ставшей для них теперь чужой Англии.

— Ну, хорошо. Ее голос звенел от негодования. — Но мы не останемся здесь ни днем дольше следующего понедельника, ты меня понял? Это место ужасно, и эти люди ужасны. Ты уже позаботился о том, чтобы этот тип Шелли понял наконец, что мы с тобой *небрат* и сестра?

— Э-э, да, — поспешно ответил он. На самом деле, он всего лишь попросил Шелли перестать их так представлять.

— Как скажи на милость, можно быть братом и сестрой и быть женатыми? Что он вообще возомнил?

— Я не знаю, — ответил Кроуфорд. «Инцест не является чем-то необычным для этих людей, Джулия, — подумал он? — Шелли со своей „сестрой“, Байрон со своей сводной сестрой — но вряд ли стоит тебе об этом говорить».

— И когда наконец ты оставишь это нелепое имя «Айкмэн»?

— Как только мы уедем, — уже не в первый раз ответил он.

Она словно попугай дернула головой, уставившись в окно. — Лучше бы ты озаботился оказать надлежащую медицинскую помощь своей жене, — сказала она, — вместо того, чтобы расточать все свое внимание *посторонним*. Этот глаз, с которым ты утверждаешь ничего нельзя поделать, становится все хуже.

«Сильно сомневаюсь, — подумал он, — разве что ты умудрилась его разбить».

Еще вчера он мог бы воспользоваться этой жалобой как подходящим поводом, чтобы попытаться напомнить ей о Венгерн и остальных событиях в жизни Джозефины, но после вчерашнего ужина он окончательно отказался от попыток спровоцировать такие воспоминания.

Накануне он повалил ее на кровать и рассказал ей о Китсе, о их бегстве из Рима, о том, как они жили в Пизе и работали там в Университете. Он был полон радужных надежд, когда ее всхлипы и возражения затихли, и она обмякла; но когда он поднялся с нее — и хриплым от надежды голосом возвестил «С возвращением, Джозефина» — она вдруг вздернулась и села, столь неожиданно и резко, что ему почудился лязг шестеренок и храповиков в ее торсе.

Весь вечер она провела в своем механическом трансе, щелкая шеей из одного положения в другое и неуклюже перемещаясь, словно ее конечности вращались на шарнирах, и Клэр выбежала из столовой, а маленький Перси Флоренс расплакался и потребовал, чтобы мама увела его от этой «заводной леди». Когда, несколько часов спустя, она пришла в себя, она все еще была Джулией.

Так что он отказался, по крайней мере, в этот мигновенье, от мысли попытаться вернуть Джозефину — он решил, что с Джулией ему хоть немного, но все же лучше, чем с этой заводной леди.

С почти сверхъестественным ужасом он подумал о том, что тело Джозефины являло собой совершенную копию его мертвой жены. По крайней мере, если судить по месяцу его тесного знакомства с этим предметом; по сути, он начал узнавать свою жену только сейчас, спустя шесть лет после ее смерти, и был потрясен, обнаружив, что она ему ни капли не нравится.

Два дня назад она ясно дала понять, что не потерпит никаких сексуальных домогательств до тех пор, пока они находятся в этом доме, и он был уверен, что по крайней мере отчасти, ее хроническое негодование было вызвано тем обстоятельством, что это заявление не отправило его тотчас же паковать чемоданы.

По правде говоря, близость с ней его совсем не прельщала. Он знал теперь, что любил несчастную Джозефину — которая могла теперь быть совершенно мертва, не уцелев даже дремлющей искоркой в брошенном ею разуме.

Эта мысль напомнила ему о мучительном предположении Шелли, что Аллегра может быть все еще жива, затерянная где-то в глубинах своего кошмарно возрожденного черепа. «Все мы узники в наших собственных головах, — подумал он, вспоминая о неотступно терзающих его воспоминаниях, — но большинство из нас хотя бы может переговариваться с другими заключенными через прутья решетки, а иногда даже протянуть руку и встретить ответное рукопожатие».

— Пошлой ночью на берегу я встретила одного джентльмена, — продолжала Джулия, — англичанина. Полагаю, одного из друзей Шелли, которые приплыли на том корабле. Надеюсь, он не отбыл на нем сегодня. — Он *доктор*, — добавила она, подчеркивая это слово. Кроуфорд был всего лишь хирургом. — Он сказал, *он* может восстановить мое зрение. Он *обещал* это.

Мгновение Кроуфорд озадаченно смотрел на нее — затем вскочил на ноги и подался вперед, вговаривая слова прямо в ее лицо. — Не *приближайся* к этому человеку, — резко сказал он. — И даже не вздумай его приглашать, ты поняла меня? Это очень важно. Он... убийца, даю тебе слово. Поговоришь с ним еще хоть раз, и клянусь, мы никогда отсюда не уедем, и пусть моя лондонская практика катится ко всем чертям.

Она улыбнулась, заметно успокоившись. — Надо же, ты, похоже, *ревнуешь*! Ты и впрямь вообразил, что я буду флиртовать — а тем более заниматься чем-то *большим* — с другим мужчиной, когда я замужем за преуспевающим доктором?

Он выдавил из себя ответную улыбку.

* * *

В субботу переоборудованный *Дон Жуан* отправился в первое плавание — Шелли, Вильямс и Робертс весь день и добрую часть вечера рассекали на нем по спокойным водам залива, и снова встали на якорь, только когда Луна начала прятать свой лик за вуалью облаков. Шелли выглядел заметно посвежевшим и вернувшим душевное равновесие, пока во

время запоздалого ужина Клэр с дрожью в голосе не сообщила ему, что дважды за этот вечер видела его расхаживающим по террасе... до того как *Дон Жуан* вернулся.

Джозефина лишь презрительно закатила глаза и пробормотала что-то на счет алкоголизма, но Шелли отбросил вилку, вскочил и задернул занавески на окнах. — С сегодняшнего дня будем держать их задернутыми после наступления темноты, — сказал он.

Вспомнив, что Джозефина встретила кого-то, по-видимому, воскресшего Полидори, Кроуфорд кивнул. — Хорошая мысль.

Клэр, допивающая уже третий бокал брэнди, нахмурилась, словно почти вспомнила причину, по которой следовало возразить Шелли; она поспешно глотнула еще брэнди, и тревога, судорогой сведшая ее лицо, мало-помалу разгладилась.

В улыбке Эдварда Вильямса мелькнуло что-то болезненное, что-то, что заставило Кроуфорда взглянуть в его лицо, еще до того как он заговорил. — Но позже, мы же можем открыть их позже, Перси? — заметно нервничая, спросил Вильямс. — Я только хочу сказать — ведь так приятно смотреть ночью вдаль, на воды залива.

Кроуфорд глянул на Шелли, и увидел, что он тоже заметил волнение Вильямса.

— Нет, Эд, — устало сказал Шелли. — Днем смотри на этот чертов залив, когда тебе вздумается. Но ночью все шторы должны быть задернуты, от заката до рассвета. Он посмотрел на Кроуфорда и Джозефину. — Думаю, Айкмэны не откажутся... *вымыть эти окна* раствором, который их укрепит.

— *Окна!* — воскликнула Джозефина. — Ничего подобного! Мой муж *доктор*, а я ни какая-нибудь там домработница! Как только вам пришло в голову...

— Я сделаю это, Перси, — тихо сказал Кроуфорд. — После того как все отправятся спать.

Джозефина вскочила из-за стола и умчалась в их комнату.

Пару часов спустя, когда огни были потушены, Кроуфорд раздавил несколько дюжин зубчиков чеснока в ведро соленой воды, затем оттащил его в столовую, отдернул шторы и, используя вместо тряпки старую рубаху, расплескал эту смесь по оконным стеклам и плоским камням пола.

Он был рад, что в комнате было темно, так как совсем не горел желанием узнать кого-нибудь среди нескольких людских фигур, что неясными силуэтами, бесшумно жестикулируя, маячили снаружи на погруженной в темноту террасе.

На следующий день Шелли, Робертс и юнга-англичанин Чарльз Вивьен отправились в море без Вильямса, так как у него начался сильный жар, и все чего он хотел — лежать и тихо страдать. Кроуфорд предложил осмотреть его и возможно прописать ему какое-то лечение, но Вильямс поспешно заверил его, что в этом нет никакой необходимости. У Кроуфорда наворачивались на глаза слезы, когда он увидел нездоровую яркость в доселе ясных и веселых глазах.

Ближе к полудню Кроуфорд натянул шорты, которыми его снабдил Шелли, и спустился вниз. Ветер волновал кроны деревьев на холме позади дома, и бегущий по волнам *Дон Жуан* крошечным белым пятнышком виднелся на южном краю небосвода. Кроуфорд вошел в воду и поплыл. С тех пор, как неделю назад умер нерождённый ребенок Мэри, он каждый день совершал длинный заплыв.

Вода была освежающе прохладной, и он полностью отдался этому ощущению и отплыл довольно далеко, прежде чем расслабился и лег на спину, наконец позволив себе наслаждаться солнцем на лице и груди.

Сегодня воскресенье. Завтра они отплывают в Ливорно, и там ему придется решить, что делать с Джозефиной. Не может же он и впрямь отправиться с ней в Англию — может ли он, с чистой совестью, купить билеты для них обоих, а затем спрыгнуть с корабля, оставив ее путешествовать в одиночестве? Едва ли. Была ли она его женой или женщиной, которую он любил, он обязан придумать лучший способ о ней позаботиться. К тому же, Джозефина может когда-нибудь вернуться. Он не мог поверить, что она ушла навсегда.

Еще два раза в ночи он чувствовал близость ламии — оба раза «Джулия» отшатывалась от него, очевидно думая, что он собирается нарушить их уговор об отсутствии секса, пока они не покинут Специю — и понимал, что Шелли все еще бесприбыльно выплачивает свою часть соглашения. «Иссыхание духа в пустыне стыда [\[321\]](#)», — думал он, мысленно повторяя строчку одного из Шекспировских сонетов, которую недавно сбивчиво процитировал Шелли.

Кроуфорд гадал, проделывает ли ламия с Шелли все то, что когда-то она делала с ним — и если да, возносит ли это Шелли на ту же вершину блаженства. Он отказывался в это верить. И с изумлением спрашивал себя: «неужели Вильямс занимается сексом с воскресшей Аллегрой, или она лишь целомудренно его кусает».

Он не знал, как помочь Вильямсу — затащить его в Альпы, а затем на вершину Венгерн? Вместе с *Джулией*? — и хотя он обработал чесноком окна и порог детской комнаты и дал Джейн Вильямс нелепо звучащие указания, не позволять детям разговаривать с незнакомцами, он безрадостно размышлял, сколько у них еще оставалось времени, прежде чем один из детей, вероятно Перси Флоренс, начнет чахнуть и угасать.

В конце концов, он позволил ногам опуститься и посмотрел обратно в направлении дома, и легкий холодок прошел по его телу; его отнесло в сторону, пока он беззаботно отдыхал, и теперь он был в два раза дальше от берега, чем думал. Он поплыл обратно, чувствуя, как колотится в груди сердце.

Берег, казалось, вообще не приближался, и он проклинал свою четырехпалую левую руку и негнущуюся левую ногу.

Спустя несколько минут он начал задыхаться от этого заплыва навстречу волнам, и по его неутешительным прикидкам, несмотря на все усилия, его отнесло еще дальше. Солнце обжигало его лысеющую голову и слепило глаза, отражаясь от стеклянной поверхности волн.

Он заставил себя дышать медленно, стоя в воде. «Надо плыть под углом к волнам, — сказал он самому себе, — только и всего. Ты умрешь не *здесь*, ты меня понял?»

Он попытался понять, куда влекут его волны, чтобы поплыть к берегу в том же направлении, и обнаружил, что больше не видит дом. Коричневая пестреющая зеленью полоса материка утратила привычные черты и казалась теперь намного дальше. Казалось, что пронзительно фиолетовое небо и слепящее солнце давили на нее, заставляя ее сморщиваться.

Он несколько раз глубоко вдохнул, а затем, насколько мог, выбросил тело из воды и крикнул, «*Помогите!*» — но усилие оставило его бездыханным, и звук вышел слабым.

«Просто держись наплаву, — сказал он себе; — ты можешь это делать весь день, верно? Дьявол, помню как-то раз в Бискайском заливе мы с Бойдом пробарахтались в воде целых два часа, пытаюсь выяснить, кто продержится дольше, а товарищи плавали до нас, подкрепляя нашу решимость свежими бутылками эля. И вылезли мы в тот раз лишь потому, что стало ясно, чтоб чтобы дожидаться пока один из нас сдастся, потребуется продолжать состязания как минимум до темноты. Это течение скорее прибьет тебя к какому-нибудь

берегу, чем утащит из залива в открытое море».

Но, даже несмотря на то, что он использовал руки и ноги попеременно, он чувствовал, как мускулы под кожей натягиваются в струну. С того памятного состязания прошло уже почти десять лет, и он изрядно подрастерял свою юношескую форму где-то на пути из прошлого в настоящее.

Он заставил себя дышать ровно и медленно.

Одиночество пугало его. Он был крошечным островком смятения и страха посреди безликого бескрайнего моря, трепещущий, словно огонек свечи на потерянном игрушечном кораблике, и он подумал, что согласен даже утонуть, лишь бы еще хоть раз услышать чей-нибудь голос перед тем как отправиться в небытие.

«Он может позвать Ее».

Эта мысль послала дрожь через его тело. Успеет ли она прийти ему на помощь? К тому же в такой солнечный день? Откуда-то он знал, что успеет — она любит его и должна понимать, что *на самом деле* он совсем не хотел порвать с ней тогда, в Альпах. Ему даже не придется покидать Джозефину — после того как он окажется в безопасности на берегу, он придумает как помочь сумасшедшей бедняжке; в любом случае он сможет сделать для нее больше, чем если просто здесь утонет.

Он попытался размять негнущуюся левую ногу, но ее вдруг свела дикая судорога, исторгнув из его недр пронзительный вскрик. Он замолотил руками, пытаясь удержаться наплаву, но ему было ясно, что в запасе у него от силы минута.

А затем к своему ужасу он понял, что не может сделать это, не может позвать ее. Что ему придется умереть здесь, прямо сейчас, но кое-что — его любовь к Джозефине, и любовь, которую она очевидно испытывала к нему, в тот недолгий послеполуденный миг, неделю назад — делало смерть предпочтительней перспективы быть вновь одержимым ламией.

Он попробовал молиться, но мог лишь ругаться от бессильной ярости.

Вода сомкнулась над его головой, и он взглянул вверх на отражение Солнца, покачивающееся на водной глади. «Еще один последний взгляд на него, — отчаянно подумал он, — последний глоток морского воздуха».

Он заставил руки царапать воду в стороны и вниз, и голова вынырнула на поверхность — и тут он услышал скрип весельных уключин.

Спустя мгновение до него долетел голос Джозефины, выкрикивающей, *«Майкл!»*

Он обнаружил, что у него еще осталось немного сил. Он всхлипывал от боли принесенной этим знанием, но руки его продолжали посылать вводу в стороны и вниз, и когда рядом с ним, описав в воздухе дугу, со всплеском приземлилось весло, он сумел подгрести к нему и ухватиться за широкую часть неживыми руками.

К другому концу была привязана веревка, и он чуть не разжал хватку, когда веревка потянула весло к лодке; наконец его голова натолкнулась на обшивку шлюпки, и он был втащен внутрь через планшир. И даже сумел немного помочь.

Его левая нога была неестественно скрючена и так сильно болела, что он даже подумал, не сломаны ли кости. Он прикоснулся к бедру, стянутые в комок мышцы были твердыми как камень.

— Судорога, — выдохнул он, и мгновение спустя она уже разминала ее руками, стертыми в кровь энергичной, но неумелой греблей. Ее левую руку, которую она повредила на горе Венгерн, тоже похоже начинала одолевать судорога, но она работала решительно, с ловкостью медсестры, и минуту спустя узел, стянувший его левую ногу, отступил.

Долгое время он лежал, привалившись к одной из скамей, с закрытыми глазами, просто наполняя и опустошая легкие. Наконец он немного приподнялся и огляделся вокруг. Шелли нашел эту лодку слишком большой и поэтому неподходящей для гребли и бросил ее на нижнем этаже. И здесь больше никого не было, кроме него и Джозефины.

Он в изумлении смотрел на нее, пока дыхание не вернулось к нему достаточно, чтобы он мог говорить; и тогда, — Кто ты? — напрямик спросил он.

Вначале он думал, что она не ответит; затем она прошептала, — Джозефина.

Он снова откинулся обратно. — Хвала Небесам! Он потянулся и нежно взял ее изодранную искривленную руку. — Но как же ты сумела вытащить эту лодку?

— Не знаю. Просто вытащила.

— Боже, как я рад, что ты заметила меня здесь. «Я рад, что именно *ты* заметила меня здесь, — подумал он. — Джулия никогда бы такого не сделала».

Джозефина расслабилась и откинула со лба мокрые волосы. Ее стеклянный глаз безумно уставился в небо, но здоровый внимательно смотрел на него. — Я... проснулась от страха, посмотрела в окно и увидела тебя, и поняла, что ты попал в беду. В тот миг я вернулась в свое тело. Это она предупредила меня — понимаешь? — и именно это дало мне сил... оттеснить ее, выгнать Д-Джулию. Затем я сбежала вниз по лестнице и выволокла эту штуку через арки на мостовую, а затем в воду.

Он увидел, что она была босиком, и что на дощатом настиле тоже была кровь.

— Джозефина, — дрожащим голосом произнес он, — Я люблю тебя. Больше никогда не позволяй Джулии, призраку Джулии, захватывать твое тело.

— Я... — несколько секунд она пыталась что-то сказать, затем просто отвернулась к носу лодки и покачала головой. — Я постараюсь.

Та ночь была кануном летнего солнцестояния, и они двое засиделись дольше всех, правда они слышали, как Эд Вильямс тихо разговаривал с кем-то в своей комнате, возможно со своей женой.

Горела только одна лампа, которую Шелли распорядился не гасить всю ночь, и Кроуфорд и Джозефина покончили с оставшейся от ужина бутылкой вина и неспешно расправлялись со второй, которую он открыл после этого. Они говорили уже больше часа, непривычно спокойно, затронув все важные темы, когда, одновременно, в разговоре повисла пауза, и Кроуфорд заметил, что они прикончили вторую бутылку.

Он встал и протянул ей руку. — Пойдем в кровать.

Они вошли в свою комнату, затворили дверь и скинули с себя всю одежду, а затем в темноте — так как он плотно зашторил окна — долго и неторопливо любили друг друга, останавливаясь за мгновение до развязки, затем снова и снова, пока, наконец, неудержимый водопад чувств не накрыл их двоих с головой.

Спустя какое-то время Кроуфорд скатился с нее и лег рядом, чувствуя ее теплый, влажный бок, прижавшийся к нему; и он нежно шепнул, что любит ее...

... и в этот миг пронзительный вскрик из соседней комнаты прервал его и заставил вскочить с кровати.

За неимением ничего другого он натянул обрезанные брюки Шелли, распахнул дверь и выскочил в столовую; позади он услышал, как Джозефина борется с одеждой.

Дверь в комнату четы Шелли была открыта, и высокий, худой силуэт Шелли, не издав не единого звука, быстро вышел оттуда. Его глаза в свете лампы светились, словно у кошки, и, прежде чем отдернуть шторы в сторону и исчезнуть снаружи на террасе, он приблизился к

Кроуфорду и нежно поцеловал его в губы. Кроуфорд видел блеснувшие во рту зубы, но они его не коснулись.

Затем Шелли вышел из своей комнаты снова, и Кроуфорд понял, что этот был настоящим — и тогда он понял, кем был тот, первый, и в груди у него внезапно стало пусто и холодно. Он уже почти повернулся к двери на террасу, когда вспомнил про Джозефину.

Усилием воли он повернулся обратно к Шелли.

But the worm shall revive thee with kisses,
Thou shalt change and transmute as a god
As the rod to a serpent that hisses,
As the serpent again to a rod.
Thy life shall not cease though thou doff it;
Thou shalt live until evil be slain,
And good shall die first, said thy prophet,
Our Lady of Pain.

— A. C. Swinburne, Dolores

Но лобзание червя вновь должно жизнь вдохнуть,
Измениться ты должен, явившись как бог,
Обернуться как розга шипящей змеей,
А затем как змея снова в гибкую ветвь.
Даже сброшена с плеч, твоя жизнь не уйдет;
Должен жить ты пока зло на воле,
Но сказала, сначала добро умрет,
Владычица нашей боли.

— А. Ч. Суинберн, Долорес

— Куда он пошел? — потребовал Шелли.

Все еще не обретя дар речи, Кроуфорд просто указал на колышущиеся занавески.

Шелли бессильно привалился к стене и потер глаза. — Она пыталась задушить ее — задушить Мэри. Он поднял руки, все в кровоточащих царапинах. Мне пришлось отрывать ее руки от шеи Мэри.

Вильямсы и Джозефина были теперь тоже здесь, и Шелли отдернул шторы, присел возле окна, провел по полу пальцем и лизнул его, затем переместился и проделал все снова. Когда он поступил так со всеми окнами в комнате, он поднял взгляд.

— Здесь нет ни соли не чеснока, — сказал он, глядя прямо на Эдварда Вильямса.

Вильямс вздрогнул, затем проямлил, — Так это был чеснок? Вот что так пахло — я просто подумал, что лучше их вымыть... Он застегнул воротник ночной рубашки, но Кроуфорд увидел пятнышко крови, просочившееся сквозь ткань.

Губы Шелли сжались в бескровную тонкую нить. — Отправляйтесь все спать, — сказал он, — все, кроме тебя Айкмэн — нам нужно поговорить.

— Джозефина может остаться, — сказал Кроуфорд.

Шелли прищурился. Я думал, ее зовут... ? Хотя хорошо, пусть остается. А все остальные по кроватям.

Когда Вильямсы закрыли дверь в свою комнату, Шелли вкрутил штопор в новую бутылку и разлил вино по лишь недавно оставленным бокалам, которые снова держали Кроуфорд и Джозефина.

— Мы можем отправиться завтра, — тихо сказал Шелли.

Кроуфорд был безумно рад, что женщина, сидевшая подле него, не была больше Джулией. — О чем ты говоришь? — прошептал он. — Теперь нам просто необходимо убраться отсюда как можно скорей! Ты видел шею Эда? Хочешь дожидаться, пока умрет твой последний ребенок? Я не...

— Позволь ему сказать, Майкл, — вмешалась Джозефина.

— Она особенно достижима в этом месте, — продолжил Шелли, — призвать ее здесь легче всего, а то, что я задумал — единственное, что мне осталось попробовать — *требуется*, чтобы она была достижима.

— Что ты задумал? — спросил Кроуфорд.

— Ты должен знать, — с наигранной веселостью ответил Шелли. — Это ведь была твоя идея. Кроуфорд все так же беспомощно смотрел на него, и Шелли несколько раздраженно добавил, — Чтобы я утопился.

Кроуфорд вздрогнул. — Я — я же говорил это несерьезно. Я просто...

— Я знаю. Был разозлен из-за смерти моего нерожденного ребенка. Но ты был прав, это единственный способ спасти Перси Флоренса и Мэри. Сказав это, он улыбнулся, — со злостью, подумалось Кроуфорду. — Но вам тоже придется кое-что сделать. И сдается мне, для вас это окажется труднее, чем то, что предстоит мне.

* * *

На следующий день солнце еще жарче пылало с бездонного кобальтового неба, и когда капитан Робертс вернулся из плавания вдоль побережья за припасами — главным образом, чтобы пополнить истощившиеся запасы вина — он сообщил, что узкие улочки Лериче наводнены религиозными шествиями, молящими небо о дожде.

Эта ночь была Кануном Иона Крестителя ^[322], и после захода солнца люди Сан Теренцо ^[323] отправились вдоль берега, оmyвая стопы в пене прибоя, танцуя, размахивая факелами и распевая святые песнопения. Шелли стоял возле перил на террасе, даже после того как опустилась ночь, и песни выродились в пьяную дикуую разноголосицу, и фигуры на берегу начали бросать камни в сторону Каза Магни.

В конце концов, в Шелли полетел факел — и не попал лишь потому, что Кроуфорд оттащил его в сторону — и Шелли ошеломленно позволил увести себя внутрь. Гвалт продолжался почти до самого рассвета, когда рыбаки, пошатываясь и горланя охрипшими голосами, направились обратно к своим суденышкам и сетям.

Эти дикие крики и гнетущая жара не позволили никому как следует отдохнуть этой ночью, и, когда Кроуфорд спустился вниз чтобы посмотреть, как рыбаки, шатаясь, шлепают по воде обратно, он увидел неясный силуэт Мэри Шелли, стоящей возле волнолома и разговаривающей с кем-то на склоне холма по ту сторону.

Он поспешил к ней, думая, что ей докучает кто-нибудь из пьяных рыбаков, но остановился, когда услышал ее тихий смешок.

— Джон, ты же знаешь, что я замужем, — сказала она. — Я не смогу пойти с тобой. Спасибо тебе за твое... внимание.

Она повернулась к берегу, и Кроуфорд увидел темную розу, которую она держала у

самого подбородка, так что ее лепестки казались частью синяка, что пятнами покрывал ее горло. Он глянул мимо нее в пугающую темноту холма, но ничего там не увидел — хотя слышал скользящий шелест, удаляющийся вверх между деревьев.

Он направился вперед, шаркая ногами по песку, чтобы она услышала его приближение и не испугалась, когда он заговорит. — Это был Полидори? — спросил он.

— Да. Она вдохнула аромат розы, задумчиво глядя на темное море.

— Тебе не следует говорить с ним, — устало начал Кроуфорд. Он надеялся, что надвигающийся день не окажется таким жарким, что будет невозможно заснуть. — Он... он не...

— Да, он сказал мне об этом, — невозмутимо ответила Мэри. — О своем самоубийстве там, в Англии. Он думает, что они Музы, эти вампиры. Может быть он прав — хотя ему они не слишком-то помогли. Даже после того как он призвал одного из них и позволил себя укусить, он все равно так и не смог написать ничего вразумительного... поэтому он и покончил с собой. Она покачала головой. — Бедный мальчик — он всегда так завидовал Перси и Байрону.

— Если ты так много знаешь о нем, — сказал Кроуфорд, стараясь говорить спокойно, — тогда ты должна знать, как опасны такие люди, после того как они воскресли. Это ужасно. Полидори — это вампир, напавший на его тело, словно краб-отшельник, меняющий одну за другой раковины морских моллюсков. Да ты вообще меня *слушаешь*? Не веришь мне, спроси Перси!

— Перси..., — как во сне отозвалась она. — Перси перестал быть Перси, ты не заметил? Человек, которого я когда-то любила... он... отдаляется, исчезает из виду, словно фигура, нарисованная с далекой перспективой. Я все время спрашиваю себя, сколько еще я смогу общаться с ним, хотя бы вкрикивая слова ему прямо в ухо.

— Тогда спроси *меня*, я ведь доктор, верно? Ты еще не пригласила Полидори стать твоим... другом?

— Нет — хотя он намекнул, что ему это было бы приятно.

— Не сомневаюсь. *Не...* делай этого. Он шагнул к ней ближе, взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему прямо в глаза. — Перси Флоренс умрет, если ты это сделаешь, — с расстановкой сказал он. Доходил ли до нее смысл сказанного? — Повтори это, пожалуйста, — сказал он своим самым профессиональным тоном.

— Перси Флоренс умрет, если я это сделаю, — слабо промолвила она.

— Хорошо. Он отпустил ее. — Теперь ступай спать.

Она поплелась обратно к дому, а Кроуфорд опустился на песок; он чувствовал, что кто-то пристально наблюдает за ним с вершины холма, но небо уже начинало синеть, устремляясь навстречу дню, и он знал, что существо, напавшее на личину Полидори, не станет к нему приближаться.

Он вспомнил, как давным-давно, в 1816 в Швейцарии, Байрон язвительно цитировал стихи Полидори. Кроуфорд смеялся над нелепыми строками, как Байрон, похоже, и рассчитывал, но затем лорд нахмурился и сказал, что на самом деле в этом не было ничего смешного. — Он ужасно серьезно относится ко всему этому, Айкман, — с упреком сказал он. — Он преуспевающий доктор, один из самых юных выпускников Эдинбургского Университета, но все к чему он стремится, это стать поэтом — как Шелли и я. Он и в мои личные врачи напросился лишь потому, что думал, что, общаясь со мной и моими друзьями, сможет... вывести секрет. Байрон мрачно ухмыльнулся. — Надеюсь, для его же пользы, что

он этого не сделал.

«Ну, — подумал Кроуфорд, — он все-таки это сделал, Байрон. Но, хотя он и заплатил цену Музам, они не сдержали обещания». «Очень похоже, — подумал он, — на сделку, которую Шелли заключил со своей сестрой, моей бывшей женой».

Солнце уже поднялось, зажигая изумрудные блики на поросших лесом пиках Портовенере по ту сторону залива, и в легком ветерке чудилась даже какая-то прохлада. Кроуфорд поднялся на ноги и побрел по песку обратно к Каза Магни, стараясь не ступать в выемки следов Мэри Шелли.

* * *

В течение следующих пяти дней Шелли все больше и больше времени проводил на *Дон Жуане*, доверяя Робертсу и юнге Вивьену управляться с такелажем, пока сам он изучал через секстант ^[324] горы и исписывал страницу за страницей в своей записной книжке — теперь уже не поэзией, а небрежно нацарапанными, непонятными математическими выкладками. Когда на закате они возвращались, он порывался отдать свою математику Кроуфорду на проверку, но там было по большей части Ньютоново исчисление ^[325], что очевидно было выше понимания Кроуфорда. Шелли никогда не просил об этом Мэри, несмотря на то, что она довольно хорошо разбиралась в математике, а он, по всей видимости, начал сомневаться в собственных мыслительных процессах.

«И сомнения эти были обоснованы», — подумал Кроуфорд. Шелли больше уже не блистал в разговорах за обеденным столом, с пространными рассуждениями о природе человека и вселенной; он, казалось, находил теперь сложным даже следить за щебетаньем Клэр о ее вылазках в Лериче за покупками — и, хотя он все еще читал свою почту, Кроуфорд не раз замечал, как он силится разобрать смысл написанного, хмурясь и шевеля губами, и обводя кружками важные слова.

Наконец, через семь дней после неудачного покушения на Мэри, Шелли бросил свою записную книжку и кучу непрочитанных писем в огонь, а затем попросил Кроуфорда и Джозефину составить ему компанию в прогулке по побережью.

Солнце все еще сияло на утреннем небосводе, но песок под ногами обжигал даже сквозь туфли Кроуфорда, и он гадал, каким образом Шелли удастся неспешно идти по нему босиком. Может он просто еще не заметил, что это причиняет ему боль. Джозефина была напряжена, но держала Кроуфорда за руку и даже пару раз ухитрилась выдавить слабую улыбку.

— Мы отправляемся завтра, — тихо сказал им Шелли. — Где-то через неделю вам двоим придется вернуться, но я хочу, чтобы сейчас вы отправились со мной.

Кроуфорд нахмурился. — Зачем нам тогда возвращаться?

— Чтобы сделать то, что должно быть сделано *здесь*, — раздраженно сказал Шелли, — и должно быть сделано *вами*. Так что не берите лишних вещей, оставьте здесь всю... научную и медицинскую аппаратуру, какая у вас есть. Он нахмурился, очевидно, пытаясь сосредоточиться. — На самом деле, Джозефине не обязательно возвращаться сюда с тобой — она может остаться с Байроном, Трелони и остальной компанией. Они намерены снова

собраться в Пизе.

— Я поеду вместе с Майклом, — тихо сказала Джозефина.

Кроуфорд сжал ее руку. — К тому же ни одному из нас нельзя в Пизу, — сказал он. — Два месяца назад мы едва избежали там ареста. В любом случае, *тебе* туда зачем?

— Я... потому что... э-э, да, чтобы помочь бедняге Ли Ханту основать дело с Байроном. Это по моему настоянию он приплыл сюда, со всем своим чертовым семейством, и хотя я... сойду со сцены, я хочу убедиться, что он не останется... не останется...

— Без помощи? — подсказала Джозефина.

— И без гроша? — добавил Кроуфорд.

— Да, и к тому же в чужой стране, — кивнул Шелли. — Вам *нельзя* в Пизу...? Ну что ж, мы остановимся в Ливорно по пути, чтобы их встретить, так что вы могли бы... подождать меня там. Я вернусь в Ливорно, прежде чем я...

Кроуфорд поспешно его прервал. — Эта часть, которую мы с Джозефиной должны сделать, — начал было он, но Шелли вскинул руку, призывая его помолчать.

Они прошли еще сотню ярдов вдоль узкого, скалистого берега, и Шелли забрел на мелководье. Давайте поговорим здесь, — сказал он. — Э-э... вода, поможет заглушить наши слова. Я не хочу, чтобы... *vitro* [\[326\]](#)... я имею в виду песок, слышал, что мы говорим.

Кроуфорд и Джозефина обменялись тревожными взглядами, но потянулись, чтобы снять туфли.

— А что со стеклом? — отозвалась Джозефина, когда она снова выпрямилась.

— Стеклом? — нахмурился Шелли. — А, верно, я и забыл. Оставь и его тоже.

Джозефина потянулась к лицу, извлекла стеклянный глаз и положила его в одну из туфель, затем снова взяла руку Кроуфорда и направилась с ним туда, где стоял Шелли.

— Теперь будьте внимательны, — сказал им Шелли. — Я, возможно, не смогу изложить это внятно... позже. Еще раз.

* * *

На следующий день, после полудня *Дон Жуан* последний раз вышел Залив Специи, направившись к югу в Ливорно. Мэри, Клэр, Джейн Вильямс и дети остались в Каза Магни и Шелли без воодушевления помогал Робертсу и Чарльзу Вивьену управляться с парусами, а Эд Вильямс скрывался под палубой, подальше от солнечного света, так что нос корабля был целиком и полностью в распоряжении Кроуфорда и Джозефины.

— Шестью шесть — тридцать шесть, — бормотала Джозефина, — семью семь — сорок девять, восемью восемь — шестьдесят четыре...

Она завела эту привычку за последнюю пару дней; это все еще досаждало Кроуфорду, но после того как она объяснила, что это помогает держать наплаву личность Джозефины, когда она чувствует, что та начинает слабеть, он всячески старался не показывать своего раздражения. Эта ее привычка заметно расстраивала Мэри. Шелли же напротив имел обыкновение сидеть поблизости от Джозефины, когда она это проделывала, словно этот речитатив был символом чего-то, что он терял... или, как временами немилосердно думал Кроуфорд, потому что потерявший рассудок поэт надеялся подслушать правильный ответ на

одну из тех математических загадок, что очевидно были выше его понимания.

И вот теперь Кроуфорд просто стоял, вглядываясь в итальянский берег, что незаметно проплывал мимо корабля в миле по левому борту. Со вчерашнего полудня он не мог думать ни о чем, кроме того, что ему предстояло сделать через неделю, поэтому, когда Джозефина оборвала на полуслове таблицу умножения и задала ему вопрос, он ответил на него почти сразу, не меняя темы.

— Ты сможешь это сделать? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он, все еще разглядывая береговую линию. — Я устоял перед ней прежде — с твоей помощью. И я... Он остановился, так как чуть не сказал, что теперь, когда у него была Джозефина, он был защищен от сексуального влечения к этой нечеловеческой женщине, но тотчас ему пришло на ум, что это может быть не вполне правдой. — Я не знаю, — нескладно закончил он.

Усталая улыбка яснее очертила морщины на смуглом лице Джозефины. — Если ты не сможешь, это будет означать смерть для нас всех — в противовес смерти лишь нескольких. Она никогда не позволит мне или этим детям вырваться из ее сетей.

— Можно подумать, — с подчеркнутой вежливостью ответил он, отстраняясь от перил, — ты допускаешь, что я об этом не знаю. Он направился мимо нее на корму, где Шелли безразлично работал грот-парусом.

За его спиной распевание таблицы умножения возобновилось снова.

Лодка плавно скользила вперед в череде длинных галсов [\[327\]](#), двигась против постоянного ветра, и спустя несколько часов после захода солнца они увидели впереди огни, отмечающие волнолом на входе в порт Ливорно. После недолгого перекрикивания с судном портового смотрителя они вошли в защищенную гавань, причалив по соседству с *Боливаром* Байрона; Байрон был на берегу, в своем жилище близ Монтенеро [\[328\]](#), а *Дон Жуан* был во временном карантине, но команда Байроновского корабля любезно сбросила несколько подушек на палубу меньшего судна, так что группа Шелли в эту жаркую ночь могла спать под открытым небом.

Кроуфорд и Джозефина спали прямо на носу, тогда как Шелли, Робертс и Чарльз Вивьен пристроились кто где между мачтой и румпелем. Вильямс всю ночь расхаживал по палубе, и, в конце концов, незадолго до рассвета заполз обратно вниз.

На следующее утро они получили одобрение карантинной службы, и все, за исключением юного Чарльза Вивьена, спустились на берег — хотя Вильямс жаловался, что чувствует себя нездоровым, и натянул широкополую шляпу, чтобы защититься от солнца.

Шелли напротив был сегодня какой-то неестественно, почти истерически веселый, и с нехарактерной для него расточительностью нанял экипаж, чтобы доставить их туда, где в шести милях в Монтенеро их дожидались Байрон и семейство Ли Ханта.

Лето, казалось, становилось все жарче, и когда после пыльной часовой езды они, наконец, прибыли к дому Байрона, вилле Дюпюи [\[329\]](#), Кроуфорд с унынием отметил, что она была окрашена в чересчур теплый коричнево-розовый цвет.

Джозефина молчала всю дорогу, но Кроуфорд заметил, что пальцы ее опущенных книзу рук методично двигались, и догадался, что она перебирала таблицу умножения в уме. И это также не улучшило его настроения.

Байрон встретил их у входа, и, хотя Кроуфорд был поражен, увидев, что тот снова прибавил в весе, Шелли, казалось, был рад этой перемене. В этот миг его, казалось, радовало все на свете. Он заметил, как замечательно видеть, что Байрон все еще живет с Терезой

Гвиччиоли, и что она по-прежнему любит выходить наружу в солнечные дни; и с воодушевлением представил Кроуфорда и Джозефину высокому, явно смущенному мужчине, который оказался Ли Хантом, невезучим англичанином, который вместе со своей женой и шестью детьми сел на корабль в Италию, чтобы совместно Байроном и Шелли издавать журнал, о котором они грезили весь прошлый год.

Байрон, очевидно, надеялся засидеться допоздна, разговаривая с Шелли, как они часто делали, прежде чем покинули Пизу, но Шелли сославшись на то, что поездка его утомила, рано отправился спать.

Хант пребывал в дурном настроении из-за нескольких несдержанных замечаний, которые Байрон сделал по поводу скверного воспитания его детей, и тоже удалился к себе, так что в просторном зале вместе с Байроном остались Вильямс, Кроуфорд и Джозефина. Они сидели, потягивая вино, и слушали, как лорд жалуется на слуг и погоду. Байрон, впрочем, казалось, был рад этой компании, хотя Вильямс говорил редко и большую часть времени вглядывался через пару застекленных дверей в темный внутренний двор, а Джозефина несколько раз отвечала на вопросы радостными заявлениями, что одно число, умноженное на другое, дает третье; но Байрон слышал от нее в прошлом так много *pop sequiturs* [\[330\]](#), что только ухмылялся и кивал каждый раз, когда она произносила еще одно, и дважды потребовал, чтобы все они выпили в честь только что произнесенного меткого замечания.

Он как раз добрался до середины повествования о том, как недавно несколько его слуг устроили поножовщину на дороге перед домом, когда всеобщее внимание вдруг обратилось к Вильямсу.

Тот внезапно как-то *напрягся*, столь сильно, что казалось, закрутилось все его тело. Он стоял на цыпочках, и лоб его почти касался оконного стекла.

Байрон сначала взглянул на него с досадой, но затем с тревогой в голосе сказал: — Какого дьявола, Эд? Что-то не так? Он грохнул стаканом о стол и начал было вставать, но Вильямс столь повелительно выбросил навстречу руку, что Байрон упал обратно в кресло. Спустя мгновение Байрон зарделся от смущения и сердито повторил свой вопрос.

— Нет, ничего, — поспешно ответил Вильямс. — Я просто... Я не поеду с Шелли и Пизу. Передайте ему, что я остаюсь здесь в Ливорно, чтобы... прикупить кое-какие припасы и отвезти их в Лериче. Я... я возвращаюсь.

Все еще тугой от напряжения он поспешно направился к входной двери и спустя мгновение растворился в ночи. Он оставил дверь открытой, и теплый бриз, благоухающий цветущим в ночи жасмином, взъерошил седеющие волосы Байрона.

Раздражение Байрона исчезло. С выражением утраты на усталом лице он смотрел в распахнутый дверной проем. Наконец он повернулся к дивану, на котором расположились Кроуфорд и Джозефина, и пристально на них посмотрел.

— С вами двоими кажется все в порядке, — сказал он несколько мгновений спустя. Он поднял бокал, не обращая внимания на лужу, которая образовалась на столешнице, залпом допил оставшуюся жидкость, а затем наполнил его снова из графина стоявшего на полу. — Что я за друг, если не заметил в нем этого сразу? Он покачал головой и поставил графин обратно. — Как давно это с ним приключилось?

— Где-то месяц назад, — ответил Кроуфорд. — Его жена Джейн, кажется... все еще не тронута. Не укушена.

— Их нужно прежде пригласить, чтоб вас они могли кусить [\[331\]](#), — заметил Байрон с

горькой усмешкой. — Чертов Шелли. Со вздохом он поднялся и захромал по крытому плиткой полу к возвышающемуся в углу шкафу, а затем что-то нащупал в просторном рукаве своего богато украшенного желто-коричневого жакета. — Вам, наверное, любопытно... как я защищаю себя и Терезу. Он выудил ключ, отворил шкаф и достал из него пистолет и полотняный мешочек. К краске этого дома примешано порошкообразное железо, а дерево глубоко протравлено морилкой, щедро сдобренной чесноком, к тому же вокруг окон боярышник и крушина, да и просто наестся чеснока здесь несложно, а вокруг дома у меня есть несколько пушек, заряженных подходящей картечью. Он перебросил Кроуфорду полотняный мешок, а затем вернулся на свое место, держа пистолет направленным в пол.

Кроуфорд высыпал на ладонь несколько тяжелых пуль. Они были серебряные, с маленьким деревянным шипом, вставленным через центр и отшлифованным заподлицо.

— Дважды я стрелял в этих демонов на заднем дворе, — заметил Байрон, — оба раза безрезультатно.

Кроуфорд сохранил невозмутимое выражение лица, но припомнил исключительную меткость Байрона и решил, что презрение, которое Байрон выказывал к своей поэзии во время их последнего разговора, по-видимому, все-таки было позой — похоже, он хочет держать свою вампирскую музу в повиновении, но отнюдь не желает на самом деле от нее избавиться.

Кроуфорд поднял одну из серебряно-деревянных пуль. — А что, эта пуля может убить... одного из них?

— Может быть. Если существо сильно ослаблено, или совсем молодое, тогда, пожалуй. Но даже зрелую сильную особь это выбьет из колеи.

— А что Тереза думает обо всем этом? — спросил Кроуфорд.

Байрон пожал плечами. Это традиционные защитные меры Карбонариев. Эти пули, к слову говоря, я *купил* — мне не пришлось изготавливать их на заказ.

Подспудно в Кроуфорде начинало нарастать раздражение, но он еще не успел понять почему, а Джозефина уже начала излагать его мысли.

— Что, — спросила она тихо, — если Тереза забеременеет? Ты останешься с ней и *ребенком*, в этих обстоятельствах, зная, в каких опасных морях плавает твой... твой, пускай и крепко сбитый, корабль?

Байрон, казалось, был удивлен и не особо обрадован услышать от нее эти связанные суждения, но прежде, чем он успел ответить, снаружи из темноты внутреннего двора донесся душераздирающий, будто кошачий, вопль, проскрежетавший по нервам, словно смычок по скрипичным струнам. Вопль длился несколько секунд, прежде чем сойти на нет в нескольких последних звуках, прозвучавших как «*Papa*».

Пистолет в руке Байрона дрожал, но он поднялся на ноги и направился к стеклянным дверям.

— *Papa, Papa, mi permetti entrare, fa freddo qui fuori, ed e buio!* — донесся потусторонний, будто принадлежащий ребенку, голос. Кроуфорд мысленно перевел это: *Папа, папа, позволь мне войти, здесь снаружи так темно и холодно!*

Кроуфорд однажды уже видел эту маленькую девочку, парящую теперь в воздухе возле стеклянной двери, но теперь она была более полной. Ее глаза были яркими, а белая кожа вокруг рта и ладони, прижатые к стеклу, были запятнаны свежей алой кровью. Она смотрела в лицо Байрона и неожиданно страшно улыбнулась.

Кожа на лице Кроуфорда натянулась, обрисовав скулы, и лишь усилием воли он

заставил себя стоять рядом с Джозефиной и не сбежать.

Байрон побелел, а его руки тряслись, но он тихо кивнул. — *Si, tesora, ti piglio dal freddo* [332].

Не отрывая глаз от тела, бывшего когда-то его ребенком, он, повысив голос, сказал: — Айкмэн — Джозефина — отправляйтесь наверх в ваши комнаты. Пожалуйста. Это касается только нас двоих.

Кроуфорд открыл было рот, чтобы возразить, но Джозефина схватила его руку. — Так надо, — прошептала она. — Пойдем.

Они пересекли просторную комнату, направляясь к темному коридору, но прежде чем они завернули за угол, Кроуфорд оглянулся назад. Байрона душили рыдания, но пистолет в его руке больше не дрожал.

Они слышали выстрел, когда поднимались по лестнице, а через несколько минут, из окна комнаты Кроуфорда, увидели хромающую фигуру Байрона, ступающего по посеребренной лунным светом траве и несущего маленькое тело. Кроуфорд вспомнил, что видел в том направлении церковь, и с удивлением подумал, где же Байрон собирается найти там лопату.

— Он *сказал*, молодую особь можно убить этой пулей, — торжественно промолвила Джозефина, расстегивая блузку. — А она, определенно, была молодой. Она сложила блузку, стянула юбку, а затем забралась в кровать. Помнишь, что всегда говорила Клэр? Лунный свет высветил ее измученную улыбку. — Что ж, больше она не вправе так говорить. В конце концов он кое-что сделал для Аллегры.

Спустя несколько прошедших в молчании минут все их существо пронизало отдаленное нечеловеческое пение, что, словно эхом, отражалось от небес и земли, охватывая их необъятной дрожью; неземной хор блистал, словно гобелен, сотканный из нескончаемо длящихся нот, и, хотя звуки были величественно печальными, они вызывали в Кроуфорде лишь благоговейный страх и смирение, так как, очевидно, не были рассчитаны на людские чувства.

На рассвете его разбудило мягкое покачивание. Несколько сонных мгновений он думал, что он на борту корабля. Затем он заметил цветы, подпрыгивающие в вазе на прикроватном столике, и вспомнил, что они были в доме Байрона, и сообразил, что это должно быть слабое землетрясение. Покачивание быстро затихло, и он снова провалился в сон.

Были же во дни оны на земле исполины...

— *Бытие 6:4*

Позже утром Кроуфорд и Джозефина были разбужены пронзительным голосом Шелли, доносящимся со двора — когда Кроуфорд поднялся, отдернул занавески и выглянул наружу, он увидел, что Шелли руководил погрузкой багажа Хантов на крышу нанятого им экипажа, и, казалось, горел желанием как можно скорее отправиться в путь.

Байрон, тем временем, разгуливал взад вперед по длинным застывшим теням оливковых деревьев, что окружали пыльный двор виллы, и то, что он был на ногах в этот ранний час и даже не порывался посмотреть, как слуги крепили его багаж на специальной полке позади его наполеоновской кареты, заставило Кроуфорда сделать вывод, что поэт не ложился вовсе.

Густые, протянувшиеся по земле полосы создавали впечатление, что двор и не двор вовсе, а широкая лестница, как тот лестничный пролет, что он видел два года назад в Риме, из окна второго этажа в квартире Китса, и в голове мелькнула нездоровая мысль, «кто из собравшейся здесь компании держит путь наверх, а кто направляется вниз»? Байрон, пожалуй, вполне подходил на роль одного из тех бродяг, что просто стояли на одном месте посреди ступеней, дожидаясь, пока какой-нибудь турист заплатит им, чтобы они позировали для портрета — какого же персонажа он мог бы олицетворять? Уж конечно не одного из святых.

Кроуфорд отворил окно и толкнул створки наружу, и ворвавшийся внутрь уже разогретый воздух донес запахи кофе и готовящейся где-то поблизости выпечки — на которые не обращали никакого внимания все эти занятые внизу люди.

Кроуфорд и Джозефина оделись и спустились вниз, и так как они оставались в Ливорно и не спешили в Пизу, у них было вдоволь времени, чтобы воздать должное обильному импровизированному завтраку, который приготовили слуги Байрона.

Чуть позже Шелли отвел Кроуфорда в сторону и дал ему сотню фунтов. Кроуфорд взял деньги, но недоверчиво покосился на Шелли.

— Ты уверен, что хочешь отдать мне все это? — спросил он.

Шелли моргнул, заметил банкноты в руке Кроуфорда, а затем покачал головой и потянулся за ними. — Нет, я... я должен отдать это бедняге Ли Ханту — или отослать обратно в Специю Мэри... я...

Кроуфорд оставил две десятифунтовые купюры и протянул оставшиеся назад. — Спасибо Перси.

Шелли уставился на деньги, которые вернул ему Кроуфорд, кивнул и неуверенно улыбнулся, затем запихал их в карман и побрел прочь.

К восьми часам последние из детей Хантов были отловлены и погружены на борт нанятого экипажа — в свой Байрон их не пустил — а взрослые забрались кто в одну карету, кто в другую и заперли двери, а затем подвижной состав тронулся в путь, сопровождаемый едущими верхом слугами.

Уезжали, впрочем, не все слуги Байрона, и он распорядился, чтобы Кроуфорду и Джозефине разрешили взять на время запасную карету и пару лошадей для путешествия

обратно в Ливорно. Однако, к тому времени как они наконец решились отправиться в путь, солнце начало столь основательно припекать пыльную дорогу, что они решили дожидаться вечерней прохлады.

Кроуфорд вышел на затененный двор с парой книг Байрона и попробовал читать, но его постоянно отвлекала мысль о девочке, которую он видел здесь минувшей ночью. Он был уверен, что кровь на ее губах принадлежала Эдварду Вильямсу, и раздумывал, кому Эд будет жертвовать свою кровь теперь.

Джозефина провела большую часть дня лежа внизу — сперва он подумал, что она задремала, но около полудня он заглянул ее проводить и заметил, что ее глаза были открыты, неумоимо смотря в потолок. Он вернулся обратно во двор и снова попробовал читать.

К западу от Монтенеро земля две или три мили наклонно сбегала вниз, стремясь к побережью Лигурийского моря, и, когда солнце опустилось к земле, темным силуэтом обрисовав остров Эльба, место ссылки Наполеона, Кроуфорд различил ритмичные песнопения, доносящиеся с дороги позади дома.

Он сунул за ремень один из пистолетов Байрона, и, прихрамывая, спустился по грязной дороге, чтобы узнать причину этих звуков, но обнаружил лишь дюжину крестьян и пару священников, стоящих вокруг повозки, в которую был запряжен изнуренного вида осел.

Священники нараспев произносили молитвы и окропляли сухую дорожную пыль святой водой, и Кроуфорд поначалу подумал, что это был какой-то местный ритуал, который не имел к нему никакого отношения; но затем из редкой толпы, сутулясь, выбрался древний старик с тростью и широко ему улыбнулся... и Кроуфорд понял, что пистолет ему здесь ничем не поможет.

— Они хорошо *осведомлены*, — сказал де Лож на своем диком французском, — об особенностях того места, из которого вы недавно прибыли. Он махнул рукой на крестьян и священников. — Портовенере, я имею в виду. Ты был бы изумлен, узнав, сколь долго оно носит это имя, и на сколь многих языках. Поэт четырнадцатого столетия Петрарка удостоил это место нескольких произведений, когда не воздыхал о недостижимости своей возлюбленной Лауры.

Он рассмеялся и оглянулся на своих пасторальных [\[333\]](#)сопровождающих, затем снова покосился на Кроуфорда. — Думаю, если произнести сейчас нужное слово, эти люди атакуют дом в тот же миг — заметь, что некоторые из них при ножах, а тот джентльмен позади захватил с собой вилы. Английский лорд, который здесь гостил, Байрон, член общества Карбонариев, верно? Эти люди одобряют это, но теперь Байрон уехал, а в вас они чувствуют — Силиконариев [\[334\]](#). Он махнул тростью назад, вверх по дороге. — Что скажешь, можем мы с тобой поговорить?

Кроуфорд подумал о Джозефине, оставшейся без присмотра в доме. — Хорошо, — сказал он с внезапно навалившейся усталостью. — Скажи им, тем не менее, что я... скажи им, что я всадил гвоздь в *mazze*, ладно? Мы обойдемся без их... помощи. «*Силиконарии*, — подумал он — по-видимому, игра слов для *silex*, французского и латинского слова для кремния. *Silex, silicis, silici* [\[335\]](#)».

Де Лож снова засмеялся и обратился к священникам с быстрой фразой на итальянском. Те, казалось, немного расслабились, хотя и не перестали разбрызгивать святую воду.

Они направились вверх по крутой пыльной дороге, ведущей на немощеный внутренний двор. И пока они не слишком грациозно хромали к дому, де Лож время от времени поглядывал на Кроуфорда. Тени деревьев тянулись теперь к востоку, но исполосованный

двор снова напомнил Кроуфорду гигантскую лестницу. Знать бы только, куда он направляется по ней сам.

— Ты развелся! — воскликнул де Лож, когда они, наконец, достигли входной двери. — Но та Венецианская попытка, которую четыре года назад предпринял один из твоих друзей, закончилась провалом — так что ты, должно быть, забрался чертовски высоко в Альпы, я прав?

— Да, ответил Кроуфорд. — С Байроном, в 1816. Он снова погряз в этом, в отличие от меня, так что мне не понятно, с чего бы твоим священникам восторгаться им и бояться меня.

— На самом деле, они и к Байрону не испытывают особо теплых чувств, но он богатый и влиятельный, а ты нет, и к тому же он многое делает для Карбонариев.

Де Лож покачал головой, и Кроуфорду почудилось, что в глазах древнего старика на миг вспыхнуло восхищение. — Я никогда даже всерьез не рассматривал возможность отправиться в Альпы самому — для меня это было бы слишком суровое испытание. К тому же оно, почти наверняка, повлекло бы мою гибель; или, что еще хуже, могло бы оставить меня искалеченным и неспособным попробовать что-нибудь еще. Он пожал плечами. — Так что, почему бы просто не позволить подходящему человеку утопить меня в родных краях.

Кроуфорд постучал в дверь и смущенно направил разговор в сторону от того, как он не смог утопить старика шесть лет назад. — Оно и впрямь чуть не *сталосмертельным*. То путешествие в Альпы. Там были... удивительные создания в этих горах.

Де Лож согласно кивнул, принимая смену темы. — И вы поднялись туда в 1816? Как раз в эти годы там переправлялся старик Вернер — именно его прибытие в Венецию помешало плану, который твои друзья... и я... пытались осуществить там в 1818. Его присутствие в Швейцарии должно было переполошить местных жителей — там наверняка наблюдалась определенная активность Карбонариев — и проезжающее настолько близко — здесь он использовал слово, которое Кроуфорд мог перевести только как *оживляющее средоточие* — должно было привести этих древних созданий в чрезвычайное возбуждение тоже. Ты, случаем, не видел там Вернера? Думаю, он держался в стороне от самых высоких перевалов, так как определенно не жаждет развода, но ты мог мельком увидеть сопровождающий его отряд.

Кроуфорд собирался уже помотать головой, когда де Лож добавил: — Он путешествовал запакованный в лед, под охраной Австрийских солдат.

И Кроуфорду пришло на ум, что он припоминает нечто подобное — фургон, застрявший в грязи в вечерних сумерках, и Байрона, эксцентрично вскарабкавшегося на его станину, чтобы направлять усилия толкающих фургон людей.

— Может и видел, — сказал он. — Кто этот Вернер?

Де Лож не ответил, так как один из слуг Байрона, наконец, отворил дверь. Слуга с неприязнью уставился на де Ложу, но отступил в сторону, когда Кроуфорд сказал ему, что старик был его гостем — хотя после этого откровения Кроуфорд и сам удостоился холодного повторно оценивающего взгляда.

— Я расскажу тебе о нем, — сказал де Лож. — Где мы можем поговорить?

Презрение во взгляде слуги только усилилось, когда он услышал бедственный французский де Ложу. — Э..э, наверно, в нашей комнате, — ответил Кроуфорд. — Подожди здесь, пока я предупрежу мою... жену, мою теперешнюю жену, что мы поднимаемся.

Когда Кроуфорд вместе с де Ложем вернулся в спальню, Джозефина сидела на полу, и он не мог с уверенностью сказать, что мелькнуло в ее взгляде, когда она взглянула на

невероятно древнего старика, очарование или отвращение, или и то и другое сразу; он видел, как работали ее сложенные на коленях руки, и знал, что она снова мысленно продирается сквозь дебри таблиц умножения.

Де Лож опустился в кресло возле окна и положил ноги на кровать. — Ты спросил о Вернере, — сказал он. — Вернер — это... можно сказать, главный монарх Габсбургов — тайный, но вместе с тем абсолютный властитель австрийской империи. И он пребывает в этой должности уже очень давно — он старше даже меня, на добрых четыре века. Он родился примерно в 1000 году нашей эры, в старинном замке Габсбург ^[336] на реке Аре ^[337], в швейцарском кантоне Аргау.

Кроуфорд стоял возле окна, смотря вниз на дорогу, где они оставили священников и крестьян, но резко обернулся, когда услышал имя кантона, и де Лож вопросительно поднял брови.

— Э-э, не бери в голову, — сказал Кроуфорд. Он отвернулся обратно к окну, так как ему показалось, что он уловил какое-то движение на тенистой дороге. — Слушай, я не особо любопытствую по поводу этого парня. Что ты...

— А должен бы, — прервал его де Лож. — Это человек ответственный за все наши злоключения. Он жаждал бессмертия, и он жил в Швейцарии, так что слышал немало историй о том, что Альпы являются цитаделью древних богов, сами, по сути, являясь этими древними богами, обращенными в камень изменившимся солнечным светом, но все еще живыми. Как-то ночью он вскарабкался в горы, тот молодой Фауст, которым он был, и умудрился пробудить горы настолько, чтобы поговорить с ними, и узнал о их народе, нефелимах, до-Адамовых вампирах, чьи окаменевшие тела все еще находят то там то здесь, дремлющие, словно семена в пустыне, дожидаящиеся, когда пойдет животворящий дождь.

Де Лож вытянул свои иссохшие руки, разведя ладони примерно на фут. — Они выглядят как маленькие статуи, — сказал он. — Маленькие окаменелые ребра какого-нибудь до-Адамового Адама, ожидающие, когда дыхание жизни снова их всколыхнет. Вернер нашел одну из них и хирургическим путем, используя также магию, поместил в свое тело, для того чтобы она могла пробудиться за его *счет*, так сказать, воспользовавшись его психическим кредитом. Он стал, таким образом, мостом, искусственным совмещением, своего рода представителем обеих рас одновременно, и теперь он — вне сомнений — все еще отчасти человек и оживленный нефелим сразу.

— Христос из старых богов, — тихо сказала Джозефина по-французски. — Своего рода искусственный спаситель-наоборот. ^[338] Ее руки безвольно лежали на коленях, словно даже таблицы умножения обманули ее ожидания.

Отстраненно Кроуфорд пораился, что она поняла речь старика, но его вниманием уже завладело нечто другое, и он отвернулся от окна, снова обратив лицо к де Ложу. — Хирургическим путем, — спросил он. — Где он все это проделал? В Швейцарии, верно?

— Да, — ответил старик. — Ты что-то об этом знаешь?

Кроуфорд припомнил рукопись, про которую рассказывал Бойду шесть лет назад, то описание в *Сборнике Менотти* процедуры помещения статуи в человеческую брюшную полость. Как он тогда сказал Бойду, эта рукопись выжила лишь потому, что ее ошибочно занесли в каталог, как процедуру Кесарева сечения. — Думаю, я читал хирургические записи об этом. Де Лож хотел было что-то сказать, но Кроуфорд призвал его к молчанию. — Этот Вернер — из Аргау! — как он выглядит? Выглядит ли он... молодым? Здоровым?

Де Лож в изумлении посмотрел на него. — Ты его *видел*, верно? Нет, он не молодой и

не здоровый, хотя состояние его здоровья теперь, когда он в Венеции возле колонн Грай, весьма *устойчиво*. Он не может передвигаться, но он может проецировать себя в осязаемые образы, которых достаточно, чтобы поднять бокал вина или перелистывать страницы книги или отбрасывать плотные тени, если освещение не слишком яркое, и эти образы могут выглядеть настолько молодыми как он того пожелает. Хотя, он не может проецировать их очень далеко, не больше чем на несколько сотен ярдов от того места где находится его неимоверно древнее тело. А с 1818 этим местом является Дворец Дожей ^[339] на Пьяцца Сан Марко ^[340] в Венеции. Я думаю, единственная причина, по которой Австрийцы захватили Италию, чтобы он мог владеть колоннами Грай и жить в их консервирующей время ауре.

— Я встретил того, кто, по-видимому, был им — одной из его проекций — в кафе возле Большого Канала ^[341], — задумчиво сказал Кроуфорд. — Он не особо скрытничал — сказал, что его зовут Вернер фон Аргау.

— Полагаю ему и не нужно скрываться, — вставила Джозефина. — Единственной вещью, которую он от тебя утаил, было — дай ка подумать, то обстоятельство, что ты сам того не зная содействовал делу нефелимов, лучше чем любой Австриец.

— А также то, что лекарство, которое он мне для тебя дал, должно было тебя убить, — сказал Кроуфорд.

— Конечно, должно было, — сказал де Лож, столь энергично кивая, что Кроуфорд подумал, его источенная водой коряга-шея надломится. — Австрийцы черпают свою власть из альянса, которым Вернер сковал себя с оживленным нефелимом, так что они делают все что могут, чтобы этот нефелим оставался счастливым — а... бывшая жена этого молодого джентльмена, — сказал он, указывая на Кроуфорда, — была бы очень счастлива узнать о твоей смерти. Эти создания искренне нас любят, но они ужасно ревнивы.

В этот миг внизу на дороге показался свет факела, пробивающийся из-за деревьев, и Кроуфорд подумал было предупредить Джозефину; но затем решил, что слуги Байрона без сомнения управятся с любыми непрошеными гостями. Пистолет Байрона был все еще заткнут за его ремень, и он нервно его нащупал.

— Кто *вы* такой? — спросила Джозефина. — Откуда *вы* все это знаете?

Немыслимо древний старик усмехнулся, и его лицо отразило столько вызывающего отвращения знания, что Кроуфорду пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвести взгляд. — Мое истинное имя Франсуа де Лож, — хотя запомнили меня под другим. Я родился в тот год, когда Жанну д'Арк сожгли на костре, и был студентом Парижского Университета, когда меня угораздило влюбиться.

Он тихо засмеялся. — Недалеко от Университета, — продолжал он, — перед домом некой Мадемуазель де Брюйер, стоял большой камень — вы видели его, сэр, когда злоупотребили моим гостеприимством. Студенты университета, должно быть, чувствовали его... странность, так как среди них он был известен как *Le Pet-au-Diable*, Бздех Дьявола. Я же никогда не называл его так — как-то ночью я увидел женщину, в которую он превратился, и ее боготворил. Вы знаете, о чем я говорю.

Он улыбнулся этому воспоминанию. — Когда мне было тридцать два, я оставил Париж и суетную толпу и много, много лет странствовал вместе с ней, был ее счастливым любимцем. Я был в кругу моей новой семьи, и я встретил других подобных мне — в том числе и самого Вернера, человека, который снова представил друг другу наши два рода. Четверки и Двойки под пристальным взглядом вечных троек.

Кроуфорд сдвинул брови и оторвался от окна. — Это ведь загадка, да? Та самая,

которую нам загадал сфинкс на вершине горы Венгерн. Что она означает?

— Ты не знаешь? Де Лож удивленно покачал головой. — И что же ты сделал, просто угадал правильный ответ? Ответ, который по легенде дал Эдип, здесь не годится — легенда здесь довольно точна, но все же недостаточно.

Кроуфорд попытался припомнить, как дословно звучала та загадка. *Кто ходил на четырех конечностях, когда солнечный свет еще не изменился, а теперь имеет две, но когда солнечный свет изменится вновь и свет уйдет, будет снабжен тремя?* Я подумал, что эта загадка своеобразное... ритуальное требование вежливого признания. Так что вместо «человек» я сформулировал ответ более широкий, чтобы он включал также и нефелимов — я сказал: «Разумная жизнь на земле».

Старик хмуро кивнул. — Это была счастливая догадка. Тебе также повезло пройти мимо призрака, который охраняет преддверие, того самого, о котором Гёте упоминает в Фаусте. «В ней каждый видит первую любовь ^[342]», — говорит Мефистофель Фаусту. На самом деле, этот фантом для каждого вторгшегося выглядит как человек, которого он любил, а затем самым безобразным образом предал.

Джозефина покраснела, но все же нашла в себе силы еле-еле улыбнуться. — Так на что она *ссылается*? — спросила она. — Я имею в виду, загадка.

— На скелеты, — ответил ей де Лож. — Ваш друг Шелли знает об этом. Почитайте его *Освобожденного Прометея*; «Сфера, что словно многие тысячи сфер ^[343]»... Английский де Лож был еще хуже, чем его французский, к которому он тотчас же милосердно вернулся. — Материя, каждый клочок того, что составляет этот мир и нас самих, состоит из того, что древние Греки называли атомы — это крошечные сферы, приводимые в движение той же самой силой, что заставляет молнию обрушиваться с небес на землю, а огни святого Эльма плясать на реях ^[344] кораблей.

«Тетушка Ворон, — подумал Кроуфорд, — превращающая в корабли-призраки остовы древних кораблей».

— Каждая из этих сфер это «многие тысячи сфер», — продолжил де Лож, — так как центральное ядро окружено крошечными частичками электричества, которые образуют явно разделенные сферы — и число этих частичек электричества на внешней сфере атома определяет, с какими другими атомами этот атом может объединяться. Эти частички электричества, словно конечности, с помощью которых атом может ухватиться за другие атомы, и три вида атомов являются основой для трех видов скелетов. Даже дошедшие до нас легенды об Эдипе описывают это четыре-и-два-и-три как способы *опоры*.

Кроуфорд неуверенно кивнул. — Так что это за виды скелетов?

— Ну, — сказал де Лож, — нефелимы, так сказать Силиконарии, были первой разумной расой, которую носила земля, детьми Лилит, исполинами, что жили на земле во дни оны, и их скелеты были сделаны из того же материала, что и их плоть — вещества, лежащего в основе стекла, кварца и гранита. Атомы этого вещества имели во внешней сфере четыре частички электричества. Затем солнечный свет изменился и нефелимы обратились в камень и в своем роде исчезли из поля зрения грядущего.

— Человечество стало следующей формой разумной жизни, и наши скелеты сделаны из того же самого вещества, что и морские раковины, мел и известь. А базовый элемент всего этого имеет две частички электричества во внешней сфере.

— А ответ на эту загадку подразумевает, что после того как солнечный свет изменится снова и солнце погаснет, единственными оставшимися разумными существами будут те

самые горы, древние боги, и ты уже видел вещество, из которого будут состоять их скелеты — тот легкий металл из которого была сделана моя кухонная утварь, помнишь? Там, в моем маленьком домике-лодке в Карнак? Это самый распространенный металл на земле, как правило всегда присутствующий в глине и квасцах [\[345\]](#), и, конечно же, его атомы имеют во внешней сфере тройку электрических частиц.

Кроуфорд вспомнил, как увидел серебристый металл, обнаженный лавиной на склоне горы Венгерн — проводник назвал его *argent de l'argile*, глиняное серебро.

Затем его внимание снова переметнулось к огням на дороге. К ним приближалось множество факелов — гораздо больше, чем могла нести группа, которую он видел чуть раньше, слуги Байрона не смогут сдержать такую толпу.

— Нужно убираться отсюда, — поспешно сказал он Джозефине. — На лестницу к черному ходу, нет времени собирать вещи. В этот миг он был особо признателен Шелли за его двадцать фунтов.

Глаза Джозефины широко распахнулись, когда он взглянула в окно, и она тотчас же двинулась к двери с Кроуфордом следующим за ней по пятам.

На лестнице Кроуфорд заметил, что де Лож следовал за ними. — Может, отвлечешь эту шайку? — сердито шепнул он старику. — Они же вроде твои друзья.

— О нет, не друзья, уверяю тебя — пропыхтел де Лож. — Они меня убьют, но не тем способом, который мне нужен. Я иду с тобой.

Не было никакого шанса ускользнуть незамеченными через парадную дверь, поэтому Кроуфорд вывел их через черный ход и повел темнеющим полем, по которому прошлой ночью ступал Байрон с телом своей мертвой дочери на руках. Он был рад, что слуги Байрона не видели их бегства, так как их преданность вызывала у него теперь серьезные подозрения.

Их трио медленно двигалось сквозь сухую траву, стараясь не производить шум, способный навести на их след, и, в конечном счете, они обнаружили себя на ощупь пробирающимися через церковное кладбище, куда должно быть и направлялся Байрон. Небо было глубокого цвета индиго и неуклонно погружалось в темноту, но Кроуфорд различил маленький свеженасыпанный земляной холмик под оливковым деревом возле ограды кладбища. Он провел их еще несколько ярдов, а затем опустился на землю.

— Думаю, здесь нам ничего не грозит, — тихо сказал он. — В любом случае, это место ничем не хуже других. Не стоит вслепую шарить в темноте, когда преследователи знают тут все тропинки, к тому же они, скорее всего, не будут искать нас на освященной земле.

За время их долгой скрытной прогулки он кое-что вспомнил — например, как Байрон опознал песню, которую Кроуфорд пел в Альпах, ту самую, которую он выучил у де Ложа, — и был теперь уверен, что знает другое имя де Ложа, то самое, под которым, как он сказал, его запомнили.

— Итак, месье Вийон, — прошептал Кроуфорд, когда они все уселись на все еще теплую, укрытую травой землю, — значит, вы, намерены путешествовать вместе с нами?

Из темноты донесся тихий смех старика. — А ты смысленный парень. Да, после того как ты очевидно поборол свое нежелание принимать участие в утоплениях, я хочу завербоваться в этот... последний круиз поэтов.

Кроуфорд понимал, о чем его просит старик, понимал он так же и то, что теперь, зная все то, что он знал, не сможет ему отказать. — Ну, — тихо сказал он, — Шелли в любом случае не позволит тому английскому Юнге Чарльзу Вивьену отправиться вместе с ним — ему такое крещение определено ни к чему. Так что да — не вижу причин, почему бы для

вас не нашлось места на борту.

... Подводит тление итог его словам.
Вокруг разбитого гигантского остова
Пески бескрайние как прах струились там.

— **Перси Биши Шелли** [\[346\]](#)

Процессии священников и верующих в течение нескольких дней
шествовали мимо, вознося молитвы о дожде; но либо боги прогневались на них,
либо силы природы превосходят их власть.

— **Дневник Эдвард Вильямса, последняя запись, 4 Июля 1822**

Когда рассвет развеял темноту неба, видневшегося между деревьями и выстроенными в романском стиле строениями старой церкви, Кроуфорд, Джозефина и де Лож незаметно выбрались на дорогу и направились на север. Утренний воздух уже утратил мягкую ночную прохладу и был снова готов к дневной жаре.

С первыми лучами путешествующую тройцу подобрал едущий на север фермерский фургон, и еще до того, как солнце осветило склоны возвышающейся над окружающим пейзажем горы Кверчолая [\[347\]](#), они сошли на узкой улочке в юго-западном прибрежном районе Ливорно. Доки и проливы на порядочное расстояние протянулись от берега и были соединены сетью каналов, и Кроуфорд никак не мог отделаться от ощущения, что снова вернулся в Венецию.

Он знал, что Шелли будет ожидать встретить их в отеле Глоуб [\[348\]](#), но там же сейчас должен был находиться Эдвард Вильямс, и перспектива увидеть его снова, приводила его в трепет; так что он решил остановиться в альберго [\[349\]](#), прилепившемся к берегу одного из каналов. Хозяин гостиницы перекрестился, когда они вошли внутрь, но купюра в десять английских фунтов за неделю вперед поборол его дурные предчувствия, в чем бы они ни заключались.

Кроуфорду и Джозефине достались комнаты на первом этаже, с видом на канал, но де Лож настоял, чтобы его комната находилась прямо под самой крышей, несмотря на неудобство в виде ведущей туда узкой лестницы. — Пусть даже через неделю мне *суждено* умереть, — сказал он Кроуфорду, — я буду верен привычке, оставлять между мной и землей как можно больше камня.

Кроуфорд всячески подчеркивал свое расположение к этому месту, восхваляя местные рестораны и знакомясь с соседями, но самому себе он признался, что просто надеется разминуться с Шелли и увильнуть от выполнения обещания, которое он дал ему... и несколькими годами ранее де Ложу.

Так что он пришел в смятение, когда ранним утром в понедельник восьмого Июля, на четвертый день их пребывания в Ливорно, де Лож, хромая, приблизился к столу уличной трактирии, где они с Джозефиной поглощали минестроне [\[350\]](#) с фасолью, и сказал им: — Я чувствую близнеца, симбионта [\[351\]](#), приближающегося по морю, и это, определенно, не старик Вернер. Время пришло — пора.

Дон Жуан стоял в порту, а Шелли нашелся в отеле Глоуб, в залитом солнцем фойе. Он

был загорелый и подтянутый, в двубортной матроской куртке, безукоризненно сидящих нанковых ^[352]брюках и черных ботинках, но его лицо под беспорядочно спутанными седеющими белокурыми волосами было безжизненным. У его ног стоял железный кейс с ручкой для переноски. Вильямс и Трелони были тут же — Вильямс был бледным и измученным, а Трелони выглядел озабоченным.

Кроуфорд хромя направился к ним.

— Мы с юнгой Вивьеном, — тихо доказывал Шелли, — сами *можем* управиться с *Дон Жуаном*. И мы это *сделаем*. По складам, словно повторял это уже в тысячный раз, он добавил: — Я просто хочу совершить это путешествие в одиночестве.

— Мне это не нравится, — сказал Трелони. — Я поплыву за тобой на *Боливаре*, и ты не сможешь мне помешать. Если вы попадете в беду, я, по крайней мере, смогу выудить вас двоих из воды.

Лицо Шелли на миг оживилось, когда он увидел Кроуфорда. — А вот и ты, — сказал Шелли, подхватывая железный кейс и направляясь к нему, чтобы пожать его руку. — Я должен с тобой поговорить. Он отвел Кроуфорда по мощеному плиткой полу в дальний угол. Кроуфорд попытался начать первым, но Шелли его перебил.

— Слушай, — сказал Шелли, пихая железный кейс в руки Кроуфорду, — ты должен отправиться *сейчас же*. Я хочу отплыть сегодня после полудня, но ты к этому времени должен уже быть в Специи и все приготовить. К тому же погода здорово испортится — я ждал этого — и я не хочу, чтобы *ты* угодил в неприятности. Его улыбка была одновременно испуганной и горькой. — Этот шторм уготован лишь мне.

— И юнге Вивьену, по-видимому, тоже, — сердито сказал Кроуфорд, ставя кейс на пол. — Или он не в счет? Я не позволю тебе...

— Ох, заткнись ради бога, конечно же, он не поедет. Я уже рассчитался с ним и сказал ему уехать из Ливорно. Нет, я отправляюсь один — я и в одиночку смогу управиться с *Дон Жуаном*, по крайней мере, моих умений достанет, чтобы себя убить — проблема лишь в том, что Трелони тоже об этом знает, и я боюсь, что он постарается мне помешать. К тому же он настаивает на том, чтобы меня сопровождать, так что я спрятал его портовые документы, и ему придется провести эту ночь здесь, нравится это ему или нет.

Затем Шелли полез под куртку и вытащил маленький пузырек с ярко красной кровью. — Я собрал ее всего лишь час назад, — сказал он, — и добавил немного уксуса; я видел, повара так делают, чтобы она не свертывалась. Она будет моим доверенным представителем. А теперь запомни, кроме того чтобы служить моим представителем, она нужна также, чтобы дать мне знать, когда ты будешь готов — так что помни, не выливай ее всю для приманки.

Подавляя рвотный позыв, Кроуфорд положил пузырек в карман пиджака; почему-то из всего того, что ему предстояло сделать сегодня, употребление крови Шелли страшило его больше всего. Он снова поднял кейс.

— Я привел тебе попутчика, — срывающимся голосом сказал он. — Человека, который хочет сопровождать тебя в твоём... круизе. Он махнул рукой де Ложу, который стоял возле входной двери и теперь хромящей походкой направился им навстречу, на его древнем лице застыла вызывающая отвращение ухмылка.

Шелли изумленно взглянул на старика, а затем в бешенстве повернулся к Кроуфорду. — Ты что *ничего* не понял? Я не могу брать с собой пассажиров! Что этот отщепенец себе возом...

Кроуфорд перебил его: — Перси Шелли, позволь представить тебе Франсуа Вийона.

Голос Шелли умолк, и несколько секунд Кроуфорд воочию видел, каких усилий ему стоило обдумать услышанное — наконец Шелли улыбнулся, и в его улыбке скользнуло что-то от его бывлой живости. — Не может быть? Поэт Вийон, тот самый? И он в нашей семье? И хочет... отправиться... со мной?

Кроуфорд кивнул. — То самый, — уныло промолвил он, — и да, он хочет.

Де Лож к этому времени дохромал до них, и Шелли с почтением пожал его руку. — Для меня будет честью, — с расстановкой произнес он на современном французском, — пригласить вас на борт.

Де Лож слегка склонил голову. — Почту за честь, — тихо сказал он на своем первобытном наречии, — отправиться вместе с Персеем.

Шелли с удивлением присмотрелся к старику, затем взволнованно указал на него. — Это ведь вы... вы были там в Венеции, верно? Когда мы были там с Байроном в восемнадцатом. Вы еще тогда также назвали меня Персеем.

— Потому что ты прибыл туда, чтобы вести дела с Грайями, — сказал де Лож. — А сегодня, храня верность данному тебе имени, собираешься сразить Медузу [\[353\]](#)! Он взглянул в окно на раскаленное небо. — Похоже, день сегодня вполне подходящий, чтобы два обреченных человека могли немного поплавать.

Кроуфорд вскинул руку, призывая к молчанию, так как Эдвард Вильямс оставил Трелони и направился к ним.

Вильямс остановился возле Шелли. Ему, очевидно, стоило немалых усилий, находиться здесь на свету, но он ухитрился выдавить вымученную улыбку, пожимая руку Шелли.

— Я — я поплыву с-с тобой, Перси, — заикаясь, произнес он. — Не пытайся отговорить меня. Она м-мертва, мертва совсем, Аллегра она... и я... думаю я смогу... продержаться... пока не наступит ночь, и не искать другую любовницу. Если я буду все это время думать о Джейн, и наших детях, то думаю я смогу. Его улыбка была отчаянной, но вместе с тем странным образом живой, и на краткий миг он напомнил Кроуфорду Китса, каким он встретил его в 1816-м в Лондоне.

— Эд, — сказал Шелли, — я не могу тебя взять. Отправляйся с Трелони на *Боливаре*, и...

Вильямс холодно улыбнулся. — Это ведь... мне не поможет, так ведь? — тихо сказал он. — *Боливар* ведь не пойдет ко дну.

Несколько секунд Шелли всматривался в исхудавшее лицо своего друга, затем нежно и грустно улыбнулся в ответ. — Ну, — сказал он, — еще раз все взвесив, думаю, что лучшего кормчего для этого путешествия мне не найти. Он обернулся к Кроуфорду и протянул руку. — Ступай, — сказал он. — Сейчас, пока ты все еще можешь сделать это для нас всех.

Пожимая руку Шелли, Кроуфорд думал о том, как впервые увидел его шесть долгих лет назад лежащим без сознания на улице Женева. Мысль о всех утратах, которые Шелли пережил с тех пор, о собственных седых волосах, хромоте и шрамах, и потерянном глазе и изувеченной руке Джозефины — обо всех смертях и страданиях — сдавила Кроуфорду горло, так что он никак не мог подобрать подходящих прощальных слов.

— Жаль, — только и сумел сказать он, поднимая железный кейс, — что мы так и не успели узнать друг друга получше.

Шелли улыбнулся, и когда Кроуфорд отпустил его руку, он еще больше привел свои волосы в беспорядок. — Теперь уже едва ли остался кто-то, кого можно узнать — так что

отправляйся. Он потянулся и похлопал выступ на пиджаке Кроуфорда, где лежала склянка с кровью. — Передай Мэри, что я... ее люблю.

Кроуфорд использовал часть оставшихся денег Шелли, чтобы нанять самое на его взгляд быстроходное судно, какое нашлось в порту, и когда они с Джозефиной поднялись на борт, и одномачтовый шлюп устремился на север, скользя по прозрачной голубой воде, он дохромал сквозь ветер, несущий мелкие брызги, на нос корабля и стоял, всматриваясь вперед, навстречу тому, что так или иначе должно было стать кульминацией последних шести лет его жизни.

Ему по прежнему было далеко до уверенности, что он сможет сделать то, что пообещал: выполнить процедуру, которая защитит Джозефину и заодно спасет Мэри и ее маленького сына — но также лишит его всякой надежды на долгожительство, которым вот уже несколько столетий наслаждались де Лож и Вернер фон Аргау. Возможно, когда-нибудь он сможет снова стать заурядной *жертвой*, если сумеет найти хищника-нефелима, чтобы окунуться в его разрушительную страсть, но ему, безусловно, больше никогда не представится шанс снова *вступить в семью*.

Им-то легко было ждать от него такой жертвы. Де Лож уже прожил несколько веков безмятежной жизни; Шелли видел, как умерли почти все его дети, но все еще мог спасти оставшегося; а Джозефине никогда даже и не предлагали стать членом семьи.

Он достал пузырек с кровью Шелли из кармана и подумал, как легко было бы просто уронить его за борт, в океан.

Он бросил взгляд на Джозефину, которая, с закрытыми глазами, сидела позади, возле мачты, что-то проговаривая — очевидно старую добрую таблицу умножения. Ее лоб блестел от пота. Он попытался увидеть в ней обузу, ненавистную ответственность, которую он случайно взвалил на себя, и что-то в бездонном небе, казалось, помогало ему в этих мыслях — внезапно Джозефина стала казаться слишком материальной, слишком горячей и живой, слишком скоропортящейся, словно какая-нибудь снесь, выставленная на продажу на рынке на открытом воздухе, где приходится отгонять жужжащие полчища мух, чтобы увидеть, что перед тобой за товар, овощ или мясо.

Но, несмотря на то, что какая-то сила помогала ему видеть в ней недолговечный ядовитый плод — словно гриб-дождевик, вырастающий поутру на лужайке, а на закате лопающийся, выпуская облако дыма — что-то внутри него, что-то исполненное большей силы, заставляло видеть Джозефину в других обстоятельствах: он видел ее беспомощной в море, пока он, ничего не делая, глядел на нее сверху; пойманной в ловушку в горящем доме, пока он напивался поблизости; изуродованной в кровати, в которой он заснул и продолжал спать.

А затем он вспомнил, как она вытащила его и Байрона из пропасти на вершине Венгерн; и как она целовала его ртом, полным стекла и чеснока, на Римской улице; и вытащила его из моря и разминала его ногу своими измученными руками; а также вспомнил пляж, на котором они впервые предавались любви, в тот день, когда у Мэри случился выкидыш.

И несчастно положил пузырек обратно в карман.

Немногим позже, когда солнце перевалило за полдень, судно легло в дрейф и спустило паруса, и Кроуфорд и Джозефина, перебравшись через планшир, вброд направились к берегу, в нескольких сотнях ярдов к югу от Каза Магни; весь путь занял не больше пяти часов.

Солнце, словно застывшая на месте шаровая молния, ослепительно сияло в выжженном пурпурном небе.

— Она будет слабой, — хрипло сказал Кроуфорд Джозефине, волоча палку по раскаленному белому песку, на котором он рисовал пентаграмму, — так как сейчас день. Но она все равно придет, потому что будет думать, что Шелли и я в опасности, а она... Его горло судорожно сжалось, и он вынужден был остановиться, прежде чем продолжил... — она любит нас. Он стянул пиджак, но по лицу все равно градом катился пот, насквозь пропитывая рубаху.

Джозефина ничего не ответила. Она стояла на вершине пляжного склона, у самой кромки деревьев, и Кроуфорду пришло на ум, что где-то поблизости было место, где они впервые познали друг друга. Впрочем, его мысли были сейчас от этого далеки.

Шагнув из пентаграммы, он поставил на песок взятый у Шелли железный кейс, и присел, чтобы его открыть. На мгновение вонь чеснока вытеснила соленые запахи моря, но даже после того, как налетевший ветерок унес прочь первый дурманящий выдох, зловоние раскачивалось в раскаленном воздухе словно пряди морских водорослей в водах прилива.

Он открыл маленькую банку, повернулся к пентаграмме и вытряхнул смесь древесных стружек, серебряных опилок и измельченного чеснока в четыре из пяти неглубоких желобка, оставив пустой линию, обращенную к морю. Затем поставил все еще открытую банку на песок рядом с ней. Наконец, он выпрямился и пристально взгляделся в западном направлении туда, где отделенные искрящейся голубой гладью залива высились горные пики Портовенере.

Он понимал, что готовится навсегда изменить свой мир, лишить его всего волшебства и предвкушения чего-то необычного, и того, что Шелли однажды в своей поэме назвал «неудержимое очарование ужаса [\[354\]](#)».

— Прощай, — подумал он.

— Приди, — бесшумно позвал он.

Он беспощадно укусил палец и вытянул его над пентаграммой, так что быстрые капли крови упали на песок внутри; затем он достал из кармана пузырек, вытащил пробку и вылил половину его содержимого поверх своей крови. В стеклянном сосуде все еще оставалось на дюйм или около красной жидкости, и он обреченно глядел на нее в течение нескольких секунд, пытаясь набраться мужества, чтобы сделать то, что надлежало теперь сделать.

— Но смелости клинок об этот камень преткновенья заточи [\[355\]](#), — прошептал он самому себе, а затем выпил кровь и зашвырнул опустевший пузырек в плещущееся неподалеку море.

А затем он был одновременно в двух местах. Он все еще был на морском берегу и осознавал пентаграмму, присутствие Джозефины и горячий песок под ногами, но также он был на раскачивающейся палубе *Дон Жуана*, оставшейся позади в наводненном судами порту Ливорно.

— Он здесь, — услышал он себя, обращающегося голосом Шелли к двум попутчикам, находящимся вместе с ним на корабле. — Отплываем.

Где-то далеко, по ту сторону Портовенере, обретал форму мираж, и хотя на них не обрушились яростные порывы ветра, грозящие разметать начертанную им пентаграмму, Кроуфорд ощутил, как что-то огромное устремилось к ним сквозь разделяющий их океан.

Джозефина судорожно выдохнула, и, когда он раздраженно на нее оглянулся, он увидел, что она с хлопком прикрыла рукой стеклянный глаз. — *Я виделае*, — прошептала она хриплым от испуга голосом. — Она приближается.

— Чтобы умереть, — сказал Кроуфорд.

Он чувствовал палубу яхты Шелли, покачивающуюся под ногами, и ему приходилось постоянно напоминать себе, где он находится, чтобы не раскачиваться вместе с ней. — Как и Шелли, — сказал он, вынужденный говорить громко, так как в ушах звенел несущийся по палубе *Дон Жуан* артезианский хохот де Ложа. Глазами Шелли он видел низкие, темные облака, надвигающиеся с юго-запада на Ливорно, и едва уловимо чувствовал его решительно сдерживаемый страх перед тем, что вскоре должно было случиться.

Затем все его внимание обратилось к тому, что видели его собственные глаза, так как теперь она была здесь, на берегу, стоящая обнаженной в начерченной на песке пентаграмме.

Она мерцала в слепящих отблесках солнца на белом песке, но прежде, чем он смог внимательно ее рассмотреть, он быстро припал к земле и вылил древесно-песочно-чесночную смесь вдоль последней линии, замыкая нарисованную им геометрическую фигуру и запирая ее внутри.

Когда это было сделано, он отступил назад, и, наконец, позволил себе взглянуть на нее.

Вся она была жемчужно-белой и гладкой, и от неземной красоты ее губ и точеных грудей и волнующей стройности ног у него захватило дыхание; и хотя он видел, что солнечный свет причиняет ей ужасные страдания, ее колдовские металлические глаза смотрели на него с любовью и, казалось, прощали все, что он только собирался сделать.

— Где мой брат? — спросила она. И голос ее зазвучал словно мелодия, исполняемая на серебряной скрипке. — Зачем ты позвал меня и лишил меня свободы?

Кроуфорд заставил себя отвести от нее взгляд, и увидел, как песок волнами разбегается от пентаграммы. — Шелли направляется туда, — напряженно ответил он. — В этот шторм...

Он услышал шелест ее босых ступней по песку, когда она повернулась чтобы взглянуть на юг. Она издала едва слышный звук, то ли вздох, то ли всхлип, и он знал, ее страшили мучения, которые предстояло пережить, чтобы спасти Шелли. — Ты ведь не хочешь, чтобы он умер, — сказала она. — Освободи меня, чтобы я могла его спасти.

— Нет, — ответил Кроуфорд, стараясь придать голосу твердость. — Это был его план. Он сам хотел, чтобы я это сделал.

Женщина снова повернулась к нему, и он обнаружил себя беззащитно противостоящим ее нечеловеческому пристальному взгляду. — Ты хочешь, чтобы он умер?

— Я не стану его останавливать.

— А он сказал тебе, — спросила она, — что я погибну вместе с ним?

Ее глаза казались бездонными, темными, словно холодная безлунная ночь на островах Средиземноморья. — Да, — прошептал он.

— Ты хочешь, чтобы я умерла тоже?

Он почувствовала, как горячая рука Джозефины накрыла его руку; он хотел уже было раздраженно ее стряхнуть, но вместо этого заставил себя сжать ее в ответ, хотя и понимал, что ведет за руку смерть — не столь далекую свою, а сегодня для Шелли и ламии. Он пытался думать о Перси Флоренсе Шелли, о Мэри, о детях Вильямсов и Джозефине.

— Да, — ответил он стоящей перед ним женщине, надеясь, что все это закончится раньше, чем его хрупкая решимость рассыплется в прах. Он отвел от нее взгляд и увидел, сквозь стоящие в глазах Шелли слезы, густую завесу тумана, повисшую под темными тучами, прямо по курсу несущегося по волнам *Дон Жуана*.

Он присел, так как раскачивание далекой палубы заставляло его пошатываться на песке — но и сам песок тоже был в движении. Сбегающие от пентаграммы песчаные волны

стали выше, хотя они, казалось, были бессильны сделать хоть что-то с самой пентаграммой; но в обращенном к морю полукруге вокруг трех человеческих форм начинали вырастать бугристые фигуры, очевидно составленные из песка. Скалы обросшего лесом холма трещали, словно пытались разогнуть сведенные вечностью члены.

— Земля — моя мать, она накажет тебя, — сказала женщина, — если я ей позволю.

Три ногтя свободной руки Кроуфорда до крови впились в ладонь. И в этот миг он больше не мог сказать, чьи слезы туманят его взгляд, были ли это слезы Шелли, или плакал он сам. Все что случилось с ним, после той недели проведенной в счастливом плену ламии в Швейцарии, казалось сплошной несбывшейся надеждой. — Позволь ей, — тихо сказал.

— Но разве я могу? — ответила она. — Ведь я люблю тебя.

Он смутно осознавал, что рука Джозефины больше не покоится в его. *Дон Жуан*несся сквозь туман под нависшими над ним черными тучами, когда внезапно ударил ветер, и корабль чудовищно накренился, наполнив паруса горячим влажным дыханием шторма; Кроуфорд почувствовал боль, когда Шелли налетел на ограждение борта и вцепился в него руками.

Маленькое итальянское суденышко, фелюка [\[356\]](#), виднелось по курсу с правого борта, на всех порах мчась в порт Ливорно, но оно приспустило свои треугольные латинские паруса, когда поравнялось с яхтой Шелли, и его капитан крикнул сквозь разделявшую их темную воду, предлагая пассажирам *Дон Жуана*перейти на его борт.

Кроуфорд почувствовал, как напряглось его горло, когда Шелли выкрикнул: — *Нет!* Фелюка уже удалялась с кормы, и Шелли приходилось не только смотреть назад, но и задираť голову, чтобы увидеть ее с того места, где он скорчился возле борта накренившейся палубы *Дон Жуана*.

— Разрушь пентаграмму, — сказала облитая серебром женщина, сжимаясь от давящего на нее солнечного света, — и я пощажу их всех — детей, ту женщину — всех их. Только сделай это сейчас. Я и так уже ослабла настолько, что едва уцелею после того, как спасу Шелли.

— Отпусти ее, Майкл, — неожиданно сказала Джозефина. — Ты не можешь убить его сестру!

«*То же*, — с горечью подумал Кроуфорд, — ты хотела сказать, не могу убить его сестру *то же*, вдобавок к *твоей* сестре, это ты хотела сказать?»

— Вспомни, что она обещала Шелли, — сказал он. И голос его был резким словно скрежет скал и шорох песка.

— Ты тоже женщина, — сказала Ламия Джозефине, — и тоже его любишь. Мы с тобой похожи, *одинаковы* в этом. Я позволю тебе быть с ним — оставлю вас двоих — если ты просто позволишь мне спасти моего брата. Я не знаю, почему твой Майкл желает его смерти.

— Он ревнует, завидует Шелли, — сказала Джозефина, — потому что Шелли... *обладал* тобой здесь, месяц назад.

Кроуфорд повернулся к Джозефине, чтобы опровергнуть ее слова, но в этот миг капитан удаляющейся фелюки прокричал: — Если не хотите подняться на борт, ради всего святого, спустите паруса или вы погибли! — и Вильямс, чье скороспелое решение вдребезги разбилось при первых признаках приближения настоящей смерти, бросился к фалам [\[357\]](#), чтобы последовать его совету.

Шелли прыгнул вперед и ударом кулака отбросил его от паруса, и *Дон Жуан*, с трудом

преодолевая вздымающиеся волны и туманом окутывающий его дождь, все еще под полными парусами, поплыл дальше в бушующий шторм.

Кроуфорд увидел, как Вильямс — нет, это была Джозефина — кинулась к пентаграмме, собираясь разрушить линии, но Кроуфорд поймал ее за руку и отбросил назад на песок.

Человеко-подобные существа, составленные из кремнистого песка, возвышались вокруг них, в бессильной ярости или, быть может, горе, размахивая беспальными руками, а деревья позади на склоне с треском ломались и падали, словно сам холм пробуждался и сбрасывал свои органические покровы. Море бурлило, словно кипящий котел, а в небе метались полчища взволнованных духов.

— Майкл, — позвала женщина, стоящая в пентаграмме.

Он беспомощно взглянул на нее. На ее перламутровой коже появились ожоги. Непостижимо, но в ее неземных глазах все еще светилась любовь. «Ни один человек, — подумал он, — не смог бы продолжать любить меня после всего этого».

— Теперь уже слишком поздно, — сказала она. — Я сегодня умру. Позволь же мне хотя бы умереть на пути к нему, пусть мне уже не успеть к нему на помощь.

Он понимал, что только тот, кто воистину себя ненавидит, мог *продолжать* эту пытку, мог остаться холодным к ее мольбам, и спросил себя, узнают ли когда-нибудь Джозефина, Мэри и ее ребенок достаточно, чтобы испытывать благодарность к такому человеку — человеку, что был для этого выбран.

— Нет, — ответил он.

Дон Жуаншел ко дну под нависшим над ним темным, бушующим небом; вода потоками лилась через планширы, но туго надутые паруса все еще тащили его вперед.

Шелли цеплялся за ограждение. — Прощай, Айкмэн, — сказал он, вынужденный выплюнуть соленую воду, прежде чем смог говорить.

— Кроуфорд, — сказал Кроуфорд, внезапно подумав, что это было важно. — Меня зовут Майкл Кроуфорд.

Кроуфорд почувствовал натянутость улыбки Шелли, когда тот запрокинул лицо к теплему дождю над сплошным потоком воды, рвущимся внутрь через планширы. — Прощай, Майкл Кроуфорд.

— Я все еще могу освободить ее, — услышал Кроуфорд свой голос.

— Нет, — с каким-то отчаянно удерживаемым спокойствием сказал Шелли. — Останься со мной.

— Прощай, Шелли, — только и сумел сказать Кроуфорд.

Он почувствовал, как Шелли отцепил руку от ограждения, чтобы махнуть ему на прощанье.

Кроуфорд уловил последнюю мысль Шелли, когда молодой поэт обреченно позволил ногам оторваться от палубы, разжал пальцы и позволил свирепо голодному морю смести его в свою разверстую пасть: унылую признательность, что он никогда не учился плавать.

Затем рот Кроуфорд внезапно оказался забит горячим песком, когда он упал лицом вниз, хватая ртом воздух, хотя не его легкие раздирала в этот миг на части заполнившая их холодная вода.

Через минуту или две его дыхание успокоилось, и он смог поднять от земли облепленное песком лицо.

Женщина в пентаграмме немисливо съеживалась, иссыхая под палящими лучами солнца. Она была теперь больше похожа на рептилию, чем на человека, и вскоре в ней

безошибочно угадывалась змея. Ее блестящие чешуйки отливали пурпуром и золотом. И словно вторя туманной буре, в которой обрел свой конец *Дон Жуан*, трясущийся холм выбросил вверх облако пыли, а затем налетел яростный ветер, разметающий земляные фигуры облаками жалящих песчаных брызг.

Сжавшееся создание одарило его последним затуманенным взглядом полным любви и страдания, а затем перед ним была лишь маленькая статуя, лежащая в центре нарисованной на песке пентаграммы. Ветер утих, и он снова остался один, с Джозефиной, сидящей на песке и потирающей руку.

Кроуфорд чувствовал себя неприятно опьяненным, потерявшим связь этим миром. «Бросаю женщин направо и налево», — подумал он, наклоняясь чтобы поднять маленькую статую; он отвел руку назад, а затем как можно дальше запустил статую по дуге в воды залива. Она, казалось, надолго зависла в воздухе, медленно вращаясь, прежде чем, наконец, устремилась вниз и с тихим, едва заметным всплеском скрылась под водой.

Казалось, все кубические мили нагретого воздуха начали вибрировать, словно кто-то брал чудовищный дозвуковой аккорд на немыслимо огромном космическом органе.

К тому времени, как он отвернулся от моря, Джозефина уже поднялась на ноги и теперь одарила его слабой, смущенной улыбкой. — Мы сделали это, — сказала она, голос ее был тихим, но выше чем обычно. — Сделали, как и собирались. На минуту мне даже показалась, что я припоминаю, что это было. Теперь я... Она помотала головой, и хотя она улыбалась, ему показалось, что она готова расплакаться. — Я совсем не помню, что это было.

Кроуфорд приблизился к ней и нежно взял ее руку, за которую лишь недавно рванул ее назад. Он знал, что нужно сказать, и попытался придать голосу оттенок значительности. — Мы спасли Мэри и ее сына — и помогли спасти Джейн Вильямс и ее детей.

Губы Джозефины были чуть приоткрыты и она, щурясь, посмотрела вокруг на окружающие их море, песок и скалы. Вдали над морем относилось облако пыли, исторгнутое из чрева холма.

— Чудовищно, — сказала она. — Я никогда не постигну всего, что мы сделали, но это было чудовищно.

Они пошли к северу вдоль берега моря. Кроуфорд хотел взять ее за руку, но это казалось слишком обыденным, совершенно не подходящим к величию этого момента. В голове царил едкий металлический привкус крови Шелли. Ему казалось, что он утратил последние нити, связывающие его с этим миром, и он был смутно рад, что одет, так как вряд сумел бы сейчас правильно натянуть одежду — вспомнить, что за чем следует и какой стороной одевается. Время от времени он поглядывал вниз, чтобы убедиться, что все еще идет.

Впереди показалось приземистое каменное строение Каза Магни, и вскоре после того, как они туда добрались, он обнаружил себя пьющим вино и весело беседующим с Мэри и Джейн.

Он сделал усилие, стараясь понять, о чем говорит, и был странным образом успокоен, обнаружив, что рассказывает женщинам, что их мужья планировали покинуть Ливорно после полудня и, вне всяких сомнений, должны прибыть этим вечером. — Перси шлет тебе свою любовь, — вспомнил он передать Мэри.

Этой ночью они целомудренно спали в комнате, которую им выделил Шелли, и были разбужены в полночь отдаленным неземным пением далекого хора, что, казалось, расположился на небесах и в море, и на холмах позади дома. Не говоря ни слова, они встали и направились в столовую и, открыв стеклянные двери, вышли на террасу.

Снаружи пение зазвучало немного громче и глубже. Прилив отступил от берега так далеко, что если бы Шелли и Вильямс действительно прибыли этой ночью, им пришлось бы как следует постараться, чтобы найти стоянку хоть сколько-нибудь близкую к дому — и беззащитные морские раковины и черные дюны мокрого, поросшего водорослями песка, казалось, вторили нечеловеческому хору.

Дом скрипел, словно аккомпанируя хору, и, когда ему пришлось шагнуть в сторону, чтобы удержать равновесие, Кроуфорд осознал, что дом трясся от землетрясения.

— То же самое было на прошлой неделе в Монтенеро, — прошептала Джозефина, — в ту ночь, когда Байрон убил Аллегру. Это погребальный плач Земли.

Когда они вернулись внутрь, Джозефина настояла на том, что остаток ночи проведет в комнате для женской прислуги; слишком утомленный, Кроуфорд молча согласился и один вернулся в их комнату.

Любви жемчужину ныряльщик не достанет
Коль брошен был, прекрасная Фелис,
В вод леденящих низ.

— А. Ч. Суинберн, *Felise*

Мне было утешеньем,
Что не было и тени в ней людского существа...

— Перси Биши Шелли [\[358\]](#)

Следующим утром Мэри Шелли и Джейн Вильямс встали рано и сидели за утренним кофе, с волнением изучая голубой горизонт залива; Клэр поднялась позже и вызвалась добровольцем наблюдать с террасы, пока ее подруги пытались читать, скрывая от детей свое беспокойство — но лишь когда солнце далеко перевалило за полдень и начало клониться над Портовенере, а ни один корабль так и не показался, троицу начала охватывать неподдельная тревога.

Джозефина снова возилась с детьми, исполняя обязанности гувернантки, и Кроуфорд провел весь день, пьянствуя на террасе. Клэр стояла у перил рядом с ним, но они почти не говорили.

Этой ночью он и Джозефина снова спали раздельно.

* * *

В полночь Джозефину разбудил едва слышный шепот, доносящийся снаружи. Она выбралась из кровати и оделась, сумев не разбудить при этом никого из слуг, а затем спустилась вниз по лестнице на первый этаж, и, миновав лодку, в которой она спасла Кроуфорда три недели назад, вышла наружу, на все еще теплый посеребренный луной песок.

На берегу стоял мужчина, и когда она шагнула наружу из-под арок, он повернулся навстречу и протянул ей руку.

Должно быть целую минуту ни один из них не двигался; затем она глубоко вздохнула, потянулась и взяла предложенную руку своей изувеченной левой рукой.

Они направились на юг по берегу моря, забирая вверх по склону, когда к ногам подбирались волны, и забредая на влажную песчаную полосу, когда вода отступала.

Спустя несколько прошедших в молчании минут она заглянула в серебристые глаза своего спутника. — Ты мой друг из Альп, — сказала она, напоминаяще изгибая свою искривленную руку в его. — С чего они думают, что ты этот Полидори?

— Я также и он, до некоторой степени, — ответил мужчина. — Он настойчиво искал кого-нибудь из моего рода, после того как покинул этих поэтов, а я был... доступным и полным жизни. Благодаря тебе, благодаря тому, что ты мне дала. Так что я завладел им, и

когда он лишил себя жизни... — не знаю как это лучше сказать — крупинцы внимания... или, скажем, семена; так вот, семена, которые я посеял в его крови, проросли и я восстал из его могилы.

Джозефина нахмурилась. — Значит теперь вас тут двое? Тот, кто его укусил и тот, кто развился из его мертвого тела?

— Индивидуальность не столь жестко квантуется в нашем случае как в твоём. Мы словно волны, разбегающиеся по поверхности пруда или поросшего травой луга; ты можешь нас видеть благодаря тем материальным предметам, которые мы движем, но сами мы этими вещами не являемся. Даже семена, что мы сеём в людскую кровь, не являются физическими объектами. Это своего рода удерживаемое внимание, словно луч прорезного фонаря, следящий за объектом, движущимся в темноте. Моей сестре пришлось пройти через страдания и боль, чтобы собрать свой фокус в точке, где ее действительно можно было убить, но даже тогда она, наверное, не умерла бы, если бы не была связана с Шелли узами родства.

Джозефина бросила на него осторожный взгляд, но его лицо по-прежнему хранило безмятежность. — Эта индивидуальность подле тебя, — продолжил он, касаясь своей груди, — может присутствовать одновременно в любом числе жизненных форм, так же как быть одновременно Полидори и незнакомцем, которого ты пригласила в свою комнату той ночью в Швейцарии.

На берег набежала, закручивая пенные водовороты, слабо светящаяся в лунном свете волна, и они шагнули вверх по склону, чтобы ее избежать.

— Это было давно, — тихо сказала она.

— Время не имеет значения для моего рода, — ответил ее спутник. — Ему не обязательно что-то значить и для тебя. Пойдем со мной, и живи вечно.

Какая-то подавленная часть разума Джозефины была чрезвычайно напугана этим предложением, и она нахмурилась в обступившей их темноте. — Как Полидори?

— Да, именно так. Ты сможешь выплывать на поверхность своего разума, только когда захочешь очнуться ото сна.

— Вы сейчас здесь, Полидори? — с истеричной ноткой в голосе спросила Джозефина. — Дайте о себе знать.

— Добрый вечер, Джозефина, — сказал ее собеседник изменившимся голосом, который все еще хранил некоторую напыщенность. — Для меня истинное счастье наконец-то встретиться с вами.

— Вы находили вашу жизнь невыносимой?

— Да.

— А теперь, вам удалось избавиться от тех... обстоятельств, тех воспоминаний? Ее лицо казалось расслабленным, но сердце бешено колотилось.

— Да.

— Вы ненавидите моего... вы ненавидите Майкла?

— Нет. Это осталось в прошлом. Я ненавидел его и Байрона и Шелли, всех этих людей, у которых было то, чего я так страстно желал — божественная связь с Музами. Я отдал все, что имел, отдал даже *самого себя*, но Музы по-прежнему отказывали мне в этом, хотя они и завладели мной.

— А теперь, вы теперь жалеете что согласились? — спросила она, удивляясь нетерпению, прозвучавшему в ее голосе. — После того, как они не выполнили условий

соглашения, которое вам казалось, вы заключили?

— Нет, — ответил он. — Я теперь живу вечно. — Мне больше нет нужды писать стихи — я теперь сам *ожившая* поэзия. Все ночи теперь мои и все песни земли, и те извечные ритмы миров и составляющих их мельчайших частиц, что никогда не меняются. Я лицезрел Медузу, и то, что для человека выглядит словно несущий смерть безжалостный рок, на самом деле является рождением. Люди появляются на свет из горячего лона человечества, но это всего лишь... словно цыпленок, оперяющийся в яйце. Настоящее, окончательное рождение происходит после этого, это рождение из холодной земли. Все, что когда-либо ты хотела оставить позади, остается там.

Луна все ниже клонилась над водой, серебряным пламенем зажигая верхушки волн, что сомкнулись над Шелли и его лишенной жизни и обратившейся в камень сестрой.

— Я теперь Полидори, но также и тот, кого ты помнишь, — сказал ее спутник снова изменившимся голосом.

— Его сестра, — сказала Джозефина. — *Твоя* сестра. Она мертва.

— Да, — невозмутимо ответил ее собеседник. — Смерть нечасто приходит к нам, но она умерла.

— Я убила ее, помогла ее убить.

— Да.

Внезапно на правой щеке Джозефины блеснули слезы. — Я — мне так жаль, что я бросила тебя в Альпах, — хрипло сказала она. — И мне так жаль, что я отвергла тебя тогда, на той улице в Риме, перед домом Китса. И мне, мне очень жаль, что я помогла убить твою... сестру. Некоторое время она шла в молчании. — Сестры не должны погибать, — прошептала она.

— Никто не должен погибать, — сказал ее спутник. — Мы предлагаем вечную жизнь для всех.

Джозефина остановилась и обратила к нему лицо, хотя глаза ее были закрыты. — Ты все еще хочешь *быть* со мной? — с робкой надеждой спросила она.

— Конечно, — ответил он, нежно положив ей руку на шею и склоняя лицо к ее горлу.

* * *

Мэри, Клэр и Джейн Вильямс чуть не бились в истерику, когда следующий день перевалил за середину, а *Дон Жуан* так и не появился, и Кроуфорд согласился отправиться обратно в Ливорно, чтобы разузнать, отплыл ли оттуда Шелли на самом деле. Джозефине нездоровилось, и она лежала в постели, так что в одиночестве, заранее пытаясь придумать, как сообщить женщинам дурные вести, он отправился вдоль берега на север в Лериче, где нанял судно.

К вечеру он прибыл в Ливорно и обнаружил, что Трелони и Робертс все еще были в Глобусе, и выражение обеспокоенной надежды на их лицах сменилось отчаянием еще до того, как они успели его хоть о чем-нибудь расспросить, так как по лицу Кроуфорда они поняли, что *Дон Жуан* так и не прибыл в Каза Магни после того, как двумя днями ранее исчез в объятиях сомкнувшегося вокруг него шторма.

Байрон все еще был в Пизе, и после унылого, приглушенного разговора в вестибюле Трелони вызвался добровольцем отправиться на север, чтобы сообщить ему, что Шелли и Вильямс, по всей видимости, утонули.

Трелони отбыл рано утром на следующий день и возвратился ближе к вечеру. Он сказал, что Хант и Байрон, оба были заметно расстроены этой новостью, и Байрон послал вместе с Трелони слугу, чтобы он служил курьером, и настоял на том, чтобы Трелони отплыл на *Боливарена* поиски *Дон Жуана*, чтобы окончательно убедиться в гибели Шелли. И на следующий день, когда курьер, взяв быстроходную лодку, направился на север, чтобы доставить краткое неутешительное письмо в Каза Магни, Трелони, Робертс и Кроуфорд медленно поплыли в том же направлении, держась береговой линии и изучая берег в поисках любых признаков корабля Шелли.

Кроуфорд отправился с ними, вместо того чтобы уплыть с курьером, так как даже мысль о том, что придется смотреть в лицо несчастным женщинам, казалась ему невыносимой. За последние два дня его чувство дезориентации только усилилось — оно настолько сбивало его с толку, что он не мог дать быстрый ответ даже на такие безобидные фразы как «Доброе утро», и то, что Джозефина не говорила с ним со дня убийства ламии, пришлось как нельзя кстати.

В тот день они так и не обнаружили никаких следов *Дон Жуана*.

Вечером, возвратившись в Глобус, они узнали, что Мэри, Клэр и Джейн Вильямс вернулись этим утром вместе со слугой Байрона и отбыли в Пизу, чтобы в ожидании вестей остановиться у Байрона в Палаццо Ланфранки. Джозефина же предпочла остаться в Каза Магни со слугами Шелли. Чему Кроуфорд смутно был рад.

Он, Трелони и Робертс искали еще в течении пяти, прошедших словно в тумане дней, и прекратили поиски, лишь когда их достигло известие, что были обнаружены два тела, одно из которых предположительно принадлежало Эдварду Вильямсу, прибитые к берегу близ устья реки Серкио [\[359\]](#), в пятнадцати милях к северу от Ливорно.

Санитарные служащие похоронили тела, прежде чем Байрон и Хант успели туда добраться, чтобы их опознать, и выставили Байрону счет за погребение; Трелони показал Кроуфорду этот счет, заметно разозленный расходами на санитарные нужды, которые включали «определенные металлы и овощные луковицы». На что Кроуфорд сказал ему, что, пожалуй, есть более важные вещи, о которых сейчас следует беспокоиться.

На следующий день в пяти милях на север было найдено еще одно тело. Портовые власти почти не сомневались, что оно принадлежало Шелли. Трелони метал гром и молнии, без церемоний напирая на то, что Байрон был английским пэром, и, в конце концов, заставил их отложить погребение до тех пор, пока тело не будет опознано.

В пятницу *Боливаре* еще раз отплыл к северу и встал на якорь, когда они увидели на берегу близ Виареджо [\[360\]](#) с полдюжины тосканских солдат машущих им руками. Кроуфорд оперся на ограждение *Боливара*, вяло размышляя, зачем понадобилось пригнать сюда столько солдат, чтобы охранять одного уопленника.

Робертс спустил лодку и вместе с Кроуфордом и Трелони сквозь невысокие волны прибоя погреб к берегу.

Когда Кроуфорд, шлепая по воде, выбирался через мелководе на берег, он заметил распростертое тело, вокруг которого столпились солдаты. Поблизости на деревянном поддоне лежало несколько полотняных мешков, а рядом вертикально воткнутые в песок, словно лишенные парусов мачты, стояли четыре лопаты. Толпа оборванных зевак, скорее

всего рыбаков, наблюдала за всем этим с песчаной возвышенности в сотне ярдов от них. Кроуфорд посмотрел на тело.

Плоть на лице и руках была обглодана до самых костей, и солдаты заверили прибывших англичан, что это сделали рыбы.

Трелони и Робертс лишь безучастно кивнули, но Кроуфорд снова поднял взгляд на толпу отталкивающих наблюдателей и припомнил того старика, что одеваясь священником, проникал в больницу Гая и воровал кровь известного сорта трупов. Интересно, каким словом обозначали *неффов* Италии. Теперь он, пожалуй, знает, зачем здесь столько солдат. Он подумывал направиться вверх, к этим молчаливым фигурам, но боялся, что может окончательно утратить связь с разумным миром, если увидит... скажем, вилку... в руке одного из них.

Он отвернулся и сплюнул на песок, так как вкус крови Шелли, словно невыветриваемый трупный запах, стоял у него во рту.

Он вновь посмотрел на обнажившийся череп Шелли. Несколько светло-желтых волосков все еще цеплялись за него, и он вспомнил, как эти волосы беспорядочно рассыпались вокруг лица, когда Шелли возбужденно запускать в них руки. Кроуфорд попытался вызвать у себя хоть какую-нибудь грусть от того, что созерцает Шелли в столь неприглядном виде, но обнаружил, что не может увидеть в трупе у его ног что-то большее, чем просто труп; он уже сказал прощай этому человеку одиннадцать дней назад, когда выпитая им кровь связала его с Шелли, цепляющимся за ограждение идущей ко дну лодки.

Трелони, напротив, мерил берег большими шагами, с руками, сжатыми в кулаки, изрыгая богохульства и проклятья, чтобы скрыть несомненно охватившее его горе. А Робертс выглядел еще более растерянным, чем обычно.

Несмотря на отсутствующее лицо, тело, несомненно, принадлежало Шелли. На нем все еще были нанковые брюки и его матросская куртка, из кармана которой Трелони мелодраматически извлек принадлежавшую Ли Ханту копию *поэм* Китса. Кроуфорд заметил, что перегнутая книга открылась на поэме «Ламия».

Отвечающий за солдат чиновник непрерывно зевал и пожимал плечами, словно пытаясь всем своим видом показать, насколько обыденной рутинной было все происходящее, и словно желая еще больше дистанцироваться, он заговорил с ними по-английски. — Это тело, — сказал он, — надо его хоронить сейчас, как можно сейчас. Позже вам надо его сжигать, и остальные тела также. Такой правила. С этими... *средствами*... обильно на их телах, прежде, когда они сожженные. Он махнул рукой на матерчатые мешки. — Санитарные предписания, закона.

— Опять эти их чертовы средства первой необходимости, — раздраженно проворчал Трелони. Как те овощи и металлы, за которые они заставили заплатить Байрона. Он повернулся к Кроуфорду. — Что, черт возьми, он пытается сказать?

— Я думаю, — сказал Кроуфорд, — он имел в виду, что сейчас мы должны похоронить эти тела, но потом мы должны их откопать и кремировать. А когда мы будем придавать их земле, мы должны вывалить на трупы содержимое этих мешков.

— А *что* там? — спросил Трелони, при этом его черная борода, казалось, встопорщилась от подозрений. — В этих мешках?

Кроуфорд приблизился к мешкам, потрогал один из них, а затем понюхал палец. — Негашеная известь [\[361\]](#), — ответил он, прежде чем чиновник сумел подобрать подходящее английское слово. Она чертовски раскаляется при взаимодействии с водой или содержащим

влагу предметом. Его английские попутчики, казалось, были готовы возразить, но Кроуфорд снова посмотрел на толпу наблюдателей и сказал: — я думаю — это хорошая идея.

Под палящим солнцем они предали тело Шелли земле, а затем вывалили поверх него известь и, поспешно работая лопатами, набросали сверху песок на исходящее паром подобие бывшего человека. Толпу наблюдателей после этого как ветром сдуло. Когда она разошлась, Кроуфорд, Трелони и Робертс вброд добрались до оставленной лодки и погребли обратно к *Боливару*.

Они поплыли обратно в Ливорно, пока солнце по правому борту клонилось над Лигурийским морем. Ранним вечером они вернулись обратно в отель Глобус, но Трелони задержался лишь на время, потребовавшееся чтобы осушить бокал вина, а затем умчался на юг, чтобы доставить последние известия Байрону и женщинами.

Кроуфорд засиделся допоздна, выпивая в одиночестве на балконе, смотрящем сверху на порт. Вода была темной, но испещренной то здесь то там желтым светом, льющим из иллюминаторов нескольких судов, на борту которых оставались люди, прибрежные же районы в эту пятничную ночь были необычайно тихими; единственными звуками, нарушавшими тишину, были слабо доносящийся шелест прибоя и дыхание ветра, словно музыка невидимого флейтиста, струящаяся вдоль черепичных крыш над и под ним.

Как когда-то давно, в карете Байрона снаружи Женевских стен, выпитое вино, казалось, прояснило его разум, вместо того чтобы его затуманить, даже несмотря на то, что бокал, из которого он его сейчас пил, был самым заурядным стеклом, а не аметистовой чашей.

В какой-то момент этого долгого, нестерпимо жаркого дня он решил, что назавтра истратит оставшиеся деньги Шелли, чтобы нанять лодку до Каза Магни... а затем попросит Джозефину выйти за него замуж. Его жизнь едва ли была пределом мечтаний, но Джозефина была лучшей и самой значимой ее частью, и теперь — когда он начал оправляться от шока, вызванного убийством ламии — он понимал, что не сможет жить, если ее потеряет.

Только обещая себе, что женится на ней и сделает остаток ее жизни счастливым и безоблачным, он мог думать обо всех тех лишениях, которые выпали на ее долю с тех пор, как она покинула Англию — увечий, холода и голода, одиночества и повторяющихся периодов безумия... или вспоминать естественно присущую ей отвагу и преданность, ее внутреннюю силу, которая несколько раз оказалась превосходящей его собственную...

Он осушил еще один бокал, и ему пришло в голову, что и жизнь в Англии была для нее не меньшим кошмаром. Очевидно, ее всегда молчаливо винили в смерти матери, как отец, так и сестра Джулия, которая столь легкомысленно вышла за него замуж целую вечность назад. Он вспомнил, как Джулия с готовностью рассказывала ему о жалких попытках Джозефины *быть* Джулией, и о том, как сама Джулия бессердечно развенчивала ее притязания.

То, что Джозефина все еще может кого-то любить, что она еще может с таким чувством заботиться о людях — как, например, о нем, Китсе, Мэри Шелли и детях — что она готова пожертвовать своей искалеченной жизнью, чтобы сделать это, было очевидным свидетельством души, о которой нужно заботиться и беречь как зеницу ока.

В этом мире для нее не было места, и мир вне сомнений уничтожит ее — вероятно очень скоро — если он не сделает все, что в его силах, чтобы ее защитить.

Медицинская карьера была для них теперь вне всяких сомнений заказана, по крайней мере, в Италии, но, несомненно, где-нибудь здесь должно найтись место, где два усталых покалеченных человека смогут обрести спокойную и размеренную жизнь. Вряд ли в этом

мире осталась еще хоть какая-то не пролитая на них злоба.

Воодушевленный выпитым вином и этим своим решением, он рано отправился спать, так как хотел быть в Каза Магни к полудню.

* * *

На судне, которое он нанял, не было шлюпки, чтобы высадить пассажира на берег, и когда капитан спустил якорь, собираясь дожидаться его возвращения, Кроуфорду пришлось по пояс в воде пробираться в низких волнах прибоя к пляжу перед Каза Магни; женщина из прислуги Шелли, стоящая на террасе, приветственно махнула ему рукой и дожидалась его в столовой, когда он, пройдя через покрытые наносами песка плиты первого этажа, поднялся по лестнице.

Служанка, которую как он припомнил, звали Антония, поспешила к нему по укрытому ковром полу. — Здесь только я и Марцелла, и Джозефина все еще здесь, сэр, — быстро сказала она по-итальянски. — Есть какие-нибудь новости о мистере Шелли?

— Он мертв, Антония, — на том же языке ответил Кроуфорд. — Его тело обнаружили вчера прибитым к берегу, в двадцати милях к югу от этого места. И Вильямс мертв тоже.

— Боже правый. Антония поспешно перекрестилась. — Бедные их дети.

Кроуфорд лишь кивнул. — Они справятся, — нейтральным тоном сказал он. — Где сейчас Джозефина?

— В той комнате, что принадлежала мистеру Шелли.

«А после этого ненадолго была ее и моей», — подумал Кроуфорд, направляясь к закрытой двери. Он тихо постучал. — Джозефина? Это я — Майкл. Позволь мне войти, мне нужно кое о чем с тобой поговорить, и там возле дома... нас дожидается лодка.

Ответа не последовало, и он с вопросительным выражением повернулся к Антонии.

— Она сказалась больной, сэр, — сказала Антония. — Солнце режет ей глаза...

Кроуфорд повернул ручку и отворил дверь. Занавески на окнах были плотно задернуты, не пропуская внутрь солнечный свет, но он увидел Джозефину, в ночной сорочке лежащую поперек кровати. Ее потные волосы спутанными прядями обвивали лицо и шею, словно она была утопленницей доставленной сюда на опознание. Окно было открыто, но занавески едва шевелились в стоячем расплавленном летнем воздухе.

На негнущихся ногах он приблизился к кровати и приложил руку к ее лбу. Кожа на нем была сухой, а его глаза достаточно приспособились к полумраку, чтобы он разглядел, насколько бледной она была.

Он нерешительно потянулся и отвел в сторону влажные пряди волос, облепившие ее горло. На белой коже отчетливо виднелись две красные отметины укуса.

«Нет, — спокойно, почти обыденно, хотя сердце, словно кузнечный молот, грохотало по ребрам, отметил он. — Только не это. Этого не могло случиться. Нет»... Он опустил на пол возле кровати, и понял что плачет, только когда осунувшееся лицо Джозефины затуманилось и растворилось в узоре штор, словно лицо, угадываемое в смятых контурах постельного белья, исчезающее, стоит лишь немного подвинуться.

«Только не *теперь*, — думал он, — не теперь, когда я, наконец, освободился от ламии,

теперь, кода мы с Джозефиной слишком стары и разбиты, чтобы снова взбираться на Альпы»...

Он сморгнул слезы и увидел, что ее глаза чуть-чуть приоткрыты, косясь на него сидящего снизу. — Дорогой! — прошептала она. — Приходи сюда ночью. Мы все еще можем быть все вместе... Ее губы изогнулись в натянутой улыбке.

И тогда он бросился бежать, перепрыгивая по две ступеньки за раз, а потом его больная нога подвернулась, и он скатился вниз на усыпанный песком пол первого этажа, вывихнув лодыжку и крепко приложившись головой о каменные плиты.

Он вспомнил насылающее безысходность поле, что словно дозвуковая вибрация висело над вершиной Венгерн. В этот миг он всем своим существом жаждал еще раз окунуться в его гнетущую трясину, так как боялся, что ему неостанет силы характера, чтобы застрелиться, или принять яд, или прыгнуть с высоты, без такой посторонней помощи.

«Нашел о чем беспокоиться, — уныло подумал он, хромая к морю сквозь устилающий берег песок, а затем начал с трудом пробираться вброд к ожидающей его лодке; — несомненно, должны найтись и другие способы — не столь *резкие* как пистолет, цианид или высокий балкон, но в этом затяжном деле сгодится каждая мелочь. И веры во мне осталось ровно настолько, чтобы знать, я что-нибудь отыщу».

Голова моя тяжела, изнурены усталые члены,
И не жизнь уж теперь движет мной.

— Перси Биши Шелли

Байрон, прищутив глаза, смотрел на воды узкого канала Ливорно, блестящего в солнечном свете внизу справа от него, и, несмотря на все отвратительные вещи, что он слышал о месте, в которое направлялся, он с нетерпением ожидал момента, когда туда доберется, так как его осведомители все в один голос твердили, что место это очень мрачное.

На нем была широкополая шляпа, отчасти для того, чтобы его не могли опознать в этом захудалом районе, но, главным образом, чтобы защитить его от солнца — его кожа всегда была склонна к бледности, но в последнее время она казалось обгорала на солнце столь же легко, как какой-нибудь британский клерк в свой первый день в отпуске.

Байрон был в скверном расположении духа. Его сегодняшняя затея, скорее всего, обернется лишь потерей времени, а время, казалось, было как раз тем, чего ему в последние дни не хватало; из-за Хантов и их совершенно невоспитанных сопляков, гостящих в Каза Ланфранки на этаж ниже его апартаментов, Клэр Клэрмонт, Мэри Шелли и Джейн Вильямс бродящих погруженными в горе, и всех этих встреч с итальянскими санитарными властями, он был счастлив получить, наконец, возможность покончить со всеми делами, связанными с *Дон Жуаном*.

И вот назавтра ему предстоит отправиться на эксгумацию и кремацию тела Эдда Вильямса, а еще через день то же самое нужно проделать с телом Шелли.

Он не особо горел желанием это делать. Тела были погребены в неглубокие песчаные могилы почти четыре недели назад, и он не был уверен, что было бы большим потрясением: снова их откопать, или обнаружить могилы пустыми. Последнее было вполне возможным — морская вода, чеснок и серебро, с которыми санитарные власти их похоронили, должны были их замедлить, но все равно они пробыли в земле гораздо дольше, чем Аллегра. Хотя, возможно, маленькие тела преобразовываются быстрее.

Байрон прервал свои размышления, так как впереди, справа от него, через канал был перекинут узкий каменный мост, о котором ему говорили — на его обращенной к воде стене были исполнены в виде барельефа три стилизованных волка, и Байрон без всякого удивления заметил, что вандалы отбили две ноги у средней фигуры и одну у дальней. Так что левая была четвероногим волком, дальше следовал двуногий, а последний был трехногим.

Он изучил ближайшую к нему опору моста, и у него упало сердце, когда он увидел почерневшие от времени деревянные ступени, ведущие вниз к воде. Сам того не осознавая, он надеялся, что ступени окажутся развалившимися, а место, в которое они вели, закрытым и давно заброшенным.

Он покосился вверх на проржавевшие железные балконы окружающих зданий, но никто, казалось, не взирал на него поверх цветочных горшков или бельевых веревок, так что он еще ниже надвинул на глаза шляпу и неохотно двинулся дальше.

Ступени были расположены так близко к мосту, что ему пришлось пригнуться, чтобы

попасть внутрь, под его изъеденную непогодой каменную арку, а их конструкция оказалась настолько шаткой, что он крепко цеплялся за перила, несмотря на грязь, которую они оставляли на его замшевых перчатках. Теперь он отчетливо различал голоса, доносящиеся снизу, и лишь вес пистолета в кармане пиджака немного его успокаивал.

Ступени вели вниз на утопающий в тени причал, который тянулся в нескольких ярдах над лениво плещущей водой, а слева от него в каменной стене канала был проделан дверной проем. Деревянная дверь была раскрыта, но внутри мерцали лишь крохотные тусклые островки света. Влажный ветерок, громахающий охрипшими голосами, пропитанный душным зловонием мокрой глины и спирта и немых тел, выдыхался наружу из раскрытой каменной пасти, словно сама земля опустошала содержимое пораженных болезнью легких.

Байрон шепнул проклятье и шагнул внутрь. Его глаза быстро приспособились к царящей вокруг темноте.

Вдоль одной стены протянулась длинная барная стойка, на полках которой в ряд выстроились бутылки, а столы со стоящими на них маленькими светильниками были установлены на неровный каменный пол. Сгорбленные фигуры в нескольких креслах оказались при внимательном рассмотрении людьми; время от времени один из них что-нибудь бормотал своему соседу или поднимал бокал и отхлебывал из него.

Затем Байрон различил мужчину в фартуке стоящего за барной стойкой, и в свете свечи на одной из полок увидел, как тот вопросительно поднял брови. Байрон рассеянно ему махнул и снова повернулся к залу, пытаясь заглянуть в самые отдаленные уголки — и неожиданно осознал, что помещение это с низко нависающим потолком было гораздо просторнее, чем ему показалось сначала. Небольшие островки света, которые сперва показались ему свечами, установленными на довольно близкой стене, оказались на самом деле лампами на дальних столах.

«Через безбрежные таверны к человеку, — подумал он, коверкая строчку из Ксанаду [362] Кольриджа, — туда, где над морем померкнул солнца свет [363]».

Он направился вперед, замедляя шаг возле столов, чтобы изучить выхваченные светом лампы лица; бармен что-то выкрикнул ему вслед, но Байрон выудил из кармана банкноту в один фунт и, не глядя, бросил ее за плечо, и мужчина снова впал в молчание. Байрон слышал, как он выбрался из-за барной стойки, а затем спустя мгновение вернулся на свое место.

Пол начал клониться вниз, по мере того как Байрон удалялся от выходящей на канал двери, а зловоние становилось все хуже. Беспорядочное бормотание множества диалогов, или, быть может, монологов, многократным эхом отражалось от стен, образуя общую интерференционную картину, накладываясь друг на друга, пока Байрону не стало казаться, что из этого шума должен в конечном итоге родиться один бесплотный совокупный голос, произносящий какое-то страшное заклятье, которое, будучи услышанным, вызовет неминуемую смерть.

Впереди показалась каменная кладка, и он подумал было, что наконец-то достиг дальней стены этого места — но затем увидел, что это была просто сложенная из каменных блоков колонна, по другую сторону которой тянулась еще большая темнота; но перед колонной собралась большая толпа.

Люди, казалось, что-то очень-тихо распевали, и Байрон увидел, что на колонну было водружено выполненное в натуральную величину распятие. А из рук в руки церемониально переходила чаша, по всей видимости, золотой потир.

«Они что, Мессуздесь служат?— удивленно спросил себя Байрон. — Ничего не скажешь, *подходящее* место для причастия»!

Он подошел ближе — и заметил, что ступни распятого человека покоились в металлической лохани, а по лодыжкам вниз сбегали темные струйки крови; а затем человек повернул белобородую голову и застонал, изгибая привязанные к кресту руки.

Байрон едва не вскрикнул и обнаружил, что рука метнулась в пиджак, чтобы вцепиться в рукоять пистолета. Он, пошатываясь, добрался до ближайшего стола, и, не обращая внимания на слабые протесты расположившегося за ним одинокого пьяницы, взял с него лампу и поспешил обратно к сцене, которую он сперва принял за отправление католической мессы.

Один из мужчин, только что отпивший из потира, облизал кровавые губы и улыбнулся Байрону, чье лицо было подсвечено снизу.

— Ты его послеполуденная смена, милый? — спросил мужчина по-итальянски, передавая потир следующему в очереди. — По сравнению с нашим мальчиком ты выглядишь словно полный бочонок вина.

Байрон открыл было рот, чтобы гневно ответить, он мог бы даже пристрелить этого наглеца — но в этот миг человек на кресте открыл глаза и взглянул на него, и Байрон его узнал.

Тим Пауэрс — Кроуфорд в притоне нефандо

Кроуфорд тоже узнал Байрона.

«О, Боже, — подумал он, — уходи, я уже столько дней сношу все это, мое затяжное самоубийство почти закончено, не вытаскивай меня обратно. Я не хочу, чтобы меня вытаскивали».

Он был здесь уже целый месяц, по весьма иссушающему расписанию отворяя свои вены для томимых жаждой нефферов, и даже получал что-то сродни удовольствию от того, как этот процесс казалось дробил его индивидуальность на части. Несколько раз, когда клиент пил его кровь, он, казалось, *становился* этим клиентом, обретая способность отступить назад со вкусом собственной крови стоящим во рту и взглянуть на свое распятое тело. Фраза *Puo vedere attraverso il sangue*, что по-итальянски означало *Можно видеть посредством крови* —

казалось, была своего рода девизом этого места.

Но может быть Байрон просто уйдет. Кроуфорд затуманено надеялся, что так оно и будет.

Но вместо этого Байрон начал кричать, и отогнал осушавших потир нефферов, а затем полез наверх, чтобы отвязать запястья Кроуфорда от горизонтальной перекладины.

Нефферы начали, шаркая ногами подбираться обратно к кресту, но Байрон, держась за вертикальную стойку креста, свободной рукой выдернул и нацелил в них пистолет, и они снова подались назад.

Кроуфорд провел в этом положении несколько часов, и когда Байрон ослабил веревки, он упал прямо в его руки. Байрон спустился обратно, поддерживая тело Кроуфорда, и осторожно опустил его на каменный пол.

— Какого черта ты делаешь, — пробормотал Кроуфорд, — оставь меня в покое, не нужно меня спасать.

— Тебя может и не нужно, — тяжело дыша, произнес Байрон, — но кое-кого нужно. Это пошло в бокалах, его хоть пить то можно? А то может там кровь или моча или еще что похлеще?

— Обычно, брэнди, — ответил Кроуфорд, надеясь, что Байрон просто по ошибке завернул сюда, чтобы напиться. — Здесь его называют «граппа [\[364\]](#)».

Байрон поднялся и сграбастал бокал со стола, где раньше прихватил лампу, и одним глотком осушил половину. Затем припал к земле и поднес бокал к губам Кроуфорда, но внезапно остановился. — Боже, — сказал Байрон, — да от тебя *и так уж* еразит брэнди.

Кроуфорд вяло пожал плечами. — Брэнди внутрь, кровь наружу. Такая жизнь.

Байрон сплюнул от отвращения. — Это смерть, — сказал он, оглядываясь, чтобы убедиться, что неффи держатся на почтительном расстоянии. — Послушай, ты можешь пойти со мной или остаться здесь. На послезавтра намечено сжигание тела Шелли, и я думаю, что знаю, как использовать его останки, чтобы освободиться из сетей нефелимов. Я...

— Я уже от них свободен, — сказал Кроуфорд. — Это ты все еще там.

— А что насчет твоей девушки, Джулии или Джозефины, или как там ее на самом деле зовут? Слуги Шелли возвратились обратно в Пизу, и я знаю, что ты виделся с ней в Каза Магни, и знаю, что с ней случилось.

— Она сама посеяла свои хлеба и сама теперь пожинает. Он приподнялся, взял у Байрона чашку и осушил ее. — Она знала, на что идет, когда соглашалась. Я остаюсь здесь.

Байрон кивнул. — Ну хорошо. Я не собираюсь... *похищать* тебя, просто выведу тебя наружу, если ты решишь, что хочешь уйти. И даже это я делаю, главным образом, потому... что все еще помню, что произошло на вершине Венгерн шесть лет назад. Вы с Джозефиной спасли мою жизнь. Если ты не пойдешь со мной, я постараюсь спасти ее сам.

— Ну и отлично. Кроуфорд с трудом поднялся на ноги и стоял, покачиваясь от зловонного ветерка, массируя свои онемевшие кровоточащие запястья. — Надеюсь, у тебя это получится лучше, чем у меня. Как думаешь, мог бы ты помочь мне забраться обратно и снова меня привязать?

Байрон заметно разозлился. — Так и сделаю, как только ты узнаешь ставки.

— К чертям собачьим, я знаю ставки. Джозефина умрет, если не избавится от своего вампира. Ну, по крайней мере, она *наслаждается* этим. Все наслаждаются этим. Все, кто угодил в ее сети. Мне это тоже нравилось, пока оно у меня было. Люди, собравшиеся в этом

месте, готовы принять яд, лишь бы хоть на полчаса прикоснуться к этому.

Байрон посмотрел на людей, в нерешительности толпящихся поблизости, и фыркнул. — Думаю, ты переоцениваешь их храбрость. Они просто любят вмазать.

— Не *ты* ли страстно желал бросить все это? — добавил Кроуфорд. — Ну и что, пишешь теперь лучше прежнего?

Горькая улыбка скривила лицо Байрона. — Джозефина — это еще не все ставки.

— Твоя сестра и дети — твоя забота. А что до Мэри и детей Вильямсов, то я уже...

— И это тоже, — сказал Байрон. — Джозефина беременна.

Впервые с тех пор, как он нашел это место, эту работу, Кроуфорд почувствовал, что в нем волной поднимается неподдельная паника. — Не от меня, это невозможно! Я стерильный!

— Видимо, не такой уж стерильный. Антония, пожилая служанка Шелли, убеждена, что Джозефина пропустила месячные в прошедшем месяце и текущем, а в июле Джозефина совершенно точно больше ни с кем не... *сожительствовала*.

— Стресс, — поспешно сказал Кроуфорд, — Он может легко привести к тому, что женщина пропустит месячные, это, по всей видимости, как раз тот сам...

— Может быть, — прервал его Байрон. — Но что если это *нестресс*?

Сердце Кроуфорда грохотало, и он попробовал снова отпить из стакана, но тот был пуст. — Это ложь, — сказал он насколько мог ровным голосом. — Ты просто говоришь мне это, чтобы заставить меня уйти отсюда.

Байрон решительно покачал головой. — Не в моих правилах отговаривать кого-нибудь от самоубийства, если только он на самом деле знает, что делает. И теперь, когда ты знаешь, каково будет твое решение, идешь со мной или остаешься? Я не намерен тут задерживаться. Все, что мне нужно знать, следует ли мне и тебя прихватить.

Кроуфорд, щурясь, оглядел катакомбы. Внезапно он почувствовал себя очень уставшим, и он позволил этой усталости течь сквозь него, притупляя встрепенувшуюся на миг ясность, которую вызвало появление Байрона.

«Ну и что с того, что она беременна, — затуманенно думал он. — Во всем виноват тот проклятый моряк. *Он* пусть и вытаскивает ее из чертова горящего дома, ее и ее нерожденного ребенка. Я останусь здесь, в Галатее, где я могу обменять кровь на полента [\[365\]](#), рис и пасту — и брэнди — много брэнди».

— Ты иди вперед, Джон, — сказал он, но когда повнимательнее присмотрелся к своему соседу, увидел, что это был не Китс. «Куда же подевался Китс? Он только что был здесь — они пили кларет и херес Олоросо [\[366\]](#)».

— Я Байрон, — терпеливо ответил Байрон. — И если ты скажешь мне уйти, я уйду.

«Почему этот человек вызывал в нем такое беспокойство? Конечно, Кроуфорд хотел, чтобы он ушел. Кто вообще был этот Байрон»? Кроуфорд силился вспомнить, где мог встречать этого человека... «в Альпах? Едва ли это было возможно».

Мысль о полента напомнила ему, что он сегодня еще ничего не ел, и он потянулся к карману за куском засохшей кукурузной каши, которую, как он помнил, он туда положил — но его карманы были полны совсем других вещей.

Он нащупал железный гвоздь, липкий, словно от крови, и на миг в голове мелькнуло воспоминание, как он надавил ладонью на его острие на террасе Женевской виллы Байрона; также здесь нашелся стеклянный пузырек, но он никак не мог вспомнить, была ли налитая в него жидкость ядом, который фон Аргау поручил ему дать Джозефине, или это была порция

крови Шелли смешанная с желчью — э-э, то есть с уксусом; затем он обнаружил тот самый кусок полента, но когда он извлек его из кармана, тот оказался овсяной лепешкой с маленьким выпуклым изображением двух сестер, которые были физически соединены в области бедра. Лепешкой, которую Джозефина должна была разломить на его венчании с ее сестрой, чтобы он мог иметь детей.

Он поднял ее на уровень глаз. Все еще целую.

Теперь он понимал, что пьянство его не спасет, алкоголю неостанет сил удержать его здесь и дать ему умереть. И слезы разочарования побежали вниз по его изможденным, бородатым щекам.

Недовольные нефферы прикончили потир с его кровью, и один из них принес пустой сосуд обратно и поставил его у подножия вакантного теперь креста.

Кроуфорд раскрошил овсяную лепешку на множество кусочков и разбросал их по каменному полу. — Вы все, гости на свадьбе, — мрачно крикнул он сгорбленным фигурам, наблюдающим за ним и Байроном.

— Поднимайте крошки и жрите их, жалкие ублюдки, и брачная церемония, наконец, завершится.

Байрон все еще терпеливо, выжидаяще смотрел на него. — Я Байрон, — повторил он, — и если ты скажешь мне оставить тебя здесь...

— Я знаю, кто ты, — сказал Кроуфорд. — Пошли отсюда. От этого места лучше держаться подальше.

Кроуфорд едва мог идти. Байрон вынужден был подхватить его под правую руку, а затем шаркающей походкой двинулся вперед, таща на себе большую часть веса своего товарища, в то время как ноги Кроуфорда бесполезно сучили по каменному полу. Когда их пошатывающаяся на ходу пара медленно миновала наклонный участок пути, приблизившись к входной двери, несколько завсегдатаев этого злачного места заступили им дорогу, и один из них невнятно пробормотал, что было бы досадно позволить двум таким превосходным бурдюкам покинуть это место.

Напряженный оскал на лице Байрона растянулся в волчью ухмылку. Свободной правой рукой он снова выхватил пистолет. — Серебро и дерево, — выдохнул он по-итальянски, — пуля что надо. Можешь подохнуть также как твои идола.

Завсегдатай неохотно отступил назад, и спустя несколько мгновений Байрон и Кроуфорд, еле переставляя ноги, миновали аркообразный дверной проем. Когда Байрон повел его к деревянным ступеням, Кроуфорд прищурился поверх его плеча.

— Это не Темза, — удивленно сказал он, — и это не Лондонский мост.

— Да уж, не много же от тебя осталось, Айкмэн, — заметил Байрон, когда начал тащить их обоих вверх по лестнице.

Наверху на мостовой они остановились, чтобы перевести дух. Кроуфорд щурился от причиняющего боль слепяще-яркого уличного света, и спрашивал себя, где же, черт возьми, он находится. Он скосил глаза к носу и с удивлением увидел, что у него была борода, и что, несмотря на покрывающую ее грязь, она была белой.

— Теперь уже недалеко, — сказал Байрон. — За этим углом в нанятой карете нас дожидается Тито. Собственно, если через несколько минут я не вернусь, он должен отправиться мне на выручку.

Кроуфорд кивнул, пытаясь удержать вернувшуюся ненадолго ясность. — Как ты меня нашел? — спросил он.

— Я поручил моим слугам поспрашивать вокруг об англичанине со знаком Карбонариев на руке, который почти наверняка пытается покончить с собой. Они быстро разузнали, что ты был в одном из этих притонов, а затем похитили одного из местных *нефандос* ^[367] — так они, видишь ли, здесь величают нефферов, это к тому же означает «неспособный» или «нежелающий говорить» — и пригрозили, что убьют его, если он не выдаст расположение этого места.

Байрон презрительно фыркнул. — Тот, конечно же, сразу раскололся и, рыдая, начал лепетать, как туда можно добраться. Эти *нефандосы* — просто трусы. Даже находясь во власти своего порока, все чего они хотят, лишь безопасно скользнуть по его поверхности, словно бахвалящийся распутник, у которого хватает смелости лишь на то, чтобы подглядывать в окна спальни. Если бы они и в самом деле жаждали испытать сию чашу, они бы отправились на север, в Портовенере, где и впрямь могут *найти* вампира.

Кроуфорд кивнул. — Полагаю, так оно и есть. Они просто жаждут грез, что обретают от своих кварцевых фетишей и легких металлов... а так же в крови людей, которые были укушены. Можно видеть посредством крови. Он направился было вперед, но был вынужден снова опереться на Байрона.

— А як тому же теперь даже не *зараженный*. Но они сказали, что для ценителей моя кровь все еще заслуживает внимания — они говорят, она словно молодой уксус, в котором они могут... все еще чувствовать вкус того изысканного вина, которым она когда-то была. Он издал болезненный смешок. — Ты определенно придешься им по вкусу. Если конечно когда-нибудь впадешь в нищету...

— Благодарю. Без работы я теперь не останусь.

Некоторое время они молча хромали вперед, и Кроуфорду приходилось постоянно напоминать себе, где он находится. — Я *попытаюсь* снова подняться в Альпы, — хрипло сказал он, наконец, — ради нашего ребенка, но боюсь, что в этот раз умру задолго до того, как достигну вершины. Я был... неизмеримо моложе в 1816.

— Если мой замысел сработает, нам не придется ехать дальше Венеции, — сказал Байрон. — Думаю, я знаю, как можно ослепить Грай.

— Ослепить... Грай, — повторил Кроуфорд, печально оставляя слабую надежду разобраться хоть в чем-нибудь из происходящего.

Еле волоча ноги, они завернули за угол, и Байрон снял шляпу и замахал поджидавшей и карете.

— Этой ночью ты остановишься в моем доме в Пизе, — сказал Барон, когда карета тронулась в путь, — а завтра утром мы возьмем эту карету до Виареджо, где встретимся с Трелони, который приплывет туда на *Боливаре*. Он изготовил какую-то адскую жаровню, чтобы сжечь на ней тела. Мы же доставим свинцовые ящики для пепла.

Кроуфорд кивнул. — Я рад, что их наконец-то сожгут.

— Я тоже, — ответил Байрон. — Эта чертова Санитарная Служба всеми правдами и неправдами тянула с предоставлением нам необходимых разрешений — я думаю, кто-то высокопоставленный в Австрийском правительстве *хочет*, чтобы из песка вывелись вампиры — но теперь у нас эти разрешения есть, и мы намерены ими воспользоваться, прежде чем их успеют отменить. Я только надеюсь, что еще не слишком поздно.

— Подожди ка минуту, — сказал Кроуфорд. — Пиза? Я не могу туда отправиться — тамошняя *гвардия* разыскивает меня.

— О, господи боже, ты и вправду думаешь, что тебя *можно узнать*? Ты теперь должно

быть вешишь все девяносто фунтов ^[368]. Дьявол, да ты только посмотри на себя!

Байрон потянулся, сграбастал пригоршню грязных белых волос Кроуфорда и потащил. Почти без всякого сопротивления в его руке остался слипшийся клочок волос. Байрон выбросил его в открытое окно и вытер руку носовым платком, а затем избавился от него таким же способом. — Ты выглядишь словно больная, умирающая от голода столетняя обезьяна.

Кроуфорд улыбнулся, хотя зрение его было затуманено наввернувшимися слезами. — Я всегда говорил, что мужчина должен повидать что-то в жизни, прежде чем удариться в отцовство.

* * *

Дети Ли Ханга тоже заметили сходство Кроуфорда с обезьяной, и, окружив их, наперебой заголосили, что зверинец лорда и так уже слишком обширный, чтобы помещать туда еще и этого «шелудивого орангутанга», — но Байрон с проклятьями отогнал их прочь и повел Кроуфорда вверх по лестнице в ванную, а затем пошел разыскать Трелони.

Кроуфорд оттер себя, пользуясь благоухающим розой мылом, что должно быть принадлежало любовнице Байрона Терезе — несмотря на то, что был уверен, узнай она об этом, она бы к нему больше не притронулась, — а также вымыл вместе с ним свои волосы. Когда он поднял голову из воды, после того как окунул ее, чтобы смыть пену, большая часть волос осталась в ванной, плавая завитками словно белковые нити сваренного яйца; и когда он выбрался из ванной и воспользовался одной из расчесок Терезы, он осознал, что стал совершенно лысым за этот прошедший месяц.

На стене висело большое зеркало, и он в ужасе уставился на свое обнаженное тело. Колени и локти были теперь самыми широкими частями его конечностей, а ребра выпирали, словно сжатые в кулак пальцы из-под обтягивающей одежды, а на запястьях от ежедневного натирания удерживающими его на кресте веревками образовались язвы. И он не думал, что когда-нибудь еще сможет иметь детей.

Некоторое время он почти неслышно оплакивал того мужчину, которым когда-то был... а затем, укрепив себя плотком Терезино одеколону, натянул халат на свое понапрасну растраченное тело и попытался уверить себя, что если сможет как-нибудь спасти Джозефину и их ребенка, он, воистину, больше чем когда-либо прежде, будет отвечать понятиям мужественности.

Решение было смелым, но он посмотрел на свои бледные, трясущиеся руки, и спросил себя, что из задуманного окажется ему по силам; а затем, принимая во внимание расщепленное состояние своего разума, насколько его хотя бы хватит, чтобы не забыть об этом решении.

Байрон вернулся с Джоном Трелони, чтобы обсудить детали завтрашнего погребального костра — Трелони лишь дважды в изумлении взглянул на Кроуфорда, один раз, когда впервые его увидел, а второй, когда Байрон сказал ему, кто это был — но Кроуфорд никак не мог сосредоточиться на том, о чем говорилось; Трелони был настолько дородный и загорелый, настолько чернобородый и ясноглазый, *и пылуший здоровьем*, что Кроуфорд

чувствовал себя изношенным и иссушенным, просто находясь рядом с ним.

Байрон заметил его невнимательность и провел Кроуфорда вдоль по коридору в гостевую комнату. — Я пришлю слугу с чем-нибудь съедобным, — сказал он Кроуфорду, осторожно присевшему на кровать. — Я уверен, что доктор настоял бы, чтобы ты неделю не покидал кровати, но завтрашнее сожжение будет своего рода пробным забегом [\[369\]](#) перед предстоящим еще через день сожжением Шелли, так что я хочу, чтобы ты поехал.

Байрон повернулся было уйти, но затем добавил, — Да, и я также скажу, чтобы слуга захватил чашку брэнди — и не стесняйся в любое время попросить еще. Не в моем обыкновении ограничивать кого-нибудь в пьянстве, к тому же я не могу позволить пойти вокруг молве, что мое гостеприимство хромает настолько, что гостям приходится пить одеколон.

Кроуфорд почувствовал, что его лицо вспыхнуло, и сидел, не поднимая глаз; но после того как Байрон покинул комнату, он с благодарностью вытянулся на кровати, поджидая еду. Он слышал, как из окна выливали оставшуюся после его купания воду, и понадеялся, что та не отравит растения.

Он провалился в сон, и ему снилось, что он снова распят на кресте в подземном баре; кто-то по ошибке принял его за деревянное распятие и уже собирался вогнать железный гвоздь в его лицо, но единственное, чего он боялся, что человек слишком рано заметит, что он живой, и не сделает то, что хотел.

Единственными уцелевшими частями были немногочисленные осколки костей, нижняя челюсть и череп; но что поразило нас всех, так это то, что сердце его осталось целым. Когда я выхватил эту реликвию из объятый пламенем печи, мои руки сильно обгорели; и увидь кто-нибудь это мое деяние, мне пришлось бы подвергнуться карантину.

— Эдвард Джон Трелони,
Из записей Шелли, Байрона, и Автора, 1878

Леди Макбет: Все еще пахнет кровью: всем благовониям Аравии не очистить этой маленькой руки.

О-о-о!

Врач: Что за вздох! Как тягостно страдает это сердце.

Придворная дама: Я не хотела бы таить его в груди ценою почестей, что телу достаются.

— Шекспир, Макбет

Река Серкио в конце этого жаркого лета узкой неглубокой лентой вилась между крутых берегов, и искрящиеся волны, что набегали из Лигурийского Моря и с шумом обрушивались на этот необитаемый участок Тосканского побережья, образовали пену на приличном удалении вверх по устью реки, очевидно не встречая никакого сопротивления со стороны последней. Прибрежный бриз еле слышно шелестел в ветвях благоухающих сосен, что покрывали склоны холмов.

Боливар встал на якорь в пятидесяти ярдах от берега, вблизи шлюпа [\[370\]](#), над которым развивался австрийский флаг, а карета Байрона остановилась на грунтовой дороге над берегом.

На песчаном склоне холма располагалась лачуга, сооруженная из сосновых стволов, соединенных сосновыми же ветвями, и крытая тростником, и Кроуфорд, Байрон и Ли Хант сидели в ее тени, потягивая холодное вино, в то время как несколько одетых в форму мужчин стояли вокруг этого маленького сооружения. Кроуфорд обильно потел и задавался вопросом, кому из этих служивых выпала неприятная обязанность прожить в этой лачуге весь прошлый месяц, охраняя могилы Вильямса и де Ложа.

— Трелони расстроен, — сказал Байрон. — Он *хотел бы* проделать все на *рассвете* — и не сомневаюсь, с кораблем викингов в качестве погребального костра. Байрон все утро был нервным и раздражительным.

Трелони стоял в нескольких сотнях ярдов от них, со скрещенными руками, наблюдая, как мужчины из Санитарной Службы копают мягкий песок. Его изготовленная на заказ, своего рода жаровня, четырехногий железный стол с высокими боковыми стенками, стояла над непомерно большой грудой сосновых бревен в нескольких ярдах за ним.

Трелони сказал Байрону, что хочет, чтобы кремация состоялась в десять часов — но

Байрон спал долго, так что его карета лишь к полудню докатилась до того места, где дорога подступала к этому берегу.

Кроуфорд отхлебнул еще вина, затем кивнул. — От всего этого пахнет язычеством, — сказал он. Дорога его утомила, и все, чего он сейчас хотел, это поспать. Он поглубже надвинул на глаза край соломенной шляпы.

Хант взглянул на него в замешательстве и, казалось, хотел о чем-то спросить, но в этот миг Байрон чертыхнулся и поднялся на ноги; копавшие песок мужчины, очевидно, нашли тело, так как один из них выбрался из песчаной ямы и поднял багор.

— По крайней мере, хоть *кто-то* все еще там, — пробормотал Байрон и, хромая, направился в их сторону.

Кроуфорд и Ли Хант поднялись и поплелись вслед за Байроном к яме по вязкому горячему песку. Кроуфорд заставил себя не отставать от Ли Ханта, хотя, чтобы не упасть в обморок, ему пришлось стиснуть кулаки и пристально глядеть себе под ноги и совершать глубокие вдохи. Бинты, наложенные на его лодыжки, были мокрыми — надрезы-кровостоки, которыми его наградил *нефандос*, снова начали кровоточить.

Странно, но в морском бризе, доносящем сосновые ароматы, совсем не чувствовался запах разложения.

Санитарный служащий выволок на песок почерневшее, лишенное конечностей тело. Сплетенная из чеснока гирлянда все еще держалась на теле, и несколько окрасившихся в пурпурный цвет серебряных монет упали с него на песок. «Санитарная Служба не сжульничала», — отрешенно подумал Кроуфорд.

Байрон щурился от яркого света, губы его были плотно сжаты. — И это человеческое тело? — скрипучим голосом спросил он. — Это больше похоже на овечью тушу. Это... насмешка.

Трелони склонился и осторожно вытянул из остатков жакета черный шелковый платок; он положил его на песок возле одной из серебряных монет и указал на буквы Э.Э.В. вышитые на ткани.

Байрон с отвращением и изумлением потрянул головой. — Экскременты червей и те долговечнее, чем гончарная глина, из которой мы слеплены. Он вздохнул. — Позвольте мне взглянуть на его зубы.

Трелони и Хант озадаченно посмотрели на Байрона.

— Я, э-э, могу опознать любого, с кем говорил, по его зубам, — сказал он. Взглянув на Кроуфорда, он добавил, — зубы всегда разоблачают то, что язык и глаза могут попытаться утаить.

Трелони что-то быстро пробормотал служащему по-итальянски, и тот пожал плечами и древком лопаты перевернул голову.

Кроуфорд опустил взгляд на бесформенное, лишенное губ лицо и кивнул. Клыки Вильямса были ощутимо длиннее, чем были, когда он был жив. «Чеснок и серебро замедлили его превращение, — подумал Кроуфорд, — но как бы то ни было, Санитарной Службе следовало позаботиться о том, чтобы по вполне благовидной здравоохранительной причине забить деревянный кол в его грудь».

Служащий снова склонился над ямой и в этот раз подцепил обутую в ботинок ногу. Трелони шагнул вперед — он захватил с собой ботинок Вильямса для сравнения, и когда он приставил его к мертвой ступне, стало очевидно, что размер совпадает.

— Ох, это точно он, — сказал Байрон. — Давайте загрузим это в нашу печь, что

скажете?

Служащие действовали аккуратно, но когда они поднимали тело, шея не выдержала, и голова, отвалившись, глухо ударилась о песок. Один из служащих поспешно шагнул вперед с лопатой, и в похожем на гротескный реверанс движении, словно упрашивал какое-нибудь нерешительное животное забраться в ловушку, осторожно поддел голову лезвием лопаты и поднял ее. Голова гримасничала, безглазо уставившись на океан, слегка покачиваясь, пока служащий нес ее к печи.

Байрон был бледен. — Только не вытворяйте такого со мной, — сказал он. — Позвольте моему трупу гнить там, где он упадет.

Остальные служащие продолжали тем временем копать песок; и теперь обнаружили еще один труп и хотели знать, следует ли и его тоже отнести в печь.

— Нет, нет, — сказал Байрон. — Это всего лишь бедняга юнга, сомневаюсь, чтобы он как-то был...

Кроуфорд тронул Байрона за рукав, одновременно чтобы придать себе устойчивости и чтобы привлечь внимание лорда. — Положим и его тоже, — прошептал Кроуфорд. — Я думаю, ты и его опознаешь по зубам.

— О-о. Байрон выругался. — *Si, metti anche lui nella fornace!* ^[371] Хант и Трелони уставились на него, и он добавил: — Шелли, был достаточно хорошего мнения об этом — как там его звали — чтобы его нанять, так ведь? Я взял на себя долги Шелли, и я выбираю рассматривать этот как один из них.

Хант, Байрон и Трелони прошли вперед, встав вокруг открытой сверху печи, на которой лежал их мертвый, расчлененный друг, но Кроуфорд, пошатываясь, пошел по горячему песку назад, туда, где откапывали второе тело.

Служащие извлекли на свет голову и одну руку, и Кроуфорд увидел, что и здесь тоже были чеснок и серебряные монеты. Он взглянул в лишенную плоти улыбку де Ложа, замечая его удлинившиеся клыки, и умудрился улыбнуться в ответ этому вызывающему ужас существу и коснулся рукой соломенной шляпы.

«Наконец-то прощай, Франсуа, — подумал он. — Еще раз спасибо, что помог мне с паспортом шесть лет назад. Интересно, живет ли там все еще тот клерк — Бризо? Вроде как-то так его звали — и сможет ли он теперь, наконец, заполучить твою жену?»

Санитарные служащие сложили останки де Ложа на шерстяное одеяло, и Кроуфорд, хромя, шел рядом с ними, пока они тащили свою ношу туда, где их дожидались остальные.

Наконец оба тела были уложены бок о бок на ложе печи, и Трелони склонился, удерживая стеклянную линзу над пучком совершенно сухой сосновой хвои. Ослепительно белым вспыхнул собранный в пучок солнечный свет, а затем вверх повалил смолянистый дым. Скоро огонь запылал столь яростно, что Хант, Трелони и служащие отступили назад, а пляж и море, словно мираж, заструились позади почти прозрачных языков пламени.

Кроуфорд заставил себя простоять еще секунду, удерживая на голове шляпу от напора горячего воздуха, который норовил унести ее прочь, и сквозь слезящиеся глаза смотрел на то, как жар поглощает изувеченные тела; а затем, когда он, в конце концов, повернулся прочь и, пошатываясь, направился навстречу относительной прохладе морского бриза, он заметил, что Байрон задержался у печи вместе с ним.

Они блеснули друг на друга взглядом, а затем отвернулись, Кроуфорд к морю, а Байрон к своей карете; и Кроуфорд знал, что Байрон тоже видел, как части тел слабо шевелились, словно зародыши в до срока разбитых яйцах.

Хант принес из кареты деревянный ящик, и после того, как первый невыносимый жар спал, уступив место ровному огню, Трелони открыл ящик, и Хант опрокинул его над огнем, высыпая ладан и соль на уже неподвижные тела, а Трелони умудрился подобраться достаточно близко, чтобы вылить на них бутылъ вина и бутылку оливкового масла. Затем все ретировались обратно в лачугу, так как сам песок вокруг печи стал слишком горячим, чтобы находится на нем даже в обуви.

Ранее этим утром Трелони грубо отверг предложение выпить, но теперь схватил бутылку вина и запрокинул ее, жадно глотая прямо из горла. Он прислонился к одному из столбов хибары, но тот начал крениться, и Трелони опустился возле Ханта. Байрон стоял снаружи. Рядом с ним сидел вконец обессиленный Кроуфорд.

— Приготовили салат, — пробормотал Байрон. Затем, уже громче, Байрон сказал: — А не испытать ли силу вод, что утопили наших друзей! Как думаете, насколько далеко они были, когда их лодка затонула?

Трелони в гневе обратил к нему испещренное тенями волнующихся ветвей бородатое лицо. — Лучше не пробуй, если только не хочешь, чтобы тебя тоже положил в эту печь — ты сейчас не в том состоянии.

Байрон не обратил на него никакого внимания и начал расстегивать рубашку, направляясь по песчаному склону к плещущемуся внизу морю.

— Черт бы его побрал, — пробормотал Трелони, сунув бутылъ Ханту и поднимаясь на ноги.

Кроуфорд наблюдал, как они шагают к прибою, на ходу сбрасывая с себя одежду, а затем ныряют в набегающие на берег волны. Они с Хантом передавали друг другу бутылъ, пока головы и руки пловцов удалялись от берега, разрезая сверкающую поверхность моря. Кроуфорд рассеянно смахнул с повязок на лодыжках запекшуюся пополам с песком кровь.

Спустя несколько минут один из пловцов, похоже, начал испытывать некоторые трудности — другой подплыл к нему, а затем они оба повернули и медленно поплыли назад.

Хант поднялся на ноги. — Думаю, это Байрон угодил в переплет, — нервно сказал он.

Кроуфорд молча кивнул, понимая, что беспокойство Ханта за благополучие Байрона продиктовано главным образом тем, что Байрон обещал поддержать выпуск журнала, который должен был спасти Ханта от нищеты.

В конце концов, пловцы добрались до отмели и смогли, наконец, подняться. Неудачу и в самом деле потерпел Байрон — Трелони практически все время тащил его на себе, и теперь Байрон гневно отбросил поддерживавшую его руку.

Байрон отыскал свою беспорядочно разбросанную одежду и в этот раз натянул ее, прежде чем направиться обратно к хижине. — Это был переизбыток черной желчи, — пробормотал он, когда снова оказался в ее тени.

Кроуфорд припомнил, что в средневековой медицине черной желчью называлась предполагаемая жидкость человеческого тела, которая вызывала пессимизм и меланхолию. «Полагаю, — подумал он, — сегодня мы все страдаем от ее переизбытка».

К этому времени Трелони доковылял до хижины, и хотя он выжидательно взглянул на Байрона, лорд избегал смотреть в его сторону. — Надеюсь, ты был сегодня внимательным, — сказал Байрон, похоже, обращаясь к Кроуфорду. — Завтра очередь Шелли.

Кроуфорд посмотрел на все еще бушующее пламя, и, несмотря на дневную жару, вынужден был стиснуть зубы, чтобы они не стучали.

Трелони отплыл на *Боливареи* провел эту ночь в гостинице в Виареджо, тогда как остальные вернулись в Пизу на карете Байрона. На следующий день они встретились снова на участке берега расположенном пятнадцатью милями севернее; и Байрон снова заставил их опоздать. Хижину здесь не построили, так что Байрон, Кроуфорд и Хант дожидались в карете.

Небо было столь же безоблачным, как и накануне, и, казалось, было единым целым с морем, так что два острова, видневшиеся у южного горизонта, словно плыли по воздуху.

Байрон поймал взгляд Кроуфорда и кивнул в направлении островов. — Горгона и Эльба, — сказал он. — Как думаешь, к какому из них правил наш Персей? К Горгоне или к острову изгнания?

Хант закатил глаза и громко выдохнул.

Трелони прибыл рано утром и успел установить свою печь, и когда, наконец, прибыла карета Байрона, сказал ожидавшим служащим, что они могут начинать копать.

Тем не менее, уже больше часа мужчины безрезультатно копали мягкий песок — если конечно не считать результатом находку полуистлевших брюк, которые вряд ли могли принадлежать кому-нибудь, кто был на *Дон Жуане*. Служащие раздражено отбросили заскорузлое от песка одеяние в сторону, но Кроуфорд высунулся из окна кареты, чтобы посмотреть на эти окаменевшие брюки, гадая, не их ли он скинул два месяца назад в заливе Специи, перед тем, как бросился спасать собирающуюся покончить с собой Джозефину.

На какой-то миг он исполнился сожаления, что поплыл тогда ее спасти, но затем вспомнил, что теперь она, по всей видимости, от него беременна — и возможно забеременела в тот самый день.

Когда, в конце концов, он расслабленно откинулся на сиденье, Байрон беспокойно взглянул на него, и Кроуфорд знал, чего он боится — что их ожидание слишком затянулось, и что тело Шелли уже подверглось каменному воскрешению и выкарабкалось наружу из своей могилы.

— Похоже, что все-таки на Горгону, — сказал Байрон.

Кроуфорд пожал плечами, и наметил рукой крестное знамение [\[372\]](#). Его одолевала слабость и била дрожь, и сейчас он был бы рад, если бы тело не нашлось вовсе, и ему не пришлось бы выбираться из кареты и таскаться по жаре.

Но спустя несколько минут одна из исследующих песок лопат с глухим стуком ударилась обо что-то, и после того как служащие, распластавшись на земле, смели в сторону песок, они позвали англичан.

— По всей видимости, все же к Эльбе, — стоически промолвил Кроуфорд, надевая свою соломенную шляпу.

Байрон вздохнул и отворил дверь кареты. — Еще не слишком поздно, — согласился он, выбираясь на заметенную песком дорогу. Его седеющие волосы заблестели, когда он шагнул из полумрака кареты под слепяще жаркое солнце.

— Не слишком поздно? — раздражено отозвался Хант, выбираясь вслед за Байроном. — Ты думал, что за это время он успеет окончательно разложиться?

— Напротив, — сказал Байрон и направился по иссохшей траве обочины к песчаному

берегу.

Хант обернулся к Кроуфорду, который к этому времени выбрался наружу позади него. — Как думаешь, что его *светлость* под этим разумела? — спросил Хант.

— По-видимому, он имел в виду «напротив», — ответил Кроуфорд.

Они последовали за Байроном к тому месту, где Трелони стоял возле вырытой в песке ямы, а затем некоторое время простояли в молчании, глядя на распростертые внизу останки Шелли.

Обнажившиеся кости обрели темно синий цвет, а когда-то белая одежда была теперь вся черной. В отличие от вчерашних эксгумаций, зловоние разлагающегося трупа было здесь просто ужасным, и карантинные инспекторы повязали на лица шейные платки, прежде чем извлечь тело из ямы. Но, по крайней мере, его части держались вместе, и когда тело было уложено на песок, Кроуфорд заметил, что передние зубы не обнаруживали никаких признаков роста за этот проведенный в земле месяц.

Кроуфорд посмотрел на Байрона. — Даже и не взглянул в сторону Горгоны, — тихо сказал он. Очевидно, Шелли окончательно умер, когда его сестра ламия угасла на берегу вблизи Каза Магни.

Байрон изрыгнул проклятье, отвернулся, и сердито отер глаза рукавом.

Трелони присел возле трупа и осторожно извлек из кармана куртки копию поэм Китса, но от нее теперь остался лишь кожаный переплет, и он печально положил ее обратно на почерневшую грудную клетку.

Затем тело было перемещено на одеяло, и четверо англичан похоронным кортежем проследовали за несущими его итальянцами к печи, где его осторожно опустили на покрытое сажей ложе. На груди у тела все еще лежала испорченная кожная обложка — «словно, — подумал Кроуфорд, — Библия, стиснутая в руках покоящегося в гробу мертвого священника».

Трелони снова разжег огонь в куче сосновых бревен под железным столом, и снова языки пламени в испепеляющей ярости взвились вверх — но Байрон и Кроуфорд еще раз на несколько секунд бросили вызов ужасающему жару, чтобы посмотреть, как тело Шелли совершенно неподвижно сгорает на железном ложе. Они покинули нестерпимый жар и встали в стороне от Ханта и остальных.

Языки пламени были все еще высокими, но теперь уже более спокойными, и вокруг них словно аура реяло золотое и пурпурное свечение. Байрон взглянул на Кроуфорда, и тот кивнул.

— То существо, которое напало на нас в Альпах, осветилось этими же цветами, — тихо сказал Кроуфорд, — перед тем как обратилось в камень.

— Так светится сама радуга над... драматично *окаменевшими* Альпами. Что если человеческие правители приняли эти цвета в духе того... как выставляют напоказ высушенные головы поверженных врагов — хотя в случае с этими существами высушенная голова часто все еще может укусить.

— Да, укусить то самое слово, — согласился Кроуфорд.

Байрон вытер вспотевшее лицо носовым платком. — Здесь что-то должно произойти, — тихо сообщил он Кроуфорду. — Ты теперь не хуже меня разбираешься во всех этих делах — так что смотри внимательно.

Кроуфорд оглянулся на черную фигуру, лежащую в самом сердце пламени. — Что —

что должно произойти?

Байрон тряхнул головой. — Я не уверен. Вот почему мне нужно, чтобы ты был здесь, мне нужна твоя помощь. Это должно быть что-то... что четыре года назад в Венеции привлекло к Шелли внимание Грай — а за два года до этого внимание какой-то дикой ламии на озере Леман.

Видя озадаченный взгляд Кроуфорда, он добавил: — Что-то, что отличает его от людей — ото *всех*, даже от людей подобных тебе и мне.

— А... Кроуфорд кивнул. — Верно, он был членом семьи — но не так как я, посредством женитьбы, а по праву *рождения*, по *крови*. Он вспомнил жалобы Шелли на камни в мочевом пузыре, жесткость кожи и отвердение ногтей. — По большей части он был человеком, но отчасти... нефелимом, каменным существом.

— Тогда возможно — это его кости, — хрипло сказал Байрон. Он неопределенно воздел руку, словно бы прощаясь или принося Шелли свои извинения, затем посмотрел на Трелони, который стоял, обливаясь потом и слезами, что стекали по его загорелому лицу, застревая в черной бороде. — Трелони! — позвал Байрон. Мне нужен его череп, если его можно спасти!

Трелони не расслышал его слов и попросил его повторить — а затем видимо уразумел и гневно воззрился на Байрона. — Зачем? — пророкотал он. — Чтобы ты мог сделать из него еще одну чашу?

Голос Байрона, когда он ответил, был ровным. — Нет, — сказал он, хромая, направившись к остальным, — я позабочусь о нем так... как бы Шелли этого хотелось.

Кроуфорд по горячему песку последовал за Байроном, а Трелони неохотно ухватил снабженный длинной ручкой багор и подступил к огню. Бородатый гигант склонился над ярко пылающей печью и потянулся крюком к голове Шелли, но при первом же прикосновении железа череп рассыпался на кусочки, выбросив в небо кружащиеся частички сгоревшей плоти. Трелони вернулся назад, и, отбросив крюк в сторону, начал счищать с предплечья опаленные волосы.

Кроуфорд поймал взгляд Байрона и едва заметно покачал головой. «Это не череп», — подумал он.

Языки пламени трепетали в дующем с моря бризе, и Кроуфорд повернулся назад, чтобы охладить разгоряченное лицо. За последние минуты он окончательно уверился, что обугливающаяся фигура на железном ложе позади него не принадлежала больше человеку, тем более человеку, которого он когда-то знал. Теперь она воспринималась скорее как какой-то причудливый узел в ткани мироздания, как что-то, что нарушало естественные законы бытия, будто камень немислимым образом воспаривший в небеса. Словно жар печи кристаллизовал что-то, измерил что-то, что прежде было лишь волной вероятности.

Он оглянулся на печь, пытаясь установить источник этого ощущения, но тело было просто телом, просто мертвой плотью и костями, погруженными в огонь.

Кроуфорд перевел взгляд на Байрона, силясь понять, испытывает ли он тоже это чувство, чувство чего-то неправильного в теле Шелли, но Байрон в этот миг, казалось, полностью позабыл, что Шелли не был до конца человеком — он лишь сжимал и разжимал кулаки, уставившись на погребальный костер пожирающий его друга.

Хант подошел с деревянным ящиком, который накануне приносил к костру Вильямса, и они с Трелони открыли его и начали бросать ладан и соль в огонь, усиливая желто-золотое свечение пламени. Трелони снова, тяжело ступая, приблизился к огню, в этот раз, чтобы вылить на тело Шелли вино и масло.

— Силою огня мы возвращаем природе, — нараспев произнес Трелони, — те элементы, из которых человек составлен: землю, воздух и воду. Все течет, все изменяется, но ничто не исчезает бесследно; он теперь часть того, что всегда боготворил.

Некоторое время все молчали, и рев огня был единственным звуком под раскинувшимся над ними бездонным небом; наконец Байрон вымученно улыбнулся. — Я всегда знал, что ты язычник, — сказал он Трелони, но не знал, что ты был языческим *жрецом*. В глазах у Байрона блеснули слезы, а голос ломался, когда он прибавил: — Ты... хорошо все сказал.

Фурийе — Похороны Перси Биши Шелли

Хант по горячему песку направился обратно к карете, а Трелони отошел по другую сторону огня. Байрон, очевидно сконфуженный тем, что выказал свои эмоции, шурясь, огляделся вокруг, словно кто-нибудь сказал что-то, что могло быть истолковано им как вызов. Кроуфорд смотрел на горящее тело.

— Я думаю, это сердце, — сказал он.

— Что это? — воинственно спросил Байрон. — О. Он глубоко вдохнул и выдохнул, затем потер глаза. — Хорошо — но почему?

Кроуфорд кивнул на пылающий огонь. — Оно почернело, но не сгорает — хотя ребра вокруг него обвалились внутрь. «И еще, лишь когда я смотрю на *него*, — подумал он, — меня

охватывает это чувство космической неправильности».

Байрон проследил за его пристальным взглядом и спустя несколько мгновений кивнул. — Может ты и прав. Он тяжело дышал. — Проклятье, как же все сложно. Нам нужно поговорить — я должен рассказать тебе о том плане, который мы с ним пытались осуществить в Венеции, к сожалению безуспешно, и о том, что по моему мнению нужно, чтобы на этот раз все *получилось*. Байрон оглядел пустынный пляж, затем перевел взгляд на песок под ногами. — Здесь нам говорить нельзя — давай отправимся на *Боливар*. Я вплавь, а ты можешь на лодке. Я скажу Тито отправиться с тобой, он будет грести.

Кроуфорд тоже посмотрел на песок и вспомнил, что когда Шелли впервые говорил с ним о ламии, в то далекое лето шесть лет назад в Швейцарии, он настоял, чтобы они говорили на лодке посреди озера; а также о том, как он велел им с Джозефиной забрести на несколько ярдов в прибой, прежде чем поведал им о своем плане отправиться на *Дон Жуан* в шторм и утонуть — и даже сказал Джозефине оставить ее стеклянный глаз на песке.

Так что Кроуфорд лишь кивнул и последовал за хромающим Байроном по белому песку навстречу волнам.

* * *

Высоченный большеусый Тито молчаливо работал веслами, направляя лодку с Кроуфордом навстречу *Боливару*, в то время как Байрон и один из его генуэзских гребцов плыли неподалеку, в нескольких ярдах от планшира правого борта. Кроуфорд надеялся, что Тито и этот итальянский моряк подстраховывают продвижение своего хозяина, но и сам время от времени посматривал на него, помня трудности, которые возникли у Байрона во время его вчерашнего заплыва.

Но сегодня Байрон плыл уверенно, его мускулистые руки ритмично рассекали зеркальную водную гладь, толкая его вперед — хотя плечи его, как заметил Кроуфорд, были красными от загара. «Ему, пожалуй, следовало бы послать за рубашкой, когда мы доберемся до *Боливара*», — подумал он.

Три обнаженные мачты *Боливар* вырастали все выше и четче, удаляясь друг от друга с каждым мощным гребком весел, и вскоре Кроуфорд уже мог различить людей на палубе корабля. Он приветственно махнул им рукой, и, хотя они махнули в ответ, они, очевидно, не узнали в нем того человека, который месяц назад помогал им обыскивать прибрежную зону в поисках признаков *Дон Жуана*.

Он оглянулся на отдалившийся берег. Дым от костра, словно башня, возносился в почти безветренном небе, а люди, стоящие на далеком берегу, выглядели, словно ошеломленные жертвы, выжившие после кораблекрушения.

Боливар к этому времени приблизился настолько, что заслонил собою треть неба. По оклику Байрона, Тито мощно налег на весла, и через несколько мгновений лодка остановилась, покачиваясь на волнах под аркой нависающего над ней корпуса *Боливара*.

Сверху с ограждения борта до воды протянулась веревочная лестница с деревянными перекладинами, но Байрон остановился примерно в ярде от нее, покачиваясь на волнах. Он скептически посмотрел на Кроуфорда. Тебе по силам управиться с веслами, чтобы лодку не

ударило о корпус? Или не отнесло в сторону?

Кроуфорд пожал своими костлявыми плечами. — Даже и не знаю.

— О дьявол, ну ладно, если что, я тебя подтолкну. Тито и вы тоже поднимайтесь на палубу — и спустите нам бутылку холодного щакетра и пару бокалов.

Сопровождавший Байрона моряк, тяжело дыша, устало подплыл к лестнице, и, переведя дух, забрался по ступенькам на палубу, со следующим за ним по пятам Тито, который задержался, чтобы подвести лодку, остановив ее в ярде от корпуса.

Скрип шпангоутов ^[373] и плескание невысоких волн о борт корабля были теперь единственными звуками, и несмотря на свою широкополую шляпу, Кроуфорд ощущал, как раскаленное солнце словно давило на его голову.

Сквозь прозрачную воду он видел расслабленно движущиеся ноги Байрона, и, когда тот поднял руку, чтобы осторожно отвести со лба мокрые волосы, он, казалось, не обнаруживал никаких признаков усталости.

Байрон поднял на него взгляд. — Трелони и Хант могут иметь виды на это сердце, — тихо сказал он. — Или Мэри — она вроде бы уже просила его.

Кроуфорд кивнул. — Люди довольно сентиментальны по поводу таких вещей. Хант сказал мне, что Джейн Вильямс уже поставила урну с прахом Эда на каминную полку.

Байрон сплюнул. — Как-нибудь она позабудет и заварит в ней чай. Он повернул голову, вглядываясь в оставленный ими берег. — Так что, пусть они забирают кости или еще что-нибудь — мы должны позаботиться, чтобы сердце досталось нам.

В этот момент вниз на веревке спустили корзину, и Кроуфорд, наклонившись, поймал ее и вытащил из нее бутылку и два обернутых салфеткой винных бокала. Пробка была вытащена из бутылки и неглубоко вставлена обратно, но Кроуфорду все равно потребовалась вся его сила, чтобы выдернуть ее снова, а его руки, когда он налил вино в один из бокалов и протянул его через планшир Байрону, сотрясала мелкая дрожь.

— Благодарю, — сказал Байрон, делая глоток, а затем без усилий ровно держа бокал над водой, пока его ноги продолжали двигаться под поверхностью. — Ты ведь умеренно образованный человек, Айкмэн, — тебе приходилось слышать о Грайях?

— Грайях, как в греческих мифах? — спросил Кроуфорд, — Вроде они были тремя сестрами, с которыми советовался Персей, перед тем как отправиться сражаться с Медузой Горгоной? Он осторожно наполнил свой бокал и попробовал вино.

— И у них был на троих только один глаз — верно? — и им приходилось все время передавать его друг другу.

Байрон кивнул, а затем принялся описывать попытку, которую они с Шелли предприняли, чтобы пробудить ослепшие колонны Грай в Венеции в 1818. Повествование заняло несколько минут, и дважды за это время Байрон подгрребал к лодке и протягивал пустой бокал за добавкой.

Кроуфорд прикончил вино в своем бокале и размышлял, будет ли благоразумно налить себе еще. Он решил, что не стоит — у него и так уже кружилась голова, а эта история, по всей видимости, потребует от него всей его сосредоточенности. — Ну так — и зачем нам тогда это сердце?

— Я думаю, что именно *она* привлекло к нему внимание Грай. Свежая кровь, которая была разбрызгана по мостовой, явилась для них своего рода временной заменой глаза, и — дьявол меня разбери, Айкмэн — когда Шелли в нерешительности застыл в точке, находящейся на примерно равном удалении от обеих колонн, эта кровь тотчас же начала

носиться по камням мостовой от одной колонны к другой. Можно было физически ощущать внимание, которое они ему уделяли, словно... словно, давление на уши, когда ныряешь под воду.

Он протянул свой бокал, и Кроуфорд, перегнувшись через планшир, наполнил его снова.

— А затем, когда мы спасались бегством в гондоле, — продолжил Байрон, — третья сестра — колонна которую века назад утопили в канале — поднялась, возвышаясь над водой, когда мы проплывали мимо. Я думаю, если бы мы тогда в спешке не покинули их... *область влияния*, кровь понеслась бы горизонтально над водой к этой колонне. Они хотели как следует его разглядеть, и поэтому перебрасывали глаз туда и обратно, той из них, которая была к нему ближе всего.

— Но что такого... поразительного... для них, в его сердце?

— Я могу лишь догадываться, Айкмэн. Так как оно наполовину человеческое, а наполовину нефелима...

— Карбонария и силиконария, — ввернул Кроуфорд.

Байрон моргнул. — Если тебе так угодно. Как бы то ни было, это сердце представляет собой смешение, которое вряд ли логически возможно. Я думаю, что оно нарушает тот детерминизм [\[374\]](#), который проецируют Грайи с их глазом, и поэтому их глаз не может оставить его без присмотра. Я думаю, что такое создание как Шелли вообще не может быть зачато в поле этого глаза... хотя мог бы поклясться, что коль скоро такой человек есть, его нелегко будет и убить в этом поле. Глаз Грай предотвращает случайности, капризы судьбы. Как я сказал тогда Шелли, он не только устанавливает положение вещей, но и *устанавливает* его. [\[375\]](#)

Кроуфорд хотел что-то сказать, но Байрон уже заговорил снова. Его отставленная рука была все также неподвижна, хотя проступившая на лице мелкими капельками влага была, очевидно, потом.

— Причиной по которой австрийцы доставили глаз к этим колоннам, — продолжал Байрон, — было то, что они доставили туда также некоего немисливо древнего австрийского короля или что-то вроде того, для того чтобы при особом уходе он мог жить вечно в детерминистическом фокусе пробужденных, зрячих Грай. Байрон пожал над водой обгоревшими на солнце плечами. — Может, этот король тоже... полукровка, как Шелли.

В животе у Кроуфорда внезапно похолодело, хотя солнце над ним припекало с той же силой. — Да, — ответил он. — Так и есть. Но в отличие от Шелли, который таким родился, этот король был... превращен в такого человека хирургическим путем.

При этих словах Байрон, впервые за этот день, посмотрел прямо в лицо Кроуфорду. — Ты его знаешь?

— Я... — Кроуфорд натянуто рассмеялся. — Я раньше на него *работал*. В те дни он именовал себя Вернер фон Аргау. Мы с тобой видели его — или, по крайней мере, его средство передвижения — когда пересекали Альпы. Помнишь тот увязший в грязи фургон? Ты еще тогда вспрыгнул на его станину и руководил его освобождением, а потом сказал, что там был ящик полный льда. Уверен, что наш австриец был там, в этом ящике.

— Ха. Как бы то ни было, он не наша забота. Что нам нужно, так это чтобы Грайи были пробуждены, но без их глаза, тогда все становится *поистинеслучайным*, в *высшей степени* неопределенным. Один священник, с которым я здесь познакомился, сказал, что если оказаться в их фокусе, когда они слепы, то можно избавиться от внимания вампира. Твой вампир просто не сможет отследить тебя в этой... сверхъестественной темноте, в этом

немыслимом хаосе возможностей. Не сможет удержать на тебе луч своего внимания. Конечно, прямо вслед за этим тебе придется пересечь изрядное количество соленой воды, чтобы, в конечном счете, не привлечь своего вампира обратно.

— Да, Америка, — ты уже говорил.

— Или Греция. Я теперь склоняюсь к Греции.

— Но даже если твой вампир *найдет* тебя снова, ему ведь опять потребуется приглашение, верно?

— Уголки губ Байрона дрогнули в горькой усмешке. — Да — но даже несмотря на то, что ты так и не сдался и не попросил своего вернуться, как в итоге поступили я и твоя жена, уверен, ты не станешь отрицать, что это... могучее искушение. Уверен, бывали моменты одиночества и страха, когда даже ты был *готов* сдаться.

Кроуфорд поднял глаза и взглянул мимо Байрона, скользнув взглядом по берегу до той точки, где береговая линия, казалось, растворялась в волнующемся дневном мареве, а затем кивнул. — Итак, — спустя миг сказал он, — мы отправляемся в Лериче, хватаем Джозефину, связываем ее и доставляем в Венецию, а затем используем сердце Шелли, чтобы вытянуть глаз из той Грайи, что им владеет и поймать его. Он усмехнулся и опустил взгляд на свои бледные, трясущиеся руки. — А затем улепетываем что есть мочи, словно дьявол наступает нам на пятки.

— Именно так. Лицо Байрона блестело от пота, а держащая бокал рука начала, наконец, дрожать. — Держи, — сказал он, пихая бокал Кроуфорду, который ухитрился его поймать и не уронить при этом вместе с бутылкой в море.

Байрон нырнул под воду, и когда его голова вынырнула обратно на поверхность, он, казалось, ко всему наглотался соленой морской воды.

— Ты в порядке? — спросил Кроуфорд.

Байрон кивнул и откинул голову назад. Теперь он загребал воду и руками, и больше не просил Кроуфорда вернуть бокал. — В порядке, — кратко ответил Байрон. — Я просто... в последнее время мне лучше *думается*, если вокруг соленая вода; а еще лучше, если я в нее *погружен*.

— Думаю, она защищает тебя от влияния нефелимов, — сказал ему Кроуфорд. — Единственными мгновениями, когда я на самом деле хотел вырваться из сетей нефелима, когда был инфицирован, были моменты, когда я оказывался под водой. Ты напоминаешь Ноя, что так и не спасся, взобравшись на гору. Он пристально посмотрел на Байрона, который теперь тяжело дышал. — Кажется, ты в последнее время слишком много плаваешь. Что, меры предосторожности Карбонариев начинают подводить?

— Не... — начал было сердито Байрон; затем покачал головой. — Что ж, полагаю, ты имеешь право спрашивать. Он подплыл к лодке, забросил руку на планшир и позволил руками и ногам расслабиться. Лодка накренилась под его весом, и Кроуфорд вынужден был подхватить бутылку, чтобы уберечь ее от падения.

— Да, — сказал Байрон, — принятые мною меры предосторожности, кажется, не годятся в качестве постоянного решения. Дьявол, я словно алкаш, который продолжает твердить себе, что можно *каким-то образом* остаться в этой алкогольной западне и тем не менее вести нормальную жизнь. Я думал, что смогу удерживать ее — называй ее, как хочешь, Лорд Грэй де Рутин [\[376\]](#), Маргарита Когни — *Это* — припёртой к стене; так, чтобы я мог по прежнему писать, но в тоже время был свободен выходить на солнце, и что Тереза и оставшиеся у меня дети будут при этом в безопасности. Но в последнее время днем я начал

становиться слабее, и все меньше способен сосредоточиться. К тому же в последние месяцы у меня жар, который совсем не проходит. Так что я хочу сделать это, провести этот экзорцизм ^[377], пока у меня все еще достаёт сил — душевных и физических.

Кроуфорд подумал о собственных физических и душевных силах. А Тито отправится с нами, или может быть Трелони?

— Нет. Байрон закинул на планшир вторую руку и тяжело втащил себя в лодку. Его плечи были теперь еще более красными, чем когда Кроуфорд впервые обратил на это внимание, и начали покрываться волдырями. — Нет, Тито не притронется к работе подобного рода после той ночи в Венеции, когда колонна Грайи поднялась из воды, а Трелони, Трелони не поверит нам, если мы расскажем ему, кем на самом деле был его обожаемый Шелли.

Байрон взялся за весла и устало подогнал лодку к веревочной лестнице, чтобы Тито мог спуститься вниз и доставить их на берег. — Только мы с тобой — и Джозефина.

— Да поможет нам бог, — тихо сказал Кроуфорд.

— Если он есть, — усмехнулся Байрон. Не забывай о неисчислимом множестве ужасных вещей, которые уже случились.

* * *

К четырем часам огонь улегся достаточно, чтобы они могли приблизиться к печи не боясь обгореть. Грудная клетка и тазовые кости остались лежать неровными углями, но сердце, хотя и почерневшее, было все еще целым. Лишь бегло брошенный на него взгляд заставил Кроуфорда опять почувствовать головокружение, и он сел прямо на горячий песок.

Байрон глубоко вдохнул. — Тре, — сказал он, — ты не мог бы достать для меня сердце?

Трелони решительно покачал головой. — Я уже пытался достать тебе череп. А сердце просил Хант.

Байрон озабочено посмотрел на сидящего внизу Кроуфорда. — Это нелепо, — сказал он Трелони. — Я знал Шелли дольше, чем любой из вас! Вы оба гости в моем доме! Я требую чтобы...

Он остановился и посмотрел на Ханта и Трелони. Кроуфорд мог догадаться, о чем думал Лорд: Трелони не сдвинется с места, а Хант может еще чего доброго из уязвленной гордости покинуть Каза Ланфранки и забрать сердце с собой; и если Байрон устроит сцену по поводу того, что хочет это сердце, Хант может запросто при первой же возможности вернуться на корабле в Лондон.

— Простите, — сказал Байрон. — Тяжелый просто выдался день. Конечно же, вы можете взять его, Ли — а я удовольствуюсь кусочком кости.

Хант принес маленький ящичек, чтобы унести в нем мощи, и теперь открыл его и держал, пока Трелони склонился над мрачным изобилием печи и выхватил сердце. Он зашипел от боли, но перебросил его Ханту, который ухитрился поймать его в свою шкатулку и захлопнул крышку, будто сердце могло попытаться выпрыгнуть обратно.

Хант нервно взглянул на Байрона, но лорд по-прежнему улыбался — хотя Кроуфорд заметил, как натянулась кожа на его скулах. Байрон вынул носовой платок и с его помощью

поднял кусок ребра. — А мне достанет и этого, — равнодушно заметил он.

Прах и оставшиеся обломки костей были собраны в маленький, выполненный из свинца и дуба гроб, привезенный Байроном, а затем санитарные служащие помогли Трелони просунуть под печь шесты и унести ее вниз к линии прибоа. Когда они окунули ее в воду, в воздух взвилось облако пара, и Кроуфорд подумал, что раздавшееся шипение прозвучало так, будто само море зашипело от боли.

Час спустя Трелони, Байрон, Хант и Кроуфорд обедали в Виареджо. Байрон привел Ханта в недоумение, поинтересовавшись у хозяина гостиницы, не могли бы им подать вино в аметистовых чашах — понятно, что все, что нашлось у хозяина это стеклянные фужеры, это, однако же, не помешало им набраться терпкого домашнего вина, так что когда наполеоновская карета Байрона покатилаь обратно на юг в Пизу, они распевали песни и истерически хохотали.

Кроуфорд отдавал себе отчет, что их веселье было ответной реакцией на все происшедшее в этот день; но в собственном смехе и смехе Байрона ему чудились так же нотки страха. И пока тени придорожных деревьев все больше вытягивались поперек их пути, он, против своей воли, то и дело бросал взгляд на заключающую мощи шкатулку Ханта, лежащую на сиденье возле Трелони.

И летучие мыши с младенцев чертами ей вторили свистом
И взбивали крылами фиолетовый сумрак вокруг,
И кишели вниз головой на почерневшей стене,
И с небес до земли вырастали башни,
Что несли поминальный звон, эти дни охранявший,
И зывали водоемов и колодцев пустых голоса.
— Т. С. Элиот, Бесплодная земля

На следующий день наступила суббота, и Кроуфорд мало что делал, кроме как ел и спал.

В воскресенье рано утром его разбудило щебетанье и порхание птиц в ветвях раскинувшегося за окном дерева, и по меньшей мере целый час он просто лежал в кровати, наслаждаясь мягкостью матраса и теплой тяжестью одеял.

В конце концов, дверь бесшумно качнулась внутрь, и на него глянул слуга Байрона Джузеппе; видя, что Кроуфорд уже проснулся, мужчина ретировался и вернулся с тарелкой фасолевого супа. Кроуфорд с удовольствием съел его и откинулся в кровати, смутно сожалея, что не попросил слугу принести ему каких-нибудь книг... когда ему пришло на ум, что Джозефина должно быть лишь недавно отправилась спать. Он надеялся, что она все еще остается в Каза Магни, а не ночует где-нибудь на улице среди деревьев.

Он посмотрел на стоящую на прикроватной тумбочке выскобленную до дна чашку супа, спрашивая себя, что же в эти дни ела она. Ей *нужно* есть печенку и изюм, подумал он, чтобы восстановить кровь, которую она, безусловно, теряет каждую ночь; к тому же ей теперь приходится есть за двоих. Интересно, она хотя бы знает, что, по всей видимости, беременна.

— Проклятье, — устало прошептал он и выпростал свои исхудавшие ноги из-под одеял. Он был одет в длинную ночную рубашку, и сейчас оправил ее, прикрывая свои приводящее в уныние белые костлявые колени. Миг спустя он набрал в легкие воздуха и поднялся, покачиваясь и чувствуя головокружение от этой внезапной высоты, а затем, волоча ноги, направился к двери.

Джузеппе вошел как раз в тот момент, когда он потянулся к ручке, и внезапно открывшаяся дверь ударила Кроуфорда в плечо; он потерял равновесие и со всего размаху сел на ковер.

Слуга раздраженно тряхнул головой, наклонился и с унижительной легкостью обхватил Кроуфорда за плечи и поставил его обратно на ноги.

Мужчина указал на видневшуюся за спиной Кроуфорда кровать.

Усилием воли Кроуфорд сдержал порыв потереть помятые руки. — Хорошо, — сказал он, — но передайте Байрону, когда он проснется, что мне нужно с ним поговорить.

— Он уже поднялся, — сказал Джузеппе, — но ему слишком нездоровится, чтобы с кем-нибудь говорить.

Кроуфорд задавался вопросом, почему этот человек, казалось, испытывал к нему неприязнь. Может, он слышал, как Кроуфорд провел свой последний месяц, и осуждает *нефандос*; или, может, просто потому, что дети Ханта вгоняют всех слуг в дурное расположение духа.

Кроуфорд покорно вернулся обратно и сел на постель, но когда слуга вышел, он снова с трудом поднялся на ноги.

В коридоре никого не было, и он, ковыляя по холодному каменному полу, добрался до комнаты Байрона и постучал в массивную дверь.

— Входи, Зеппи, — откликнулся Байрон, и Кроуфорд отворил дверь.

Как и большинство внутренних комнат итальянских домов, в которых Кроуфорду довелось побывать, спальня Байрона была темной и безрадостной. Кровать, на которой лежал лорд, выделялась в полумраке черной укрытой пологом необъятной конструкцией, на спинке которой, заметил Кроуфорд, был изображен герб Байрона.

— Какого черта ты здесь делаешь? — сердито спросил Байрон, садясь на постели.

— Я слышал, ты болен.

— Что-то я сомневаюсь, что ты пришел справиться о моем здоровье. Он откинулся обратно на украшенные кисточками подушки. — Да, я болен. Думаю, он негодует, что я

пробыл так долго в море. Она ревнует по поводу времени проведенного вне ее власти, так что теперь, в наказание, терзает меня лихорадкой с удвоенной силой.

Кроуфорд знал, что оба местоимения адресовались одному и тому же существу. — Пора начинать, — сказал он, без приглашения садясь в богато украшенное кресло, стоящее возле кровати. — В любой день Хант может уплыть с этим чертовым сердцем в Англию, да и ты, судя по всему, не становишься сильнее.

— Не домогайсядо меня, Айкмэн — я делаю это для твоей чертовой жены...

— А так же для себя и оставшихся у тебя детей.

... И не перебивай меня, черт возьми! Не могу же я путешествовать в таком состоянии! Да ты и сам развалина, ты только посмотри на себя! Мы не можем отважиться на столь рискованное предприятие, пока... не сделаем все, что в наших силах, чтобы оно могло увенчаться успехом.

На столе возле головы Байрона лежала доска для писания и рукописные листы, и Кроуфорд, глаза которого к этому времени уже достаточно приспособились к царящему в комнате полумраку, смог разобрать, что листы были исписаны характерными восьмистишиями [\[378\]](#). Вероятно, это было продолжение *Дон Жуана*, по-видимому, бесконечной поэмы, которую Байрон начал писать в Венеции в 1818.

Байрон проследил за его взглядом, и теперь открыл было гневно рот — но Кроуфорд вскинул руку, призывая его замолчать.

— Я сказал что-нибудь? — спросил Кроуфорд. — Я ни слова тебе не сказал.

Байрон, казалось, немного расслабился. — Да, верно. Вот что, если тебе так уж необходимо проявлять кипучую деятельность, почему бы тебе не пойти и не стянуть сердце? Хант хранит его на полке внизу.

— Надеюсь, хоть дети его туда не доберутся.

Байрон моргнул. — Нет, если не догадаются притащить стул, теперь, когда ты об этом упомянул — если здесь, конечно, *остался*еще хоть один стул, который они не разломали. Так что думаю, было бы хорошей идеей, пойти тебе и сделать это прямо сейчас.

Байрон совершенно очевидно не горел желанием составить ему компанию, так что Кроуфорд покинул комнату, доковылял до лестницы и начал спускаться вниз.

На лестничной площадке восседал бульдог Байрона, но он лишь поднял голову и покосился на Кроуфорда, когда тот с опаской прошаркал мимо. Кроуфорд припомнил, что Байрон не раз внушал собаке не «позволять никаким чертовым Кокни [\[379\]](#)» подниматься вверх в его апартаменты. Теперь, спускаясь по последним ступеням, он улыбнулся. На обратном пути, сказал он себе, не забудь сказать *Привет, песик*, с самым что ни на есть культурным выговором.

Очутившись в парадном холле, он быстро прошаркал к арочному проходу, который вел в комнату, что служила Хантам гостиной. Комната была пуста, хотя каракули на стенах напомнили ему, что дети могут появиться в любую минуту.

Коробка стояла на каминной полке, и он пересек комнату и снял ее. Крышка была не закрыта — и он, повинуясь внезапному порыву, открыл ее и впился взглядом в обуглившуюся глыбу находящуюся внутри.

Снова его посетило испытанное ранее чувство чудовищной несообразности, космического противоречия, которым она являлась. С чувством тошноты он поспешно захлопнул крышку.

Он вернулся обратно в холл, но сделал лишь два шага по направлению к лестнице, когда

услышал, как кто-то неумело пытается открыть тяжелую входную дверь за его спиной; он поспешно скользнул в темнеющую справа узкую арку и обнаружил себя в просторной комнате с каменным полом, тускло освещенной солнечным светом, льющимся через несколько маленьких шестиугольных оконцев.

Воздух здесь был теплее и благоухал запахами чеснока и вяленой ветчины [\[380\]](#). Со своего места подле огня на него неодобрительно взглянула пожилая женщина, кухарка Байрона, но она лишь покачала головой, и ее взгляд снова вернулся к кастрюле с супом, который она помешивала.

До Кроуфорда донесся оживленный гомон и топот детей Ханта, ворвавшихся в главный холл. «Были ли родители вместе с ними? Если так, Ли Хант, несомненно, заметит пропажу коробки и может, чего доброго, начать кричать об этом, прежде чем Кроуфорд успеет незамеченным проскользнуть наверх».

Справа от него на деревянной столешнице лежало несколько листов обёрточной бумаги из-под мяса, по соседству с несколькими курицами, пребывающими в различных стадиях расчленения, и, повинуясь внезапному вдохновенному порыву, Кроуфорд расправил один из бумажных листов, открыл коробку и безо всякого почтения вывалил на него сердце Шелли; затем схватил большую, бородастую петушину голову и бросил ее в коробку. Он закрыл крышку и прикинул вес коробки — с озабоченным удовлетворением отмечая, что ее вес был примерно такой же, как и когда она вмещала в себя сердце Шелли — а затем плотно обмотал сердце бумагой и подхватил его другой рукой.

Вид обугленного треснувшего сердца Щели заставил его вспомнить о своем собственном, которое столь яростно грохотало в грудной клетке, что голова подергивалась ему в такт. Одному богу известно, что Ханты и слуги подумают о его ноше, если он тут сейчас свалится замертво. Даже Байрон будет удивлен, что это на него нашло.

Он больше не слышал шума детей — очевидно, они пронеслись насквозь через весь дом и выбежали с черного хода. Задышавшись, Кроуфорд снова прохромал через холл и арку в гостиную Хантов.

Он водрузил коробку обратно на каминную полку и каким-то чудом заставил себя поспешить назад к входной арке.

Он миновал ее и вышел в холл, но усилие это дорого ему обошлось. В глазах у него потемнело, и он вынужден был осесть на каменный пол с торчащими вверх коленями, крепко стискивая обернутое в бумагу сердце, чтобы быть уверенным, что оно не выскользнет из онемевших трясущихся рук. Лодыжки снова начали кровоточить, и пятки сделались скользкими.

— Что это ты тут тащишь?

Кроуфорд поднял взгляд. Один из отпрысков Хантов, где-то семи лет отроду, взирал на него сверху. Мальчишка хлопнул по стиснутым рукам Кроуфорда. — Что у тебя там? — повторил он. — Думаю, стянул что-то с кухни.

— Потроха, — выдохнул Кроуфорд. — Псу отдам.

— Я сам ему отнесу. Я хочу с ним подружиться.

— Нет. Лорд Байрон сказал *мне* отнести их ему.

— Моя мама говорит, ты мерзкий тип. Ты и правда выглядишь мерзко. Мальчишка изучающее уставился на Кроуфорда. — Ты — всего лишь дряхлая старая развалина, верно? Спорим, я без труда *отберу* тебя эти объедки.

— Не глупи, — сказал Кроуфорд, как он надеялся устрашающе взрослым тоном. Он

попробовал выпрямить ноги и подняться, но пятки снова поехали в натекшей крови, и попытка закончилась лишь тем, что он ударился об пол своими костлявыми ягодицами. Головокружение и тошнота, вызванные в нем скачущим галопом сердцем, стали гораздо хуже.

Мальчишка захихикал. — Спорим, ты стащил эти потроха для себя, а потом сырыми сожрешь в своей комнате, — сказал он. — Лорд Байрон ничего тебе не говорил, верно? Ты просто вор. Я отниму у тебя этот пакет. Мальчишка возбужденно перевел дух — очевидно мысль, что он может вот так запросто изводить этого взрослого, подействовала на него опьяняюще.

Кроуфорд открыл рот и начал звать на помощь, но мальчишка громко запел, легко заглушая шум, издаваемый Кроуфордом, и одновременно с этим потянулся и отвесил крепкую пощечину по белобородой щеке Кроуфорда.

К своему ужасу Кроуфорд почувствовал, как из уголков его глаз брызнули слезы. У него не было на все это времени. Если сердце будет обнаружено, Хант надежно упрячет его под замок и без промедления увезет в Лондон — а что, если этот проклятый мальчишка и в правду отнесет его собаке, а собака возьмет его и съест.

Он снова попробовал встать, но мальчишка грубо толкнул его назад.

Кроуфорд почувствовал, как его охватывает паника. Жизни Джозефины и его нерожденного ребенка — по крайней мере, их человеческие жизни — зависели от того, сумеет ли он убежать от этого маленького дьяволенка, и он совсем не был уверен, что ему это будет по силам.

Он снова начал кричать, а мальчишка снова стал распевать: — «О ты, что всех прекрасней, что мне милее всех [\[381\]](#)» — и наотмашь ударил его тыльной стороной ладони по другой стороне лица. Он запыхался, но все равно это оставалось для него игрой.

Кроуфорд глубоко вдохнул и выдохнул, а затем заговорил, очень тихо. — Позволь мне забрать это и уйти, — спокойно сказал он, — или я тебя покалечу. Сквозь охватившую его тошноту он пытался сосредоточиться на том, что говорил.

— Где тебе. Это я тебя покалечу, если захочу.

— Я... — Кроуфорд подумал о Джозефине, спасение столь смехотворно ускользало от него. — Я тебя укушу.

— Да тебе и макаронину не разгрызть.

Кроуфорд выпучил глаза на мальчишку и медленно растянул губы в дьявольской усмешке, держа глаза широко раскрытыми, чтобы морщины на его щеках стали еще глубже. Он выставил вперед левую руку и помахал перед ним обрубок безымянного пальца. — Это видишь? Я его откусил, однажды, когда был голодным. Я и *твой* откушу.

Мальчишке, похоже, стало неудобно, но слова его разозлили, так что когда он снова отвел руку для удара, стало ясно, что в этот раз он намеревался ударить Кроуфорда гораздо сильнее. Кроуфорд подумал, что удар этот может, ввиду его ослабленного состояния, оставить его без сознания.

— Вот так, — поспешно сказал он, и засунул в рот мизинец. Он ощутил вкус оставшегося на нем фасолевого супа, и от мысли о том, что это может быть также вкус сердца Шелли, его чуть не стошнило.

Рука мальчишки была все еще занесена для удара, но он остановился и выжидательно на него уставился.

Кроуфорд впился зубами в палец. Боли все не было, и он укусил сильнее, надеясь

прокусить палец до крови и этим испугать мальчишку. Бешеный стук сердца, казалось, заглушал его мысли.

Гадкий мальчишка Хантов казалось не впечатлился; он отвел руку еще дальше и покосился на Кроуфорда.

Безмерная горечь затуманила сознание Кроуфорда, тяжестью навалившись на веки, но он заставил себя не отрывать взгляда от юного Ханта; и пока он размышлял, есть ли у него какой-то другой способ выбраться из всего этого, он выразил все свое отчаяние в том, что со всеми уцелевшими в нем крупными силами стиснул зубы на последнем суставе пальца. Хряп хрустнул между его зубов, и ужас происходящего, казалось, только придал ему силы.

Рука Кроуфорда вылетела изо рта, разбрызгивая кровь по полу.

Последний сустав мизинца остался во рту, и он резко его выплюнул, так, что тот отскочил от носа мальчишки.

А затем мальчишка исчез, истерически вопя, пока он неслился через все более отдаленные комнаты, а Кроуфорд из последних сил перевернулся, оперся на руки и колени и пополз к маячащей впереди лестнице, таща бумажный сверток и оставляя кровавый след, тянущийся за ним по каменному полу.

Джузеппе обнаружил его на ступенях и оттащил обратно в комнату.

Вскоре после того, как Джузеппе наложил повязку на обрубок его свежееоткушенного пальца, его навестил Байрон. Лорд был бледен, и его сотрясала дрожь.

— Вот... — слабо выдавил Кроуфорд, — сердце здесь. На столе.

— Какого дьявола ты это сделал? — тихим, но срывающимся голосом спросил Байрон. — Щенок Хантов говорит, что ты откусил свой палец! Ты что и вправду это сделал?

— Да.

— У тебя что припадок был? Мальчишка говорит, ты... *выплюнул* свой палец прямо ему в лицо! Внизу все орут. Морето унесся туда и, по-видимому, *съел* твой палец. Черт возьми, ну почему я вечно связываюсь с такими ужасными людьми. Сначала заполучил Ханта с его свиноматкой и их вечно путающимися под ногами дьяволятами, все из-за этой невозможной затеи с его журналом, и мне что, мало этого было? Так нет же, теперь я вдобавок ввязался в еще *более* безумное предприятие с человеком, который откусывает свои пальцы, и его женой, которая выдирает свои глаза!

Плечи Кроуфорда затряслись, и он и сам не мог сказать, плачет он или смеется. — Кто, — выдохнул он, — этот Морето?

Байрон взирал на него с изумлением. — А кто, черт возьми, ты думаешь, он такой? Он хмурил брови, но уголки его губ начали подергиваться. — Один из моих слуг? Морето — это мой *пес*.

— О. Теперь Кроуфорд определенно смеялся. — Я сперва подумал, может это та пожилая кухарка.

Теперь уже и Байрон смеялся, хотя, по-видимому, все еще был зол. — Только потому, что тебе приспичило пить одеколон, не стоит думать, что я морю голодом свою прислугу. Он прислонился к стене. — Так как же тебя *угораздило* откусить собственный палец? Похоже все же на припадок, насколько я могу судить. Он изучающее уставился на Кроуфорда. — Я хочу сказать, это ведь была случайность, верно?

Кроуфорд все еще сотрясался. Он покачал головой.

— Господи боже! Тогда... *почему?*

Кроуфорд протер глаза искалеченной рукой. — Ну... в тот момент это показалось мне

единственным способом помешать ему скормить *сердце* Шелли собаке.

Байрон удивленно покачал головой. — Это... это просто безумие. Но ты же мог понять столь очевидную вещь, что ты еще не готов для нашего предприятия. Боже правый, ты ведь мог бы... позвать на помощь? Кухарка была рядом. Или просто *сбежать* от этого мальчишки, верно? Или пнуть его. Я просто не могу понять...

Теперь Кроуфорд плакал. — Ты... ты не *можешь* понять. Тебя там не было.

Байрон кивнул, и, казалось, сделал усилие, чтобы не позволить жалости — или быть может отвращению — проступить на своем лице. Он приблизился к прикроватной тумбочке и поднял с нее бумажный сверток. — Лучше его припрятать. Хант наверняка вскоре заметит пропажу. Он знает вес сердца. Даже если он просто возьмет коробку, он поймет, что она пустая.

— Нет, — сдавленно произнес Кроуфорд. — Коробка весит столько же.

— Коробка, — осторожно переспросил Байрон, — весит столько же. Что ты туда положил?

— Я... э-э, о господи, петушиную голову. С кухни.

Байрон покорно кивал, и, казалось, не собирался останавливаться. — Петушиную голову. *Петушиную* голову.

Все еще кивая, Байрон покинул комнату, бесшумно затворив за собой дверь.

* * *

Кроуфорд и Байрон слегли с сильным жаром, и в течение следующей недели обгоревшая на солнце кожа Байрона облезла с него огромными лохмотьями, и он то и дело расточал шутки по поводу змей, сбрасывающих свою кожу.

Но Кроуфорд, который мучался от своей беспомощности и изводился от нетерпения найти и спасти Джозефину и своего нерожденного ребенка, не находил эти шутки забавными.

Довольно долго он не мог пробудить в себе чувство голода или желание двигаться, но заставлял себя есть три раза в день и упражняться — сперва простого поднятия несколько раз железной лампы, стоящей на прикроватном столике, было достаточно, чтобы вогнать его в пот и дрожь, но к концу второй недели его выздоровления он уже оправился достаточно, чтобы попросить Джузеппе принести ему пару кирпичей, и вскоре, в один прекрасный день, уже мог опустить их ниже талии и поднять над головой пятьдесят раз кряду.

Вскоре после этого для своих занятий он начал спускаться вниз и выходить в расположенный возле дома узенький огород, так как здесь наверху была закрепленная этажом выше крепкая балка, к которой крепилось несколько оплетенных растениями шпалер, достаточно крепкая, чтобы он мог на ней подтягиваться. Кухарка Байрона сначала ворчала, когда видела его в своем саду, но потом, как-то раз, он помог ей набрать и отнести на кухню несколько полных пакетов базилика; и после этого она перестала смотреть на него волком, и даже раз или два улыбнулась и сказала *Buon-giorno* [\[382\]](#).

Байрон, казалось, поправлялся намного быстрее. Кроуфорд часто видел его за обедом, но в эти дни Байрон всегда был в сопровождении пустого, болтливого Томаса Медвина,

старого знакомого из пизанского круга, а когда пару раз подвернулась возможность поговорить с глазу на глаз, и Кроуфорд пытался намекнуть лорду, что хочет обсудить задуманное ими путешествие, Байрон хмурился и менял тему.

Когда, наконец, двадцать первого августа Медвин уехал, Кроуфорд обнаружил, что вообще не может поговорить с Байроном. Лорд проводил все свое время, заперевшись в своей комнате и читая или прогуливаясь в большом саду с Терезой Гвиччиоли, и когда как-то раз Кроуфорд осмелился прервать двух влюбленных, Байрон сердито ему сказал, что если он еще раз вторгнется в их уединение, он вообще откажется от их планов.

Тереза

Байрон просыпался лишь во второй половине дня, по всей видимости, проводя ночи напролет пьянствуя и лихорадочно набрасывая все новые стансы *Дон Жуана*. Он больше ни разу не появлялся на Боливаре и, по всей видимости, завязал даже с конными прогулками.

Когда Кроуфорд почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выходить наружу, он начал совершать прогулки по Лунг'Арно, пересекая мост, переброшенный через грязно-желтые воды Арно — по которому так любил плавать Шелли — и стучал в дверь Три Палаццо, где снова остановилась Мэри Шелли. Он надеялся, что она походатайствует за него перед Байроном, но она все еще была слишком расстроена смертью Шелли и разгневана отказом Ли Хант позволить ей забрать сердце Шелли, чтобы думать о чем-то еще.

Кроуфорд думал, что знает, почему Хант столь непреклонен. На днях, после затянувшейся допоздна беседы за обеденным столом о Перси Шелли, Хант удалился вниз по лестнице, направляясь в свои покои — а затем оттуда донесся его встревоженный возглас. Байрон послал вниз слугу, чтобы узнать что случилось, и Хант заверил того, что просто споткнулся... но каких-то несколько минут спустя все его семейство беспомощно убедилось, что Хант хоть иногда да отступает от своего часто провозглашаемого убеждения, что детей никогда не следует бить.

С тех пор Кроуфорд часто размышлял, отчасти со страхом, отчасти веселясь, поверил ли Ли Хант без сомнения пылким заверениям своих детей, что они знать-не знают, как могла петушиная голова угодить в коробку, в которой должно было лежать сердце Шелли.

Одиннадцатого сентября Мэри выехала из Три Палаццо, направившись в Геную. Позже Кроуфорду пришло на ум, что Мэри все же могла как следует поговорить о нем с Байроном, пока она была в Пизе, так как на следующий день после ее отъезда Байрон вызвал Кроуфорда в парадный сад Палаццо Ланфранки, в котором лорд и его любовница Тереза неторопливо обедали под раскидистыми ветвями апельсинового дерева, и в резких выражениях сказал Кроуфорду, что этот дом будет вскоре закрыт и освобожден, и что Кроуфорду придется его покинуть.

Кроуфорд решил дать Байрону несколько дней, чтобы остыть, а затем, словно случайно, где-нибудь с ним столкнуться, теперь, когда терять, по всей видимости, было уже нечего — по крайней мере, здесь больше не было оккупировавших дом гостей.

Но четыре дня спустя Кроуфорд проснулся, чтобы обнаружить, что старый друг Байрона Джон Кэм Хобхаус прибыл с недельным визитом. Кроуфорд помнил Хобхауса по путешествию, которое они совершили через Альпы шесть лет назад — Хобхаус был однокурсником Байрона в Тринити-Колледж [\[383\]](#), и был в настоящее время политиком, жизнелюбивым, искушенным и остроумным, и Кроуфорд потерял надежду когда-либо завладеть нераздельным вниманием Байрона.

После того, как он покончил со своими упражнениями — он мог теперь подтянуться двенадцать раз кряду — Кроуфорд провел день, гуляя по Пизе, замечая места, где они были с Джозефиной, и яростно мечтая, чтобы они поженились тогда, когда впервые прибыли в этот город, и никогда не возобновляли знакомства с этими проклятыми поэтами. Возвратившись в дом Байрона, он пару часов пил брэнди в своей комнате, а затем спустился вниз и на кухне съел полента и минестроне. В конце концов, он почувствовал, что хочет спать и вернулся

обратно в холл.

Он остановился перед ведущей на кухню аркой. В тусклом свете от пары ламп в нишах на стенах, парадный холл палаццо Ланфранки выглядел в эти дни загроможденным товарным складом — повсюду грудились ящики с книгами, статуями и посудой, а из стоящей у входа бочки, словно оставленные гостями зонтики, торчали с десятков богато украшенных мечей и ружей. Царившее здесь обычно благодаря детям зловоние прокисшего молока и испорченной пищи перебивали отдающие плесенью испарения старой кожи.

Кроуфорд пробрался между ящиков к бочке и извлек из нее старую саблю, и, вытянув ее из ножен, начал рассматривать клинок, когда на мостовой снаружи раздались шаги, и входная дверь тяжело отворилась.

Хобхаус шагнул внутрь, бросил взгляд на Кроуфорда и, придушенно вскрикнув, метнулся назад. Спустя мгновение внутрь ворвался Байрон с пистолетом в руке, но, увидев Кроуфорда, нахмурено расслабился.

— Это всего лишь Святой Михаил, — позвал он сквозь раскрытую дверь, — ищет своего змея.

Хобхаус снова показался на пороге, и Кроуфорд поспешно вложил меч в ножны и запихал его обратно в бочку.

— Ты, должно быть, не узнал старину, — сказал Байрон Хобхаусу, — но он был моим личным врачом во время того путешествия, что мы совершили через Альпы в 16-ом.

Хобхаус удивленно посмотрел на Кроуфорда. — Святой Михаил, да? Начиная припоминать, — задумчиво сказал он. — Ты его уволил, за разговоры о живых камнях, верно? Кроуфорду он сказал: — Я рад, что вы здесь.

Байрон и Кроуфорд удивленно на него посмотрели

— Ты... вроде бы что-то говорил по поводу брэнди, — заметил Хобхаус Байрону.

Лорд кивнул. — Наверху, — сказал он, указывая путь пистолетом, который все еще держал в руке. Он заметил это и положил его на один из ящиков.

— Нет, захвати его с собой, — сказал Хобхаус, — и своего доктора тоже.

Байрон все еще хмурился, но теперь одновременно улыбался. — Он больше не мой...

Хобхаус уже начал пробираться через сужающийся коридор между ящиков. — Все равно, кем бы он там ни был, — бросил он через плечо, — захвати его тоже.

Байрон пожал плечами и махнул рукой в направлении лестницы. — После вас, доктор.

* * *

Со стен столовой Байрона были сняты все картины, и едва заметные белые квадраты отмечали на штукатурке те места, где они висели. Хобхаус закрыл окна, пока Байрон разливал брэнди.

Хобхаус сел и сделал глоток. — Я говорил недавно с твоей сводной сестрой Августой, — сказал он Байрону. — Она показала мне камни, что ты прислал ей тем летом, когда мы путешествовали по Альпам. Маленькие кристаллы с Мон Блан. Она также показала мне некоторые из твоих писем.

— Я был пьян все то лето, — протестовал Байрон, — те письма, наверное, просто...

— Расскажи мне, что у тебя общего с этим движением Карбонариев.

— Я... — Байрон, подняв бровь, покосился на своего старого друга. — Ну, я мог бы тебе сказать, что помогаю им свергнуть их новых Австрийских правителей, верно?

— Да, ты бы конечно мог. Но я был там, когда ты повстречал Маргариту Когни, помнишь? Хобхаус повернулся к Кроуфорду. — Это произошло в Венеции, летом 1818-го; как-то вечером мы выехали на конную прогулку и повстречали двух девушек, крестьянок, и Байрон сказал, что одна ему приглянулась, а мне понравилась другая.

Он обернулся к Байрону. — Когда я остался один, — продолжил Хобхаус, — я обнаружил, что она хочет меня *укусить*. И она меня заверила, что вторая девушка — Когни, хочет от тебя того же самого. Я всегда пытался оградить тебя от... неподходящих женщин, и если ты помнишь, пытался уговорить тебя отделаться и от нее тоже. Но *тогда*... я думал, что просто пытаюсь спасти тебя от любовницы с извращенными вкусами.

Байрон был заметно взволнован его словами. — Боже правый, Хобби, я рад, что ты не дал ей себя укусить. Он вздохнул и жадно глотнул брэнди. — Видишь ли, Карбонарии пытаются выдворить Австрийцев — и я *думаю*, у них есть на то все основания.

Он поднял руку, призывая Хобхауса помолчать. — Но, — продолжил Байрон, — ты прав, это далеко не единственное, что меня с ними связывает. В глазах Карбонариев род, к которому принадлежит Маргарита, гораздо более реальный враг, чем какая-то абстрактная категория австрийцев. У Карбонариев имеются методы, позволяющие держать этих созданий в узде, и я этими методами пользуюсь. Ты, должно быть, заметил, что Тереза вполне земная женщина и до сих пор невредима — так же как и Августа и ее ребенок, и моя бывшая жена и ее ребенок.

— В узде, — сказал Хобхаус. — Есть ли какой-то способ полностью освободить от нее — от ее рода — тебя и зависящих от тебя людей?

— Да, — сказал Кроуфорд.

Хобхаус взглянул на него, затем снова на Байрона. — И ты намерен это сделать?

— Просто из чистого любопытства, — сухо сказал Байрон, — ты знаешь, что этот *поступок* будет означать? Самым... *банальным* последствием этого явится то, что я иссякну, как поэт. Кроуфорд с изумлением заметил, что Байрон, похоже, и вправду пытается рассматривать это как нечто банальное. — Я не напишу больше ни строчки.

Хобхаус подался вперед, и Кроуфорд был поражен, каким суровым может быть его округлое, обычно мягкое лицо. — И твои дети не станут вампирами.

— Они, вероятно, и так не станут, — раздраженно ответил Байрон. — Но да, мы с Айкмэном вскоре собираемся проверить один трюк. А затем я собираюсь отправиться в Грецию, где, без сомнения, через весьма непродолжительное время мне придется столкнуться с *другим* последствием.

Хобхаус бросил взгляд на Кроуфорда, который неопределенно пожал плечами. «Только не смотри на меня, — подумал Кроуфорд, — я так и не научился отличать его искренность от его же позирования».

— Звучит так, — задумчиво сказал Хобхаус, — словно ты веришь, что твое освобождение от этого существа, от этих существ, будет означать твою смерть.

Байрон осушил бокал и снова его наполнил. Его рука дрожала, и горлышко графина дребезжало, задевая за край бокала. — Я верю, что так оно и будет, — с вызовом сказал он.

Кроуфорд в замешательстве покачал головой. — Но ведь свободные от этих созданий люди живут *дольше*. Ты смог избежать наихудшего истощения, малокровия и лихорадки,

которыми обычно страдают их жертвы, но это стоит тебе кучи усилий и все равно помогает не полностью. Без своего вампира ты действительно будешь здоровым, и все эти защитные меры больше тебе не понадобятся.

— Ты определенно не растерял своего докторского красноречия, Айкмэн, — сказал Байрон. — Дьявол, я уверен, в большинстве случаев все как раз так, как ты говоришь, но...

После затянувшегося молчания Кроуфорд поднял руку, призывая его продолжать.

Байрон вздохнул. — В моем случае, это создание меня оберегает. Я знаю, что не прожил бы так долго, если бы оно... если бы оно не приглядывало за мной. Даже несмотря на то, что я оскорбил Лорда Грея, после того как он проник в мою спальню в Ньюстедском Аббатстве, когда мне было пятнадцать, и думал, что бросил Маргариту Когни ради Терезы, это существо... Он улыбнулся. — Оно любило меня, и все еще любит.

Кроуфорд перехватил взгляд Хобхауса и еле заметно покачал головой. «Они заботятся о нас, — подумал он, — и именно *поэтому* они оказываются для нас столь разрушительными».

— И ты, — мягко сказал Хобхаус, — ты тоже все еще *его* любишь.

Байрон пожал плечами. — Я способен полюбить любое существо, что выкажет такое желание.

Хобхаус неловко заерзал в своем кресле. — Но ты ведь... *сделаешь* это, верно, проведешь этот... экзорцизм?

— Да. Сказал, что сделаю, значит сделаю.

— Я могу тебе как-нибудь помочь?

— Нет, — сказал Байрон, — это...

— Да, — оборвал его Кроуфорд.

Оба мужчины взглянули на него, Байрон с подозрением.

Обращаясь к Хобхаусу, Кроуфорд сказал: — Заставьте его пообещать вам — вам его лучшему другу, школьному товарищу по Тринити и все такое — что он не опубликует больше никаких стихов. Это устранил одно из сильнейших влечений, которым его притягивают нефелимы. Он повернулся к Байрону. — Несмотря на твое показное презрение к поэзии, я думаю, она составляет огромную часть твоего, ну даже и не знаю, *самоопределения* что ли. И до тех пор, пока она будет тебе доступна, я сильно сомневаюсь, что ты на самом деле захочешь покинуть своего вампира.

Байрон что-то бессвязно бормотал, пока Кроуфорд говорил, и теперь взорвался: — Это смехотворно, Айкмэн, по множеству причин! Во-первых, ты что сомневаешься, что я сдержу свое обещание?

— Нет, если ты дашь его Хобхаусу. Думаю, что честь для тебя важнее даже, чем твоя поэзия. Она стержень того человека, которым ты себя мыслишь.

Байрон, казалось, сдался. — Ну хорошо, что в таком случае помешает мне просто писать для себя? И пусть у меня не будет читателей, всегда останусь я и мои обезьяны. Или, например, издаваться под псевдонимом?

— С одной стороны, эта поэзия не получит мировой известности, а с другой, она не будет восприниматься как поэзия Байрона. Это будет лишено для тебя всякого *смысла*.

Байрон выглядел загнанным в ловушку. — Таким образом, ты полагаешь, что это устранил все возможно имеющиеся у меня колебания — что после того как я отрекусь от поэзии, у меня больше не останется причин не сделать этого.

— Точно.

Байрон с ненавистью посмотрел на Кроуфорда. — Я... сделаю это. Он насмешлив

возвел очи. — Полагаю, мне будет дозволено опубликовать всю ту писанину, что я уженакропал? Ее изрядно уже поднакопилось.

— Конечно, — сказал Кроуфорд. — Следующие несколько лет можешь... кровоточить ею. [\[384\]](#)

Байрон издал жесткий, похожий на лай смешок, а затем повернулся к Хобхаусу. — Я обещаю, — сказал он.

Хобхаус потянулся над столом и пожал руку старого друга. — Спасибо, — ответил он.

Quaff while thou canst: another race,
When thou and thine, like me, are sped,
May rescue thee from Earth's embrace,
And rhyme and revel with the dead.

— Lord Byron,

«Lines Inscribed upon a Cup Formed from a Skull»

Так пей до дна, недолог век,
Твой род, как прежде мой, промчится,
И вот уж гордый человек
На корм червям едва годится.
Пройдут года, и род другой,
Что рифмой словно ты играет,
Найдет тебя в земле сырой,
И смерть с распутством обвенчает.

— Лорд Байрон,

«Стихи, начертанные на чаше, сделанной из черепа»

Хобхаус отбыл шесть дней спустя.

В Каза Ланфранки к тому времени царил хаос. Ханты остановились в расположенной поблизости гостинице до тех пор, пока все имущество Байрона не упакуют для предстоящей поездки в Геную, но в опустевшие комнаты палаццо переместили собак и обезьян Байрона, чьи клетки и конуры были разобраны и упакованы, и неутомонные животные с лихвой восполняли шум, поутихший с исчезновением детей Хантов. Байрон время от времени делал вид, что забыл о том, что дети уехали, и объяснял лай и верещанье как идиотские требования и жалобы на жаргоне кокни.

Весь день Байрон пил вино и весь вечер — джин, и его настроение поминутно менялось от легкомысленного веселья до обидчивой мрачности. Он сказал Кроуфорду, что в тот день, когда он спас его из притона нефандо, он собирался встретиться с нотариусом и написать завещание, но Тереза настолько расстроилась лишь от одной мысли, что он может когда-нибудь умереть, что ему пришлось отменить эту встречу. Она заставила его пообещать, что он забудет об этой идее, и Байрону нравилось намекать, что ему, без сомнения, суждено умереть в предстоящем им предприятии, и что именно Кроуфорд будет виноват в том, что Тереза не получит ни пенни из его денег.

Наконец, двадцать седьмого сентября, Байрон был готов к отъезду. Почти все его слуги и большая часть имущества отправились из Ливорно на север на борту фелюки, в то время как он, Тереза и Кроуфорд путешествовали по суше в Наполеоновском экипаже; животные шумно бесновались в тесных временных клетках, погруженных в салон и на крыши двух карет, что следовали за экипажем их хозяина.

Сердце Шелли лежало в отделении под сиденьем кареты, по-прежнему завернутое в мясницкую обёрточную бумагу.

Байрон был разражен тем, что пришлось встать так рано, и грубо приказал Кроуфорду ехать на козлах вместе с кучером. Тереза сопровождала его только до Лериче и собиралась совершить путешествие до Генуи с Трелони, и Байрон сказал Кроуфорду, что хочет побыть с ней наедине все то время, что ему отпущено.

Три нагруженные кареты тронулись в путь в десять, но им потребовалось целых полчаса чтобы проехать сотню ярдов по Лунг'Арно: лошади встречных карет сходили с ума, заслышав визги обезьян и крики попугаев, дети и собаки толпами собирались вокруг колес, а женщины высовывались из окон вторых и третьих этажей и бросали цветы и платки. Кроуфорд снял шляпу и радостно махал провожающим их людям.

Праздничное настроение улетучилось, когда они повернули к северу на более широкую улицу — в окружении конных австрийских солдат, конвоирующих их спереди и сзади, подчеркивая, что правительство всецело одобряет отъезд Байрона — и по левую сторону от них протянулись строения Университета, в котором Кроуфорд и Джозефина столь мирно проработали целый год.

На некотором удалении от них наклонилась печально известная Падающая Башня, создавая впечатление, что они ехали под уклон.

* * *

В течение дня Байрон несколько раз останавливал карету, чтобы поесть, выпить и успокоить животных, и прогуляться с Терезой по раскинувшимся вдоль дороги лугам. Кроуфорд скрывал свое нетерпение и избегал даже смотреть на север, на случай если Байрон наблюдает за ним, так как был уверен, что лорд расценит его напряженный взгляд как возражение против этих задержек и назло может сделать остановки еще более частыми.

Лишь на закате три кареты, наконец, повернули к западу, на идущую к морю дорогу, пересекли мост через реку Вара [\[385\]](#) и вкатились в Лериче. Экипаж, в котором путешествовали Ханты, стоял пустой позади гостиницы, а Боливар встал на якорь в маленьком порту, но когда они выбрались из кареты и поднялись в отель, они обнаружили, что Хант и Трелони отправились прогуляться вдоль берега к расположенному к югу Каза Магни. И Кроуфорд и Байрон вернулись обратно на улицу.

— Должно быть, слоняются по берегу и сочиняют сонеты к Шелли, — сказал Байрон, наблюдая, как кучер отвязывает багаж с крыши его кареты. С моря дул холодный ветерок, и он поежился и застегнул пуговицы жакета, хотя лицо его в льющемся из окон гостиницы свете блестело от пота. — Нет смысла отправляться туда вслед за ними.

Кроуфорд жадно вглядывался в южном направлении. — Разве не следует сначала... разведать местность? Джозефина где-то там...

Байрон кашлянул. — Завтра, Айкмэн. Если она тебя увидит раньше времени, она ведь может просто сбежать, верно? Вглубь страны в Каррара [\[386\]](#), притянутая мрамором, из которого здесь изготавливают все статуи, или через залив в Портовенере. Если ты не можешь... Он снова закашлялся, затем чертыхнулся и толкнул дверь гостиницы.

Кроуфорд последовал за ним внутрь. — Ты... в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Нет, черт побери, доктор, *я не в порядке* — по мне что, можно *сказать*, что я в

порядке? Байрон извлек из кармана фляжку, трясущимися пальцами отвинтил крышку и приложился к горлышку. Кроуфорда замутило от паров голландского джина. — Здесь я уязвим, — продолжил Байрон. — Методы карбонариев *и так* помогают все хуже, — а в этом проклятом заливе проку от них и того меньше. Он взглянул на ведущую вверх лестницу. — Было чистым безумством доставить сюда Терезу.

— Думаешь, — начал Кроуфорд; затем задумался, как следует закончить этот вопрос, — *ты будешь способен отправиться со мной и Джозефиной?* Он остановился, не желая, чтобы Байрон подумал, что относительного этого могут быть какие-то сомнения. — Думаю, тебе было бы тогда нелишним поспать.

— Блестящее предписание, доктор. Байрон завинтил крышку обратно и убрал фляжку в карман. — В таком случае, не будите меня завтра рано, ладно.

Байрон хромя направился к лестнице. Его заметно лихорадило, и Кроуфорд, наблюдая за его отступлением, задавался вопросом, *сможет ли* Байрон поехать, и если так, сможет ли он пережить предстоящее путешествие в Венецию и трудности, которые их там ожидают.

«Собственно, — подумал он, — сможет ли вообще *кто-нибудь* из нас все это пережить».

Не желая встретить Ханта и Трелони, когда они вернутся, Кроуфорд поднялся вверх в свою комнату.

Комната была узкой и лишенной окон, а матрас на кровати был похож на набитое сухим кустарником одеяло, но он заснул, как только упал на него, и всю ночь ему снилось, что Джозефина уже умерла, и ее похоронили; а затем холодный вампир с отливающим серебром взглядом когтистыми лапами разрыл укрывающую его землю, и близ исторгнувшей его одинокой могилы давал рождение новой жизни. Когда внизу, между широко распахнутыми бедрами нечеловеческой матери показалась голова ребенка, Кроуфорд усилием воли заставил себя проснуться, боясь увидеть его лицо.

Кожа вокруг его глаз была стянута от высохших слез, и он сполоснул лицо в тазу для умывания, прежде чем одеться и спуститься вниз. Он пренебрег доносящимся с кухни благоуханием горячей кукурузной полента и направился к парадной двери гостиницы, стараясь усмирить свою хромоту.

Снаружи, казалось, было еще холоднее, чем прошлым вечером. Над серыми покатыми крышами низко стелился туман — и на какое-то мгновение он даже не мог понять, в каком направлении лежит море, и с удивлением обнаружил, что немного напуган этой неуверенностью.

«Привыкай, — подумал он. — Скоро ты будешь пересекать Апеннины, от которых в любом направлении до моря много миль».

Он направился по сбегаящим вниз узким улочкам, вздрагивая каждый раз, когда капля холодной росы падала с одного из расположенных сверху железных балконов и ударялась о его лысую голову. Через пять минут строения остались позади, и он вышел на серый безжизненный берег. Портовенере был скрыт за стеной тумана, а *Боливар* казался неясным вертикальным мазком кисти, чуть более темным в обступившем его беспокойном свинцово-сером море.

Он направился к югу по темному, уплотненному прибоем песку, все еще стараясь пресечь хромоту и пытаясь оценить свои силы, душевные и физические.

Он избавился от нечеловеческой бледности, которой его наградил притон *нефандос*, и действительно думал, что был теперь сильнее, чем в последние годы; тем не менее, он все еще чувствовал слабость и надеялся, что от него не потребуется никаких героических усилий.

Его левая рука, с ее изувеченным мизинцем и отсутствующим безымянным, не особо теперь годилась, чтобы держать нож или пистолет, но правая была все еще ничего. И с тех пор, как он укоротил свою белую бороду и привел в порядок оставшиеся волосы, он больше не ловил на себе настороженные взгляды незнакомцев.

И он был вполне уверен, что ему достанет сил держаться решения, которое он твердо принял шесть недель назад — без тех страстей и трагедий, что сопутствовали решениям Байрона — что он сделает все, что может, чтобы освободить Джозефину и своего ребенка от заразы нефелима, даже если для этого ему придется пожертвовать жизнью.

Туман тем временем начал редеть — становясь ощутимо ярче слева, где над восточными склонами гор начинало всходить невидимое пока солнце. Он развернулся и направился обратно к гостинице.

* * *

В полдень, к тому времени как встал Байрон, туман сгорел в лучах солнца, и бездонное голубое небо снова было раскалено. Кроуфорду пришлось отыскать свою шляпу, перед тем как снова отправиться вниз по холму к берегу, на этот раз в компании лорда и Трелони. Песок под ногами обжигал.

Байрон потел и дрожал, но после того как он достиг линии прибоя и позволил пенным водоворотам закружиться вокруг лодыжек, он внезапно решил вплавь добраться до *Боливара* позавтракать в воде в тени его борта.

Трелони так и не удалось отговорить его от этого, так что они снова, как и в прошлый раз, разделись и вошли в воду, безрассудный Байрон и раздраженный Трелони, оставив Кроуфорда сторожить их одежду.

Кроуфорд уселся на горячий песок и наблюдал, как головы пловцов удаляются по ленивым волнам.

Вскоре они пропали из виду на фоне маячащего темным клином корпуса *Боливара*, но чуть погодя, шурясь от яркого ослепительно блестящего на волнах солнца, он увидел, как с палубы спустили несколько свертков и понял, что пловцы прибыли и собирались начать свой завтрак.

Кроуфорд поднялся и побрел по песку туда, где улица обрывалась раскрошившимся краем мостовой, возле которого покоились вверх дном завершившие свое предрассветное плавание рыбацкие лодки в слабой тени развешенных над ними для просушки сетей. Очутившись на мостовой, он обернулся и всмотрелся в сторону *Боливара*. Головы Байрона и Трелони все еще не показались.

Мысль о еде его совсем не привлекала, но он знал, что должен что-нибудь съесть. По соседству из повозки на колесах пожилая женщина продавала крошечных жареных кальмаров, и он подошел к ней, наконец позволив себе хромать, и купил полную тарелку. Кальмары были щедро сдобрены чесноком и свежим оливковым маслом, и стоило ему только их попробовать, как в нем проснулся зверский голод. Он жадно поедал их, поспешно запихивая в рот, а затем купил еще тарелку и в этот раз ел уже неторопливо, наслаждаясь вкусом, стоя возле колесной тележки и изредка поглядывая на сваленное в две кучи белье и

на *Боливар*.

Наконец, он увидел белые руки, мелькающие в море между кораблем и берегом, и, протянув женщине пустую тарелку, прыгнул с мостовой на мягкий горячий песок, и, хромая, направился обратно, туда, где на берегу лежала оставленная пловцами одежда.

А затем со всех ног бросился к морю, хотя вряд ли мог чем-то помочь, когда увидел как фигура, очевидно принадлежавшая Трелони, поспешно устремилась к другой.

Головы пловцов между тем остановились; Трелони почти наверняка настаивал, что Байрон должен позволить ему помочь, а Байрон — без сомнения в гневе — отказывался.

— Черт тебя подери, дай ему помочь тебе, — прошептал Кроуфорд, утирая лезущий в глаза пот.

Трелони больше не пытался приблизиться к Байрону, но спустя несколько мгновений Кроуфорд увидел, что мужчины повернули и поплыли обратно к *Боливару*.

«Прекрасно, — подумал он. — Возьмите шлюпку и без проблем доберитесь до берега. Сейчас не время демонстрировать твою проклятую *гордость*, Байрон».

Он так и не увидел, чтобы кто-нибудь взбирался по ведущей на палубу лестнице, лодку тоже не опускали; а спустя несколько минут он снова увидел пловцов, продвигающихся к берегу в обступивших их низких волнах.

— Боже, ну и *идиоты*, — выдохнул Кроуфорд.

Трелони и Байрону потребовалось пять минут чтобы доплыть до того места, где они смогли встать, и здесь их уже поджидал Кроуфорд, вокруг талии которого с плеском кружился прибой.

— Какого дьявола, ты, черт тебя подери, делаешь? — яростно набросился на него Кроуфорд. — Какое ты имеешь право рисковать своей жизнью — без всякой необходимости! — когда от тебя зависит столько людей?

Байрон обессилено прошел несколько ярдов и наклонился вперед, оперев руки на колени и очевидно уделяя все свое внимание наполнению и опустошению легких.

Трелони откинулся на спину в нескольких шагах от него, так что набегающие на берег волны трепали остrokонечные пряди его черной бороды. — Не мог бы ты сходить принести нашу одежду, — сказал он Кроуфорду.

На мгновение Кроуфорд застыл в нерешительности, затем кивнул и побрел обратно к берегу. Одежду, по счастью, никто не утащил.

Трелони и Байрон оделись в воде. Трелони направился к омываемой волнами линии прибоя, затем остановился и оглянулся, сообразив, что Байрон и Кроуфорд за ним не последовали.

— Ты иди вперед, Тре, — выдохнул Байрон. — Мы присоединимся к тебе в гостинице. Будь другом, позаботься там, чтобы нас дожидалась бутылка чего-нибудь холодного.

Кустистые брови Трелони поползли вверх. — Не хотите хотя бы из воды вылезти?

— Скоро вылезем, — ответил Байрон. Трелони пожал плечами и пошлепал к берегу.

Байрон повернулся к Кроуфорду. — Я делаю это... — начал он. Затем: — Боже, ну и вонь, — поморщился он. — Что ты ел?

— Кальмаров. Тебе тоже следовало бы чего-нибудь поесть — сегодня вечером нам могут понадобиться все наши силы. Он причмокнул губами. — Да и чеснок не повредит.

— Я уже съел, одному богу известно, сколько этой чертовой дряни. Чеснока, не кальмаров. На них накатила волна повыше, и Байрон пошатнулся, но сохранил равновесие. — Не то чтобы он совсем не защищал, но... Он щурился от яркого солнечного света, а его

плечи снова стали красными.

После паузы достаточной, чтобы другая волна поменьше закрутила пенные водовороты вокруг их ног, Кроуфорд сказал: — Но...?

Байрон, очевидно, вернулся к привычному ходу мыслей. — Черт побери, Айкмэн, думаешь, мне *нравится* изматывать тело такими заплывами? Ты воображаешь, я стал бы это делать, если бы несколько съеденных... чертовых чесночных *кальмаров* могли защитить меня достаточно, чтобы позволить спасти твою заблудшую жену. Ты... ты полагаешь, я просто *красуюсь*?

Кроуфорд почувствовал, как его лицо вспыхнуло. — Извини, — сказал он, — я действительно так подумал.

— Мне не нужно ничего доказывать, когда дело доходит до плавания. Я переплыл этот чертов *Геллеспонт* [\[387\]](#), от Сестоса до Абидоса [\[388\]](#).

«Десять или двенадцать лет назад», — подумал Кроуфорд. Но вслух он сказал: — Я знаю.

— Я буду готов к вечеру, — обиженно сказал Байрон, хромя по мелководью к берегу. — Заботься лучше о себе.

* * *

На закате Байрон и Кроуфорд покинули гостиницу и медленно без разговоров направились вниз по улочкам Лериче, под темнеющим пурпуром неба, мимо окон и дверей, за которыми уже начинали зажигаться желтые огоньки ламп. Вскоре они достигли дальнего конца мостовой выходящего к морю. Байрон насмешливо взглянул на Кроуфорда и осенил себя крестом, прежде чем осторожно спуститься с каменной кладки на песок.

Кроуфорд натянуто улыбнулся и последовал за ним, и они бок о бок поплелись вдоль береговой линии. Каждый из них нес в карманах банку с измельченным чесноком и пистолет, заряженный серебряно-деревянными пулями, и Кроуфорду приходилось то и дело подтягивать штаны из-за веса мотка веревки, опоясывающего ремень; завязанная скользящим узлом петля колотилась о бедро, при каждом шаге отделяясь от бухты. Байрон покачивал незажженным факелом, словно это была прогулочная трость.

Через залив со стороны Портовенере дул холодный ветер, и Кроуфорд поежился и спрятал подбородок за отворотом пиджака, сожалея, что его шарф упакован с остальными вещами, которые они с Байроном собирались взять с собой этой ночью.

Несколько минут спустя они услышали гроыхание и скрип кареты, едущей по дороге над берегом. Байрон кивнул. — Тре как раз вовремя, — тихо сказал он.

«С моим шарфом», — подумал Кроуфорд. — Надеюсь, он сделал, как ты сказал, и захватил с собой запасную лошадь, чтобы вернуться на ней в Лериче.

— Я тоже, — сказал Байрон. — Он слишком уж рыцарственный во всем, что касается женщин — и несведущий в делах нефелимов — чтобы смириться с насильственным похищением.

Они потащились дальше, пока небо над ними становилось все темнее, и вскоре услышали частый тройной перестук копыт лошади, скачущей обратно, к оставшемуся к

северу Лериче.

— Молодец — сделал, как я сказал, — отметил Байрон. — Карета дожидается нас над Каза Магни. Он закашлялся, вжимая лицо в воротник жакета, чтобы приглушить звук, и Кроуфорд надеялся, что жар его не столь сильный, как кажется. — Тереза очень огорчена, — прокашлявшись, прошептал Байрон, — тем, что ей придется продолжить путешествие в Геную без меня.

Кроуфорд понимал, что должен бы посочувствовать, но Джозефина была где-то впереди, и его мало сейчас заботили отношения Байрона и Терезы. — Если *она* когда-нибудь забеременеет, она будет этому рада.

Он подумал, что Байрон может чего доброго рассердиться от его бессердечия, но после долгого затянувшегося молчания Байрон просто сказал: — Ты прав.

Вскоре Кроуфорд придержал Байрона за руку и указал вперед. На фоне почти черного неба над очертаниями сосен смутно вырисовывалась прямоугольная громада Каза Магни.

Все его окна были темными и безжизненными. Даже самый слабый лучик света не пробивался сквозь них наружу.

— Думаешь, она все еще здесь? — спросил Байрон, когда они ступили на засыпанную песком мостовую между домом и морем. Он воткнул факел в щель между камнями, выудил из кармана трутницу и с помощью кремня начал высекать потоки слепящих искр.

— Да, — с уверенностью ответил Кроуфорд.

Искры оживили дрожащее пламя на лежащем в коробке хлопковом пухе, и Байрон быстро вытащил факел и поднес к огню его расщепленный, растрепанный конец; в один миг смолистое дерево охватило пламя, освещая оранжевым светом угрожающе нависшие, словно пустые глазницы, арки и окна дома. Байрон закрыл трутницу и спрятал ее обратно в карман.

— Тогда позови ее, — сказал Байрон, поднимая факел, и свет его выхватил деревья, растущие на холме позади дома, отчего между стволов поползли и заметались зловещие тени.

— Джозефина, — громко позвал Кроуфорд. И его голос растворился в бездонной ночной темноте словно вино, пролитое на песок. — *Джозефина!* — прокричал он. — *Ты нужна мне!*

Некоторое время до них доносился лишь неумолчный шелест ветра в кронах сосен и грохот прибоя за их спиной. Кроуфорд посмотрел вверх на перила террасы, вспоминая, как Шелли склонялся над ними, вглядываясь в воды залива, долгими июньскими вечерами.

Затем, в промежутках между волнами, он различил тихое, отдающееся эхом шарканье из темноты, царящей за арочным входом первого этажа — и мгновение спустя одетая в оборванное платье фигура показалась в центральной арке, той самой, через которую Джозефина в одиночку протащила шлюпку в тот день, когда спасла его из смертельных объятий моря.

— Майкл, — хрипло сказала Джозефина. Вокруг ее рта была размазана какая-то темная субстанция, словно он оторвал ее от еды, но выглядела она слабой и заморенной, а глаза ее были огромными.

Кроуфорд шагнул ей навстречу, и она тотчас отступила назад в темноту. — Не... *приближайся* ко мне, — выкрикнула она. — Людям нельзя ко мне приближаться.

— Хорошо. Кроуфорд подался назад, примирительно вскинув ладони. — Слушай, я вернулся туда, где стоял — ты можешь выйти снова.

Некоторое время из-под арки не доносилось ни звука — он и Байрон обменялись

напряженными взглядами — затем Кроуфорд услышал внутри шарканье по песку, и, очень медленно, она снова вышла под мерцающий оранжевый свет. Кроуфорд пытался разобраться, была ли она беременна, но так и не смог этого определить.

— *А тебе, можно приближаться к нам?* — спросил Кроуфорд.

Она покачала головой.

— Даже для того чтобы просто поговорить? Может быть, я хочу воссоединиться с семьей. Здесь Байрон. Он... один из вас, уверен, ты можешь разглядеть это в нем. Он почувствовал, как Байрон пошевелился позади него, и по тому, как качнулся свет, предположил, что он переложил факел из одной руки в другую. Кроуфорд взмолился, чтобы он не потерял терпение и что-нибудь не сказал.

— Тут я тебе ничем не могу помочь, — сказала Джозефина. — Ты знаешь это. Нужно чтобы кто-нибудь из них был к тебе благосклонен. Она улыбнулась, продемонстрировав, как когда-нибудь будет выглядеть ее череп. — И они будут, Майкл. Найди одного из них и моли о прощении. О, они простят тебя. Меня уже простили за то... за то, что мы с тобой совершили.

Ее босые ступни на камнях мостовой выглядели словно белые крабы.

Кроуфорд смахнул слезы. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной, Джозефина. Я люблю тебя. Я...

Она закачала головой. — Думаю, я тоже тебя любила, — сказала она, — но теперь я люблю другого. И мы очень счастливы.

Он стиснул веревку, бесполезную здесь веревку. — Послушай меня, — отчаянно сказал он.

— Нет, — ответила она. — Солнце опустилось, и он ждет меня. Она начала поворачиваться.

— Ты беременна, — выпалил Кроуфорд.

Она замешкалась. Кроуфорду показалось, что он услышал какой-то звук, донесшийся со стороны обьятого мраком холма, что-то отличное от шипения морского ветра в ветвях, но он не отрывал от нее взгляда.

— Подумай об этом, — поспешно продолжил он, — ты была медсестрой и знаешь симптомы. Это наш ребенок, твой и мой. Может быть эта... *жизнь*, это то, чего ты желаешь для себя, но этого ли ты хочешь для нашего ребенка?

Несколько томительных секунд она молчала. — Ты прав, — наконец сказала она с удивлением. — Думаю, я и *вправду* беременна, — ее лицо было лишено всякого выражения, но на впалых щеках явственно блеснули слезы.

Со стороны холма снова донесся едва уловимый звук. Кроуфорд бросил туда мимолетный взгляд, но не смог ничего разглядеть среди тускло подсвеченных сосен.

Она снова повернулась к морю и нерешительно шагнула из-под арки, и Кроуфорд дернул за узел, что крепил веревку к ремню; свернутая кольцом веревка очутилась в его руке.

В этот миг она заметила Байрона и настороженно на него уставилась, словно одичавший кот.

Байрон подождал, пока новая волна обрушится на скалы и отхлынет от берега. — Все в порядке, — сказал он достаточно громко, чтобы она могла разобрать. — Дважды два четыре, дважды три шесть, дважды четыре восемь. В его голосе непривычными резкими нотками слышалось сострадание, и Кроуфорд подумал, что, возможно, он вспомнил, как она спасла их на вершине Венгерн.

— Пойдем с нами, — сказал Кроуфорд

— Дважды пять десять, — сказал Байрон. Его голос был теперь мягче, словно он рассказывал колыбельную ребенку, — дважды шесть двенадцать...

Она собиралась ответить, но внезапно ее прервал громкий, мелодично звучащий голос, пришедший из темноты холма.

— *Нет*, — пропел он. — *Ты принадлежишь мне, и ребенок твой от меня. Я его отец.*

— О боже, — проскрежетал Байрон и скользнул в карман свободной рукой, — звучит похоже на Полидори.

Джозефина остановилась. Ее изорванное платье трепетало в зябком ночном бризе.

Она пристально посмотрела на Кроуфорда. Он улыбнулся ей — а затем резким движением высвободил висящую у пояса веревку и накинуд петлю ей на плечи.

Она повернулась и рванулась к арке и царящей за ней темноте, и потерявший равновесие Кроуфорд болезненно рухнул на колени; но он с силой потянул назад, и она растянулась поверх него. Она яростно сопротивлялась, и даже несмотря на то, что Байрон прижал ее коленом — неуклюже, так как не выпустил факел и не вынул руку из кармана — Кроуфорд никак не мог набросить на ее извивающееся тело еще один виток веревки. Он слышал, как что-то с шумом продирается вниз по склону, и в отчаянье занес изувеченную руку и наотмашь ударил ее по лицу.

Ее голова качнулась назад, и она безвольно обмякла, и как только Байрон поднялся, Кроуфорд поспешно перевернул ее и туго связал вместе запястья.

Рука, которой он ее ударил, была запачкана глиной. Размазанная вокруг ее рта грязь была глиной. «Она что *еласе*»?

Когда он поднял взгляд, Байрон вытащил пистолет и нацелил его мимо Кроуфорда, в сторону деревьев. Свободная рука уверенно держала факел.

Кроуфорд оглянулся в направлении, в котором указывало дуло. Возле дома на мостовой стоял мужчина.

Он был одет в рубаху и брюки столь же изношенные, как и одежда Джозефины; но в отличие от Джозефины он выглядел откормленным, с явственно выделяющимся животом и намечающимся двойным подбородком.

Он презрительно улыбнулся Кроуфорду. — Я, — сказал он, — никогда не позволил бы себе ударить женщину. Я горд, что больше не принадлежу к расе, чьи представители способны на такое.

Джозефина пришла в себя после удара и слабо завопилась под Кроуфордом, и он потянул за веревку, идущую от ее запястий, и, набросив петлю на лодыжки, туго ее затянул. Трясущимися пальцами он начал завязывать узел.

— Полидори, — слегка дрожащим голосом позвал Байрон. — В этом пистолете пуля сделанная Карбонариями — серебро и дерево.

Кроуфорд туго затянул узел и поднял взгляд.

С яростным рвущимся хлопком, который заставил Кроуфорда подпрыгнуть, одежда Полидори клочьями разлетелась во всех направлениях — и, судя по тому, как заметался свет факела, Байрон дернулся тоже — и когда пляска света улеглась, Кроуфорд увидел, что на том месте, где стоял Полидори, в воздухе завис, жужжа крыльями, огромный змей.

Он тяжело извивался в воздухе, и его чешуя, словно звенья металлической кольчуги, блестела в неровном свете факела. Длинное рыло распахнулось, обнажая щетку белых зубов, а его неживые стеклянно блестящие глаза переместились с Байрона на Кроуфорда, а затем

на лежащую на мостовой Джозефину.

— Не стреляй, — поспешно сказал Кроуфорд. — Я встречал их раньше в таком виде — пули просто отскакивают от них.

— Любимый! — прошептала Джозефина, широко раскрытыми глазами глядя на змея.

Громко жужжа, существо поднялось в воздух и поплыло навстречу укутанному темнотой склону холма.

Кроуфорду почти удалось поставить сопротивляющуюся Джозефину на ноги, когда мелодичный голос прозвучал снова откуда-то из-за деревьев.

— Ваши пули не смогут меня убить, — сообщил он, и хотя тон был вежливым, Кроуфорд явственно различил скрывающийся за внешним спокойствием гнев, — но они могут причинить мне боль. *Вы* уже один раз ранили меня, Мистер Кроуфорд, в Альпах. Припоминаете?

Кроуфорд не мог больше удерживать брыкающуюся Джозефину. Он рухнул на колени, позволив ей повалиться на него, так что о мостовую ударились его уже кровоточащие колени, а не ее голова. — Какого дьявола ты не выстрелил, когда был такой шанс? — с измученным всхлипом спросил он Байрона.

Затем глубоко вдохнул и поднял взгляд. — Нет! — выкрикнул он, отвечая на голос.

Он был рад, что существо, очевидно, хотело поговорить, так как ему нужно было время, чтобы подумать. «Могут ли они с Байроном дотащить Джозефину до залива, и использовать защитные свойства морской воды, чтобы продержаться там до рассвета»? «Совсем как дети, — истерично подумал он, — которые плавают в пруду, ныряя под воду каждый раз, как над ними пролетает шершень».

Джозефина тяжело дышала, уставившись взглядом в темную чашу.

— С помощью зеркала, — сказал голос. — Когда ты отразил на меня солнечный свет.

Об этом Кроуфорд помнил. — Но это был не Полидори, — выдохнул он. — Полидори покончил с собой только в прошлом году.

— Мы не столь разобщенные существа как люди, — донесся голос. Он засмеялся, резко и звонко, словно зазвенели бронзовые колокольчики. — Что сотворите единому из сих братьев моих меньших, то мне сотворите.

— Как ты смеешь, — процедил Байрон, — цитировать Писание?

— А ты как смеешь публиковать поэзию как свою собственную? — отпарировал голос, и ярость его внезапно стала весьма очевидна. — Непревзойденный лорд Байрон! Тайно высасывающий млечные соки из груди Медузы Горгоны! Самонадеянно презирающий всякого, кто не обнаружил к ней собственного пути! Моя поэзия, может, и не была верхом совершенства, — сорвался на визг голос, — но, по крайней мере, она была моей собственной!

Байрон, все еще сжимающий в руке пистолет, при этих словах засмеялся и повел дулом в сторону холма. — Поэзия, — добродушно ответил он, — была наименьшим из всего, в чем я тебя превосходил.

С холма донесся пронзительный вопль, и на краткий миг перед взглядом Кроуфорда мелькнул обнаженный мужчина, несущийся к ним между деревьев, а Байрон навел пистолет; но мгновение спустя воздух снова наполнило жужжание, и на них устремился крылатый змей.

Пистолет Байрона выстрелил за мгновение до того, как существо атаковало его, и пуля срикошетила от змея, а затем от стены дома. Одновременно с этим, факел описал в воздухе

дугу и ударился о камни, разбрасывая ворох искр.

Свет погас, и сквозь стоящий в ушах перезвон Кроуфорд слышал испуганное натужное дыхание Байрона и скольжение и тяжелые шлепки колец змея; затем до него донесся резкий мучительный хрип, и он понял, что существо опутало Байрона и выдавливает из него остатки воздуха.

Кроуфорд шагнул к морю — единственной владевшей им мыслью было уплыть отсюда как можно дальше — затем он увидел, что факел потух не совсем. Он лежал на камнях в паре ярдов слева, и его верхушка все еще тлела.

Пересиливая желание спастись бегством, он подхватил факел и махнул им в воздухе. Факел снова вспыхнул, и первым, что он увидел, было лицо Джозефины встревожено уставившееся на Байрона и змея.

Он осознал, что беспокоилась она вовсе не за Байрона, а за своего любовника — и обуявшая его паника закалилась в налитую свинцом отчаянную ярость.

Он отвернулся от нее.

Змей повалил Байрона на землю, его длинное гибкое тело обвилося вокруг него, прижимая руки к тесно сдавленным ребрам, и когда Кроуфорд шагнул вперед, змей наклонил голову к шее Байрона и изысканно вонзил узкие зубы в его напряженное горло.

Глаза Байрона зажмурились, а губы разошлись, оскалив зубы в рычании, в котором ярость мешалась с болью и унижением — но также и вынужденным наслаждением — и Кроуфорд подался вперед и ткнул факелом в глаза змею.

Джозефина закричала, а языки пламени лизнули щеку Байрона и опалили седые волосы у виска, но глаза рептилии лишь повернулись вверх и безразлично скользнули по Кроуфорду, пока чешуйчатая глотка продолжала поглощать кровь Байрона.

Все еще держа одной рукой факел, Кроуфорд вытащил из кармана пиджака банку толченого чеснока и грохнул ее о камни, а затем зачерпнул полную ладонь стекла с чесноком и, содрогаясь от отвращения, опустил и вытер руку о глаза рептилии. Осколки стекла вонзились ему в ладонь, но возможность причинить таким образом ущерб новому любовнику Джозефины заставила его не обращать внимания на собственную боль.

Змееподобное существо содрогнулось, шипя и выплевывая наружу кровавые брызги, и начало моргать своими огромными глазами. Кольца его ослабли, и Байрон стряхнул их и слабо откатился в сторону, сипя и кашляя.

Кроуфорд отпрянул от монстра к Джозефине, когда золоченые крылья начали биться и жужжать, поднимая в воздух песок, покрывающий мостовую.

Существо, бывшее Полидори, снова поднялось в воздух. Его громадный вес угадывался по тяжелому покачиванию его тела. Минуту голова чудовища крутилась туда и обратно, силясь что-нибудь разобрать сквозь кровь, стекло и чеснок, застилающие его взгляд.

Затем, зависнув в воздухе на уровне плеч, существо задрожало, и его лицо начало корчиться, изменяя форму. Рыло втянулось внутрь и расширилось, и гротескно обернулось человеческими губами, чужеродной плотью на морде рептилии. — Где ребенок? — произнес рот. Голос был хриплым и задыхающимся, словно существу не хватило времени, чтобы слепить что-то большее, чем рудиментарные голосовые связки. — Где ты, Джозефина?

Внезапно Кроуфорд осознал, что ребенок был ужасно важным для этого существа, гораздо более важным, чем Джозефина; эти дети, рожденные в повиновении, как Китс и Шелли, были редкостной удачей для его рода. Он склонился над Джозефиной и зажал ее рот

своей кровоточащей рукой, но она вывернулась из-под него с неожиданной силой.

— Здесь, — выдохнула она. — Забери меня.

Голова жадно дернулась в сторону ее голоса, и когда длинное тело пулей метнулось к ним, Кроуфорд свободной рукой сграбастал Джозефину за талию и с усилием, что казалось вывихнуло плечо и защемило позвоночник, отбросил ее назад.

Голова змея с такой силой врезалась в мостовую, где она только что лежала, что осколки камня брызнули во все стороны, а тело его отбросило назад и обрушило на верхушку одной из подпиравших задание колонн, с ударом, который заставил Каза Магни загреметь, словно огромный каменный барабан.

Существо зависло теперь выше, примерно в двадцати футах над землей, и его яростно жужжащие крылья туманными золотыми пятнами окружали взирающее вниз лицо. Рот существа был вдребезги разбит о камни, и кровь бежала из него длинной покачивающейся нитью, но оно сумело выдавить одно слово.

— Где?

Рука Кроуфорда все еще была вокруг Джозефины, и он почувствовал, как она втянула в себя воздух, собираясь ответить.

В безрассудной яростной вспышке ревности он отпустил ее и выхватил из кармана пистолет, и лишь когда он взвел курок и нацелил его вверх, в разmozженный рот, который она предпочла его собственному, ему пришло в голову, что Полидори нарушил свою неуязвимость, приспособив для своих нужд эту деталь человеческой анатомии.

Кроуфорд спустил курок и за вспышкой взрыва увидел, как змей кувырком полетел вверх, и сквозь отголоски выстрела услышал его крик, пронзительный, словно два тяжелых камня с визгливым скрежетом терлись друг о друга.

Джозефина завопила тоже, столь яростно извиваясь в своих путах, что Кроуфорду казалось, ее кости не выдержат.

Он поднялся и, хромая, направился туда, где лежал Байрон. Лорд безучастно уставился в мостовую под ним, но дышал.

— Ненавижу тебя, — всхлипнула Джозефина. — Надеюсь, что этот ребенок *его*. Он *должен* быть его — мы уже несколько месяцев живем здесь как муж и жена.

Кроуфорд свирепо улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй окровавленной, источающей чесночное зловоние рукой.

I am moved by fancies that are curled
Around these images, and cling:
The notion of some infinitely gentle
Infinitely suffering thing.
— T. S. Eliot, *Preludes*

Я был во власти наважденья,
И грезил как во сне
О сердце, полном сострадания
Распятом на кресте.
— Т. С. Элиот, *Прелюдии*

Байрон перевернулся на спину, с рукой, прижатой к кровоточащему горлу, и лежал, вглядываясь в ночные звезды. — Неплохо ты его, — прохрипел он. Он со стоном сел, помогая себе свободной рукой. — Это, конечно же, его не убьет. Он всего лишь окаменеет, и если повезет, приземлится где-нибудь, где завтра будет светить солнце, но со счетов его списывать рано.

— Верно, — донесся из темноты скрежещущий голос, резкий от сквозящей в нем неорганической боли.

Байрон, Джозефина и Кроуфорд одновременно подпрыгнули, и факел в руке Кроуфорда испуганно качнулся.

— Забери меня! — закричала Джозефина, ухитрившись приподняться на выставленном локте.

— Скоро, — ответил голос.

Кроуфорд несчастно покачал головой, уставившись на Джозефину и ее внушающие ужас попытки выбраться. Он оглянулся в направлении скрывающегося во тьме холма. — И ты еще осуждал меня за то, что я ее *ударил*! Ты пытался ее *убить*!

— Господи, Айкмэн, — сказал Байрон, сясь подняться на ноги. — Не *разговаривай* с этой тварью. Мы же...

— *Убить*ее, — донесся голос, каждый звук которого, казалось, стоил существу невообразимой боли, — это не *оскорбление*.

— Ты, — крикнула Джозефина в ночную темноту, — ты хотел... *убить*меня? Она ухитрилась подняться в шаткой коленопреклоненной позе, с руками стянутыми за спиной.

Кроуфорд воззрился на нее в изумлении. — Конечно, он хотел тебя убить. Ты только посмотри на эту долбаную *дыру*в мостовой, где бы ты лежала размазанная в лепешку как твоя сестра — словно раздавленное насекомое, если бы я не отбросил тебя в сторону!

Он вернулся обратно и склонился над ней. — Послушай меня, — сказал он. — Слушаешь? Хорошо. Ему нужно чтобы ты умерла. После того как тебя похоронят, ты словно яйцо дозреешь и дашь рождение семени, которое он посеял в твоей крови, этому продолжению его самого, которое выберется наружу из твоей могилы. А затем, немного погодя, ты родишь того, кто мог бы когда-нибудь стать *нашим ребенком*, но будет к тому

времени одним из этих созданий.

Он беспощадно рассмеялся. — Здесь не может быть никаких «ну-во-всяком-случае»! Наш ребенок мог бы стать как Шелли и Китс, приговоренным быть связанным с нефелимами обстоятельствами своего рождения, но этот ребенок был бы вообще лишен любой человеческой жизни. Такого никогда не бывало, по крайней мере, с тех старых добрых ветхозаветных дней, когда Ной еще не родился.

Джозефина кивнула, по-видимому, осмысливая его слова, и он начал понемногу расслабляться и даже улыбнулся, когда она внезапно дугой выгнулась назад, с тошнотворным треском ударившись головой о мостовую.

— Боже! — в ужасе взвизгнул Кроуфорд. Он кинулся к ней, падая на свои больные колени, и мгновение просто баюкал ее голову, а его голова была совершенно пустой, словно это она ударилась о камни; затем он осторожно положил факел и начал ощупывать ее череп. Горячая кровь быстро заливала ее и без того уже спутанные волосы, но она дышала, а череп ее по крайней мере не треснул.

Он плакал, вспоминая, как так же отчаянно и испуганно осматривал ее после того, как их двоих подстрелили на улице в Риме; тогда тоже сильно разило чесноком и кровью, но в тот раз из-за того, что она целовала его, чтобы спасти от наваждения ламии.

Он оторвал полосу от рубахи и обвязал вокруг ее головы, чтобы она давила на рану. Ее волосы нелепо торчали во все стороны.

— Ей определенно нужно в больницу, — пробормотал он, то ли себе, то ли стоящему рядом Байрону, — у нее идет кровь, и она давно не ела, только посмотри на нее — одному богу известно, что это был за припадок. Похоже на судороги когда человек съедает стрихнин, но, по крайней мере, сейчас это прошло, очевидно...

— Айкмэн, — сказал Байрон, нетвердо стоящий поблизости, — это были не судороги.

— Черт, ты, должно быть, не видел этого! Я врач, но тут *каждому* понят...

— Это была, — слабо, но отчетливо сказал Байрон, — попытка самоубийства. Она узнала, что это существо, Полидори, желает ее смерти, и попыталась выполнить его пожелание. Хорошо, что ты ее как следует связал — иначе мы бултыхались бы сейчас где-нибудь в море, пытаясь ее поймать.

Кроуфорд осторожно опустил голову Джозефины. — ...Ох. Он медленно выпрямился, безмолвно признательный холодному ветру, проникающему в его слипшиеся от пота волосы. — Возможно, так оно и... Полагаю, ты прав. Так и было.

Байрон качнулся вперед, затем быстро шагнул, пытаясь сохранить равновесие, и поспешно сел на землю. — Я, тем не менее, — прошептал он, — вскоре могу продемонстрировать тебе настоящие судороги. Его ладони покоились на земле, и Кроуфорд видел, как по его шее непрерывно сбегает вниз кровь.

Еле волоча ноги, Кроуфорд подобрался к нему, сел рядом и обреченно поднял руку Байрона и приложил пальцы к бледному запястью. Пульс был быстрым и нитевидным, кожа была горячей. Характерная лихорадка недавно укушенной вампиром жертвы уже началась, наложившись на жар, который был у Байрона до этого.

Кроуфорд опустил руку и безвольно откинулся назад, осознавая это непреодолимое обстоятельство, что раз и навсегда изменило весь вечер и сделало все их усилия и героизм бессмысленными.

— Ты теперь физически не сможешь *добраться* до Венеции, так ведь? — спросил он, голосом безжизненным от попыток скрыть ту горькую обиду, которую он чувствовал; он

никогда не узнает, надеялся ли Байрон тайно, что этот вечер закончится таким образом, но отчетливо помнил, что у Байрона было целых две возможности чтобы выстрелить в вампира — перед его первым превращением и в тот миг, когда он снова, в облике человека, бросился к ним вниз по холму — прежде, чем он его укусил. А Кроуфорду было хорошо известно, что Байрон был достаточно метким стрелком, чтобы попасть в него в обоих случаях. — Через Апеннины и по Долине По^[389]... особенно отправиться этой ночью, что, — добавил он, бросив напряженный взгляд на склон холма, — боюсь, нам придется сделать.

«Все напрасно, — подумал он. — Моя изувеченная рука, разбитая голова Джозефины».

Байрон снова прижал руку к горлу и покачал головой. — Мне жаль. Я почти не сомневаюсь, что умру, если сейчас попытаюсь это сделать. Он скользнул взглядом по распростертой фигуре Джозефины и вздохнул. Затем снова посмотрел на Кроуфорда, и вся прикипевшая к нему бравада покинула его взгляд. — Но давай проверим эту догадку.

Кроуфорд обескуражено взглянул на него, немного стыдясь теперь своих недавних подозрений, но все еще рассерженный. — Нет. Благодарю, но нет. Он пытался думать. — Может, я мог бы проделать все это без тебя, — сказал он, осознавая еще до того как произнес, что это неправда.

— Нет, ничего не выйдет. Ты не знаешь... даже близко, того, что нужно знать о глазе и Грайях. Во-первых, глаз обычно не способен перескакивать — в 1818 он прыгал из-за Шелли, который был там, когда Грайи проснулись, но обычно он остается у одной из колонн. Есть определенные заклинания, которые *могут* его освободить, но нужно уметь оценить ряд обстоятельств, чтобы решить какое из них сработает в ночь, когда ты там окажешься. Я долгие месяцы изучал все это, здесь в армянском монастыре, но и после этого не уверен, что смогу все сделать правильно.

Мгновенье спустя Кроуфорд неохотно кивнул. Он знал, что Байрон был прав.

На языке у Кроуфорда вертелось какое-то слово, что-то сухое словно юридический термин, но для него приобретшее физический смысл, что-то вселяющее отвращение... вкус железа и уксуса.

Затем он ухватил его. — Доверенность, — сказал он голосом, в котором надежда мешалась с отвращением.

— Доверенность?

— Ты сможешь присутствовать там — достаточно, чтобы меня направлять, и привлекать внимание Лорда Грэя, а затем избавиться от него — и, тем не менее, быть здесь. Что там с твоей шеей, кровоточит?

— Спасибо доктор, состояние устойчиво. В голос Барона вновь просочилась его давняя раздражительность. — Разве тебе не полагается знать о всяких там повязках?

— Еще мгновение и я ее наложу. Но прежде, дай мне твою банку с чесноком.

Байрон извлек банку и протянул ему, и Кроуфорд открыл ее, зачерпнул пальцами как можно больше чесночного крошева и бросил его на мостовую. Затем он приставил банку к шее Байрона. — Мне только нужно немного твоей крови.

На мгновение показалось, что Байрон собирается возразить — затем он просто слабо кивнул, задрал подбородок и отвернулся, чтобы Кроуфорд мог держать банку под укусом.

Когда банка наполовину наполнилась, Кроуфорд закрыл ее и принялся бинтовать шею Байрона.

— Когда я выпью эту кровь, — начал он.

— *Выпьешь?*! — воскликнул Байрон. — Ты слишком засиделся в том притоне нефандо!

— Напротив, в самый раз. Помню, я размышлял о том, что когда эти люди выпивали мою кровь, я был способен смотреть их глазами, видеть себя висющим на кресте, правда смутно и урывками, с другого конца комнаты. А когда я выпил кровь Шелли...

Байрон подавил рвотный позыв. — Ты и впрямь неффер, Айкмэн.

— Когда я выпил кровь Шелли, — спокойно продолжил Кроуфорд, — я был способен видеть и чувствовать все, что он делал, я был даже способен обращаться к нему, общаться с ним.

Байрон невольно заинтересовался. — Правда? Как знать, может быть, что-то подобное послужило основанием для христианского причастия.

Кроуфорд в нетерпении закатил глаза. — Возможно. И, когда я выпью твою кровь, я почти уверен, что смогу до известной степени быть тобой, а ты будешь мной. Так что ты узнаешь, когда я туда доберусь и буду готов начать. А теперь слушай, я пролью все, что не выпью, и Лорд Грэй, вне всяких сомнений, примчится в Венецию тебе на помощь, также как и моя ламия устремила туда, где я пролил свою кровь и кровь Шелли. Единственное, удели этому особое внимание, *в тот момент, когда я буду это делать, он не должен видеть тебя где-нибудь еще* или одурачить его не удастся. Шелли сделал себя невидимым для своей сестры-близнеца, находясь на лодке — морская вода, верно? Так что позаботься, чтобы Флетчер или Трелони, или кто-нибудь еще доставил ванну с морской водой в твою комнату, и залезай в нее, как только я выпью твою кровь в Венеции.

Они направились к дороге над домом, на которой Трелони оставил карету. Байрон держал факел, а Кроуфорд полу нес, полу тащил бесчувственное тело Джозефины, и всего лишь за несколько минут они ухитрились обогнуть дом.

Протянувшийся за домом путь вверх по склону был намного труднее; каждые несколько футов крутого подъема Байрону приходилось опускаться на землю, некоторое время жадно ловя сбившееся дыхание, а Кроуфорд, к своему невыразимому стыду, обнаружил, что единственным способом, которым он мог поднимать Джозефину, было обвязать вокруг ее лодыжек еще одну длинную веревку, обернуть ее вокруг расположенного выше ствола, а затем навалиться на свободный конец, так что его вес тащил ее в обратном направлении вверх по склону; и, хотя это задерживало их еще больше, он не мог удержаться от того, чтобы то и дело подбираться к ней и одергивать ее юбку обратно к коленям.

Его сердце тревожно колотилось и не только от физических усилий; ему продолжало мерещиться, что он слышит шепот Полидори, доносящийся сквозь грохот прибоя и шелест ветвей, и шарканье, оскальзывание и тяжелое дыхание, сопровождающие его подъем, и во время одной из остановок на отдых ему почудился тихий смех за границами очерченного факелом круга.

Наконец, он доставил Джозефину наверх и, дотащив до кареты, поднял и уложил ее внутрь. Байрон последовал за ней, а Кроуфорд устало взобрался на козлы [\[390\]](#), вместе с факелом, который он воткнул в скобу багажного ограждения. Две лошади, впряженные в экипаж, казалось, сгорали от нетерпения отправиться в путь.

Облака расступились, и лунный свет был достаточно ярким, чтобы он мог ехать на довольно приличной скорости; через несколько минут они достигли улиц и нависающих над ними зданий Лериче, и он осадил коней в нескольких сотнях футов от гостиницы, где остановилась компания Байрона.

Кроуфорд спустился и открыл дверь, и Байрон выбрался наружу, осторожно, словно чей-нибудь древний прапрадед. Помимо его воли в памяти Кроуфорда живо всплыло

воспоминание о том цветущем юноше, которого он впервые встретил на улице Женевы в 1816-ом.

Плиты мостовой впереди были испещрены полосами света, и дыхание бриза доносило до них еле слышную музыку и смех. — Трелони должно быть пьянствует, — хрипло сказал Байрон, — а Ханты, наверное, уже отправились в постель, по своему благоразумному обыкновению. Так что я смогу незаметно пробраться в свою комнату, и никто не поинтересуется, откуда у меня эта повязка. Он потянулся обратно в карету, вытащил трость и протянул ее Кроуфорду. — Помнишь ее?

Кроуфорд кивнул, и слабая, грустная улыбка коснулась его бородатого лица. — Твоя трость со шпагой. Помню, ты дразнил ей ту сверкающую молнией грозу у подножия Венгерн.

— Теперь она твоя. Поверни металлическую втулку, вот это кольцо, и ты сможешь ее вытащить. Французская сталь. Байрон, казалось, был не в своей тарелке. — Ты знаешь, где в карете лежат деньги и оружие. И сердце бедняги Шелли. И у меня есть мой паспорт, а у вас есть ваши. Я не представляю как ты...

Он остановился и взял здоровую руку Кроуфорда в свои ладони. — Я был сплошным источником проблем, так ведь? За эти прошедшие, дай бог памяти, шесть лет.

Кроуфорд чувствовал себя неловко и был рад, что пылающий факел располагался вверху за спиной Байрона, так что он не мог различить, были ли в глазах лорда слезы. — Кучей проблем, — согласился он.

Байрон усмехнулся. — Ты был хорошим другом. Мы, пожалуй, вряд ли увидимся снова, так что я хочу, чтобы ты это знал. Ты был хорошим другом.

— О, дьявол. Кроуфорд освободил руку и крепко обнял поэта, и Байрон с чувством похлопал его по спине. — Ты тоже был хорошим другом.

Очевидно стыдясь своей слабости, Байрон шагнул назад. — Как думаешь, уже полночь?

Кроуфорд тихо рассмеялся. — Ощущения такие, словно это уже завтрашняя полночь — но, пожалуй, десяти еще нет.

Через два часа будет Михайлов день. День святого Михаила [\[391\]](#). Байрон неловко махнул рукой. — Убей для нас нашего дракона, Михаил.

— Ты узнаешь об этом, — сказал Кроуфорд. — Ты будешь там, разве что не во плоти.

Байрон неуверенно кивнул. — А ведь верно. Господи Иисусе! Только не затевай все это рано утром. Он повернулся и захромал к гостинице.

Кроуфорд поднялся в карету и убедился, что пульс и дыхание Джозефины были ровными, затем притворил и запер дверь, устало вскарабкался обратно на козлы и щелкнул поводьями.

Он правил на северо-восток до тех пор, пока не пересек арочный каменный мост через реку Вара, а затем выехал на старую дорогу, идущую вдоль реки Магра [\[392\]](#), между высокими уступами гор, что черными силуэтами прорезали темное звездное небо.

Свернув в сторону Апеннин, дорога стала круто забирать вверх, но Луна была высоко, а лошади — свежими, и Кроуфорд чувствовал себя лучше с каждой милей, пролегающей между каретой и каменным существом, что раненое, но в сознании, лежало где-то на склоне холма возле Каза Магни.

В конце концов, холод и усталость заставили его остановиться. Факел к тому времени давно уже догорел.

В семи милях к северо-востоку от Вары в реку Магра впадала горная речушка, и вокруг

моста через бурный поток теснились темными силуэтами деревянные постройки маленькой деревеньки Аула ^[393]. Кроуфорд обнаружил стойло и барабанил в широкую дверь до тех пор, пока в окне этажом выше не зажегся свет. В конце концов, дверь была отперта, и за ней обнаружился держащий фонарь старик.

Кроуфорд заплатил ему, чтобы он распряг лошадей и позаботился о них, а также достал ему где-нибудь чашку уксуса и не обращал внимания на то, что Кроуфорд и его попутчик предпочли спать в карете.

Когда все было сделано, и старик удалился к себе наверх, Кроуфорд снова проверил Джозефину — ее дыхание и пульс были по прежнему ровными — а затем осторожно вылил примерно столовую ложку уксуса в банку с кровью Байрона, чтобы предотвратить ее свертывание, закрыл банку и надежно спрятал ее в одну из стоящих на полу сумок.

Джозефина лежала на заднем сиденье, и он прилег на переднем, хотя для того чтобы уместиться ему пришлось подтянуть ноги и согнуть голову вниз к коленям, но умудрившись все это проделать, он спустя несколько секунд уже спал.

Несколько часов спустя он проснулся, чувствуя болезненную одеревенелость и задыхаясь. Он сел и осторожно распрямил ноги, затем оправил одежду и ослабил ремень, прежде чем ему стало ясно, к его вялому удивлению, что силой, которая заставила его проснуться, было сексуальное возбуждение.

Он взглянул на темную фигуру Джозефины, спящей всего лишь в ярде от него, и спустя мгновение сообразил, что проблески света на ее лице были отражениями тускло освещающего конюшню лунного света в ее открытых глазах. Он улыбнулся ей и начал вставать.

Затем он заметил, что она сгорбилась на одно плечо и уставилась в темноту за окном, а вовсе не на него. Кроуфорд проследил за ее взглядом — и вскочил, когда увидел очертания нескольких фигур, стоящих на устланном соломой полу снаружи кареты.

Теперь он различил повторяющийся резкий звук — скрип рессор. Он оглянулся на Джозефину и заметил, что ее бедра покачиваются на обитом материей сиденье.

И она все также пристально вглядывалась в окно кареты.

На впалых лицах существ блеснули зубы, но Кроуфорд никак не мог вызвать в себе страх; он мог лишь смотреть на неясные очертания истощенного тела Джозефины под оборванным платьем; и ему казалось, что его собственная одежда вот-вот взорвется, совсем как накануне одежда Полидори, если он тотчас от нее не избавится.

Он потянулся и, дрожа, положил руку на ее горячую правую грудь; это прикосновение лишило его дыхания, и заставило сердце биться в безумной канонаде, словно батарея пушек исступленно пожирала общий, молниеносно горящий фитиль.

Она зарычала на него, и ее голова мотнулась вниз, щелкнув челюстями в каком-то дюйме от его руки.

Даже в этом тусклом свете и спертом воздухе было ясно, что она тоже возбуждена — казалось, что сексуальный жар изогнул саму ткань мироздания в одной туго натянутой точке, подобно тому, как ударившая близко молния заставляет вставать дыбом волосы на макушке, и Кроуфорд подумал, что их лошадям, и даже кусающим их блохам, тоже должно быть снятся эротические сны.

Не чувствуя ничего кроме ревности, Кроуфорд смотрел сквозь стекло на созданий, которых Джозефина столь очевидно предпочитала ему — а затем он вспомнил кое-что, что сказала ему молодая женщина, с которой он столкнулся шесть лет назад на улицах Женевы, в

тот день, когда впервые повстречал Байрона и Шелли: «... Мы могли бы разделить их интерес к нам, Майкл, и, по меньшей мере, таким образом, быть привлекательными друг для друга...»

По меньшей мере одна из покачивающихся за стеклом фигур принадлежала женщине — если он откроет дверь и предложит себя ей, этой толпе, сможет ли он таким образом заполучить Джозефину, без принуждения, по ее желанию, хотя бы и из вторых рук? По доверенности?

В качестве... доверенного представителя?

В карете уже воняло уксусом и кровью, но это слово с особой ясностью воскресило воспоминания о женщине, с которой он убил ламию на пляже около Каза Магни — женщине, которая так охотно и радостно предавалась с ним любви.

Он не хотел получить ее таким образом, когда ее внимание было приковано к кому-то, или чему-то, другому.

Байрон сделал хороший запас тертого чеснока, и Кроуфорд открыл новую банку и размазал ее содержимое вокруг окон и щелей обеих дверей.

Как только аромат начал просачиваться наружу, существа в конюшне сразу как-то ужались, напоминая теперь огромных слизней, и поползли прочь по устланному соломой полу, а затем, забравшись по стене, вылезли через окно. Кроуфорд наблюдал, пока последняя из них не перевалила свою тушу через подоконник, глухо плюхнувшись снаружи на залитую лунным светом землю.

Затем он проверил узлы на путях Джозефины, обиженно стараясь не дотрагиваться до нее вовсе; и, в конце концов, сел обратно, открыл фляжку и напился до беспамятства.

* * *

На рассвете Михайлова дня старик ворвался в стойло вместе со священником, и пока хозяин конюшни запрягал лошадей, священник выкрикивал гневные, непостижимо быстрые итальянские обличения Кроуфорду, который лишь несчастно кивал.

Прежде чем солнце как следует осветило маячащие впереди горы, карета снова была в пути.

— Эй, заводишь друзей везде, где появляешься? — крикнул Кроуфорд со скамьи кучера спящей Джозефине, щелкая вожжами по крупам лошадей. — Очень предусмотрительно.

Они ехали на север под голубым летним небом, через Перевал Циза ^[394] между возносящимися ввысь занесенными снегом вершинами Апеннин — там, куда лежал их путь, поднималось солнце, и его лучи как следует припекали в те мгновения, когда горный ветер не продирался со скрежетом вниз через редко поросший лесом перевал — и к середине утра Кроуфорд знал из карт Байрона и придорожных указателей, что они вот-вот должны достигнуть границы между Тосканой ^[395] и Эмилией ^[396].

Дорога сузилась, и скалистая стена по правую сторону и бездна по левую становились все круче, и когда по всем признакам до пересечения границы оставалось не более сотни ярдов, Кроуфорд отказался от попыток найти место, где можно съехать на обочину, и просто остановил карету на дороге. По крайней мере, движение здесь сейчас, похоже, не особо

оживленное. Он торопливо спустился и открыл дверь кареты — а затем, едва сдержав рвотный позыв, отшатнулся назад.

Он оставил окна полуоткрытыми, но солнце все равно устроило из внутренностей кареты чесночную парилку. Джозефина, впрочем, была в полубессознательном забытии. Он проверил ее пульс и дыхание — они по-прежнему были ровными, и Кроуфорд спросил себя, чтобы он стал делать, если бы это было не так.

Под передним сиденьем находился сейф, и Кроуфорд удостоверился, что все пистолеты Байрона и ножи из столовых наборов лежат внутри, сейф заперт, а ключ находится в его кармане. Он выбрался наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, а затем еще раз заглянул внутрь, чтобы в последний раз окинуть все взглядом.

Он допускал, что она может разбить стекло и вскрыть себе горло о зазубренные края, или открыть дверь и выброситься с обрыва, но если она решит сделать что-то подобное, он это услышит, и, по-видимому, успеет спуститься, чтобы ее остановить — для каких-то более решительных попыток самоубийства она, пожалуй, выглядела слишком слабой.

Он высунулся, чтобы глотнуть еще воздуха, а затем быстро, но осторожно развязал узлы, которые туго затянул двенадцать часов назад у входа в Каза Магни.

Он закрыл дверь, вскарабкался обратно на козлы и снова тронул карету в путь.

Когда они пересекали границу, Джозефина была столь очевидно больной и бессвязной, а объяснения Кроуфорда, что ей нужно в больницу в Парме столь отчаянно убедительными, и взятка его столь привлекательной, а зловоние чеснока столь ужасающим, что охраняющие границу стражи без промедлений позволили им проехать, и они направились дальше на восток, по дороге, которая должна была привести их вниз по ту сторону гор.

Отъехав на несколько сотен ярдов, Кроуфорд остановил карету и спустился вниз. Он растормошил Джозефину достаточно, чтобы она смогла поесть вместе с ним хлеба и сыра, и заставил ее попить воды, напоминая себе, что в скором времени неплохо бы остановиться на отдых.

Она слабо пыталась ругаться на него, когда он снова начал связывать ее руки и лодыжки. Внезапно он осознал, что ругается на нее в ответ, и заставил себя остановиться.

Каждые несколько миль по краям дороги стояли приподнятые на столбах небольшие деревянные распятия, защищенные миниатюрными черепичными крышами, и к тому времени, как солнце, незаметно перемещаясь по небу, добралось до зенита, а затем начало отбрасывать тень Кроуфорда под копыта лошадей, Кроуфорд обнаружил себя молящимся посеревшим от непогоды маленьким фигуркам.

Не то чтобы он молился именно Иисусу, скорее всем богам, которые заботились о человечестве и пострадали за это; в голове, наслаиваясь на видения деревянного Христа, вились неуловимые мысли о Прометее [\[397\]](#), прикованном цепями к скале и стервятнике, непрестанно терзающем его внутренности — и Бальдере [\[398\]](#) прибитом гвоздями к дереву, вокруг корней которого, там где упали капли его крови, выросли цветы — и Осирисе, разрубленном на части рядом с Нилом [\[399\]](#).

Его одиночество на сиденье кучера скрашивала старая добрая фляжка, и выпитое брэнди вкупе с усталостью и однообразными звуками и движениями, сопровождающими поездку, незаметно погрузили его в похожее на сон оцепенение.

Эх, было бы у него время, а так же молоток и гвозди. Он бы остановил карету и отправился вбить *eisener breche* в лицо одного из этих деревянных Спасителей — это было бы жестом уважения к их жертве, символом солидарности, а отнюдь не вандализмом — и

после нескольких часов размышлений об этом, он начал представлять, как делает это.

Человеческая фигура, в охватившем его отчетливо-ярком наваждении, подняла деревянные веки и пристально посмотрела на него своими крошечными, но без сомнений человеческими глазами, а затем по исполненным муки чертам грубо вырезанного лица побежала вниз алая кровь. Деревянный рот изваяния раскрылся и произнес.

— *Accipite, et bibite ex eo omnes.*

«Примите и пейте из нее все», — мысленно перевел он эту латинскую фразу.

Он был почти уверен, что это строка из католической мессы, произносимая, когда священник превращает воду в Христову кровь.

Затем он заметил, что под распятым висит ржавая железная чаша ^[400], и кровь сбегает в нее по худым деревянным ногам. Он потянулся к чаше, но в этот миг на солнце набежало облако, и на погрузившемся в полумрак кресте висел уже не спаситель, а он сам, наблюдая чьими-то глазами, как он вонзает *eisener breche* бок распятой фигуры.

Из раны хлынула вода, и ему не нужно было ее пробовать, чтобы знать, что она была соленой — морской водой. Вода прибывала и темнела, а затем, заполнив подвал, хлынула наружу в Арно, которая каким-то образом одновременно была и Темзой и Тибром, и понеслась к морю; маленькая крыша над распятым превратилась в корабль, но он к этому времени был уже слишком далеко в море, чтобы Кроуфорд мог разобрать, что за судно это было. *Дон Жуан?* Может быть ковчег? «Одно из них — чтобы спасти нас от моря, — головокружительно подумал он, — другое — чтобы предать в его объятья».

Он осознал, что фляжка опустела, и что солнце за их спиной опустилось. Они были теперь внизу, посреди поросших лесом предгорий, и он, прищурившись, посмотрел на оставшиеся позади пламенеющие красным закатным свечением горные пики, через чьи каменные владения путешествовал их маленький сухопутный корабль, островок теплой жизни посреди холодного величия гор, и он поежился и поблагодарил привидевшегося ему Христа, или кто бы это ни был, за лошадей и даже за Джозефину.

Где-то впереди простирался окруженный стеной древний город Парма — некогда город галлов, затем важный город Римской Империи, а ныне, с благословения Австрийцев, принадлежащий французам; его величественные сады и променады ^[401] по праву считались одними из самых прекрасных в Италии. Но мысли Кроуфорда были сейчас от этого далеки. Сейчас он думал лишь о том, как отыскать какую-нибудь конюшню. Конюшню, в которой найдется солома, чтобы им с Джозефиной не пришлось спать в зловонной карете.

Their watchmen stare, and stand aghast,
As on we hurry through the dark;
The watch-light blinks as we go past,
The watch-dog shrinks and fears to bark...

— **George Crabbe**

Их стражи в ужасе стоят,
Когда несемся мы сквозь тьму;
Огни мигают, пряча взгляд,
И пес не лает на Луну...

— **Джордж Крабб** [\[402\]](#)

Возможно из-за того, что Парма [\[403\]](#) была занята про-австрийскими войсками, на следующее утро в конюшню не появился священник, чтобы выдворить спутавшуюся с вампирами женщину из города. На рассвете хозяин конюшни отворил тяжелую деревянную дверь, тяжело ступая, подошел к одному из стойл и вывел лошадь, при этом он даже не взглянул туда, где на восхитительно мягкой копне соломы лежали Кроуфорд с Джозефиной, укрытые запасной лошадиной попоной.

Кроуфорд сожалел лишь том, что Байрон не догадался упаковать одеяла.

Мужчина вывел лошадь во двор, и Кроуфорд отбросил попопу в сторону и поднялся. Он направился к карете, но там обнаружил, что кувшин с водой каким-то образом подхватил вездесущее чесночное зловоние, и, чествуя его на чем свет, захватил один из хрустальных бокалов Байрона, приблизился к поилке для лошадей и зачерпнул воды. Вода на вкус оказалась вполне приличной, так что он снова наполнил бокал и направился к Джозефине.

Он опустился возле нее и несколько секунд просто смотрел на ее худое, напряженное лицо. Когда он засыпал, она все еще бодрствовала, уставившись в потолок и сгибая связанные запястья и лодыжки, так что для него было загадкой, когда же она, наконец, позволила себе заснуть.

Он нежно потряс ее плечо, и ее глаза тут же распахнулись.

— Это я, Майкл, — сказал он, пытаясь заставить голос звучать обнадеживающе, хотя понимал, что был последним, кого она хотела сейчас видеть. — Присядь, чтобы я мог дать тебе воды.

Она вздернула себя вверх и покорно глотнула из бокала, который он поднес к ее губам. Сделав несколько глотков, она покачала головой, и он убрал бокал.

— Можешь меня развязать, — хрипло сказала она. — Я не буду пытаться убежать.

— Или убить себя?

Она отвела взгляд. — Или убить себя.

— Я не могу, — устало ответил Кроуфорд. — Я бы не сделал этого, даже если бы это касалось только тебя. Я люблю тебя, и не хочу способствовать твоей смерти. Но в любом случае, это касается *не только* тебя. Есть еще ребенок.

— Его ребенок, — сказала она. В ее голосе сквозило безразличие. — Думаю, он

действительно его. Они могут иметь детей от нас, ты знаешь.

Кроуфорд подумал о сестре-близняшке Шелли, которая выросла в его тело, когда он был еще в лоне матери, и в результате их затянувшегося соприкосновения заразила его и сделала его не вполне человеком. Изможденное лицо Джозефины напомнило ему лицо Христа, которое явилось ему во вчерашнем наваждении, и он взмолился, чтобы человеческий зародыш был единственным, кого вынашивает Джозефина.

— Нет, это человеческий ребенок, — сказал он. — Вспомни, я доктор, который на этом специализируется. Ты уже была беременна, когда впервые.... когда ты первый раз *трахалась* с Полидори. Он отвернулся, чтобы она не увидела ярость, сверкнувшую в его взгляде. — Даже если Полидори удалось тоже тебя оплодотворить — они могут это сделать, их нечеловеческий плод вырастает вместе, или даже внутри человеческого, который уже там был — наш ребенок все еще там, и будет, по меньшей мере, настолько же человеком, насколько им был Шелли.

Она закрыла глаза — с неожиданным состраданием он увидел, как глубоко изборождены морщинками ее веки — и по ее щекам покатались слезы. — Ох, — несчастно вздохнула она.

Где-то минутой ни один из них не решался прервать молчание. Из-за перегородки стояла высунулась лошадиная голова и изучающее посмотрела на них, затем фыркнула и снова скрылась из вида.

Джозефина вздохнула. — Выходит, это даже могут быть... близнецы.

— Верно.

Джозефина поежилась, и Кроуфорд напомнил себе, что она сама была одной из близняшек, и что ее мать умерла от кровотечения через несколько минут, после того как ее родила.

Хозяин конюшни вернулся обратно, и все еще не глядя на Кроуфорда и Джозефину, отворило другое стойло. Кроуфорд напрягся, готовый прыгнуть на Джозефину и зажать ей рот — но когда стало ясно, что она не собирается звать на помощь, он испытал благодарность за то, что их разговор прервали; ему нужно было время подумать. «Стоит ли, — раздумывал он, пока хозяин вел наружу вторую лошадь, — напомнить ей о смерти ее матери? Это обстоятельство, с подачи ее сестры Джулии, по сути, исковеркало всю ее юность. Усилит ли напоминание об этом ее тягу к самоубийству, или пробудит заботу о благополучии ребенка? Пойдет ли на пользу, если напомнить ей, через что прошел Китс, чтобы его сестра не стала жертвой вампира»?

Уже две ночи она не делилась своей кровью с Полидори, и Кроуфорд помнил, по давно минувшей для него неделе в Швейцарии, как тяжело без привычной утраты личности, когда это прочно вошло в твою жизнь. [\[404\]](#)

«Она, вероятно, только сейчас начинает обретать способность думать самостоятельно, — подумал он. — И ей это будет ненавистно. Захочет ли она принять ответственно за то, что сейчас должно открыться ей со всей ясностью, или это окажется для нее столь непомерным, что она просто предпочтет вернуться к привычному растворяющему личность забытию?»

— Я думаю, — сказала она, когда хозяин скрылся снаружи, — не будет никакой разницы, если я совершу самоубийство. Если ребенок его, самоубийство лишь... ускорит его рождение.

— И твое перерождение.

Она кивнула. — Я наконец-то смогу *перестать* быть собой, Джозефиной; *смогу*

впрямь быть просто шагающим... существом.

— Но теперь, — осторожно сказал Кроуфорд, — ты знаешь, что наш ребенок тоже им будет.

Глаза Джозефины были широко распахнуты, и Кроуфорду пришло на ум, что она выглядела словно загнанный в ловушку зверь. — Но мы ведь, — прошептала она, — мы убили ее, ту женщину, ту, что тебя любила. И я... я не могу... не могу об этом *помнить*.

Кроуфорд взял ее за плечи. — *Это была не Джулия*, — сказал он. — Это не была твоя сестра. Я знаю, что ты об этом знаешь, ты просто не можешь... уложить это в голове. Та тварь, которую мы убили, была богом проклятой летучей рептилией, как то существо, что пыталось убить тебя — и нашего ребенка — две ночи назад. Это был *вампир*.

Она опустила голову и кивнула, и он увидел слезу упавшую на узел, стягивающий ее запястья.

Слишком усталый, чтобы о чем-нибудь еще беспокоиться, он отпустил ее плечи и начал распутывать узел.

Когда владелец конюшни вошел снова, Джозефина и Кроуфорд стояли вместе возле кареты, крепко прижавшись друг к другу. Мужчина ухмыльнулся и пробормотал что-то по поводу *Амура*, а затем направился к следующему стойлу.

Они обменяли карету Байрона на менее изысканную, но и менее пахучую, погрузили в нее весь их багаж, а затем сняли комнату в гостинице, просто для того, чтобы принять ванну и переменить одежду. Кроуфорд даже побрился — и после минуты мучительных сомнений решил не прятать бритву.

Кроуфорд предусмотрительно ждал в коридоре, пока Джозефина принимала ванну и переодевалась; он робко начинал обретать надежду, что они могут когда-нибудь, в конце концов, пожениться — если, конечно, не погибнут в Венеции, и если она вынашивает только одного ребенка — но он легко мог себе представить, как она окончательно от него отдаляется, если он позволит себе сейчас хотя бы намек на фамильярность.

Когда она вышла из комнаты, Кроуфорд подумал, что ванна, должно быть, смыла с нее несколько лет: ее волосы были чистыми и причесанными, и блестели даже в полумраке коридора, и в одном из Терезиных платьев, упакованных для нее Байроном, она выглядела скорее стройной, чем худой.

Он предложил ей руку; и после едва заметного колебания она приняла ее, и они вместе направились к лестнице.

Они отправились по освещенной солнцем Эмилиевой Дороге [\[405\]](#) к Пьяцца Гранде [\[406\]](#), и, расположившись за вынесенным на открытый воздух столиком, возле статуи Корреджо, съели сваренные вкрутую, а затем нарезанные дольками яйца, в томатном соусе с обжаренным хлебом и оливковым маслом и запили все это бутылкой превосходного Ламбруско [\[407\]](#).

На солнце перед выполненными в стиле эпохи Возрождения арками Дворца Коммуны [\[408\]](#) толпились попрошайки, и старая босоногая пара в рваных одеждах отважилась на вылазку между столов; мужчина крутил и мял в руках шляпу и разговаривал с хорошо одетыми людьми за соседним столиком. Благодарный судьбе за свою собственную чистую одежду, хорошую пищу и вино, Кроуфорд вытащил из кармана пачку лир [\[409\]](#) и дожидался, пока пара приблизится к столику, за которым сидели они с Джозефиной.

А затем он заметил австрийских солдат. Они, должно быть, ворвались на площадь

несколько секунд назад, так как уже успели рассредоточиться и целеустремленно двинулись через площадь. Двое из них схватили пожилую пару и потащили стариков прочь, и, глянув мимо них, Кроуфорд увидел, что солдаты окружили всех нищих и повели их с площади.

Неожиданно устыдившись своего видимого благополучия, он скомкал счета и позволил им упасть на мостовую. Налетевший порыв ветра подхватил бумажные комочки и словно маленькие кораблики погнал их прочь по каменным плитам.

— Новые австрийские хозяева Пармы, похоже, не очень-то жалуют нищих, — сказал он Джозефине, отодвигая стул и поднимаясь. — Пойдем — мне ненавистно быть частью толпы, которую от них охраняют.

Джозефина тоже выглядела расстроенной этим представлением, и поднялась вслед за ним. — Думаю, в Парме мы все уже рассмотрели, — сказала она, имитируя оживленные интонации английских туристов. — Поехали, наконец, в Венецию.

Кроуфорд был рад уловить в ней пусть и слабую, но искру веселья. — *Тайная Вечеря* Тинторетто! [\[410\]](#) — воскликнул он, пытаясь поддержать ее настроение.

— *Коллеоне Верроккьо* [\[411\]](#) ! — включилась она; затем, возможно из-за того, что она увидела очертания этой мрачной конной статуи, ее напускная улыбка угасла. — Возвращаемся в отель?

— Только за каретой. Нашу старую одежду пусть оставят себе.

* * *

Австрийские стражники проверяли всех, кто покидал город через высокую каменную арку северных ворот, но солдат, который досматривал их карету, просто склонился к окну и взглянул на Джозефину, и с неодобрением посмотрел на Кроуфорда; затем он бесцеремонно принялся и махнул рукой проезжать.

Карета выехала из полумрака под палящее солнце, а затем кони рванули вперед, словно медленный темп городского движения их утомил. Дорога вилась перед ними, убегая на север через Долину По, и Кроуфорд несколько часов счастливо правил посреди бескрайних желтых полей, расцвеченных серебристо-зелеными узорами виноградников и персиковых деревьев.

Мимо них проехало несколько всадников и экипажей, но он не торопился достичь кошмарного окончания их пути и хотел, чтобы лошади были свежими для предстоящего на завтра путешествия через Ломбардию [\[412\]](#) и Венецию, так что он поддерживал их неспешный шаг.

Через пару часов они достигли деревеньки Брежелло [\[413\]](#), которая расположилась на болотистых берегах По. Кроуфорд подумывал об остановке, но в воздухе витало несчислимое множество какого-то пуха, заставляя его поминутно чихать, так что он сдвинул шляпу назад и, прищурившись, оглядел западный берег в поисках моста.

* * *

Внезапно карета резко качнулась на рессорах, и рядом с ним на скамье нарисовался молодой чернобородый мужчина.

Рука Кроуфорда метнулась к спрятанному под пиджаком пистолету, но мужчина поймал его запястье темной от загара рукой. Кроуфорд инстинктивно взглянул на держащую его руку, собираясь вырваться, но тут заметил черную отметину между большим и указательным пальцем. Очень похожую на двухлетнее пятно на его собственной ладони.

Он взглянул в пронизывающие насквозь, живые карие глаза незнакомца. — Карбонарии, — сказал тот.

Кроуфорд кивнул, немного успокоившись. — *Si?* [\[414\]](#) — сказал он.

Мужчина быстро заговорил на языке, который Кроуфорд сперва принял за французский; затем он опознал его как выговор Пьемонта [\[415\]](#), который лежал к западу от долины, и даже сумел понять, что ему говорят. — Тебе нужно отправиться по реке, — сказал мужчина, — через Ломбардию ехать нельзя. Проточная вода собьет их со следа.

— Э-э... кто, — осторожно спросил Кроуфорд, бессознательно стараясь подражать акценту, — мы, по-вашему, такие?

Мужчина отобрал у Кроуфорда поводья и погнал лошадей на восток по идущей в сторону от моста более узкой грунтовой дороге.

— Я думаю, — сказал он, — вы та пара, которая этим утром продала в Парме воняющую чесноком карету; пара которой удалось вчера миновать пограничную стражу на перевале Циза из-за того, что женщина была больна, а мужчина дал стражникам большую взятку, и сейчас у этой пары большие неприятности.

Внезапно Кроуфорд вспомнил встреченную на Пьяцца стражу, которая арестовывала всех, кто выглядел как оборванец, как совсем недавно выглядели и они с Джозефиной; также он вспомнил стражника, который пропустил их через ворота Пармы, после того как *обнюхал* карету. В этот миг он был бесконечно рад, что им с Джозефиной пришлось в голову сменить экипаж Байрона.

Новая карета была к этому времени посреди деревянных лачуг, и хлопок в воздухе сделался вездесущим. Кроуфорд чихнул шесть раз подряд.

— Они вымачивают убранный урожай льна, — сказал проводник Кроуфорда. — Воздух будет полон этой дряни еще несколько дней. Он бросил быстрый взгляд в сторону Кроуфорда. — У тебя случаем не найдется выпить, товарищ по оружию?

— А... да, конечно. Кроуфорд протянул ему фляжку, и мужчина, выпив все, что там было, протянул ее обратно. — Благодарю. Меня зовут делла Торре.

— Я, — начал было Кроуфорд, но мужчина поспешно вскинул украшенную пятном руку.

— Меньше знаешь, крепче спишь, — сказал он. Вчера наши люди убили австрийского курьера ехавшего из Лериче. В письме, которое он вез, было описание вас двоих, а так же упоминалась твоя метка Карбонария. Он бросил взгляд через плечо на видневшийся позади мост. — Безусловно, этот курьер был не единственным.

— И что, Австрийцы нас сейчас преследуют? — спросил Кроуфорд. — Может нам тогда и эту карету бросить...

— Все верно, так вы и сделаете, но немного попозже. Они еще пока не здесь — я обогнал их полчаса назад на дороге из Пармы, но их лошади не идут ни в какое сравнение с моим жеребцом, а я добрался сюда лишь несколько минут назад.

— Вы знаете... почему они нас преследуют? — спросил Кроуфорд. «Может быть из-за сердца Шелли? — подумал он; — или из-за тех людей, которых я убил в Риме? Или из-за того и другого?»

— Нет, — ответил делла Торе, — и знать этого не хочу. Я просто предположил, что у вас дела Карбонариев.

— Так и есть.

Ряд обветшалых деревянных доков разделял обочину по левую сторону от них, и делла Торре резко повернул карету в узкий проход между двумя похожими на склады строениями у одного из причалов. Кроуфорд услышал скрип и скрежет, когда какая-то деталь кареты зацепилась за угол здания и, по-видимому, отвалилась.

Делла Торе не обратил на это никакого внимания. — Здесь должна быть лодка, — сказал он и прыгнул на жалобно заскрипевшие в ответ доски.

В этот миг на пороге здания, с которым они только что столкнулись, показались несколько здоровых, но очевидно напуганных мужчин, и делла Торе тотчас же ввязался с ними в жаркий спор, «словно, — подумал Кроуфорд, — они были давнишними противниками и сейчас вернулись к своим нескончаемым прениям».

Не зная кого больше бояться, преследовавших его австрийцев или своего нового союзника, он спустился вниз и открыл дверь кареты. Джозефина спала, и он нехотя потряс ее за плечо.

Она открыла глаза, но без всякой настороженности.

— Мы бросаем карету, — отчетливо сказал он, — поплывем на лодке. Тебе возможно нужно проветриться.

— На лодке? — с сомнением спросила она.

— На лодке, — ответил он. — Что не так? Может, ты *хочешь*, чтобы он мог следовать за тобой?

Она опустила глаза. — Ты же знаешь, что это не так, — сказала она. Она выбралась из кареты и нетвердо стояла возле него. И он нежно ее обнял. — Но, — прошептала она, — знаешь также, что кровь моя хочет.

Делла Торе появился из-за кареты, ударяя себя по лбу. — Люди Эмилия продажные собаки, — сказал он, поравнявшись с Кроуфордом и опуская руку. — Эти кретины хотят получить с вас тысячу *лир* за пользование одной из их лодок. Это, понимаешь ли, их лучшая лодка. Правда так оно и есть, на этой лодке я вместе с одним из них могу доставить вас в Порто-Толле ^[416] на Адриатике самое большее за пару дней.

Внутри у Кроуфорда все опустилось. У них всего-то оставалось около полутора тысяч. Но он не видел другого выбора, кроме как согласиться на условия этих людей, так как времени торговаться, похоже, не было.

— Хорошо, я согласен, — сказал он, презирая свой голос, прозвучавший, словно голос древнего старика.

Делла Торе уныло кивнул, затем пожал плечами. — Ну, по крайней мере, они бесплатно позаботятся о лошадях и карете, которую так настойчиво ищут австрийцы.

«Не сомневаюсь, что позаботятся», — с горечью подумал Кроуфорд. Вслух он, тем не менее, ответил, — Очень хорошо. «Интересно, какая часть навару достанется тебе?» — подумал он.

— Я, — стоически продолжил делла Торе, — помогу тебе погрузить ваш багаж в лодку.

— Вы *очень* любезны, — по-английски сказала Джозефина, когда они направились по

причали к реке.

* * *

Лодка была около тридцати футов в длину, с закругленными носами и подобными деревянным крыльям шверцами ^[417] по бокам; крепящаяся на шарнирах мачта была уложена на корме, и Кроуфорд разглядел, что она несла оснащенный гафелем грот-парус и кливер. Он признался себе, что выглядело все вполне надежным.

Не прошло и минуты, как мачта была поднята и водружена на свое место, и, как только багаж и четыре пассажира разместились на борту, концы были отданы, паруса подняты и обращенный к берегу шверц был опущен на воду, и лодка начала, разворачиваясь, удаляться от причала.

Джозефина сразу же направилась к одной из расположившихся под палубой узких лежанок, а Кроуфорд снова наполнил свою фляжку и уселся возле ограждения правого борта, и смотрел, как оставленное ими селение удаляется за кормой.

Сегодня был понедельник. Они покинули Лериче в ночь с субботы на воскресенье, и он уже потратил больше половины от двух тысяч *лир*, которыми его снабдил Байрон... а так же потерял карету и лошадей.

Но брэнди вселило в него надежду. Если нам хоть немного повезло, подумал он, мы также потеряли и наших преследователей, и человеческих и нечеловеческих.

Всю вторую половину дня лодка лавировала по течению По, между бескрайними зелеными полями, то там то здесь пестреющими белыми стадами коров. На закате Джозефина, пошатываясь, поднялась на палубу.

Делла Торе на мгновение задержал на ней взгляд, затем пересек палубу и сел возле Кроуфорда. — Она укушена, — сказал он.

Кроуфорд пьяно кивнул. — Мы собираемся это изменить.

— Тогда зачем вы направляетесь к морю? Я слышал, чтобы избавиться от вампиров отправляются в Альпы.

— Мы собираемся сделать это в Венеции.

— В *Венеции*? — делла Торе покачал головой. — Венеция — это их цитадель! Говорят, что именно там живет их король.

Джозефина приблизилась к ним и, не говоря ни слова, взяла у Кроуфорда фляжку и как следует к ней приложилась. — Боже, — произнесла она по-английски, — я... Она мотнула головой, глядя в отдаленную береговую линию.

— Я знаю, — сказал Кроуфорд. — Я тоже все это пережил. Сопровителю этому — если не ради себя, то хотя бы ради ребенка.

Она зябко поежилась, но кивнула и сделала еще глоток.

— Говорите по-итальянски, — сказал делла Торе. И Кроуфорд впервые уловил в его голосе неподдельное беспокойство.

Небо над головой стремительно темнело, затягиваемое тяжелыми облаками.

На закате мужчина из доков — чье имя, заключил Кроуфорд, было Спучо, что по-итальянски означало плевок — начал закладывать галс в сторону огней проплывающего

мимо города, но делла Торе велел ему продолжать движение и плыть всю ночь. Спуту пожал плечами и подчинился, заметив лишь, что если они собираются плыть дальше, им необходимо зажечь навигационные бортовые огни. Делла Торе обошел лодку с масляным фонарем, осторожно зажигая от него светильники, подвешенные на цепях над темнеющей за бортами водой.

Ветер набрал силу, и лодка неслась вперед, несмотря на приспущенный наполовину грот-парус.

Кроуфорд расположился на носу, ощупывая рукоятку спрятанного под пиджаком пистолета и наблюдая за беспокойным небом — но все равно был застигнут врасплох, когда существо обрушилось на лодку.

Звонкий музыкальный звук, словно меч, скользящий по струнам арфы, стремительно прорезал воздух, а затем сокрушительный удар пошатнул жалобно застонавшую в ответ палубу — лодку бросило в сторону, раздался громкий треск и хлопки лопающегося такелажа, и когда упавший Кроуфорд обернулся назад и взглянул в направлении кормы, волосы встали дыбом у него на затылке.

В раскинувшемся над мачтой темном небе медленно вырастала полупрозрачная фигура, фигура женщины. Ее длинные волосы струились позади, словно грациозные медузии щупальца. Длинные, блестящие, словно полупрозрачное стекло, руки и ноги молотили в воздухе, и Кроуфорд догадался, что удар о палубу отбросил существо назад, и теперь оно готовилось снова обрушиться на лодку. Лицо существа было искажено безумной яростью.

Делла Торре и Спуту отползли на корму и сидели, боясь пошевелиться, хотя делла Торре выхватил пистолет; Джозефина стояла возле мачты, взирая в лицо парящей в воздухе женщины. Кроуфорду показалось, что голова ее наклонена, и она смотрит вверх своим стеклянным глазом.

Кроуфорд вытащил пистолет и прицелился в нечеловечески прекрасную женщину — страстно желая, чтобы лодка перестала раскачиваться, и руки обрели твердость, и чтобы у него было с собой еще несколько пистолетов — а затем выпустил запертый в груди воздух и спустил курок.

Отдача подбросила запястье, и он на миг ослеп от длинной желто-голубой вспышки, но сквозь стоящий в ушах перезвон слышал, как существо пронзительно металлически завопило.

Кроуфорд откатился к другому борту, и сразу вслед за этим воздух сотряс выстрел пистолета делла Торре.

На лодку вновь обрушился удар. Кроуфорд поднялся на колени на накренившейся палубе, ожесточенно пытаясь изгнать из глаз застилающее взор ослепительно-красное пятно.

Неясно он различил фигуру нечеловеческой женщины; она плыла в воздухе в каких-нибудь нескольких ярдах над палубой; ее прекрасные волосы извивающейся короной рассыпались вокруг головы. Стройные, совершенные ноги простерлись позади тела, а увенчанная когтями левая рука медленно тянулась к Джозефине.

Джозефина неподвижно взирала на приближающуюся руку.

Кроуфорд всхлипнул и ринулся к существу, но в тот миг как он сделал первый из двух шагов, что должны были привести его к бессмысленному столкновению с ламией, он увидел, как Спуту выхватил из-по отворота пиджака нож и метнул его в женщину.

Женщина разорвалась ледяным порывом ветра, сбившим Кроуфорда с ног и

наполнившим ноздри запахом мокрой глины.

Все, чего он сейчас желал, это лечь на палубу; но он заставил себя перевернуться и встать на колени, а затем, цепляясь за ограждение борта, поднялся на ноги.

Призрачная женщина исчезла — остался лишь парящий над водой рваный клочок тумана. Заложив крен, лодка потеряла свое движение вперед и теперь плыла почти поперек течения, и вид удаляющейся за кормой береговой линии на мгновение сбил Кроуфорд с толку.

Джозефина опустилась на пол возле мачты; Спутто подошел к ней и, наклонившись, поднял брошенный нож. Он ухмыльнулся и показал Кроуфорду клинок. — *Ferrobreccia* ^[418], — сказал он.

«Железно-пролом, — подумал Кроуфорд. — *Eisener-breche*».

Делла Торре отдал Спутто какой-то резкий приказ, на что Спутто пожал плечами, запрыгал нож назад и вернулся обратно на корму.

Следующие десять минут все, даже подавленная Джозефина, были заняты, спуская парус, сращивая поврежденный такелаж и вычерпывая воду из трюма. Наконец делла Торре встал у руля и приказал Кроуфорду наполовину поднять гафель ^[419], и парус без треска такелажа наполнился воздухом, и нос начал неповоротливо ложиться по ветру.

Кроуфорд находился возле отломанного шверца, где он присел мгновение назад, готовый освободить ходовой конец снасти, если напряжение на парус или гафель окажется чрезмерным, и теперь делла Торре оставил Спутто у руля, пересек палубу и прислонился к борту поблизости от Кроуфорда.

— Это она, — сказал он, кивком головы указывая на Джозефину, которая стояла на носу, вглядываясь вперед, — призвала эту тварь. Чтобы убить нас.

Кроуфорд неуверенно рассмеялся. — Ты знаешь, что это неправда.

— Откуда мне знать? В голосе делла Торре сквозили нотки раздражения, но когда Кроуфорд поднял на него взгляд, он увидел в глазах мужчины лишь испуг и недоумение. — Это тварь пришла за ней, она тянулась к ней.

— Не для того чтобы ей помочь. Если бы нож Спутто не угодил в цель, я почти уверен, моя... моя жена лишилась бы своего лица.

Делла Торре помотал головой. — Оно появилось возле нас *не случайно* — что-то его притянуло. Он оттолкнулся от поручня и вернулся обратно, чтобы переговорить со Спутто.

Этой ночью спал только Спутто; Джозефина отказалась идти вниз, а делла Торре одной рукой управлялся с румпелем, а в другой сжимал пистолет, и глаза его напряженно изучали беспокойное небо над головой и едва различимую впереди реку. Кроуфорд непрерывно мерил лодку шагами, вглядываясь в проплывающие мимо темные ландшафты.

«Наверняка жители какой-нибудь деревеньки слышали выстрелы и крики существа, — думал он, — а также рыбаки и все кто плыл поблизости. Узнают ли об этом Австрийцы? И чем это нам грозит?»

Несколько раз до него доносилось далекое пение, и один раз, когда ветер принес несколько отчетливо различимых нот, он оглянулся на делла Торре, но тот лишь покачал головой.

Раз в небесах раздалось пугающее шипение, высоко в бездонных просторах, через которые плыли облака, и хотя оба мужчины напряженно припали к палубе, выхватив пистолеты и нацелив дула кверху, звук этот больше не повторился, и спустя несколько минут они, не теряя бдительности, все же немного расслабились.

Кроуфорд позволил себе большой глоток брэнди и склонился над ограждением борта. В какой-то момент это молчаливого созерцания он понял, что должно было притягивать это небесное существо, и снова взмолился, чтобы Джозефина носила лишь человеческого ребенка, а не ту дьявольскую двойню, что досталась матери Шелли.

Ламию, вне всяких сомнений, притягивало сердце Шелли, что все еще обернутое в мясницкую бумагу покоилось в одной из сумок Кроуфорда.

Шелли был недопустимым смешением видов, словно птенец, которого трогали люди, несущий теперь на себе их запах; и так же как и мать этого птенца, большинство чистокровных представителей и того и другого рода нашли его противным их природе — хотя в случае с человеческим родом, представители его так и не смогли внятно объяснить, почему он казался им столь отвратительным, и вынуждены были прибегнуть к его атеизму, революционной поэзии и моральным устоям, чтобы оправдать травлю и гонение его из одной страны в другую, так что единственным его друзьями были такие же изгои как он.

Сердце Шелли все еще воплощало в себе эту отталкивающую смесь, и было поэтому вопиющим преступлением против божественного закона о разделенности двух жизненных форм.

Шелли однажды рассказал ему, как одно из этих воздушных созданий напало на него, когда он прогуливался на лодке по озеру Леман, и как его тогда одолело искушение — так как лодка уже начинала тонуть — воспользоваться этим происшествием как оправданием для самоубийства, которое, как он всегда знал, могло освободить его семью от последствий его существования.

Теперь Кроуфорд думал, что главной причиной, по которой Шелли решил совершить самоубийство, было осознание того, что его отвергают все жизненные формы. Он был словно гадкий утенок одинаково противный и для людей и для ламий. И Кроуфорду было страшно даже подумать, что его ребенка может ожидать такая же участь.

На рассвете Кроуфорд и Джозефина отправились вниз, к двум отдельным лежанкам. Делла Торре остался на палубе с посвежевшим и словоохотливым Спучо.

* * *

Кроуфорд проснулся от того, что кто-то тряс его плечо.

— Доброе утро-которое-на-самом-деле-вечер, *Inglese* [\[420\]](#), — сказал делла Торре. — Думаю, настала пора вам покинуть лодку.

Кроуфорд с трудом уселся на лежанке, ударившись головой о близко нависающее дно палубы. Он никак не мог понять, где находится. — Покинуть лодку, — осторожно переспросил он, стараясь выиграть время.

— Мы всего лишь в миле от Пунта Маестра [\[421\]](#), где По впадает в Адриатическое море. Лодки австрийских войск перекрыли реку прямо по курсу. Мы плывем медленно, но, тем не менее, если вы надеетесь уйти незамеченными, вам вскоре придется добираться до берега вплавь — обоим, и тебе и твоей женщине. Теперь уже слишком поздно пытаться повернуть к берегу. Вряд ли это не привлечет их внимание. Он пожал плечами, — Сожалею.

Внезапно Кроуфорд вспомнил все, что произошло, и возблагодарил судьбу за то, что ему

удалось выспаться. — Ничего, я понимаю, — тихо сказал он, скатываясь с лежанки и тряся плечо Джозефины. — Джозефина, — сказал он. — Нам предстоит сегодня немного поплавать.

Спуты и делла Торре помогли им привязать багаж к паре досок. — Вещи наверняка намокнут, — объяснил Кроуфорду делла Торре, — когда вы будете плыть.

— Это... чертовски удачная мысль, делла Торре, — сказал Кроуфорд, рассеянно говоря по-английски.

Берега реки были укрыты туманом, и садящееся солнце последними багряными отсветами догорало за кормой, но Кроуфорд различил растянущуюся впереди шеренгу лодок, к которой они направлялись.

Несколько мучительных секунд он пытался придумать какой-нибудь способ избежать предстоящего заплыва. Наконец он сдался, взял Джозефину за руку и направился к корме, где они сели, сняли обувь, и надежно привязали ее к их наскоро сооруженному плоту.

— Спасибо вам, — сказал он, перекидывая ногу через транец [\[422\]](#), — но не думаю, что мы удачно распорядились деньгами. Если мы будем возвращаться обратно этим путем, я предпочту снова купить карету.

Делла Торре расхохотался. — Ты вроде говорил, вы собираетесь в Венецию? Если сумеете вернуться, мы довезем вас хоть до *Англии*.

Кроуфорд спрыгнул с кормы в воду.

После недавнего тепла постели вода показалось неприветливо холодной, и когда он вынырнул на поверхность, его дыхание сбилось на судорожные, шелестящие уханья. Их импровизированный маленький плот плескался поблизости, с уцепившейся за него Джозефиной, которая перенесла погружение в холодную воду более стойчески, чем Кроуфорд и, показавшись на поверхности, дышала ровно. Кроуфорд поймал уплывающую шляпу и водрузил ее обратно на свою лысую голову.

Он махнул рукой делла Торре и тихо отозвался: — Мы, может быть, поймаем тебя на слове! — а затем он и Джозефина взяли каждый за свой конец маленького плота и начали грести к далекому северному берегу.

То лед то пламень, так бросают их над Летою ^[423]
 Туда-сюда, и чтобы пытку их усилить,
 Снедает жажда их, желанье страстное коснуться
 До струй манящих, что одной лишь малой каплей
 Забвенье милосердное всем болям и горестям
 В единый миг подарят. И близок так предмет их вожделенья;
 Но Рок неумолимый не сдастся, и чтоб попытки эти упредить,
 Медуза из Горгон ^[424]брод охраняет, в сердца и души ужас поселяя,
 И полчища надводных насекомых... ^[425]
 — Джон Мильтон, *Потерянный Рай*

Был лишь ранний вечер, и бриз, что налетал на лагуну из-за низких песчаных холмов Лидо позади гондолы, был теплым; но Кроуфорд невольно поежился, когда увидел выполненную с филигранным искусством белую громаду Дворца Дожей и башню кампаниллы ^[426]поднимающуюся посреди темного горизонта, нависшего перед стремящимся вперед клювом гондолы. Лагуна была спокойна, и нос гондолы едва заметно вздымался и опадал, пока суденышко скользило по воде.

В одной руке Кроуфорд сжимал пузырек с кровью Байрона. Другая была занята обернутым в бумагу обутленным сердцем Шелли. «Поэты возвращаются», — напряженно подумал он.

Его страшило то, что предстояло сделать, и он находил слабое утешение в созерцании водной глади, блестящей от отражений разноцветных огней города, который все еще предстояло пересечь. «Еще несколько минут можешь строить из себя беззаботного туриста», — подумал он.

Впервые он обратил внимание, что загнутый кверху нос гондолы был металлическим и отчасти напоминал своей формой трезубый меч. Он повернулся на своем месте и махнул рукой гондольеру, привлекая его внимание, а затем указал на нос. — Почему он выполнен в форме меча? — спросил он.

Гондольер ухитрился пожать плечами, не нарушая мерного темпа, с которым он орудовал веслом. — Традиция, — ответил он. — Гондолы в Венеции всегда его имеют. Он называется *ферро* ^[427].

Кроуфорд кивнул и снова посмотрел вперед. С того места где он сидел, *ферро*пробивал брешь в многоглазом, словно обнажившим бесчисленные зубы фасаде Дворца Дожей.

Он озабоченно глянул на Джозефину, которая неуютно ерзала на сиденье напротив, рядом с их сумкой и тростью Байрона. Она тоже дрожала, но скорее от лихорадки, чем от страха.

Им пришлось несколько часов идти на восток, пробираясь через марши ^[428]по меньшей мере столь же часто, как и шагая по дорогам, чтобы миновать шеренгу австрийских лодок, перекрывших По, и к тому времени, как они нашли рано поднявшегося рыбака, который согласился отвезти их на север в Лидо, у Джозефины начался жар, ее била дрожь, и она не могла с уверенностью сказать, где они были и какой сейчас год. Почти все время ей

казалось, что они в Риме; что они только что спаслись бегством из квартиры Китса и брели сквозь развалины Римского Форума.

Несколько раз она сгибалась пополам от приступов острой боли, но когда он начал тревожиться, она сказала ему, что такое с ней случается часто, и что спазмы эти через несколько минут всегда проходят. Он беспокоился, что что-нибудь может быть не в порядке ее беременностью — в самом деле, ее образ жизни в последнее время едва ли соответствовал тому режиму, который он порекомендовал бы будущей матери.

Белоснежные колонны церкви Сан-Джорджо ^[429]проплывали прямо по левому борту, отделенные сотней ярдов неспешных волн, и гондола начала забирать по широкому устью канала Сан Марко в направлении величественных сводов Церкви Сан Заккариа, расположившейся в сотне ярдов к востоку от Дворца Дожей. Теперь Кроуфорд ясно различал две колонны, стоящие на обращенной к морю стороне ярко освещенной Пьяцца.

Спустя несколько минут Сан-Джорджо осталась позади, и впереди по левому борту протянулся широкий усеянный лодками коридор Большого Канала; фасады высоких раскинувшихся впереди дворцов были Византийским торжеством огней, арок и витиевато украшенных балконов.

Кроуфорд любовался этим зрелищем, пока не заметил волнение воды между гондолой и огнями.

— Быстрее, — приказал он гондольеру, который вздохнул, но все же подналег на весло.

Кроуфорд догадался, что они были на периферии поля внимания Грай — волнение воды, без сомнений, произвела третья сестра, слепо заворачавшаяся под водой, когда ее восприятия коснулось проплывающее мимо сердце.

* * *

Время пришло. Он положил сердце на колени, а затем, с безграничным отвращением, открыл банку. «Если бы только можно было миновать чашу сию», — в жалкой попытке пошутить подумал он — затем глубоко вдохнул и поднес пузырек к губам.

Каким-то образом охватившее его отвращение было столь всепоглощающим, что его даже не стошнило от вкуса чеснока, уксуса и ржавчины. Когда содержимого в банке осталось на пару ложек, он украдкой вылил остатки на дощатый настил и наступил на образовавшуюся лужицу; затем он выбросил опустевшую склянку в море, чувствуя, будто поделился ею с другом. Он вспомнил, что перед тем как Австрийцы захватили власть, Доджи ежегодно принимали участие в древнем обряде, который был призван поженить город с морем. «Помоги мне сегодня», — мысленно попросил он темные волны.

Канал перед глазами растворился, он лежал на спине, на узкой кровати, под низко нависающем деревянным потолком. Глаза жгло, а в горле было сухо.

— Добрый вечер, милорд, — сказал он по-английски. Губы были обветренные и потрескавшиеся.

— Вот и ты, — услышал он хриплый голос. — Уже пора? Голова повернулась в сторону, и Кроуфорд увидел наполненную водой ванну.

— Нет, еще нет. Сделаешь это, когда я буду сходить на берег. Я загодя подам сигнал,

чтобы ты успел в нее залезть.

— Черт бы побрал все эти твои махинации, — проскрежетал Байрон. Он умолк на мгновение, затем с нежностью в голосе сказал, — Боже, она прекраснейший город на земле, — и Кроуфорд понял, что Байрон, пока он разглядывал его комнату в Лериче, смотрел его глазами на Венецию.

Легким усилием воли Кроуфорд вернулся в свое тело. Гондольер озадаченно уставился на него, и Кроуфорд сообразил, что должно быть говорил сам с собой. Байрон стиснул руку Кроуфорда державшую пакет с сердцем Шелли, и Кроуфорд немного расслабил пальцы.

Гондола забрала немного к западу, и ее нос указывал теперь точно на расположившийся на востоке Дворец Дожей. Совсем близко, впереди, широкие каменные ступени ошетинились рядами пришвартованных под прямыми углами гондол, и гондола Кроуфорда уже проплывала между двумя дальними швартовочными столбами.

— Залезай в ванну, — скомандовал он.

Кроуфорд увидел, как пришвартованные гондолы приблизились, а затем оказались по бокам, когда их суденышко было искусно втиснуто между двумя другими, и он напрягся в ожидании предстоящих усилий — но, несмотря на это, издал невольный вскрик, когда внезапно почувствовал охватившую его до пояса холодную воду.

Джозефина подпрыгнула и уставилась на него, и он умудрился успокаивающе махнуть рукой. — Хвала богу, да, — стуча зубами, произнес он, — все идет, как запланировано. Мы... в ванне.

За его спиной гондольер что-то бормотал по поводу *l'Inglese pazzo*, безумного англичанина.

В его голове прозвучал голос Байрон. — Ну и как тебе это нравится, Айкмэн? Я разрешаю тебе некоторое время понаслаждаться этим ощущением.

Затем Кроуфорд очутился в ванне, пока его тело в Венеции без всякого его участия поднялось на ноги. Он *видел* все, что видело его тело в Венеции, но при этом *ощущал* то, что тело Байрона чувствовало в Лериче.

— Там... кровь, — заставил Кроуфорд произнести свое тело, — на подошве... нашего левого ботинка. Не сотри ее или не угоди в воду, прежде чем сойдешь на берег.

Гондольер ступил на маленький плавучий причал, который выдавался на несколько ярдов в воду, и сверху протянул Джозефине руку, помогая ей выбраться из гондолы, а затем передал ей сумку и трость.

Кроуфорд обнаружил себя отказывающимся от предложенной помощи, а затем запрыгивающим одной ногой на причал и скачущим по глухо вторящим доскам к нижней из каменных ступеней. Одному богу известно, что подумал об этом гондольер.

Очутившись на мостовой, он на мгновение застыл на одной ноге. — Так вот значит как это, ощущать здоровую правую ногу, — произнес Байрон голосом Кроуфорда.

— Только не пытайся проделать тоже с левой, — тем же ртом произнес Кроуфорд. Он уже начинал привыкать к воде в ванне и мог говорить, не клацая при этом их ставшими на время общими зубами. — Пуля, угодившая в меня в Риме, черте что устроила с мускулами бедра.

Байрон опустил левую ступню и прижал ее мокрую подошву к ступени.

Словно шелест спущенной стрелы, затухающий в одних ушах, а затем достигающий других, Кроуфорд почувствовал, как фокус внимания покинул сидящее в ванной тело и переместился в тело стоящее на ступенях.

— Вот ты и здесь, — напряженно сказал Кроуфорд. — Действуй.

Кроуфорд расслабился в ванной и просто позволил своему телу действовать по своему усмотрению, словно наездник, доверившийся лошади, что знает дорогу.

Байрон неуклюже шагал по идущей вдоль канала мостовой, очевидно из-за своей всегдашней привычки переносить вес на левую ногу, и срывал обертывавшую сердце бумагу.

— Я Байрон, ты понимаешь это? — спросил он Джозефину, которая неверной походкой шла рядом. — Хотя и в теле Айкмэна?

Джозефина сосредоточенно нахмурилась, но, в конце концов, кивнула. — Да, — сказала она. — Ты собираешься освободить глаз, чтобы он мог перескакивать от одной сестры к другой, а затем ты хочешь поймать его с помощью сердца.

— Замечательно, а теперь, чуть погода, мне будет нужно, чтобы ты отошла от меня, оставалась в стороне и наблюдала за мной и людьми вокруг меня; я буду сильно занят, и легко могу что-нибудь упустить. Веди себя словно туристка, выбравшаяся за покупками. Какого черта, *покупай* что-нибудь — Айкмэн, сколько денег у тебя еще осталось? — Э-э, *около двух сотен лир* — Две сотни? Это из двух то тысяч? Кони и карета, полагаю, тоже канули в небытие? — Э-э, *да* — Дьявол меня разбери! Кроуфорд почувствовал, как Байрон стискивает его кулаки. — Ну, если нас здесь не убьют, мы поговорим об этом позже. Где они? — *В правом кармане нашего пиджака.*

Байрон отыскал купюры и протянул их Джозефине. — Вот, держи. В любом случае, купи какой-нибудь туристический хлам, но только не забывай наблюдать за всеми, кто обращает на меня внимание, особенно за солдатами. — Уяснила?

— Да, — ответила Джозефина. — Тебе нужна твоя... трость?

— Нет — этой ночью работы для клинка, похоже, не будет. Но если все же до этого дойдет, она тебе понадобится для самозащиты.

Они миновали мрачный, поддерживаемый колоннами фасад здания, что несколько столетий назад было городской тюрьмой, и достигли начала Соломенного Моста [\[430\]](#), каменного моста через узкий канал сбоку от Дворца Дожей.

На полпути через мост Байрон остановился, и Джозефине указал, а для Кроуфорда посмотрел, вверх по темному узкому каналу на арочно-крытый Мост Вздохов [\[431\]](#), который выглядел в тусклом свете, словно лишенный челюстей череп, втиснутый между стен этих двух грозных зданий.

Мост Вздохов

— По этому мосту заключенных из тюрьмы доставляли к месту казни посреди двух колонн установленных на Пьяцца. Хвала Небесам, что мы идем по нему — хотя мы идем по мосту ему параллельному. *Не останавливайтесь*, — невольно добавил он, когда Кроуфорд на мгновение вернул себе речь.

Байрон рассмеялся и возобновил свой хромающий шаг. — Да, ты точно больше не подвержен их заразе, Айкмэн, — сказал он. — В тебе совсем не осталось поэзии.

Он повернулся к Джозефине и продолжил, — Запомни, если какие-нибудь солдаты *посмотрят* на меня и направятся ко мне, я хочу, чтобы ты закричала во весь голос. Притворись, что увидела мышь, или еще что-нибудь. А если они нацелят на меня *ружья*, кричи несколько раз, словно у тебя приключилась истерика. Ты все поняла?

Джозефина вздохнула, и Кроуфорд подумал, что это хороший знак. Очевидно, ее пугала даже мысль о том, что придется устроить такое представление. — Да, — ответила она.

— Хорошо. Они подошли к нижним, установленным на широченные основания колоннам Дворца Дожей. Им потребовалась минута, чтобы хромая и пошатываясь миновать здание и дойти до того места, где по правую сторону от них распахнулась Пьяцца.

Колонны Грай были всего лишь в дюжине ярдов от них и Кроуфорд, наверное, вздрогнул бы, если бы в этот миг управлял своим телом — одни лишь мраморные основания колонн были высотой в полтора раза выше человеческого роста, а широкие каменные столбы возносились высоко вверх, казалось, вращая в темное ночное небо.

Вдруг раздался колокольный звон — бронзовые фигуры на вершине часовой башни Кодуччи ^[432] в дальнем конце Пьяцца выдвинулись вперед по полозьям и начали ударять своими молотами по колоколу. — Пора, начинай удаляться от меня, — сказал Байрон.

Байрон не повернул его головы, и Кроуфорд не видел, как уходила Джозефина, но из своей ванной на западном побережье Италии пожелал ей удачи. Кроуфорда охватило пронизывающее чувство направленного на него внимания — оно, казалось, примешивалось к отголоскам ударов колокола и заставляло плиты мостовой вибрировать, словно безжалостно терзаемые скрипичные струны.

Байрон хромал к ближайшей из колонн, той, на вершине которой был помещен крылатый лев святого Марка ^[433]. Дальняя была увенчана статуей святого Теодора пожирающего крокодила, и Кроуфорду вспомнился святой Михаил, побеждающий змея.

Четвертый дрожащий раскат колокола унесся над водой.

Пятно величиной с кулак двигалось по ближайшей колонне вниз. Байрон пристально смотрел на него, и Кроуфорд попытался разобраться, что оно из себя представляло. Это не был участок темноты или света... а затем он сообразил, что камень колонны, все его мельчайшие выбоинки и трещины, были необычайно отчетливо видны в этом пятне, словно вниз по столбу спускалась очищающая линза.

— Я думаю это глаз, — наряжено пробормотал Байрон, когда часы на башне прозвонили шестой раз.

Он направился мимо колонны к дальней, и Кроуфорд был признателен, что Байрон оглянулся назад; пятно чистоты переместилось вслед за ними на другую сторону увенчанной львом колонны. Чувство обращенного на него всепоглощающего внимания было теперь просто ужасным, словно на него давила огромная масса воздуха. Колокол на башенных часах продолжал трезвонить, хотя Кроуфорд уже сбился со счета.

Когда Байрон был почти на полпути к дальней колонне, он остановился и припал к земле — «словно мышь, — подумал Кроуфорд, — между лап великана».

— Прости, Айкмэн, — сказал Байрон, затем засунул изувеченный мизинец Кроуфорда в рот и укусил едва заживший обрубок зубами Кроуфорда.

Кровь легко хлынула наружу, и Байрон потряс пальцем над мозаичной мостовой, разбрызгивая кровь по камням.

Кроуфорд поежился, но не от холода воды в ванной — капли падали на мостовую, образуя симметричный узор, словно очерчивали грани невидимого кристалла. Казалось, они почти различимо резонировали с катящимся по площади звоном колоколов.

Байрон поднял голову к небу, оценивая облачность и положение звезд, а затем перевел взгляд на воды канала ди Сан Марко, по всей видимости, отмечая уровень воды; и Кроуфорд мимолетно уловил мысли Байрона, и понял, что он выбирал из множества заклинаний то, которое будет работать при сложившемся выравнивании элементов.

Затем он начал тихо произносить заклинание, не попадая в ритм колоколов, и хотя Кроуфорд внимательно прислушивался к своему голосу, он никак не мог решить, был ли язык, на котором он говорил Греческим или Латинским — или, быть может, каким-то намного более древним языком.

Все еще тихо проговаривая слова, Байрон выпрямился и направился к колонне святого Теодора.

Кроуфорд слышал ровную музыкальную ноту, пронесшуюся мимо, прямо над его головой, а затем пятно четкости было уже на широкой поверхности дальней колонны.

Глаз стал свободным и начал перемещаться туда и обратно между сестрами.

Удары колокола прекратились, и последние хриплые отголоски катились над водой в сторону величественных сводов церкви Санта Мария делла Салюте.

К этому времени Байрон полностью освободил сердце от бумаги и сжал его в здоровой руке Кроуфорда, так что его треснувшая сторона смотрела наружу. Он вытянул руку вверх, с ладонью, обращенной к пятну четкости, и начал отступать назад.

— Надеюсь, я его поймаю, — прошептал он.

Джозефина закричала; затем еще раз и еще.

Байрон бросил тело Кроуфорда на землю и покатился по рифленой мостовой к шеренге гондол, и Кроуфорд слышал два выстрела, прогремевших с дальней оконечности Пьяцца, а затем слышал *паммисвинцовой* пули промчавшейся мимо его уха.

— Как не во время, — прохрипел Байрон горлом Кроуфорда, затем перекатился на ноги и, пригибаясь, побежал к воде. — Мы можем — попробовать сделать это в другой раз. — *Нет, забирайся в какую-нибудь гондолу. Ты сошел с ума, Айкмэн? Купанье — вот что нам сейчас нужно. К черту...*

Кроуфорд напряг волю и силой восстановил контроль над своим телом. Они уже достигли ступеней, и он сбежал по ним вниз, швырнул сердце на сиденье одной из гондол и принялся отвязывать маленькое суденышко от причала.

Когда гондола была свободна, он пробежал по короткому причалу, толкая перед собой нависающий мечом нос, а затем, когда причал закончился, прыгнул на сиденье вслед за сердцем Шелли.

Лодка понеслась прочь, удаляясь от ступеней, и он перебрался на корму, стараясь держаться как можно ниже, и схватил рулевое весло.

Он держал челюсти плотно сжатыми, но все еще слышал мысли, которые Байрон с помощью его рта пытался облечь в слова; *«Здесь мы ничего не сможем сделать — мы должны находиться на равном удалении между двух колонн, чтобы глаз метался туда и обратно между ними!»*

Позади раздался еще один выстрел, и пуля промчалась мимо них над водой, прозвучав словно птицы, вспорхнувшие в высокой траве.

«Ныряй за борт!» — гудел голос в его гортани. *«Я доплыву до безопасного места! Здесь полно таких мест, и я смогу доставить нас туда невредимыми!»*

— Скоро, — сказал Кроуфорд. Он развернул гондолу и ожесточенно налегал на весло, наращивая скорость. Пока его руки работали, он вглядывался вперед, пытаясь оценить относительные расстояния Большого Канала, церкви Сан-Джорджо и Пьяцца за его спиной.

— Думаю эти колокола, — выдохнул он, — отбивали совсем не часы. Они били тревогу.

Он начал уже отчаянно размышлять, не ошибся ли в расчетах относительно того места, где чуть раньше он видел волнение воды, когда увидел его снова, прямо по курсу.

Вода пенилась и волновалась в сотне ярдов перед носом лодки, а затем начала неистово плескаться, выбрасывая вверх тучи брызг, блестящие в разноцветных огнях города — а затем третья сестра подняла голову над пенной водой, под теплый ночной воздух.

Его рот выдохнул слово «Боже», и он не знал Байрон или он сам произнес это.

Возможно, она утратила свою очертания, за долгие проведенные под водой годы; а может быть ей никогда и не придавали правильную форму колонны, как ее сестрам, и в таком случае то, что рабочие в двенадцатом веке уронили ее в канал, было совсем не случайностью.

Ее голова была обросшим ракушками булыжником двенадцати футов в ширину, и под одиноко зияющей глазной впадиной, ее рот — шириной во всю длину гондолы Кроуфорда — опустился, раскрываясь, а затем с грохотом захлопнулся, взорвавшись облаком

переливающейся водяной пыли, со звуком, словно каменная дверь опустилась на целый город. Чудовище медленно, слепо покрутило головой по сторонам.

Кроуфорд выпрямился — вынужденный ухватиться за планшир, так как лодка раскачивалась на внезапно поднявшихся волнах — и, сжимая сердце, как это делал Байрон, отвернулся от чудовища и обратил лицо к двум оставшимся позади колоннам. А затем вытянул сердце над головой.

Снова он услышал музыкальную ноту, сначала далекую, но быстро приближающуюся, и на один краткий миг дюжина звезд вспыхнули одна за другой, становясь ярче и четче. Как только он заметил этот эффект, они тотчас же вернулись к своему привычному тусклому мерцанию. — *Ты упустил его,* — услышал он собственный голос. — *И сюда направляются Австрийцы.*

Краем глаза он заметил большую гондолу, отделяющуюся и забирающую в сторону от причалов, и, присмотревшись, различил дула длинных ружей, освещенных огнями далекой Пьяцца.

Он снова обернулся к третьей сестре. Углубление над ее ртом больше не было пустым — оно было темнее, чем прежде, но светилося, и каждый лучик света, что оно отражало, был, казалось, нацелен прямо в щурящиеся бранные глаза Кроуфорда. Сердце Шелли со слабым треском изогнулось в его руке.

Он поспешно уронил сердце на сиденье, развернул гондолу обратно и начал налегать на весло, чтобы приблизиться к Пьяцца.

— Немного дальше от равноудаленной точки, — тяжело дыша, сказал он, сквозь градом катящийся по лицу пот, — и тогда я попробую снова.

Он бросил беглый взгляд по левому борту на лодку Австрийцев; они все еще двигались в противоположном направлении, словно намеревались приблизиться к третьей сестре с другой стороны.

«Они боятся ее, — сообразил он, — боятся стрелять в ее направлении; они хотят занять позицию, когда позади нас будет только лагуна и далекий Лидо, тогда-то они и будут стрелять».

Он оглянулся назад на третью сестру. — *Тебе придется грести дальше, чем ты думал,* — не удержался Байрон. — *Она преследует нас.*

Кроуфорд еще сильнее налег на весло, загребая им туда и обратно с такой силой, что боялся его сломать, с безрассудным удовлетворением наблюдая след, остающийся позади гондолы; и когда он решил, что оторвался от преследовавшего его существа еще на несколько ярдов, он отбросил весло, подхватил сердце и снова выставил его вверх.

Снова мимо него пронеслась музыка, на мгновение зажигая цепочку звезд. — Опять упустил, — выдохнул он, прежде чем это успел сказать Байрон.

Затем ночь на востоке озарилась янтарной вспышкой, и гондола затряслась от дюжины сокрушительных ударов; занозы роем диких жалящих пчел налетели на Кроуфорда, который, потеряв равновесие, повалился за борт в тот самый миг, как воздух потрясло многократное громохание австрийских ружей. Безотчетно он сбросил обувь.

Он чуть не задохнулся, когда Байрон заговорил под водой его горлом. — *Мы сейчас для всех невидимы,* — пришел приглушенный звук из его закрытого рта. — *Позволь теперь мне позаботиться о нас.*

Кроуфорд благодарно расслабился в ванне с водой в гостинице Лериче и наблюдал темную венецианскую воду, проносящуюся мимо его глаз.

Байрон заставил тело Кроуфорда проплыть несколько ярдов под водой в направлении третьей сестры, а затем сжал его в тугую пружину, и, толкнувшись ногами, резко выбросился вверх, и Кроуфорд на мгновение оказался по пояс над водой, а его удерживающая сердце рука взметнулась вверх, столь стремительно, что чуть не вывихнула плечо.

Музыка внезапно взметнулась вверх, а затем зазвучала ровно на зубодробительной частоте. Время словно остановилось — он видел капли воды, висящие в воздухе, и он не падал обратно в воду.

Он поймал глаз!

Он заставил себя задрать голову и взглянуть на него. Звезды над рваной грудой, что была сердцем Шелли, блестели, словно россыпь ярко сверкающих алмазов. Глаз застрял в трещине, едва ею захваченный.

Он выбросил руку вперед, заключая пятно неестественной яркости в расщепленное сердце Шелли, и сильно его сжал, чтобы удержать глаз внутри.

Музыка стала приглушенной, и в тот же миг движение снова обрушилось на него, и он полетел обратно в воду. Его ноги и свободная рука снова принялись за работу, толкая его обратно по направлению к Пьяцца.

Кроуфорд чувствовал, как его покидают последние силы, с ужасом осознавая, что дно канала далеко под ногами, а до ближайшей суши по меньшей мере сотня ярдов в любом направлении; поэтому он даже не пытался сопротивляться, когда Байрон снова взял ситуацию в свои руки.

И даже Байрону, похоже, пришлось нелегко. Течение довольно далеко оттащило их к востоку от свечения на горизонте, где осталась Пьяцца, и хотя он плыл под углом к течению, с весьма приличной скоростью, учитывая, что в одной руке он сжимал сердце, он был вынужден часто делать остановки, и просто держался на воде, позволяя легким тяжело вздыматься и опадать.

В какой-то момент его поврежденную ногу начало болезненно сводить, и Кроуфорд в панике забился в теле Байрона в ванне в Лериче, но Байрон лишь проскрежетал проклятье и, сложившись пополам, начал разминать бедренные мускулы свободной рукой. Он, несомненно, проделывал это уже не раз — в движении его руки не было излишней поспешности или чрезмерного усилия, и через какую-нибудь минуту мышцы снова пришли в норму.

Байрон жадно вдохнул, когда голова Кроуфорда снова вынырнула в набирающий прохладу ночной воздух. — Да, твоя нога дает о себе знать, — стоически промолвил он. — А теперь дальше.

Три раза до них доносились выстрелы, преследуемые по пятам мягким хлестким звуком свинцовых пуль, что срезали вершущки волн, улетаая в сторону Лидо, и несколько минут после каждого выстрела Байрон плыл по-собачьи, что было хотя и медленнее, но вместе с тем тише. В этот раз судорога начала сводить руку сжимающую сердце.

Каждую секунду легкие Кроуфорда, казалось, вывертывались на изнанку, а затем жадно вбирали воздух, грозя взорваться. Сердце тяжелой кувалдой отрывисто грохотало в мягких тисках груди. Сжимающая сердце левая рука превратилась в ноющую клешню. Огни Пьяцца были теперь гораздо ближе, но когда Байрон в следующий раз остановился перевести дух, он прохрипел, — Твое тело — для этого — не годится.

Прежде чем Кроуфорд смог воспользоваться своей речью, Байрон заговорил снова. — Я... попробую кое-что.

Внезапно Кроуфорд оказался один, в комнате гостиницы Лериче, в дверном проеме стоял Трелони, пристально его изучая. — У тебя, похоже, судороги, — озабоченно сказал он. — Позволь помочь тебе выбраться из ванны.

— Нет, черт бы тебя побрал, — сказал Кроуфорд голосом Байрона, — оставь меня в покое.

«Не решил ли Байрон бросить Кроуфорда в безопасности и пустить его изношенное тело ко дну канала? Но это не сработает — спустя самое большее пару часов связь вызванная кровью исчезнет. Тело Байрона просто умрет, а Кроуфорд обнаружит себя, на несколько ужасных минут, в теле утопленника».

Неожиданно тело, в котором он находился, осело в полном изнеможении, тяжело задыхаясь. Со лба Байрона ручьем хлынул пот, и Трелони, встревожено чертыхнувшись, метнулся к ванной, но Кроуфорд ухитрился выдавить полузадушенный смешок, когда Трелони поднял лежащее в ванной тело, так как он догадался, что сделал Байрон.

Так же как перед этим он позволил Кроуфорду одному наслаждаться холодной водой в ванной, теперь он позволил своему телу принять всю усталость, которую чувствовал Кроуфорд. Он использовал связавшие их узы крови, чтобы направить отраву изнурения своему телу, послав телу Кроуфорд то неведомое, что должно было вдохнуть в него новые силы.

Трелони осторожно уложил его на узкую кровать. — Где этот чертов Айкмэн, когда он нам так нужен? — проворчал он себе под нос, набрасывая одеяла поверх трясущегося от холода, задыхающегося, близкого к обмороку тела Байрона.

Спустя несколько минут одышка начала утихать, и Кроуфорд, открыв глаза, увидел прямо перед собой усеянные гондолами причалы и почувствовал, что его правая рука сжимается вокруг торчащего вверх деревянного ствола одного из дальних причальных столбов.

Дыхание его было учащенным, но ровным. — *Себя-то я хоть не убил,* — с горечью спросил Байрон его устами.

— Нет, — ответил Кроуфорд, благодарно вглядываясь в покачивающиеся на волнах лодки. — Трелони, похоже, так и подумал, но... теперь все в порядке. — *Черт побери, у меня просто от сердца отлегло,* — добавил Байрон. — *У Джозефины в той сумке найдется для тебя что-нибудь сухое?* Да. Тогда давай выбираться отсюда.

Он вскарабкался на маленький причал, с уважением отмечая, что каким-то образом все еще сжимает в руке сердце.

С еще большим восхищением он увидел, что Байрон приплыл к тому самому причалу, к которому они прибыли ранее этим вечером. «Повезло найти знающего проводника», — подумал он. — Байрон, — с чувством сказал он, — спасибо тебе... за все.

Гондольер, доставивший их сюда от Лидо, стоял на обращенном к берегу конце причала; он разговаривал с другими гондольерами, но теперь уставился на него и очевидно его узнал.

Кроуфорд вернул контроль над своим телом и улыбнулся мужчине, раздумывая, что бы такое сказать, чтобы его повторное, не вполне обычное явление, выглядело приземлено, и в этот миг заметил Джозефину, спешащую к ним по *фондаментаи*, хвала небесам, все еще сжимающую в руках трость и оставшуюся у них сумку.

Кроуфорд положил сердце на причал, а затем поднялся и начал стаскивать одежду, а гондольер воззвал к нескольким святым и сделал шаг в его направлении, словно собираясь

столкнуть его обратно в воду.

Но окрик Джозефины, призывающий его остановиться, был настолько властным, что он замешкался, а когда она, задыхаясь, добежала до него и сунула ему в руку полную пригоршню лир, он, как ни странно, подчинился. Кроуфорд к этому времени уже стоял раздетый.

— Отвезите нас обратно в Лидо, — выдохнул Кроуфорд, открывая протянутую ему Джозефиной сумку и начиная натягивать сухие брюки. Когда он надел их, он плотно замотал сердце Шелли в рубашку.

Гондольер пожал плечами и приглашающе махнул в сторону лодки, на которой они приплыли. Вслед за Джозефиной Кроуфорд шагнул на борт, неся завязанную узлом рубашку.

Повинуясь мастерским движениям весла, гондола покинула причал, и Кроуфорд оглянулся на оставшуюся позади Пьяцца. Лодка с солдатами все еще бороздила канал далеко к западу, и все солдаты, которых он видел на мостовой Пьяцца, смотрели в том же направлении.

Гондольер развернул лодку, и теперь ее нос был обращен к темноте лагуны, прочь от огней города. Бриз был теперь холоднее, но Кроуфорд даже не потрудился порыться в сумке в поисках рубашки, жакета или ботинок.

— Мы... черт побери... сделали это, — не веря самому себе, выдохнул он. — *Боже правый, мое тело просто развалина!* — беспомощно сказал он затем. — *Хотя, полагаю, я жив, по крайней мере, на какое-то время. А теперь, что по поводу тех восемнадцати сотен лир, которые ты спустил, а также лошадей и кареты?* Кроуфорд засмеялся с видимым облегчением. — Байрон, — ответил он, — я буду натирать твои полы и чесать гривы твоим лошадям лет двадцать, чтобы вернуть тебе долг. Я...

Он остановился, глядя на Джозефину.

Она сидела со скрещенными ногами. На причале на ее туфли налипла грязь, и сейчас она поскребла пальцем по подошве и уставилась на получившийся на кончике пальца комочек грязи.

Затем она положила палец в рот и дочиста его облизала, и начала снова скоблить подошву.

Он знал, что будущие матери часто едят странные вещи — словно их тело само знает, в чем нуждается растущий внутри них малыш.

Внезапно он вспомнил глину, которую увидел вокруг ее рта, когда она впервые четыре дня назад появилась перед ним в Каза Магни — а также нехарактерные боли, которые доставляла ей ее трехмесячная беременность.

Несколько секунд он пытался придумать какое-нибудь объяснение всему этому, кроме единственного ему известного, и, в конце концов, отверг их все.

Очевидно, она носила больше, чем просто человеческого ребенка.

Он вдруг осознал, что она смотрит на него, и попытался вновь напустить на себя довольную улыбку, что играла на его лице несколько мгновений назад.

Но это ее не одурачило. — Что-то не так? — спросила она.

Байрон повторил вслух мысль, что только что промелькнула в голове Кроуфорда. — *Это близнецы,* — услышал Кроуфорд свой собственный голос.

Гондола целую минуту перекачивалась на темных волнах, пока Джозефина молча смотрела в запятнанный кровью настил. Наконец, она подняла на него выплакавшие уже все слезы глаза. — Думаю, я всегда это знала.

Кроуфорд потянулся и взял ее за руку. В другой руке он сжимал скрывавшую сердце Шелли рубаху, и он взвесил его на руке. — Шелли прожил хорошую жизнь, — сказал он, выталкивая слова наружу, словно это были камни, которые он запихивал через дверной проем в дом, — в конечном счете.

Теперь она всхлипнула, но все так же без слез. — Чего же тогда мы сегодня достигли?

— Мы... освободили тебя, мать этого ребенка, — сказал Кроуфорд, — и мы приобрели ребенку по меньшей мере столь же человеческую жизнь, какая была у Шелли, в отличии... — он прервался. Усилие, потребовавшееся чтобы выговорить это, было почти нечеловеческим. — В отличие от жизни чистопородного... камня. Мы спасли Байрона, его детей и Терезу. Так что... оно того стоило. В горле стоял ком, и он отвернулся, чтобы она не увидела стоящие в его глазах слезы.

Некоторое время они сидели в молчании. — И теперь нам всем, — сказала она, наконец, безжизненным голосом, — предстоит бежать за океаны, или постоянно жить в страхе, что они могут снова найти нас, и что, в конечном счете, какой-нибудь ночью мы будем настолько сломлены, что пригласим их обратно. А наш ребенок *родится* в их... их рабстве. Это я, Япригласила их войти и забрать его или ее.

Она откинулась на сиденье и уставилась на мерцающие над головой звезды. — Думаю если сложить все это вместе — это победа — так или иначе — по крайней мере, для большинства из нас, — прошептала она. — Но Боже, — если бы был хоть какой-то способ *освободить* людей, *перерезать*нить связавшую род человеческий и этих каменных созданий.

Кроуфорд волочил пальцы изувеченной руки по воде и наблюдал размытые очертания куполов церквей, молчаливо проплывающие по левому борту, и думал о связи между их видами. И снова мысленно проговаривал свои разговоры с Шелли, Байроном и Вийоном.

Наконец он глубоко вдохнул и сказал: — думаю, такой способ есть. Он повернулся к гондольеру и сказал: — Отвезите нас, пожалуйста, обратно на Пьяцца.

— *Нет!* — вскричал он мгновение спустя, безошибочно узнаваемыми интонациями Байрона. — *Нет, плыви в Лидо. Айкмэн, послушай меня — как только австрийцы поймут, что глаз исчез, они просто отрубят на Пьяцца чью-нибудь голову, и кровь будет работать вместо глаза. Если Джозефина будет там, она снова будет для них видима, снова вернется в их сети.*

Кроуфорд вернул власть над своей речью. — Я не собираюсь брать с собой Джозефину. Она останется в гондоле, и она будет невидима для своего вампира, даже если они уже проделали этот кровавый трюк. А Яи так не был в их сетях, до того как мы поймали глаз, так что для меня это не опасно. Он повернулся к гондольеру и сказал: — Отвезите нас обратно на Пьяцца, пожалуйста.

Джозефина перегнулась через планшир и зачерпнула немного воды своей искореженной рукой. Затем подалась вперед и брызнула ею на лоб Кроуфорда.

Мгновение Кроуфорд моргал в раздраженном замешательстве, а затем улыбнулся. — Как-то в Риме я сказал, что однажды мне это может понадобиться, верно? Спасибо что запомнила.

Он окунул руку в воду и тоже коснулся ее лба намокшей рукой.

Крещенные таким образом, они повернулись назад, встревожено вглядываясь в приближающуюся Пьяцца Сан Марко.

Nothing is sure but that which is uncertain,
What's evident to all is most obscure;
Only when snared in doubts can I be sure.
Only to enigmas, never to Logic's lure,
Knowledge surrenders, and draws back her curtain...
— **Francois Villon, «Ballade for the Contest at Blois»**
the W. Ashbless translation

Ничто не истинно, одно лишь несомненно:
Что всем известно, то сокрыто ото всех;
Свою уверенность я черпаю в сомненьях.
Не в логике, в мгновенных озареньях
Являет истина мне свой незримый свет...
— **Франсуа Вийон, «Баллада поэтического состязания в Блуа»**
перевод В. Эшблеса

Тим Пауэрс — Вильям Эшблес

Гондольер театрально вздохнул и, словно прося совета свыше, воздел руку к небесам, но послушно развернул гондолу по широкой дуге обратно, туда, откуда они только что приплыли, вероятно, из-за того, что до Пьяцца было ближе, чем до Лидо, и там он мог, наконец, избавиться от этих сумасшедших людей.

Рот Кроуфорд снова сам собой раскрылся. — *Они могут просто арестовать вас обоих на ступенях причала.* Кроуфорд помассировал горло, мечтая, чтобы Байрон говорил не столь резко. — Если мы увидим солдат поблизости от лестницы, мы проплывем мимо и высадим меня где-нибудь в другом месте.

Джозефина взидала на него с отчаянной надеждой. — Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Я собираюсь расторгнуть — *попытаться* расторгнуть — союз, соединивший наши виды.

— Как?

— Я пока еще не уверен. Он постучал костяшкой пальца по голове. — Байрон — Грайи все еще в сознании, но в настоящий момент слепы. Что это означает? *Это означает что, до тех пор, пока австрийцы будут продолжать непрерывным потоком проливать кровь на Пьяцца, мой друг Карло потеряет свой доход первого заклинателя монет [\[434\]](#) в Венеции. Он будет неспособен уверенно забросить пенни в открытое окно — а если и сможет, не будет никакой возможности с уверенностью сказать, где она приземлится — и это, строго говоря, даже не будет во всех смыслах тот же самый пенни. Поле, которое распространяют сейчас Грайи — это поле неопределенности и неточности. Жаль, что Шелли этого не увидел, он так любил беспорядок.*

По интонациям, которые Байрон вложил в голос Кроуфорда, было ясно, что сам он беспорядок не любит.

— А твои армянские священники не говорили тебе, насколько быстро меняется все это поле, после того как изменилась испускающая его сердцевина? — *Оно меняется мгновенно, Айкмэн — или как настойчиво наставляли меня святые отцы, со скоростью света. Они говорили мне, что оно подобно огням святого Эльма, или электричеству, собранному в комнате полной лейденских банок: это не поток, это статическое поле, так что, вероятно, имеются участки, где старое поле все еще сохраняется — неустойчиво, но все же сохраняется — хотя такие... примечательные места... по-видимому, растворятся, подчиняясь правилам господствующего поля, в течение дня или около того.*

Кроуфорд кивнул. — Если только они не вернут глаз обратно или не продолжат орошать мостовую кровью. Ты можешь найти Карло? — *Если он еще жив. Вряд ли он снимется с места — до этой ночи здесь был просто изгорный рай.*

Кроуфорд наблюдал за приближением огней Пьяцца. Колонны Грай казались слегка изогнутыми, а Дворец Дожей был неподвижным, но непредсказуемым зверем, припавшем к земле на тысяче каменных лап.

Он порылся в сумке Джозефины и вытащил одну из ее блузок. — Не слишком похоже на те рубашки, которые я обычно ношу, — заметил он, натягивая ее на себя. Он устало ей улыбнулся. — Полагаю, обуви там тоже не найдется?

Она покачала головой. — Та пара, что ты утопил в канале, была последней.

— Эх. Он вытащил голубую рубашку, на этот раз свою собственную, и с некоторым усилием оторвал рукава и натянул их на ноги. Манжеты неряшливо свисали на несколько дюймов перед его носками, так что он вытащил пару ленточек из шнуровки на платье Терезы и связал ими свободные концы рукавов, а затем зашнуровал ленточки вокруг стоп и лодыжек и завязал свободные концы у основания голеней.

— Ну вот, — сказал он. — Очень даже неплохо для того, кто потерял ботинки.

Джозефина с сомнением покачала головой. Гондольер же неистово перекрестился.

— Я думаю, — сказал Кроуфорд, — должен быть один главный карман, где все еще сохраняется старое поле определенности; он должен находиться поблизости от Пьяцца и Дворца Дожей, в том месте, где содержат Вернера. Думаю, он постарался убедиться, что живет в эквиваленте лейденской банки.

К ним приближалась лодка, и он запоздало заметил сидящих в ней вооруженных мужчин — это были те самые австрийские солдаты, что лишь каких-то полчаса назад разнесли в щепки угнанную им гондолу.

Он напрягся, готовый попросить гондольера повернуть в сторону от лодки, когда сообразил, что избежать встречи с австрийцами не было никакой возможности. Вместо

этого он зевнул, когда они подобрались ближе, толкнул Джозефину локтем и сказал, — Смотри дорогая — у них *ружья*!

— *Gracious* ^[435]! — воскликнула Джозефина.

Австрийцы оглядели их с ног до головы, но продолжили свой путь, осматривая другие гондолы.

Мало-помалу Кроуфорд расслабился. — Думаю, они не ищут пару, а особенно двух человек, направляющихся им *навстречу*. Он сделал несколько глубоких вдохов. — Как бы то ни было, Байрон, если твой друг не сможет помочь нам найти поле, и если мы не сумеем... расторгнуть договор Вернера, Вернер, по всей видимости, заставит австрийцев снова погрузить Грай в сон, прежде чем его карман определенности растворится, и тогда он будет, по крайней мере, в ничуть не худшем положении, чем был до того, как прибыл на юг из Швейцарии. А затем он пошлет своих людей искать глаз.

Он прервался лишь на мгновение и Байрон тут же этим воспользовался. — *Да кому он нужен этот Вернер?*

Гондольер заложил правый крен, а затем налег на весло, толкая гондолу вперед в просвет между двух других узких суденышек.

Кроуфорд запихал в сумку Джозефины скомканную рубашу, заключающую в себе сердце Шелли и глаз Грай. — Не потеряй это, — сказал он, протягивая ей сумку и поднимаясь.

— Вернер, — тихо сказал он, когда гондольер спрыгнул на причал и принялся набрасывать петли на причальные столбы, — установил связь между двумя видами, человечеством и нефелимами. Восемь столетий назад он пробудил нефелимов, которые к этому времени уже тысячи лет находились в спячке, хирургическим путем поместив одного из них — маленькую окаменевшую статую — в свою брюшную полость. И теперь они двое, один помещенный внутрь другого, представляют симбиоз двух земных жизненных форм — то совмещение, которое удерживает нефелимов возрожденными и способными нападать на людей.

Он занес ногу, собираясь сойти на берег, но Джозефина поймала его за руку. — Я иду с тобой, — сказала она. — Посмотри на площадь — не очень-то похоже, чтобы здесь успели пролить много крови. У них нет глаза. Ее собственный стеклянный глаз уставился в небо, однако целый напряженно смотрел на Кроуфорда.

— Пока нет, — ответил ей Кроуфорд, — но они могут сделать это в любую секунду. И если... — *Он прав*, — прервал Байрон. — *Отправляйся обратно в Лидо и жди нас там.*

— Нет, — спокойно ответила Джозефина. — Вам без сомнения потребуется помощь, без помощи вы *точно* не справитесь. — Я не собираюсь в Лидо, чтобы дожидаться того, кто не вернется.

Она вскинула руку. — Послушай меня и будь уверен — если ты не позволишь мне пойти, клянусь, я... наполню это платье камнями и брошусь в воду посреди лагуны. Этого веса и пары фатомов ^[436]соленой воды должно хватить, чтобы предотвратить повторное появление любого из нас: этих двух младенцев, сердца, глаза или меня.

Кроуфорд тряс головой и стонал. — А что если они отрубят чью-нибудь голову, или еще что-нибудь случится, когда ты будешь на берегу?

— Если ты достигнешь успеха, это не будет иметь значения. А если потерпишь неудачу, я в любом случае утоплюсь.

Кроуфорд знал, она сделает это. Он покачал головой, но взял ее руку. — И если сделать это суждено, тогда пускай все совершится быстро ^[437], — сказал он. — *Снова Макбет* ^[438],

— промолвил Байрон, когда они ступили на причал.

Джозефина предложила гондольеру еще денег, но он замахал руками, отгоняя ее прочь, и снова перекрестился.

— Прекрасно, — ответила она. — Спасибо. Она взяла предложенную Кроуфордом руку, и они направились вдоль причала к мостовой и неспешным прогулочным шагом побрели в сторону Пьяцца. — Итак, — сказала она, мимоходом, словно они были туристами, решающими, где пообедать, — ты планируешь вырезать из него эту статую?

— Именно так, — сказал Кроуфорд. Он с отчаянной веселостью покачивал тростью Байрона.

— А что, если наш человеческий ребенок уже заражен этой нефелимской заразой? Как был заражен Шелли? Она проницательно на него взглянула. — Не будет ли он или она представлять новый симбиоз?

Кроуфорд остановился. Он не подумал об этом. — Боже.

Он потер изувеченной рукой свою лысую голову. — Как давно ты уже... ешь землю? — спросил он.

Она пожала плечами. — Может неделю? Или меньше.

— Тогда, возможно, все не так плохо. Не думаю, чтобы у этого нечеловеческого плода нашлось время вторгнуться в своего сотоварища до тех пор, пока он сам как следует не сформируется, а судя по услышанному, это вряд ли уже произошло.

Он попытался придать своему голосу убежденности, которой сам не чувствовал, и мысленно проклинал любого Бога, который мог его слышать, за то, что тот сделал предстоящее испытание не только чрезвычайно сложным и опасным, но, возможно, также и бессмысленным. — Принимай управление, Байрон, — хрипло сказал он.

Байрон без комментариев подчинился, и Кроуфорд расслабился в кровати в Лериче, наблюдая как колонны обращенной к площади стороны Дворца Дожей проносятся справа мимо его зрения. Белые колонны дворца были так близко, что он отчетливо различал ржавые подтеки на нижних завитках Коринфских капителей [\[439\]](#), и сообразил, что Байрон насколько возможно старался держаться подальше от колонн Грай.

Кроуфорд восстановил ощущения своего тела ровно настолько, чтобы чувствовать руку Джозефины, лежащую в его руке. «Еще один хрупкий симбиоз, — подумал он, — но возможно именно ему суждено сегодня восторжествовать».

В сотне ярдов впереди свет фонарей яркими сухими оранжевыми мазками кисти на усеянном звездами холсте ночного неба выхватывал византийские арки и шпили Базилики святого Марка, и Кроуфорд всеми силами пытался не видеть в арке главного входа разверстую каменную пасть. По широкой мозаичной мостовой [\[440\]](#) прогуливалось множество людей, и некоторые из них носили австрийскую военную форму, но, по крайней мере, никто из этих солдат не конвоировал заключенного, прихватив с собой на прогулку топор.

Лица проходивших мимо людей были немного расплывчатыми, и, казалось, переливались разнообразными, часто противоречащими друг другу выражениями, так что было трудно понять, в каком направлении они смотрят.

«Явь, устремившаяся к своим непроявленным корням, — подумал Кроуфорд; — было бы интересно пожить в этом поле неопределенности. Представляю, во что могла бы вылиться, скажем, задача вовремя сварить яйцо всмятку».

Байрон в теле Кроуфорда быстро прошагал мимо Дворца, затем миновал высокие арки западного фасада базилики, поторапливая Джозефину, когда она отставала, и под широким

фасадом башенных часов свернул налево, к сужающейся северной оконечности Пьяцетта.

Лицо Кроуфорда на мгновение оказалось обращенным к декоративной архитектуре над циферблатом часов, и он гадал, был ли Байрон столь же обеспокоен видом крылатого каменного льва, взирающего на них с высоты, и еще выше двух бронзовых исполинов, застывших с молотами возле большого колокола.

Едва удостоив взглядом маленькую, утопающую в темноте площадь, Байрон потащил два изнуренных тела к виднеющемуся на севере узкому входу в переулок.

Сам переулок, как заметил Кроуфорд, когда они оказались посреди него, был освещен более ярко, чем оставшаяся позади площадь; льющийся из магазинов свет скрывался в проемах арок на другой стороне, отбрасывая на обветшалые кирпичные стены тени подвешенных колбас и сыров, а огни, зажженные за открытыми окнами верхних этажей, освещали цветочные горшки и балконы, и тонкие занавески, покачивающиеся от дуновений ночного ветерка.

— Дай мне монету, — проскрежетал Байрон голосом Кроуфорда.

Джозефина выудила из сумки монету и вложила ее в руку Кроуфорда, которая поднялась и бросила монету о стену, ловко поймала ее, когда она отскочила обратно, и бросила снова.

Переулок был полон шумных разговоров и смеха, и раздающегося где-то поблизости разогретого вином дружного хора мужских голосов, но звонкое дзынь... дзынь... дзынь монеты, казалось, заглушало все остальные звуки и царило над ними. Прежде чем его тело прошло еще шесть шагов, Кроуфорду начало казаться, что остальные звуки доносились теперь в созвучии с их шагом, задаваемым ритмичным позвякиванием монеты.

Затем каждое соударение монеты со стеной обрело второе позвякивание. Рука Кроуфорда поймала монету, и лицо его обратилось вверх.

На балконе над ним стоял толстый мужчина и бросал монеты о стену. Монеты со звоном ударялись о кирпич, но ни одна из них не падала в переулок, словно они исчезали после удара о стену.

Мужчина посмотрел вниз, очевидно его узнавая. — Вот теперь они пробудились, — по-итальянски сказал он, и страх заставлял дрожать его намеренно беспечный голос. — И слепы.

— Нам нужна твоя помощь, Карло, — сказал Байрон. — Я Байрон, это...

— Я знаю, — прервал его мужчина. — Я вижу Лицо Байрона за лицом, которое ты носишь, словно одну узорчатую вуаль наброшенную поверх другой. Это недобрая ночь. Он подбросил еще одну монету, канувшую в звонком небытии, а затем крепко стиснул перила балкона обеими руками, словно пытаюсь унять их дрожь. — Какая помощь?

— Мы думаем, что где-то поблизости должно быть место, где все по-прежнему — в этом месте ты бы сказал, что они все еще могут видеть. Нам нужна твоя помощь, чтобы найти его.

— Зачем вам это?

— Если удастся, мы убьем колонны и вампиров — всю эту противоестественную каменную жизнь — или, по крайней мере, снова погрузим их в сон, которому они неподвластны вот уже восемь сотен лет.

— У меня есть жена, — задумчиво сказал Карло. — И дети.

— Ты об арендной плате? Я куплю тебе имение где-нибудь в Италии.

После затянувшегося молчания — во время которого Кроуфорд в комнате Лериче

стонал от нетерпения, представляя, как солдаты выводят на площадь заключенного, и один из них выхватывает нож — Карло кивнул. — Но только не заговаривай со мной, вообще никак не показывай, что меня знаешь.

— По рукам.

Толстяк повернулся и исчез внутри.

Они обменяли оставшиеся у Джозефины *лиры* на сумку монет и вручили ее Карло, который взял ее и направился по переулку в сторону Пьяцетта; Кроуфорд и Джозефина последовали за ним на расстоянии дюжины футов.

На полпути через площадь в сторону базилики Карло остановился и подбросил монету в воздух. На мгновение она блеснула в свете уличного фонаря, а затем Кроуфорд потерял ее из вида; спустя несколько секунд он услышал металлический дзынь, за которым последовал звук монеты покотившейся направо, в сторону высокой кирпичной башни кампаниллы.

Карло отошел на несколько шагов в том направлении, затем снова выбросил большой палец вверх. В этот раз Кроуфорд так и не увидел монету, и не услышал ничего, кроме голосов и смеха, несущихся из оставшегося за спиной переулка.

Карло повернулся вокруг и пошел в другом направлении, к задней стороне базилики. Отойдя на двенадцать шагов, он подбросил еще одну монету. Байрону удалось удержать на ней взгляд Кроуфорда, однако она приземлилась прямо позади Карло, но в тот миг, когда она ударилась о мостовую, на ее месте оказалось *тримонеты*, затем две, а затем она просто исчезла.

Карло кивнул и пошел дальше.

Вернув на миг дар речи, Кроуфорд прошептал: — *Мы* могли бы сделать это сами.

— *Пока*, могли бы, — спустя мгновение произнес Байрон. Он крепко сжал ладонь Джозефины и направился в том же направлении, что и Карло, никак не показывая, что следует за ним.

Толстяк разгуливал, очевидно, не следуя никакой определенной системе, по мозаичным плиткам, каждая из брошенных им монет улетала в различных направлениях и каждый раз отскакивала от мостовой под невообразимыми углами.

От скрывающейся в темноте северо-восточной оконечности Пьяцетта тянулась узкая улочка, и спустя несколько минут стало ясно, что он неумолимо двигался ей навстречу.

В конце концов он добрался до нее и скрылся из виду, и после остановки, сопровождавшейся зевком и скучающим взглядом по сторонам, Кроуфорд обнаружил себя увлекающим Джозефину в укрытую тенью щель между двух высоких, богато украшенных зданий.

Впереди слышался шум текущей воды, где-то там должен был находиться канал, идущий вдоль восточной стороны дворца. Откуда-то с дальнего конца на улицу сочился тусклый ночной полумрак, и в этом неверном свете он увидел, как Карло подбросил еще одну монету, а затем исчез за углом. Монета отскочила один раз позади Кроуфорда, затем снова *далеко* позади, а затем покатилась, остановившись впереди него.

Карло повернул направо, и левая нога Кроуфорда заныла, когда Байрон ускорил шаг, чтобы от него не отстать.

Когда они обогнули угол, они обнаружили себя на мостике, перекинутом через узкий канал. Прямо перед ними, посреди сияния огней, окружающих широкий канал ди Сан Марко, вырисовывался черепообразный Мост Вздохов.

Байрон теперь держался к Карло намного ближе и окончательно приблизился к нему,

когда тот остановился перед закрытой окованной железом дверью в конце мостика.

— Ну что? — прошептал Байрон.

— Это ризница [\[441\]](#) базилики, — тихо ответил Карло. — То, что вы ищите, где-то внутри. Он пожал плечами.

Джозефина подалась вперед, ухватила за дверной засов и потянула. Дверь приоткрылась, обнаруживая за собой тускло освещенный проход с теряющимися в темноте высокими потолками.

Шепча молитвы, Карло пошел дальше. Кроуфорд последовал за ним, а Джозефина затворила за ними дверь.

Карло медленно продвигался вперед, останавливаясь каждые несколько футов, чтобы послать еще одну монету кружиться в воздухе. Монеты теперь приземлялись к нему гораздо ближе и больше не отскакивали в неожиданных направлениях.

Кроуфорд не замечал больше в траекториях монет ничего непредсказуемого. Карло легко их подхватывал — но очевидно все еще наблюдал отклонения, так как когда он сталкивался с необходимостью выбрать дверь, он становился лицом к одной из них, подбрасывал и ловил монету, затем проделывал это у другой, а после этого кивал и без колебаний продолжал прерванный путь.

Проложив таким образом путь через вереницу комнат первого этажа, Карло повел своих спутников вверх по каменной лестнице, а затем до середины следующего коридора. Между широких деревянных колонн обращенную к каналу стену прорезали пары узких высоких окон, и проникающий сквозь них тусклый свет отбрасывал неясные тени на обшитую панелями противоположную стену.

Неожиданно Кроуфорду показалось, что он прибавил в весе, а свет стал ярче, и шарканье его измочаленных импровизированных носок по полу перешло на скрежет.

Карло подкинул еще одну монету — затем поймал ее, как проделывал уже несколько раз, но в этот раз удивленно хмыкнул.

Он подбросил ее выше, почти к самому потолку, и, закрыв глаза, протянул руку.

И снова поймал ее.

Он положил палец в рот и укусил, а затем отошел на несколько шагов вперед, стряхнул каплю крови на каменные плиты и пошел обратно.

Он взял из сумки еще пару монет и начал жонглировать всеми тремя, напевая себе под нос какой-то случайный мотив. Монеты кружились все быстрее и быстрее, а его напев становился все громче и громче, и, казалось, вызывал какой-то сводящий с ума зуд в обрубке безымянного пальца Кроуфорда.

Затем одна из монет пулей улетела вверх, со звоном срикошетила от потолка, от стены, затем от другой; она ударилась об пол, вращаясь столь стремительно, что казалась прозрачной сферой, и двигалась по шипящей спирали [\[442\]](#) вокруг капли крови, с каждым витком подбিরаясь все ближе к пятну.

Наконец она с дребезжанием остановилась и легла, точно поверх пятна.

— Мы на месте, — услышал Кроуфорд свой собственный голос.

— Не совсем, — донесся знакомый голос из скрытого в тени дверного проема впереди них. — Только что с одним туристом на Пьяцца приключился несчастный случай — довольно кровавый несчастный случай. Полидори, прихрамывая, вышел из полумрака в тускло освещенную комнату и улыбнулся. — И, какое несчастье, прямо между колонн.

Кроуфорд, не теряя времени, добрался до ближайшей пары высоких, но шириной в

какой-нибудь фут, окон. Он отпер окно и толкнул ставню наружу, затем повернулся к Карло и скомандовал, — Живо в канал. Плыви назад и ступай домой к своей семье.

Толстяк бросился к окну и умудрился до половины впихнуть свою тушу в щель, а затем, бешено извиваясь, обдирая кожу, протиснулся наружу и полетел сквозь воздух; секунду спустя они слышали всплеск.

Байрон повернул лицо Кроуфорда к Джозефине и вопросительно поднял брови.

— Нет, — сказал Джозефина. — Я посмотрю, как он сдохнет.

— Непременно посмотришь, дорогая — отозвался Полидори, протискиваясь вперед, и его улыбка превратилась теперь в гримасу боли. — Посмотришь на *печень* мистера Кроуфорда, вырванную твоими собственными руками, а затем будешь есть ее. С удовольствием.

Тело Кроуфорда перераспределило свой вес, когда он мысленно вытолкнул Байрона. — Где Вернер фон Аргау? — спросил он, пряча страх и сожаление за намеренно непринужденным тоном.

— Фон Аргау? В своей спальне во Дворце Дожей, где же еще? Или ты вообразил, что он будет прогуливаться в лодке по каналу? Он уставился на Кроуфорда. — Вы *его* здесь искали?

Кроуфорд не ответил, и Полидори повернулся к Джозефине. — Его?

Она бросила жалобный взгляд на Кроуфорда, который шагнул вперед и обнял ее за плечи. — Да, — тихо ответил он. Он был уверен, что они потеряли все, включая их ребенка, но не мог позволить этому... сопернику за чувства Джозефины видеть его отчаяние.

Кроуфорд взглянул на Полидори, вопросительно подняв брови. — Кстати, не подскажете ли, — вежливо спросил он, — можно ли отсюда попасть в эту спальню?

Полидори захохотал, и Кроуфорд был бесконечно рад услышать, как боль наполняет его смех яростью.

— Что ж, — сказал Полидори, издевательски копируя учтивый тон Кроуфорда, — скажу вам по секрету, доктор — да, можно. Его проекции, те материальные, представительные призраки, с помощью которых он выходит в свет, обычно используют этот проход, чтобы незаметно покинуть дворец. За моей спиной в конце коридора есть дверь, за которой внизу маленький причал — он любит появляться в Венеции из-под Моста Вздохов.

— Годится.

— Зачем он вам?

— Мы собираемся его убить.

Полидори зашелся пронзительным хриплым хохотом. — Это будет, пожалуй, нелегко. У него тьма-тьмуща охранников, и ни один из них ни за что не возьмет взятку, не подсыпет ему яда и не будет биться в пол силы, потому что все они его расторопные, мускулистые проекции. И даже если вам *повезет* его убить, секунду спустя вы последуете за ним.

На лестнице за спиной Кроуфорда загрохотали шаги.

— Австрийские солдаты, — сказал Полидори. — Я бы посоветовал вам не сопротивляться.

Кроуфорд позволил своим плечам обреченно опуститься, и его руки сомкнулись на рукояти трости. Отчасти его видимая капитуляция была искренней, так как ему претила необходимость позволить Байрону сделать это — а затем он заставил себя вернуться в кровать в Лериче, оставив Байрона действовать в его теле.

Тотчас два здоровых пальца его левой руки повернули кольцо под рукоятью трости, а затем он нырнул вперед в растягивающем бедро глубоком выпаде, одновременно

высвобождая сверкающую полоску стали и выбрасывая ее вперед.

Полидори отшатнулся вправо, но Байрон в воздухе повернул запястье Кроуфорда наружу в глубокой *шестой позиции* ^[443] и умудрился вонзить пару дюймов клинка в бок Полидори.

— *Eisener breche*, ублюдок! — выдохнул Байрон, когда правая ступня Кроуфорда грохнула об пол в конце выпада.

Полидори, съеживаясь, отпрянул от пронзившего его клинка; формой он все еще напоминал человека, но был теперь всего лишь двух футов в высоту. Черты его лица, привлекательные мгновение назад, были теперь стиснуты судорогой в жабоподобно широкую морду. Он бросился назад по коридору, рыгая и издавая рвотные звуки.

Джозефина кусала губы, наблюдая его отступление, но, по крайней мере, не бросилась вслед за ним.

Шаги, между тем, перешли на топот и грохотали уже в коридоре, и Байрон резко обернулся им навстречу. Шесть солдат с обнаженными мечами резко запнулись при виде его шпаги, а затем, выставив мечи, осторожно двинулись вперед. Странно, но ни у одного из них не было ружья, а в глазах их светилось беспокойство, которое явно не имело никакого отношения к Кроуфорду или Джозефине.

Выкрик Байрона напомнил ему кое о чем, и Кроуфорд воспользовался этой мгновенной передышкой, чтобы подменить Байрона и ударил мечом по ближайшей деревянной колонне, оставляя на дереве горизонтальный рубец.

Байрон изрыгнул проклятье, восстанавливая контроль, а затем нетерпеливо прыгнул вперед, нанося ложный удар в сторону одного из солдат и по спирали парируя меч другого; клинок Байрона метнулся внутрь и поразил предплечье противника, а затем Байрон отскочил назад за пределы их досягаемости.

Раненый австриец с испуганным проклятьем повалился назад, а двое прикрывавших его бока приятелей, выставив мечи, бросились вперед, и Байрон нанес вверх обманный удар, а затем бросил тело вниз и в сторону, так что он оказался низко припавшим к земле, опираясь на левую руку и удерживая вытянутый меч в правой, и пробегающий мимо окна солдат невольно напоролся на острие.

Байрон стремительно распрямился, выдергивая меч из заваливающегося назад противника, и Кроуфорд на мгновение вторгся тело, чтобы заставить свою руку снова обрушить меч на деревянную колонну, нанося еще одну борозду рядом с первой.

— *Перестань!* — завопил Байрон, когда четверо уцелевших солдат атаковали снова. Байрон закрутил клинок горизонтальной восьмеркой, одним движением парируя все четыре вражеских клинка, а затем нанес короткий выпад и вонзил острие в щеку правого нападающего — тотчас он бросил шпагу вниз и в сторону, отбивая влево оставшиеся три меча и нырнул, чтобы коротко, но глубоко ткнуть коленную чашечку еще одного из солдат.

Он собирался двинуться в наступление, но Кроуфорд прервал его снова и изо всех сил рубанул по колонне под уже оставленными отметинами.

— *Черт бы тебя побрал!* — вскричал Байрон и бросился вперед, обрушивая яростный удар на меч ближайшего австрийца.

Удар с лязгом отбросил меч солдата в сторону, и Байрон полоснул ему по горлу за миг до того, как оставшиеся двое успели подставить свои клинки. Из рассеченного горла хлынула кровь, и австриец повалился на пол, а Байрон скользнул назад.

— Твоя клоунада нас погубит, — услышал Кроуфорд свой голос; тем не менее, он снова завладел телом и, не обращая внимания на наступающих мужчин, вонзил клинок в грубое

лицо, высеченное им на деревянной колонне.

Рукоять меча внезапно сделалась обжигающе горячей, и он едва сумел ее удержать.

А затем острое одного из приближающихся мечей рубануло его справа по ребрам, закручиваясь, когда проникало внутрь. Джозефина ахнула, и, несмотря на острую вспышку боли, Кроуфорд был, тем не менее, рад узнать, что она все еще здесь.

Байрон резко вернул контроль и бросил меч вперед; он рубанул по глазам нападавшего австрийца и буквально опрокинул его назад, а затем ураганом налетел на троих уцелевших вояк.

Все они уже получили ранения и сейчас повернулись и бросились бежать от этого воплощения смертоносной ярости. Их топот удалялся по лестнице, и Кроуфорд слышал, как они зовут подкрепление.

Скованный от боли в прорезавшей бок ране Кроуфорд рубанул мечом воздух и сообразил, что Барон больше не контролирует его тело.

Он услышал голос Трелони, лишенный отголосков в узкой гостиничной комнате Лериче: — Как ты себя чувствуешь?

— Как чувствую! — вскричал Байрон из своего простертого на кровати тела. — Да прямо как тот чертов бунтарь, которого приковали к скале. Стервятники клюют мою грудь и рвут внутренности, так как с печенью я уже сам разобрался.

Кроуфорд шагнул к Джозефине, но рана в боку послала через тело такую раскаленную боль, что он осел на пол и вынужден был глубоко вдохнуть, чтобы не потерять сознание.

Байрон, похоже, тоже это почувствовал, так как он на своей постели закричал: — Я не боюсь смерти, но этого я не вынесу! Я не шучу, позови Флетчера; пусть даст что-нибудь, что покончит с этим — или со мной! Я больше не могу это терпеть.

Через открытое окно до Кроуфорда донеслись едва слышимые хлопки выстрелов, и он взмолился, чтобы это были Карбонарии, призванные, когда он вонзил меч в импровизированную *mazze*. Он схватил Джозефину за руку и захромал вдаль по коридору, туда, где исчез миниатюрный Полидори, прижимая стискивающий меч кулак к залитому кровью боку и оставив ножны валяться на полу позади.

— Вот, милорд, — сказал Флетчер, казалось, говоря прямо в ухо Кроуфорда, несмотря на разделяющие их сто пятьдесят миль.

Миг спустя Кроуфорд дернул головой и резко выдохнул, так как его голова внезапно наполнилась парами нашатырного спирта. Затем запах ушел — а вместе с ним ушла и его связь с Байроном.

— Теперь мы сами по себе, — мрачно сказал он Джозефине.

Он снова взял ее руку и поднял меч, и они вместе захромали по коридору, по сменяющим друг друга участкам лунного света и темноты.

Наконец впереди показалась дверь, и он, борясь с головокружением, торопил Джозефину ей навстречу, когда на лестнице позади них загрохотали тяжелые шаги.

Он сорвался на тряский размашистый бег, таща Джозефину за собой. Его легкие тяжело вздымались, а рукава-носки окончательно развалились, и развязавшиеся ленточки хлестали его по лодыжкам, но он не останавливался, пока они не столкнулись с высокой дверью.

На двери была простая железная щеколда, и он ощупывал ее в течение нескольких секунд, прежде чем сообразил, что дверь была заперта с другой стороны.

Он повернулся и поднял меч.

Лестница была теперь далеко позади, и трое австрийских солдат на полу казались

бесформенными кучками посреди коридора. Ему пришло в голову, что коридор так далеко тянулся на юг, что они теперь, должно быть, находятся где-то внутри Дворца Дожей.

— Держитесь подальше от окон! — донесся окрик на венецианском итальянском с вершины лестницы. — В канале австрийские лодки и у них есть пушки.

Кроуфорд с облегчением позволил себе привалиться к стене — это были Карбонарии.

К нему по коридору бежали бородатые мужчины, с выхваченными пистолетами, и двое из них ненадолго задержались возле распростертых австрийских солдат и кратко поработали ножами.

Бегущий впереди мужчина низким стартом домчался до Кроуфорда, держа по пистолету в каждой руке. — Какого черта вы здесь делаете? Людям здесь не место. Он одарил Джозефину неприязненным взглядом. — Хотя для *нефандос* место самое подходящее.

— Помогите мне, — выдохнул Кроуфорд, — убить человека... где-то за этой дверью. Он махнул рукой за плечо.

— Нет, — сердито сказал мужчина. — Его нельзя убить. Двое моих людей погибли на Пьяцетта — и это то, для чего ты призвал нас, попытаться убить *его*?

Из-за узких окон до Кроуфорда доносились голоса и плеск весел, взбивающих воду канала.

— У вас есть пистолеты, — сказал Кроуфорд.

— Не будь их, мы бы сюда не добрались, — с нетерпением сказал мужчина. — Ружья не действовали этим вечером, когда сестры были слепы. Австрийцы обнаружили это и свои побросали. А мы нет.

— Можете вы, хотя бы, сбить выстрелами замок на этой двери?

— Возможно, даже это нам не удастся, — ответил Карбонарий. — Кровь на мостовой сохнет и стынет, и если сестры потеряют свой кровавый глаз, железо не будет высекать искры из кремня.

Но мгновение спустя он подозвал следовавших за ним людей и отдал приказ, и каждый из четырех мужчин навел пистолет на щеколду. Друг за другом они разрядили пистолеты, и четыре выстрела осветили коридор мертвенно-бледными желтыми вспышками, со звоном ударяясь о стекла.

А секунду спустя ближайшее к Кроуфорду окно взорвалось внутрь мелкими стеклянными брызгами, и когда волна горячего сжатого воздуха впечатала его в противоположную стену, и он, отскочив, рухнул на спину, он смутно слышал отголоски пушечного выстрела, уносящиеся прочь по каналу.

Двое Карбонариев помогли ему подняться — все они сгорбились под оконными проемами, но у некоторых от порезов стеклом обильно струилась кровь — и вожак их сердито взирал на него. В ушах Кроуфорда стоял оглушительный перезвон, и он едва разобрал, как мужчина спросил, — Тебя задело?

Кроуфорд слабо смахнул с плеча осколки стекла. — Ох... похоже, нет, — ответил он, говоря громко, чтобы слышать самого себя. — Я был в стороне.

— Думаешь, ты *сможешь* его убить? — спросил предводитель карбонариев.

Из носа Кроуфорда текла кровь, и он не был даже вполне уверен, что сможет стоять без посторонней помощи, но: — Да, — пробормотал он сквозь сколотые зубы.

— А эта женщина, она... *помогает* тебе? В самом деле?

— Да, — ответил Кроуфорд.

Мужчина, очевидно, принял решение. — Отлично. Он протянул Кроуфорду заряженный

пистолет, а затем вытащил из-за пояса длинный узкий нож и вложил рукоять в руку Джозефины.

— Мы будем удерживать их, сколько сможем, — сказал он. Он бросил разряженный пистолет одному из товарищей, который поймал его и бросил обратно заряженный, а затем он направился к окну и нацелил пистолет в направлении канала.

Он спустил курок, и боек щелкнул, рассеивая порох, но выстрела не последовало.

— Кровь остыла, — сказал предводитель Карбонариев, засовывая бесполезный пистолет за пояс. — Тот пушечный выстрел был последним, что прозвучал в этом месте, пока они не прольют свежую кровь. У нас есть ножи, и мы пустим их в ход — но лучше действуйте побыстрее.

Он жестом подозвал своих людей, и Кроуфорд тяжело осел на пол, когда двое мужчин отпустили его и размашистым шагом удалились по коридору со своими товарищами.

Джозефина бросилась к нему и помогла ему подняться, но на миг он забыл про дверь впереди и просто молча взирал на стену напротив разрушенных окон.

Деревянные панели были испещрены шрапнелью, обнаруживая вертикальные рисунки — но не двелинии, как можно было бы ожидать исходя из того, что выстрел ворвался через два окна.

Вместо этого здесь были ряды вертикальных полос осколков, и полосы эти были шире в центре и уже и слабее ближе к концам. Это была волновая картина, похожая на те, что он часто видел на воде между длинным кораблем и протяженной пристанью.

Что-то подсказывало ему, что это следствие поля неопределенности, которое распространяли вновь ослепшие Грайи; и это означало также, что карман определенности фон Аргау, его персональная лейденская банка, потеряла значительную часть своей силы, возможно даже ее всю. Если бы Карло был сейчас здесь и подбрасывал монеты, они бы по-прежнему исчезали.

Джозефина разрезала кант своей юбки на длинные полосы и туго обвязала их вокруг его ребер, поверх раны от меча.

— Не могу позволить тебе истечь кровью, — пробормотала она, затягивая узлы.

— Да, еще рано, — ответил Кроуфорд.

Опираясь на Джозефину, он, пошатываясь, направился к двери, в которую стреляли Карбонарии. Щеколда была разбита вдребезги, а дерево вокруг нее разлетелось на щепки, и засов сломался, и дверь отворилась от его первого неуверенного толчка.

Что это за обряды? Чудовищ снова ли родит земля?

Антей ^[444]едва остыл: и кто ж отец

Такого полчища? — и стой! таких контрастов пред ее лицом?

Или земля сама столь плодородна, к бесчестию своему?

— **Бен Джонсон, Союз наслаждения и добродетели**

За дверью более узкий коридор резко свернул в сторону, его кирпичные стены были тускло освещены идущим из-за угла светом. Кроуфорд лишь беспомощно уставился в том направлении, так что Джозефина схватила его руку и потащила вперед; он сделал шаг, чтобы избежать падения, а затем они потащились вглубь короткого коридора.

Из носа Кроуфорда непрерывающая сочилась кровь, капая на одетую им блузку Джозефины, а босая ступня оставляла на каменном полу красные отпечатки. Его руки слишком устали, чтобы удерживать на весу меч и пистолет, но он думал, что сможет поднять их, если придется, и был благодарен рукам за то, что им все еще хватало сил сжимать рукояти.

Джозефина заткнула нож за пояс Терезиной юбки и обеими руками держала перед собой кожаную сумку. И Кроуфорд подумал, что это удачная мысль, но затем спросил себя, что произойдет, если клинок или пуля вздумает ударить в сердце.

Они завернули за угол — в нише на стене горел светильник, и Кроуфорд увидел, что пол впереди был устлан коврами, а стены были обиты темным деревом. Через несколько ярдов коридор сделал еще один поворот, и свет из-за угла сделался ярче.

Кроуфорд с вялым удивлением отметил, что единственной эмоцией, которую он испытал, было предвкушение мягкости ковра под его босыми ступнями.

Они достигли его и повернули за угол, а затем на мгновение замерли.

В каких-нибудь нескольких ярдах от них зиял дверной проем, а за ним раскинулась большая комната. Кроуфорд увидел множество элегантно одетых мужчин, стоящих на мраморном полу, хотя ни один из них не двигался и не говорил.

— Здесь больше некуда идти, — прошептала Джозефина.

Он кивнул, и они направились вперед.

Комната была огромной. С высоких потолков свешивались громадные хрустальные люстры, ярко освещающие зал бесчисленным множеством свечей. Две дюжины мужчин в комнате безучастно уставились в стены, словно находясь в наркотическом трансе или сосредоточенно к чему-то прислушиваясь.

«Они все словно братья», — подумал он — а затем сообразил, что черты, которые все они делили, принадлежали молодому Вернеру фон Аргау, чью колотую рану он сшил в Венеции шесть лет назад, и на которого впоследствии работал.

— Добрый вечер, Вернер, — громко сказал Кроуфорд.

Все мужчины разом повернулись к нему — и он чертыхнулся и в страхе отступил назад, а Джозефина уронила сумку и судорожно выхватила нож.

Тела мужчин начали изменяться.

Голова одного из них начала вытягиваться к потолку, словно была сделана из теста —

из рта появился язык, казалось, пытаясь что-то сказать, а затем внезапно вытянулся на несколько ярдов, словно длинная невесомая змея, и начал деловито обвивать вытягивающуюся голову; глаза другого к этому времени раздулись настолько, что голова была лишь зубастой выпуклостью позади двух блестящих, пристально глядящих глазных яблока; у третьего из-за отворота рубахи громадной роговой пластиной вырастал ноготь, скрывший сначала рот, затем нос, а под конец заслонивший глаза.

Большинство из них оторвались от пола и парили теперь в воздухе.

Кроуфорд заметил, что каждая правая рука, был ли ее владелец похожим на брокколи тугим комком плоти или скоплением длинных щупалец, сжимала теперь пистолет или меч; и увидел, что все эти разной формы и размеров глаза были устремлены на *него*.

Словно заряд мелкой дроби попал в натянутый лист сырого каучука, на всех лицах одновременно распахнулись провалы рта. — Убирайся отсюда, — заголосили они по-итальянски с сильным немецким акцентом. — Кто бы ты ни был, советую тебе убраться.

— Ты не узнаешь меня? — с отчаянной бравадой спросил Кроуфорд. — Присмотрись как следует, — обернулся он к мужчине, чьи глаза все еще продолжали расти — за счет тела, которое съёжилось и свисало теперь под парящими сферами, в то время как туфли и одежда друг за другом упали на пол. — Я Майкл Айкмэн.

Многообразие левых рук взметнулось в воздух и ужасно изогнулось. — Айкмэн! — заклокотали и засвистели голоса. — Кусаешь кормившую тебя руку?

Кроуфорд заткнул за пояс бесполезный теперь пистолет, затем схватил Джозефину за руку и пошел вперед.

Где-то справа от него зазвонил колокол, и спустя мгновение высокие двойные двери в дальнем конце комнаты распахнулись, и в зал ворвались несколько австрийских солдат.

Кроуфорд заметил, что солдаты выглядели напуганными и отчаявшимися; и стоило им только увидеть искаженные опухающие тела, медленно плывущие по воздуху, словно больные рыбы в огромном аквариуме, они с криками ужаса бросились обратно из комнаты. Двери захлопнулись, и грохот задвинутого засова словно выстрел сотряс воздух и всколыхнул плавающие тела.

— Очевидно, кровь между колонн остыла, — невозмутимо отметили все растянутые или сморщенные рты. — Они прольют свежую, Айкмэн, — в любой момент, и как только поле определенности восстановится, эти тела снова обретут устойчивую форму. Уходи, пока можешь.

— Пистолетов можно не бояться, — тихо сказал Кроуфорд Джозефине, и они вместе шагнули вперед.

Плывущие тела неуклюже пытались ударить их своими мечами, но даже Джозефина с ее кинжалом могла спокойно отогнать их прочь. Несколько переплетенных рук сумели спустить курок пистолета, но бойки лишь тихо щелкали по временно бесполезному пороху.

С каждой секундой тела становились все более искаженными, словно облака или кольца дыма. — Подожди, — произнесли рты, что все еще были способны облекать мысли в слова. — Я готов признать, что это... ничья, пат. Если вы сейчас уйдете, я прослежу чтобы вас двоих, а также всех кого вы назовете, нефелимы больше не беспокоили.

— До конца нашей жизни, верно? — сказал Кроуфорд, все еще прокладывая путь через эфемерную толпу, пока Джозефина со звоном отражала удары лезвий за его спиной. Он услышал, как несколько мечей с лязгом ударились о мраморный пол, выпущенные руками, слишком вытянувшимися, чтобы продолжать их держать.

— Навечно, — заклокотали голоса.

Кроуфорд не ответил. Он сделал еще три хромающих шага и сквозь искаженные фигуры мельком увидел обнаженное тело, лежащее в стеклянном коробе возле стены.

Он начал забирать в этом направлении, следя за тем, чтобы не отделяться от Джозефины и осторожно отбрасывая в сторону слабо преграждающие путь мечи. Повсюду вокруг них слышалось клацанье пистолетных курков вхолостую ударяющих о пороховые полки [445].

Теперь лишь несколько ртов все еще могли произносить членораздельные звуки, но те которые могли, от всего сердца смеялись. — Я никогда не предполагал, что кто-нибудь сможет освободиться, а затем *поймать* глаз, — хором пропели они. — А следовало бы — ведь Персей сделал это. А еще следовало бы держать стражу из *людей*, да посмелее, или даже слепых. Хотя теперь все это не имеет значения.

— Нет, имеет, — пришел другой голос сверху, и когда Кроуфорд бросил взгляд в том направлении, он на мгновение решил, что крылатый лев [446] с часовой башни оставил свой пост и теперь вниз головой повис на стене.

И только когда Джозефина слабо произнесла: «Полидори...», он узнал серое лицо под длинным крылатым телом.

Каменные крылья разошлись в стороны, подняв порыв ветра, «который, — подумал Кроуфорд, — должен был закрутить все копии фон Аргау в однородные ленты», а затем каменная пасть со скрипом распахнулась, и когти покинули отверстия, которые они пробили в мраморной стене, и существо, бывшее Полидори, бросилось вниз.

Оно бросилось к Джозефине — и в тот миг, когда это случилось, Кроуфорд вспомнил, как оно пыталось врезаться в нее на мостовой перед Каза Магни четыре дня назад, и в мгновенной вспышке вспомнил перевернутую лодку в серых волнах, горящий дом и изувеченное тело на кровати — и почти счастливо прыгнул к ней, отбрасывая ее с пути монстра и падая туда, где она только что стояла.

Волна сжатого воздуха ударила его и оторвала лицо от мраморного пола, но столкновение, в ожидании которого он застыл, не пришло; он перекатился и увидел, что тварь прервала свой нырок и взмыла под высокие своды комнаты, заставляя люстры раскачиваться от поднимаемого ее крыльями ветра. Фальшивые фон Аргау были теперь просто узкими лентами, извивающимися в воздухе, а их одежды беспорядочно валялись на полу.

Джозефина рухнула на колени, но смотрела через плечо на Кроуфорда, и в ее расширившихся глазах читались удивление и благодарность.

Крылатое существо с хлопаньем крыльев спикировало вниз, и на мгновение Кроуфорда охватила надежда, что оно переживает ту же самую потерю формы, которую претерпели копии фон Аргау — его крылья с громким треском надломились и, сложившись, втянулись в белое тело, которое повернулось вертикально и начало утончаться посередине. Передние лапы начали вытягиваться, разделяясь на пальцы. Морда существа быстро сужалась, и он услышал щелчок, с которым более медленно сжимающаяся челюсть встала на место.

Но оно прекратило изменяться и поднялось, и посмотрело на них с Джозефиной, и внутри у него все оборвалось, когда он увидел, что оно приняло форму Джулии, его давно мертвой жены.

— Посмотри на меня, Джозефина, — сказала Джулия. — Посмотри на меня и расслабься.

— Не слушай его, — прохрипел Кроуфорд, вскидываясь на локте, — не смотри ему в глаза...

— Но было уже поздно, она уже утонула в глазах существа, что все еще имело над ней власть.

— Кто я, ты узнаешь меня, Джозефина?

— Ты... Джулия.

Женщина кивнула и, улыбаясь, направилась к ней. — Бедная моя маленькая сестренка! Посмотри на свою руку, а твой глаз! Что они с тобой сделали?

Джозефина судорожно опустила голову и подняла свои тощие руки. В этот миг она выглядела столь же неживой как бронзовые гиганты на вершине часовой башни, и нож, все еще стиснутый в ее руке, казался ее продолжением. — Они, — хриплым голосом сказала она, — забрали почти всю мою плоть.

— Ты хотела этого?

Джозефина покачала головой, и зубы Кроуфорд обнажились, разделяя ее боль, когда он увидел слезы, блеснувшие в ее глазах. — Я не помню, — сказала она. — Я... я ведь не могла... *хотеть* этого, правда?

— Они выжали тебя досуха, — произнес призрак ее сестры.

— Досуха, — словно эхо отозвалась она.

— Ты всегда хотела быть мною, — сказала псевдо-Джулия. — Теперь это возможно. Голос существа был полон сострадания. — Ты можешь быть мной. Существо сделало еще несколько шагов и стояло теперь перед Джозефиной. Его улыбка была лучезарной и даже у Кроуфорда вызывала смутные воспоминания о доме в Бэксхил-он-си.

— Я всегда *хотела* быть тобой, — тихо сказала Джозефина. Но...

Существо протянуло к ней свои белые руки. — Но что, милая?

Джозефина порывисто вдохнула.

Кинжал метнулся вперед столь быстро, что у существа не было никакой возможности уклониться, и если бы Кроуфорда спросили, он сказал бы, что лишь преграда в виде рукояти помешала ее кулаку проникнуть вслед за клинком.

— *Но я тебя ненавижу!* — крикнула Джозефина, падая на колени вместе с Джулией и таща лезвие вверх сквозь живот. — Ты *хотела*, чтобы я поклонялась тебе и жила словно... словно отражение в одном из твоих зеркал! Ты *любила*, когда я одевалась как ты и притворялась тобой, и тогда ты могла... потешаться надо мной с остальными, выставя меня как ужасную маленькую Джозефину, и высасывать из меня последние капли того, что делало меня мной! Она вырвала кинжал из раны и вонзила его в глаз сопротивляющегося существа. — Я как Китс и Шелли — с самого рождения *досталась* вампиру!

Существо перестало сопротивляться и клацало и скрипело под ней. Усыхающие конечности окончательно съежились, и Джозефина выдернула кинжал и медленно поднялась на ноги.

Кроуфорд собрал оставшиеся силы, а затем заставил себя подняться и дохромать до нее. Он приближался к ней с осторожностью, пока она не взглянула на него, и он не увидел узнавание в ее глазах.

— Это была не Джулия, — сказал он, кладя руку ей на плечо.

— Я знаю, — ответила Джозефина, пристально глядя на маленькую статую, лежащую на полу. — Но все, что я сказала, было правдой. Как я... *могла* до сих пор этого не понимать?

Кроуфорд потянул ее прочь, и они повернулись и вместе медленно приблизились к

стеклянному коробу у стены. Лежащий внутри мужчина слабо пошевелился на витиевато вышитом ложе и, кажется, издал тихий смешок.

На миг Кроуфорду показалось, что это ужасно древняя старуха, одно бедро которой скрывалось в отверстии в стене, и которая каким-то образом оказалась беременной — ее лицо было ввалившимся и сморщенным, будто высушенное под солнцем яблоко, но живот был непомерно раздут, словно она вынашивала огромного младенца. Затем он заметил жидкую бороду, и рубец, прорезавший раздутое чрево, и, в конце концов, внизу, разглядел запрятанные, словно давно заброшенные школьником учебники, иссохшие мужские гениталии.

Шрам протянулся через раздутый живот, но он узнал его — точно такой же был на плоском животе двойника фон Аргау, чью рану он сшил в кафе на берегу канала, так много лет назад.

— Добрый вечер, Вернер, — неуверенно произнес Кроуфорд. — Ты знаешь, кто эта женщина? Она та самая сиделка, которую ты с моей помощью пытался отравить в Риме два года назад.

— Посмотри ка на потолок, — прокаркал кошмарный старик.

— Кроуфорд поднял взгляд.

И в груди у него похолодело. Потолок был шахматной доской составленной из тяжелых, квадратных каменных блоков, и казалось, сам спинной хребет Кроуфорда съежился, когда он внезапно осознал, что здесь не доставало поддерживающих его колонн.

— А теперь смотри на меня. Старик махнул скелетообразной рукой на свое левое бедро, которое при первом взгляде показалось ему засунутым в отверстие в стене. Сейчас же, взглядевшись более внимательно поверх тугого свода живота, он увидел, что таз и бедро старика были словно срезаны почти до самой спины, и тело его каким-то образом вращалось в камень.

«Он и арка здания срослись в области бедра, — подумал Кроуфорд. — Словно две женщины на той маленькой лепешке, которую Джозефина должна была разломить, когда мы играли свадьбу с ее сестрой».

На ум ему пришла строчка из Шекспира, из Макбета, которую так любил цитировать Шелли: *словно два изнуренных пловца, что вместе сцепились и тащат друг друга на дно*; и на миг ему пришло в голову, что он и Джозефина, и все эти поэты также являли собой чудовищные, невыносимые соединения двух личностей. Вернер и те женщины, изображенные на овсяной лепешке, были просто более очевидными примерами, и это мешало увидеть более тонкие проявления такой связи.

— Я часть этого здания, — сказал Вернер. Только моя жизненная энергия удерживает потолок от падения. Из-под сети морщинок избородивших пергамент лица на Кроуфорда взирали блестящие глаза. — Ты понимаешь это?

— Да, — ответил Кроуфорд. — Умрешь ты, и мы умрем тоже.

Похожий на скомканную бумагу рот снова ожил: — Так уж сложилось, ничего не поделаешь. Так что можешь забыть все свои идеи о том, чтобы вырезать из меня статую. Несмотря на все это, мое предложение все еще в силе: уйдите сейчас, и я позабочусь, чтобы нефелимы навсегда о вас позабыли.

Кроуфорда сотрясала дрожь, но он выдавил смешок. — Я знаю, чего стоит их слово. Перси Шелли недавно проверил.

«Я мог бы заставить Джозефину уйти, — подумал он, — а затем сделать это, вырезать

из него эту чертову статую».

Затем он вспомнил ее обещание утопиться, если он не разрешит ей отправиться вместе с ним. И понял, что заставить ее уйти не удастся.

На мгновение у него даже мелькнула мысль, не принять ли предложение Вернера — но он сразу же ее отверг, понимая, что и на это Джозефина тоже не согласится.

«Но, может быть, Вернер *блефовал* на счет потолка?»

Кроуфорд снова взглянул вверх, а затем обреченно опустил взгляд. Нет, он не блефовал.

Он щелкал пальцами, избегая смотреть как на Вернера, так и на Джозефину.

«И времени у тебя тоже не так много, — напомнил он себе. — Нужно что-то делать».

Он уставился сквозь стеклянный короб на древний рубец, протянувшийся через выпирающий живот фон Аргау, а затем очень медленно повернулся к Джозефине. — Сколько лет ты проработала медсестрой?

— Шесть, — прошептала она.

— А сколько раз тебе приходилось... Он вынужден был остановиться, чтобы сделать глубокий вдох. — Сколько раз тебе приходилось ассистировать при кесаревом сечении?

Вернер начал что-то быстро говорить, но голос Джозефины легко пробился через его слова. — Раз шесть, думаю.

— Хорошо — потому что скоро тебе придется сделать это снова.

Кроуфорд забрался в стеклянный саркофаг и, не обращая внимания на костлявые руки Вернера, слабо дергающие его за брюки, начал осторожно выбивать стеклянные стенки рукояткой пистолета — для работы им с Джозефиной нужно было место.

Слабые причитания Вернера потеряли всякое сходство со словами, когда Кроуфорд взял в руки кинжал, обернутый тряпкой, чтобы его можно было держать у острия, зажал пальцами тугую складку плоти и сделал первый надрез.

И хотя попытки Вернера освободиться сделались еще более настойчивыми, Джозефина легко с ними справлялась, удерживая его на месте одной рукой, пока другая стирала текущую кровь куском ткани, смоченным брэнди из фляжки Кроуфорда. Каждые несколько секунд она подносила фляжку к губам старика — после первого разреза он больше не отказывался от спасительного алкоголя.

У Кроуфорда начинало мутиться в глазах от усталости, и, лишь напрягая всю свою волю, он заставлял руки не трястись и не делать слишком глубокие надрезы. Он все забывал, что они не в больнице, и это не роды, и несколько раз машинально спрашивал у Джозефины бистури [\[447\]](#) или хирургические ножницы [\[448\]](#).

Он заставил себя вспомнить изображения, которые видел в *Сборнике Менотти*, те самые, которые были ошибочно занесены в каталог как иллюстрации кесарева сечения, но на самом деле были записями об операции, с помощью которой в Вернера поместили статую. Он вспомнил, где изначально в *membrana adipose* и брюшине были сделаны разрезы и пытался теперь резать в тех же самых местах.

Пальцы, казалось, вспомнили старые навыки и двигались со все возрастающим мастерством, и всего лишь через несколько минут он отвел в стороны рассеченную кожу и слои мускулов и увидел статую.

Она выросла за эти столетия внутри Вернера, и была теперь размером почти с двухлетнего ребенка, но это, несомненно, была та же статуя, которую он видел на рисунках. И словно это был и вправду ребенок, она была повернута головой книзу, а ручки и ножки были подтянуты к щеке, и Кроуфорду пришлось напомнить себе, что это камень, и пуповину

перерезать ему не придется. Он осторожно просунул руку под скользкую голову.

— Теперь осторожней, — сквозь зубы процедил он. — Она выходит.

Он начал тянуть.

— Кровотечение, доктор, — поспешно сказала Джозефина.

Кроуфорд сморгнул застилающий глаза пот и вгляделся в голову статуи; теперь он тоже видел темную венозную кровь толчками вытекающую из-под его исследующей внутренности руки.

Всхлипы Вернера звучали теперь словно смех.

— Помести свою руку под моей, — сказал Кроуфорд Джозефине, — и зажми область кровотечения.

Кроуфорд держал руку под головой статуи, и почувствовал, как скользкие от крови пальцы Джозефины протиснулись снизу. Какой-то миг он боялся, что такое растяжение разреза неизбежно вызовет кровотечение где-нибудь еще, но Джозефина была опытным помощником — ее рука двигалась быстро, но осторожно, прощупывая и определяя натяжение тканей, и через каких-нибудь несколько секунд кровотечение замедлилось.

— Хорошо, — напряженно процедил Кроуфорд. — Скоро посмотрим что там, а там будет видно, может, наложим шов, но пока сойдет и так.

Он снова начал тащить каменную голову.

Статуя изогнулась, заставив свою каменную субстанцию заскрипеть от напряжения. Она сопротивлялась ему, стараясь напрячь себя еще больше и остаться в гнезде плоти, в котором находилась уже восемь веков.

— Ткани слишком тугие, — быстро сказала Джозефина, — что-нибудь порвется, если будем так тянуть. Она взглянула на Кроуфорда и устало ему улыбнулась. Жизнь матери находится под угрозой.

Кроуфорд невольно вздрогнул, так как во время родов такие слова обычно означали, что ребенка необходимо было принести в жертву, убить и по кускам извлечь из матки.

Чтобы иметь возможность двигаться, статуе пришлось размягчить свою материю, но, несмотря на это, Кроуфорд видел наполненные кровью Вернера трещины, там, где камень не выдержал нагрузки.

Одна протянулась через шею, и он вставил острие клинка в отверстие и надавил.

Статуя перестала двигаться. Он надавил сильнее и почувствовал, как лезвие ножа скользнуло чуть глубже в камень, словно ему удалось расширить трещину.

Перевернутое лицо статуи удивленно глянуло на него, каменный рот раскрылся и что-то гортанно прокаркал по-немецки.

Кроуфорд не разобрал, что она сказала, да и знать этого не хотел; он надавил сильнее, не обращая внимания на крики Вернера и боль в левой руке, втиснутой под голову статуи...

...И кончик ножа отломился. Кроуфорд успел отдернуть руку, и зазубренный конец ножа лишь слегка порезал незащищенную брюшную полость.

Статуя застыла, успокоенная *eisener-breche* торчащим из ее горла. Ее рот был все еще распахнут в немом вопле.

Кроуфорд отложил сломанный нож и снова принялся тянуть каменную голову. Свободной рукой он пытался не дать закрыться рассеченным тканям Вернера.

Старик был без сознания, но все еще дышал, и Кроуфорд знал, что если его пульс начнет слабеть, Джозефина ему об это скажет.

Он чувствовал, как уходят его собственные силы, и, процедив проклятье, напрягся, а

затем что было сил рванул статую — мгновение спустя он полетел на пол, сжимая в руке ужасное каменное существо.

Комната заходила ходуном, хрустальные люстры закачались, и он услышал доносящийся с улицы гул, словно саму Венецию сотрясали спазмы землетрясения.

Джозефина тоже упала, ее глаза были зажмурены от боли, а окровавленные руки обхватили живот. Кроуфорд подумал, что близнец нефелим умирает внутри нее.

Он отшвырнул статую и, бросив тревожный взгляд на потолок, прыгнул обратно к своему пациенту.

Когда Джозефина упала, кровь вновь брызнула из разорванной вены, но он обнаружил ее и зажал отверстие. Дыхание Вернера было учащенным, но ровным и глубоким, и Кроуфорд, левая рука которого была погружена в брюшную полость древнего человека, позволил себе на мгновение расслабиться.

Джозефина медленно села и осторожно опустила руки, словно быстрое движение могло вернуть боль обратно.

Кроуфорд к тому времени начал свободной рукой вытирать кровь с краев зияющей раны Вернера, но он улучил мгновение и глянул на Джозефину. — Ты в порядке? — спросил он.

— Я... думаю да, — ответила она, снова вставая возле него.

— Приготовь нить для сшивания, — сказал он, и Джозефина подняла одну из длинных нитей, на которые они разорвали ленты с его лодыжек.

Он взял протянутую нить, и после того, как кончиком сломанного ножа освободил вену от окружающих ее тканей, одной рукой перевязал разорванный сосуд между местом, где он был поврежден и местом, где его сдавливали большой и указательный палец его левой руки.

Он позволил напряженным пальцам расслабиться — вена возле узла раздулась, но узел держал крепко. Если кровь и просачивалась через узел, то делала это очень медленно.

Он переключил внимание на разрез, который предстояло зашить.

— Джозефина, — задумчиво сказал он, протягивая ей сломанный нож, — не могла бы ты отломать каблук от твоей туфли? А затем с помощью ножа вытащить один из гвоздей?

Джозефина взглянула на свои туфли, затем на нож. — Хорошо.

Не прошло и минуты, как она протянула ему гвоздь, и он принялся за работу.

Кроуфорд осторожно использовал кончик сапожного гвоздя чтобы проколоть отверстия в краях рассеченных тканей, отчаянно замирая от каждого порывистого вдоха и выдоха старика — затем он взял из рук Джозефины еще одну ленту, обсосал один ее конец, чтобы придать ему жесткости, и начал шнуровать самый глубокий разрез.

Спустя долгую минуту кропотливой работы он крепко стянул все последующие дюймы разреза, так что рассеченная брюшная полость оказалась надежно закрытой, и ничто не расходилось.

Он перевел дыхание и протянул руку за следующей лентой.

Они сшили все мускулы, а затем кожу. Вернер все еще дышал, хотя так и не пришел в сознание. Из разреза выступала кровь, но не настолько сильно, чтоб по этому поводу волноваться.

Кроуфорд выпрямился. Кожа головы зудела от осознания потолочных камней, нависающих в шести ярдах над ними. Он опустился на колени возле измазанной кровью статуи, сомкнул на ней руки, а затем заставил себя выпрямить ноги и подняться, хотя от этого усилия у него потемнело в глазах, а из носа снова пошла кровь. — Быстро! — выдохнул он. — Наружу, туда, откуда пришли.

Джозефина подхватила кожаную сумку, и они, пошатываясь и хромая, устремились к двери, ведущей в широкий коридор.

Статуя как раз прошла через узкое окно, стекло которого выбила пушка австрийцев. Не доверяя своим оглушенным ушам, Кроуфорд не двигался с места до тех пор, пока Джозефина не заверила его несколько раз, что слышала всплеск, с которым статуя утонула в канале.

Наконец он кивнул, взял ее за руку и бросился к лестнице.

По площади взад и вперед носились люди. Дважды Кроуфорд слышал, как гром орудийного выстрела эхом отражался от кружевной, поддерживаемой колоннами стены Дворца Дожей, но никто не приближался к ним, пока они, хромая и спотыкаясь, не миновали подавляюще высокие, но снова дремлющие колонны Грай и не бросились к лестнице, ведущей к причалам.

Рядом простирались скрывающиеся в тени арочные своды дворца. Из-под одного из них им навстречу шагнул мужчина и, заступив дорогу, выбросил вперед руку. Кроуфорд устало поднял меч и все еще заряженный пистолет.

— Я Карбонарий, — поспешно сказал незнакомец, и когда Кроуфорд присмотрелся, он узнал его бородатое лицо. Это был предводитель отряда Карбонариев, который помог им добраться до логова Вернера.

— Здесь неподалеку лодка, которая отвезет вас в Лидо, — тихо и поспешно сказал командир, — в маленьком канале возле Пьяного Ноя ^[449]. Он зашел им за спину и начал подталкивать их вперед.

Он провел их вдоль южной стены дворца, с простершимися по правую сторону на четверть мили в ширину водами канала ди Сан Марко, и у самого подножия Соломенного Моста толкнул их налево, в сторону от ступеней, между двух колонн дворца. Впереди лежал канал, в который чуть ранее выпрыгнул Карло. Кроуфорд увидел ожидающего их гондольера — одна нога на мостовой, а вторая на корме узкого суденышка.

— Австрийцы в смятении, — сжато сказал их проводник, — а стража их тайного короля посходила с ума. Мы благодарны вам. Он в последний раз подтолкнул их вперед. — Но даже не вздумайте возвращаться в Венецию, — добавил он.

Кроуфорд поднял взгляд и запоздало сообразил, о чем минуту назад говорил их проводник — над колоннами в юго-восточном углу здания располагалась скульптура Ноя, раскачивающегося под виноградной лозой, расплескивая вино из кружки, и почти потерявшего свое одеяние, неряшливо сбившееся вокруг его талии.

Когда они с Джозефиной забрались в гондолу, он снова поднял взгляд на бедного Ноя. «Пожалуй, — подумал Кроуфорд, — он имел полное право напиться и потерять штаны, после того, как спас всю органическую жизнь на земле».

Он свинтил крышку фляжки и протянул ее Джозефине, пока гондольер правил от берега, и когда она передала ее обратно, он поднял фляжку в направлении Ноя и осушил последний остававшийся в ней глоток. Позади них нависал Мост Вздохов, но он смотрел только вперед, туда, где посреди ночи вырастали башни и купола церкви Сан-Джорджо Маджоре.

Когда они достаточно отделились от берега, и гондольер начал налегать на весло, чтобы повернуть их на восток к лагуне, Кроуфорд нащупал в сумке Джозефины завернутое в рубашку сердце Шелли. Он прошептал молитву расщепленной, изъеденной временем голове Христа, а затем перегнулся через планшир и вытянул пахнущее гарью, бьющееся сердце над темной водой.

Ничто не тревожило спокойную водную гладь, кроме слабо светящихся пятен медуз, словно бледные молочные брызги повисших в воде, и следа за кормой, в свете звезд убегающего от них прочь по обеим сторонам лодки.

Когда низкие волны, разрезаемые узким носом-ножом, полностью скрыли из глаз древний город, и даже легчайшее завихрение не указало на третью сестру, движущуюся вниз, он откинулся обратно и спрятал сердце в сумку.

Нефелимы дремали снова, впервые за восемь сотен лет.

Он обнял Джозефину, и она положила голову на его плечо и заснула.

* * *

Недомогание мое полностью прошло на четвертую ночь — словно было оно вызвано Лериче — и я, наконец, ненадолго провалился в сон, и был столь изнурен, что хотя здесь случились три легких толчка землетрясения, которые выгнали весь город на улицы — ни они, ни гомон толпы не разбудили меня...

Здесь, казалось, бушевали все бури, которые только сотрясали этот земной шар — и что до меня, это меня ничуть не удивляет — словно сама земля несколько подустала от тиранов и рабов, которые топчут ее поверхность.

— Лорд Байрон, к Августе Ли, 7 Ноября 1822

Лишь друг другу я слышал, русалки поют.
Песни их мне едва ль суждено услышать.
— Т. С. Элиот

— Итальянцы? — отозвалась Люси, тряпка, которой она натирала барную стойку, зависла в дюйме над потертой столешницей. Я не могу принять заказ у итальянцев.

— Они говорят по-английски, — заверил ее хозяин гостиницы. — Да и живут они в Лондоне. Все что им нужно, выпить перед ужином вина на веранде позади дома. Как думаешь, справишься... ?

Люси возобновила свое занятие. — *Итальянцы?* — Я слышала, они такие же развязные, как и моряки. Лучше бы для них было со мной не заигрывать.

Сетовала на моряков она скорее по привычке; хотя она все еще была стройной, Люси уже стукнуло пятьдесят, и на ее лице оставили глубокие следы годы тяжелой работы.

— Это очень пожилая пара со своим сыном. Они не собираются напиваться, Люси, просто...

— Ох, ну хорошо. Она отложила тряпку и поставила на поднос бутылку кларета, штопор и три бокала. Но только убирать за ними будет эта новая девушка.

— Конечно, конечно, — согласился хозяин.

Люси обогнула стойку, взяла поднос и вышла из бара.

Впереди была дубовая лестница, ведущая к комнатам наверху; не доходя до нее, Люси свернула налево и прошла через запасную столовую к задней двери; удерживая поднос одной рукой, она толкнула дверь и вышла на веранду, где за маленьким столиком в тени сидели их необычные посетители.

Их сыну было должно быть около тридцати. Он совсем не был похож на итальянца — его прямые каштановые волосы были зачесаны назад, а глаза были светло-голубыми. Его улыбка, когда она поставила бутылку и бокалы, была не больше, чем данью вежливости.

— Благодарю вас, — сказал он, с легким намеком на акцент в голосе.

Она повернулась к пожилой паре.

Они действительно были очень старыми. Мужчина был совершенно лыс за исключением короткой бахромы белых волос над ушами, а его темное лицо казалось куском пропитанного маслом древнего дерева. К подлокотнику его кресла была прислонена крепкая потертая прогулочная трость, и Люси подумала, что когда он опирается на нее, его грубая коричневая рука должна казаться продолжением трости.

Волосы его жены были седыми. Она просто смотрела на руки Люси, пока пожилая барменша вкручивала штопор в горлышко бутылки, но улыбка углубила морщинки на ее худом лице и, казалось, объяснила причину всех этих бесчисленных морщинок.

Когда Люси разлила вино по трем бокалам, старик поднял свой бокал, в руке, у которой отсутствовал по меньшей мере один палец.

— Спасибо, Люси, — сказал он.

Кроуфорд отпил из бокала и посмотрел в сторону заднего двора гостиницы. Листья на деревьях в полуденных лучах солнца отливали зеленым и золотым, и он попытался представить, что ему снова тридцать пять, и что Бойд и Аплтон скоро появятся из двери позади него.

И не мог этого представить.

В дальнем конце двора рос теперь персиковый сад — одному богу известно, когда утащили отсюда те старые кареты. И он подумал, что если древняя резная мостовая, о которую споткнулся Бойд тридцать-пять лет назад, была все еще там. Но у него не было никакого желания идти и проверять.

Джон обеспокоено смотрел на него. Они доехали на поезде Лондон-Брайтон до расположенного к югу Кроули, а затем наняли карету, которая отвезла их к западу в Варнхэм, и Джон хотел этим вечером вернуться в Лондон к своей жене и детям.

— Ну вот, — сказал Джон, — теперь мы здесь, чтобы за место это не было. Вы вроде собирались рассказать мне... ?

— Как твой отец и я встретились, — сказала Джозефина. — Как ты был зачат, и как мы поженились.

Джон удивленно моргнул. — Я... я всегда думал, что вы... никогда об этом не заговорите. Я думал, что вы... что эту историю вы не хотите вспоминать.

— В прошлом месяце умерла Мэри Шелли, — сказал Кроуфорд, — так что теперь мы свободны от данного ей обещания. Перси Флоренс Шелли теперь Сэр Перси, и я думаю, что даже он не знает правды о своем отце. Кроуфорд рассмеялся, обнажив редкие зубы.

— Думаю, он не поверил, даже если ему и рассказывали об этом.

«Да и ты тоже, пожалуй, не согласишься, Джон, — подумал он; — но я должен ради тебя — и твоих детей — рассказать это в любом случае».

— Мэри Шелли? — сказал Джон. — Жена Перси Шелли? Вы ее знали?

— Да.

Кроуфорд пригубил вино и подумал о Мэри Шелли. Он отдал ей сердце Шелли, которое все еще заключало в себе глаз Грай, отдал в банке брэнди, и она хранила его всю свою жизнь; по временам он спрашивал себя, что если глаз все еще был слабо способен отбрасывать свое статичное поле определенности, так как Мэри впоследствии потеряла всю присущую ей живую непредсказуемость, которая много лет назад привлекла к ней Шелли. С тех пор писать она стала меньше, слог ее стал более сухим и высокопарным. С каждым годом она все меньше виделась с людьми, и он слышал, что перед смертью она десять дней неподвижно пролежала в молчании.

Трелони сделал ей предложение где-то в 1830, но к тому времени сочинительница *Франкеништейна* уже начала погружаться в безразличие, что отмечало всю ее оставшуюся жизнь, и она ему отказала.

После смерти Шелли Трелони последовал за Байроном в Грецию, и после того как Байрон, пытавшийся собрать армию, чтобы выдворить турецких захватчиков, умер от болотной лихорадки, Трелони некоторое время оставался там и жил жизнью наемного искателя приключений. Позже он отправился в Америку, где под рев водопада переплыл Ниагару, и Кроуфорд слышал, что затем он вернулся в Англию, спутался с замужней женщиной и живет теперь где-то в Монмутшире [\[450\]](#).

Кроуфорд часто думал о Байроне, который умер в 1824-м. Кроуфорд и Джозефина больше не встречали его после их венецианского приключения — они собирались увидеться с ним и поблагодарить его, но затем он умер в Миссолунги, тридцати шести лет отроду, и уже было слишком поздно.

— Прости, — сказал Кроуфорд, — что ты спросил?

— Я спросил, — терпеливо ответил Джон, — вы знали Шелли тоже?

— Да. И Байрона, и Китса. Кстати, тебя мы называли как раз в честь Китса, не думаю, что мы тебе об этом говорили. И все это началось, — сказал он, кивая фужером на заросший травой двор, — в этом самом месте. Он поставил бокал и помассировал левую руку; возможно из-за изувеченных пальцев она начала в последнее время ныть. Болела вся рука, до самого плеча.

Джозефина снова наполнила их бокалы. — Начинай, — сказала она.

* * *

Солнце уже клонилось к закату, когда он закончил рассказ, и на высокой траве пролегли глубокие тени от старых дубов, окаймлявших двор.

Джон качал головой. — А этот... этот ваш Вернер... что с ним потом случилось?

Кроуфорд ухмыльнулся. — После этого мы некоторое время следили за новостями из Венеции. Неделю спустя стало известно, что во Дворце Дожей обрушилась пара комнат. Все

списали на ослабление конструкции вызванное землетрясением.

— Неделя спустя? — выдохнул Джон.

— Твой отец хороший хирург, — сказала Джозефина.

— Значит... значит он так и не нашел свою статую, или другую статую, и не сумел возобновить совмещение. Голос Джона был тихим — со временем он, возможно, начнет в этом сомневаться, но сейчас он, похоже, верил всему, что они рассказали.

— Похоже, что нет, — сказал Джозефина. — Но... возможность всегда остается.

— Так вот почему вы двое всегда запрещали мне приглашать в дом незнакомцев.

— Да, Джон, — сказал Кроуфорд. — И я надеюсь, что ты следовал нашему совету, а также передал его своим детям.

— Да, конечно, я просто — никогда вполне — не понимал всего значения *этого*.

Кроуфорд допил вино. — Теперь ты знаешь, сын.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Каким-то образом он все еще видел двор, деревья и траву... но это не мог быть двор гостиницы в Варнхэме, так как перед его взором раскинулась долина, на дне которой возвышались тысячи высоких камней, а он тянул повозку, в которой сидел гнусно ухмыляющийся старик, даже еще более старый, чем он сам, и этот старик пел французскую песню с веселым мотивом и грустными стихами...

Позади них на лошади скакал Китс, молодой и здоровый. Он приветственно взмахнул рукой, и Кроуфорду показалось, что во взгляде юноши мелькнула благодарность, когда он галопом пронесся мимо.

Байрон тоже был здесь, его темные волосы были лишь слегка посеребрены сединой. Лорд улыбался, держа дымящийся пистолет. Только что его меткий выстрел послал монету далеко в маремма. — Бедные наши дети, — сказал Байрон...

Далеко впереди шел Шелли. Возможно, он искал монету, которую забросило сюда выстрелом Байрона, так как он бесцельно гулял по траве — но не по меч-траве растущей в маремма — он шел по саду, и Кроуфорд откуда-то знал, что он ищет там себя, свой собственный образ.

Где-то посреди этих лугов Кроуфорд знал, он снова когда-нибудь найдет Джозефину. Он знал, что найдет ее... как это всегда случалось прежде.

Он шагнул вперед, и уже больше не хромая, зашагал вдаль за своими друзьями.

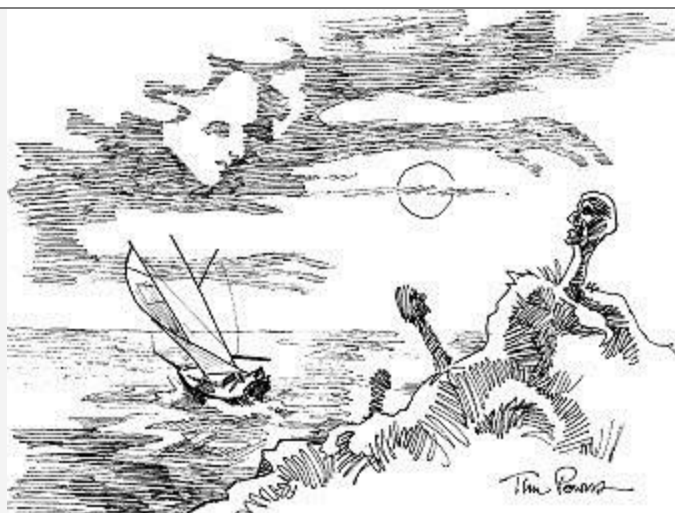
Солнце к тому времени красным закатным светом затопило горизонт, и двор скрылся в тени.

— Подожди нас внутри, хорошо, Джон? — мягко сказала Джозефина, глядя безвольную руку Кроуфорда. — Скоро мы оба будем... готовы ехать.

Их сын поднялся и направился обратно в гостиницу, а Джозефина держала все еще теплую руку своего мужа, слушая биение своего сердца. — Только не забредай далеко, Майкл, — нежно сказала она. — Я знаю, тебе понадобится помощь.

Она откинулась в кресле и глубоко вдохнула вечерний воздух, все еще сжимая руку Кроуфорда. — Дважды два четыре, — мечтательно сказала она. — Дважды три шесть. Дважды четыре восемь. Дважды пять десять...

Немного погодя, литания замерла в тишине, и на темнеющем небе начали зажигаться звезды. Пока Джон снова не вышел из дома, двор лежал в молчании — молчали лягушки, не пели насекомые, деревья стояли, не шелухнувшись, и даже дыхание не тревожило неподвижный ночной воздух.

notes

Гёте, Коринфская невеста. Перевод А.К. Толстого.

Tinder Box - трутница (коробочка, в которую клали трут, использовавшийся для высекания огня). Огниво — судя по всему сеть баров, где подают кофе, пиво и прочие «радости жизни».

Леман (французское название Женевского озера) - озеро в Швейцарии и Франции, самое большое из альпийских озёр. Площадь 582 км², длина 72 км, наибольшая ширина 14 км, глубина до 309 м.

Беспалубной.

Пик (зуб) д'Ош (французский Dent d'Oche) — гора в швейцарских Альпах.

Шильонский замок стоит на скале, незначительно выдающейся из воды озера и соединен с берегом мостом.

...My lord is often thus, And hath been from his youth...
The fit is momentary; upon a thought He will again be well.
If much you note him, You shall offend him and extend his passion.

- Фраза Леди Макбет в одноименной трагедии Шекспира. Леди Макбет успокаивает гостей, встревоженных поведением Макбета, увидевшего призрака Банко, занявшего его место за пиршественным столом.

Mud-person — глиняная особа, грязная личность.

St. Gingoux — Сен Жиню — деревенька в Швейцарии, на берегу озера Леман.

Бушприт — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед носа парусного корабля. Предназначен для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность судна.

Рангоут (от нидерл. *roundhout*, буквально круглое дерево) — общее название устройств для подъема и растягивания парусов. К рангоутам относят: мачты, рей, бушприт и т.д.

Доставьте нас на берег как можно скорее! Живее, черт побери, шевелитесь!
(французский).

Leman — (англ. устаревшее) любовница, возлюбленная.

Румпель — специальный рычаг для управления рулем (поворота руля), закрепленный в головной части баллера руля.

Галс — курс корабля относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый галсы. Также галсом называют отрезок пути, который проходит судно от одного поворота судна до другого при лавировании.

Eisener breche. Eyes in her breasts - глаза на ее груди (игра слов).

Desserrez la voile! — спускайте парус! (французский).

Планшир — брус (деревянные или металлические перила) идущий по верхнему краю борта малого деревянного судна, например шлюпки, или вдоль верхней кромки фальшборта больших судов.

Ярд - мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

Гик — горизонтальное рангоутное дерево, прикрепленное к мачте на небольшой высоте над палубой и обращенное свободным концом к корме судна. К гику пришнуровывается нижняя шкаторина косого паруса.

Гора Дан дю Миди (фр. Dents du Midi — Зубы Юга). Вершина горы образована несколькими выстроившимися в ряд пиками, которые со стороны Женевского озера напоминают острые зубы. Гора принадлежит горному массиву Шабле. Расположена в Швейцарском кантоне Вале.

Like two spent swimmers that do cling together and choke their art.
Шекспир. Макбет акт I, сцена 2.

Хоршем (Хоршам) роуд — (англ. Horsham road).

Уилд - район южной Англии, в который входят части графств Кент, Суссекс, Суррей, Гемпшир.

Кент - графство Англии.

Виго - город и порт на северо-западе Испании. Главной защитой Виго служит его положение. С одной стороны город защищен морем, а с остальных — горами. Собственно гавань Виго доступна лишь для судов водоизмещением 20—30 тонн, но рейд — один из самых значительных и надежных на случай бури. Во времена римлян Виго был одним из главных портов империи; теперь он служит местом остановки для судов, идущих из Англии в Лиссабон, Вест-Индию и Южную Америку.

Огни святого Эльма (англ. Saint Elmo's Fire) — разряд в форме светящихся пучков или кисточек (или коронный разряд), возникающий на острых концах высоких предметов (башни, мачты, одиноко стоящие деревья, острые вершины скал и т.п.) при большой напряженности электрического поля в атмосфере. Чаще всего возникает во время грозы или при ее приближении. Название явление получило по имени святого Эльма (Эрма, Эразма) — покровителя средиземноморских моряков, бросавших вызов стихии на утлых суденышках. По первому разу огни святого Эльма производят довольно пугающее зрелище. Кажется, что предметы охвачены каким-то потусторонним пламенем, причем зачастую это сопровождается потрескиванием, какое бывает, когда горит хворост или сухая трава. Неудивительно поэтому, что огни святого Эльма с незапамятных времен воспринимались моряками с суеверным ужасом. Легенда связывает это явление со святым Эльмом, покровителем моряков Средиземноморья, который, как рассказывают, умер на море во время сильного шторма. Перед смертью он обещал морякам, что непременно явится в том или ином виде, чтобы сообщить, суждено ли им спастись. Вскоре после этого на мачте появилось странное свечение, которое восприняли как знак посланный святым во исполнение своего обещания. Поскольку огни обычно появляются, когда самый пик шторма уже позади, моряки почти всегда радовались им и воспринимали как счастливый знак. Тем не менее, в некоторых обстоятельствах огни святого Эльма считались недобрым предзнаменованием. Некоторые моряки верили, что это душа погибшего товарища возвращается, чтобы предупредить о предстоящем кораблекрушении. А если свечение появлялось в виде нимба вокруг чьей-то головы, скорая смерть этого человека сомнениям не подвергалась.

В Древней Греции одиночное свечение называли «Елена», а двойное «Кастор и Поллукс». Они также были известны как «Святой Николай», «Святой Гермес», *Corposanto*, *Corpusante*, *Copra Saltante*, *Capra Saltante*, *Corpus Santos*. Английские моряки преобразовали непонятное *Corpusante* в *Corbie's Aunt* (примерами подобного преобразования в английском служит тот же *dragonfly* — дрыгающий (стрекочущий) летун (А.Н. Драгункин, «5 сенсаций»), примеры таких преобразований в русском можно встретить в видео лекциях В.А. Чудинова).

Берлин, берлина, берлинка (нем. Berlin) — Старинный экипаж. Большой закрытый экипаж на конной тяге. Своего рода лимузин. Как правило, четырехместный, квадратной формы. Впервые был сделан в Берлине, отсюда его название. После этого получил широкое распространение в Европе, особенно во Франции.

Лауданум (лат. *laudanum* - ладан) — в средневековье название различных успокаивающих средств, как правило, содержащих опий. Впоследствии лауданумом называли спиртовую настойку опия, которая широко применялась как успокаивающее, снотворное и обезболивающее средство вплоть до начала 19-го века. Название по одной из версий происходит от латинского *laudandus, laudatus* - достойный похвалы.

Ланцет (устаревшее) - хирургический инструмент в виде небольшого обоюдоострого ножа, в современной медицине замененный скальпелем.

Стискивать зубы (bite the bullet) - выражение восходит к тому времени, когда оперировали без анестезирующих средств и раненые солдаты зажимали в зубах свинцовую пулю, чтобы не кричать от боли.

Delirium tremens — Белая горячка.

Плимут (англ. Plymouth — буквально устье реки Плим) — город-порт в Великобритании на полуострове Корнуолл. Город располагается на берегу самой большой естественной гавани — залива Плимут Саунд (Plymouth Sound), в месте впадения в него реки Плим.

Варнхем (Уорнхем) (англ. Warnham).

Bexhill-on-Sea — Бэксхил-он-си.

Ландо (landau) - четырёхколесный экипаж со съёмным верхом.

Да, именно бренди. Бренди устойчиво ассоциируется у меня со словом «сбрендить».

La Belle Dame Sans Merci - Прекрасная дама, не знающая милосердия (французский).

Пикули - солёные или маринованные огурцы. Чем же еще подкрепляться после удавшейся вечеринки.

Undercut-by-the-sea — Подточенное (подмытое)-морем.

Саут-Даунс (южные холмы) - возвышенность в юго-западной части Англии.

Виндовер Хилл (англ. Windover Hill).

Вильмингтонский верзила, Великан из Вильмингтона (англ. Wilmington Long Man) — на крутом склоне Виндовер Хилл неподалеку от города Вильмингтон (Восточный Сассакс) в меловых породах вырезана огромная 226 футовая фигура человека.

Хавок (Havoc) — разрушение. Очевидно намек на то, что желудок такого не переживет.

Хаггис (шотл. haggis) - телячий рубец с потрохами и приправами. (шотландское блюдо из бараньей или телячьей печени, сердца и лёгких; заправляется овсяной мукой, околопочечным салом, луком и перцем и варится в бараньем или телячьем рубце.

В старину из соединений сурьмы готовили косметические средства - румяна и черную краску для бровей (сурмяные брови, насурьмленная красавица). В оригинале почему-то написано отбелят брови сурьмой.

Хна - жёлто-красная краска, получаемая из листьев южного растения - хны. Во многих странах существует обычай перед свадьбой украшать ноги и руки невесты хной. От пальцев рук до предплечий, и от ступней ног до колен наносятся тонкие узоры, настоящие кружева. На эту своеобразную татуировку может уходить до нескольких дней кропотливой работы.

Свадебные лепешки. В некоторых районах Йоркшира специально сделанный корж преломляли над головой невесты, а затем швыряли гостям. Свое начало обряд берет в древнем поверье, что дружба скрепляется преломлением хлеба.

В Восточном Райдинге (Йоркшир) жениху подавали большое блюдо с кусочками свадебной лепешки. Жених должен был через голову невесты бросить это блюдо на дорогу, где его содержимое расхватывали дети. Если блюдо не разбивалось от падения, дружка жениха должен был растоптать его ногой, поскольку от количества осколков зависело количество счастья, предначертанного молодоженам.

В оригинале coaching inn — небольшая придорожная гостиница, где экипажи останавливались на отдых или чтобы переменить лошадей.

The Menotti Miscellany - Сборник (альманах) Менотти.

Макарони (Macaroni) — помимо очевидного перевода «макароны», и возможно даже «макаронник», слово имеет еще несколько значений. Например, так пренебрежительно называли английских денди 18 века, много путешествовавших по Европе и набравшийся европейских манер. Та же слово может переводиться как «фигляр», «франт» и обозначать прочие нелепицы.

Биденден (англ. Biddenden) — город в Англии, графство Кент.

Гастнигс - город-курорт в Англии; графство Восточный Сассекс.

Кале - город, порт на севере Франции.

St. Leonards (St. Leonards-On-Sea) — Сент-Леонардс-он-Си.

Биденден (англ. Biddenden) — город в Англии, графство Кент. Город известен тем, что примерно в 1100 году там родились сиамские близнецы Элиза и Мэри Чалкхорст. Говорят, что их тела были «слиты» в бедрах и плечах. Сестры прожили 34 года. Когда одна из них умерла, вторая отказалась, чтобы ее отделили от сестры, и спустя 6 часов тоже скончалась. С тех пор в городе существует традиция в предпасхальный понедельник выпекать маленькие бисквиты с оттиском двух женских фигур и цифрами 1100 и 34.

Боро (англ. Borough - "Город") - разговорное название лондонского района Саутуорк (Southwark).

Marshalsea — Маршалси — Лондонская тюрьма для должников.

Брайтон - город-курорт в Англии, графство Восточный Сассекс.

Тюрьма Клинк (англ. Clink) — печально известная тюрьма в Саусворке. Действовала с XII века по 1780 год. Название ее представляет собой тавтологию, так как clink в английском сленге обозначает «тюрьма», «тюремная камера». Существует, впрочем, мнение, что заведение это заимствовало свое название у одноименного поместья находившегося неподалеку. На протяжении веков тюрьмой владели епископы Винчестера, посему среди арестантов было немало протестантов и прощтрафившихся католиков. Принадлежащая к Клинку территория — лондонская улица «красных фонарей» - также находилась в юрисдикции епископата. Святые отцы и не думали бороться с проституцией, а повели себя как настоящие бизнесмены: выдавали лицензии публичным домам и держали под контролем прибыли. Особо распоясавшихся посетителей, недовольных владельцев, провинившихся проституток немедленно отправляли за решетку. С 1352 года после изменения в законодательстве среди заключенных стали появляться должники. Бедняги задолжали не только своим кредиторам, но и были обязаны платить за свое содержание в тюрьме. Тюремное здание сгорело практически полностью в 1780 году. Уцелели только тюремные подвалы.

Тюрьма королевского (высокого) суда (англ. King's Bench prison). Королевский суд (под председательством короля) существовал до 1873.

Дин Стрит (англ. Dean Street).

Be Frankish (по-видимому «средневековый аналог» английского be frank — быть честным, искренним, откровенным). Frankish — связанный с древними Франками или их языком. Франки - группа западно-германских племён, объединившихся в племенной союз, впервые упоминаемый в 3 веке.

Майкл Франкиш, таким образом, означает, что-то вроде Честный Майкл — самое подходящее имя для ударившегося в бега хирурга.

Guy's Hospital - больница Гая в Лондоне. Основана в 1721 книготорговцем Томасом Гаєм.

St. Thomas's Hospital - Больница св. Фомы в Лондоне. Основана в 1552.

Apothecaries' Hall — здание гильдии аптекарей.

Маргит (англ. Margate) - город в Англии, графство Кент.

Ярд - мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

Рыболовный трал - большая мешкообразная сеть, предназначенная для лова рыбы. Буксируется морскими судами (траулерами) при помощи стальных тросов (ваеров).

Галатея — ожившая статуя, изваянная Пигмалионом. Пигмалион был царем острова Кипр. Он высек из слоновой кости статую и полюбил ее. Дарил ей подарки, одевал в дорогие одежды, но статуя продолжала оставаться статуей, а любовь безответной. Во время праздника, посвященного Афродите, Пигмалион обратился к богине с мольбой дать ему жену столь же прекрасную, как и выполненная им фигура. Осмелиться попросить оживить холодное изваяние Пигмалион не решился. Тронутая такой любовью, Афродита оживила статую, которая стала женой Пигмалиона.

Олоросо (исп. Oloroso) - очень сухая разновидность хереса, тяжелое и богатое вино крепостью до 18 - 20 градусов, оно имеет очень темный янтарный цвет (или цвет красного дерева), поскольку его созревание происходит без дрожжевой пленки (благодаря чему оно сильнее окисляется), это вино обладает сильным ароматом грецкого ореха, карамели и дуба, прекрасно сочетается с красным мясом, дичью, сырами.

По одной из версий слово нефф происходит от слова Нефертити и означает человека с физическими повреждениями или психическими расстройствами. Неффер, таким образом, человек, вступающий в связи с неффами. Также напрашивается взаимосвязь этих слов со словом нефелим (падшие).

Лилит (Lilith) - в еврейском фольклоре злой демон женского пола. Слово "Лилит" этимологически связывают с еврейским прилагательным "ночная". В Талмуде Лилит фигурирует как первая жена Адама, мать исполинов и бесчисленных злых духов. В каббале Лилит — дьяволица, являющаяся во сне неженатым мужчинам и соблазняющая их. Согласно многим демонологам Лилит управляет суккубами. В еврейской традиции прекрасная внешность Лилит связана с ее способностью менять свой облик. В творчестве различных писателей Лилит предстает как Лилит-змея, вампирша и т.п. У Набокова она и вовсе превращается в юную обольстительную девочку (стихотворение «Лилит»). В Библии (Книга пророка Исаии 34:14) в русском переводе Лилит именуется "ночным привидением" (the screech owl). В этом угадывается неожиданная взаимосвязь с кричащей совой из стихотворения Перси Шелли Азиола (появляется позднее), тем более странная, что я не уверен, что сам Пауэрс ее углядел, хотя учитывая его скрупулезный подход к изучению материала, параллели эти вряд ли случайны.

Snarfie. Я не знаю, какой словарь Великого и Могучего курит Пауэрс. Но тот единственное толкование, которое я нашел в Urban Dictionary приводить здесь мне право же не совсем удобно. В некотором приближении можно перевести это как фетишист.

КьюзАк, Кьюзиак, Кузиак (Kusiak). Тот самый старый Казиак из «Врат Анубиса» и гостинице которого укрылись Джеки и Брэндан Дойль, после того как спаслись бегством от преследовавших их доктора Ромени и Хорребина.

Сестра Джона Китса — Фрэнсис Мэри (Фанни).

Суррейсайд (англ. Surrey side) — район в юго-восточной части Лондона, расположенный по южную, обращенную к графству Суррей, сторону Темзы. Район доков, чернорабочих, перенаселенности, грязи и нищеты. Все это делало Суррейсайд далеко «не самым приятным» районом Лондона. «Один из самых мрачных и подозрительных районов города» - так описывает этот район Конан Дойль в повести «Знак четырех».

Сэмюэль Тэйлор Кольридж, Боли сна (The Pains of Sleep).

Английский канал. Он же Ла-Манш.

In vitro (латинский) - выращенный в пробирке (искусственный, неестественный). Vitro (vitrum) — стекло.

Секстант (в морском деле секстан) — навигационный измерительный инструмент, используемый для измерения высоты светила над горизонтом с целью определения географических координат той местности, в которой производится измерение. Секстант был изобретен в 1730 году (принципы работы были открыты ранее Ньютоном), после чего вытеснил астролябию как главный навигационный инструмент.

Compass rose - изображение картушки компаса на карте.

Игра слов. neffy-limb - можно перевести как изувеченная конечность. В тоже время это звучит как нефелим.

Какофония - сочетания музыкальных звуков, воспринимающиеся как сумбурные, хаотические.

Ярд - мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

Космополит - человек свободный от национальных предрассудков.

Розенкрейцер - член тайного религиозно-мистического общества 17-18 вв. в Германии, Голландии и некоторых других странах. Эмблемой розенкрейцеров были роза и крест.

Элизия (от лат. *elisió* «выдавливание», «выталкивание») - в лингвистике отпадение звука (гласного, согласного или слога) в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Иногда звуки могут быть опущены с целью улучшения благозвучия. Как правило, элизия непреднамеренна, но может быть умышленной. Субъективно это воспринимается как «невнятное произношение» или «пропущенный звук».

Пикардия, Нормандия - области во Франции.

Вы говорите по-французски? Я говорю по-французски — немного.

Добрый день, месье, послушайте, где бы я мог достать паспорт, так как...

Повторите, пожалуйста — и говорите помедленнее.

О нет, нет... Нет, я живу один, один, понимаете, Давайте лучше поговорим насчет моего паспорта...

Карнак - деревня, расположенная на южном побережье Бретани вблизи Ванны.

Оре (фр. Auray) — коммуна во Франции, расположена в южной части полуострова Бретань.

Mille — миля.

Quelle. Во французском языке слово обозначает принадлежность к женскому роду. На немецком quelle — родник, источник.

На ум сразу приходит пара «Женщина, Жень-Шень» - что я, не зная китайского, перевел бы как дарующая(ий) жизнь.

Эх, расточительная молодость! (французский).

Карнакские камни — условное название крупнейшего в мире скопления мегалитических сооружений около французской деревни Карнак в Бретани. Комплекс мегалитов включает аллеи менгиров, дольмены, курганы и отдельные менгиры — более 3000 доисторических мегалитов, высеченных из местных скал и воздвигнутых докельтскими народами Бретани. В Бретани есть свои легенды Артуровского цикла, в соответствии с которыми волшебник Мерлин некогда обратил в стройные каменные ряды римский легион. По христианской версии легенды в камни преследовавших его воинов-язычников превратил папа Корнелий (Pope Cornelius).

St. Comely — Святой Камелий, Святая Добродетель, Благопристойность (англ. comely - пристойный, приличествующий, подобающий).

Базилика Сент-Анн д'Оре (Chapelle Sainte-Anne d'Auray). В 1624 году покровительница Бретани святая Анна явилась в этом месте крестьянину Иву Николасику (Ives Nicolazic) и повелела построить храм.

Мон-Сен-Мишель (фр. Mont Saint Michel — гора Архангела Михаила) — небольшой скалистый островок у берегов Нормандии, на северо-западе Франции. В остров он превращается лишь во время прилива. Островок окружен песчаными отмелями и связан с материком насыпной дамбой, построенной в 1879 году. На острове расположена средневековая крепость-аббатство ордена св. Бенедикта (Бенедиктинцы).

Fleur-de-lis - геральдическая лилия (эмблема французского королевского дома, напоминающая цветок ириса или верхнюю часть скипетра).

Граждане (франц. citoyens). Господа (франц. monsieurs).

Ветеринар Aickman — что-то вроде нашего Айболита (англ. ache [eɪk] — боль).

Ипсвич (англ. Ipswich) - город в Англии, административный центр графства Саффолк.

Анжу - винодельческая область во Франции.

Бурбонне (фр. Bourbonnais) — историческая область в центральной Франции, в бассейне реки Луара.

Ригельхаус (нем. *riegelhaus*) — швейцарское название фахверкхауса, каркасного дома, от нем. *fachwerk* — панельный каркас. Фахверковые дома имеют жесткий несущий каркас из стоек, балок и раскосов (диагональных элементов). Пространство между элементами раньше заполнялось глиной, в которую для сцепления добавлялась солома или камыш. Иногда вместо глины использовались кирпичи или дерево. Полученные панели штукатурились, при этом сам каркас оставался на виду. Элементы каркаса визуально расчленяют белые стены и придают облику зданий особую выразительность, которая стала главной архитектурной особенностью фахверка.

L'Arc-en-ciel- Арка в небе.

Полидолли - прозвище данное доктору Полидори Байроном и его другом Хобхаусом.

Косолапость — деформация стопы, характеризующаяся ее поворотом вовнутрь и в сторону подошвы. Одна из ее разновидностей, при которой ахиллово сухожилие укорочено, пятка находится высоко и передняя часть стопы смотрит вниз, называется «конская стопа». Именно конская стопа и была у Байрона. Человек с таким параличом ахилловых сухожилий может передвигаться только на цыпочках.

Ignis fatui - блуждающий огонек (латинский).

Мёнх (нем. Mönch - монах).

Эйгер (нем. Eiger) — горная вершина, высота 3970 метров над уровнем моря.

Юнгфрау (нем. Jungfrau) — одна из самых известных горных вершин Швейцарии. Ее высота — 4158 метров над уровнем моря. Это третья по высоте гора Бернских Альп, которая образует вместе с горами Эйгер и Мёнх примечательное трио. Своим название гора Юнгфрау (рус. юная дева, девственница) обязана монахиням из Интерлакена, чей монастырь располагался неподалеку от подножия горы.

Литания — многократно повторяемая молитва, содержащая обращения к богу.

Main-sail - грот-парус (основной парус), нижний прямой или косой парус на грот-мачте.

(Примечание переводчика) Не стоит забывать, что Шелли был атеистом, и вполне мог этого не понимать.

Фалинь - швартовочный трос.

Mazze, mazza — дубина, палица, булава (итальянский).

Вале (фр. Valais, нем. Wallis) — двуязычный кантон на юго-западе Швейцарии. Столица город Сьон.

Hapsburgs, Habsburgs (нем. Habsburger) — Габсбурги — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении средневековья и нового времени. Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 года), трансформировавшейся позднее в многонациональную Австрийскую империю, а также как императоры Священной римской империи, чей престол Габсбурги занимали с 1438 по 1806 годы.

Шкот - трос для управления парусами.

Галс — курс корабля относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый галсы. Также галсом называют отрезок пути, который проходит судно от одного поворота судна до другого при лавировании.

Планка (возможно поперечная площадка) румпеля (англ. tiller bar).

Ярд - мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

Гора Дан дю Миди (фр. Dents du Midi — Зубы Юга). Вершина горы образована несколькими выстроившимися в ряд пиками, которые со стороны Женевского озера напоминают острые зубы. Гора принадлежит горному массиву Шабле. Расположена в Швейцарском кантоне Вале. Midi звучит похоже на middle — середина.

Uh, mais, c'est en pleine nuit — Э-э, сейчас глубокая ночь (французский).

Портсмут - город в Англии, в графстве Гемпшир.

Гавр - город и порт на севере Франции, на побережье Ла-Манша.

La Belle Dame Sans Merci - Прекрасная дама, не знающая милосердия (французский).

Вье Женап — Бельгийское местечко близ Ватерлоо, где заседал штаб Наполеона, бежавшего с острова Эльба.

Fendant — вино, разновидность шасла (сорт винограда в Швейцарии) (французский).

Sotto voce — приглушенно, вполголоса (итальянский).

Melancholy marked you for her own. В оригинале And melancholy mark'd him for her own — и меланхолии печать была на нем. Строчка из «Элигии написанной на сельском кладбище» - самого известного стихотворения Томаса Грея.

Нефелим — буквально падшие. Так же как и Сфинкс, слово не склоняется (уже находится во множественном числе), но так как это не сочинение Захарии Ситчина, думается этим правилом можно пренебречь.

Deucalion and Pyrrha - Девкалион, сын Прометея, супруг Пирры, царь Фтии (и Фессалии), спасшийся с женой от потопа и ставший родоначальником нового человеческого рода.

Rig bisque - big risk. Изрядно набравшийся Байрон начинает путать слова.

D'Angleterre — Англичанин (французский).

Clytemnestra — Клитемнестра - жена Агамемнона. Она сговорилась со своим любовником Эгистом убить Агамемнона по его возвращению с троянской войны, и была в наказание за это убита ее сыном Орестом и дочерью Электрой.

Байрон называл свою жену «духовной Клитемнестрой»:

...Как Клитемнестра, мужа палачом

Духовно ты была...

Орестея Эсхила (Orestia) — трилогия трагедий Эсхила. Единственная дошедшая до нас трилогия греческих пьес. Трилогия включает пьесы: «Агамемнон», «Хорэфоры (приносительницы возлияний)» и «Эвмениды». Четвертая пьеса «Протей», сатира, не сохранилась.

А. Ч. Суинбёрн, Писет.

Шарабан - открытый экипаж с несколькими поперечными сиденьями.

Aiguille d'Argentiere — пик Серебрянщик (французский).

Ouchy — Оучи (уши) — предместье Лозанны (французский).

Lausanne — Лозанна - город в Швейцарии.

Mont Jurat — Мон Джурат — гора в швейцарских Альпах.

Щетка - волосы за копытом у лошади.

Кларанс (фр. Clarens) — небольшая деревенька коммуны Монтрё в Швейцарии, в кантоне Во, на северо-восточном берегу Женевского озера. Кларанс расположен рядом с городом Монтё. Этот район относится к Швейцарской Ривьере (условное название полосы прибрежных курортов, расположенных вдоль северного берега Женевского озера).

Mont Davant - Мон Давант — гора в швейцарских Альпах.

Call to the battlements. Игра слов. Можно перевести как призыв к оружию (на парапеты) или зов горных вершин.

Франсуа Вийон (фр. François Villon) (настоящая фамилия - де Монкорбье (de Montcorbier), или де Лож (des Loges)); родился между 1 апреля 1431 и 19 апреля 1432 в Париже, - год и место смерти неизвестны (после 1463, но не позднее 1491)) — последний и величайший из поэтов французского средневековья. О его жизни известно крайне мало, больше домыслов и легенд. В восемь лет остался сиротой. Фамилию Вийон он получил от усыновившего и воспитавшего его родственника, парижского священника, капеллана церкви Святого Бенедикта Гийома Вийона (Guillaume de Villon), которого сам поэт называл своим «больше чем отец» (plus que père).

Ярд - мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

Трутовик — гриб, растущий на стволах деревьев.

Тема — мотив, основная тема музыкального произведения.

In the high places. Дословно переводится как «на этих высочайших вершинах».

Аркадия - область в центральной части Пелопоннеса; Греция. Идиллическая страна аркадских пастухов (в античной литературе и пасторалях XVI- XVIII вв. описывается патриархальная простота нравов пастухов и пастушек).

Озеро Нёвшатель, Нешатель, Нёвшательское озеро (Neufchatel).

Кантон - округ в Швейцарии. Территория страны делится на 22 кантона.

Берн - столица Швейцарии.

Бальдер Великолепный — сын Одина и бог летнего солнца. Он был неуязвим для всех вещей за исключением омелы.

Кларанс (фр. Clarens) — небольшая деревенька коммуны Монтрё в Швейцарии, в кантоне Во, на северо-восточном берегу Женевского озера. Кларанс расположен рядом с городом Монтё. Этот район относится к Швейцарской Ривьере (условное название полосы прибрежных курортов, расположенных вдоль северного берега Женевского озера).

Сентенция — фраза, предложение.

Боже мой! Не могли бы вы сменить простыни!

Жабо - гофрированный стоячий воротник.

Пэ́й д’Э́но (фран. Pays d’Enhaut, Enhaut).

Долина Симменталь (Simmmenthal) — долина реки Simme в Швейцарии.

Тунское озеро (Тун, Тунерзее) (Thun, нем. Thunersee) — озеро в Швейцарском кантоне Берн. Соединяется с Бриенцским озером (Бриенц) через реку Аре.

Нойхаус (нем. Neuhause).

Интерлакен (нем. Interlaken) — округ в Швейцарии, входит в кантон Берн.

Венген (нем. Wengen) — деревня в Бернских Альпах, лежащая у подножия гор Эйгер, Менх и Юнгфрау.

Клайне-Шайдег (нем. Kleine Scheidegg) — горный перевал (высота 2061 м) между вершинами Эйгер и Лауберхорн в Бернских Альпах, соединяющий долины Гриндельвальд и Лаутребруннен.

Венгерн-альп (Wengern Alp, Wengernalp) — вершина Бернского Оберланда против Юнгфрау, 1882 метра.

Агностик - равнодушный к вопросам веры человек. Не считает себя ни истинно верующим, ни убеждённым атеистом. Человек, не принимающий ничего на веру, подвергающий всё сомнению.

The things which walk the valley of the shade of death.

Coals to Newcastle - возить товар туда, где его и без того много; ехать в Тулу со своим самоваром; заниматься бессмысленным делом (Ньюкасл - город в Англии, в прошлом центр угольной промышленности).

Семела (Semele) — смертная мать Диониса (Бахуса). Узнав, что Семела ждет ребенка от Зевса, его супруга Гера, в гневе решила погубить Семелу. Она приняла вид странницы, или Берои, кормилицы Семелы, и внушила ей мысль увидеть своего возлюбленного во всем его божественном великолепии. Связанный своей клятвой, Зевс предстал перед ней в пламени перунов. Смертная женщина не выдержала божественного огня и сгорела (или умерла от ужаса). Зевс спас от гибели недоношенный плод, вложив его в свое бедро, и когда пришло время, произвел на свет Диониса.

Венгерн-альп (Wengern Alp, Wengernalp) — вершина Бернского Оберланда против Юнгфрау, 1882 метра.

Dutch Low countries. Исторические Нидерланды (англ. Low countries, Низинные земли) — самая густонаселенная страна Европы. Состав Исторических Нидерланд неоднократно менялся. В средние века Низинными землями называли область на северо-западе Европы: территории современных Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и части Северо-Восточной Франции. Низинные земли включали в себя 17 провинций, среди которых были Фландрия, Люксембург, Голландия, Зеландия и др. Низинные земли расположены в устьях рек Рейн, Шельда и Наас. Из почв нанесенных этими реками образовались дельта и обширные плоские низменности, половина которых лежит ниже уровня моря. На севере Низинные земли омываются Северным морем. Большая часть низменностей находится в провинциях Северная Голландия и Южная Голландия, которые к тому же исторически были двумя самыми развитыми провинциями Нидерландов. Именно на Голландию в данном контексте и указывает приставка Dutch.

Рэйм Хэд (англ. Rame Head — Реймская голова) - мыс расположенный к юго-западу от деревеньки Рэйм на южной оконечности полуострова Корнуолл. Этот прибрежный мыс вдаётся в океан, и если смотреть на него сверху и вправду напоминает голову тонкой шеей соединённую с туловищем полуострова. Райм Хэд известен среди моряков и рыбаков, отправляющихся из Плимута через залив Плимут Саунд. Как правило, этот мыс — последний клочок суши, который они видят, покидая Англию, и первый который встречает их, когда они возвращаются домой.

Кильватер - след, остающийся позади движущегося судна.

Долина реки Лючина (Lutschin). Лючина — левый приток реки Аар. Впадает в Бриенцкое озеро. Течет по долине Лаутербруннен.

Шильтхорн (нем. Schilthorn) — гора в Берских Альпах, высота 2973 метра. На вершине этой горы снимался один из фильмов про агента 007 Джеймса Бонда.

Шварцхорн (нем. Schwarzhorn) — высота 2928 метров. Веттерхорн (нем. Wetterhorn) — высота 3692 метра. Между вершинами раскинулся горный перевал Гроссе-Шайдег, соединяющий деревни Гриндельвальд (долина реки Черная Лючина, нем. Schwarzen Lutschine) и Майринген.

Рейхенбахский водопад (нем. Reichenbach Falle) — водопад высотой около 250 метров поблизости от Майрингена (Швейцария). Один из самых мощных и высоких водопадов Альп, состоит из нескольких каскадов. Именно здесь Шерлок Холмс «погиб» в схватке с главой Лондонского преступного мира профессором Мориарти.

Бриенц (нем. Brienzen) — коммуна в Швейцарии, в кантоне Берн.

Обберид-ам-Бринцерзее (нем. Oberried am Brienzersee) — коммуна в Швейцарии, в кантоне Берн. Входит в состав округа Интерлакен.

Пики Хогант (нем. Hohgant) и Геммен-Альп (нем. Gemmen-Alp, Gemmenalp).

Как приходской *священник*(лат. ex cathedra) — вещать с трибуны.

Катетер - полая трубка с затупленным концом для исследования внутренних полостей организма, в том числе артериальный и венозный катетер. Здесь игра слов *ex cathedra* - *ex catheter*.

Abbey Churchyard Lane — улочка аббатского двора.

Le Havre - Гавр - город и порт на севере Франции, на побережье Ла-Манша.

Frankenstein — Франкенштейн. Случайно или нет имя созвучно с фамилией Франкиш? Майкл Франкиш с камнем.

Junket - сладкий творог с мускатным орехом и сливками; пирушка.

Serpentine Lake — Серпантин (буквально змеевидное) - узкое искусственное озеро в Гайд-Парке.

Доппельгангер (нем. Doppelgänger) — призрачный, демонический двойник человека, антитеза ангелу-хранителю. Он не отбрасывает тени и не отражается в зеркале.

Часто появление двойника — предвестник скорой гибели оригинала.

Писатели часто обращались в своем творчестве к теме двойников. В сказке Ганса Христиана Андерсена тень отделяется от человека, обретает материальную сущность и заменяет хозяина, лишая его чувства воли и собственного достоинства и, в конце концов, обрекает его на смерть.

Часто обращается к теме двойников и Пауэрс: романы «Ужин во Дворце Извращений», «Врата Анубиса», «Гнет ее заботы».

Возмущение ислама, песнь десятая.

Интерлюдия — междудействие, промежуточный эпизод, связывающий различные части произведения.

Пифия - жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах, в Древней Греции.

San Pietro di Castello — Башня Святого Петра (итальянский).

Madonna dell' Orto — Сад Мадонны (итальянский).

Лидо (итал. Lido) — цепочка песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики. Главный остров архипелага — Лидо.

Гранд-канал или Большой канал (итал. Canal Grande, англ. Grand Canal) — самый известный канал Венеции, при этом каналом в строгом понимании не является: это не искусственно прорытое сооружение, а бывшая мелкая протока между островами лагуны, одним из которых является Риальто. Канал проходит через весь город. Набережных у канала практически нет, их заменяют фасады домов, выходящих на канал. Эти дома, как правило, построены на сваях, при этом имеют два выхода — на сушу и на воду.

Mazzes — палицы (итальянский).

Rialto — Риальто - мост в коммерческом районе средневековой Венеции (итальянский).

Palazzo Mocenigo — Палаццо Мочениго.

Гондола управляется с помощью одного длинного весла, которое является так же рулем.

Dandy — денди, франт, щёголь (английский).

Grazie (грации) — спасибо (итальянский).

Della Guidessa — канал делла Джудекка. Разделяет Венецию и самый широкий и ближайший к Венеции остров Джудекка.

Собор Санта Мария делла Салюте (итал. Basilica di Santa Maria della Salute). Построен(а) в честь избавления от чумы 1630-1631 годов.

Пьяцетта (Piazzetta) — буквально «маленькая площадь».

Дворец Дожей (итал. Palazzo Ducale, англ. Ducal Palace).

Piazza - пѣцца, - площадь, (рыночная площадь) (итальянский).

Basilica — базилика - средневековый христианский храм, обычно в форме креста.

Либрерия Веккья, Библиотека Марчиана, национальная библиотека св. Марка (итал. *Libreria Vecchia*, *Biblioteca Marciana*, *Biblioteca di san Marco*...) — крупнейшая библиотека Венеции.

Существует множество различных азартных игр с монетами, например орлянка, которая сбила с истинного пути благовоспитанного мальчика Бэна Гана. Описываемая игра называется «пристенок» и была в свое время чрезвычайно популярна в Италии, а так же ряде других стран включая «Россию».

Горгона Медуза (греч. Медуса — «стражник, защитница, повелительница») — одна из трех сестер Горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Ее взгляд обращал человека в камень.

Экзорцизм — изгнание нечистой силы.

Для кальвинизма характерна доктрина об абсолютном предопределении; человек не может изменить волю Бога, но должен быть уверен в собственной "богоизбранности" и доказательством этого является успех профессиональной деятельности; большое значение придавалось мирскому аскетизму, интенсивному труду и накоплению богатства, что послужило моральным оправданием зарождающемуся капитализму.

Not only check on things, but also check them - не только устанавливают положение вещей, но и устанавливают его.

Дож — титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков, с VIII по XVIII века. Первым дожем стал Пауло Лучио Анафесто.

Себастьяно Дзиани (Sebastiano Ziani) — (приблизительно 1100 — 1178) — 39-й венецианский дож.

Onesta grazia — подобающая благодарность (итальянский).

Дворец Дожей (итал. Palazzo Ducale, англ. Ducal Palace).

Barattiere - барышник, мошенник (итальянский).

С этими колоннами у итальянцев с «незапамятных» времен связано одно предание-суеверие. Оно гласит, что с человеком, прошедшим между этих двух колонн, непременно случится несчастье.

Status quo — статус кво — существующее положение вещей (латинский).

Фатализм - вера в неотвратимость судьбы. Представление о предопределенности событий в мире; в отличие от детерминизма предполагается, что человек не может повлиять на эту предопределенность.

Эсте (Este) — город на юге Венето, у подножия Эвганейских холмов, в провинции Падуя. Миланский маркграф Аццо II д'Эсте в X веке выстроил здесь свой замок. Позднее новые владельцы города выстроили на руинах древнего замка новый.

Ро — По — река в северной Италии. Самая длинная река в Италии, берущая начало в Котских Альпах близ границы с Францией и впадающая в 668 километрах к востоку в Адриатическое море.

Magus Zoroaster — Кудесник Зороастр.

Macbeth: «If it were done when 'tis done, then 'twere well It were done quickly». Макбет: «О если б только был конец концом. Все кончить мы тогда могли бы разом». (В. Шекспир, «Макбет», акт I, сцена 7).

Гамбит - продуманный шаг; хорошо спланированный ход.

Палаццо делла Раджione (итал. Palazzo della Ragione) — зал заседаний городского суда Падуи в эпоху средневековых городских общин, остающийся одним из самых больших залов Европы (87 м. длины, 27 м. ширины, 24 м. высоты) с крышей, не поддерживаемой колоннами. Дворец располагается посреди падуанского рынка, разделяя его на Пьяцца дель Эрбе и Пьяцца делла Фрутта.

Эразмо да Нарни (итал. Erasmo da Narni; 1370-1443) по прозвищу Гаттамелата (итал. Gattamelata) — итальянский кондотьер (предводитель наемного отряда). Стал правителем Падуи в 1437 году. В Падуе установлена знаменитая конная статуя Гаттамелаты, созданная Донателло.

Фузина (итал. Fusina) — город неподалеку от Венеции. Оттуда направляются лодки с туристами в Венецию.

Warehouse — панкгауз — товарный склад (bonded warehouse — таможенный склад для хранения не оплаченных пошлиной товаров).

Дискос - плоская тарелка, обыкновенно серебряная, для хлеба в обряде причащения.

Rio di Ca' Foscari — канал Рио ди Ка’ Фоскари.

Перевозчик — перевозчик Харон, доставляющий людей в загробное царство через реку Стикс.

Spectaculos di marionettes — уличный театр (спектакль) марионеток (итальянский).

Firepot — дословно огненный горшок; зажигательный снаряд (горючий состав в глиняной оболочке).

Академия изящных искусств (итал. Accademia di Belle Arti). Располагалась на южном берегу Большого Канала.

Fondamenta — фундамента - тротуары вдоль каналов (в Венеции).

Площадь Сан-Марко (итал. Piazza San Marco), или площадь Святого Марка — главная площадь Венеции. Состоит из Пьяцетты — площадки от Гранд-Канала до колокольни базилики Святого Марка и непосредственно Пьяцца (площади). В конце тринадцатого века площадь была вымощена кирпичом «в елочку». Ее называют также сердцем Венеции.

Дворец Дожей (итал. Palazzo Ducale, англ. Ducal Palace).

Feuer — огонь (немецкий).

Basilica — базилика - средневековый христианский храм, обычно в форме креста.

Das Auge! Komm hier! Schnell! — Око! Тащите его сюда! Живее! (немецкий).

Базилика Сан-Витале (итал. Basilica di San Vitale) — раннехристианская базилика в Равенне, важнейший памятник Византийского искусства в Западной Европе. Базилика была заложена в 527 году равеннским епископом Экклесием. Храм был освящен в честь раннехристианского мученика святого Виталия Миланского. Базилика знаменита совершенством своих мозаик.

Последнее письмо Джона Китса к Чарльзу Брауну, 30 Ноября 1820. Джордж — живой и тому времени брат Китса. Том — брат Китса, умерший несколькими годами ранее.

Piazza di Spagna — Пьяцца ди Спанья — площадь Испании — была названа по имени дворца Испании, или Палаццо Спанья (1622), бывшего резиденцией испанского посла в Риме.

Пинчо (итал. Pincio, лат. Pincins, англ. Pincian Hill) — римский холм. С холма, который долгое время служил центром французской общины Рима, открывается вид на Марсово поле. С вершины устроены два монументальных спуска, один из которых ведет с площадки Наполеона на пьядца дель Пополо, а второй еще более пышный, именуемый Испанской лестницей — от французской церкви Тринита Дей Монти к площади Испании.

Trinita dei Monte - Тринита дей Монти — церковь на вершине Испанской лестницы, неподалеку от площади Испании. Построена в 1502 — 1585 годах для короля Франции Людовика XII. В комплекс храма входят две парные кампаниллы. Кампанила (в итал. архитектуре Средних веков и эпохи Возрождения стоящая отдельно от храма колокольня в виде четырёхгранной, реже круглой, башни).

Фонтан Баркачча, баркас, лодочка (Fontana della Barcaccia) — фонтан на площади Испании выполненный Пьетро Бернини, отцом знаменитого скульптора и архитектора Джованни Лоренцо Бернини. Название фонтан получил благодаря своей форме полузатопленной лодки и установлен в память о случившемся в 1598 году наводнении, когда на затопленной площади села на мель лодка.

Кукуруза; маис (англ. maize).

Hospital of Santo Spirito — Больница Святого Духа (итальянский).

Tiber - Тибр (река в Италии).

Dome of St. Peter's - здание Святого Петра.

Castel Sant'Angelo — Крепость Сан'Анжело.

Площадь Навона (итал. Piazza Navona, англ. Navona Square) — римская площадь в форме вытянутого с юга на север прямоугольника. На площади находятся три фонтана: фонтан Мавра, фонтан Нептуна и фонтан четырех рек в центре.

Ponte Sant'Angelo - Мост Сан'Анжело.

Franz Joseph Haydn — (1732 - 1809) австрийский композитор, представитель венской классической школы.

Si? Cosa vuole? — Да? Чем могу помочь? (итальянский).

Джозеф Северн — английский художник, близкий друг Джона Китса. Нарисовал несколько известных портретов поэта.

Phthisis — чахотка (медицинский термин).

Гномон - столбик-указатель солнечных часов.

Trattoria — траттория - итальянский ресторан.

Фани Браун. Про Китса и Фани Браун есть довольно неплохой художественный фильм «Яркая звезда» (BBC). Ну и, пользуясь случаем, еще два фильма в тему книги: «Байрон» (BBC) и «Грести по ветру».

Живое серебро, растворенное в едких минеральных спиртах (англ. quicksilver dissolved in acid mineral spirits — Encyclopedia Britannica). Живым серебром средневековые алхимики называли жидкий металл ртуть.

Tabula rosa — чистая доска, на которой можно написать все, что угодно (латинский).

St. Paul's Home - Приют Святого Павла.

Via Palestro - Виа Палестро — улица Палестро (итальянский).

Via Montebello — Виа Монтебелло — улица Монтебелло (итальянский).

C'e una donna ferita qui dentro — forse marta — aiutatemi srotolare! — Внутри раненая женщина — а может быть и мертвая - помогите развернуть! (итальянский).

Арабеска - музыкальная пьеса с причудливым мелодическим рисунком.

Европейское название орнамента, сложившегося в искусстве мусульманских стран. Построена по принципу бесконечного развития и ритмического повтора геометрических, растительных или животных мотивов, что создает впечатление насыщенного прихотливого узора.

Морей (Moray) — область на северо-востоке Шотландии. Северные районы области выходят на скалистое побережье залива Морей-Ферт (Moray Firth).

Церковь Святого Сильвестро (Church of San Silvestro), Сан-Сильвестро-ин-Капите — титулярная базилика в Риме. Церковь была построена на руинах античного храма Солнца в VIII веке. Название «Капите» происходит от латинского *Capite* — «голова»: по хранящейся в храме реликвии — голова Иоанна Крестителя.

Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча (John the Baptist) — предшественник Иисуса Христа предсказавший пришествие мессии. Жил в пустыне аскетом, затем проповедовал крещение, крестил в водах Иордана Иисуса Христа. Иоанн Креститель был обезглавлен царем Иродом. Из мощей святого в настоящий момент сохраняется его десница (правая рука, которой был крещен Иисус Христос) и голова. В католицизме местом хранения головы считается римская церковь Сан-Сильвестро-ин-Капите.

Haruspication — гаруспикация - гадание по внутренностям жертвенных животных. Гаруспикация свойственна преимущественно малайцам, полинезийцам и различным азиатским племенам. Имеется упоминание о ее применении в Перу при инках. Гадает по внутренностям, как правило, колдун или шаман. В Европе гаруспикация широко применялась у Этрусков, у которых это искусство переняли Римляне.

Fabriano — Фабриано — город в центре Италии, административный центр провинции Анкона, региона Марке. Город со всех сторон окружен Апеннинами.

Firenze — Фирензе — итальянское название города Флоренция.

Via di Marforio - Виа ди Марфорио — улица Марфорио (итальянский).

Римский форум (лат. Forum Romanum, англ. Roman Forum) - площадь в центре древнего Рима вместе с прилегающими зданиями. Первоначально на ней располагался рынок, позже она включила в себя комиций (место народных собраний) и курию (место заседаний Сената). Форум служил центром общественной жизни. Из повседневного общения людей эволюционировало общение тематическое.

Триумфальная арка Септимия Севера (итал. Arco di Settimo Severo, англ. The Arch of Septimius Severus) — трехпролетная арка, расположенная в северной части Римского форума на древней священной дороге (Via Sacra). Построена в 205 году н.э. в честь побед императора Септимия Севера и его сыновей над Парфией.

Confirmation — конфирмация, миропомазание - обряд приобщения подростков к церкви.

Baptism — баптизм, крещение.

Пиза - итальянский город в регионе Тоскана.

Арно - река в Италии в регионе Тоскана.

Старбон - греческий историк и географ. Автор «Истории» (не сохранилась) и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 книгах, которая служит лучшим источником для изучения географии древнего мира.

Маремма (итал. Maremma, происходит от итальянского “marittima”, что означает “морская”, “расположенная на море”) — историческая область в регионе Тоскана, полоса низменных, ранее заболоченных участков на западном побережье Апеннинского полуострова. Тянется с перерывами от устья реки Арно до Неаполитанского залива. Общая площадь 5 тыс. кв. км.

Salt marsh — солончак, солончаковое болото; низина, затопляемая морской водой.

Лунг'Арно, Лунгарно, Лонгарно (итал. Lung'Arno, от lungo — вдоль) — набережная реки Арно во Флоренции. Через реку перекинуто 10 мостов, среди которых выделяется Ponte Vecchio — Понте Веккьо (Старый мост).

Скиф — ялик, небольшая плоскодонная гребная лодка.

Тре Палаццо, Тре Палацци (итал. Tre Palazzo di Chiesa, Tre Palazzi) — Шелли и Мэри занимали апартаменты на верхнем этаже Тре палаццо ди Чиеза, окна которого выходили на реку Арно, прямо напротив дворца Ланфранки.

Палаццо Ланфранки (итал. Palazzo Lanfranchi).

Ла-Специя, Ла-Спеzia (итал. La Spezia). Специя - город на побережье Лигурийского моря в итальянском регионе Лигурия на севере Италии. Когда в 1797 году Наполеон Бонапарт вошел в Лигурию и захватил Специю, на месте которой тогда была рыбацкая деревенька в 3 тысячи жителей, он не смог сдержать восхищения: "Это красивейшая гавань в мире с рейдом, защищенном лучше, чем в Тулоне. Ни с суши, ни с моря к гавани не подступиться".

Монтенеро-Сабино (итал. Montenero, Montenero-Sabino)— коммуна в Италии, в регионе Лацио, подчиняется административному центру Риети.

Карбонарии (итал. carbonaro) — члены тайного, строго законспирированного общества в Италии в 1807—1832 гг. Карбонарий по-итальянски означает «угольщик». Это название связано с тем, что в обществе карбонариев наряду с другими обрядами существовал ритуал сожжения древесного угля, символизировавший духовное очищение членов общества.

Тоскана - область в Центральной Италии.

Bagnacavallo — женский монастырь Баньякавалло.

Меч-трава (англ. Saw-grass) — род травянистых растений семейства Осоковые. Боковые ткани листа заострены и легко повреждают кожу человека. Из-за этого и многочисленные названия растений этого вида: меч-трава, трава-пила и т.п.

Полкроны - монета достоинством в 2 шиллинга 6 пенсов, имевшая хождение в Великобритании до 1970.

Portico — портик - открытая галерея.

Сан Теренцо (San Terenzo) — коммуна, относящаяся к Лериче, в провинции Специя.

Casa Magni — Каза Магни — Большой (великий) Дом (итальянский); Casanova — Новый Дом.

Портовенере (Portovenere) — деревушка в итальянском регионе Лигурия, в провинции Специя. Располагается в Лигурийском заливе. С одной стороны защищена скалистыми горами. В древнеримские времена на скалистом мысу, где сейчас высится церковь Святого Петра, располагался храм посвященный богине Венере (Portus Venerius).

Sciaccheta — Щакетра - десертное итальянское вино.

Гафель (полурей; половинчатый рей) — наклонное рангоутное дерево, поднимаемое по мачте и упирающееся в нее пяткой. Служит для крепления топселей и т.п.

Топсель (topsail) (верхний парус) — косой треугольный или трапециевидный парус, поднимаемый в слабый ветер над основными парусами.

Кливер — косой треугольный парус, прикрепленный к снасти, идущей от мачты к концу бушприта.

Бушприт — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед носа парусного корабля. Предназначен для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность судна.

Румпель — специальный рычаг для управления рулем (поворота руля), закрепленный в головной части баллера руля.

Мановар (man-o'-war, man-of-war) — военный морской парусный корабль. Часто так называли наиболее крупные из линейных кораблей. Орудия у них располагались в 3 ряда вдоль бортов, на специальных орудийных палубах. До появления более маневренных линейных кораблей такие суда строились по подобию галеонов. Они имели водоизмещение до 5000 тонн и несли до 120 орудий. Толщина деревянной обшивки таких судов иногда достигала целого метра, так что от нее по временам даже отскакивали пушечные ядра.

Lerici — Лериче — коммуна в Италии, в регионе Лигурия, подчиняется административному центру Ла Специя.

Trenette noodles — лапша тренетте — длинные плоские макароны. По-итальянски макаронные изделия называются паста (итал. Pasta), но в русском языке это слово имеет другое значение. Русский термин макароны происходит от итальянского названия трубчатой пасты (maccheroni).

Контрапункт — одновременное сочетание двух и более мелодических голосов. Примером может служить звук, контрастирующий в кино с изображением. Например, военный парад, сопровождаемый комичным цирковым маршем.

Танин - горькое, вяжущее вещество, содержится в чае.

Окалины сурьмы (англ. calx of antimony).

В оригинале многогранное слово ирландских корней Bollix.

The expense of spirit in a waste of shame — растрата духа в пустыне стыда. Шекспир, сонет 129.

Канун Иоанна Крестителя, Канун Иоанна Предтечи (англ. Feast of St. John). Вечер 21 июня, Канун рождества Иоанна Крестителя. На основе евангельского свидетельства о 6-и месячной разнице в возрасте между Иоанном и Христом церковный праздник рождества Иоанна оказался близок к летнему солнцестоянию 20-21 июня (Рождество Христово близко к зимнему). Таким образом, под знаком Христа солнце начинает прибывать, а под знаком Иоанна - умягаться. Согласно словам самого Иоанна «ему должно расти, а мне умягаться». У восточных и западных славян празднование летнего солнцестояния с принятием христианства превратилось в праздник Иван Купала, Иванов день.

Сан Теренцо (итал. San Terenzo) — коммуна относящаяся к Лериче, в провинции Специя.

Секстант (в морском деле секстан) — навигационный измерительный инструмент, используемый для измерения высоты светила над горизонтом с целью определения географических координат той местности, в которой производится измерение. Секстант был изобретен в 1730 году (принципы работы были открыты ранее Ньютоном), после чего вытеснил астролябию как главный навигационный инструмент.

Ньютоново исчисление — вероятно имеется в виду интегральное и дифференциальное исчисление придуманное Ньютоном одновременно с Г. Лейбницем (немного раньше).

Vitro (vitrum) — стекло. in vitro — в пробирке (искусственный) (латинский).

Галс — курс корабля относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый галсы. Также галсом называют отрезок пути, который проходит судно от одного поворота до другого при лавировании.

Montenero (Montenero-Sabino) — Монтенеро-Сабино — коммуна в Италии, в регионе Лацио, подчиняется административному центру Риети.

Villa Dupuy — Вилла Дюпюи.

Нон сиквитэ (лат. non sequitur — буквально "из этого не следует") - неочевидное высказывание. Предположение или вывод, которое не следует из общеизвестного или установленного ранее.

They have to be bidden before you can get bitten - Их нужно прежде пригласить, чтоб вас они могли кусить.

Si, tesora, ti piglio dal freddo — Да, сокровище мое, ты выглядишь просто леденяще (итальянский).

Пасторальный (bucolic) — сельский. Пасторальная (буколическая) поэзия — зарисовки на сельские темы: овечки, пастушки и т.п.

Siliconari — Силиконарии (по аналогии с Carbonari - Карбонарии) (итальянский).

Silex, silicis, silici — кремний, кремния, кремнем (латинский).

Old Hapsburg castle — старинный замок Габсбург. Замок расположен в кантоне Аргау, в Швейцарии, недалеко от реки Аре. Был построен в 1020 — 1030 гг. графом Радботом (нем. Radbot). Граф Радбот по имени его замка стал называться графом Габсбургом. Он стал прародителем династии Габсбургов, которая спустя несколько веков стала одним из ведущих монархических родов Европы. Сам замок, однако, был потерян Габсбургами в начале XV века.

Аар - Аре — река в Швейцарии, левый приток Рейна.

Христос из старых богов. Своего рода искусственный спаситель-наоборот. Возможно намек на непорочное зачатие Христа. Христос явился, чтобы принести людям Новый завет. Вернер «непорочно» зачал древнюю жизнь, чтобы принести Ветхий, кровавый завет и вернуть людям утраченных древних жестоких богов.

Дворец Дожей (итал. Palazzo Ducale, англ. Doge's Palace) в Венеции — памятник итальянской готической архитектуры (XIV — XV веков). Это главное здание Венеции было прежде всего резиденцией дожей республики. Во дворце заседали Большой совет и сенат, работал Верховный суд, и вершила свои дела тайная полиция. Надстроенный сверху балкон служил своего рода праздничной трибуной, с которой дож являл себя народу.

Piazza San Marco - Пьяцца Сан Марко.

Гранд-канал или Большой канал (итал. Canal Grande, англ. Grand Canal) — самый известный канал Венеции, при этом каналом в строгом понимании не является: это не искусственно прорытое сооружение, а бывшая мелкая протока между островами лагуны, одним из которых является Риальто. Канал проходит через весь город. Набережных у канала практически нет, их заменяют фасады домов, выходящих на канал. Эти дома, как правило, построены на сваях, при этом имеют два выхода — на сушу и на воду.

She looks to every one like his first love- В ней каждый видит первую любовь. Речь идет о Медузе, которая в глазах увидевшего ее человека принимает облик его возлюбленной(го). Фауст видит в ней юную Гретхен, которую он сначала соблазнил, а затем бросил.

A sphere, which is as many thousand spheres — Сфера, что словно многие тысячи сфер.
Перси Шелли, Освобоженный Прометей, 4-й Акт.

Spars — реи. Рея — горизонтальное рангоутное дерево подвешенное к мачте за середину. Предназначена для постановки прямых парусов, крепления сигнальных флагов и т.д. В горизонтальной плоскости рея может поворачиваться с помощью брасов.

Alum — квасцы — Алюминокалиевые квасцы. С давних пор используются при изготовлении тканей, а также для дубления кожи. $\text{KAl}(\text{SO}_4)_2 \cdot 12 \text{H}_2\text{O}$. Двойная соль, кристаллогидрат сульфата калия и трехвалентного алюминия.

Перси Биши Шелли, Озимандия.

Mount La Querciolaia — гора Кверчолайя.

Globe Hotel — отель Глоуб — отель Глобус.

Альберго (итал. albergo) — гостиница.

Минестроне - густой овощной суп.

Симбионты - организмы разных биологических видов, находящиеся в отношениях симбиоза. Симбиоз - сожительство двух организмов разных видов, обычно приносящее им взаимную пользу.

Нанка - вид хлопчатобумажной ткани, жёлто-коричневого или желтоватого цвета, изготавливаемой в Китае. Нанковые брюки.

Персей сразил Медузу Горгону, отрубив ее голову. Горгона - в греческой мифологии - любая из трёх крылатых женщин-чудовищ со змеями вместо волос, чей взгляд превращал всё живое в камень. Единственная смертная из них - Медуза Горгона.

The tempestuous loveliness of terror - неудержимое очарование ужаса.

Screw your courage to the sticking point — ближе к тексту, поднажми своим мужеством на этот камень преткновенья. Немного измененная фраза Леди Макбет из одноименной трагедии Шекспира: But screw your courage to the sticking-place — Но натяни решимость на колки. Колки - металлические или деревянные стержни для натяжения струн музыкального инструмента. Можно также сказать собери свою волю в кулак.

Фелюга, фелюка, фелука — судно с двумя мачтами, наклонёнными к носу, с латинскими парусами и вёслами. Предназначалось в основном для каперства.

Фал (нидерл. val (от vallen — падать, спускать)) — снасть, предназначенная для подъема и спуска парусов, отдельных деталей рангоута (например, реев), флагов и т.п. В качестве фалов используют тросы, так как они испытывают большую нагрузку при работе.

Перси Биши Шелли, Азиола. Стихотворение *проночную совку*, чей жалобный крик Перси сначала принимает за крики женщины.

Серкио (итал. Serchio) - река в Италии. Третья по длине река на территории Тосканы. Берет начало на вершине Силлано на высоте свыше 1500 м. Впадает в Лигурийское море.

Viareggio — Виареджо — город на Тосканском побережье Лигурийского моря.

Quicklime - Негашёная известь (CaO — оксид кальция). Реакция гашения извести водой протекает бурно с большим выделением тепла, превращающим воду в пар.

Ханаду, Ксанаду (Shandu, Шанду — буквально «верхняя столица») — исторический город, в XIII веке летняя столица Хубилай-хана, императора — основателя династии Юань. Благодаря описанию Марко Поло город стал символом богатства и роскоши. В литературу город вошел под именем «Ксанаду» в стихотворении С.Т Кольриджа «Кубла-хан». Ксанаду - райская долина (в поэме С. Кольриджа "Кубла Хан").

Through taverns measureless to man, down to a sunless sea. В оригинале «Through caverns measureless to man, down to a sunless sea» - Через безбрежные пещеры к человеку, в безжизненный впадая океан.

Граппа (итал. grappa) — виноградная водка. Виноградный алкогольный напиток крепкостью от 40% до 50%. Изготавливается путем перегонки виноградных отжимок, то есть, остатков винограда (включая стебли и косточки) после его отжимки в процессе изготовления вина. Вкус граппа, как и вкус вина, зависит от сорта и качества использованного винограда.

Полента (итал. polenta) - каша из ячменя или кукурузной муки, или из каштанов.

Олоросо (исп. Oloroso) - очень сухая разновидность хереса, тяжелое и богатое вино крепостью до 18 - 20 градусов, оно имеет очень темный янтарный цвет (или цвет красного дерева), поскольку его созревание происходит без дрожжевой пленки (благодаря чему оно сильнее окисляется), это вино обладает сильным ароматом грецкого ореха, карамели и дуба, прекрасно сочетается с красным мясом, дичью, сырами.

Nefando - мерзкий, гнусный, гадкий, запретный, нечестивый. Нефандос (итал. nefandos) таким образом можно перевести как что-то вроде «мерзкие извращенцы». Очевидно, слово имеет то же корень, что и нефф (neff).

Примерно 33 килограмма.

Practice run — контрольный (пробный) забег. Я хотел было написать «пробежкой для разогрева», но потом подумал, что Байрон все же был не настолько циничен.

Шлюп - небольшое парусное судно.

Si, metti anche lui nellafornache — Да, положите его тоже в печь (итальянский).

Крестное знамение - в христианстве - жест правой руки, изображающий крест на теле верующего, либо жест благословения кого-либо или чего-либо.

Шпангоут - поперечное ребро жесткости бортовой обшивки судна (между днищем и палубой).

Детерминизм - философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений.

It not only checks on things, it checks them — не только удерживается на событиях будущего, но также и удерживает их.

Lord Grey de Ruthyn — Лорд Грэй де Рутин.

Экзорцизм - изгнание нечистой силы.

В оригинале восьми-строчными строфами. Строфа — своего рода предложение в ритмическом строении текста; организованное сочетание строк, закономерно повторяющееся на протяжении стихотворного произведения. Строки объединяются в строфы периодически повторяющимися признаками: количество строк в строфе, ритмическое строение и рифмовка. Дон Жуан Байрона написан с использованием октавы. Октава (от лат. *octo* - восемь) — строфа из восьми строк с твердой схемой рифмовки «abababss». Октава развилась из популярной у итальянских поэтов XIII века «сицилианы». Сицилианское восьмистишие со схемой рифмовки «abababab» было генетически связано с народными песнями. Октава с ее книжным звучанием постепенно вытеснила сицилиану. Она достигла расцвета в поэзии Джованни Бокаччо и стала традиционной строфой стихотворного эпоса итальянского и испанского Возрождения. Байрон существенно обновил старую форму октавы. Он предельно обнажил двухчастность строфы (6+2): пара заключительных строк служила, как правило, ироничным комментарием к тому, о чем сообщали предыдущие шесть строк. Также как и «спенсерова» строка «Чайлд Гарольда», октава в «Дон Жуане» заканчивается двухстишием, афористически формулирующем основную мысль.

Кокни - представитель рабочих слоёв населения Лондона; лондонец из низов. Cocksney dialect - английский язык, на котором разговаривают рабочие слои Лондона; жаргон лондонских кокни.

Cured ham — итальянская ветчина, заготавливается путем высушивания и обычно подается на стол очень тонкими ломтиками.

O say, thou best and brightest. Испанская песня английского поэта-песенника Томаса Мура, друга Джорджа Байрона.

Buon-giorno — доброе утро (итальянский).

Тринити-Колледж - колледж Оксфордского университета, основан в 1554.

Bleed it out - кровоточить еѹ. Bleed — означает кровоточить, истекать кровью, но также печатать страницы без полей. На ум приходит фраза «сердце обливается кровью». Байрон будет кровоточить поэзией, вместо того, чтобы расточать свою кровь вампиру.

Вара (итал. Vara) — река в провинции Специя в Лигурии. Впадает в реку Магра. Длина 58 км.

Каррара, Carrara (по-кельтски каменоломня) — город в Итальянской провинции Масса-Каррара. Расположен в Апуанских Альпах (принадлежит региону Тоскана) в 100 км к северо-западу от Флоренции, в 6 км от берега Лигурийского моря. Город знаменит залежами белого мрамора, добываемого в расположенных в его окрестностях каменоломнях. Каррарский мрамор известен еще с античных времен (Римский Патеон сложен из мрамора Каррары). Ряд известных скульптур времен возрождения, в частности «Давид» Микеланджело, также выполнены из каррарского мрамора.

Дарданеллы или Геллеспонт (Ellnopontos, Hellespontus, Море Геллы - древнегреческое название) — пролив между европейским полуостровом Галлиополи (Турция) и северо-западом Малой Азии. Пролив соединяет Эгейское море с Мраморным морем.

From Sestos to Abydos. В самом узком месте пролива Геллеспонт (примерно миля) на противоположных берегах стоят города Сестос и Абидос. С этим местом связана древняя легенда. Леандр — юноша из Абидоса страстно полюбил Геро, жрицу Афродиты, жившую в Сестосе. Каждую ночь Геро ждала, когда он переплывет пролив и, чтобы ему было видно путь, зажигала огонь на башне. Однажды огонь погас, и Леандр не смог доплыть до берега. Утром его прибило к ногам Геро. Геро в отчаянии бросилась с башни в море. Байрон как истинный герой-любовник повторил подвиг Леандра и переплыл пролив из Сестоса в Абидос (на самом деле со второй попытки, из Абидоса в Сестос) за 1 час 5 минут, на 5 минут опередив моряка (лейтенанта Экенхеда) с которым вместе совершил заплыв. Этому заплыву Байрон посвятил стихотворение, в котором не в свою пользу сравнивает свой «подвиг» с подвигом Леандра.

По (Po) — река в северной Италии. Самая длинная река в Италии, берущая начало в Котских Альпах близ границы с Францией и впадающая в 668 километрах к востоку в Адриатическое море.

Козлы, - скамейка, сиденье кучера впереди кареты.

Михайлов день (Michaelmas) - День Архангела Михаила (празднуется католической церковью 29 сентября, православной - 21 ноября).

Магра (итал. Magra) — река на севере Италии. Длина 62 км. Впадает в Лигурийское море. Важнейший приток - река Вара, впадающая в Магру на территории коммуны Сан-Стефано-ди-Магра.

Аула (итал. Aulla) — деревня в регионе Тоскана. Покровителем является Сан Капрасио (San Caprasio) (как-то подозрительно похоже на Corposanto, Capra Saltante).

Перевал Циза (англ. The Cisa Pass, итал. Passo della Cisa) — горный перевал в Италии который отмечает границу между Северной Тосканой (провинция Масса-Коррара) и Эмилия-Романьей (провинция Парма), поблизости от истоков реки Магра.

Тоскана - область в Центральной Италии.

Эмилия-Романья (итал. Emilia-Romagna) — регион в Северной Италии. Простирается от Адриатического моря на востоке через Апеннины, не доходя до Тирренского моря на западе. Состоит из двух исторических частей Эмили (северо-запад, земли вдоль Эмилиевой дороги) и Романьи (юго-восток).

Прометей - в греческой мифологии титан, похитивший огонь у богов Олимпа и передавший его людям. За это по приказу Зевса он был прикован к скале и обречен на постоянные муки: каждый день прилетал орел и расклевывал его печень, которая за ночь отрастала снова. Освободил Прометея и убил орла Геракл. Образ Прометея получил отражение в литературе (Эсхил, П. Б. Шелли и др.)

Balder (Бальдер, Бальдр, Бальдур) — в скандинавской мифологии сын верховного бога Одина и матери богов Фригг. Один из богов-асов, юный и прекрасный бог весны. Бальдер — самый светлый среди асов, с его приходом на земле пробуждается жизнь и все становится краше. Он живет в Асгарде, в чертоге Брейдаблик, где не допускаются дурные поступки. Согласно мифу юному Бальдеру стали сниться зловещие сны, предвещавшие его смерть. Боги с помощью провидицы узнали, что Бальдер умрет от руки слепого бога Хёдура (Hödur · Хёдур, Хёд). Фригг взяла клятву со всех вещей и существ, что они не повредят ее сыну, забыв попросить об этом лишь слабую ветвь омелы, подобно тому, как мать Ахиллеса забыла пяту своего сына. Однажды, когда боги забавлялись стрельбой в ставшего неуязвимым Бальдера, злокозненный Локки (выведавший хитростью у Фригг, что омела клятвы не давала) подсунул прут из омелы слепому богу Хёдуру, и тот убил ею бога света с солнечным сердцем. Смерть Бальдера предшествовала гибели богов и всего мира. В обновленном мире Бальдер вновь оживает.

Осирис (Озирис) (лат. Osiris) — бог возрождения, царь загробного мира в древнеегипетской мифологии. Осирис был старшим сыном бога земли Геба и богини неба Нут, братом и мужем Исиды. Царствуя над Египтом, Осирис научил людей земледелию, садоводству и виноделию. Брат Осириса Сет, злобный бог пустыни, решил погубить Осириса, чтобы править вместо него. Сет изготовил по мерке старшего брата богато украшенный саркофаг. Устроив пир, Сет пригласил на него Осириса и объявил, что саркофаг будет подарен тому, кому придется впору. Когда Осирис по примеру других гостей улегся в него, Сет и его сообщники внезапно захлопнули крышку и залили ее свинцом. После этого они бросили саркофаг в воды Нила. Ящик вынесло в открытое море и принесло волнами к финикийскому берегу. Там его и нашла Исида. Вернувшись в Египет, Исида спрятала тело Осириса в дельте Нила. Здесь оно было случайно найдено охотившимся Сетом. Он разрубил тело на четырнадцать частей и разбросал их по всему Египту. Ра, сжалившись над оплакивающей своего мужа Исидой, послал шакалоголового бога Анубиса, который собрал разрубленные части Осириса, после чего забальзамировал и запеленал его тело. Фаллос Осириса так и не был найден. Исида вылепила его из глины и прирастила к собранному телу Осириса. Превратившись в соколицу — птицу Хат, Исида распласталась по мумии Осириса и зачала от него сына Гора. Возмужав Гор сразился с Сетом и дал мертвому Осирису проглотить свое волшебное Око, вырванное Сетом в начале битвы. Воскресший Осирис оставил трон Гору, а сам стал царствовать и вершить суд в загробном мире. Осирис в разные времена соединял в себе культ умирающего и воскресающего бога, Луны и загробного судьи на страшном судилище.

На Тайной Вечере Иисус Христос произносит следующие слова. Над хлебом: «Примите и вкушите от него все: ибо это есть Тело Мое, которое за вас будет предано». Над чашей: «Примите и пейте из нее все: ибо это есть чаша Крови Моей, Нового и Вечного завета, которая за вас и за многих прольется во отпущение грехов. Это совершайте в память обо мне». Во исполнение данного завета во время Божественной Литургии (Мессы) происходит освящение Даров — хлеба и вина, которые становятся Телом и Кровью Христа.

Променад — место для гуляния.

Джордж Крабб, Сэр Юстас Грэй.

Парма — второй по величине, после Болоньи, город Эмилия-Романьи.

Сильно похоже на «Блаженство» из сериала «Визитеры».

Эмилиева дорога (лат. *Via Emilia* — Виа Эмилия) — римская дорога построенная в 187 году до н.э. Дорога соединяет Пьячеццу и Римини и проходит через многие города, расположенные в итальянском регионе Эмилия-Романья (регион получил свое имя по названию этой дороги).

Пьяцца Гранде (итал. Piazza Grande — Большая площадь).

Ламбуско (итал. Lambrusco) — итальянское шипучее вино из области Эмилия-Романья. Бывает красным и розовым, сухим, полусухим и полусладким.

Дворец Коммуны (итал. Palazzo del Comune - Палаццо дель Коммуне).

Лира - денежная единица Италии.

Якоб Робусти (итал. Jacopo Robusti; 1519-1594) — живописец венецианской школы позднего Ренессанса. Свое прозвище Тинторетто он получил по профессии отца, который был красильщиком (tintorre). Около 1552 года художником была написана картина «Тайная вечеря» (итал. Ultima Cena). «Тайная вечеря» была написана Тинторетто специально для венецианской церкви Сан-Джорджо Маджоре, где картина пребывает и по сей день. Художник запечатлел в картине момент, когда Христос преломляет хлеб и произносит слова «Сие есть Тело Мое».

The Verrocchio Colleoni. Бартоломео Коллеоне — итальянский кондотьер (предводитель наемного отряда). В Венеции ему соорудили великолепную бронзовую конную статую на площади Сан-Джованни. Статуя создана итальянским скульптором и живописцем Андреа дель Верроккьо (Andrea del Verrocchio). Скульптур умер, не успев завершить скульптуру.

Ломбардия - область в Северной Италии.

Брешелло (итал. Bresccello) — деревня в Италии, в регионе Эмилия-Романья. Расположена в 80 км. северо-западнее Болоньи и в 25 км. на северо-запад от Реджо-Эмилия.

Si? — Да? (итальянский).

Пьемонт - област на северо-западе Италии.

Порто-Толле (итал. Porto Tolle) — коммуна в Италии, располагается в регионе Венето.

Шверцы, шверты (нем. Schwer - меч) — дощатые крылья (своего рода плавники) у малых судов, опускаемые с бортов для придания судну устойчивости в воде. При движении судна курсом, не совпадающим с направлением ветра, шверцы опускают, чтобы препятствовать сносу судна под ветер.

Ferrobrescia — Ferro breccia — железно-пролом (итальянский). Или по-русски железно-лом, против которого как известно ничто не устоит ;

Гафель (полурей; половинчатый рей) — наклонное рангоутное дерево, поднимаемое по мачте и упирающееся в нее пяткой. Служит для крепления топселей и т.п.

Inglese — англичанин (итальянский).

Пунта Маестра (Punta Maestra).

Транец - плоский срез кормы шлюпки, яхты или другого судна. На шлюпках - доска, образующая корму, к которой крепится наружная обшивка.

Лета - река забвения в подземном царстве. Испивший ее воды забывает, кем он был, и кто он есть, забывает все скорби, страдания, радости и наслаждения.

Горгоны (вероятно от греческого слова «грозный») — в древнегреческой мифологии — змееголовые чудища, дочери морского божества Форкия и его сестры Кето. Как гласит поздняя версия мифа, описанная Овидием в *Метаморфозах*, разгневанная Афина превратила Медузу и ее сестер в чудовищ после того, как Посейдон овладел Медузой в храме Афины. Медуза была смертной (ее убил Персей). Ее сестры, Эвриала и Сфено - бессмертные Горгоны имели тело, покрытое крепкой блестящей чешуей, разрубить которую мог только меч Гермеса, громадными медными руками с острыми когтями и крыльями с золотыми сверкающими перьями.

...and of itself the water flies... — в контексте поэмы «И сами по себе сбегает воды...»

Кампанила - в итальянской архитектуре Средних веков и эпохи Возрождения стоящая отдельно от храма колокольня в виде четырёхгранной, реже круглой, башни. На площади Сан-Марко возвышается кампанила — колокольня собора Святого Марка (итал. Campanile di San Marco). Башня имеет в высоту 98,6 метра. Сверху увенчана шпилем с флюгером в виде золотого ангела.

Нос гондолы традиционно украшает железное навершие «ферро» (итал. ferro — железо, поэтическое название оружия). В форме ферро присутствует шесть выступов, символизирующих шесть районов города.

Марши (англ. marshes - болота) - полоса низменных побережий морей, затопляемая в периоды высоких приливов и нагонов воды. Иногда располагается ниже уровня моря, отделяясь от него полосой дюн.

Собор Сан-Джорджо Маджоре (итал. San Giorgio Maggiore) — собор в Венеции на острове Сан-Джорджо Маджоре. Возведен в 1566 — 1610 годах. У собора имеются три нефа, в которых расположены 6 капелл. Неф (фр. nef, от лат. navis - корабль) — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно в зданиях типа базилики), ограниченное с одной или с обеих сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов. Капелла (от лат. capella уменьшительное от capra) — тип католического храма. На русский язык часто переводится словом «часовня».

Соломенный мост (итал. Ponte della Paglia) — один из мостов Венеции через Дворцовый Канал — Рио ди Палацио. Находится слева от Дворца Дожей. Название моста связано с причалом, к которому пришвартовывались баржи, привозившие солому для тюрем. С этого моста открывается волнующая картина мрачного Дворцового Канала с Мостом Вздохов, соединяющим Дворец Дожей со зданием XVI века Новых Тюрем.

Мост Вздохов (итал. Ponte dei Sospiri) — мост в Венеции через дворцовый канал. Был построен Антонио Конти в 1602 году и украшен в барочном стиле. Мост соединяет здание Дворца Дожей, в котором располагался зал суда, и здание тюрьмы. «Вздохи», от которых берет название этот мост — это не вздохи влюбленных, а печальные вздохи осужденных, которые проходя под стражей по этому мосту, в последний раз бросали взгляд на Венецию.

Codussi clock tower — часовая башня Святого марка. Построена итальянским архитектором Мауро Кадуччи (итал. Mauro Codussi).

Крылатый лев является символом евангелиста Святого Марка, а с XII века и символом Венецианской Республики. Лев, как правило, держит в передней лапе раскрытую книгу. Часто его изображают на голубом фоне с золотыми звездами.

Coin-lagger [and tosser] — тот кто попадает монетой в цель. Lag — задерживать, заклинивать. Отсюда мой вариант — заклинатель.

Gracious! - боже мой, господи, боже милостивый (выражает удивление, испуг).

Fathoms - фатом, фадом, морская сажень (английская единица длины; = 6 футам, или 182 см).

If 'twere done, 'twere well done quickly.

Macbeth: «If it were done when 'tis done, then 'twere well It were done quickly». Макбет: «О если б только был конец концом. Все кончить мы тогда могли бы разом». (В. Шекспир, «Макбет», акт I, сцена 7).

Capital — капитель. Венчающая часть колонны, столба или пилястры. Верхняя, орнаментированная часть колонны или пилястры, лежащая на фусте и служащая переходом от него к архитраву. Формы и орнаментация капителей различны в разных архитектурных стилях.

Площадь Сан-Марко (итал. Piazza San Marco), или площадь Святого Марка — главная площадь Венеции. В конце тринадцатого века площадь была вымощена кирпичом «в елочку».

Sacristy - ризница - помещение в церкви для хранения церковной утвари и облачения священнослужителей. Обычно находится внутри храма.

Hissing spiral. Hissing arc - шипящая (электрическая) дуга — электрический разряд в газе в виде яркосветящегося плазменного шнура.

Sixte line - в фехтовании шестая из восьми парирующих позиций.

Антей - в греческой мифологии великан, сын бога Посейдона и богини земли Геи. Царь Ливии. Антей заставлял всех чужемцев, вступивших на его землю, бороться с ним и тех, кого побеждал в борьбе — убивал. Он построил Посейдону храм из черепов им побежденных. В бою Антей был непобедим, пока соприкасался с матерью-землей. Геракл на пути к саду Гесперид встретил *Антея* и одолел его, оторвав от земли и задушив в воздухе.

Ударно-кремнёвый замок — устройство для воспламенения порохового заряда в огнестрельном оружии. Появился примерно в 1630 году, пришел на смену фитильному и колесцовому замкам, повсеместно использовался в течение двух столетий, до появления капсюльных систем и унитарных патронов. Воспламенение пороха в кремнёвом замке происходит от искры, производимой подпружиненным курком с зажатым в нем кусочком кремня. Кремень должен высечь искру, ударившись о рифленую стальную крышку пороховой полки (flashpan) и при этом приоткрыв ее. Искра воспламеняет затравочный порох, помещенный на полку, затем через запальное отверстие пламя достигает основного порохового заряда и происходит выстрел.

Крылатый лев, установленный на часовой башне Святого Марка.

Бистури, бистурей (фр. bitoury) — узкий хирургический нож с прямым или закругленным лезвием.

Хирургические зондирующие ножницы (англ. probe-scissors) — инструмент для исследования глубины или других обстоятельств раны. Могут быть использованы для обнаружения пули, камней в мочевом пузыре и т.п. Лезвия ножниц могут изгибаться на концах или иметь специальные утолщения, чтобы не повреждать ткани. Хирургические ножницы также используются для разъединения тканей путем разведения лезвий.

Drunkenness of Noah — Пьяный Ной. Дословно Пьянство Ноя.

Монмутшир - графство Англии.